

ПРАВОСЛАВНЫЙ
ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

МЕЖДУНАРОДНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
*«ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ
ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО»*
БЛАГОДАРИТ ПАО «ТРАНСНЕФТЬ»
И ЛИЧНО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА МОО «ИППО»
Н.П. ТОКАРЕВА
ЗА ПОМОЩЬ
В ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

МЕЖДУНАРОДНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО»

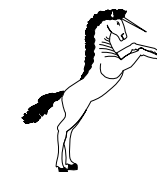
ПРАВОСЛАВНЫЙ ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
120

140-ЛЕТИЮ
ИМПЕРАТОРСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО
ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА
ПОСВЯЩАЕТСЯ

Здание центра ИППО в Москве

Издательство «ИНДРИК» 2022

140-ЛЕТИЮ
ИМПЕРАТОРСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА
ПОСВЯЩАЕТСЯ

ЮБИЛЕЙНЫЙ ВЫПУСК 120

Редакционная коллегия:

С.В. Степашин (председатель),
М.В. Бибилов (заместитель председателя), Р.Б. Бутова, К.А. Вах,
А.И. Долинин, С.Ю. Житенёв (ответственный редактор),
С.П. Карпов, О.А. Колобов, В.А. Ливцов,
митрополит Рязанский и Михайловский Марк (Головков),
А.В. Назаренко, М.Б. Пиотровский, М.В. Рождественская,
И.Ю. Смирнова

Тексты статей публикуются в авторской редакции

Православный Палестинский сборник. Юбилейный Выпуск 120.
140-летию Императорского Православного Палестинского Общества
посвящается. / Отв. ред. С.Ю. Житенёв. — М.: Индрик, 2022. —
416 с.

ISBN 978-5-91674-000-0

ISBN 978-5-91674-000-0

© Авторы статей, текст, 2022
© МОО «ИППО», 2022
© Издательство «Индрик»,
оформление, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

140-ЛЕТ СОЗДАНИЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА

Степашин С.В. Современная деятельность
Международной общественной организации
«Императорское Православное Палестинское Общество» 11

Житенёв С.Ю. «Энциклопедия Императорского Православного
Палестинского Общества: 1882–2022 гг.: к 140-летию ИППО» —
первый всеобъемлющий труд по истории Общества 21

РУССКОЕ ПРИСУТСТВИЕ В СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ И НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Алексеев А.И. Письмо графа Евфимия Путятина
Великому Князю Константину Николаевичу от 18/30 марта 1879 г. . . 31

Беляев Л.А., Вах К.А. Могила жены архитектора:
новые материалы об Эппингерах в России 41

Ванькин Е.В. Распределение доходов от Бессарабских имений
в интересах развития края и Православия на Востоке
(конец XIX в. — начало XX в.) 52

Вах К.А. Исследование Б.П. Мансуровым результатов раскопок
близь храма Гроба Господня в Иерусалиме в 1884–1885 гг.
Часть 1. Предыстория последнего путешествия 64

- Петрунина О.Е.* Лечить душу и тело: консул в Дамаске
Г.Д. Батюшков о христианских больницах города в 1906 г. 79

Из истории деятельности ИППО

- Бутова Р.Б.* Отношения Православного Палестинского Общества
и Русской Духовной Миссии в Иерусалиме
в конце XIX — первой трети XX вв. 91

- Герд Л.А.* Императорское Православное Палестинское Общество
в 1910–1920-е годы 103

- Цысь В.В., Цысь О.П.* Подготовка и выпуск изданий
для Палестинских чтений Императорским Православным
Палестинским Обществом в конце XIX — начале XX вв. 126

Из истории православного паломничества

- Балдин К.Е.* Звуки Святой Земли: акустическое пространство
Палестины на страницах русских паломнических мемуаров
XIX — начала XX вв. 147

- Житенёв С.Ю.* Паломнические путешествия
Императора Николая II Александровича
по Российской Империи 170

- Додонов Б.Ф., Копылова О.Н., Лукина К.А.*
Вторая поездка церковной делегации Московской Патриархии
во главе с Патриархом Алексием I на Ближний Восток
в ноябре-декабре 1960 г. 177

- Талалай М.Г.* Николай Второй и Бари 244

- Хвалин А.Ю.* В стране пирамид: посещение Египта Великим
Князем Сергием Александровичем, Великой Княгиней Елизаветой
Федоровной и Великим Князем Павлом Александровичем 250

- Шарков И.Г.* Паломничество донцов
на христианский Восток в конце XIX — начале XX вв.:
особенности и социокультурное значение для региона 259

- Якушев М.М.* Русские православные паломники
на Святой Земле (1792–1820 гг.) 281

Современные исследования, посвящённые положению на Ближнем Востоке

- Сарабьев А.В.* Повестка Палестины в ливанских делах 293

- Фомин О.И.* Возвращение ИППО на сирийскую землю
107 лет спустя 306

Статьи и сообщения

- Горайко А.В.* «Пламенный попечитель»:
к 240-летию со дня рождения известного пензенского
благотворителя А.Г. Киселева 315

- Кожин В.В.* Вечерние чтения в Ильинском,
или тени замка Фреденсборг 327

- Кондаков Ю.Е., Вах К.А.* Записка Мансурова Б.П.
о положении дела создания на Востоке
Русских Богоугодных заведений (1859) 338

- Мельчакова К.В.* Как православные славянки
Боснии и Герцеговины веру меняли. По материалам
донесений российских консулов 1850-х гг. 368

- Смирнова И.Ю.* Вопрос о подданстве русских монахов на Афоне
в контексте российско-британских отношений XIX в. 379

Рецензии

- Вах К.А., Житенёв С.Ю.* Рецензия на книгу Баранова С.И.,
иерей Иоанн Кудласевич, Севастьянова С.К., Смирнова И.Ю.
Федорова И.В., Черненилова Л.М. От Иерусалима
до Нового Иерусалима. К 200-летию со дня рождения
архимандрита Леониды (Кавелина).
Коллективная монография. Отв. ред. Л.А. Беляев 395

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Степашину Сергею Владимировичу исполнилось 70 лет 401

Богданову Михаилу Леонидовичу исполнилось 70 лет 405

ПАМЯТИ ПОЧИВШИХ

Памяти Назаренко Александра Васильевича (1948–2022),
руководителя Научной секции МОО «ИППО» 409

Авторы статей и публикаций 413

140 ЛЕТ
СОЗДАНИЯ
ИМПЕРАТОРСКОГО
ПРАВОСЛАВНОГО
ПАЛЕСТИНСКОГО
ОБЩЕСТВА

140-ЛЕТ СОЗДАНИЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА

С.В. Степашин,
Председатель ИППО

Современная деятельность
Международной общественной организации
«Императорское Православное Палестинское Общество»

Императорское Православное Палестинское Общество (ИППО) было создано державной волей Всероссийского Императора Александра III Александровича, который 8 мая 1882 г. утвердил его Устав. А уже 21 мая (3 июня по новому стилю) в Санкт-Петербурге состоялось торжественное собрание выдающихся деятелей Российской Империи, на котором было учреждено Общество. Учредительное собрание Общества было приурочено к празднованию святых равноапостольных царя Константина и матери его царицы Елены, которая воздвигла первые христианские храмы в Святой Земле и обрела Животворящий Крест Господень. Этот день с тех пор отмечается как день рождения Палестинского Общества. Первым Председателем Общества стал Великий Князь Сергей Александрович, после трагической гибели которого в 1905 г., Общество возглавила его августейшая супруга преподобномученица Великая Княгиня Елисавета Феодоровна.

Первоначально наша организация называлась «Православное Палестинское Общество». В 1889 г. Общество за большие успехи в своей деятельности получило почетное наименование «Императорское». До 1917 г. ИППО имело несколько десятков земельных участков на территории Святой Земли (Иерусалим, Назарет, Вифлеем, Бейт-Джала, Иерихон, Хайфа и пр.) общей площадью 23,5 га, на которых были построены подворья для приёма православных паломников из России. В 1916 г. попечением Великой Княгини Елизаветы Фёдоровны и усилиями членов ИППО был построен паломнический комплекс с храмом в г. Бари (Италия). Отделы Общества работали в 52 губерниях Российской Империи.

После 1917 г. из названия Общества исчезли такие слова как «Императорское» и «Православное». В советский период оно называлось Российское Палестинское Общество при АН СССР (РПО). Поскольку какие-либо связи с Палестиной надолго были прерваны, Общество было вынуждено ограничить себя исключительно научной деятельностью. Новый этап в деятельности РПО на рубеже 1980–1990-х гг. связан с восстановлением дипломатических отношений СССР с Государством Израиль и изменением традиционной для советского периода внешнеполитической концепции.

Через 110 лет со дня основания Общества — 25 мая 1992 г. Верховный Совет Российской Федерации принял постановление о восстановлении исторического наименования Императорского Православного Палестинского Общества и изменил его юридический статус, определив как международную организацию. Также Верховный Совет РФ рекомендовал Правительству России принять необходимые меры по возвращению ИППО его имущества и прав в России и за рубежом. Большое значение для укрепления авторитета Общества имела, восстановленная в начале 1990-е гг., связь с Русской Православной Церковью. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II принял Общество под своё непосредственное покровительство и возглавил Комитет почётных членов ИППО.

В 2003 г. Общество было зарегистрировано Минюстом Российской Федерации в качестве международной неправительственной российской общественной самоуправляемой организации и признано правопреемником исторического ИППО. В тот период начали возрождаться отделения ИППО в России и за рубежом, активизировалась научная и просветительская деятельность Общества. После общего собрания членов Общества 14 июня 2007 г., когда было избрано новое руководство МОО «ИППО», деятельность Общества стала носить более динамичный характер на различных направлениях в России и за рубежом.

Императорское Православное Палестинское Общество в настоящее время осуществляет свою деятельность при поддержке руководства Российской Федерации, активно взаимодействует с государственными и общественными организациями, учебными заведениями и академическими научными институтами страны. Программы и проекты ИППО поддерживает Русская Православная Церковь. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл возглавляет Комитет почетных членов ИППО. Общество работает в тесном контакте с Министерством иностранных дел России, отстаивая отечественные интересы в Святой Земле и других странах Библейского региона. На современном этапе целью Палестинского Общества стало полномасштабное восстановление его юридического и фактического присутствия в традиционном пространстве деятельности — в России и за рубежом. Основные цели Общества — сохранение культурного и исторического наследия, упрочение связей России со странами Ближнего Востока,

содействие православному паломничеству в Святую Землю, развитие научного востоковедения и гуманитарно-просветительского сотрудничества, были неизменны за всю его 140-летнюю историю и тесно связаны с традиционными духовными ценностями нашего народа и приоритетами российской внешней политики.

В структуру МОО «ИППО» входят 5 секций: Научная, Международная, Паломническая, Молодёжная и Культурно-просветительская, деятельность которых отражает основные программные направления работы Общества на современном этапе.

Научно-просветительская деятельность Общества за последние пять лет продолжало интенсивно развиваться при массовой поддержке многих учёных-членов МОО «ИППО». Продолжался ежегодный выпуск Православного Палестинского Сборника, старейшего научного периодического издания в нашей стране, 140-летие которого мы отметили в 2021 г. На протяжении нескольких лет проводился совместный научный конкурс ИППО-РФФИ на лучшие проекты фундаментальных научных исследований по теме «Россия и Ближний Восток: исторические, политические, археологические и культурные контакты и связи» («Палестина»). Научный конкурс «Палестина» успешно проходил в 2018–2022 гг., в нём приняли участие многие российские учёные, в том числе члены МОО «ИППО», занимающиеся исследованиями истории, культуры и политики ближневосточных стран, в том числе Палестины и Израиля, территория которых традиционно воспринимается в нашей стране как Святая Земля.

Научная секция МОО «ИППО» продолжила проводить конференции, круглые столы и семинары, в период пандемии они проходили в он-лайн режиме. 11 марта 2020 г. в Москве, в Центре ИППО состоялась Всероссийская научная конференция «Император Александр III — основатель Императорского Православного Палестинского Общества: к 175-летию со дня рождения Его Императорского Величества». Участниками конференции стали известные члены ИППО, учёные и специалисты, которые многие годы своей жизни посвятили изучению истории жизни и деятельности Императора Александра III. 22–23 октября 2020 г. при поддержке Государственного музея истории религии, Санкт-Петербургского отделения МОО «ИППО» и Научной секцией Общества была проведена Международная научная конференция «Палестиноведение в России и за рубежом», в которой приняли участие учёные-члены ИППО из Санкт-Петербурга, Москвы и других регионов России.

2017–2022 гг. были отмечены активной научно-издательской деятельностью ряда региональных отделений МОО «ИППО», среди них: Владимирское, Калужское, Костромское, Красноярское, Московское, Нижегородское, Пензенское, Тульское. Эти отделения выпустили книги по истории губернских отделов ИППО и современных отделений Общества, которые

уже сейчас стали библиографической редкостью. В 2017 г. был опубликован масштабный труд «История создания и деятельности Нижегородского отдела ИППО», автором которого стал архимандрит Тихон (Затёкин). В 2020 г. была опубликована «История Костромского отделения ИППО 1898–2020 гг. с именным указателем», авторами-составителями которого выступили протоиерей Д.И. Сазонов и П.П. Резепин. В 2021 г. Московское отделение МОО «ИППО» опубликовало второе и дополненное издание коллективной монографии «Императорское Православное Палестинское Общество в Москве», авторами которой выступили Н.Н. Лисовой, Р.Б. Бутова и С.Ю. Житенёв.

В 2020 г. был опубликован третий том «Россия в Святой Земле. Документы и материалы», который незадолго до своей кончины подготовил Н.Н. Лисовой вместе со своими сотрудниками. В начале 2022 г. была завершена большая работа группы учёных и специалистов Общества во главе с С.Ю. Житенёвым по созданию и изданию «Энциклопедии ИППО: 1882–2022 гг.», выпущенная к 140-летию ИППО, публикация которой была осуществлена Научно-издательским центром «Индрик».

Под патронажем Научной секции Общества в Центре ИППО в Москве в 2017–2022 гг. были созданы Научная библиотека и архив Общества, в которые поступили личные книжные собрания и документы Я.Н. Щапова, Н.Н. Лисового, О.Г. Пересыпкина, С.В. Степашина и многих деятелей МОО «ИППО». В этот период в Центре продолжил свою работу Музей ИППО, который пользуется большой популярностью у жителей Москвы и гостей столицы.

Члены МОО «ИППО», состоящие в секции Международного сотрудничества и культурного обмена, — активные участники пресс-конференций, семинаров, а также теле- и радио- программ, авторы статей в печатных СМИ. Они доносят до отечественной и зарубежной общественности правду о событиях в Сирии и вокруг нее, о роли России и её контингента вооруженных сил, а также российских дипломатов по восстановлению мира в этой стране, о нашей позиции по арабо-израильскому конфликту. В своих выступлениях и комментариях международники Московского отделения Общества указали на угрозы христианскому присутствию на Святой Земле, разоблачали преступления против человечности, рядящихся в исламские одежды международных террористов и их зарубежных покровителей. Международная деятельность МОО «ИППО» направлена на расширение культурного, духовного и информационного присутствия нашей организации и в целом России в общественном и информационном пространстве на Святой Земле, на укрепление геополитических позиций нашего государства в важнейшем для судеб мира во всем мире — Ближневосточном регионе.

Во многих региональных отделениях Общества на территории Российской Федерации работают паломнические секции, которые успешно организовывали в последние годы богомольные поездки членов ИППО к святым

местам России и Вселенского Православия. Святые места Православного Востока в течение многих веков занимают особое место в сердцах русских людей. Тысячелетняя традиция православного паломничества на Святую Землю стала частью национального самосознания нашего народа. В настоящее время Россия продолжает делать всё возможное, чтобы на Ближний Восток пришёл прочный мир, основанный на сосуществовании и взаимопонимании проживающих там народов. Этого требуют и интересы обеспечения беспрепятственного доступа российских паломников к святым местам в государствах Ближнего Востока и Северной Африки.

Серьёзная работа Общества по восстановлению российского присутствия в Святой Земле в предшествующие годы принесло важные плоды: России передано Сергиевское подворье в Иерусалиме, на участке ИППО в Иерихоне возведён Музейно-парковый комплекс, построен Культурно-деловой и образовательный комплекс в Вифлееме. На базе этих объектов развиваются научные, просветительские, благотворительные и общественные программы Общества. Общество имеет 30 зарубежных представительств и отделений, в том числе в Иерусалиме, Назарете, Галилее, Вифлееме, Дамаске, Одессе, Варне, Ларнаке, Белграде, Штутгарте и Лондоне.

В России успешно действует 58 региональных российских отделений, в их числе Московское отделение Общества, самое крупное из них, в котором находятся более тысячи человек. Всего в составе МОО «ИППО» на учёте состоят более трёх тысяч членов. Во многих региональных отделениях развиваются научно-просветительские, паломнические, молодёжные и благотворительные программы.

Гуманитарная деятельность Общества продолжает традиции милосердия и благотворительности, связанные со светлыми образами Великого Князя Сергия Александровича и Великой Княгини Елизаветы Фёдоровны. ИППО уже не первый год успешно ведёт работу по организации благотворительной деятельности в Российской Федерации, странах Ближнего Востока. Общество на протяжении многих лет осуществляло сбор и поставку гуманитарной помощи в Сирию и Палестину.

В июле 2017 г. было торжественно открыто Сергиевское подворье в Иерусалиме, после ремонта и реставрации. Для управления подворьем была создана дирекция ИППО в Государстве Израиль. Благодаря повседневной и неустанной работе дирекции на подворье ведётся активная международная, культурная и просветительская деятельность.

В 2018 г. всё цивилизованное человечество вспоминало скорбную дату — 100-летие со дня гибели Царственных страстотерпцев и алапаевских мучеников, среди которых были представители Российского Императорского Дома. Решением Совета МОО «ИППО» 2018 г. был объявлен Годом преподобномученицы Великой Княгини Елизаветы Фёдоровны. В России и за рубежом члены Общества провели многочисленные памятные

мероприятия, посвящённые жизни и подвигу Елизаветы Фёдоровны. Были проведены большое количество конференций, семинаров, собраний православной общественности, выставок, посвящённых памяти Великой Княгини, Великой благотворительницы, Великой паломницы, Великому Председателю нашего Общества.

В Орле, 25–26 мая 2018 г., состоялся Десятый Всероссийский семинар руководителей региональных отделений ИППО, посвящённый 100-летию мученической гибели императорской семьи Романовых и трагической кончины преподобномученицы Великой Княгини Елизаветы Фёдоровны, Председателя ИППО. В работе Семинара приняли участие 28 руководителей региональных отделений и одного зарубежного отделения Общества. Участники семинара:

- совершили паломничество к святым местам Орловской области;
- провели содержательную рабочую часть семинара, во время которой состоялись содержательная дискуссия и обмен опытом работы;
- приняли участие в областном торжественном собрании, посвящённом 100-летию мученической гибели императорской семьи Романовых и трагической кончины преподобномученицы Великой Княгини Елизаветы Фёдоровны;
- посетили бывшее имение великокняжеской четы Сергея Александровича и Елизаветы Фёдоровны в селе Долбёнкино Дмитровского района Орловской Области, приобретённое ими в 1897 г.

Решением Совета Общества 2019 г. был объявлен Годом 200-летия дипломатической поддержки русского присутствия на Ближнем Востоке. В мае 2019 г. в Иерусалиме прошёл Международный семинар руководителей региональных и зарубежных отделений и представительств ИППО, посвящённый 200-летию дипломатической поддержки русского присутствия на Ближнем Востоке. В октябре 2019 г. в Санкт-Петербурге, в Государственном Эрмитаже, прошла Всероссийская научная конференция ИППО с международным участием «200 лет дипломатической поддержки русского присутствия на Ближнем Востоке: история создания и деятельности Азиатского департамента МИД Российской Империи».

В январе 2019 г. в Иорданском Хашимитском Королевстве в присутствии делегации МОО «ИППО» было торжественно открыто Иорданское зарубежное отделение нашего Общества, появление на свет которого предшествовала длительная и большая работа Международной секции МОО «ИППО». Активно развивалось двустороннее сотрудничество с Государством Палестины и Палестинским отделением Общества, плодами которого стали: Международная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы сотрудничества России и Палестины, развитие религиозного туризма и паломничества на современном этапе», которая прошла в Москве июне 2019 г., а также успешные визиты в Палестину паломников-членов ИППО.

В феврале 2020 г. Общество широко отметило трагическую дату — 115-летие со дня мученической кончины первого Председателя ИППО, Великого Князя Сергея Александровича, которая произошла 17 февраля 1905 г. Совет МОО «ИППО» в декабре 2019 г. принял решение о том, что 2020 г. для нашего Общества станет Годом памяти Великого Князя Сергея Александровича. 17 февраля 2020 г. по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла члены МОО «ИППО» почтили память Великого Князя Сергея Александровича за Божественной Литургией в Архангельском соборе Московского Кремля. В тот же день на место гибели Великого Князя Сергея Александровича в Московском Кремле, где не так давно был вновь воссоздан памятный Крест, были возложены цветы. В тот же день впервые на Красной площади в Москве состоялся детский турнир по русскому хоккею, посвящённый памяти Великого Князя Сергея Александровича.

Во второй половине дня была совершена заупокойная лития у могилы Великого Князя Сергея Александровича в Московском Новоспасском ставропигиальном мужском монастыре и возложены цветы. У могилы первого Председателя ИППО молился митрополит Воскресенский Дионисий, управляющий делами Московской Патриархии, иноки Новоспасской обители, руководители и члены Общества. После этого в Московском Новоспасском монастыре при большом стечении членов МОО «ИППО» прошли Первые Всероссийские Сергиевские чтения, посвящённые Великому Князю Сергию Александровичу по теме: «Истоки современного международного терроризма и трагические уроки России: к 115-летию мученической гибели Великого Князя Сергея Александровича». На чтениях выступили известные ученые и специалисты, многие из которых ни один год своей жизни посвятили изучению архивных документов, дневников и писем Великого Князя Сергея Александровича. Широкой публике были представлены неизвестные до настоящего времени материалы и исторические документы, освещены малоизвестные страницы истории.

Памятные мероприятия: собрания, семинары и выставки, посвящённые 115-летию трагической гибели Великого Князя Сергея Александровича, проведены практически во всех региональных и зарубежных отделениях и представительствах МОО «ИППО». Санкт-Петербургское отделение Общества 20 марта 2020 г. в Государственном Эрмитаже открыло уникальную выставку «В память Великого Князя Сергея Александровича. Предметы из коллекции, поднесённой Эрмитажу». В экспозиции, посвящённой 115-й годовщине памяти первого Председателя ИППО, было представлено более двадцати предметов декоративно-прикладного искусства из личной коллекции Великого Князя Сергея Александровича. Вместе с другими раритетами они были подарены Эрмитажу Великой Княгиней Елизаветой Фёдоровной в 1910 г., однако единым тематическим комплексом были выставлены впервые.

Это работы русских, английских, французских и швейцарских мастеров высочайшего художественного уровня. Презентацию выставки провёл директор Государственного Эрмитажа, председатель Санкт-Петербургского отделения МОО «ИППО», академик М.Б. Пиотровский.

17 сентября 2020 г. были проведены памятные мероприятия, посвящённые 25-летию обретения и торжественного перенесения в Московский Новоспасский ставропигиальный мужской монастырь честных останков Великого Князя Сергея Александровича, первого Председателя ИППО. У могилы Великого Князя Сергея Александровича стоял почётный караул Преображенского полка. Руководство ИППО и члены Общества, участники памятного мероприятия, собрались в Романовской крипте, где митрополит Воскресенский Дионисий, управляющий делами Московской Патриархии, наместник Новоспасской обители, в сослужении насельников монастыря совершил панихиду по Великому Князю Сергию Александровичу. После завершения панихиды состоялось заседание Научной секции Общества, посвящённое 25-летию обретения и торжественного перенесения честных останков Великого Князя Сергея Александровича.

В 2020 г. в нашем Обществе прошли памятные мероприятия, посвящённые 175-летию со дня рождения Всероссийского Императора Александра III, основателя ИППО. 11 марта 2020 г. в Москве, в Центре ИППО состоялась научная конференция «Император Александр III — основатель Императорского Православного Палестинского Общества: к 175-летию со дня рождения Его Императорского Величества». Участниками мероприятия стали известные учёные и специалисты, которые многие годы своей жизни посвятили изучению истории жизни и деятельности Императора Александра III. 12 марта 2020 г. в Московском Новоспасском ставропигиальном мужском монастыре при большом стечении членов МОО «ИППО» была совершена заупокойная лития по Императору Александру III Миротворцу в связи с исполнившимся 10 марта 175-летием со дня его рождения.

В 2020 г. многие региональные и зарубежные отделения и представительства провели яркие и интересные мероприятия, посвящённые 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. 18 мая 2020 г. Нижегородским отделением МОО «ИППО» при поддержке Научной секции Общества была проведена Международная онлайн-конференция «Духовные основания Великой Победы: роль Русской Православной Церкви в разгроме немецко-фашистских захватчиков (1941–1945 гг.)». В пятнадцати докладах конференции были проанализированы причины, сущность и феномен термина «война», духовное значение страданий народов, последствия войн для истории России; представлены архивные материалы о деятельности Нижегородской епархии в военные годы, факты, связанные с почитанием святого благоверного Великого Князя Александра Невского, паломничестве Патриарха Алексия I на Святую Землю в мае-июне 1945 г. На Конференции выступили

учёные, церковные и общественные деятели: Нижнего Новгорода, Москвы, Московской области, Республики Сербской, Приднестровья.

2020–2021 гг. останутся в истории периодом всемирной пандемии коронавируса COVID-19, во время которого погибли сотни тысяч людей во всём мире. Мы потеряли по причине заболевания коронавирусом немало членов Общества, близких друзей и соратников. В трудные месяцы карантина Московское, Иркутское, Московское областное, Екатеринбургское, Ростовское, Татарстанское, Тверское и другие региональные отделения МОО «ИППО» организовали помощь ветеранам Общества. Пример в этой работе показал протоиерей Александр Ткаченко, член МОО «ИППО», директор первого Детского хосписа, член Общественной палаты РФ, член Совета по материнству и детству при Президенте РФ, лауреат Государственной премии России.

Молодёжная секция МОО «ИППО» реализует, как свои проекты, так и активно принимает участие, в качестве соорганизаторов и партнёров в ряде культурно-просветительских, образовательных и благотворительных мероприятий в России и за рубежом. Особо следует отметить два актуальных просветительских проекта Молодёжной секции, объединённых единым названием «Русская Палестина»:

- первый, это цикл подкастов «Русская Палестина: понятно о сложном». В формате получасовых интервью руководитель Молодёжной секции беседует с интересными людьми об истории Общества, о палестинском регионе, о православии и других смежных актуальных и важных для современной молодёжи темах. На разных платформах опубликованные выпуски послушало уже более трёх тысяч человек;

- второй проект, образовательный семинар для юных дипломатов «Русская Палестина», который реализуется с 2019 г., в партнёрстве с Ассоциацией российских дипломатов МИД РФ. Семинары были проведены на территории Израиля и Палестины, а завершающие мероприятия прошли в Центре ИППО в Москве.

С февраля 2022 г. Научная секция МОО «ИППО» совместно с Молодёжной секцией и Московским отделением Общества начали проводить постоянный лекторий по истории ИППО для будущих членов лекторской группы.

22 февраля 2022 г. была создана Рабочая группа МОО «ИППО» по оказанию гуманитарной помощи жителям Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики. Тогда же было принято Обращение Совета Общества: «в настоящее время киевский режим при содействии коллективного Запада продолжает агрессивные действия на юго-востоке Украины, гибнут мирные люди, уничтожаются мирные города и селения, десятки тысяч детей, стариков и женщин вынуждены покинуть родные дома и эвакуироваться в Российскую Федерацию. Беженцами стали русские,

украинцы и представители других народов, многие из которых наши с Вами соотечественники, которые в трудную минуту обратились к России за помощью. Совет МОО «ИППО» обращается к региональным и местным отделениям Общества с призывом оказать всю возможную гуманитарную помощь беженцам из ДНР и ЛНР, которые прибывают в Ваши регионы!»

Большинство региональных отделений Общества по всей стране откликнулись на Обращение Совета Общества. 4 марта 2022 г. в Ростов-на-Дону была доставлена первая партия помощи в рамках православной гуманитарной миссии «Беженцам Донбасса». Миссия организована МОО «ИППО», Главным храмом Вооруженных Сил России и Центром культурного сотрудничества им. свт. Спиридона Тримифунтского. 26 марта 2022 г. в рамках Православной гуманитарной миссии, организованной при участии ИППО, в Ростовскую область была отправлена очередная партия адресной гуманитарной помощи, а вслед за ней — следующая, которая доставила гуманитарную помощь объемом более 3 тонн. Гуманитарная помощь вынужденным переселенцам и пострадавшим мирным жителям Донбасса и Украины была организована по благословению Председателя Комитета Почётных членов ИППО Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла.

Хочу выразить сердечную благодарность председателям и активу региональных и зарубежных отделений и представительств нашего Общества за большую работу, проделанную в 2017–2022 гг. и выразить уверенность в том, что великие уставные цели и задачи, заложенные отцами-основателями ИППО, мы продолжим все вместе выполнять ради процветания нашей великой Родины и сохранения святынь Вселенского Православия!

«Энциклопедия Императорского Православного Палестинского Общества: 1882–2022 гг.: к 140-летию ИППО» — ПЕРВЫЙ ВСЕОБЪЕМЛЮЩИЙ ТРУД по истории Общества

С.Ю. Житенёв

«Энциклопедия Императорского Православного Палестинского Общества: 1882–2020 гг.» (далее Энциклопедия) представляет собой первый опыт составления научного информационно-справочного собрания статей и определений терминов по профессиональной проблематике православного востоковедения и истории ИППО. Замысел Энциклопедии появился на основании предложения Председателя ИППО С.В. Степашина о создании всеобъемлющего издания по истории Общества, которое он высказал в конце 2018 г. Это предложение совпало с идеей создания максимально полного исторического энциклопедического издания о деятельности ИППО, которую мы обсуждали с Н.Н. Лисовым незадолго до его ухода из жизни. После смерти Николая Николаевича, нашего незабвенного друга и соратника, стало ясно, что создание Энциклопедии должно быть осуществлено по возможности оперативно, чтобы исполнить его последнюю волю. Объективная необходимость в создании широкого всеобъемлющего энциклопедического издания о деятельности ИППО в XIX–XX–XXI веках, которую почувствовали С.В. Степашин и Н.Н. Лисовой, отразила общественную потребность в собрании и публикации известного исторического наследия Общества.

Энциклопедия, безусловно, возникла не на пустом месте, исследования истории ИППО в том или ином контексте велись до 1917 г., в усечённом виде они продолжались в советский период, и ведутся уже свободно и с разной степенью интенсивности, начиная с 1992 г., российскими и зарубежными учёными, среди которых немало членов нашего Общества.

Дореволюционные учёные, работавшие над историей ИППО: Н.М. Аничков, И.Ф. Бердников, Д.Ф. Богданов, Ф.К. Греков (Палеолог), архиепископ

Димитрий (Самбикин), А.А. Дмитриевский, В.С. Ильинский, П.К. Коковцев, А.М. Курочкин, В.А. Латышев, епископ Макарий (Невский), Н.Я. Марр, П.И. Ряжский, Д. Семёнов, Д.Д. Смышляев, И.И. Соколов, М.П. Соловьёв, Б.А. Тураев, В.Н. Хитрово, В.Д. Юшманов и многие другие.

Советские и российские учёные, внёсшие вклад в исследования истории ИППО, написавшие работы и опубликовавшие документы Общества: Г.В. Аксенова, М.В. Бибииков, А.Н. Боханов, Р.Б. Бутова, К.А. Вах, Ю.Г. Галай, Л.А. Гердт, Д.Б. Гришин, А.Г. Грушевой, С.Ю. Житенёв, О.Г. Зими́на, О.А. Колобов, С.А. Колобова, А.А. Корнилов, М.С. Крутова, И.К. Кучмаева, В.А. Ливцов, Н.Н. Лисовой, протоиерей Алексей Марченко, Е.Н. Мещерская, В.П. Микитюк, М.Ю. Нечаева, А.Н. Панин, К.А. Панченко, О.А. Перенижко, Н.В. Пигулевская, О.Г. Пересыпкин, Г.З. Пумпян, В.А. Савушкин, священник Димитрий Сафонов, Д.М. Софьин, М.А. Старокадомский, С.Ю. Степанов, С.В. Степашин, М.Г. Талалай, архимандрит Тихон (Затёкин), Ф.И. Успенский, В.В. Цысь, Е.А. Шушканова, Я.Н. Щапов, К.Н. Юзбашян, М.И. Якушев, Б.Ф. Ямилинец, А.М. Яций и другие.

Энциклопедия является сложным научным, информационным и технологическим проектом, в котором собраны и систематизированы многочисленные и разнородные исторические и современные сведения о деятельности Общества и его членов. Учитывая многообразие программ, проектов и направлений деятельности Общества, авторы статей стремились компактно и в то же время максимально широко показать все грани жизни и творчества членов ИППО, связанные с их профессиональной, общественной и частной жизнью. Статьи и определения располагаются в алфавитном порядке с указанием на соответствующие тематические материалы, представленные в Энциклопедии. Таким образом, издание представляет собой своеобразную систему циркуляции информации с обратной связью. Многие статьи сопровождаются фотографиями членов Общества за весь период его существования.

Энциклопедия содержит 1467 статей и определений терминов, представляющих историю Общества за 140 лет его существования и во всём многообразии его деятельности. При этом авторы использовали давно принятую периодизацию истории ИППО:

императорский период — 1882–1917 гг.,

советский период — 1918–1991 гг.,

современный период — 1992–2022 гг.

Этой периодизации соответствуют названия Общества, употребляемые в Энциклопедии: ППО и ИППО — императорскому периоду, ППО и РПО при АН СССР — советскому периоду, МОО «ИППО» — современному периоду. ППО — Православное Палестинское Общество, название Общества при его создании в 1882 г., в 1889 г. Обществу было присвоено почётное наименование «Императорское», поэтому оно называлось

Императорское Православное Палестинское Общество, аббревиатура его до конца императорского периода была ИППО. В 1917–1918 гг. Общество вновь вернуло себе начальное наименование — Православное Палестинское Общество и, соответственно, сокращённо писалось ППО. После регистрации в 1918 г. Общество стало называться РПО, а позже, став частью Академии наук, стало называться Российское Палестинское общество при АН СССР (сокращённо РПО при АН СССР). 25 мая 1992 г. Президиум Верховного Совета РФ вернул Обществу историческое наименование, но изменил его статус, определив как международную организацию, таким образом, полное название стало следующим — Международная общественная организация «Императорское Православное Палестинское Общество», сокращённо МОО «ИППО», что было позже закреплено в Уставе Общества.

Статьи, представленные в Энциклопедии, можно условно разделить на 6 разделов:

— биобиблиографические статьи, в которых раскрываются биографии деятелей, благотворителей и известных членов ИППО — как ушедших из жизни, так и ныне живущих;

— статьи, представляющие наиболее важные документы Общества;

— исторические статьи о работе ИППО, его отделов и отделений в различные периоды его деятельности;

— статьи о собственности Общества, которая принадлежала ему на разных этапах деятельности;

— статьи об основных направлениях деятельности Общества: паломнической, научной, просветительской, международной, образовательной, благотворительной и медицинской;

— определение терминов, связанных с деятельностью Общества за всю историю его существования.

Хронология представленных в Энциклопедии исторических событий и деятельности ИППО ограничивается годами его деятельности — 1882–2022 гг., что нашло своё отражение в названии. События и даты жизни членов Общества указываются в Энциклопедии как по старому, юлианскому календарю, так и по новому, григорианскому календарю. События, которые произошли до 1917 г. включительно, приводятся по юлианскому календарю. События, которые произошли, начиная с февраля 1918 г., указываются по григорианскому календарю, принятому на основании решения советского правительства от 01 февраля 1918 г. Разница между юлианским и григорианским календарями в XX–XXI вв. составляет 13 дней. Место рождения и смерти, населённые пункты и географические названия указываются в той форме и в том названии, в каких они существовали в описываемый период — в Российской Империи, Советском Союзе или Российской Федерации.

Необходимо иметь в виду, что в работе над Энциклопедией приняли участие десятки учёных, специалистов и сотрудников Общества из многих отделений и представительств МОО «ИППО» в России и за рубежом, которые прислали разнообразные материалы по истории своих отделений и деятелях Общества. Общее число авторов статей составило 123 человек, среди которых учёные, специалисты и деятели Общества. К великому сожалению, некоторые из авторов статей за время работы над Энциклопедией покинули нас из-за заболевания коронавирусом. Высокая оперативность и качество предоставляемых материалов связаны с тем, что в ряде отделений МОО «ИППО» уже давно ведётся работа по изучению истории деятельности членов Общества в регионах, где они проживают. Некоторые отделения издали историю деятельности дореволюционных отделов ИППО и современных отделений МОО «ИППО» на территории их регионов, а также соседних областей, с которыми они были исторически и географически связаны.

Отдельную большую благодарность хочу выразить Председателю ИППО С.В. Степашину за то, что он находил время в своём плотном графике для консультаций и предложений, которые он вносил во время работы над Энциклопедией. От всей души благодарю всех авторов статей и материалов, которые бескорыстно откликнулись на призыв Научной секции Общества и приняли участие в работе по составлению Энциклопедии. Список авторов представлен в конце Энциклопедии. Во время работы над Энциклопедией мне приходилось обращаться за консультациями и помощью по некоторым научным и методическим вопросам к руководителям и членам Научной секции МОО «ИППО»: М.В. Бибикову, А.В. Назаренко, Г.В. Аксеновой, Р.Б. Бутовой, К.А. Ваху, Д.Б. Гришину, игумену Серафиму (Кравченко), В.А. Ливцову, протоиерею Алексию Марченко, А.В. Сарабьеву, священнику Димитрию Сафонову, А.П. Соловьёву, Н.А. Федотовой. Отдельная огромная благодарность директору Научно-издательского центра «Индрик» К.А. Ваху и его дружному и профессиональному коллективу.

Издание рассчитано для членов МОО «ИППО», а также адресовано учёным, специалистам и самым широким кругам общественности, преподавателям и студентам. Мы уверены, что настанет время, когда историю нашего Общества будут изучать в учебных заведениях как первый и самый успешный российский зарубежный гуманитарный проект. Энциклопедия предназначается, прежде всего, тем, кто имеет достаточную внутреннюю мотивацию и реальную потребность в изучении истории становления, развития и современной деятельности Общества. Научное сообщество МОО «ИППО» надеется на то, что Энциклопедия станет незаменимым помощником для учёных, специалистов и членов Общества в их практической деятельности, и с благодарностью воспримет любые предложения и замечания по содержанию представленного издания.

Как известно, невозможно достичь абсолютно полного познания исторического процесса во всей его полноте, также и в изучении конкретного явления, тем более такого крупного и многостороннего, каким является история деятельности ИППО. Однако историки нашего Общества ставят перед собой задачи максимально полно представить деятельность ИППО на всех этапах его деятельности. Поэтому Энциклопедия является развивающимся проектом, потому что после её выхода в свет Научная секция Общества предполагает продолжить работу над её развитием, а также осуществить выпуск её полной версии на электронных носителях с последующими изменениями и дополнениями, по мере их появления.

Энциклопедия вышла накануне 140-летнего юбилея нашей Международной общественной организации «Императорского Православного Палестинского Общества» и посвящена этому славному юбилею.

РУССКОЕ ПРИСУТСТВИЕ
В СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ И
НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

**ПИСЬМО ГРАФА ЕВФИМИЯ ПУТЯТИНА
ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ КОНСТАНТИНУ
НИКОЛАЕВИЧУ
ОТ 18/30 МАРТА 1879 Г.***

А.И. Алексеев

История Русской Духовной Миссии в Иерусалиме в последние годы получила достойное освещение в ряде работ¹. Конфигурацию русского присутствия в Святой Земле после окончания Крымской войны последовательно оформили три события: в 1856 г. было организовано Русское общество пароходства и торговли (РОПИТ), создавшее для паломников возможность пользоваться регулярными рейсами из Одессы в Яффу, в 1857 г. возобновилась деятельность Русской Духовной Миссии, а в 1858 г. открылось Русское консульство в Иерусалиме². Отношения между этими представительствами России в Святой Земле пережили несколько кризисных ситуаций. В глазах деятелей «Иерусалимского проекта» Русской Духовной Миссии отводилась второстепенная и несамостоятельная роль. Все попытки главы Миссии распространить свое влияние за пределы вопросов богослужения, воспринимались враждебно, и отпор таким попыткам эффективно организовывался посредством связей с высшей бюрократией в Санкт-Петербурге. Находившийся в подчинении Министерства иностранных дел Российской Империи иерусалимский консул существенную часть жалованья получал от РОПИТ. Большой резонанс получили конфликтные ситуации произошедшие в период Второй и Третьей миссий в Иерусалиме: при епископе Кирилле (Наумове) в 1857–1862 гг. и архимандрите Леониде (Кавелине) в 1864–1865 гг.³

Одна из наиболее острых ситуаций, угрожавшая существованию самой Миссии имела место в 1879 г., когда русский консул в Иерусалиме Н.А. Илларионов составил проект преобразования Русской Духовной Миссии. Согласно этому проекту Миссия фактически упразднялась, а вместо нее вводилась

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-41009.

должность настоятеля Русской храма в Иерусалиме⁴. Проект Илларионова в целом получил одобрение в Палестинской комиссии, рассмотревшей его в январе 1879 г.⁵ Св. Синод в лице обер-прокурора графа Д.А. Толстого не готов был отстаивать существование Русской Духовной Миссии⁶. С энергичными протестами против ликвидации миссии выступил ее глава архимандрит Антонин (Капустин)⁷. Отстаивали необходимость существования миссии В.Н. Хитрово⁸ и К.П. Победоносцев⁹. Очень важную роль в борьбе за сохранение Русской Духовной Миссии сыграл находившийся в отставке адмирал, член Государственного совета граф Е.В. Путятин.

Граф Евфимий Васильевич Путятин составил себе репутацию блестяще образованного морского офицера, сделавшего успешную карьеру на флоте и добившегося выдающихся успехов на дипломатическом поприще¹⁰. Именно ему Россия была обязана заключением Симодского трактата с Японией, положившему начало русско-японским отношениям¹¹. Опыт административной деятельности графа Е.В. Путятин оказался не столь удачным — после пяти месяцев пребывания во главе Министерства народного просвещения, он был вынужден оставить свой пост под влиянием студенческих волнений. С июня 1861 г. граф В.Е. Путятин был назначен членом Государственного совета, но фактически находился в почетной отставке.

Графа Е.В. Путятин отличала глубокая и искренняя религиозность. По свидетельству писателя И.А. Гончарова Е.В. Путятин, будучи приверженцем английской аристократической культуры, одновременно отличался глубокой религиозностью и любовью к православной духовной литературе¹². Во время пребывания в Японии Е.В. Путятин основывал главные надежды на укрепление и рост российского влияния в этой стране с успехом духовной миссии: «Первым делом нашего высшего духовенства должно быть образование миссионерских училищ, в которых с малолетства следует вселять и обращать в первую потребность эту высшую степень христианской любви»¹³. Он указывал на пример действий католиков и протестантов, активно занимающихся прозелетической деятельностью, и сетовал на пассивность русских светских и духовных властей, а также отмечал общее равнодушие образованного общества к религиозным делам¹⁴. В бытность министром, он даже предполагал передать начальную школу в ведение духовенства. По мнению современного исследователя Е.В. Путятин призывал к кругу людей, которые горячо проповедовали Православие и объединялись вокруг Великого Князя Сергея Александровича и Обер-Прокурора К.П. Победоносцева¹⁵.

В фонде А.В. Головина в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки хранится документ, который предельно кратко и ёмко выражает видение графом Е.В. Путятиным религиозной ситуации в Палестине в начале последней четверти XIX столетия¹⁶. Письмо адресовано Великому Князю Константину Николаевичу, под патронатом которого действовал

Палестинский комитет. Именно посещение Иерусалима Великим Князем Константином Николаевичем в 1859 г. стало решающим шагом на пути создания Русской Палестины. В настоящее время роль, которую Великий Князь Константин сыграл в проекте Русской Палестины, вполне выяснена¹⁷.

Как следует из публикуемого письма, впервые Е.В. Путятин посетил Палестину и Иерусалим в 1850 г. Обстоятельства этой поездки нуждаются в изучении. Причины и обстоятельства второго посещения Иерусалима вполне разъяснены в письме. Граф Е.В. Путятин сопровождал свою старшую дочь Ольгу, страдающую от грудной болезни, в Италию, но резкое похолодание заставило их перебраться в Каир. Проведя зиму в Каире, граф Е.В. Путятин решил посетить Иерусалим на Пасху и осуществил свое намерение в марте 1879 г. Осмотрев город и ознакомившись с положением Русской Духовной Миссии, граф Е.В. Путятин убедился в успехах католических и протестантских миссий, которые развернули масштабную работу по обращению местного населения. Познакомившись с архимандритом Антонином (Капустиным) узнал и о планах по ликвидации Русской духовной миссии с передачей ее функций генеральному консульству. Давнее убеждение Е.В. Путятин в необходимости активной прозелетической деятельности со стороны Православной церкви, высказанное им в период пребывания в Японии, получило новое подтверждение на Святой Земле.

Предупредительное и уважительное поведение архимандрита Антонина в отношении старого адмирала, которого он лично сопровождал при посещении святых мест, предопределило симпатии графа Е.В. Путятин в отношении главы РДМ. Напротив, консул Н.А. Илларионов, введенный в заблуждение обликом старого паломника, прибывшего в Иерусалим без мундира и орденов, продемонстрировал графу Е.В. Путятину крайнюю степень неуважения¹⁸. Старый дипломат, обладавший немалыми связями при дворе и в правительственных кругах, сделался ревностным защитником Русской Духовной Миссии и лично архимандрита Антонина (Капустина).

Руководствуясь искренним религиозным чувством, граф обратился с письмом к Великому Князю Константину Николаевичу, которого знал по годам службы в Морском ведомстве. Великий Князь Константин Николаевич переслал письмо графа Е.В. Путятин к Министру иностранных дел Н.К. Гирсу¹⁹. Фактически он самоустранился от решения вопроса о судьбе Русской Духовной Миссии, возложив его на враждебно настроенное по отношению к РДМ Министерство иностранных дел. Как явствует из памятной записки по вопросу упразднения духовной миссии в Иерусалиме, этот проект удостоился одобрения 13 марта 1879 г.²⁰ Св. Синод выражал согласие на преобразование Духовной Миссии в настоятельство при консульстве в Иерусалиме, ставя условием сохранение штатного расписания и пытаясь возложить часть финансирования на бюджет

Министерства²¹. Но, казалось бы, окончательно принятое решение было отложено, а затем и пересмотрено. И в большой степени сохранение Русской Духовной Миссии в Иерусалиме следует считать заслугой графа Е.В. Путятина.

В.Н. Хитрово в письме архимандриту Леониду (Кавелину) писал о роли графа Е.В. Путятина в борьбе за сохранение Русской Духовной Миссии в Иерусалиме: «Дело в том, что в Иерусалиме был он в самый разгар пререканий между консулом и начальником нашей духовной миссии, видел его безотрадное положение и приехал в Питер отстаивать и миссию, и еще более архимандрита Антонина, и оказался больше роялистом, чем сам король»²². Убедившись, что Великий Князь Константин Николаевич не сочувствует идее сохранения Русской Духовной миссии в Иерусалиме, граф Е.В. Путятин попытался заручиться содействием Императрицы Марии Александровны²³, а затем наследника престола Цесаревича Александра Александровича. В конечном итоге его усилия завершились организацией Православного Палестинского Общества под руководством Великого Князя Сергея Александровича²⁴. Граф Е.В. Путятин вместе со своим сыном Евгением и дочерью Ольгой стал членом-учредителем будущего Палестинского Общества. На первом же учредительном собрании Общества 22 мая 1882 года он был избран его почетным членом.

Публикуемое письмо является первой реакцией графа Е.В. Путятина на попытку упразднения Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Нельзя не отметить точно расставленные оценки религиозной ситуации в Палестине, где активно развернулась прозелитическая деятельность католиков и протестантов, угнетенное положение арабов-христиан, враждебность греков по отношению к Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Надо полагать, что в этих оценках отразились взгляды прекрасно знающего палестинские реалии архимандрита Антонина (Капустина).

РНБ. Ф. 208. Головнин А.В. оп.1 ед.хр. 321. 5 л.
Путятин Евфимий граф.

Письмо его к Великому Князю Константину Николаевичу.

Иерусалим

Воскресенье 18го/30 марта, 1879 г.

Милостивейший Государь
Великий Князь
Константин Николаевич

Возвратясь сегодня от Гроба Господня, после Патриаршего с Синодом и всем духовенством служения, я принимаю смелость известить Ваше Императорское Высочество, что служение происходило об упокоении души усопшего в Бозе Государя Великого Князя Вячеслава Константиновича²⁵. Патриарх²⁶ совершил Литургию в главном Храме Воскресенья, а панихида отправлена у Гроба Господня: все пространство храма занято было поклонниками, преимущественно Православными и Русскими. Сердцу Вашего Высочества будет утешительно знать, что и вдали от России возносятся теплые молитвы о усопшем и об умалении скорби Родителей, при безвременной постигшей Их потере. Я тем более могу судить о тяжести невольного прискорбия Родителей, что сам не так давно был поставлен в подобное положение неизследываемыми судьбами Божиими, всегда направляемыми ко благу верующих в Его спасительный Промysl.

Отправляясь из России для проведения зимы в теплом климате, по случаю грудной болезни старшей моей дочери²⁷, и прибыв в Венецию, при внезапно наступившем холоде и последовавшей у нее простуде, по совету медиков, я решился отправиться в Каир, где мы провели почти всю зиму. Находясь на расстоянии от Святых Мест с небольшим двух суток, я вознамерился вторично посетить Палестину, спустя 29 лет со времени первой моей туда поездки, [1] и встретить еще раз наступающий день Светлого Воскресения на месте самого Его события. После двух-трех десятков лет отсутствия, находишь Святой Град неузнаваемо изменившимся к лучшему. За стенами его вырос новый город, Европейски обстроенный с широкими улицами, садами, площадями, благодаря первоначальному примеру устройства нашей духовной Миссии, воздвигнутой неусыпными стараниями Вашего Высочества. Внутри города на каждом шагу свидетельствует себя оживленная деятельность, дух общности, порядка и миролюбия. Водворилась немыслимая в прежнее время свобода жизни и безопасность не только в самом городе, но и далеко за пределами его. С этой стороны остается только радоваться успехам столь дорогого сердцу Русскому места. Но вот и неизбежная изнанка предмета. Та же Европа, которой цивилизаторское

влияние приносит такие благотворные плоды в крае, неумоимо работает над тем, чтобы навязать народу свой религиозный облик, не идущий ему ни по его историческому развитию, ни по его народным, бытовым, географическим и даже климатическим условиям. Имею в виду местное арабское наследие, распадающееся, как известно, на две неравные гражданственности арабские: Магометанскую и Православно-Христианскую. Вообще говоря, обе они, находясь в одинаковых условиях политической несостоятельности: но Арабы-Магометане, памятуя свой славный когда-то Халифат, все таки имеют некоторый себе центр в полунезависимом Правительстве Египетском, около которого и группируются если не реально, то мечтательно. Арабы — же Христиане составляют в такой степени нечто раздробленное, беззащитное и беспомощное, что положение их в полном смысле слова можно назвать безвыходным. Исторически известная цивилизация Арабская им чужда, [1об.] так как она вся проникнута духом ислама. Кровавая история их племени еще менее ими усвоена. Никогда не жили они отдельною политическою жизнью, и ни при каких обстоятельствах не могут представить её для себя возможною, даже в будущем. Все, что одушевляет, развивает и возвышает человека, как члена и органа известной народности, не существует для Араба-Христианина. Наравне с столькими другими покоренными народами Турции, составляя рабов господствующего племени, они в тоже время подвергаются большим стеснениям со стороны единоверных им Греков. В Палестине, равно как в Сирии и Египте, преобладает элемент греческий, а между тем Арабы-коренные жители тех мест, которые мы привыкли называть колыбелью Христианства, наши единоверцы, наша опора на Востоке. Пользуясь их межеумочным состоянием с давних времен пропаганда Римско-Католическая действует обращением их в унию, и как бы еще чего не доставало в последнее время Протестанты всевозможных сект, с фанатизмом, которого ни как нельзя ожидать от общих свойств их вероучения, открыто стали развивать свои замыслы и привлекать несчастных Арабов к отступничеству от веры отцов их. Вступив в Палестину под знаменем обращения Евреев в Христианство, Англо-Американские и Немецкие Протестанты скоро увидели, что с Евреями им трудно и не безопасно вести свою пропаганду. Тогда, обратив всю свою энергию на Православных Арабов, они массами стали увлекать их в свои сети, предоставляя полную свободу относительно большей части догматов и обрядов, легкие условия к расторжению браков и вместе с тем завлекая их устройством школ, даровым образованием, медицинскими пособиями, и даже раздаянием значительного денежного содержания²⁸. В добавок, при обращении арабов, они пользуются консульскою защитою в судах и при таких выгодах, не многие из них в силах устоять от подобных искушений, и тем самым делается иноверными явный подкуп к ущербу Православия во всех Святых Местах. Правительство Турецкое в подобные

действия никогда [2] не вмешивается и скорее радуется всякому раздору между Христианами в его пределах. Греческое Духовное начальство могло бы отчасти противодействовать усилиям иноверных духовных властей, но чуждое по языку и по своим политическим стремлениям властвовать над другими народностями, оно, мало того, что нисколько не заботится о Православных Арабах, но считает делом самоуничтожения всякую защиту, поддержку и умственное развитие местных жителей, отчего безвыходность этого несчастного племени представляется глазам прибывшего поклонника во всей своей очевидности. Выступая из теории в практику, нельзя не видеть на деле, что это же самое население в лучших личностях своего народного самосознания, ни откуда не ожидает своего спасения, как от единоверной с ним России. Находясь в изложенных горестных условиях, Православие Арабов в Палестине неизбежно и вскоре придет к своему плачевному уничтожению.

Что же остается делать, чтобы предотвратить зло? Первое и главное дело состояло бы в образовании какими бы то ни было путями денежного фонда, назначив оный исключительно для противодействия иноверным пропагандам и безмерному усилению Эллинства над Арабами. Всякой понимает, что при нынешнем состоянии финансов в России, немыслимо какое бы то ни было требование вспоможений то Государственного Казначейства. Образумый фонд мог бы приобретаться учреждением на сей предмет Общества, принятого под особенное покровительство одного из Лиц Царствующего Дома, и стараниями Русского Духовенства он, вероятно, не остался бы тощ. Кроме того, следует воспользоваться возможностью учредить ныне же контроль над израсходованием Греческим духовенством сумм, выручаемых с Бессарабских имений, остающихся доселе под секвестром и принадлежащих Гробу Господнему²⁹. По общему закону относительно завещаний во всех странах, было бы справедливо, принимая [2 об.] в соображение разные причины, выдавать по меньшей мере 3/5 частей получаемого с них дохода, оставляя 2/5 для употребления по усмотрению Министра, в ведении которого состоят эти имения. Контроль высылаемых сумм должен бы состоять из доверенных Русским Правительством Лиц Духовного и гражданского ведомства, и одним из неперенных условий расхода высылаемых из России денег должно бы быть учреждение среднего учебного заведения, в роде гимназии для Арабов, в одной из наиболее населенных местностей Палестины, напр. Яффе или другом городе, но только не в Иерусалиме, где Греческий элемент не упустит подавить возникающее арабское просвещение. Затем, часть сумм должна употребляться на содержание духовной Семинарии, основанной покойным Патриархом Кириллом в близ лежащем от Иерусалима Крестном Монастыре и ныне закрытой по неимению средств к ее содержанию. Из остальной суммы могли бы быть учреждаемы народные школы, приюты для престарелых

и немощных, больницы с хорошими аптеками для местного населения, так как Русские поклонники уже отлично снабжены всем нужным в устроенных содействием Вашего Высочества зданиях Русской Миссии. На расходование сумм, высылаемых из России желательно иметь Высочайшее утверждение по разным предметам, дабы они не могли переходить на другие неопределенные требования.

За сим, имею честь изложить на усмотрение Вашего Императорского Высочества еще одно обстоятельство, сильно меня тревожащее, если распускаемая по этому поводу здесь молва имеет какое-либо основание. Слух этот заключается в предполагаемом отозвании состоящей здесь Духовной Миссии с заменой оной одним Священником, и в предоставлении Консулу полного управления делами чисто духовными. Во-первых, позвольте мне заметить, что все иноверные Миссии до одной руководятся духовными [3] лицами, и даже те из Протестантских, которые не признают Епископского звания, под этим именем выставляют лиц, поручая им заведывание своими духовными учреждениями в Палестине, и с большим успехом достигают предположенных ими целей. Было бы крайне прискорбно, чтобы одно Русское Православие, в стране, освященной стопами Спасителя и в чисто духовном деле предоставило устройство и наблюдение за тем, что относится до Веры, — светским, а не духовным лицам, показывая тем крайнее недоверие к сим последним, как будто между ними нельзя отыскать ни образованных, ни ревностных лиц, строго исполняющих лежащие на них Священные обязанности. Бывали случаи и примеры, что между духовными, подверженными, как и все, различным искушениям, оказывались лица не добросовестные, и потому некоторая проверка их действий светскою властью оказывалась иногда нужною, но должно признаться, что злоупотребления всякого рода ныне до того возрастают, что огромное число общественных и гражданских деятелей вовсе не безупречны, и сравнивая беспристрастно духовных со светскими, нельзя не придти к убеждению, что вторые и числом, и мерою злоупотреблений далеко превосходят первых; при том же духовенство наше всегда отличалось необыкновенною преданностью Престолу и невмешательством в дела чисто гражданские и потому казалось бы и недолжным, и несправедливым отнимать у него то, что составляет прямое его достояние и назначение.

Я не могу не относить всего сказанного мною к достойному всякого уважения настоятелю теперешней нашей Миссии Архимандриту Антонину, вполне соответствующему занимаемому им посту, как по благочестивой жизни, знанию многих языков и научному образованию, так в особенности по любви к исполнению лежащих на нем обязанностей. [3 об.] Получив троекратное предложение на возведение в Епископский сан, он отклонялся от него, единственно по преданности настоящему своему делу, и, следовательно, чужд всякого честолюбия. Вызов такого лица из Святых Мест,

в подробности им изученных в продолжении 29 летнего служения на Востоке, принесло бы огромный ущерб Православию и духовному Русскому влиянию над Арабами, направляемому им с великою пользою, как будет видно из нижеизлагаемых фактов. Им приобретены земли в главных пунктах, освященных преданием, теперь большею частью поспешно переходящих в руки Римских-Католиков, особенно дорожащих их обладанием. Все эти приобретения сделаны Архимандритом Антонином на жертвуемые ему деньги людьми, глубоко его уважающими и не стоили казне никаких издержек. Как существующая, так и имеющаяся в виду устройства, с вызовом его из Иерусалима, и передачею их в ведение Консула, по неимению у сего последнего средств для их поддержания, неминуемо сами собою уничтожатся. Купленные земли и устроенные на них Православные приюты имеются теперь в следующих местностях: 1) на горе Элеонской, где уже устроен приют и воздвигается церковь. 2) в Горнем Граде, также приют для поклонников на месте, где, по преданию, Божия Матерь провела 3 месяца у Св. Елисаветы. 3) в Иерихоне, близ Иордана, дом с садом. 4) у Мамврийского Дуба двух этажный приют. 5) Дом и сад в Яффе, на месте дома Св. Тавифы. Кроме того, в местечке Бетжала (древней Эфрафе) близ Вифлеема, населенном Православными Арабами, и где Латинский Патриарх учредил Семинарию, с целью совращать народонаселение в Унию, есть теперь прекрасная Русская местность с зданием школы и садом, приобретенными и содержимыми уже 13 лет на благотворительную сумму Ея Императорского Величества. [4]

В 1876 г., Римские — Католики имели в самых важных пунктах Иерусалима следующие заведения: 2 мужских монастыря с семинариями и двумя школами, 2 женских с одною школою, 3 отдельные школы, 1 госпиталь, 3 амбулаторных, 4 дома для поклонников, а в остальных местах Палестины: 13 мужских монастырей, 5 женских, 28 школ, 3 амбулаторные и 11 домов для поклонников.

Протестанты, менее дорожа священными преданиями, не заботятся о приобретении земли в известных местностях, хотя есть тому пример в испрошении у Султана наследным Пруссим Принцем значительного пространства земли с одной стороны Храма Воскресенья, на том основании, что эта местность в древние времена принадлежала рыцарям ордена Св. Иоанна Иерусалимского, которого Пруссия, хотя в ином виде, считает себя наследницею. Прочие Протестантские заведения состоят преимущественно из школ для Арабов, больниц, хорошо содержимых под надзором диаконис, из раздачи огромного числа Библий, высылаемых Англо-Американскими обществами, чем приобретается сильное влияние на арабское туземное население. У Протестантов в разных местах Палестины устроены 33 школы, которыми они стараются привлечь к себе молодое арабское поколение.

Представляя на суждение Вашего Высочества изложенные факты и передавая вкратце предположения для устранения, хотя в некоторой мере, наносимого арабскому Православию вреда, в виду которого и была послана Русская духовная Миссия в Иерусалим, по весьма мудрому указанию в Бозе почившего Родителя Вашего Государя Императора Николая [4 об.] Павловича, я должен просить снисходительно извинить смелость выраженного мною мнения, вероятно имеющего встретить сильный отпор в Министерствах и Посольствах. Решает на этот шаг, я полагаю единственно надежду на заступничество Вашего Высочества, как первого лица подавшего мысль об устройстве приюта для Русских поклонников и оставившего по себе незабвенную память в Святом Граде. Вашим влиянием может еще измениться определение, если оно уже и состоялось, об отзыве духовной Миссии из Иерусалима, и в особенности достойного Архимандрита Антонина, но при этом необходимо поручить ему главный надзор за всем относящимся до сношений и распоряжений, отделяя всякое в этом участие Палестинского Консульства. Здесь два лица вместе существовать не могут, и надо или все духовное подчинить дипломатическому ведению, или, сократив эту власть, предоставлением свойственной ей сферы сношений с Турецким Правительством и полицейского надзора за поклонниками, дать духовной, в чисто касающемся до нее деле, преимущественную власть перед Консульской, как этим руководствуются в Иерусалиме все Европейские Государства безо всякого урона их дипломатии. Убеждения мои основываются не на кратковременной опытности, но склоняясь к близкому пределу жизни, я счел бы себя особенно осчастливленным Вашим ходатайством о утверждении изложенных [5] мною предложений. Если же они будут признаны неисполнимыми, я буду в том усматривать волю Божию, ведущую быстрым изменением обстоятельств, в которых теперь поставлены Святые Места, если не к уничтожению, то к крайнему умалению Православия между Арабами и обращению их массами, частью в Протестантизм и частью в Унию.

С чувствами высокого уважения и искренней преданности и благодарности за многие оказанные мне милости, имею честь быть

Вашего Императорского Высочества
всепокорнейшим слуга

Граф Евфимий Путятин [5 об.]

¹ Укажем лишь некоторые наиболее важные работы: *Воробьева И.А.* Русские миссии в Святой Земле в 1847–1917 гг. М., 2001; *Лисовой Н.Н.* Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. М., 2006; *Дмитриевский А.А.* Русская Духовная Миссия в Иерусалиме / сост. Н.Н. Лисовой. М.; СПб., 2009; *Хитрово В.Н.* Собрание сочинений и писем. Т. 2: статьи о Святой Земле. Из истории Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Из истории русского паломни-

чества в Святую Землю / сост. Н.Н. Лисовой. М.; СПб., 2011; *Платонов П.В.* Быт и нужды русских православных паломников на Святой Земле в XIX–XX в. // Иерусалимский вестник. 2012. Вып. 1. С. 7–40; *Смирнова И.Ю.* Митрополит Филарет и Православный Восток: Из истории межцерковных связей. М., 2014; *Вах К.А.* Церковное представительство России на Православном Востоке: апокрисиарии в Константинополе, или Русская Духовная Миссия в Иерусалиме? (К постановке вопроса) // ППС. 2014. Т. 110. С. 21–62; *Лисовой Н.Н., Смирнова И.Ю.* Россия и Святая Земля в первой половине XIX в. М.; СПб., 2015; *Вах К.А.* Как начиналась Русская Палестина: Иерусалим в письмах Б.П. Мансурова и В.И. Дорогобужина, 1856–1860 гг. // Иерусалимский Православный семинар. 2017. Вып. 7. С. 111–256; *Якушев М.М.* Русское православное паломничество на Ближний Восток в контексте османо-российских отношений (1774–1847 гг.). М., 2018; *Грушевой А.Г.* Россия на Ближнем Востоке при Александре II и Александре III — создание Русской Палестины (1860–1882) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXXVIII. СПб., 2019. С. 265–285.

- ² А.С. Норов писал: «В мое время путешествия по Святой Земле были сопряжены с трудностями, лишениями, и даже опасностями. Ныне, благодаря Бога, Русская Духовная Миссия получила прочное основание в Иерусалиме, а Русское общество пароходства и торговли открыло свободные и безбедные пути ко всем пристаням Востока» (*Норов А.С.* Несколько мыслей старого паломника // Морской сборник. 1858. № 4. С. 1).
- ³ См.: *Алексеев А.И.* О конфликтах в Русской Духовной миссии в Иерусалиме при епископе Кирилле (Наумове) и архимандрите Леониде (Кавелине) // Православный Палестинский сборник. 118-й выпуск. М., 2020. С. 69–90.
- ⁴ Россия в Святой Земле. Документы и материалы. Т. 2. М., 2017. С. 433–438.
- ⁵ Россия в Святой Земле. Т. 2. С. 439–441.
- ⁶ Россия в Святой Земле. Т. 2. С. 443–444.
- ⁷ Россия в Святой Земле. Т. 2. С. 450–456; С. 458–464.
- ⁸ *Вах К.А.* Борьба за Русскую Духовную миссию в Иерусалиме: эпоха архимандрита Антонина (Капустина) 1865–1894 гг. // К.П. Победоносцев и Русская Духовная миссия в Иерусалиме в царствование императора Александра III: К 170-летию основания. М., 2017. С. 511–522.
- ⁹ Россия в Святой Земле. Т. 2. С. С. 448–450 (Письмо члена Государственного совета К.П. Победоносцева товарищу министра иностранных дел Н.К. Гирсу 3 ноября 1879 г.).
- ¹⁰ *Кувшинский Н.* Путятин, граф Евфимий Васильевич // Русский биографический словарь. Т. 25. СПб.; М., 1910. С. 162–164.
- ¹¹ *Лещенко Н.Ф.* Посол с погонами адмирала. Необычная судьба Е. В. Путятина (1804–1883) // Восточный архив. № 2. 2015. С. 7–11.
- ¹² *Гончаров И.А.* Полное собрание сочинений и писем в 20 томах. Т. 3. С. 417. Оценку интеллектуальных качеств вице-адмирала Е.В. Путятина см.: *Энгельгардт Б.М.* «Кают-компания фрегата «Паллада»»: (Из первой редакции монографии Б. М. Энгельгардта. Глава III) // И.А. Гончаров. Новые материалы и исследования / РАН. Институт мировой литературы имени А.М. Горького / Т. А. Орнатская. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. С. 75.

- ¹³ Письмо Е.В. Путятина к А.С. Норову 20 сентября / 2 октября 1853 г. // Русский архив. 1899. Кн. 1. С. 199.
- ¹⁴ Там же. С. 198–199.
- ¹⁵ Мельник В.И. Е.В. Путятин как религиозная личность // Россий и Христианский Восток. <https://ros-vos.net/sr/osn/pochet/ar/putyatin/1/>
- ¹⁶ РНБ. Ф. 208. Головин А.В. Оп.1 ед.хр. 321.
- ¹⁷ Вах К.А. Великий князь Константин Николаевич и русское паломничество в Святую Землю. К 150-летию основания Русской Палестины. М., 2011; Вах К.А. «Иерусалимский проект» России: Б.П. Мансуров и русские постройки // Великий Князь Константин Николаевич и Русский Иерусалим: к 150-летию основания. М., 2012. С. 21–36; Воронин В.Е. Роль великого князя Константина Николаевича в обеспечении деятельности Русской духовной миссии в Палестине: по архивным документам // Великий Князь Константин Николаевич и Русский Иерусалим: к 150-летию основания. М., 2012. С. 15–20
- ¹⁸ Россия в Святой Земле. Т. 2. С. 475, прим. 14.
- ¹⁹ Россия в Святой Земле. Т. 2. С. 443.
- ²⁰ Россия в Святой Земле. Т. 2. С. 443.
- ²¹ Россия в Святой Земле. Т. 2. С. 443–444.
- ²² Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века (1882–1907). Историческая записка, составленная проф. А.А. Дмитриевским. СПб., 1907. С. 138.
- ²³ Россия в Святой Земле. Т. 2. С. 446–448.
- ²⁴ Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века (1882–1907). С. 140–141; 183.
- ²⁵ Вячеслав Константинович (1 (13) июля 1862, Варшава, Царство Польское — 15 (27) февраля 1879, Санкт-Петербург), Великий Князь, младший сын великокняжеской четы Константина Николаевича и Александры Иосифовны
- ²⁶ Патриарх Иерофей (греч. Πατριάρχης Ιερόθεος; † 23 июня 1882), Патриарх Иерусалимский и всея Палестины в 1875–1882 гг.
- ²⁷ Путятина Ольга Евфимьевна (08.03.1848 — 21.09.1890), старшая дочь графа Е.В. Путятина, благотворительница, почетный член Императорского Православного Палестинского Общества.
- ²⁸ Обзор прозелитической деятельности католиков и протестантов с Палестине с 1840 по 1880-й гг. представлен в очерке В.Н. Хитрово «Очерк положения Православия в Палестине»: К.П. Победоносцев и Русская Духовная Миссия в Иерусалиме в царствование императора Александра III. К 170-летию основания. М., 2017. С. 50–84.
- ²⁹ После 1709 г. доходами большинства монастырей Бессарабии распоряжались греки-фанариоты, из этих же доходов формировалась значительная часть доходов Иерусалимской Патриархии. В 1864 г. князь соединенных княжеств Молдавии и Валахии Илксандр-Иоанн I Куза секуляризовал эти имения, лишив Иерусалимскую Патриархию значительной доли доходов.

МОГИЛА ЖЕНЫ АРХИТЕКТОРА: НОВЫЕ МАТЕРИАЛ ОБ ЭППИНГЕРАХ В РОССИИ*

Л.А. Беляев, К.А. Вах

Эта статья написана в ходе общей работы по сбору материалов для истории русского присутствия на Святой Земле. Она обязана своим появлением двум счастливым и почти одновременным (ну просто — рука судьбы!) находкам. Одна сделана нами, вторая — щедро подарена археологом из Санкт-Петербурга, Еленой Робертовной Михайловой, которой мы искренне признательны. Хотя находки сделаны не в Палестине, а в России, они имеют к нашему присутствию на Православном Востоке непосредственное отношение. Они обе связаны с памятью Екатерины Арсеньевны Эппингер, супруги Мартина Ивановича Эппингера, строителя Русских подворий в Иерусалиме. Роль этой фамилии в истории России XIX века недостаточно осознается, и находки показали хорошим поводом представить новые материалы, появляющиеся по мере проработки архивов.

ЕКАТЕРИНА АРСЕНЬЕВНА ЭППИНГЕР

На берегу Невской губы в Петергофе, на выезде к Ораниенбауму, с XVIII в. существует Троицкое кладбище. Оно пережило годы воинствующего атеизма и разгром военного времени, и до сих пор заброшено (хотя находится под охраной закона и в поле зрения движения за восстановление забытых могил). За минувшее столетие оно заросло огромными деревьями, памятники зачастую повалены или разбиты, затянулись грунтом,

* Работа выполнена в соответствии с госзаданием Института археологии РАН в рамках программы фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи» Минобрнауки в 2022 г.

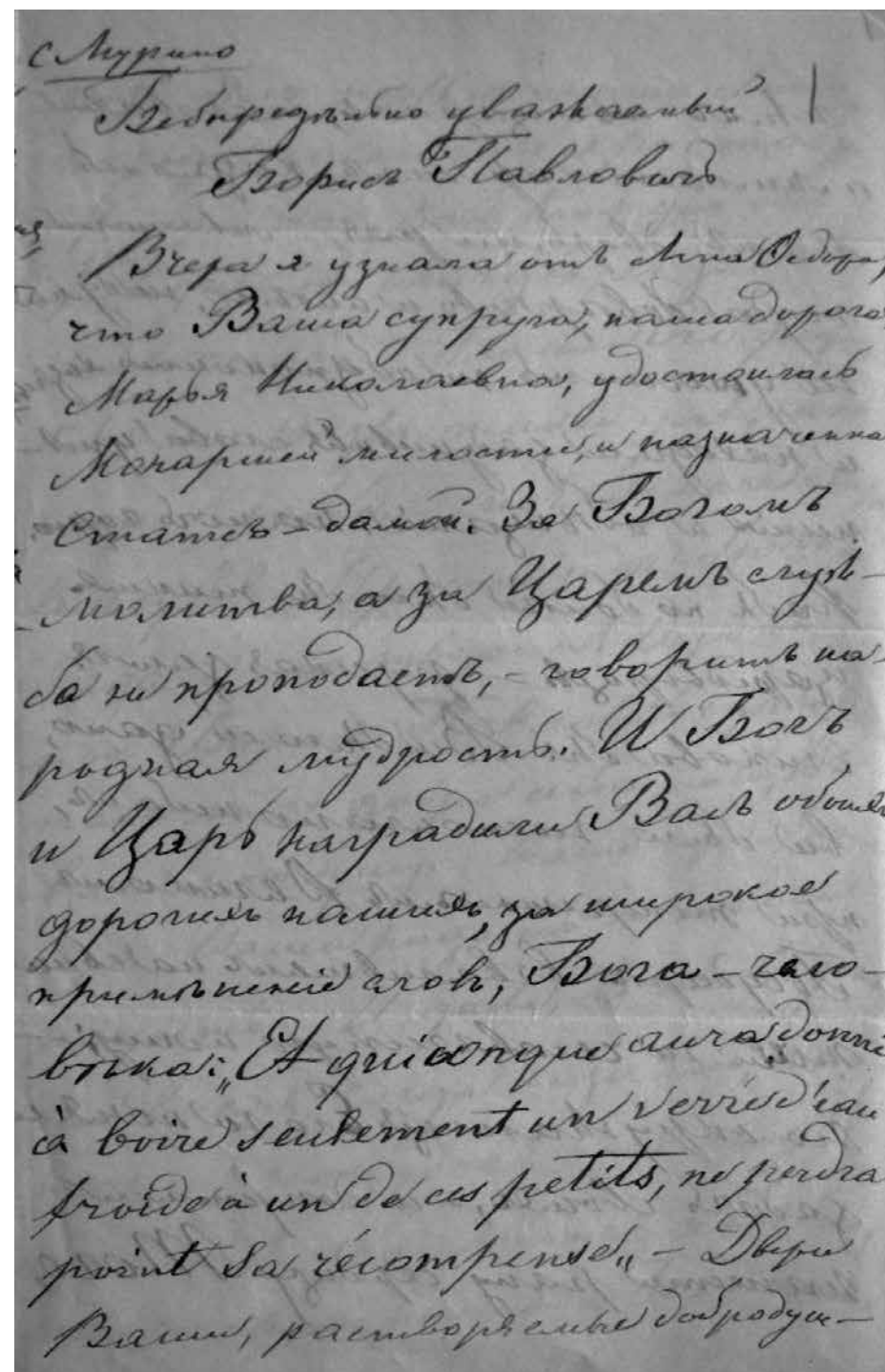
Надгробие Е.А. Эппингер. Петергоф. 2022 г. Фото Е.Р. Михайловой

но многие еще доступны для фиксации. В типологическом отношении это разнообразные формы надмогильных сооружений середины XIX — начала XX вв., в основном из твердых пород камня (известняковые саркофагообразные памятники более раннего времени редки). Достаточно распространены невысокие плоские плиты с высеченными на них крестами (форма, нетипичная для средневековой России, но довольно часто встречающаяся в Новое время).

Среди них и была найдена сравнительно хорошо сохранившаяся плита серого камня с высеченным по всей поверхности крестом с вытянутой нижней частью ствола. В основании креста, выполненном мастером в виде лежащего «дикого» камня, сделан затес, на котором в технике оброна (рельефные буквы на утопленном фоне) помещена надпись в три строки достаточно распространенным шрифтом эпохи модерн (ровные и широкие линии, без засечек), который мы видим и на многих других надгробиях того же кладбища конца XIX — начала XX вв. Надпись крупная и хорошо читается: Екатерина Арсеньевна Эппингер.

О Екатерине Арсеньевне сведений очень мало. Она была женой академика архитектуры Мартына Ивановича Эппингера, «почетного вольного общника» Российской Академии художеств, и скончалась 16 марта 1896 г., в возрасте 71 года (соответственно годом ее рождения можно считать 1825).

Почти одновременно с находкой надгробия, в коллекцию К.А. Ваха был приобретен подписанный фотопортрет Екатерины Арсеньевны работы известной мастерской К.И. Бергамаско. На нем нам предстает еще не старая

Письмо Е.А. Эппингер к Б.П. Мансурову 1879 или 1880 г. ГАРФ.

Екатерина Арсеньевна Эппингер. Фото К.И. Бергамаско. 1872 г. (?)

женщина в темном платье и накинутом на плечи черном платке. Украшение на цепочке, убрано за подкладку платья. Мы считаем, что это фотография сделана в год смерти мужа М.И. Эппингера. В конце 1870-х гг. и вероятно до смерти Е.А. Эппингер жила под Санкт-Петербургом в селе Мурино¹.

Эти находки — хороший повод напомнить о тех, кто самоотверженно и бескорыстно сослужил важную службу русскому делу в Святой Земле.

СЕМЕЙСТВО ЭППИНГЕРОВ В РОССИИ

Старший из «русских немцев» Эппингеров, по имени Иоганн, был мастером по музыкальным инструментам. Он переселился в Россию из небогатого германского герцогства Вюртембергского в конце XVIII в., когда принцесса София Доротея Августа Луиза Вюртембергская стала российской Императрицей Марией Павловной. Тогда в известную в Санкт-Петербурге немецкую колонию переселялись многие его соотечественники и довольно быстро приживались в новой для себя среде. Спрос на немцев был большой не только в столице, но и в других регионах Империи. Приехал ли Иоганн в Россию с супругой или он женился на русской немке уже в Санкт-Петербурге мы не знаем. Последнее более вероятно, потому что нам известно, что его старший сын Федор родился в 1816 г. и окончил знаменитое Главное немецкое училище в 1826 г. В той же школе чуть позже учился и его брат Мартин. Училище (по сути первая российская гимназия и первая средняя школа

в Петербурге) состояло под управлением лютеранской общины при храме свв. апостолов Петра и Павла. В школе преподавали выдающиеся деятели российской науки и культуры того времени: латинист, литератор и переводчик Александр Иванович Галич, издатель и филолог Николай Иванович Греч, математик и механик Николай Дмитриевич Брашман и др. Двое сыновей Иоганна, Федор и Мартин, после выпуска из училища, не стали продолжать дело отца и выбрали карьеру архитектора, поступив в Императорскую Академию художеств. Во время обучения там братьев Эппингер это учреждение возглавлял великий А.Н. Оленин (1817–1843), что не могло не сказываться на уровне преподавания, и на духе, царившем в этом учреждении.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ ЭППИНГЕР

Федор Иванович Эппингер (1816–1873) в 1833 г. выиграл конкурс при поступлении на казенное место в Императорскую Академию художеств. Его учителем был академик А. Тон. В 1839 г. он получил Большую золотую медаль за проект «Театрального училища» и при выпуске из академии в 1839 г. был награжден шпагой. С 1841 по 1849 г. он стажировался за границей, преимущественно в Италии, совместно с Н.Л. Бенуа, А.И. Кракау, А.К. Росси и др. В Риме он разработал проект реставрации Латеранского дворца, а вместе с другими российскими художниками — сделал обмерные чертежи и детальную прорисовку декоративных элементов собора в Орвьетто. После возвращения в Россию он получил звание академика архитектуры: карьера его пошла в гору, но при этом появились проблемы со здоровьем. Его работы в России свидетельствовали о высоком уровне мастерства. Академия художеств в 1858 г. наградила его званием профессора архитектуры, а затем и пригласила в число своих преподавателей. Работа в Академии шла параллельно с другой практической и административной деятельностью. В 1860 г. Ф.И. Эппингер занял место главного архитектора ведомств Императрицы Марии. В 1868 г. болезнь его усилилась настолько, что он вынужден был выйти в отставку и уехать за границу. Однако лечение не дало результата и Федор Иванович Эппингер по возвращению в Россию скончался 11 августа 1873 г.

Своей семьи у него не было. Нужно полагать, что Федор Иванович Эппингер достаточно близко общался со своим братом Мартиным и его семьей. Во всяком случае, именно Федор Иванович занимался по просьбе брата составлением эскизных чертежей будущих русских богоугодных заведений в Иерусалиме в 1859 г. В дальнейшем братья большую часть жизни вынужденно прожили далеко друг от друга: один в Санкт-Петербурге, другой в Иерусалиме. Когда Мартин в конце 1868 г. вернулся из Иерусалима — его брат уехал на лечение за границу, а когда Федор Иванович вернулся — брат его уже скончался.

МАРТЫН ИВАНОВИЧ ЭППИНГЕР

Мартин (в русской традиции Мартын) Иванович Эппингер (1822–1872) в юности находился в тени своего старшего брат. Возможно, это было следствием природной скромности. Он умел и любил сосредотачиваться на каком-то конкретном деле и работал без устали, но этого было мало, чтобы занять первые позиции в учебе. Сразу после окончания Главного немецкого училища в возрасте 10 лет он поступает «вольноприходящим учеником» в Императорскую Академию художеств по классу архитектура. Получить «казенное» место подобно брату у него не получилось. Однако, в итоге, его успехи были признаны Академией. В ноябре 1840 г. Мартин получил золотую медаль за проект «Гостиного двора», в декабре 1840 г. был награжден серебряной медалью, а через год в мае 1841 года вновь был награжден большой серебряной медалью.

Окончив учебу, Мартин остался в столице и, вероятно, продолжил сотрудничать с Академией, поскольку 25 сентября 1852 года решением Совета Академии художеств был возведен в звание академика. Сведений о его работах в этот период мы не имеем, но работы точно были, поскольку он безбедно жил в Санкт-Петербурге, а в 1853 г. за собственный счет отправился за границу. В отличие от брата, который за счет Академии стажировался в Италии, Мартин решил поехать на Православный Восток для изучения византийского архитектурного стиля, наиболее востребованного в тот период властями Российской Империи. В его биографических данных указывается, что Мартин Иванович предпринял поездку на Афон, где в том же году работал известный русский коллекционер и исследователь христианских древностей П.И. Севастьянов. Прояснить вопрос о возможной их встрече или даже об участии Эппингера в этой экспедиции П.И. Севастьянова — важная и интересная задача будущих исследователей. Нам кажется уместным лишь обозначить эту проблему в настоящей статье.

Дальнейшая судьба младшего из братьев привела его в Морское министерство Российской Империи, которое с января 1853 г. возглавил Великий Князь Константин Николаевич, второй сын Императора Николая I. Константин Николаевич собирал под своим крылом наиболее перспективные молодые силы, а его ведомство называли «министерством прогресса». Мартын Иванович поступил в Строительный департамент Морского министерства. Этот факт не упоминается в справочниках. После завершения Крымской войны в 1855–1857 гг. Мартын Иванович по поручению Великого Князя занимался восстановлением пострадавшего в период осады и английской оккупации мемориального захоронения российских адмиралов в склепе на месте недостроенного Владимирского собора в Севастополе. Возведение морского собора в Севастополе было задумано в 1848 г. по инициативе адмирала М.П. Лазарева. В 1851 г. прославленный адмирал скончался.

Для его погребения был возведен специальный склеп на месте будущего собора, закладка которого состоялась лишь в июле 1854 г. До начала осады Севастополя успели возвести только фундаменты и стены над усыпальницей. Во время обороны Севастополя в крипте собора были погребены погибшие адмиралы П.С. Нахимов, В.А. Корнилов, В.И. Истомин. Английские военные надругались над павшими: часть могил вскрыли, надгробия испортили. За период английской оккупации в крипте собралась вода, фундаменты были повреждены. Приводить в порядок крипту, могилы и часть фундаментов было поручено М.И. Эппингеру с тем, чтобы в дальнейшем при первой же возможности возобновить строительство храма. Все восстановительные работы были исполнены, однако, затем Эппингеру предложили совершенно иную работу.

Знакомый ему по морскому министерству чиновник по особым поручениям Б.П. Мансуров в декабре 1856 г. был отправлен Великим Князем Константином Николаевичем в Святую Землю с тем, чтобы подготовить проект реализации новой стратегии России на Православном Востоке. Гражданские суда созданного только что Российского Общества Пароходства и Торговли (РОПиТ) должны были начать массовую перевозку российских паломников к святым местам. Для этого в Иерусалиме предстояло купить земли и построить вместительные приюты для богомольцев, храмы и больницу со всей необходимой инфраструктурой. По итогам поездки Мансуров в декабре 1857 г. представил секретную записку, в которой содержалась предметная критика основных принципов российской политике в Святой Земле и подробный план действий в сложившихся условиях после Крымской войны. Главный тезис Мансурова состоял в том, что Россия должна последовать за другими европейскими державами и создать на святых местах собственную российскую инфраструктуру для покровительства паломникам, противодействию западной пропаганде и поддержке местного православного населения. В целом, после многочисленных и серьезных дебатов между членами правительства и заинтересованных ведомств Император согласился с предложениями Мансурова. Ему поручалось вновь отправиться в Иерусалим для выбора участков земли и составления предварительных планов и сметы строительства русских богоугодных заведений в Иерусалиме.

Эппингер должен был сопровождать Мансурова в качестве архитектора. Ему поручалось составить представление о местности, сделать предварительные проекты зданий и рассчитать возможные затраты с учетом местных обстоятельств. В конце июня 1858 г. экспедиция Мансурова вместе с Эппингером из Одессы через Константинополь, Афон, Смирну и Бейрут направилась в Иерусалим. В Россию Эппингер вернулся в конце ноября 1858 г. Памятью об этой экспедиции является фотография, всех ее участников, сделанная в иерусалимском Архангельском монастыре, где помещалась Русская Духовная Миссия во главе с епископом Кириллом (Наумовым). (ФОТО)

Так началась десятилетняя иерусалимская деятельность М.И. Эппингера. В 1859 и начале 1860 г. Он вместе с братом Федором Ивановичем работает в Санкт-Петербурге над созданием архитектурных чертежей русских паломнических приютов, больницы и храма. В связи с особенностями деятельности вдали от России Эппингер получает право на месте вносить в проект все необходимые изменения: фактически он продолжает его дорабатывать по мере необходимости, на ходу меняя прежние назначения помещений, их этажность и т.д. За разработку этого проекта Академия художеств наградила М.И. Эппингера званием «почетного вольного общника». С 1860 по 1864 гг. он руководит возведением Русских построек, параллельно занимаясь раскопками купленного возле храма Гроба Господня земельного участка, где обнаруживает остатки древностей и вписывает эти остатки в новейший план реконструкции базилики царя Константина, сделанном графом М. де Вогюэ. Одним из малоизвестных эпизодов этого этапа деятельности Эппингера было его участие в разработке проекта легендарной Иерусалимской синагоги Тиферет Израэль (Великолепие Израиля).

С 1862 г. в Константинополе и в Иерусалиме активизируются русско-франко-турецкие переговоры по реконструкции купола над ротондой Гроба Господня — главной мировой святыней христиан. Эппингера привлекают к обсуждению технической стороны, составлению предварительных расчетов и чертежей.

После завершения работ на русских постройках Эппингер вернулся в Санкт-Петербург в 1864 г., проведя в Иерусалиме по его собственным словам «более шести лет». Как часто случалось в России — его место в Морском министерстве уже было занято и никакой пенсии как признания его заслуг в Иерусалиме государство ему не предоставило. Архитектор оказался в довольно тяжелом положении, униженный и обиженный полным невниманием чиновников. Лишь через год после возвращения в Россию ему с трудом удалось получить место архитектора при Департаменте таможенных сборов, уступленное ему его братом.²

Однако, вскоре переговоры с французами по перестройке купола над храмом Гроба Господня подошли к стадии начала практических работ и Эппингер стал вновь нужным. Ему предлагают выступить в этом деле архитектором со стороны России. Вместе с его французским коллегой Шарлем Маусом (Charles Christoph Edouard Mauss; 1829–1914) он должен за два года полностью разобрать и заново накрыть ротонду куполом. Теперь Мартын Иванович поставил князю А.М. Горчакову жесткие условия: содержание 6000 руб. в год, как ранее, при работе по возведению Русских построек, оплату помощника, которого он пригласит по собственному выбору, плату проезда и подъемных для обзаведения в Иерусалиме и пенсию в 3000 руб. после возвращения из Иерусалима. Канцлер А.М. Горчаков отверг эти требования, но Император Александр II с ними согласился. Единственным

изменением стало сокращение пенсии до 2000 руб. В итоге М.И. Эппингер был вновь принят на службу в Морское министерство.³ Пребывание его в Иерусалиме продлилось с марта 1866 г. по октябрь 1868 г. включительно.

Подорвав здоровье за десятилетие трудной работы, требовавшей не только физических, но и больших психологических усилий (начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме о. Антонин (Капустин) называл архитектора в дневнике — «грозный Мартын» — подчеркивая его умение держать под своим контролем и сотрудников, и процесс), академик Мартын Иванович Эппингер скончался в Петербурге 5 ноября 1872 г. и был похоронен на Смоленском лютеранском кладбище после отпевания в лютеранском храме Петра и Павла 10 ноября 1872 г.

СЕМЬЯ МАРТЫНА ИВАНОВИЧА ЭППИНГЕРА

Супругой Мартына Ивановича стала Екатерина Арсеньевна Эппингер. Девичья фамилия ее в настоящий момент не установлена. Она была девица православного вероисповедания и дети Эппингеров также были крещены в православной вере. Дата свадьбы Мартына Ивановича и Екатерины Арсеньевны не известна: возможно — 1852 г. Сохранилось упоминание о сыне по имени Константин, скончавшимся в младенчестве 5 марта 1853 г.⁴ Следует сказать, что имена детям Эппингеры давали не случайно. Второго сына, родившегося в 1854 г. тоже называли Константином, очевидно — в честь Великого Князя Константина Николаевича, под руководством которого работал в Морском министерстве М.И. Эппингер.

Константин Мартынович Эппингер (1854 — после 1908) прошел сполна путь чиновника, который мог рассчитывать только на себя.⁵ На момент смерти отца ему уже исполнилось 18 лет, он был совершеннолетним. Однако, он долго не мог поступить на службу вероятно потому, что не имел аттестата об образовании, который и получил сдав экзамен при Санкт-Петербургской военной гимназии только весной 1876 г. Затем по собственному прошению он был определен на службу в канцелярию Костромского губернатора, где губернатором с 1866 по 1878 гг. был старый товарищ его отца первый иерусалимский консул В.И. Доргобужин. После ухода с поста Доргобужина, Константин Эппингер оказался в сложной ситуации. Спас его Б.П. Мансуров, приютив у себя в Санкт-Петербурге.⁶ В 1882–1883 гг. он служил в Нижегородской губернии, а с декабря 1883 по 1908 гг. служил на различных должностях в Пермской губернии, дослужившись до чина статского советника. Был женат на Вере Михайловне Колышкиной. Имел двоих сыновей: Бориса (28.07.1893) и Анатолия (02.01.1895). Старший сын назван был в честь Бориса Павловича Мансурова в благодарность за ту роль, которую он сыграл в судьбе семьи после смерти Мартына Ивановича Эппингера.

Второй сын М.И. Эппингера был назван Федором в честь старшего брата. Он как его отец и дядя стал гражданским инженером. Дата его рождения должна быть не позднее 1856 г., так как на момент смерти его отца Федор уже достиг совершеннолетия и не был упомянут в числе наследников, которые имели право на получение пенсии. Вероятно, он, как и его старший брат, получил домашнее образование и затем должен был сдавать экзамен. Где он учился по специальности — не установлено. В 1884 г. Ф.М. Эппингер был прикомандирован к Азиатскому департаменту МИД и направлен в командировку в Иерусалим вместе с Б.П. Мансуровым для осмотра и производства расчетов необходимых строительных и ремонтных работ на Русских постройках. В Иерусалиме он близко сошелся с архитектором Антонином (Капустиным) и не раз упоминается в его дневнике в качестве архитектора. Вместе с отцом Антонином и Мансуровым он занимается измерениями положения остатков стен и других древностей на русском участке у храма Гроба Господня. На основании его планов и расчетов Мансуров пишет критическую часть своей книги «Базилика императора Константина...». По возвращении из Иерусалима Б.П. Мансуров продолжает оказывать покровительство Федору Эппингеру, при поступлении на службу в различные государственные учреждения, а так же поручая ему мелкие переделки в своем доме на Литейной в Санкт-Петербурге. По сохранившимся данным в доходном доме К.Я. Маевского (дом сохранился: угол Набережной реки Фонтанки, 110 и Московского проспекта, 16) в начале XX в. проживали дочь статского советника Ольга Мартыновна Эппингер и гражданский инженер Федор Мартынович Эппингер.⁷

Еще трое детей Мартына Ивановича Эппингера упоминаются в официальном отношении управляющего Морским министерством Н.К. Краббе к вдове Екатерине Эппингер как не достигшие совершеннолетия и потому имеющие право на получение части пенсии их отца.⁸ Таким образом, у четы Эппингеров было пятеро детей.

Третий сын Борис Мартынович Эппингер был назван в честь Бориса Павловича Мансурова, под прямым началом которого Мартын Иванович работал в Иерусалиме в 1859–1864 гг. По некоторым данным из эпистолярного наследия Мансурова, Борис родился в Святом Граде 26 января 1864 г.⁹ И его крестным отцом стал именно Б.П. Мансуров. В 1887 г. Борис Эппингер окончил Институт гражданских инженеров в Санкт-Петербурге по гражданско-строительной части. Б.П. Мансуров всячески поддерживал своего крестника. Он проживал в его доме в Москве и в Петербурге, а после окончания института по протекции Мансурова начал работать в Риге, куда вскоре перебрался с семьей и сам Борис Павлович.

В Риге он состоял внештатным техником при строительном отделе Лифляндского губернского правления. Занимался строительством мелких сооружений, в том числе и в имении, где проживал с семьей Б.П. Мансуров.

Но уже в 1888 г. его проект памятника-часовни 400-стам русским воинам, павшим при защите острова Люцаусгольма, победил на конкурсе. В 1891 г. Часовня-памятник был построен и освящен. В том же году Б.М. Эппингер получил заказ на строительство здания для мировых судей Рижского и Вольмарского округов. В октябре 1892 г. здание было построено.

В 1892 г. Борис Эппингер назначен одним из участковых архитекторов Москвы. С 1895 г. он был откомандирован в распоряжение обер-полицмейстера Москвы, а затем Московского генерал-губернатора Великого Князя Сергея Александровича. В Москве Борис Эппингер построил: доходный дом по Якиманской наб., 2 (ок. 1903 г.) и полицейский дом для душевнобольных по Кропоткинскому пер., 23 (1901 г.)¹⁰ В 1909–1915 гг. он работал управляющим строительной и дорожной частью при Иркутском генерал-губернаторе. Дальнейшая его судьба неизвестна.

О двух дочерях Мартына Ивановича Эппингера — Ольге и Серафиме мы знаем главным образом только то, что упомянуто в официальном обращении Н.К. Краббе, а именно их имена и то, что в 1872 г. они еще не достигли совершеннолетия и были не замужем.

Представленная в статье информация частично уже известная, частично новая, впервые собрана вместе как повод для продолжения поисков.

¹ Современный район Девяткино г. Санкт-Петербурга.

² Всеподданнейший доклад вице-канцлера князя А.М. Горчакова о назначении архитектора М.И. Эппингера от 22 января 1866 г. // Россия в Святой Земле. Документы и материалы: В 3 т. Т. 1. М., 2015. С. 662.

³ Всеподданнейший доклад вице-канцлера князя А.М. Горчакова от 29 января 1866 г. // Там же. С. 664.

⁴ <https://forum.vgd.ru/post/3866/104590/p3317868.htm>

⁵ <http://www.inperm.ru/эппингер-константин-мартынович.aspx>

⁶ Об этом мы узнаем из письма к Мансурову матери Константина Екатерины Эппингер: «Вы нашли, как и чем утешить моего растерявшегося сына, приехавшего из Костромы ради меня и искавшего у вас защиты против мук, наполнявших его душу. Такие минуты не забываются никогда...» ГА РФ. Ф. 990. Оп. 2. Д. 342. Л. 2об.

⁷ <https://document.wikireading.ru/27655>.

⁸ ГА РФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 366. Л. 2.

⁹ Дата и место рождения требуют уточнения.

¹⁰ Центральный исторический архив г. Москвы, ф. 179, оп. 50, д. 5076, 5075; ф. 54, оп. 149, д. 89. См.: Барановский Г.В. Юбилейный сборник сведений о деятельности бывших воспитанников Института гражданских инженеров (Строительного училища). 1842–1892. СПб., 1893, с. 391–392.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ДОХОДОВ ОТ БЕССАРАБСКИХ ИМЕНЕЙ В ИНТЕРЕСАХ РАЗВИТИЯ КРАЯ И ПРАВОСЛАВИЯ НА ВОСТОКЕ (кон. XIX в. — нач. XX в.)

Е.В. Ванькин

В истории Российской Империи сохранилось немало белых пятен, глубоко не освещенных в научной литературе. Одним из них во многом является использование в бюджете Отечества доходов от имений заграничных монастырей, расположенных в Бессарабии. Для исторических исследований Святой Земли они особенно важны тем, что являлись на протяжении веков немаловажными источниками доходов для многих святых обителей на Востоке. Именно из их доходов Российская Империя оказывала позднее материальную поддержку Восточным Патриархатам, хотя часто и по соображениям политического характера. Из их доходов шли пособия Императорскому Православному Палестинскому Обществу, и по большей части с их запасного капитала с Высочайшего доизволения Министерством Иностранных Дел производились многие секретные¹ выплаты, в интересах всего Православия на Востоке. Но рассмотрим хронологическую последовательность правительственных постановлений по данному вопросу и немного осветим финансовую сторону доходов от Бессарабских имений.

Бессарабия вошла в состав России в 1812 г. и на ее землях уже тогда находились имения, принадлежащие различным восточным православным монастырям. Право собственности иностранных монастырей на недвижимое имущество в Бессарабии возникло задолго до присоединения этой области к России, по дарственным грамотам Молдавских и Валахских господарей и бояр святым обителям Востока, особенно Синайским, Святогробским и Афонским. Это поистине уникальное явление получило наименование как институт преклоненных монастырей, т.е. преклоненных святым местам. Эти имения включали порой обширные земельные владения, монастыри и храмы, становившиеся со временем подворьями зарубежных обителей. Преклоненные монастыри, находившиеся

в самоуправляемых Дунайских княжествах, когда-то сыграли в истории Православного Востока огромную роль, поддерживая материально на протяжении нескольких веков древние обители, притесняемые чужеземной пятой османского владычества.

По Бухарестскому мирному трактату (ст. VII) в 1812 г. были определены неотъемлемые права частных лиц в отношении недвижимого имущества в присоединенной к России Бессарабии. Высочайшим повелением, последовавшим в марте 1817 г., это действие статьи было распространено и на монастырские имения, в т.ч. и зарубежных собственников. Что касалось подлинных документов, на основании которых они владели собственностью до 1812 г., то этот вопрос оказался очень деликатным для многих. В канцелярских отчетах отмечалось, что они «в настоящее время или вовсе не существуют или скрываются собственниками» из-за невыгодности заключенной в них информации². В конечном счете, российские власти были вынуждены от требований документов на владение собственностью отказаться (отозвано Министерством Иностранных Дел от 22.09.1879 за № 2705³).

Бессарабские имения принадлежали частью греческим монастырям (Св. Гробу Господня в Иерусалиме, афонским Киприановскому (Зограф), Ватопедскому, Ксеропотамскому, Иверскому, Теодоренскому (Св. Павла), общине 20-ти Афонских монастырей и Синайскому в Египте), частью молдавским монастырям (Нямецкой Лавре, Гушской епископии, Ясской митрополии, монастырю Св. Богдана, Пангараца, Слатинскому монастырю и храму Св. Георгия). На 1862 г. 23 иностранных монастыря владели в Бессарабии 142 вотчинами в 290.666 десятин земли, и до 1873 г. имения эти управлялись поверенными, присылаемыми собственниками.

В стремлении оказывать защиту и поддержку святым местам на Востоке, МИД России старался не вмешиваться и не стеснять право их собственности. Но многолетний опыт показал, что подобное управление монастырями приводило к плачевным результатам — присылаемые от собственников монастырей монахи отдавали в аренду земли за баснословно низкие цены, больше заботясь о своих интересах, входили часто в долговые обязательства от имени монастыря, извлекали личную выгоду, вытесняли местных монахов, пренебрегали назначениями жертвователей, не развивали край и всячески пытались выйти из под контроля местной администрации. При таком положении собственникам доходила порой лишь незначительная часть доходов. На это не раз Бессарабское Земство обращало внимание исполнительной власти. Возникла настоятельная необходимость взять деятельность преклоненных монастырей под строгий государственный контроль, что и было в дальнейшем осуществлено. Этому способствовало следовавшее и хищническое истребление лесов на принадлежащей им земле. «Ограничение права собственности

и, наконец, секуляризация монастырских имений в соседних Княжествах Молдавском и Валахском⁴ побудило иноземные монастыри мало по малу утративших уверенность в долговечности существования за ними прав владения имениями вообще, прибегнуть к скорейшей реализации своей недвижимой собственности, и одной из первых мер явилось беспощадное истребление лесов. Все это в совокупности заставило Правительство изменить существовавший порядок и принять монастырские имения в управление Министерством Государственных Имуществ на правах вечного арендного содержания»⁵.

Тогда в Бессарабии находилось 144 имения с принадлежащими им домами и постройками, а также с оброчными статьями (винокурными заводами, мельницами, садами) с площадью в 258.615 десятин, в т.ч. лесов 38.782 десятин⁶.

Высочайше утвержденным 9 марта 1873 г. Положением Комитета Министров России было издано постановление, сводившееся к следующему:

1. Недвижимые имения и леса, принадлежащие св. местам и монастырям на Востоке и преклоненным св. местам Молдавским и Бессарабским монастырям, а также составляющие собственность Молдавских церквей и монастырей, передать в Бессарабии в управление ведомства Министерства Государственных Имуществ, а на Кавказе⁷ в управление местам гражданского начальства, с сохранением за ними права собственности.
2. Главное заведование за доходами было возложено на МИД, с передаваемыми собственникам средств и отчетов по управлению.
3. Расходы по управлению относились с доходами оных.
4. При приеме в казенное управление собственники «обязываются по возможности» привести акты и документы, на основании которых владеют недвижимостью.
5. Установить все дальнейшие подробности приема имений в казенное управление и возникающие при сем сомнения.
6. Со времени утверждения никакие новые договоры не имеют законной силы.

Обратим внимание, что согласно п. 2 Положения «главное заведование и распределение доходов с монастырских имений» было предоставлено Министерству Иностранных Дел. Это во многом в дальнейшем способствовало быстрому принятию решений при проведении церковной политики на Ближнем Востоке.

Бессарабские имения, были разделены на 4 разряда: непосредственно имения, принадлежавшие святым местам, имения Бессарабских и Молдавских монастырей, преклоненных святым местам (Афонским монастырям и Синайскому), имения Молдавских монастырей и храмов, непреклонных, и имения госпиталя Св. Спиридона в Яссах.⁸ Для упрощения в документах имения в Бессарабии чаще разделялись на два разряда, как в делах

образованной в 1910 г. комиссии при Министерстве финансов для выяснения состояния их капиталов: имения Бессарабских и молдавских монастырей, преклоненные святым местам на Востоке, Афонским монастырям и Синайскому и имения, принадлежащие непреклонным молдавским монастырям и храмам⁹.

Для приостановки бесконтрольной рубки леса, грозившего Бессарабскому краю полным облысением, следующим Положением от 8 сентября 1873 г. было постановлено разрешить рубку лишь тем, монастырям, которые безусловно докажут «как неограниченное право пользования имуществом, так и на отчуждение лесов на сруб сплошными площадями».

В представлении уже от 22 июня 1874 №184 МИД, исходя из убеждения, что монастырские имения были пожертвованы их настоящими владельцами не только с целью поддержания и упрочения Православия на Востоке, но и на устройство школ, храмов и богоугодных учреждений в Бессарабии¹⁰, было решено распределять доходы на 5 равных частей, из которых 2/5 передавать собственникам, 2/5 Бессарабскому Земству, а 1/5 направлять на издержки управления. «Из последней части предоставить в распоряжение Министерства Государственных Имуществ 50 тыс. руб. на покрытие расходов по управлению, а также относить на нее все экстраординарные расходы, весь же остаток от нее обратить в фонды гарантированные Правительством и составить запасный капитал в распоряжении Министерства Иностранных Дел»¹¹. Нахождение в ведении МИДа капиталов имений заграничных монастырей давало в дальнейшем «Правительству могущественное средство оказывать влияние на вопросы восточной церковной политики»¹².

«Устроив в монастырских имениях рациональное хозяйство, увеличив во много раз их доходность, Правительство в значительной степени увеличило благосостояние их собственников»¹³. О размерах повышения доходности имений свидетельствует записка Министра Государственных имуществ от 11.03.1875 на имя товарища Министра Иностранных дел, в которой указывалось, что до принятия греческо-восточными монастырями в казенное управление до 1874 г. поступило по арендным контрактам, заключенным бывшими поверенными, — 72.693 руб. 40 коп., а во время казенного управления уже 341.835 руб. 22 коп. и 550 червонцев. Причем осталось в недоимке еще 25.352 руб. 65 коп.¹⁴

Для демонстрации доходов греческих монастырей на тот период можно привести следующую таблицу.

*Ведомость доходов причитающихся заграничным монастырям
от принадлежащих им в Бессарабии имений¹⁵
руб. — коп.*

Монастырь	За 1875 г.	За 1876 г.	Сумма неправ. удержан. у монастыря за управление в 1873–74 гг.	Всего
Киприяновский	23.347-78	23.601-16	3.573-86	50.522-80
Ватопедский	47.621-14	32.176-4	1.0431-32	90.228-50
Иверский	807-2	2.163-26	156-16	3.126-44
Ксеропотамский	2.011-70	2.162-68	325-4	4.499-42
Община 20 афонских монастырей	2.040-60	1.797-58	413-20	4.251-38
Теодоритский с прибавлением 373 1/5 черв.	7.764-42	5.916-98	1.588-84	
			1.410-69	16.680-93
Всего:				169.309-47

Представляя материальные блага определенным храмам и монастырям на Ближнем Востоке, Россия не могла оставить своими попечениями и тех обителей и святынь христианства, которые не имели собственности в России. Такова была традиционная политика России в Библейском регионе. Так выдавались подобные суммы и Константинопольскому Патриарху, не имевшему собственных имений в Бессарабии¹⁶

Высочайше утвержденным Положением от 21 мая 1876 г. было подтверждено главное право заведования доходами от имений преклоненных монастырей МИДом. А также определено, что после уплаты всех платежей в казну, частным искам, взысканиям, МИД выделяет от доходов 1/5 часть для покрытия расходов по управлению имениями, поступившими в заведование Министерства Государственных Имуществ. Образующийся остаток при покрытии расходов по управлению должен быть обращен в запасный капитал, для удовлетворения экстраординарных расходов, выдача по которым будет определяться МИДом с Высочайшего соизволения. Запасной капитал хранился вкладом МИДа в Кишиневском отделении Государственного банка и на 1.01.1896 составлял 598.357 р. 05 к. Т.к. общая доходность земельного имущества постоянно снижалась, планировалось перевести капиталы в процентные бумаги, чтобы повысить их доходность¹⁷.

Вся остальная сумма чистого дохода разделялась МИДом на две равные части: одна по принадлежности собственникам имений, а другая предназначалась на постройку и поддержание православных церквей в Бессарабских

имениях, содержание там духовных училищ, народных школ, богоугодных заведений. Наблюдением за этим осуществлялось Министрами Внутренних Дел, Народного Просвещения и Обер-Прокурором. Причем, в первую очередь, определялись 10 школ, училищ и приютов, которые требовалось финансировать, на общую сумму 4.590 руб.:

- детский приют Балыпа в Кишиневе — 390 р
- мужская и женская школы в Арионегиторе Сорокского уезда — 1000 р.
- училище в Хиждиенаре — 500 р.
- на Александро-Невское братство — 50 р.
- школу для мальчиков в с. Маловати — 500 р.
- школу в Вадо-Рашкове — 500 р.
- училище в Кишкоуцаре — 200 р.
- женское духовное училище в Кишиневе — 1250 р.
- духовное училище в Кишиневе — 100 р.
- единовещерский храм в Кишиневе — 100 р.¹⁸

Оставшиеся средства этой части делились между Министрами Внутренних Дел, Народного Просвещения и Обер-Прокурором. С возложением на них наблюдения за употреблением средств.

Из установленного порядка распределения доходов было сделано ряд отступлений в части увеличения сумм, поступающих в распоряжение собственников, с целью усиления поддержки Православия на Востоке. Сначала этим же положением было сделано исключение для Великой патриаршей школы в Куру-Чемме, из доходов которой изымались лишь расходы по управлению. К данному положению 1876 г. скоро добавилось Высочайше утвержденное дополнение Комитета Министров от 3 июня 1881 г, в части исключения из общего порядка имений Св. Гроба Господня, ввиду особого их положения. Доходы их передавались собственнику полностью, а для содержания храмов в имениях и церковных училищ дополнительно выделялись Обер-Прокурору остатки от 1/5 доходов, поступающих в запасной капитал.

Следующим Высочайше утвержденным дополнением Комитета Министров от 4 мая 1884 г. стало исключение имений, преклоненных Синайскому монастырю. Доходы от его имений распределялись следующим образом: 3/5 собственнику, 1/5 на издержки управления, 1/5 на содержание школ и училищ через Министерства Внутренних Дел, Народного Просвещения и Обер-Прокурора.

И уже Высочайше утвержденным дополнением Комитета Министров от 5 декабря 1886 г. также было сделано исключение для имений Антиохийского Патриархата. Все доходы передавались собственнику полностью, за исключением 1/5 на издержки управления. И в этом проявлялась материальная поддержка и покровительство России интересам Восточных Патриархатов и их святых обителей в русле традиционно принятой российской церковной политики на Ближнем Востоке.

Как известно в Российской Империи в XIX в. находились земельные имения, принадлежавшие иностранным православным монастырям также и на Кавказе. В силу затруднительности управления этими имениями «вследствие мелочности и раздробленности земельных участков» Его Императорское Высочество Великий Князь Михаил Николаевич¹⁹, Наместник Кавказский предложил Министерству Иностранных дел изъять имения Святого Гроба Господня из казенного управления и возвратить их собственнику. МИД признал неудобным возвращение имений лишь только Святому Гробу и предложил Комитету Министров возвратить на Кавказе все имения собственникам²⁰. Высочайше утвержденным 3 июля 1881 г. Положением Комитета Министров было постановлено возвратить имения собственникам с истребованием от них подписки, а в случае домогательств от них о вознаграждении за убытки, понесенные во время казенного управления, «просьбам таким уважения дано не будет». Все имения монастырские должны были уплачивать в дальнейшем все полагавшиеся им повинности.

Особых решений Российского Правительства потребовало управление имениями Молдавских монастырей, находившихся в Бессарабии. И к этому подвигла антицерковная политика, на тот момент проводившаяся в самой Молдавии, полностью противоречившая устоявшимся взаимоотношениям Церкви и государства в самой России.

После одновременного восшествия князя Александру Куза в 1859 г. на престолы в Молдавии и Валахии и их объединения в одно княжество, началось активное проведение в стране административных гражданских реформ. Проведение церковной реформы во многом было обусловлено тем, что к середине XIX в. более четверти сельхозугодий в этих двух княжествах контролировалось зарубежными подворьями монастырей святых мест, Афона и Иерусалима, причем налогами их церковное имущество не облагалось. Доходы от этих имений уходили за рубеж к святым обителям, и новый господарь декретом от 1.07.1859 стал их распределять по своему усмотрению на государственные нужды, передав управление ими сформированному Департаменту церковных дел. Перед этим князь Куза предложил Константинопольскому Патриарху Софронию III определенную компенсацию, но тот отказался обсуждать эту тему. В то время многие монастыри закрывались, а оставшиеся обители облагались налогом в 10% от прибыли. 13 декабря 1863 г. в Княжестве был принят Закон о секуляризации монастырских земель, в результате чего было изъято до 25% всех земельных церковных угодий.

В 1864 г. ввиду секуляризации монастырских имений в Молдавии и возникших вследствие того недоразумений по аренде монастырских имений в Бессарабии, Высочайше утвержденным 15.05.1864 г. Положением Комитета Министров России было решено «Бессарабские имения Молдавских

монастырей сдавать в арендное содержание с публичных торгов, производимых в Бессарабском областном правлении, а внесенные арендаторами деньги пересылать в Императорское консульство в Яссах для передачи уполномоченным монастырям²¹.

По мнению только что назначенного тогда российского посланника в Константинополе Н.П. Игнатьева (1864) прагматичное отношение властей Княжеств к церковному имуществу подвергло опасности судьбу самого Православия, и он предложил целесообразным секвестировать²² доходы молдавских монастырей в Бессарабии²³.

На основании этого МИД России вышел с предложением в Комитет Министров о секвестировании доходов впредь до восстановления нормальных отношений между светской и духовной властями в Княжествах. Данное предложение было Высочайше утверждено 1 января 1865 г.

С тех пор на 1.01.1896 г. суммы накопленных средств составляли по собственникам (*руб. — коп.*):

1. Нямецкая Лавра —	733.511-25
2. Гушская Епископия —	339.993-42
3. Ясская митрополия —	327.960-58
4. Св. Богдана мон. —	17.099-92
5. Пангараца —	18.651-98
6. Слатинского мон. —	193.810-56
7. Св. Георгия храм —	1.260-02
Всего:	1.792.287-73 ²⁴

После Русско-турецкой войны и возвращения России Южной Бессарабии на основании решений Берлинского трактата (1878), находящиеся там имения заграничных монастырей, были приняты в управление на общих основаниях. Хотя были сделаны и исключения. Так, доходы с 3 имений, завещанных в пользу школы в Скамнели в Эпире, перечислялись полностью, за вычетом лишь расходов на управление.

Согласно записке уже неоднократно цитированного выше делопроизводителя VIII класса в Азиатском департаменте МИДа А.В. Веретенникова, до того работавшего секретарем русского консульства в Яссах (Румыния), на февраль 1896 г. им ставился вопрос «не может ли возбудить Министерство в установленном порядке о возвращении Молдавским монастырям доходов с принадлежащих им в Бессарабии имений или же об окончательном отнятии сих имений от собственников»²⁵. Прошло уже 30 лет после секвестирования их доходов, и этот вопрос возвращался в сферу активного внимания властей.

И лишь согласно утвержденного Положения Комитета Министров от 25 февраля 1900 г. поступившие доходы от непреклонных имений молдавских монастырей с 9.03.1873 по 1.01.1900 подлежали «распределению между собственниками и заинтересованными ведомствами на общих

основаниях, определенных Положением Комитета Министров 21.05.1876 г. для имений греческих монастырей»²⁶ как свидетельствует прилагаемая записка (без подписи).

На 1.01.1900 г. в Кишиневское отделение Государственного банка поступило доходов от непреклоненных имений молдавских монастырей на сумму 3.368.057 р. 03 к. Из них было израсходовано:

I. Выдано в счет собственников:

- Румынскому правительству — 1.215.968-60
- на содержание румын в духовных училищах Империи — 11.686-92
- на образование лесного капитала — 19.578-86
- на уплату долгов епископа Феофана — 26.700
- церкви Георгия Лозанского — 14.960-17

	1.288.894-36
II. В распоряжение Обер-Прокурора	113.562-24

III. На экстраординарные расходы,
с Высочайшего соизволения

из запасного капитала —	81.065
Всего:	1.483.521-59
Всего в остатке осталось	1.884.521-59
Но было начислено %	314.728-54
Доходы до 9.03.1873	365.612-42
Итого в наличности	2.564.876-40

Которые окончательно распределялись следующим образом:

1. Собственникам	747.966-94
2. Министру Внутренних дел	556.183-40
3. Министру Народного Просвещения	556.183-40
4. Обер-Прокурору	242.037-59
5. В запасный капитал	462.505-07
	2.564.376-40

Об огромном диапазоне работ и тщательном распределении средств на духовные и материальные нужды Бессарабского края, которые проводились Министерствами Внутренних Дел, Народного Просвещения и Обер-Прокурором Св.Синода, может служить нижеследующая выборочная таблица, где приведены лишь наиболее значительные расходы на проведенные мероприятия. Тогда в Бессарабской губернии находилось уже значительно меньше — 130 имений иностранных духовных установлений, пространством в 159.823 десятин, в т.ч. 42.482 десятин леса²⁷. Отдельные имения были проданы, как Ватопедского монастыря.

*Расходы из запасного капитала и из сумм, поступивших
в распоряжение Св. Синода и Министерств Внутренних Дел
и Народного Просвещения в 1906–1909 гг. (в руб.)²⁸*

Из сумм в распоряжении МИДа (из запасного капитала):

– пособие Антиохийской Патриархии —	30.000
– пособие Константинопольской Патриархии (1000 тур. лир) —	8.540
– пособие грузинским инокам на Афоне —	3.000
– о. Кириллу настоятелю келии Иоанна Златоуста —	10.000
– постройку правосл. Храма в Бухаресте —	63.238
– постройку правосл. Храма в Софии —	43.257
– устройство Быковецкого питомника американской виноградной лозы —	94.500

Из сумм Министерства Народного Просвещения:

– на содержание Министерских училищ и 6% пособие учащимся —	96.203
– на содержание двух низших сельско-хоз. школ —	32.012
– пособие ИППО —	25.000

Из сумм Министерства Внутренних Дел:

– пособие ИППО —	25.000
– Бессарабскому губернскому Земству на содержание Костюженской лечебницы для душевнобольных —	50.000
– на завершение работ по достройке Костюженской лечебницы для душевнобольных —	163.880
– Аккерманскому земству на постройку больницы-	40.133

Из сумм Св. Синода:

– содержание 64 церковно-приходских школ —	49.000
– дополн. содержание Иерусалимской духовной миссии —	11.000
– содержание духовных училищ на о.Халки и Сирии —	2.286
– пособие ИППО —	25.000
– постройку и ремонт храмов —	121.245
– постройку и ремонт церковно-приход. школ —	21.574
– в пособие бывшему Константинопольскому Патриарху Неофиту —	2.700
– на стипендии и пособия воспитанникам духовно-учебных заведений из уроженцев Восточных Патриархатов —	14.418

Означенные выплаты производились в соответствии с Высочайше утвержденными положениями Комитета Министров России, докладами Председателя Совета Министров и Высочайшими повелениями.

Как видно из приведенной таблицы расходы, производившиеся по распоряжению отдельных ведомств, в основном шли на нужды в пределах губернии: на содержание храмов, школ и лечебных заведений. А отдельные

расходы, производившиеся по особым разрешениям, не имевших отношения к святым местам на Ближнем Востоке и Бессарабии, были незначительными. Также МИД производил из средств запасного капитала выплаты «на поддержание, развитие и упрочение Православия на Востоке», что одобрял и Комитет Министров России²⁹. В интересах Православия на Востоке с Высочайшего соизволения производились из того же источника расходы, носившие «по существу своему, ...секретный характер и, следовательно, не подлежали обнародованию»³⁰. Интересно, что на свою активную деятельность на Святой Земле из доходов Бессарабских имений, преклоненных святым местам на Ближнем Востоке, ежегодно получало на свою деятельность пособие Императорское Православное Палестинское Общество в размере 75 тыс. руб. Пособие выплачивалось в течение 1905–1912 гг. (по 25 тыс. руб. от отчислений трех вышеуказанных в таблице ведомств)³¹. Также оно получало разовые пособия с процентов запасного капитала от Бессарабских доходов, находившихся в распоряжении МИДа³².

Ясная и вдумчивая финансовая политика в Бессарабии свидетельствовала о стремлении властей к полноценному развитию края в духовной и материальной областях, что позволило вывести отсталый край скоро на общекультурный российский уровень. И этим Российская Империя отличалась во многом от колониальных подходов большинства тогда европейских «цивилизованных» стран.

¹ АВПРИ, ДЛС и ХД Ф. 159, 1910, оп. 462, д.176. Материалы по делу о субсидии ИППО из сумм имений молдавских монастырей в Бессарабии. С.59.

² АВПРИ Ф 159. Бессарабские имения оп. 462, д. 81. С.5. Краткие сведения, состав по офиц. данным А.В. Веретенникова на февраль 1896 г.

³ АВПРИ Ф.159, оп. 462, д.115. С. 39. Записка Министерства Государственных имуществ от 11.03.1875 на имя товарища Министра Иностранных Дел.

⁴ В 1859 г. два княжества — Молдавия и Валахия образовали Объединенное княжество, а в 1877 г. образовали Княжество Румыния. Закон о секуляризации земель принят 13.12.1863 г.

⁵ АВПРИ Ф 159. оп. 462, д. 81. С. 7. Краткие сведения... А.В. Веретенникова.

⁶ АВПРИ Ф.159, оп. 462, д.178. С. 8 об.

⁷ Земельные владения иностранных монастырей в России, находились также и на Кавказе.

⁸ АВПРИ. Ф. 159, 1910, оп. 462, д.176. С. 1. Материалы о субсидии ИППО...

Имения госпиталя Св. Спиридона в Яссах (8 имений площадью 15.262 дес) находились на особом положении. Доходы его использовались исключительно на благотворительные учреждения в Молдавии, ничего не уделяя на нужды в Бессарабии. После постановления 1873 г. имения госпиталя не были переданы в казенное управление, остались в управлении опеки госпиталя. Там же С. 42 об.

⁹ АВПРИ, ДЛС и ХД Ф. 159, 1910, оп. 462, д.176. Материалы о субсидии ИППО С.37.

¹⁰ АВПРИ, ДЛС и ХД Ф. 159, 1910, оп. 462, д.176. Материалы о субсидии ИППО С. 59.

¹¹ АВПРИ Ф 159. оп. 462, д. 81. С.8. Краткие сведения А.В. Веретенникова...

¹² АВПРИ, ДЛС и ХД Ф. 159, 1910, оп. 462, д.176. Материалы о субсидии ИППО С. 3.

¹³ АВПРИ, Ф. 159, 1910, оп. 462, д.176. Материалы о субсидии ИППО С. 58 об.

¹⁴ АВПРИ Записка Министерства Государственных имуществ от 11.03.1875 на имя товарища Министра Иностранных Дел. Ф.159, оп. 462, д.115. С 39 об.

¹⁵ АВПРИ Ф279. Консульство в Салониках оп. 565. д. 137. С 8.

¹⁶ АВПРИ, ДЛС и ХД Ф. 159, 1910, оп. 462, д.176. Материалы о субсидии ИППО. С. 60.

¹⁷ АВПРИ Ф.159, оп. 462, д.115. С17.

¹⁸ АВПРИ Ф.159, оп. 462, д.115. С17.

¹⁹ Четвертый сын Императора Николая I, прославленный военачальник, наместник на Кавказе 1862–1881 гг.

²⁰ АВПРИ Ф 159. оп. 462, д. 81. С.2. Краткие сведения А.В. Веретенникова на февр. 1896 г.

²¹ АВПРИ Общий журнал комиссии при Мин. Финансов Ф.159. оп. 462. д. 176. С.42

²² Т.е. ввести секвестр или запрет на распоряжение имуществом.

²³ АВПРИ Ф 159. оп. 462, д. 81. С.13 об. Краткие сведения А.В. Веретенникова

²⁴ АВПРИ Ф 159. оп. 462, д. 81. С.14. Краткие сведения А.В. Веретенникова....

²⁵ АВПРИ Ф 159. оп. 462, д. 81. С.28.

²⁶ Там же. С.16.

²⁷ АВПРИ, Ф. 159, 1910, оп. 462, д.176. Материалы о субсидии ИППО.... С. 38 об.

²⁸ АВПРИ, Ф. 159, 1910, оп. 462, д.176. Материалы о субсидии ИППО.... С. 50.

²⁹ АВПРИ, Ф. 159, 1910, оп. 462, д.176. Материалы о субсидии ИППО.... С. 60.

³⁰ АВПРИ, Ф. 159, 1910, оп. 462, д.176. Материалы о субсидии ИППО.... С. 59.

³¹ АВПРИ, ДЛС и ХД Ф. 159, 1910, оп. 462, д.176, С. 8. Материалы о субсидии ИППО.

³² См. статью Ванькин Е.В. «О государственных субсидиях ИППО»

ИССЛЕДОВАНИЕ Б.П. МАНСУРОВЫМ РЕЗУЛЬТАТОВ РАСКОПОК БЛИЗЬ ХРАМА ГРОБА ГОСПОДНЯ В ИЕРУСАЛИМЕ в 1884–1885 гг.*

К. А. Вах

Часть 1. Предыстория последнего путешествия

*«Надобно исполнить то,
что судьба мне определила еще раз
по Иерусалимскому делу.
Затем буду считать себя свободным»*
Б.П. Мансуров

Борис Павлович Мансуров (12.05.1826, Москва — 21.06.1910, Рига) — фигура легендарная в исторических анналах Русской Палестины. Профессиональный чиновник и общественный деятель, статс-секретарь (1859), сенатор (1865), член Государственного совета (1872), историк-палестиновед, эксперт по делам Восточных Православных Церквей и деятельности России в Святой Земле, он известен, в первую очередь, как создатель первой российской паломнической инфраструктуры в Иерусалиме (1856–1864).¹ Б.П. Мансуров был главным концептуальным разработчиком «Иерусалимского проекта» Великого Князя Константина Николаевича, одним из инициаторов учреждения — русского консульства в Иерусалиме (при сопротивлении МИД России и лично А.М. Горчакова), после создания Палестинского комитета, он был Управляющим делами этого

уникального над-правительственного органа (1859–1864). В 1857–1860 гг. Мансуров занимался, совместно с первым русским консулом в Иерусалиме В.И. Доргобужинным, приобретением земель в Палестине, созданием инфраструктуры для обслуживания русских паломников в Яффе, Рамле, Иерусалиме, Назарете и Кайфе, отвечал за организацию финансирования работ и контролировал расходование средств при возведении первых русских храмов и паломнических приютов в Иерусалиме (1859–1864).² После ликвидации Палестинского комитета и создании Палестинской комиссии при Азиатском департаменте МИД Российской Империи (10.04.1864) Мансуров в должности управляющего делами Палестинской комиссии при Азиатском департаменте МИД (с 7 мая 1864)³ на протяжении 25 лет (1865–1889) занимался управлением, финансированием и обеспечением жизнедеятельности Русских построек в Иерусалиме.

Он сформировался как личность и как чиновник в Морском министерстве, возглавлявшимся Великим Князем Константином Николаевичем. Современники именовали морское ведомство 1850-х гг. — министерством прогресса. Константин Николаевич подыскивал и отбирал в него сотрудников, отличавшихся самостоятельностью суждений, энергией, инициативностью и работоспособностью, приносящий результат. Поступив на службу по Морскому министерству в начале Крымской войны (24.02.1854), Мансуров с февраля 1855 г. занимался организацией снабжения русских военных госпиталей и эвакуацией раненых моряков из Севастополя. Деловые качества Мансурова, которые стали отличительной чертой его деятельности, проявились именно в Севастополе. Он не боялся брать ответственность за свои слова и дела, погружался с головой в изучение порученного ему вопроса и потому часто оказывался в одиночестве среди чиновников, даже высшего ранга, придерживавшихся совершенно других правил поведения. Его обвиняли в горячности, но это не так: Мансуров по своей природе был пламенным и решительным человеком. Это его качество вредило карьере. Он так и не занял сколько-нибудь значительную должность в государственном аппарате. Званием статс-секретаря было даровано ему как награда за подготовку Иерусалимского проекта в 1859 г., а место сенатора (1865) было почетной ссылкой перспективного государственного чиновника после ликвидации Палестинского комитета.

Всю жизнь он сохранял духовную связь с идеологом реформ царствования Александра II Великим Князем Константином Николаевичем, гордился званием «константиновца». В религиозном аспекте Мансуров сочетал патриотизм с идеей вселенского единства Православной Церкви под управлением греческих иерархов и неделимости Православия по национальным признакам и интересам. Главной церковно-дипломатической задачей России на Православном Востоке Мансуров считал нравственную, дипломатическую и финансовую поддержку Греческой Православной Церкви. В этом

* Работа выполнена в соответствии с госзаданием Института археологии РАН в рамках программы фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи» Минобрнауки в 2022 г.

вопросе он принципиально расходился с основателем Императорского Православного Палестинского Общества В.Н. Хитрово, что стало причиной неприязненных личных отношений между Мансуровым и некоторыми деятелями Общества.

Православное Палестинское Общество было создано в мае 1882 г. Одним из первых деяний Общества в Святой Земле стали раскопки на русском участке у Храма Гроба Господня, проведенные на личные средства, выделенные Великим Князем Сергием Александровичем в 1883 г. Участок, на котором проводились раскопки, был куплен Б.П. Мансуровым и первым российским консулом в Иерусалиме В.И. Доргобужинным в 1859 г., принадлежал российскому правительству и находился в управлении Палестинской комиссии.⁴ В 1859–1863 гг. на нем уже были проведены раскопки, был снят слой мусора высотой примерно в 5–7 метров и обнаружены все главные древности.⁵ Однако полностью место не было расчищено. Это позволяло надеяться на обнаружение новых памятников древности.⁶

Раскопки, организованные в 1883 г. были поводом громко заявить о новой русской организации, действующей в Святой Земле. Эта, во многом второстепенная по отношению к научной цели раскопок задача, которую поставили себе руководители Палестинского Общества при организации раскопок, породила ряд публикаций, в которых от лица Общества декларировалось, что хотя Россия и сумела получить в собственность ценнейшее по своему местоположению владение, но он так и остался неисследованным «пустырем»,⁷ пока на него не обратило внимание новое Палестинское Общество. Такое утверждение было, мягко говоря, не корректно. Во-первых — потому, что это не соответствовало действительности, во-вторых потому, что это бросало тень на Великого Князя Константина Николаевича в тот самый момент, когда он находился в опале и вынужден был в начале нового царствования уйти со всех государственных постов.⁸ Такое публичное невнимание к положению Константина Николаевича усугублялось тем, что озвученное «обвинение» публично декларировалось одним из главных деятелей Палестинского Общества В.Н. Хитрово, в прошлом сотрудника того самого «министерства прогресса». Хитрово, которого Константин Николаевич первым поддержал в его стремлении расшевелить петербургское общество в поддержку русского дела в Святой Земле, предоставив ему возможность прочитать две публичные лекции в Географическом обществе в 1880 г.⁹ Обстоятельства этого доклада малоизвестны, хотя важны для истории Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.

В сохранившейся записке о положении православия в Святой Земле, (вероятно, это и есть тот текст, который был прочитан в Географическом обществе), описав успехи, сделанные там католическим и протестантскими учреждениями в ущерб православию, Хитрово поставил вопрос: «Что делать?» И первое, на что указал Хитрово — это на необходимость сохранить

и усилить Русскую Духовную Миссию. Дело в том, что в результате возникшего в Иерусалиме конфликта между начальником Миссии архимандритом Антонином (Капустиным) и консулом Н.А. Иларионовым 13 марта 1880 г. Император утвердил предложение Палестинской комиссии и МИД о преобразовании Миссии в настоятельство при русских храмах в Иерусалиме.¹⁰ И Хитрово обратился за поддержкой к Великому Князю Константину Николаевичу: «Перерешать принятое уже решение Палестинскому комитету не ловко, но теплое участие, которое Великому Князю Константину Николаевичу угодно было принимать в первоначальном устройстве наших палестинских дел дает мне надежду, что под Его Высоким председательством, особая комиссия из лиц действительно интересующихся этим делом уяснит как положение этого, так придумает необходимые меры к достижению обеих целей: улучшение быта наших поклонников и поддержание православия в Палестине».¹¹ Иными словами, для сохранения Иерусалимской Духовной Миссии Хитрово в 1880 г. предлагал создать особый орган (комиссию) во главе с Великим Князем Константином Николаевичем. Его опала после убийства Императора Александра II и поездки в Иерусалим Великих Князей Сергия и Павла Александровичей, братьев нового Императора, уже через год в 1881 г. сделала этот план не актуальным. Однако задача нормализовать взаимоотношения Миссии и Консульства в Иерусалиме не только осталась в повестке дня, но и постепенно начала прорабатываться по линии МИД, Св. Синода и Палестинской комиссии.

Собственно для этого еще в 1880 г. и предполагалось отправить вновь Б.П. Мансурова в Иерусалим,¹² однако, поездка постоянно откладывалась. Сначала кончина Императрицы Марии Александровны (22.05.1880), затем убийство Императора Александра II (01.03.1881) и смена руководства в МИД России, потом создание в Санкт-Петербурге Православного Палестинского Общества (21.05.1882), кончина Иерусалимского Патриарха Иерофея (23.06.1882), выборы нового Патриарха Иерусалимского (1882–04.08.1883) и внезапная серьезная болезнь самого Мансурова, отсрочили его командировку в Иерусалим на довольно длительный срок.

Если с 1857 по 1864 гг. Мансуров шесть раз бывал в Иерусалиме, то после ликвидации Палестинского комитета (1864) его возможности посещения Палестины были фактически заблокированы А.М. Горчаковым и Н.П. Игнатьевым. Канцлер, получив в ведение МИД созданную на руинах Комитета Палестинскую комиссию, не имел намерения развивать тему русского паломнического присутствия в Святой Земле. Собрания членов Палестинской комиссии практически не происходили, а вся ее деятельность свелась к формальному получению статистических данных о паломниках и к контролю за средствами по оплате счетов за содержание русских паломнических приютов в Святой Земле. По требованию Азиатского департамента МИД сам Мансуров выступал в роли эксперта и писал соответствующие записки

по предложенным ему вопросам. По свидетельству самого Мансурова «...мое участие в делах нынешней Палестинской Комиссии имело только тот результат, что дела не бросили и окончательно не испортили...».¹³

Посол же в Константинополе Н.П. Игнатъев опирался в Иерусалиме на своего старого знакомого начальника Русской Духовной Миссии архимандрита Антонина (Капустина), нелюбовь которого к Палестинской комиссии, официально владевшей всеми зданиями на Русских постройках, была ему хорошо известна. Игнатъев сам контролировал взаимоотношения консула с начальником Миссии. Он завел порядок, при котором консул во всех делах, касающихся религиозных вопросов должен был советоваться с архимандритом Антонином. А в Иерусалиме большинство вопросов имели религиозный характер. Поэтому, в 1865–1875 гг. никаких столкновений между консулом и начальником Миссии не было. Посол понимал, что приезд Мансурова, даже частным образом, нарушит баланс сил между Духовной Миссией и Русским консульством в Иерусалиме и будет крайне болезненным для архимандрита Антонина. Так что, не смотря на влияние и уважение, которым пользовался Мансуров в Санкт-Петербурге, путь в Иерусалим был ему закрыт, и он ничего не мог с этим поделать. Ситуация для него начала меняться после ухода с поста посла Н.П. Игнатъева (1878) и фактического устранения от дел А.М. Горчакова (1881).

Тема Иерусалима получила новое звучание в России в начале правления Императора Александра III. В 1881 г. в Святую Землю совершили паломничество братья Императора Великие Князья Сергей и Павел Александровичи и сын Константина Николаевича — Константин Константинович. В мае 1882 г. в Санкт-Петербурге было создано Православное Палестинское Общество во главе с Великим Князем Сергием Александровичем. С другой стороны, на Иерусалимский Патриарший престол после внезапной кончины Патриарха Иерофея при поддержке российских дипломатов в 1883 г. удалось провести «русского» кандидата — архиепископа Фаворского Никодима.

Никодим до этого времени долго жил в качестве представителя Иерусалимской Церкви в России и даже в сан архиепископа по просьбе Патриарха Иерофея был возведен митрополитом Санкт-Петербургским и Ладужским Исидором (Никольским) в Исаакиевском соборе Санкт-Петербурга.

В столичной элите появление на Иерусалимском престоле «русского» Патриарха вызвало раскол. Возникли две партии: никодимовцы — те, кто выступал за полную и всестороннюю поддержку Предстоятеля Иерусалимской Церкви и партия, связанная с Палестинским Обществом и В.Н. Хитрово. Последние добивались увеличения контроля за финансами Иерусалимской Патриархии, поступавшими из России, и за развитие независимого от греческого духовенства российского присутствия на Святой Земле. К партии никодимовцев принадлежали и влиятельные почетные члены Палестинского Общества Т.И. Филиппов и Б.П. Мансуров. К партии Палестинского

Общества — куда более влиятельные люди, среди которых были и Великий Князь Сергей Александрович и К.П. Победоносцев. Поэтому, если положение Мансурова и стало с 1881 г. более свободным, то его административные возможности сократились. Его патрон по Иерусалимскому делу Великий Князь Константин Николаевич находился в опале и демонстративно не касался государственных дел. Мансуров мог рассчитывать только на поддержку Иерусалимского Патриарха Никодима и МИД, смотревшего на нового Патриарха как на своего протеже.

Фактически, идею о командировке Мансурова в 1884 г поддерживала бюрократическая инерция; этим обстоятельством он и воспользовался. «Мне стало лучше и доктора говорят, что после 20 марта я могу надеяться на возможность отправиться в Санкт-Петербург и даже на Восток. Восточное путешествие считается даже элементом очень полезным, но опасаются действия качки в море. Я по натуре выношу качку хорошо, но сам не могу выразить уверенности, что в настоящем положении сил буду в состоянии явиться хорошим моряком. В Иерусалим ехать очень нужно и меня туда тянет. Самое трудное будет пригласительное время в Санкт-Петербурге перед выездом».¹⁴

МИД получил от Императора Александра III разрешение командировать Мансурова «согласно предположению, возникшему еще в 1882 году».¹⁵ Одной из его задач было исследование возможности увеличения площадей приютов для паломников. Вторая цель: установление правильных взаимоотношений между Иерусалимскою Патриархией, РДМ в Иерусалиме и Русским консульством для укрепления (в том числе и нравственного) русского положения в Святой Земле.¹⁶ Св. Синоду предлагалось предписать начальнику РДМ архимандриту Антонину «откровенно объяснить с статс-секретарем Мансуровым по всем вопросам, по коим существуют недоразумения между ним и генеральным консулом, а также и Иерусалимским Патриархом и оказать искреннее содействие тем попыткам, кои предприняты будут г. Мансуровым в видах установления правильных и основанных на взаимном доверии отношений».¹⁷ Для себя Мансуров определенно решил на месте ознакомиться с проведенными Палестинским Обществом раскопками на хорошо ему знакомом Русском месте возле храма Гроба Господня: участке, который стал причиной обвинения в бездеятельности «работников первого часа» Иерусалимского проекта России. Как уже было отмечено — поездка Мансурова планировалась с 1880 г. и к 1884 г. иных обстоятельств, препятствовавших его планам, кроме пошатнувшегося здоровья, уже не осталось.

1 января 1884 г. в записной книжке Мансурова появилось дорожное расписание: 30 августа он планировал быть в Константинополе, 27 сентября в Яффе и Иерусалиме, 15 ноября рассчитывал покинуть Иерусалим, чтобы 25 ноября вернуться в Константинополь, а 12 декабря в Москву и к 15 декабря добраться в Санкт-Петербург.¹⁸ В Иерусалим Мансуров рассчитывал прибыть

не с пустыми полномочиями. Во-первых, он хотел иметь возможность распоряжаться зарезервированной суммой для производства работ по расширению и переделке паломнических приютов. Во-вторых, он рассчитывал привезти Патриарху положительное решение о выделении кредита Иерусалимской Патриархии под залог ее Бессарабских имений. Посол в Константинополе А.И. Нелидов был старым знакомым Мансурова, с которым у них было много общего.¹⁹ Нелидову Мансуров дважды написал о своих планах из Москвы.²⁰

Обо всех деталях он рассчитывал лично договориться в Петербурге. 23 марта 1884 г. он был уже в столице и сразу же принял у себя в доме директора Азиатского департамента МИД И.А. Зиновьева.

Пребывание в Санкт-Петербурге было связано с большим физическим напряжением. Кроме занятия иерусалимскими вопросами Мансуров принимал участие в заседаниях и делах Государственного совета, а так же вынужден был отвлекаться на многочисленные бытовые дела. Встречи с К.П. Победоносцевым, Н.К. Гирсом, И.А. Зиновьевым, А.Г. Влангали отмечены в записной книжке довольно часто. 28 марта в Гатчине Мансуров представлялся «Государю и Императрице».²¹ Сохранилось упоминание о двух письмах, посланных Великому Князю Сергию Александровичу 27 и 28 марта. На следующий день после августейшей аудиенции Мансуров передал министру Н.К. Гирсу записку для Императора Александра III.²² 1 апреля он был на литургии в домовом храме Мраморного дворца и затем завтракал вместе с Великим Князем Константином Николаевичем. Затем, дома принимал К.П. Победоносцева, с которым общался «долго».²³ И на следующий день вновь «целый день писал Победоносцеву о награде Антонина».²⁴ 4 апреля Н.К. Гирс сообщил, что «дело» Мансурова вместе с «Запиской» он представил Государю.²⁵ А 6 апреля он пишет А.В. Головнину: «Пришлось мне и эти дни очень усиленно работать. Точно старые годы, — Иерусалимское дело в горячем ходу, — были очень любопытные и интересные эпизоды. Уже явилась на меня жалоба со стороны Победоносцева, на то, что я увлекаюсь! Это в 58-м году жизни! Пока дело идет хорошо и благополучно».²⁶

7 апреля Мансуров почувствовал ухудшение своего состояния, однако, встречи и переписка с Гирсом, Победоносцевым Зиновьевым, Влангали и др. не прекратились.

9 апреля он получил письмо Иерусалимского Патриарха Никодима и ответил телеграммой в тот же день. В интересах Патриарха он принялся писать Записку об Иерусалимских имениях Святого Гроба в Бессарабии, секвестированных российским правительством в 1873 г. в ответ на низложение Патриарха Кирилла.²⁷ «За то страдаю, именно страдаю от особенно-го качества Петербурга, состоящего в том, что нужны недели, чтобы получить ответы и сведения от разных министерств. Просто беда».²⁸

21 апреля Император Александр III вернул Записку и «брошюру» Мансурова, переданную ранее через Н.К. Гирса «без всяких отметок и отзыва».²⁹

Возможно, даже не читав их. Если сам Мансуров не увидел в этом большой беды, то зато другие, вероятно, могли почувствовать в этом признаки холодности, которую испытывал Император к одному из ближайших сотрудников своего опального дяди. Однако Мансуров продолжал начатое, несмотря на возросшее нездоровье.

26 апреля после «серьезного разговора» с Зиновьевым он записал: «Дело займа 300 тыс. Патриарху улажено: МИД 200 тыс., Синод 100 тыс.».³⁰ Вокруг этого займа, (вопрос о нем был поставлен Иерусалимским Патриархом Никодимом еще осенью 1883 г.), разгорелась полемика между Мансуровым с одной стороны и Хитрово с другой.³¹

27 апреля Мансуров вновь пишет Головнину: «Дело идет очень не хорошо, у меня уже почти нет надежды на успех, — инерции не одолеть. Единственный человек живой — это Зиновьев, — и он ничего не может сделать. Вследствие всего этого и здоровье мое не лучше, а хуже. Усталость бывает ужасная, — а все надо работать и стараться. Бросить дела еще не могу, — а скоро придется. Наконец я, кажется, добился до того, что 8 мая соберется Палестинский комитет, — а я здесь с 21 марта. Судите сами. <...>

<PS> Прилагаю записку, которая очень любопытна.³² Я ее составил на всякий случай, т.е. на счастливый случай. Теперь она уже, как видно, и света Божьего не увидит. По прочтении возвратите, пожалуйста. Это un-suit».³³ В записной книжке же появилась короткая запись: «Читал Иерусалимские дела...»³⁴

28 апреля «Кончил выборку из отчетов иерусалимских консулов за 1882–1883 год. Послал Зиновьеву Записку о Бессарабских имениях <...> Вечером писал и кончил письмо Зиновьеву о двусловном предложении Палестинского Общества».³⁵

30 апреля «Писал журнал (1-й) о предложениях Палестинского Общества».³⁶

1 мая. «Вечером у меня Т.И. Филиппов. Утром и вечером писал журналы Палестинской комиссии».³⁷

2 мая «Утром все писал журналы Палестинской комиссии. ... Вечером писал журналы».³⁸

3 мая «Соображал планы. Не поехал на общее собрание Палестинского Общества. <...> Писал журнал о Доме Духовной Миссии».³⁹

4 мая. «Писал журнал о Доме Духовной Миссии. Был у меня Ф.П. Корнилов. Вместо меня выбрали членом Совета Палестинского Общества В.Н. Хитрово... Кончил журнал № 6».⁴⁰

5 мая «Написал и кончил Записку для Гирса о увеличении штата и учреждении генерального консульства в Иерусалиме, и о налоге на паспорта».⁴¹

6 мая. «Я рассматривал проект общего журнала Палестинской комиссии <...> Окончил чтение всех бумаг к докладу Палестинской комиссии».⁴²

7 мая. В письме к А.В. Головнину: «С 29 апреля по вчерашний день я безвыходно и почти не сходя с места писал журналы и записки

по Иерусалимским делам, т.е. работал за Азиатский департамент для заседания Палестинской комиссии, которое должно собраться у меня завтра во вторник вечером».⁴³ В записной книжке: «Вечером читал Дело Синода 1863–1869 о Духовной Миссии».⁴⁴

8 мая. «Вечером у меня Палестинская комиссия с 8 до 1 часа. Все главное принято. Устал очень».⁴⁵

После этого собрания последовало резкое ухудшение здоровья Мансурова. Было очевидно, что потребуются длительное лечение. Решено было сначала ехать за границу куда-нибудь в горы, а уже затем отправляться в Иерусалим. Правда, оставалось еще кончить все начатые в столице дела.

11 мая. «Писал Записку для Государя от имени Гирса».⁴⁶

15 мая «У меня Н.П. Смирнов. Порешили вечером о доме Духовной Миссии».⁴⁷

16 мая. «Вечером читал 2 дела бывшего Палестинского комитета №№ 13 и 28. (Отчеты консулов и Эппингера 1860–1863 включительно). NB. Эти дела мне нужны в Иерусалиме».⁴⁸

17 мая «У меня Н.К. Гирс».⁴⁹

18 мая. «Кончил бумагу в Палестинское общество по журналу № 4».⁵⁰

19 мая. «Кончил журнал № 7 об отчетах консульства за 1882 и 1883 г.».⁵¹

22 мая. «Получил письмо Патриарха. (Отослал Зиновьеву)».⁵²

29 мая «У меня Виктор Александрович Максимов (бывший временный консул в Иерусалиме)».⁵³

31 мая Мансуров с женой и дочерьми выехал из Санкт-Петербурга в Берлин. О времени, проведенном им за границей на лечении, мы узнаем из писем к А.В. Головнину. Очевидно, что, несмотря на серьезную болезнь, Мансуров не прекращал заниматься подготовкой своей поездки в Иерусалим. Однако, его отсутствие в столице позволило его противникам минимизировать и полномочия, и ресурсы, которые в результате были ему предоставлены. Приведем несколько цитат.

«Возвращаться в Санкт-Петербург в конце августа, когда все дела еле делаются, когда может быть не будет в Санкт-Петербурге ни Государя ни Гирса — является весьма неблагоприятным и излишним, если не существует особых, мне неизвестных соображений, требующих моего прибытия. <...> то прошу согласия на то, чтобы мне ехать прямо в Константинополь через Венецию и Триест и там ждать письменных инструкций, кредитива и лиц, со мною едущих. Если на это получится согласие, то я могу быть в Константинополе 31 августа».⁵⁴ О посланном Зиновьеву письме и открытке сделана отметка и в записной книжке: «2 июля. Письмо и открытка И.А. Зиновьеву».⁵⁵

5 июля Мансуровы получили от товарища министра иностранных дел А.Г. Влангали известие о назначении их старшего сына Павла в Константинополь на должность помощника секретаря посольства.⁵⁶ Павел Борисович за год до этого окончил историко-филологический факультет Императорского Московского университета (1883), а в начале 1884 г. женился

на Софье Васильевне Безобразовой. К этому моменту молодая чета уже ждала ребенка. Таким образом, появилась возможность для встречи всей семьи в Константинополе. Но в Санкт-Петербурге командировка Мансурова все еще была под вопросом. Его предстоящее посещение Иерусалима волновало и начальника РДМ архимандрита Антонина, и Палестинское Общество в лице В.Н. Хитрово, и обер-прокурора К.П. Победоносцева.

«Я получил от И.А. Зиновьева следующую телеграмму: *Reponse retarde a cause de difficultés imprevuees. Espere solution favorable.*»⁵⁷

Я просил разрешения, как вы знаете, не возвращаясь в августе в Санкт-Петербург ехать прямоходом в Константинополь. В чем могут быть затруднения — не постигаю. Я думал, что мне ответят тотчас согласием, — выходит, что мне сообщено только о надежде, а обещанного письма я еще не получал. <...> Я измеряю все конечно с точки зрения интересов Иерусалимского вопроса. Что значат эти затруднения? Хороший ли тут или не хороший оборот для Иерусалимского дела? That is the question.⁵⁸

Пока планы мои строились и строятся на предположении, что меня в Санкт-Петербург не вызовут. <...> Надеюсь, что решение Н.К. Гирса не разрушит этих планов».⁵⁹

Конкретные планы поездки Мансуров обсуждает в письме к Головнину, отправленном из австрийского курорта Бад-Ишль после получения долгожданного согласия МИД.

«Надобно исполнить то, что судьба мне определила еще раз по Иерусалимскому делу. Затем буду считать себя свободным.

Я получил, наконец, на сих днях и здесь в Ischl'e⁶⁰ ответ развязывающий меня ехать прямо на Восток. 18/30 августа мы будем в Вене. 25 августа / 6 сентября выедем из Вены по Дунаю, будем 29 августа / 10 сентября в Варне, а 30 августа / 11 сентября в 7 утра на Босфоре, где на пароходе просидим 5 дней в карантине.

Сколько можно рассчитывать вперед — 20 сентября / 2 октября на австрийском пароходе я отправлюсь в Иерусалим via Smugna, Chios, Rhodos, Larnaca (Chypre), Beyrout, Jaffa. Пути знакомые кроме Кипра, куда заходить мне не приходилось. Если не придется остановиться в Бейруте, то 27 сентября / 9 октября я могу быть в Яффе.

Зиновьев уведомил меня, что согласно моему ходатайству со мною командировается архитектор Эппингер.⁶¹ Хотя я не имею обстоятельного уведомления кроме телеграммы, и посылка Эппингера значит что Министерство во и иностранных дел убедилось в необходимости немедленно приступить к расширению наших приютов. При имени техника в моем распоряжении — мои указания будут иметь твердый практический смысл, — значит я поеду с пользою.

Совершенно не знаю, когда мне придется возвратиться в Петербург. В Иерусалиме останусь сколько нужно, не спеша ничем. Нежно и крепко просятся

в Иерусалим мои дочери, которые обе будут при нас в Константинополе. Если средства позволят — может быть возьму их, тем более что жена будет покойна, если со мною будут нянюшки. <...> Из Константинополя мы имеем известия о радостях детей, которые соединились и свиделись. К счастью моему старший сын мой вполне доволен и счастлив, а жена его очень дельная женщина, серьезная и с характером, хорошая хозяйка и очень экономная».⁶²

Начало осени Мансуровы встретили на борту австрийского парохода Флора.⁶³ «Да благословит Господь и далекий путь, и пучину морскую, и высадку в Яффе и все дальнейшее. <...> Утешительно было проехать по Дунаю вдоль по Болгарии и от Рушука до Варны. Турок или нет, или видно, что они уже не хозяева. А давно ли?».⁶⁴

Ранее Мансуров рассчитывал 1 сентября уже быть в Константинополе. Но задержка была совсем незначительной. 4/16 сентября он, жена и старшая дочь высадились в Буюк-дере. «Я не был в этих краях с 1859 г. Перемен нашел очень много в Европейской части — Пере и Галате. Тут ездят в каретах и в tramways там, где с трудом ездили верхом. Вырос целый с виду роскошный европейский город, но вся эта роскошь показная, недвижимости упали в цене очень сильно, греческие богачи поразъезжались и как мыши бросают здание, грозящее падением. Все, что турецкое — еще более развалилось. Народ кишит по улицам, tramways завелись и в Стамбуле во всю длину, но кругом везде развалины».⁶⁵ В Константинополе их встретил сын Павел со своей молодой женой и второй дочерью Мансуровых. В тот же день запись о посещении посла: «У нас Нелидов долго».⁶⁶

13 сентября советник посольства М.К. Ону принес депешу от И.А. Зинovieва «Благоволите передать статс-секретарю Мансурову деньги и инструкции, высланы вчера».⁶⁷

«Начало дела знаменуется пока тем, что я до сего дня не получил здесь ни инструкций, ни денег, ни какого-либо уведомления о результатах моих ходатайств. Мало того посол Нелидов доселе даже не уведомлен ни о Высочайше возложенном на меня поручении, ни о том, что я отправляюсь в Палестину, еще менее о существе дела. Есть только коротенькая депеша о том, что мне высланы деньги и инструкции 11 сентября. Эппингера задержат до 12 ч<исла>, и может быть он прибудет сюда завтра, — но он простоит в карантине 5 или даже 8 дней, и я его дожидаться не могу. Заметьте, что я 2 месяца тому назад писал à qui de droit⁶⁸ что уеду из Конст<антинопо>ля 20 сентября, и 2 раза подтверждал это. Вот как теперь делают дела.

Ввиду всего этого и многого другого я могу принять ваш милый комплимент. Да, я совершаю подвиг и подвиг самоотверженный, ибо могу предполагать, qui je ne recueillerai qui conçoit et horiout⁶⁹.

Наши обстоятельства так сложились, что я почти принужден взять с собой обеих дочерей, так как жена не может воротиться в Москву ранее совершенного окончания всех фазисов того процесса, который сделает нас дедушкой

и бабушкой. Дочерей и некуда было бы деть, — а мы много выгадываем на том, что наше хозяйство в Москве нарушено почти на всю зиму. По возвращении моем из Иерусалима жена хочет поехать в Крым посетить сестру свою графиню Толст<ую>, которая неутешна в своем горе. Alles in Allem — я нисколько не буду спешить в Иерусалиме; чем дольше я там пробуду, тем больше я узнаю. Патриарх уже по телеграфу предложил мне остановиться у него, в том самом доме, в котором в 1858–1860 гг. жил б<ывший> начальник Духовной Миссии епископ Кирилл de funesti mirnoire⁷⁰. Отказаться от предложения Блаженнейшего Патриарха невозможно, но я постараюсь все таки перебраться впоследствии в среду Русских построек, где я должен был жить. И то и другое будет мне полезно.

С удовольствием могу вам сказать, что настроение и мнения посла Нелидова вполне соответствуют моим желаниям. Я имею к нему стародавние очень дружеские отношения, и само собой разумеется, что в этом обстоятельстве заключается корректив для исправления тех basines,⁷¹ о коих я говорил выше».⁷²

17 сентября деньги на командировку в размере 13 880 франков были, наконец, выданы Мансурову и 20 сентября он отплыл с двумя дочерьми из Буюк-дере.⁷³

27 сентября Мансуровы высадились в Святой Земле. «В Яффе нас встретили В.Ф. Кожевников и Преосвященный Епифаний Иорданский, а от Духовной Миссии иеромонах Вениамин».⁷⁴ 28 сентября: «Прибыли в Колоние. Встреча великолепная. С Преосвященным Кириллом Севастийским и архимандритом Антонином во главе прибыли во Святой Град и в дом Блаженнейшего Патриарха около 5 часов. Вечером у Гроба Господня».⁷⁵

«Вам легко понятно, с каким глубоким чувством я явлюсь на поприще старой хорошей деятельности. Точно также понятно вам, как часто мною будет помянуто ваше имя и вся та помощь, без которой ничего бы не могло сделаться»⁷⁶ — писал о своих чувствах Борис Павлович Мансуров, оказавшийся лицом к лицу со своей молодостью, спустя ровно 20 лет.

¹ Вах К.А. «За шествием Бога с Запада на Восток»: у истоков Иерусалимского проекта России после Крымской войны // Письма Б.П. Мансурова из путешествия по Православному Востоку в 1857 г. / Подготовка к изданию и публикация Кирилла Ваха и Алексы фон Виннинг. М., 2014. С. 15–46.

² О деятельности Б.П. Мансурова по реализации Иерусалимского проекта см.: Вах К.А. Иерусалимский проект великого князя Константина Николаевича // Великий князь Константин Николаевич и русское паломничество в Святую Землю. Каталог выставки / Автор-составитель Кирилл Вах. М., 2012. С. 10–111; Вах К.А. Как начиналась Русская Палестина. Иерусалим в письмах Б.П. Мансурова и В.И. Доргобужина. 1858–1860. (Научная статья и публикация документов). // Иерусалимский православный семинар. Вып. 7. М., 2017. С. 111–121.

- ³ Вах К.А. Из предыстории ИППО: кризис Палестинского Комитета, рождение Палестинской Комиссии // Императорское Православное Палестинское Общество. К 130-летию со дня основания. Международная научная конференция 10 ноября 2011 г. М., 2011. С. 17–30.
- ⁴ Историю Русского места у Храма Гроба Господня см.: Вах К.А. Первые русские раскопки у Храма Гроба Господня в Иерусалиме в 1859–1861 гг. // Исторические записки. № 19 (137). М., 2020. С. 21–75.
- ⁵ Перечень открытых древностей см.: Мансуров Б.П. Базилика императора Константина в Св. Граде Иерусалиме. По поводу русских раскопок близ Храма Гроба Господня. СПб., 1885. С. 33.
- ⁶ Подробнее см.: Беляев Л.А., Вах К.А. Раскопки на Русском месте в 1883 г. по материалам дневника архимандрита Антонина (Капустина) // Православный палестинский сборник. Вып. 119. М., 2021. С. 39–60.
- ⁷ «...приобретенное место, не смотря на свою близость к храму Воскресения, оставалось тем же пустырем, которым было приобретено 25 лет тому назад. Только в 1865 г. английские исследователи произвели на нем незначительные раскопки...». Д.Ф. Кобеко Из отчета Отделения ученых исследований Православного Палестинского Общества, читанного в заседании Отделения 4 октября 1883 г. // Отчет Православного Палестинского Общества за 1883–1884 год. СПб., 1884. С. 3–4.
- ⁸ Завьялова Л., Орлов К. Великий князь Константин Николаевич и великие князья Константиновичи: История семьи. СПб., 2009. С. 204–218.
- ⁹ Текст доклада, немного переработанный, был подарен автором секретарю и другу Константина Николаевича А.В. Головнину. ОР РНБ. Ф. 208 (А.В. Головнин). Оп. 1. Д. 322. Л. 1–33об. Позднее, в дополненном и обработанном виде записка была опубликована В.Н. Хитрово под названием «Православие в Святой Земле» в первом выпуске Православного Палестинского сборника (СПб., 1881).
- ¹⁰ Памятная записка по вопросу упразднения Духовной Миссии в Иерусалиме. ОР РНБ. Ф. 208 (А.В. Головнин). Оп. 1. Д. 318. Л. 3об. (В деле имеется несколько записок; в каждой своя нумерация листов).
- ¹¹ ОР РНБ. Ф. 208 (А.В. Головнин). Оп. 1. Д. 322. Л. 15–15об.
- ¹² В Синоде, куда поступили для согласования документы о командировке Мансурова, архивное дело так и называлось: «По отношению министра иностранных дел о командировании в Иерусалим статс-секретаря Мансурова для исследования и устранения причин неправильных отношений между тамошними правительственными учреждениями». РГИА. Ф. 797. Оп. 54. Отд. II. Стол 3. Д. 246.
- ¹³ ОР РНБ. Ф. 208 (А.В. Головнин). Оп. 1. Д. 317. Л. 1–1об.
- ¹⁴ Б.П. Мансуров — А.В. Головнину. Письмо 26 февраля 1884 г. Москва. ГАРФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 8. Л. 26–26об.
- ¹⁵ Отношение министра иностранных дел Н.К. Гирса к товарищу обер-прокурора Святейшего Синода Н.П. Смирнову от 25 августа 1884 г. №. 2955. Там же. Л. 1.
- ¹⁶ Там же. Л. 1об.
- ¹⁷ Там же. Л. 2–2об.
- ¹⁸ ГАРФ Ф. 990. Оп. 2. Д. 26. Л. 19.

- ¹⁹ Б.П. Мансуров — А.В. Головнину. «С удовольствием могу вам сказать, что настроение и мнения посла Нелидова вполне соответствуют моим желаниям. Я имею к нему стародавние очень дружеские отношения...». ГАРФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 8. Л. 4.
- ²⁰ Записная книжка за 1884 г. Записи 17 и 18 мата. ГАРФ. Ф. 990. Оп. 2. Д. 26. Л. 57, 57об.
- ²¹ ГАРФ. Ф. 990. Оп. 2. Д. 26. Л. 62.
- ²² Там же. Л. 63. В источнике тема Записки не конкретизирована, но вероятнее всего Мансуров изложил императору свое видение иерусалимского вопроса и очень рассчитывал получить на нее реакцию Александра III.
- ²³ Там же. Л. 64об.
- ²⁴ Там же. Л. 65.
- ²⁵ Там же. Л. 66.
- ²⁶ Б.П. Мансуров — А.В. Головнину. Письмо 6 апреля 1884 г. ГАРФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 8. Л. 22–22об.
- ²⁷ Записку о «Секвестре» или о «Монастырских имениях» Мансуров начал писать 12 апреля и закончил 18 числа. Там же. Л. 70об, 73.
- ²⁸ Б.П. Мансуров — А.В. Головнину. Без даты. Апрель 1884 г. ГАРФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 8. Л. 18–18об.
- ²⁹ Там же. Л. 74об.
- ³⁰ Там же. Л. 77.
- ³¹ В.Н. Хитрово в октябре 1883 г. составил смету доходов и расходов Патриархии, в которой показывал, что она получает достаточно средств, но большая их часть идет на цели и нужды, не связанные с функционированием Иерусалимской Церкви. «В представляемой при сем записке я постарался доказать, что печальное финансовое положение Иерусалимской Патриархии, зависит не от недостатка денежных средств, а от отсутствия внутреннего порядка, и что каждый новый заем будет ей тем более вреден, чем он легче будет заключен» (К.П. Победоносцев. С. 146; Смета и пояснение к ней см.: Там же. С. 148–158) Ему ответил Б.П. Мансуров в брошюре...
- ³² Записка о монастырских имениях Святого Гроба, см. выше.
- ³³ Б.П. Мансуров — А.В. Головнину. Письмо 27 апреля 1884 г. ГАРФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 8. Л. 20–21.
- ³⁴ ГАРФ. Ф. 990. Оп. 2. Д. 26. Л. 77об.
- ³⁵ Там же. Л. 78.
- ³⁶ Там же. Л. 79.
- ³⁷ Там же. Л. 79об.
- ³⁸ Там же. Л. 80.
- ³⁹ Там же. Л. 80об.
- ⁴⁰ Там же. Л. 81.
- ⁴¹ Там же. Л. 81об.
- ⁴² Там же. Л. 82.
- ⁴³ Б.П. Мансуров — А.В. Головнину. Письмо 7 мая 1884 г. ГАРФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 8. Л. 16.
- ⁴⁴ ГАРФ. Ф. 990. Оп. 2. Д. 26. Л. 82об.
- ⁴⁵ Там же. Л. 83.

- 46 Там же. Л. 84об.
- 47 Там же. Л. 86об.
- 48 Там же. Л. 87.
- 49 Там же. Л. 87об.
- 50 Там же. Л. 88.
- 51 Там же. Л. 88об.
- 52 Там же. Л. 90.
- 53 Там же. Л. 93об.
- 54 Б.П. Мансуров — А.В. Головнину. Письмо 3/15 июля 1884 г. Рагац, Швейцария. ГАРФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 8. Л. 10–10об.
- 55 ГАРФ. Ф. 990. Оп. 2. Д. 26. Л. 110.
- 56 Там же. Л. 112.
- 57 Ответ задерживается из-за непредвиденных трудностей. Надеюсь на благоприятное решение — (франц.).
- 58 Вот в чем вопрос — (англ.).
- 59 Б.П. Мансуров — А.В. Головнину. Письмо 3/15 августа 1884 г. Хофгафстайн, Австрия. ГАРФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 8. Л. 7–8.
- 60 В этом городе он проходил последний курс лечения грязевыми ваннами.
- 61 Федор Мартынович Эппингер — сын М.И. Эпингера, построившего первые русские приюты и храмы в Иерусалиме в рамках Иерусалимского проекта Великого Князя Константина Николаевича. О нем см. в статье Л.А. Беляева и К.А. Ваха об Эппингерах, опубликованной в настоящем издании.
- 62 Б.П. Мансуров — А.В. Головнину. Письмо 15/27 августа 1884 г. Бад-Ишль, Австрия. ГАРФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 8. Л. 5об-6.
- 63 ГАРФ. Ф. 990. Оп. 2. Д. 26. Л. 141.
- 64 Б.П. Мансуров — А.В. Головнину. Письмо 16/28 сентября 1884 г. Буюк-дере. ГАРФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 8. Л. 3, 4об.
- 65 Там же. Л. 4–4об.
- 66 ГАРФ. Ф. 990. Оп. 2. Д. 26. Л. 143.
- 67 Там же. Л. 147.
- 68 Для предъявления по месту требования — (франц.).
- 69 Кого я не соберу, кто задумает и отправится — (франц.).
- 70 Смертоносных зеркал — (франц.).
- 71 Бактерии — (франц.). Мансуров имеет виду то неявное противодействие, которое оказывается его попытке перезапустить Иерусалимское дело.
- 72 Б.П. Мансуров — А.В. Головнину. Письмо 16/28 сентября 1884 г. Буюк-дере. ГАРФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 8. Л. 3–4.
- 73 ГАРФ. Ф. 990. Оп. 2. Д. 26. Л. 149об.
- 74 ГАРФ. Ф. 990. Оп. 2. Д. 26. Л. 154.
- 75 Там же. Л. 154об.
- 76 Б.П. Мансуров — А.В. Головнину. Письмо 16/28 сентября 1884 г. Буюк-дере. ГАРФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 8. Л. 4об.

ЛЕЧИТЬ ДУШУ И ТЕЛО: консул в ДАМАСКЕ Г.Д. БАТЮШКОВ О ХРИСТИАНСКИХ БОЛЬНИЦАХ ГОРОДА в 1906 г.*

О.Е. Петрунина

Развитие системы медицинской помощи и медицинских учреждений в XIX в. стало одним из важнейших направлений деятельности западных миссионеров в Османской империи. Благотворительность всегда шла рука об руку с миссионерской работой, а на Ближнем Востоке в это время для нее были подходящие условия. С конца XVIII в. во многих европейских странах шло формирование системы здравоохранения. Османская империя в этом отношении отставала. Известны случаи приглашения опытных медиков из Европы на османскую службу, но они были единичными¹. Между тем, санитарное состояние ближневосточных портов, через которые шли торговые операции с Европой, вызывало беспокойство, прежде всего, французского правительства, поскольку в то время Франция была европейским лидером в торговых отношениях с османами. Французы хорошо помнили, как в 1720 г. прибывшее из Сирии купеческое судно «Гран-Сент-Антуан» привезло в Марсель чуму, вызвавшую опустошительную эпидемию². Однако начале XIX в. в портах Сирии было всего семь французских медиков. Они обслуживали, прежде всего, местных европейцев и левантинцев. Сведений о местных врачах того времени мало, они практиковали частным образом и зачастую не имели систематического медицинского образования. Только в 1880-е гг. в Сирии появились законодательство и структуры, регулирующие медицинскую практику³.

В XIX — начале XX вв. развитие системы здравоохранения в османском государстве, в частности, в Сирии, шло благодаря совокупным усилиям

* Работа выполнена в соответствии с госзаданием Института славяноведения РАН в рамках программы фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи» Минобрнауки в 2022 г.

турецких властей, европейских государств, а также частных жертвователей и миссионеров. Особенно активно на этом поприще действовали западные миссионеры, хотя долгое время главным объектом их внимания была Палестина. В XIX в. традиционной гегемонии Франции в представительстве интересов западного христианства бросили вызов не только другие католические державы (Испания, Австрия, Италия), но и протестантские (Пруссия (Германия), Великобритания). С открытием американской протестантской миссии в Сирии появились американские врачи. Так, в 1840 г. в Сирию приехал молодой тогда врач, известный в будущем и как проповедник, и переводчик Корнелиус ван Дик (1818–1895). Двумя годами позже миссия пополнилась еще одним врачом⁴. В 1861 г. прусские госпитальеры-протестанты открыли в Бейруте больницу св. Иоанна. Впоследствии она перешла в распоряжение Сирийского протестантского колледжа в Бейруте (ныне Американский университет Бейрута), основанного в 1866 г. усилиями американских миссионеров. В 1867 г. принял первых студентов его медицинский факультет. В начале XX в. на нем обучалось свыше 100 студентов. В 1900 г. принял первых студентов фармацевтический факультет, в 1905 г. — школа медсестер⁵. Очень скоро и колледж, и его выпускники-медики стали внушать беспокойство французским конкурентам⁶. В 1875 г. иезуиты открыли в том же городе католический университет св. Иосифа, в составе которого с 1883 г. действовал медицинский институт, позже преобразованный в факультет. По данным на 1899 г., годовые расходы на него составили 12 тыс. франков, он насчитывал 47 преподавателей и 527 студентов⁷. В период между 1871 и 1918 гг. только в южной Сирии практиковали 73 врача-уроженца Империи и 174 врача-иностранца⁸.

Во второй половине XIX в. активизировалась российская ближневосточная политика, а во второй половине столетия, во многом благодаря усилиям ИППО, в Святой Земле появились и российские медицинские учреждения⁹. За инославной пропагандой, в том числе медицинской деятельностью западных миссионеров, в России внимательно наблюдали¹⁰.

Но положение в Сирийском вилайете оставляло желать лучшего. Штаб-квартиры западных миссионеров и их крупнейшие учреждения находились в приморском Бейруте. Вторым по значимости с этой точки зрения был г. Триполи¹¹. Дамаску же уделялось гораздо меньше внимания. Не случайно составивший подробнейшее описание Сирии французский востоковед Виталь Кюине упомянул только о санитарных властях, а также единичных медицинских учреждениях, созданных католическими миссионерами. На тот момент в Дамаске действовала основанная в 1854 г. конгрегацией сестер милосердия св. Викентия де Поля амбулатория с одним врачом. Сестринскую помощь оказывали монахини. Ежедневно в амбулаторию за консультацией или перевязкой обращалось до 700 пациентов-местных жителей различной конфессиональной и этнической принадлежности¹².

По данным самой конгрегации, не подтвержденным, впрочем, ни российским консулом в Дамаске Г.Д. Батюшковым, ни В. Кюине, на 1895 г. в Дамаске действовала их больница и две амбулатории¹³. В городе, по сведениям В. Кюине, была также униатская больница¹⁴. Но сведений о ней в других источниках пока не встречалось. В то время, когда труд В. Кюине выходил из печати, свою больницу в Дамаске (ныне государственный родильный дом «Аз-Зухрави») основали шотландские миссионеры. Активная деятельность миссионеров служила стимулом для османских властей, обеспокоенных популярностью западных лечебниц среди мусульман. В 1898–1899 гг. в Дамаске по указу султана Абдул-Хамида II строилась больница, названная его именем «Аль-Хамидие» и также известная под названием «больницы для приезжих», поскольку в ней лечилось много иммигрантов-мусульман¹⁵.

В целях не столько развития медицины, сколько противодействия западным миссионерам, основавшим медицинские факультеты в Американском университете Бейрута и католическом Университете св. Иосифа, в 1903 г. султанским указом был основан Османский медицинский колледж в Дамаске, ставший первым османским медицинским учебным заведением в арабских провинциях Оттоманской Порты¹⁶. В нем были два отделения: лечебное и фармацевтическое.

К началу Первой мировой войны османские власти в арабских провинциях предпочитали отдавать медицинские вакансии выпускникам именно этого учебного заведения, отказываясь от услуг выпускников медицинских факультетов бейрутских миссионерских вузов¹⁷. Это происходило, главным образом, потому что выпускники, к примеру, Университета св. Иосифа не имели права вести врачебную практику в самой Франции, но только в ее колониях. В свою очередь, османские власти не стремились признавать медицинские дипломы христианских университетов: они опасались, что переход в руки их обладателей такой престижной профессии, как медик будет способствовать успеху христианской проповеди среди мусульман¹⁸.

Таким образом, достоверно известно, что в начале XX в. в Дамаске функционировала одна больница, и этого было явно недостаточно. Численность населения города, по данным переписи 1905–1906 г., превышала 200 тыс. чел.¹⁹ Поэтому открытие новых лечебных учреждений было вызвано назревшей необходимостью. Как и прежде, активность в этом деле проявили католические миссионеры. При финансовой и дипломатической поддержке французского правительства в 1905 г. на базе своей амбулатории сестры-викентийки открыли больницу, позже получившую имя св. Людовика.

Об истории постройки больницы, связанных с ней трудностях, особенностях управления писал в начале 1906 г. в публикуемом здесь секретном донесении послу в Константинополе Ивану Алексеевичу Зиновьеву российский консул в Дамаске Георгий Дмитриевич Батюшков. Назначенный в Дамаск в 1904 г. Батюшков, несмотря на относительно небольшой

срок пребывания на своем посту, был хорошо знаком с положением в городе, местными элитами, нуждами населения. Он высоко оценил открытие французами новой больницы, считая ее крупнейшей акцией французского правительства последних лет. Разрешение на постройку больницы было запрошено еще в 1894 г. и, после бюрократических проволочек и намеренной пролонгации со стороны османских властей, было получено только в 1902 г. Деньги на постройку были выделены французским государством, но их оказалось недостаточно, поэтому был привлечен частный капитал. Больница первоначально была рассчитана на 60 пациентов и имела современное оборудование и аптеку. Несмотря на все трудности, строительство и оснащение больницы в 1905 г. были завершены, и она сразу начала функционировать.

Батюшков обратил внимание не только на масштаб, но и на организацию проекта: благотворительница сестра Готье не просто передавала средства на создание больницы, но взяла на себя управление учреждением. Такой подход гарантировал, что пожертвованные деньги не будут украдены или растрчены, но принесут максимальную отдачу. То обстоятельство, что больница находилась в управлении мощной католической конгрегации, имевшей большой опыт фандрайзинга и администрирования благотворительных учреждений²⁰, стало залогом продолжения ее деятельности вплоть до сего дня, несмотря на все потрясения, которые пережила Сирия за последующее столетие. Ныне больница св. Людовика является одним из важнейших учреждений конгрегации викентянок в Сирии и в целом на Ближнем Востоке²¹.

Столь бурная деятельность западных миссионеров, сочетавших медицинскую помощь с проповедью своего вероучения, вызывала беспокойство не только османских властей, но и местной православной общины. Анализируя сложившееся положение, посол в Константинополе Михаил Николаевич Гирс в 1913 году писал: «Католическая и протестантская пропаганды не теряли случая доказать туземцам все преимущества, которыми пользовались их единоверцы. О последних постоянно заботились: им предоставлялась бесплатная медицинская помощь в многочисленных больницах и амбулаториях, для них строились школы, по окончании коих молодые люди имели возможность завершить образование в Американском или Французском университетах в Бейруте, чем обеспечивалась в дальнейшем сравнительная безбедность существования католической и протестантской молодежи. Православные же оставались низшим элементом населения»²².

Обеспеченные православные сирийцы задумывались об организации собственных медицинских учреждений. Православные врачи в Дамаске практиковали частным образом и были готовы трудиться и в больнице даже бесплатно. Камнем преткновения было отсутствие необходимых средств

на постройку и оборудование лечебницы. Помимо невысокого в целом уровня жизни православных, проблема была и в том, что их численность постоянно уменьшалась: многие уезжали на заработки за границу. Как сообщал сменивший в 1907 г. Г.Д. Батюшкова на консульском посту в Дамаске князь Борис Николаевич Шаховской, больше половины мужского населения Ливанской епархии уехало в Америку²³.

В публикуемом донесении Г.Д. Батюшкова представлена одна из попыток сирийских православных предоставить доступную медицинскую помощь единоверцам, что должно было способствовать и поднятию социального статуса православного населения Дамаска. За дело взялось православное благотворительное общество. Усилиями местного женского комитета были собраны скромные средства на обустройство и оборудование небольшой клиники. Здание, которое пришлось ремонтировать, было предоставлено Антиохийской Патриархией. Из своих личных средств Патриарх Мелетий, ставший первым арабом на Антиохийском патриаршем престоле после долгого перерыва, сделал пожертвование на оснащение клиники. Но масштабы всего проекта были несопоставимы с французским: лечебница могла госпитализировать только шесть пациентов. Несмотря на то, что деятельность клиники не могла охватить весь город, этот проект имел не только практический смысл. Создание собственного, пусть и небольшого, лечебного учреждения демонстрировало активную социальную позицию православной общины города, ее достаточную сплоченность и организованность.

Описанные Г.Д. Батюшковым два важных события из жизни Дамаска начала XX в. — открытие католической и православной больниц — свидетельствуют не только о расширении в городе деятельности французских миссионеров, но и о высоком уровне самоорганизации православного населения, которое искало внутренние возможности и ресурсы для ответа на вызовы времени.

ДОНЕСЕНИЕ КОНСУЛА В ДАМАСКЕ Г.Д. БАТЮШКОВА ПОСЛУ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ И.А. ЗИНОВЬЕВУ № 16 ОТ 25 ЯНВАРЯ 1906 Г.

Секретно

Дамаск, Сирия

Милостивый государь Иван Алексеевич,

Истекший год ознаменовался в жизни г. Дамаска двумя событиями однородного характера, ответившими на давно уже назревшую потребность в больницах и лечебницах, а именно открытием на пожертвованные средства (арабской) православной и (французской) католической больниц.

Существовавшие поныне здесь два оттоманских госпиталя — военный и гражданский (Ханифие) далеко были недостаточны, не говоря уже о том, что неопрятное и во всех отношениях дефектное содержание их не может внушать к ним доверия со стороны мало-мальски интеллигентных больных.

Первое из названных учреждений, весьма скромное как по мысли, так и по исполнению, задумано было существовавшим при православном благотворительном обществе дамским комитетом по инициативе председателя общества, драгомана консульства И. Сабеа.

Благотворительное общество исходатайствовало у патриарха, чтобы Его Блаженство подарило к 25-летию юбилею существования общества (в 1902 г.) полуразрушенный дом, составлявший вакф²⁴ Сейднайского монастыря²⁵, который пришлось совершенно перестроить, чтоб удовлетворить самым примитивным требованиям гигиены для устройства 2-х палат на 6 кроватей, приемной комнаты для амбулаторных больных и маленькой аптечки.

Средства на постройку до 200 наполеондоров²⁶ добыл дамский комитет, преобразовавшийся с этой целью в самостоятельное общество и успевший обзавестись также небольшим капиталом для ведения дела, по крайней мере в начале, самые же кровати со всем необходимым пожертвованы из своих скудных средств Блаженнейшим Мелетием.

Пятеро из врачей местной православной общины обязались бесплатно принимать амбулаторных больных и лечить тяжелых больных, лежащих в лечебнице, которых ныне уже трое.

Торжественно открыта была лечебница 27-го июля ист[екшего] г[ода] в день Св. Пантелеймона, коего имя она носит и пожертвования, притекающие даже от выехавших и эмигрировавших дамаскинцев, позволяют надеяться, что дело это будет развиваться в возможных пределах, но вряд ли, однако, распространит деятельность далее своего квартала.

В совершенно ином масштабе открыта была двумя неделями позже (12/25 августа) французская больница, мысль об основании которой принадлежит скончавшейся недавно начальнице здешнего отделения «des Filles de la Charité de St.Vincent de Paul»²⁷ sœur Marcotte²⁸. Испрошенный в 1894 г. фирман, разрешающий постройку, был получен лишь 28 февраля/13 марта 1902 г., когда Франция получила целую серию заторможенных султанским правительством фирманов на открытие школ, больниц и иных учреждений, угрозой применить на практике выговоренное после Митиленского инцидента²⁹ условие, что отсутствие ответа на подобные ходатайства будет приниматься за положительный ответ Порты.

С того времени быстро пошла постройка госпиталя на весьма обширном месте на окраине города, на 100 тысяч франков, пожертвованных с этой целью французским правительством и небольшие суммы пожертвований, собранных названной общиной, содержащей здесь уже обширную школу

для девочек с интернатом для сирот. Самая больница в начале предполагалась исключительно для этих детей и лишь впоследствии решено было открыть ее для всех без различия вероисповеданий.

Однако в 1904 году постройка стала, ибо выяснилось, что на покупку земли, постройку и оборудование больницы сверх 100 тысяч франков, пожертвованных Францией, нужно еще 75 тысяч франков, которых далеко не достигли пожертвования.

Тогда нынешний французский консул Mr Bertrand³⁰, за время пребывания своего в Каире (сперва при дипломатическом агентстве, а затем консулом) устроивший там грандиозную французскую больницу, посоветовал общине сестер пригласить в начальницы госпиталя одну из богатых сестер общины, которые охотно жертвуют своими капиталами на благотворительные учреждения, за деятельностью которых могут сами следить.

Действительно, некая sœur Gauthier³¹, согласившаяся принять звание Sœur Supérieure de l'hôpital Français à Damas³², прибыла сюда в начале истекшего года и доставила средства, необходимые для окончания здания и оборудования 60 кроватей, в том числе нескольких помещений для платных больных, весьма недурной операторной³³, аптеки и пр.

В качестве врача приглашен некий Мелькумян, турецко-подданный, окончивший курс во французском медицинском факультете³⁴ в Бейруте.

Ныне больница уже в полном ходу и в ней лежит 14 больных, в том числе есть и платные³⁵.

Это крупное благотворительное дело является наиболее ярким проявлением здесь, в сфере пропаганды, со стороны французского правительства, которое ограничивается, главным образом, охраной уже существующих религиозных учреждений всяких наименований.

Мало того, здешнему моему французскому коллеге пришлось энергично отстаивать продление отпускаемой его правительством субсидии на содержание сиротской фермы-школы иезуитов в имении последних Танаиле в долине Бекаа, близ станции Штора Дамасско-Бейрутской жел[езной] дороги, содержащей до 20 сирот и учрежденной после погрома 1860 года для помещения сирот маронитов — жертв погрома³⁶.

Тем не менее, ввиду отсутствия у Mr Bertrand всякого фанатизма католического и увещания им духовных глав держаться политики примирительной, а не вызывающей, пагубные результаты коей ему приходилось наблюдать в бытность его вице-консулом в Иерусалиме, здешнее католическое духовенство разных оттенков скорее разочаровано недостатком у него той энергии и усиленной деятельности в этом направлении, которая отличала некоторых из его предшественников (и, между прочим будь сказано, приводило к инцидентам, вроде печально для них окончившейся [неразб.] истории). (...)

АВПРИ. Ф. 180. Он. 517/2. Д. 1718. Л. 13–15 об.

- ¹ Bourmaud Ph. « YA DOKTOR » : Devenir médecin et exercer son art en « Terre sainte », une expérience du pluralisme médical dans l'Empire ottoman finissant (1871–1918). Diss. Ph.D. Université Aix-Marseille, 2007. P. 101.
- ² Gaffarel P., de Duranty M. La peste de 1720 à Marseille et en France d'après des documents inédits. Paris: Librairie Académique, 1911. P. 36.
- ³ Bourmaud Ph. Op.cit. P. 165.
- ⁴ Zeuge-Buberl U. The Mission of the American Board in Syria: Implications of a transcultural dialogue. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2017. P. 127–128. См. тж.: Петрунина О.Е. Отношение христиан Османской империи к протестантам в XVII–начале XX в. // «Время молчания прошло!» Пять веков Реформации в меняющемся мире. Сб. ст. СПб.: Алетея, 2019. С. 302–318.
- ⁵ Catalogue of the Syrian Protestant College, 1905–1906. Beirut: American Mission Press, 1906. P. 116.
- ⁶ Смирнова И.Ю. Англо-американское миссионерское присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в середине XIX века: англикано-православный аспект // Иерусалимский православный семинар. Вып. 6. М.: Индрик, 2015. С. 92.
- ⁷ Gül S. The French Catholic Missionaries in Lebanon between 1860 and 1914. Diss. Ph.D. Istanbul: Middle East Technical University, 2015. P. 71, 101.
- ⁸ Bourmaud Ph. Op.cit. P. 517.
- ⁹ См. об этом: Бутова Р.Б., Коюшев М.В. Из истории начала гуманитарного присутствия России на Ближнем Востоке // Православный палестинский сборник. Вып. 117. М., 2019. С. 71–83; Бутова Р.Б. Врач русской больницы в Иерусалиме П.В. Модестов // Иерусалимский православный семинар. Вып. 10. М., 2020. С. 64–87.
- ¹⁰ В каждом выпуске Сообщений ИППО в 1905–1910 гг. содержались материалы на эту тему.
- ¹¹ Richter J. A History of Protestant Missions in the Near East. Edinburgh — London: Oliphant, Anderson & Ferrier, 1910. P. 217.
- ¹² Cuinet V. Syrie, Liban et Palestine. Géographie administrative. Statistique descriptive et raisonnée. F. 3. Paris: E.Leroux, 1898. P. 398.
- ¹³ Gül S. Op.cit. P. 108.
- ¹⁴ Cuinet V. Op.cit. P. 405.
- ¹⁵ Rafeq A.-K. The Syrian University and the French Mandate (1920–1946) // Schumann Ch. (ed.) Liberal Thought in the Eastern Mediterranean: Late 19th Century until 1960s. Leiden: Brill, 2008. P. 79.
- ¹⁶ Kaadan A.N. The Ottoman Medical School of Damascus and its effect in Medicine Teaching in Syria // Journal of the International Society for the History of Islamic Medicine. 2002. Vol. 1. No. 2. P. 27–28.
- ¹⁷ Bourmaud Ph. Op.cit. P. 414.
- ¹⁸ Gül S. Op.cit. P. 100, 198; Doğan M.A. American Board of Commissioners for Foreign Missions (ABCFM) and “Nominal Christians”: Elias Riggs (1810–1901) and American Missionary Activities in the Ottoman Empire. Diss. Ph.D. Salt Lake City: University of Utah, 2013. P. 177.

- ¹⁹ Приложение к секретному донесению управляющего консульством в Дамаске М.И. Самсонова послу в Константинополе И.А. Зиновьеву № 5 от 5 февраля 1907 г. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 180. Оп. 517/2. 1907. Д. 1720. Л. 11.
- ²⁰ О методах и принципах фандрайзинга, которые использовали католические и протестантские миссионеры см.: Verdeil Ch. Missions, Charity, and Humanitarian Action in the Levant (19th–20th Century) // Christian Missions and Humanitarianism in the Middle East, 1850–1950: Ideologies, Rhetoric, and Practices. Leiden — Boston: Brill, 2020. P. 21–37.
- ²¹ См. страничку больницы на сайте ближневосточного отделения конгрегации: <http://www.fdlcprocheorient.org/hopital-st-louis-damas.html> (дата обращения: 24.03.2022)
- ²² Копия отношения посла в Константинополе М.Н. Гирса министру иностранных дел С.Д. Сазонову № 31 от 25 февраля 1913 г. АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. 1913. Д. 3447. Л. 66.
- ²³ Секретное донесение консула в Дамаске Б.Н. Шаховского послу в Константинополе И.А. Зиновьеву № 72 от 27 декабря 1907 г. АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1720. Л. 138 об. Об уменьшении численности христианского населения Османской империи подробнее см.: Петрунина О.Е. Этносоциальные и миграционные процессы в Османской империи в начале XX века // Геноцид греков Понта. Сб.ст. СПб.: Алетея, 2021. С. 167–175; Смилянская И.М., Горбунова Н.М., Якушев М.М. Сирия накануне и в период Младотурецкой революции. По материалам консульских донесений. М.: «Индрик», 2015. С. 109–110.
- ²⁴ Вакф — в мусульманских странах недвижимость, используемая с религиозными и благотворительными целями.
- ²⁵ Сейднайский (Сайданайский) монастырь — ставропигиальный женский монастырь, основанный византийским императором Юстинианом I на месте явления ему Богородицы в 40 км от Дамаска.
- ²⁶ Наполеондор — французская золотая монета в 20 франков. Выпускалась в в 1803–1914 гг.
- ²⁷ Дочери милосердия Св. Викентия де Поля (франц.) — католическая женская конгрегация, основанная святыми Викентием де Полем и Луизой де Марийак во Франции в XVII в. Одна из самых многочисленных женских конгрегаций, распространившая свою деятельность более, чем на 90 стран.
- ²⁸ Сестра Маркот (франц.).
- ²⁹ Митиленский инцидент — военная демонстрация европейских держав (Франции, Италии, России, Австро-Венгрии и Великобритании) с целью давления на Высокую Порту: в декабре 1905 г. семь европейских военных кораблей прибыли к о. Лесбос (Митилена), британский оккупационный отряд высадился на берег с тем, чтобы заставить султанское правительство учредить международную финансовую комиссию для Македонии.
- ³⁰ Мсье Бертран (франц.).
- ³¹ Сестра Готье (франц.).
- ³² Старшая сестра Французской больницы в Дамаске (франц.).
- ³³ Операционной.

- ³⁴ В 1875 г. иезуиты и доминиканцы основали в Бейруте католический Университет св. Иосифа. В 1883 г. в нем был открыт медицинский факультет. Ныне Университет св. Иосифа — второй по значимости вуз Ливана после Американского университета в Бейруте.
- ³⁵ Французская больница св. Людовика в Дамаске, и сегодня управляемая сестрами-викентийками, ныне имеет 104 койко-места и является крупнейшей католической больницей в Сирии.
- ³⁶ На май-июнь 1860 г. пришелся наиболее жестокий и кровопролитный этап многолетнего друзско-маронитского конфликта в Ливане, продолжением которого стала резня христиан в Дамаске в июле 1860 г.

ИЗ ИСТОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИППО

ОТНОШЕНИЯ ПРАВОСЛАВНОГО ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА И РУССКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В ИЕРУСАЛИМЕ В КОНЦЕ XIX — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВВ.*

Р. Б. Бутова

В первой трети XIX в. европейцы, впервые со времен крестовых походов, заново открыли для себя политическое, религиозное и стратегическое значение той земли — «откуда Свет». Христианские страны начали соперничество между собой, стремясь перехватить инициативу в деле защиты христианских интересов в Святой Земле. К сожалению, подобное соперничество существовало и среди русских учреждений. Призванные делать одно дело, они конфликтовали, а межведомственные барьеры Министерства иностранных дел и Святейшего Синода вызывали постоянные кризисные ситуации. Это противостояние воспроизводилась на протяжении десятилетий и со временем стало русской ближневосточной универсалией.

Создание Православного Палестинского Общества в 1882 г. прервало на первом этапе своей истории этот «порочный круг». В Палестине Общество попыталось стать независимой силой, призванной устранить трения между МИДом и Св. Синодом. ППО начало оказывать Русской Духовной Миссии в Иерусалиме административную поддержку и финансовую помощь. Первый период деятельности Общества (1882–1889) был ознаменован тесным и искренним сотрудничеством с РДМ и ее начальником, архимандритом Антонином (Капустиным). Руководство Палестинского Общества во всех своих начинаниях и проектах в Святой Земле обращалось за советом и помощью к архимандриту Антонину. Добрые отношения РДМ и ППО и поддержка были взаимными. Но так продолжалось недолго, недоверие друг другом по разным поводам нарастало и окончательно союз

* Работа выполнена в соответствии с госзаданием Института российской истории РАН в рамках программы фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи» Минобрнауки в 2022 г.

ИППО и РДМ разрушил конфликт, связанный с храмом св. Марии Магдалины в Гефсимании. Отец Антонин, не спросив у ИППО разрешения, потратил на ремонт и покраску стен храма деньги, присланные Палестинским Обществом в качестве дополнительного финансирования Миссии. ИППО полностью оплатило долг о. Антонина, обязав Миссию постепенно восполнить эту сумму Обществу. О. Антонин остался недоволен таким решением и отношения больше не наладились.

С 1889 г. Императорское Православное Палестинское Общество полностью контролировало ситуацию в Святой Земле. Преемники о. Антонина, архимандриты Рафаил (Трухин) и Александр (Головин), не стали достаточно самостоятельными и независимыми деятелями. Перед каждым из них вставали текущие проблемы, к тому же они так не смогли привыкнуть к жесткой финансовой отчетности, принятой в ИППО. Поскольку по инициативе Общества в 1895 г. было принято новое штатное расписание и увеличено финансирование РДМ, то Миссия неизбежно оказывалась под жестким контролем Совета ИППО.

На чьи деньги осуществлялось это — дополнительное — финансирование Духовной Миссии? Естественно, на средства, поступавшие от общенародного церковного Вербного сбора. Именно из этих сумм Палестинское Общество в 1890-е гг. осуществляло ремонт Троицкого собора и здания Миссии, строений в Яффе, были устроены новые цистерны, проведены водопроводы и канализации. Но как оценивалась эта деятельность Православного Палестинского Общества Русской Духовной Миссией в Иерусалиме? Неодобрительно. И связано такое отношение было в первую очередь с именем архимандрита Леонида (Сенцова), начальника РДМ в 1903–1918 гг.

За год до его приезда в Иерусалим Св. Синодом по согласованию с Председателем ИППО Великим Князем Сергием Александровичем была подготовлена и утверждена новая инструкция Начальнику РДМ (от 20/31 мая 1902 г.), Палестинское Общество составило свою инструкцию для Управляющего подворьями Общества. В соответствии с документами, отношения между учреждениями в Святой Земле были построены на началах внутренней независимости друг от друга и согласованности их действий на месте. Будучи выработаны на основании опыта палестинской жизни, по взаимному соглашению между духовным ведомством и Палестинским Обществом, эти инструкции в принципе ограждали от взаимных недоразумений и несогласованности, а неизбежные мелкие затруднения улаживались на месте. С появлением о. Леонида сотрудники ИППО начали сталкиваться с умалением деятельности Общества в глазах паломников со стороны Миссии, стала распространяться мысль о необходимости полного подчинения местных учреждений Общества Начальнику Духовной Миссии и даже об упразднении Общества в Святой Земле.

Летом 1914 г. Св. Синодом была произведена ревизия состояния РДМ, ее проводил товарищ контролера Св. Синода М.А. Дьяконов¹. К началу Первой мировой войны Миссии принадлежало 6 храмов и 11 странноприимных домов или подворий, 19 участков земли в разных местах Палестины. При РДМ существовали две женские монашеские общины: Горненская и Елеонская. Наконец, Духовная Миссия содержала в Иерусалиме на свои средства приют для детей-сирот и богадельню для престарелых женщин.

Ревизия установила две противоречивых тенденции в развитии хозяйства Миссии: «с одной стороны, сильную, доходившую до размеров полного кризиса денежную задолженность Духовной Миссии, а с другой — очень большое количество приобретенных земель и многочисленность произведенных ранее и ныне производимых работ по постройке на участках храмов, зданий и оград на очень значительную по своей стоимости сумму»². Общая сумма долгов Духовной Миссии составляла свыше 124 034 рублей³. Была полностью израсходована своеобразная финансовая «подушка безопасности», сформированная о. Антонином для Горненской и Елеонской женских монашеских общин.

Увлечшись приобретением недвижимостей и храмостроительством уже в первый год своего пребывания в Святой Земле, о. Леонид, видимо, решил не уступать Палестинскому Обществу ни в размахе приема паломников, ни в строительстве подворий, ни в участии в школьной деятельности. При этом, если архимандрит Антонин в свое время и большей частью покупал землю и строил странноприимные дома в местах, не просто освоенных церковным преданием, но сугубо почитаемых и посещаемых русскими паломниками, то о. Леонид часто устраивал подворья, там, где уже существовали подворья Палестинского Общества.

Такая позиция РДМ вызывала вопросы и крайнее неудовольствие руководства ИППО. Отношение к этому виду деятельности архимандрита Леонида ярко проявилось в письме от 4 сентября 1913 г. Председателя ИППО Великой Княгини Елизаветы Федоровны, которая четко расставила приоритеты и сферы влияния каждой организации: «Я всей душой стремлюсь к духовному единению нашего Палестинского Общества с Вашей Миссией, дабы помогать друг другу, елико возможно, во славу и процветание нашего православия в Святой Земле.

Моя мечта была бы осуществлена, если бы мы, представители одного русского дела в Палестине, чтобы сохранить мир и избежать недоразумений, собирались бы говорить о своих нуждах и предположениях, обсуждать их, выяснять и, таким образом, вкупе работать во славу Божию, во славу нашей дорогой Родины. Я понимаю Ваше стремление созидать как можно больше церквей в Святой Земле; но, мне кажется, давая молитвенно-духовное утешение паломникам, Вы могли бы предоставить Палестинскому Обществу устройство подворий и заботу о физическом благосостоянии паломников»⁴.

В ответ на это архимандрит Леонид написал, что осознает, что «оба наши учреждения служат общему русскому делу, и что в солидарности их заключается наша сила и могущество в борьбе с общими нашими врагами на Востоке»⁵. Однако в конверт письма Великой Княгине Елизавете Федоровне была приложена и безадресная записка о. Леонида, в которой в нескольких пунктах были сформулированы основные претензии РДМ к ИППО и ее содержание полностью перечеркивало основной текст. Претензии в записке касались главных направлений деятельности ИППО — паломничеству и школьной деятельности. О. Леонид считал, что всю школьную деятельность Палестинского Общества необходимо подчинить начальнику Миссии, а сами школы сделать церковно-приходскими. По мнению архимандрита Леонида Духовной Миссии нужно было передать и все дело духовного руководства паломниками. «Палестинское Общество в этом отношении должно делать только то, что *желает* Духовная Миссия». Но корень всех проблем во взаимоотношениях двух инстанций о. Леонид видел в недостаточной религиозности и вообще светскости деятелей Общества⁶.

Конфликт двух организаций, призванных делать одно дело в Святой Земле, был даже вынесен на бюджетную комиссию Государственной Думы (заседания от 12, 15 и 19 марта 1914 г.). Ссылаясь на отзывы паломников, посетивших Палестину, докладчик этой комиссии Василий Павлович Шеин⁷ говорил, что в Иерусалиме наблюдается несогласованность в деятельности представителей Миссии и Палестинского Общества, что последнее не хочет признавать авторитета Миссии и желает быть независимым и автономным и что такое желание не всегда выгодно отзывается на интересах русского дела. Совсем абсурдным выглядит предложение Шеина объединить деятельность учреждений Императорского Православного Палестинского Общества под главенством начальника Русской Духовной Миссии⁸.

Состояние Палестинского Общества в канун Первой мировой войны было устойчивым, хотя и характеризовалось противоречивыми тенденциями. С одной стороны, Общество, казалось, достигло пика своей активности и благосостояния. В нем состояло около 5 тысяч членов, отделы ИППО действовали в 51 епархии. Подворья и странноприимные дома, принадлежавшие Обществу в Палестине, вмещали одновременно до 6–7 тысяч паломников, а в целом за год — до 9–10 тысяч. С другой стороны, Общество сталкивалось с постоянным дефицитом средств. В условиях революционных кризисов и общего спада общественного интереса к каким-либо духовным и церковно-политическим инициативам (в т.ч. на Ближнем Востоке) скудеет основной источник — ежегодный Вербный сбор. Это вело к нарастающей экономической зависимости Общества от бюджетного финансирования и единовременных казначейских вливаний. Широкая сеть школ Общества на Ближнем Востоке требовала все более увеличивавшегося с каждым годом объема финансирования.

Несмотря на существующие проблемы, ИМПЕРАТОРСКАЯ общественная организация ни по своему Уставу, ни по своей природе и составу своих членов, ни по своим основным задачам и целям не могла стать подчиненной начальнику Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, точно также не могла, а главное, никогда не желала подчинять себе Миссию, имеющую свои задачи. В ИППО считали, что появление таких предложений как инициатива Шеина, основанных на переподчинении одного учреждения другому и на смешении их целей и задач, а не на строгом их разделении, не могут улучшить установленных многолетней практикой отношений между РДМ и Обществом.

Во время Первой мировой войны Совет ИППО дважды инициировал проведение совещаний по вопросу о положении Русского дела в Святой Земле по окончании Мировой войны, в 1915 и 1917 гг., на которых обсуждались доклады управляющего подворьями ИППО П.И. Ряжского. И надо сказать, что его предостережения о скором будущем Палестины звучали очень реалистично, в отличие от идеалистических мнений других членов Совета. Ряжский, основываясь на своем опыте местной жизни, считал, что «может создаться такое положение, что образуется новая колония или новое колониальное государство, и нам скажут сами духовные главы православных общин, что *“мы в вас не нуждаемся, вы нам не нужны, позвольте нам жить так, как нам хочется, а ваши интересы русские — они есть, и вы их устраивайте путем соглашений с нами: вы нам уступите, мы вам уступим”*»⁹. Он как будто смотрел сквозь годы...

С момента, когда Османская Порта вступила в Первую мировую войну на стороне Германии, русские учреждения в Святой Земле были закрыты османскими властями, а служащие ИППО и члены РДМ интернированы. После окончания войны и революции 1917 года ситуация и в России, и на Ближнем Востоке кардинально изменилась. Связи с Палестиной были прерваны. Учреждения ИППО (школы, больница и амбулаторные, подворья), как и Русская Духовная Миссия оказались без дипломатической защиты, духовной и экономической поддержки. Палестинское Общество в 1917 г. приняло решение не именоваться Императорским, а позднее вообще распалось на две ветви — Российской Палестинское Общество при АН СССР и Православное Палестинское Общество Заграницей. Русская Духовная Миссия, оторванная от Московского Патриаршего Центра, оказалась в каноническом подчинении Русской Православной Церкви за рубежом, много сделавшей в последующие десятилетия для сохранения русского православного достояния в Палестине.

9 декабря 1917 г. в Иерусалим вошли английские войска, а 25 апреля 1920 г. Великобритания де-юре получила право управления Палестиной. Вся ответственность, связанная со святыми местами, религиозными зданиями и участками в Святой Земле передавалась британским властям. Верховный

комиссар и колониальная администрация вполне своевольно распоряжались в Палестине имуществами. Русскими оставались в общей сложности около 70 земельных участков, с суммарной территорией около 150 гектаров, из них Палестинскому Обществу принадлежало 23,5 гектара.

Британская политика в отношении Русской Палестины определялась тем, что англичане, «движимые заботой о международно признанном религиозном и благотворительном характере русских землевладений, пытались любыми средствами избежать возвращения владений советским властям, чей признанный атеизм они рассматривали как противоречие тем целям, с которыми используются святы места»¹⁰. Известный британский исследователь русской собственности на Ближнем Востоке Баталден считал, что колониальная администрация в полной мере «использовала страхи перед советским атеизмом для установления своей собственной власти над довоенными русскими владениями»¹¹. Английские власти ввели в практику принудительное арендное использование русской недвижимости, что в определенном смысле сохранило русскую собственность.

Глобальные изменения в России и на Ближнем Востоке должны были автоматически закрыть все нестроения и конфликты во взаимоотношениях Общества и Миссии. Близкие по духу и задачам организации столкнулись с одинаковыми проблемами, само их существование было поставлено на грань выживания. Казалось бы, все это приведет к тесному сплочению, ведь только так можно было выжить, но нет, чуда не случилось. Архимандрит Киприан (Керн) в своих воспоминаниях рассказывал, как он был назначен в 1928 г. митрополитом Антонием (Храповицким), главой Русской Православной Церкви за границей начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. «По совести говоря, когда вспоминаю теперь эти месяцы ожидания, я даже и не хотел ехать в Палестину... Миссия, ее долги, призрак административной работы, запутанность отношений с греками, с Палестинским Обществом — представлялось мне очень мрачно. Я знал, что меня посылают на этот очень видный и когда-то завидный пост в русской иерархии, а теперь — на весьма тяжелое послушание, чтобы выплачивать какие-то долги, сделанные еще до войны 1914 года покойным начальником архимандритом Леонидом, чтобы налаживать натянутые отношения с Палестинским Обществом, чтобы распутывать какие-то затруднения с греками, чтобы лавировать среди каких-то монахинь и оставшихся после войны паломниц, так называемых “матушек” и т.д., и т.д.»¹²

Почему в 1928 г., через 11 лет после революции, отношения с Палестинским Обществом оставались натянутыми? Ответ можно увидеть в известной работе архимандрита, впоследствии митрополита, Никодима (Ротова) «История Русской Духовной Миссии в Иерусалиме» (1959), который, рассматривая историю русского присутствия в Святой Земле, писал: «Палестинское Общество было гораздо деятельнее и работоспособнее,

чем Палестинская Комиссия. Но для нашей Миссии, безусловно, и более *гибельным*. У Миссии появился очень сильный и жизненный противник»¹³. Так что иерусалимский «бермудский треугольник», по меткому выражению Н.Н. Лисового, оказался и в XX в. самовоспроизводящейся универсалией.

В апреле 1919 г. в Иерусалим из египетской эвакуации возвратились члены Миссии, а в июле прибыл и.о. Управляющего подворьями Палестинского Общества Николай Романович Селезнев, вокруг которого из бывших сотрудников постепенно сложился новый штат Управления. Одной из главных проблем 1920–1930-х гг. было преодоление *неопределенности статуса российской собственности в Святой Земле* в целом. И потому 1920-е гг. — это период установления, а по большому счету, подтверждения имущественной легитимности российской собственности. Обратим внимание на своеобразный юридический казус — приобретенная в рамках действия османского законодательства, недвижимость, сохраняя свой предыдущий статус, должна была оформиться и применительно к законодательству Британского мандата. Находящиеся до 1918 г. в едином правовом поле Российской Империи, Миссия и Общество в одночасье оказались разъединены. Это было очень непросто для членов РДМ и ППО.

Еще одной проблемой этого периода было стремление Русской Зарубежной Церкви установить *полный контроль над собственностью Палестинского Общества*. Эти попытки можно проследить по документам журналов Архиерейского Синода РПЦЗ. Так, например, 17/30 декабря 1924 г. обсуждение и решение вопроса о наложении англичанами опеки над имуществом Миссии объединялось с вопросами имущества Палестинского Общества, к которому Церковь отношения не имела¹⁴. Правовые и имущественные конфликты РДМ и ППО, споры об институциональной принадлежности Александровского подворья, храма св. Марии Магdalены и других недвижимостей ИППО, стали постепенно разрешаться, когда руководством Британского мандата в 1926 г. был назначен Администратор русскими имуществами, который во многих случаях становился третейским судьей между ППО и РДМ.

Как известно, в самом руководстве Зарубежной Церкви существовали различные мнения относительно дальнейшей судьбы российских недвижимостей, оказавшихся в управлении эмигрантского духовенства. По свидетельству архимандрита Киприана (Керна), митрополит Антоний (Храповицкий) «стоял на точке зрения готовности продать то, что было нам лишним. В противоположность ему, архиепископ Анастасий настаивал, как он сам говорил, “на охранении русского достояния”»¹⁵. Позиция владыки Анастасия (Грибановского) имела особое значение: на протяжении 10 лет он жил в Иерусалиме в статусе «наблюдающего за деятельностью Русской Духовной Миссии» и много сделал для защиты и укрепления

русской собственности, а в 1936 г. сменил почившего митрополита Антония на посту Первоиерарха РПЦЗ.

Одной из самых главных проблем этого периода было *экономическое положение Русской Палестины* и сдача в аренду всех основных объектов российской собственности. Сдача в аренду участков РДМ, фактически уже занятых арендаторами, началась сразу же по возвращении членов Миссии из Египта, т.е. летом 1919 г. Наибольший доход приносила аренда части здания РДМ, английские власти платили 44500 пиастров за полгода аренды здания.

Известный британский исследователь русской недвижимости на Ближнем Востоке С. Баталден писал о двадцати зданиях, за которые англичане платили аренду: «Эта сдача подтверждается записями, находящимися в Британских архивах, по которым арендная плата для существования оставшихся русских священнослужителей и монахинь — плата, производимая вначале через испанское консульство, а позднее через специального администратора, назначенного палестинским Верховным комиссаром, — записана для более двадцати зданий, бывших ранее частью Духовной Миссии и Православного Палестинского Общества»¹⁶.

Русские учреждения в Иерусалиме, несмотря на очень сложные политические и материальные условия, смогли возродиться. В результате активной деятельности архиереев РПЦЗ удалось привести в порядок расстроенное хозяйство Миссии. Финансовый кризис, вызванный неумеренными займами архимандрита Леонида и войной, в значительной степени был преодолен.

Согласно документам прихода-расхода за 1919–1923 гг. доходы Миссии в 1921 г. резко выросли. Если в 1919 г. это было 32305 пиастров, то в 1921 г. уже 476516 пиастров. Затем наступило снижение — в 1922 г. доход составил 256637 пиастров. Всего за 1919 г. по февраль 1923 г. РДМ получила 818157 пиастров дохода. Основные доходные статьи составили: возвращение депозита Миссии в Александрии (150000 пиастров), арендная плата за дома и земли (221725 пиастров), военные убытки были возмещены на сумму 175556 пиастров, а за занятие помещений гражданскими организациями РДМ получила 113069 пиастров. Небольшую сумму РДМ получала от ППО (10945 пиастров), которое само находилось в бедственном положении¹⁷.

Финансовые проблемы РДМ и ППО в целом были очень похожи, но Обществу удалось быстрее с ними справиться, поскольку не было таких огромных долгов как у РДМ. Именно потому ППО имело возможность кредитовать РДМ. Так в апреле 1922 г. было Миссией было «получено взаимобразно от Правления Палестинского общества» 5000 пиастров¹⁸. В 1923 г. долги возвращены не были, поэтому в письме от 23 ноября 1923 г. на имя управляющего подворьями ППО Н.Р. Селезнева Председатель эмигрантского ППО А.А. Ширинский-Шихматов потребовал, чтобы имущество РДМ

было заложено в обмен на дальнейшие кредиты: «2). Миссия не получит ни гроша, если немедленно не будет ей приказано совершить закладную. 3). Миссия обязана включить в закладную все суммы, потраченные Обществу на ее поддержания...»¹⁹.

ППО оказывало материальную помощь и Синоду РПЦЗ. В 1924 г. в Журнале № 35 Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей 31 августа — 13 сентября 1924 г. была опубликована благодарность Председателю Православного Палестинского Общества князю А.А. Ширинскому-Шихматову за присланные 15 английских фунтов на нужды Архиерейского Синода²⁰. И в этом же году (18/31 декабря) Архиерейским Синодом принимается решение *об отмене сборов в Вербную Неделю на нужды Палестинского Общества*²¹. Так закончилась целая эпоха подлинно народной помощи Святой Земле, благодаря которой возникла Русская Палестина и Императорское Православное Палестинское Общество, развивалось русское паломничество, издавались книги, основывались школы, оказывалась медицинская помощь, началось археологическое изучение Ближнего Востока. Финансовое положение РДМ, как и РПЦЗ оставалось очень сложным. Так, за полгода до кончины князя А.А. Ширинского-Шихматова на Синоде даже рассматривалась его жалоба, касающаяся долгов перед Палестинским Обществом.

В 1930-е гг. финансовые трения между РДМ и ППО сохранялись, но рассматривались официально, переписка велась на английском языке, чтобы было понятно Администратору имуществами. Так в Госархиве Израиля хранится Справка о долгах РДМ перед ППО. Документ не датирован, по косвенным данным он относится к 1936 г. В справке говорится о том, что Русская Духовная Миссия предпринимала многократные попытки договориться с Палестинским Обществом о списании долгов и, не достигнув результата, обратилась за помощью к Администратору. Здесь же кратко представлена вся история финансовых взаимоотношений обеих организаций, из которой можно узнать, что финансирование РДМ Палестинским Обществом осуществлялось с 31 мая 1890 г., было увеличено 31 декабря 1895 г. Деньги получались вплоть до 1917 г. В 1917–1919 гг. выплаты прекратились из-за революции. В период с 1919 по 1923 гг. дореволюционная сумма не выплачивалась полностью, выплаты стали меньше и отличались год от года. В 1924 г. было получено всего 451 пал. ф. В период с 1918 по 1924 гг. между представителями Миссии и Общества был проведен ряд встреч. На одной из них (2 октября 1924 г.) было принято решение изыскать Палестинским Обществом возможность оказывать финансовую помощь Миссии, что и исполнялось в дальнейшем.

В 1935 г. во время пребывания архиепископа Анастасия в Париже состоялась его встреча с Председателем Православного Палестинского Общества А.А. Нератовым, на которой обсуждались вопросы финансирования

РДМ. Палестинское Общество заявило о том, что, если Духовная Миссия будет нуждаться, то оно готово заключать с РДМ договоры займа. О чем и написал 16/29 февраля 1936 г. Управляющий русскими подворьями В.К. Антипова к начальнику РДМ в Иерусалиме архимандриту Антонию (Синькевичу), что на «основании указаний Совета Православного Палестинского Общества Управление подворьями могло бы оказать помощь Русской Духовной Миссии в Иерусалиме лишь путем выдачи беспроцентной ссуды с погашением таковой впоследствии, когда финансовое положение Миссии сделало бы возможным таковое погашение, без ущерба для действительных потребностей Миссии, под расписку с оговоркой на оной, что Миссия не будет ссылаться на какой-либо давностный срок, покрывающий упомянутое выше обязательство»²².

Возвращаясь к британской «добровольно-принудительной» аренде, необходимо признать, что она способствовала позитивным моментам в жизни русской колонии и обеспечивала учреждениям в Палестине доход, лишь ненамного меньший, чем приносили российские владения в дореволюционный период (по оценке С. Баталдена, на 10% меньше)²³. В аренду было сдано более 20 объектов (зданий и участков), принадлежавших Русской Духовной Миссии и Палестинскому Обществу. Суммарная годовая плата составляла в 1924 г. более 4800 фунтов стерлингов. С 1930 г. арендуемые имущества приносили годовую арендную плату около 7700 фунтов стерлингов.

Основные направления повседневной деятельности Палестинского Общества и РДМ в 1930 — начале 1940-х гг. были связаны с юридической защитой недвижимостей от посягательств, как новых еврейских поселенцев, так и традиционного арабского окружения, усилий по получению аренды из британских колониальных властей, решению проблем, связанных с внутренними разногласиями между представителями ППО и РДМ, и, наконец, с новыми строительными проектами.

Как ни удивительно, строительство Русской Палестины продолжалось и в этот период. В отличие от строительства дореволюционного, ориентированного на рост потока богомольцев, строительство в 1930-х гг. было, в первую очередь, бизнес-проектами, нацеленными на получение дохода. Имеются в виду, прежде всего, два больших строительных проекта: постройка доходного дома ППО на Яффской улице Иерусалима (фактически западное крыло Николаевского подворья) в 1935–1937 гг. и возведение третьего этажа над западной частью здания Духовной Миссии (1937–1940).

Ни политические изменения в России и Палестине, ни разделения в условиях Гражданской войны и эмиграции Русской Церкви на Московскую и Зарубежную ее половины, не смогли снять противоречий, заложенных когда-то Императором Николаем I и канцлером Нессельроде в фундамент русского дела на Ближнем Востоке. История XX века, его послеоктябрьских десятилетий, наложила свою специфику на российское

присутствие в регионе. Комплекс недвижимостей, храмов, подворий, земельных участков, которые по праву именуются Русской Палестиной, в первой половине XX в. дважды находился под оккупационным управлением: османским в 1914–1918 гг., британским в 1918–1948 гг., с неизменностью становясь то жертвой, то разменной картой в серьезной внешнеполитической игре великих держав. И всякий раз русское достояние, сохраненное благодаря жертвенному служению подвижников Палестинского Общества и Духовной Миссии, его материальная весомость и гуманитарная значимость имели большое значение. В юбилейный год 140-летия основания Императорского Православного Палестинского Общества сохраняется надежда на то, что как две ветви Русской Православной Церкви объединились в 2007 г., так объединятся когда-то члены Палестинского Общества, рассеянные по всему миру.

¹ Дьяконов Михаил Алексеевич (06.09.1864–после 1927), чиновник Св. Синода, действительный статский советник, управляющий Контролем над расходованием церковных имуществ (до 1917), контролёр в Наркомате финансов СССР. Происходил из священнической семьи, закончил Костромское ДУ (1878), Костромскую ДС (1884) и Санкт-Петербургскую ДА со степенью кандидата богословия (1888). С 1890 г. на различных должностях в Св. Синоде. Занимался ревизиями имущества Св. Синода, в том числе в Палестине, Лондоне и Лиссабоне (1914–1916). В 1916–1917 гг. был управляющим Контролем Св. Синода. Член Всероссийского Поместного собора.

² Россия в Святой Земле. Документы и материалы: В 3 тт. Изд. подг. Н.Н. Лисовой. М., 2017. Т. 2. С. 845.

³ Там же. С. 848.

⁴ АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 592а. Л. 25–26.

⁵ АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 592а. Л. 13.

⁶ АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 592а. Л. 18–19.

⁷ Шеин Василий Павлович (1870–1922; в монашестве Сергей), церковный и общественный деятель. Член IV Государственной Думы, где работал в комиссии по церковным делам. Входил в состав секретариата Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг. Принял монашеский постриг осенью 1920 г. с именем Сергей в честь преподобного Сергия Радонежского. В 1922 г. был арестован и расстрелян вместе с митрополитом Петроградским Вениамином, Юрием Новицким и Иоанном Ковшаровым. Память священномученика архимандрита Сергия празднуется в день его преставления, 31 июля (13 августа) и в воскресенье после 25 января (7 февраля), в празднование Собора новомучеников и исповедников Российских.

⁸ АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 592а. Л. 40–41.

⁹ АВП РИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 599. Л. 196.

¹⁰ Баталден Ст.К. Судьба русского землевладения в Иерусалиме во время Палестинского мандата // Православный Палестинский сборник. Вып. 31 (94). М., 1992. С. 26.

- ¹¹ Там же.
- ¹² *Киприан (Керн), архим.* Воспоминания о митрополите Антонии (Храповицком) и епископе Гаврииле (Чепуре). М., 2002. С. 90.
- ¹³ *Никодим (Ротов), митр.* История Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Серпухов, 1997. С. 238. Весь пассаж об отношениях и вражде между РДМ и ИППО митрополит Никодим заимствует из книги архимандрита Киприана (Керна): *Киприан (Керн), архим.* Отец Антонин (Капустин), архимандрит и начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. М., 2005. С. 181.
- ¹⁴ См. подробнее: ГАРФ. Ф. Р-6343. Оп. 1. Д. 65.
- ¹⁵ *Киприан (Керн), архимандрит.* Воспоминания о митрополите Антонии (Храповицком) и епископе Гаврииле (Чепуре). М., 2002. С. 91.
- ¹⁶ *Баталден Ст.К.* Указ. соч. С. 25–31.
- ¹⁷ *Сафонов Д.В.* Русская Духовная Миссия в Иерусалиме в 1921–1923 гг. (по новым документам из архива Свято-Троицкой семинарии в Джорданвилле (США). // Сретенский сборник. Научные труды преподавателей Сретенской ДС. М., 2011. Выпуск 2. С. 540.
- ¹⁸ «Сведения о приходе и расходе сумм Русской Духовной Миссии». Л. 5.
- ¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-6343. Оп. 1. Д. 58.
- ²⁰ ГАРФ. Ф. Р-6343. Оп. 1. Д. 65.
- ²¹ Государственный архив Израиля: ISA/RG 132.0/P/844.10/10.
- ²² *Баталден Ст.К.* Указ соч. С. 29.

ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО в 1910–1920-е годы*

Л. А. Герд

Святая Земля была тем центром, куда устремлялись люди из всех христианских стран начиная с раннего Средневековья. Паломники и купцы, духовные и светские лица, простые странники и князья — все в равной мере признавали Иерусалим духовным центром. Во времена Крестовых походов Палестина была перекрестком, где сталкивались интересы Востока и Запада. В XIX в. Сиро-Палестинский регион, уже давно вошедший в состав Османской империи, снова становится центром противоречий между крупнейшими европейскими державами, на этот раз в рамках Восточного вопроса.

До 1910-х гг. Россия играла здесь ведущую роль, благодаря общей православной вере с местным арабским населением. История русского присутствия в Палестине восходит к Средним векам, началу русского паломничества в Святую Землю.¹ После падения Византийской империи русские великие князья и цари считали своим долгом поддерживать Православие на Востоке и посылали щедрые пожертвования монастырям и храмам; Святой Гроб неизменно занимал здесь особое место.² В XVIII в. пожертвования были ограничены и урегулированы Палестинскими штатами, но постоянное дипломатическое представительство в регионе появилось гораздо позднее, в XIX в. До 1830-х гг. в России не проводили различия между православными арабами и греками Иерусалимского и Антиохийского Патриархатов; все они назывались «восточными христианами», а населенные ими земли «палестинскими странами».

* Работа выполнена в соответствии с госзаданием Санкт-Петербургского института истории РАН в рамках программы фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи» Минобрнауки в 2022 г.

ПЕРВАЯ МИССИЯ АРХИМАНДРИТА ПОРФИРИЯ УСПЕНСКОГО НА ВОСТОК

Впервые попытка собрать более детальные сведения о состоянии Православного Востока был предпринята в начале 1840-х гг., когда по инициативе Министерства иностранных дел России в Палестину был командирован архимандрит Порфирий (Успенский). Согласно полученным инструкциям, в задачи о. Порфирия входило: осуществить контроль над расходом пожертвований в пользу Св. Гроба, попытаться, насколько возможно, оказать влияние на действия Иерусалимского Патриарха. Главной целью командирования Порфирия было противодействие католическому и протестантскому прозелитизму.³ Подводя итоги первого путешествия на Православный Восток, Порфирий писал в МИД (7 января 1844 г.), что в Иерусалиме должна быть учреждена русская миссия с целью: 1) установить более тесные контакты Иерусалимской и Антиохийской Церкви с Русской Церковью; 2) контроль над расходом пожертвований из России; 3) контроль над русскими паломниками в Св. Землю; 4) снабжение храмов Сирии и Палестины иконами, организация школы иконописи.

Наконец, в 1847 г. архимандрит Порфирий был назначен начальником Первой Русской Духовной миссии в Иерусалим. Идеи и проекты Порфирия, разработанные им во время пребывания на Православном Востоке, послужили основой для дальнейшей деятельности России в этом регионе на протяжении десятилетий. Главной идеей Порфирия было создание «общеправославного дома», включающего все православные народы, во главе с Россией, как единственной православной великой державы, которая может помогать другим Восточным Церквям.

РУССКИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ СВ. ЗЕМЛИ ПОСЛЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

После 1856 г. общая православная вера России с населением Востока стала орудием политического влияния на Ближнем Востоке и средством противодействия католической и протестантской пропаганды. Дипломатическая и материальная поддержка православных арабов Сирии и Палестины, которая противопоставлялась господству греков, а также организация школ для православных арабов было существенным элементом русского присутствия в регионе и применением «мягкой силы» вплоть до Первой мировой войны.

В рамках этой общей тенденции было основано несколько новых русских организаций: Русское общество пароходства и торговли (1856), Палестинский комитет (1859), русское консульство в Иерусалиме (1858),

Палестинская комиссия (1864–1889).⁴ До 1882 г., эти организации, наряду с Русской Духовной миссией в Иерусалиме, представляли русские интересы в Палестине и Сирии. Следует отметить, что их деятельность была направлена более на укрепление русских позиций и организацию паломничества, чем на сотрудничество с арабским населением и его духовенством.

ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО (1882–1914)

Новый этап в русско-арабских контактах наступил с основанием в 1882 г. Императорского Православного Палестинского Общества.⁵ Будучи негосударственной организацией, ИППО находилось, тем не менее, под прямым покровительством императорской семьи, и его членами были многие высшие сановники Российской Империи. Поначалу общество содержалось только на частные пожертвования, и только начиная с 1912 г. получило частичное финансирование из государственного бюджета. Согласно своему уставу, деятельность ИППО имело следующие задачи: 1) научная работа в Палестине и на Ближнем Востоке, в основном в области истории и археологии, публикация источников и популяризация научных знаний в России; 2) организация и поддержка русского паломничества в Св. Землю; 3) поддержка Православия на Востоке, путем организации школ для местного населения и помощь сельским храмам и монастырям.⁶

Именно третья задача была воплощением проекта архимандрита Порфирия (Успенского) о помощи православным арабам. В начале XX в. ИППО содержало около 100 школ в Палестине, Сирии и на Ливане (их число возросло с 84 в 1902 г. до 104 в 1917 г.), где обучались более 11000 детей, мальчиков и девочек. Школы делились на три категории: 1) учительские семинарии (в Назарете и Бейт Джале); 2) начальные школы с преподаванием русского языка; 3) сельские школы с одним арабским учителем. Программы школ более или менее следовали программам русских начальных школ; учителями были как местные уроженцы, так и приезжие из России. Обучение велось на арабском языке; лучшие русские учебники переводились на арабский. Среди предметов преподавалась арабская литература и история. Русские школы, в отличие от французских католических, не имели цели русифицировать арабов. Не стояло перед ними и задачи формировать арабский национализм, но они поддерживали развитие культурного самосознания.⁷ Поэтому система образования приносила взаимную пользу: лучшие ученики позднее становились учителями в русских и арабских школах, переводчиками с русского и писателями, они оказали большое влияние на свою национальную культуру. Среди таких выпускников русских школ был Халиль Байдас, который впервые перевел Пушкина на арабский

язык.⁸ Арабы-студенты русских семинарий, ставшие учителями (Клавдия Оде-Кульсум Васильева, Пантелеймон Жузе и Тафик Кезма) переехали в Россию накануне Первой мировой войны. Позднее они стали преподавателями арабского языка и литературы в университетах Киева, Баку, Москвы и Ленинграда. Стоит вспомнить любимую фразу К. Оде-Васильевой: «Арабам нужна Россия, России нужны арабы». Помимо школьного дела, ИППО содержало одну больницу в Иерусалиме и шесть фельдшерских пунктов (амбулаторных) для населения Палестины.

Вместе с тем главной задачей общества была организация и поддержка паломничества. Ежегодно более 6000 русских паломников, преимущественно из крестьян и мещан, посещали Св. Землю благодаря помощи ИППО. Исследовательская работа ИППО поставила его в один ряд с ведущими европейскими школами по изучению Палестины (Palestine Exploration Fund и Deutsche Palastinaverein). В результате раскопок около Св. Гроба Господня в 1882–1883 был обнаружен порог Судных врат и основания базилики Константина Великого. При поддержке ИППО профессор А.А. Цагарели провел исследование и опубликовал книгу «Памятники грузинской старины в Святой Земле и на Синае».⁹ В 1886 г. ИППО организовало раскопки в Иерихоне, а в 1891 г. экспедицию в Сирию, Палестину и Заиорданье с целью изучения древних христианских памятников; эта работа завершилась выставкой и изданием с многочисленными фотографиями. В 1898 г. была предпринята другая экспедиция в Палестину и Сирию, на сей раз вместе с Русским археологическим институтом в Константинополе. В 1901 г. на средства ИППО исследования на Синае и в Иерусалиме занимался Н.Я. Марр, впоследствии ставший активным его членом. Издательская деятельность ИППО включала в себя серию фундаментальных изданий источников (жития святых, описание паломничеств, каталоги рукописей). Выдающийся греческий ученый А. И. Пападопуло-Керамевс прибыл в 1890 г. по приглашению общества и остался работать в России до конца своей жизни (ск. в 1912 г.) Профессор А.А. Олесницкий опубликовал исследование о Ветхозаветном храме; истории Палестины под арабским владычеством посвящена монография Н.А. Медникова. Начиная с 1886 г. ИППО издавало журнал («Сообщения Императорского Палестинского Общества»), в котором публиковались как научные статьи, так и отчеты о практической работе.¹⁰

Было бы упрощением заявить, что Россия всегда поддерживала исключительно арабов против греческого духовенства Святого Гроба и Восточных Патриархатов. На самом деле, большинство документов свидетельствуют о более гибкой общеправославной политике России на Ближнем Востоке в течение XIX и в начале XX вв. В целом политика была направлена на достижение равновесия, умиротворение Восточных Православных Церквей и сохранение status quo, что совпадало с русскими интересами

на Ближнем Востоке. Более того, многие дипломаты и церковные деятели сомневались в целесообразности дальнейшего поощрения русского паломничества и вложения огромных средств в приобретение имущества за пределами России; некоторые считали это вредным с духовной точки зрения. Были дипломаты и государственные деятели, которые предлагали вкладывать средства в храмы и монастыри в России вместо покупки участков за границей, которые могли быть впоследствии потеряны.

ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО И РУССКАЯ ДУХОВНАЯ МИССИЯ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Османская империя начала военные действия против России в октябре 1914 г. Уже в начале 1915 г. успехи союзников и первые месяцы Галлипольской операции привели к невероятному подъему патриотизма и мечтам о скором успешном окончании войны. Было издано большое количество статей в журналах и отдельных брошюр, исполненных фантастических мессианских мечтаний об объединении всего Православного Востока под русской эгидой.

В этой связи обсуждались главным образом два вопроса: 1) будущий политический статус Палестины и в связи с этим управление Патриархатом и святыми местами; 2) устройство собственно Иерусалимского Патриархата и греко-арабское противостояние. Третий вопрос, тесно связанный с первым, касался будущего русских имуществ в Палестине. Дискуссии велись и в печати. Так, в начале 1915 г. в «Биржевых ведомостях» было опубликовано интервью под общим заглавием «Освобождение Святого Гроба». Среди опрошенных были ректоры православной, католической и протестантской духовных школ, профессора и дипломаты. Большинство из них склонялись к нейтрализации Святой Земли под кондоминиумом союзников; некоторые, однако, выражали мнение, что Святые Места должны управляться Россией. Иные из опрошенных высказывали сомнения в возможности мирного сосуществования различных вероисповеданий в Палестине. Дебаты начались с публичной речи депутата Е.П. Ковалевского в Славянском Благотворительном обществе 9 февраля 1915 г. Главная идея его выступления состояла в том, что всем православным народам — арабам, грекам и русским — должны быть предоставлены равные права в отправлении богослужения и управлении святыми местами в Палестине.¹¹

В марте 1915 г. был заключен секретный договор между Великобританией и Францией с одной стороны, и Россией с другой; договор был нацелен на то, чтобы Россия ввела свои боевые корабли в Босфор. России был обещан Константинополь и прилегающая территория. В течение весны 1915 г., наряду с публицистическими статьями, был написан ряд серьезных аналитических записок. В этих текстах, которые составлялись для сведения МИД

и ИППО, вопрос о будущем Св. Земли получил всестороннее освещение. Самые детальные и обоснованные записки принадлежали перу П.И. Ряжского, который провел 11 лет в Палестине в должности инспектора школ ИППО (его заключительный отчет датируется маем 1915 г.)¹² Он считал вопрос о предоставлении России более широких прав владения на святых местах очень сложным. Нарушение status quo, равновесия между различными конфессиями в Св. Земле, которое было достигнуто годами борьбы, не представлялось ему возможным. Ряжский докладывал, что ИППО принадлежали 28 земельных участков, из которых 26 находились в Палестине; на большинстве из них были возведены постройки. Одна треть этих имуществ были официально оформлены как русская собственность, в то время как остальные считались частными владениями, документы на которые были изданы на имя русских и османских подданных.¹³ После окончания войны, продолжал он, Россия должна закрепить свое право покровительства Православной Церкви на Востоке, независимо от национальности. Второе условие программы Ряжского было практическое применение принципа веротерпимости, провозглашенного османской конституцией 1908 г. Третьим было восстановление капитуляций и признание автономного права Палестинского Общества в управлении своими имуществами. Самый трудный вопрос, считал он, касался разрешения греко-арабского противостояния в Православной Церкви и защиты русских интересов на Св. Гробе Господнем и в других святых местах Палестины. Только при условии создания сильного союза всех православных народов Церковь может противостоять натиску католичества и протестантизма. Самым лучшим решением вопроса, по мнению Ряжского, было создание общеправославного учреждения, которое бы не служило интересам эллинизма и не использовало бы русские пожертвования для антирусской пропаганды. Так местные общины могли получить автономию, русские пожертвования лучше использованы для нужд местных православных арабов; богослужение будет совершаться не только на греческом, но также на арабском и славянском языках. Последний раздел представленного текста касался прав, привилегий, экономического и юридического статуса Палестинского Общества.

Среди многочисленных вопросов, которых касался Ряжский в своей следующей записке (будущее территориальное деление Ближнего Востока, греки и католики, др.), особое внимание уделяется арабскому вопросу. Поскольку конечной целью арабов является вытеснить греков в управлении святыми местами Палестины (чего они добились в Сирии), то Россия должна быть готова выразить свое мнение по целому ряду вопросов. Это касается способности арабов организовать свою собственную иерархию, т.е. создать свою Церковь в Святой Земле; можно ли допустить их до доходов и казны Св. Гроба; и, наконец, должны ли они делить с греками управление святыми местами в Палестине.¹⁴ По сути, Ряжский здесь ставит вопрос

о том, будет ли России выгоден Патриархат, организованный по наднациональному принципу (подобно католической Кустодии).

Другой документ Палестинского Общества (1915 г.) касается проектов будущего политического устройства Палестины: сохранится ли status quo antebellum, будет ли установлено совместное управление союзниками (Великобритания, Франция Россия и Италия), и какое место будет занимать в нем Россия как покровительница Православия в Палестине. Наряду с этими вопросами обсуждалось отношение Палестины к Египетскому и Арабскому султанатам; как сохранятся русские учреждения в Сирии при условии, что там будет установлен французский протекторат; должен ли глава Русской Духовной миссии быть в епископском сане, и займет ли он место, равное главам других Церквей. И, наконец, будет ли сохранено status quo святых мест Палестины. Вопрос о русских учреждениях и их правах занимает и в этой записке центральное место.

Последние годы перед революцией 1917 г. принесли новые направления в работу ИППО и его перспектив в Палестине. Раньше Палестинского Общества как православной и монархической организации сторонились многих русских ученых, которые не разделяли эти взгляды. В годы войны наметилась тенденция к демократизации ИППО и усилению его научной деятельности. В 1914–1915 гг. группа петербургских академиков и высших чиновников во главе с депутатом Е.П. Ковалевским начали обсуждать создание особого Комитета по Палестине, учреждение которого предполагалось либо при Академии наук, либо при Палестинском Обществе. После окончания войны этот комитет мог быть преобразован в Русский Археологический институт в Иерусалиме (аналогичный Константинопольскому институту, а также американскому и французскому научным учреждениям в Палестине). Эта идея нашла поддержку со стороны некоторых членов ИППО, например, археолога В.В. Латышева. Секретарь ИППО А.А. Дмитриевский написал подробный проект будущего института.¹⁵ Накануне февральской революции 1917 г. заместитель Председателя ИППО А.А. Ширинский-Шихматов пригласил Ф.И. Успенского, бывшего директора Русского Археологического института в Константинополе, принять участие в заседаниях.¹⁶ Осуществление этого проекта, несомненно, имело бы благоприятные последствия для взаимодействия русских ученых между собой и открыло бы перспективы для масштабного международного сотрудничества.

Новые идеи высказывались в эти годы даже самыми консервативными членами ИППО. 2 марта 1915 г. секретарь общества А.А. Дмитриевский произнес пространную речь в Славянском Благотворительном обществе в Петрограде, в которой он пытался подвести итоги работы России в Святой Земле и наметить ее новые задачи после войны.¹⁷ После пространного экскурса в историю западноевропейского и русского присутствия в Палестине

он перешел к будущему Св. Земли. С некоторой долей романтики Дмитриевский представил будущее Палестины, где должны быть сохранены русские интересы и неприкосновенность русской собственности. Он по очереди анализирует различные варианты: протекторат трех держав (Россия, Великобритания и Франция, что, по его мнению, вызывало сомнения), а затем протекторат каждой из держав в отдельности. Поскольку установление чисто русского протектората представлялось маловероятным, он рассматривает протекторат французский, и оценивает его как крайне неблагоприятный для Православия, если принимать во внимание соперничество православных и католических учреждений в Святой Земле. В сравнении с французским, британский протекторат представлялся Дмитриевскому более приемлемым. Он напомнил своим слушателям о деликатном и осторожном поведении англиканских епископов в отношении местного православного населения. Англикане, продолжал он, не стремились обращать православных арабов в протестантизм, особенно принимая во внимание то, что мотивы такого обращения зачастую были временными и несерьезными. Что касается политики Палестинского Общества, он открыто заявлял, что поддержка исключительно арабов в Палестине в течение десятилетий была ошибкой. Следует установить более тесные отношения с греческим духовенством, которое на протяжении столетий было хранителем Православия на Востоке. По сути, в этом докладе Дмитриевский не выходит за рамки традиционной колониальной концепции: он по-прежнему обсуждает возможности британского или французского протектората и не предполагает возможности создания Сионского государства в Палестине.

Другой византинист, профессор Санкт-Петербургской Духовной академии И.И. Соколов, смотрел на будущий британский протекторат с меньшим оптимизмом. Он полагал, что только протекторат русский мог положить конец соперничеству между православными народами. Соколов был известен своими симпатиями к грекам и политическим романтизмом в восточном вопросе. В своей записке марта 1915 г. он высказал свое восхищение перед Святогробским Братством и подчеркивал его заслуги в сохранении Православия.

Все эти проекты и записки, хотя и написанные профессорами и опытными в церковной истории и политике людьми, находились, тем не менее, в рамках традиционной колониальной империалистической идеологии; никто из авторов не мог представить себе иного устройства Ближнего Востока в XX веке. На этом фоне свежие идеи были высказаны профессором математики из Казани, Николаем Бобровниковым. Он был воспитан в семье Н.И. Ильминского, известного миссионера и организатора школ для татар и других нерусских народов Поволжья, и был знаком с потребностями современного мусульманского общества. После анализа различных взглядов на будущее Палестины, он подчеркивал, что Россия не должна

создавать препятствий для создания независимых арабских государств, которые будут образованы на руинах Османской империи. Палестина, продолжал он, не должна рассматриваться как специальная территория, отдельная от остального арабского мира. Школы Палестинского Общества, вместо того чтобы быть русскоцентричными, должны идти навстречу развивающемуся арабскому культурному и общественному движению. На Ближнем Востоке Россия, по его мнению, должна преодолеть узкое направление и не заниматься исключительно историей Церкви. Развитие востоковедения в России должно поощряться министерством образования. Бобровников предлагал создание русского института арабского мира, который бы базировался в Бейруте, а не в Иерусалиме.

Такие прогрессивные взгляды человека, который жил посреди большого мусульманского населения, однако, не встретили понимания со стороны большинства, охваченного национальным подъемом и мессианскими мечтаниями. И.И. Соколов мечтал о восстановлении Византийской империи и писал проекты русского Константинополя, а известный богослов архиепископ Антоний (Храповицкий) убеждал свою аудиторию в том, что Сирия и Палестина могут также стать территорией России: «Если это будет сделано, не пройдет и десяти лет, как вся Палестина и Сирия обратятся в Владимирскую или Харьковскую губернию. Народ наш так и ринется поселяться в страну, где жили наш Спаситель, Его Пречистая Мать, Апостолы, пророки и мученики. Там будет уже место для чисто русской культуры, для русской речи, для русской торговли и промышленности; две последние отрасли обильной лавой польются по Волге и Каспию через Кавказ к Средиземному морю и обратно. Пустынная местность вновь процветет, как «земля, текущая медом и млеком».¹⁸

В то время как в России обсуждались различные утопии, положение русской собственности в Палестине и людей, которые несли там службу, становилось трагическим.¹⁹ Контакты с Россией прекратились в октябре 1914 г. Большинство сотрудников Палестинского Общества и многие паломники покинули Палестину к концу 1914 г. Русские подворья были оставлены на поруки итальянского консульства, а оставшиеся русские подданные, в первую очередь мужчины, были арестованы как военнопленные. Поскольку война не закончилась весной 1915 г., 12 мая секретарь ИППО А.А. Дмитриевский послал русскому консулу в Александрии А.М. Петрову запрос о положении дел. В своем подробном ответе от 23 июня Петров докладывал о получении 100 000 франков от ИППО и о том, что эти деньги были посланы через американское консульство русским служащим в Иерусалим и Дамаск. Уже в конце 1914 г. мужчины служащие были депортированы из Иерусалима, сначала в Дамаск, а 18 мая в Урфу, недалеко от Диарбекира. Там их содержали в тяжелых условиях, и некоторые предпочитали спать под открытым небом, на армянском кладбище.

Русские монахини и паломницы, которые оставались в Иерусалиме, в течение первых месяцев войны получали помощь от Иерусалимского Патриарха; из соображений безопасности их разместили на Елизаветинском подворье. Сергиевское, Мариинское и Николаевское подворья использовались в качестве военных госпиталей и штаб-квартир, равно как и здание Бейт-Джалльской семинарии. Некоторые здания были опечатаны итальянскими дипломатами еще до того, как их заняли османские власти.²⁰ В конце ноября 1915 г. 85 русских монахинь и паломниц были отправлены из Иерусалима в Александрию и размещены в доме, который Петров нанял на деньги, полученные от ИППО.²¹ Некоторые женщины нашли работу в частных домах в Александрии. Очевидно, что присланные из России деньги вскоре закончились, о чем можно заключить из двух писем к Дмитриевскому начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрита Леонида (Сенцова) (из Александрии, от 23 октября 1916 г., и из Москвы от 22 ноября 1917 г.)²²

После неудачи Дарданельской операции вопрос Палестины на время исчез со страниц русской прессы. В 1916 г. к нему снова обращаются депутаты Думы: Н.Е. Марков повторил мысль о том, что после заключения мира Палестина должна стать нейтральной, под совместным управлением трех держав-союзниц. За несколько недель до Февральской революции 1917 г. состоялась новая конференция о послевоенном статусе Палестины. А.А. Дмитриевский произнес еще одну речь о задачах последнего, пятого Крестового похода. Другие ораторы все еще надеялись на то, что Св. Земля может стать русской.

Октябрьская революция положила конец, как практическим проектам, так и мессианским мечтам. На самом деле, уже в марте 1915 г. русское правительство согласилось дать дорогу устремлениям Великобритании и Франции относительно Палестины и Сирии в обмен на приобретение Константинополя. Это было закреплено в соглашении Сайкса-Пико (16 мая 1916 г.), которое подписал также российский министр иностранных дел С. Сазонов: России были обещаны территории в восточной Турции, Константинополь и проливы в обмен на отказ от территориальных притязаний в Сирии и Палестине. Объектом дискуссий оставалась только так называемая «коричневая зона» Палестины. С крахом монархии в России и Октябрьской революцией Россия потеряла свои позиции в разделе османского наследства. За несколько дней до Октябрьской революции Дмитриевский написал записку о русских интересах в будущем Сионском государстве. Русское правительство, подчеркивал он, должно настаивать на правах экстерриториальности для русских участков, а также свободе паломничества.²³ Российское Палестинское Общество, которое к тому времени потеряло свои первые два титула, «Императорское» и «Православное», не замедлило высказать свое мнение в быстро меняющейся обстановке.

Недатированное письмо (вероятно от начала 1918 г.), адресованное британскому посольству в Петрограде, напоминало англичанам о владениях России в Палестине, и в то же время высказывалась надежда, что новая власть будет соблюдать их права.²⁴

Как только Советское правительство было признано европейскими государствами, оно постаралось заявить свои права на русскую недвижимость в Палестине. 18 мая 1923 г. русский посланник в Лондоне Л.Б. Красин вручил лорду Керзону ноту, в которой вся собственность бывших русских учреждений в Палестине объявлялась принадлежащей советскому государству. Британская сторона, однако, не торопилась признать эти заявления, и в течение многих лет вопрос оставался нерешенным. Главным контрдоводом британских властей было то, что русские учреждения создавались как религиозные и филантропические, что противоречило атеистической политике советского государства. Поскольку дореволюционные русские государственные учреждения более не существовали, англичане предпочитали иметь дело с Русской Зарубежной Церковью.

На протяжении 1920-х гг. русские объекты собственности были под постоянной угрозой конфискации. В России знали очень мало о положении дел на Ближнем Востоке. Некоторые сведения были получены из частных писем, адресованных А.А. Дмитриевскому, который после своего возвращения в Петроград в 1923 г. удалился от дел в Палестинском Обществе. Управление русскими подворьями было возложено на В.Я. Северина, врача русской больницы, а после его отъезда из Иерусалима в 1915 г., на Корнилия Петропуло (османского подданного, бывшего бухгалтера подворий) и Николая Романовича Селезнева. Именно Селезнев в течение ряда лет вел переговоры с османскими, британскими властями и с представителями иностранных держав о сохранении и аренде имущества Палестинского Общества.²⁵

Владения Русской Духовной Миссии в Палестине перешли к Русской Зарубежной Церкви; в 1934 г. она даже получила от британских властей еще один участок в 10.000 квадратных метров на правом берегу Иордана.²⁶ Подробный отчет о своей работе по систематизации бумаг РДМ представил Иван Иванович Спасский в письме к Дмитриевскому от 6/19 декабря 1926 г. Спасский прежде был сотрудником ИППО, а в 1920 гг. состоял на службе британских властей в Иерусалиме. Он жаловался, что бумаги полностью перепутаны и ему потребовалось несколько месяцев, чтобы привести их в порядок. В период с августа по ноябрь 1925 г. он упорядочил документы; они заняли около 100 папок; для окончания работы, писал он, ему потребуется два или три месяца. Письмо было отправлено Спасским с парохода, направляющегося в Америку: Спасский был командирован архиепископом Анастасием (Грибановским), наблюдающим за делами РДМ в Иерусалиме в 1924–34 гг., в Нью-Йорк на срок около года, чтобы собрать деньги для нужд миссии.²⁷

Между тем здания Палестинского Общества в Иерусалиме были отданы британскими властями в аренду, и деньги использовались для содержания русских монахов и монахинь, остававшихся в Палестине. В своем ответе на требования советского правительства англичане ссылались на 13 статью Палестинского мандата, в котором говорилось, что все религиозные и прочие учреждения переходили в ведение британских властей. В статье 14 шла речь о создании специальной комиссии, которая должна была урегулировать вопрос о собственности. Такая комиссия так и не была создана.²⁸

С падением монархии Россия утратила свои позиции на Ближнем Востоке, которые создавались десятилетиями. Теперь британская политика уже не встречала никакого сопротивления в осуществлении своих планов: отказ англичан вести переговоры о русской собственности был связан гораздо более с реализацией геополитических амбиций Великобритании, чем с нежеланием сотрудничать с коммунистическим государством. Официальная пропаганда подчеркивала освободительную роль британской армии, сравнивая ее миссию с Крестовыми походами. На конференции в Сан-Ремо Ллойд Джордж провозгласил, что Великобритания отныне берет на себя покровительство над Православными Патриархатами вместо коммунистической России.²⁹ Вместе с тем англичане отстранили претензии Русской Зарубежной Церкви и ее представителей, которые пытались сдавать здания в аренду от своего лица.³⁰ Неопределенный статус русской собственности, в том числе подворий ИППО сохранялся несколько десятилетий. В 1948 г. некоторая ее часть была передана Советскому Союзу; одна часть отошла к Московскому Патриархату, другая была продана государству Израиль в 1964 г.³¹

ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Российские документы о деятельности Палестинского общества в 1920–1930-е гг. сосредоточены преимущественно в двух архивах: собрании А.А. Дмитриевского (ОР РНБ) и в Архиве востоковедов (Санкт-Петербургский институт восточных рукописей), где хранятся протоколы заседаний общества с 1918 до начала 1930-х гг.

В послереволюционные годы общество изменило свой характер. Уже в 1918 г. стало ясно, что оно может сохраниться только как чисто научная организация, занимающаяся историей Палестины. Общество пополнилось новыми членами, преимущественно специалистами по Христианскому Востоку. Вместе с тем, его руководство не теряло надежды, что оно сможет согласовать свою работу с интересами государства и вернуться хотя бы отчасти к исследованиям на Ближнем Востоке. История Палестинского Общества в это время сосредотачивается вокруг трех тем:

организационные попытки сохранить общество как официальную организацию; исследовательская работа и издания; попытки сохранить имущества общества за границей.

В течение 1918 г. из-за Гражданской войны и голода в России, заседаний общества не проводилось. Первое заседание после революции состоялось 26 января 1919 г. Собравшиеся помянули членов, скончавшихся во время революции (Я. Н. Смирнов, П. В. Безобразов, Н. А. Медников, Х. М. Лопарев) и высказали предложения касательно будущей работы. Из участников этого заседания, однако, немногим было суждено проработать долго: одни умерли в 1920-е гг. (Б.А. Тураев, И.С. Пальмов), другие уехали в эмиграцию (А.А. Васильев, Н.Н. Глубоковский). Только Н.Я. Марр, известный лингвист и создатель популярной в сталинское время теории яфетических языков, пережил годы репрессий и продолжил работать в 1930-е гг. На первом же заседании было предложено разработать новый устав общества и представить его через Академию наук комиссариату по образованию.

Состав членов Палестинского Общества в начале 1920-х гг. существенно изменился. Неудивительно, что в протоколах заседаний мы не встретим имен лиц, связанных с прежним строем; с уходом старых членов были приглашены новые. Постепенно общество сосредоточило в себе лучших ученых 1920-х гг.: это археолог Б.В. Фармаковский (с 1920 г.), востоковеды П.К. Коковцев и В.В. Струве (с 9 декабря 1920 г.), ассириолог В.К. Шилейко (с мая 1922 г.), византилисты Д.В. Айналов и А.А. Васильев. Деятельным членом общества и одним из его секретарей стал профессор В.Н. Бенешевич, специалист в области канонического права. В 1921 г. председателем общества был избран академик Ф.И. Успенский; именно его авторитет сохранял общество на протяжении 1920-х гг. Судя по списку активных членов общества от декабря 1922 г., в его деятельности принимали участие 47 ученых.³²

Согласно новому направлению, принятому советом общества, его деятельность не должна была ограничиваться только историей и культурой Палестинского региона, но также распространяться на изучение геологии и естественной истории Ближнего Востока. В 1921 г. членом общества стал геолог академик А.Е. Ферсман, а в конце 1920-х гг. с докладом выступил профессор ботаники В.В. Маркович, который рассказал о своей экспедиции в Малую Азию в 1926–1928 гг.; он представил коллекцию картин, представляющих жизнь обитателей Палестины.³³

У советского правительства, по-видимому, долгое время не было определенного мнения в отношении Палестинского Общества. С одной стороны, это был пережиток царского режима, крайне-правая монархическая и религиозная организация, потенциально опасная для нового государства. С другой стороны, находясь под защитой влиятельных академиков и объявляя себя чисто научным учреждением, оно не могло быть уничтожено

одним указом. Создается впечатление, что Палестинское Общество в течение ряда лет воспринималось советскими чиновниками как досадная обуза, тем более, что было ясно, что ничем не может помочь в сохранении имущества в Палестине. В результате время шло, а официальный статус общества оставался неопределенным. В декабре 1921 г., после длительных споров, общество было передано в ведение Российской Академии наук.³⁴

Вместе с тем, советские власти задумали конфисковать здание общества в Петрограде, по адресу Мытнинская ул. д. 10, под предлогом, что оно не использовалось. Уже в декабре 1921 г. помещения общества, включая библиотеку, архив и коллекции, были опечатаны, и переговоры велись в Академии наук в течение нескольких месяцев.³⁵ 3 мая 1922 г. печати были сняты, и 15 мая заседание общества было проведено в его помещении. Однако уже через несколько дней, 22 мая власти предприняли новую атаку. Был арестован секретарь общества, Н.В. Юшманов, архив был конфискован, а коллекции и библиотека были снова опечатаны. Прошло несколько месяцев, прежде чем Ф.И. Успенский смог добиться в суде благоприятного решения дела.³⁶ Тем не менее, здание было конфисковано, архив так и не был возвращен обществу и был перевезен в Москву, где был присоединен к архиву Министерства иностранных дел, а помещения были окончательно утрачены. Некоторые церковные предметы были переданы митрополиту Петроградскому и перевезены в Александро-Невскую Лавру. После этих событий Академия наук, согласно официальной формулировке, «по финансовым и иным причинам» перестала защищать общество. С ноября 1922 г. заседания проходили в помещениях Академии материальной культуры (будущем институте Археологии АН), которая тогда располагалась в Мраморном дворце. Туда же были перевезены библиотека и музей общества.³⁷ Эти события ясно показывают, что Советское государство не видело никаких перспектив в сотрудничестве с обществом как посредником для оказания влияния на политику и общество на Ближнем Востоке. Религиозная составляющая была полностью исключена из советской внешней политики, а члены общества, ввиду «буржуазного» прошлого большинства из них рассматривались как ненадежные элементы. Таким образом, общество не могло быть использовано новой властью даже для установления чисто научных контактов с Палестиной.

Между тем борьба за выживание продолжалась. В своем докладе, зачитанном на заседании общества 19 мая 1922 г., В.Н. Бенешевич категорически заявил о необходимости преобразования общества в соответствии с новыми условиями, разработать новый устав и избрать совет. Тогда, говорил он, общество, признанное советской властью, будет иметь авторитет в глазах иностранных организаций. В новый совет общества вошли Ф.И. Успенский (председатель), Б.В. Фармаковский и Н.Я. Марр; секретарями были назначены А.Н. Акимов и Н.В. Юшманов.³⁸ В июне 1922 г. Бенешевич был командирован в Москву, чтобы встретиться с чиновниками комиссариатов иностранных

дел и образования, а также Академии наук. Его приняли хорошо, и он получил некоторые обещания; на деле, однако, этот визит ничего не изменил. 20 июня 1923 г. комиссариат иностранных дел издал указ о закрытии общества. Косвенной причиной этого, вероятно была нота Г.В. Чичерина британскому министерству иностранных дел касательно русской собственности в Палестине (18 мая 1923 г.). Осенью 1925 г. общество было в очередной раз восстановлено, но по-прежнему не имело никакого официального статуса.

Вопрос о русской собственности и контакты с Палестиной

Изоляция общества от Палестины и отсутствие информации о том, что там происходит, неоднократно обсуждались на его заседаниях. Регулярная связь с оставшимися на Ближнем Востоке членами была прекращена еще осенью 1914 г. Было известно, что перед отъездом из Иерусалима врач русской больницы, временно управляющий имуществами ИППО В.Я. Северин провел инвентаризацию имущества и обменял часть денег в золото, но после этого у общества не было никаких сведений о положении дел. Кроме того, было известно, что в ноябре 1918 г. в руках А.М. Петрова, консула в Александрии, находилось около 10.000 рублей, присланных обществом для поддержки русских, оставшихся в Турции. С тех пор у общества не было никаких известий об этих деньгах. Как говорилось выше, в период 1919–1925 г. делами имущества ИППО занимался Н.Р. Селезнев. 8 марта 1922 г. он адресует обществу письмо, в котором он просил инструкций. Проект ответа был подготовлен 19 мая 1922 г., но после попытки ликвидации общества в конце мая ответ был отложен, и новая редакция его датируется 12/25 августа 1922 г.

«В ближайшем будущем (*зачеркнуто*: обеспечив себе вполне определенное и устойчивое положение в Российской республике) Общество намерено снарядить особенно уполномоченного своего члена (*зачеркнуто*: комиссию) для ознакомления с состоянием русских владений на Востоке и установления необходимых сношений с теми лицами, которые имели возможность знать положение русских владений в Иерусалиме и Палестине за время с 1914 по 1922 г. (*зачеркнуто*: от каковой комиссии Вы получите непосредственные надлежащие инструкции относительно дальнейшей деятельности по охране русских интересов в Иерусалиме).

В настоящий момент Общество будет Вам очень благодарно, если Вы найдете случай написать подробно обо всем, что так или иначе связано с интересами общества на Востоке (*зачеркнуто*: равным образом представите отчет о состоянии финансов и управлении с 1919 по 1922 год).

По поручению председателя Общества, секретарь Палестинского общества Аф. Никитич Акимов».³⁹

Правка черновика этого письма отчетливо показывает изменение положения общества: если поначалу руководство уверенно требовало от своего сотрудника отчета, то через несколько месяцев его робко просили уведомить о состоянии дел.

Поскольку представитель от общества так и не приехал, то и отчета Селезнев не послал, однако продолжал стоять на страже русских имуществ. Тремя годами позднее (29 марта/11 апреля 1925 г.) он писал А.А. Дмитриевскому: «Я вернулся к моей службе в 1919 году, и с тех пор нахожусь в Иерусалиме, защищаясь от «друзей», которые протягивают руки со всех сторон к достоянию общества. Все здания сохранены, отремонтированы, сохранились и частично внутри. Движимое имущество расхищено, остатки его собраны и охраняются нами. Строй общества восстановлен, мы платим долги и помогаем бедным. Живем на арендную плату от имуществ (...) Библиотеки в Иерусалиме и Бейт Джале сохранились, в Назарете расхищена. Книжный склад в Иерусалиме сохранился, но там очень мало изданий общества».⁴⁰ В конце своего письма Селезнев сообщает Дмитриевскому о том, что посылает ему 70 долларов для него и для И.И. Соколова. Н. Селезнев, который остался единственным представителем Палестинского Общества и в то же самое время поддерживал тесные контакты с Русской Зарубежной Церковью, по-видимому, весьма сдержанно относился к претензиям «друзей» (властям Мандата и РДМ) на управление русскими постройками.

В своем ответе от 6 мая 1925 г. Дмитриевский говорит об изданиях общества, которые уцелели после конфискации дома в Петрограде в мае 1922 г. Большая часть научной библиотеки сохранилась, погибли брошюры для народа. В том же письме Дмитриевский выражал мало надежды на восстановление общества в России: инициатива исходила от людей, у которых не было ничего общего со старыми членами.⁴¹ Это письмо вернулось отправителю, т.к. Селезнев скончался в том же году.

Политическая ситуация в Палестине вызывала постоянное беспокойство у членов общества. Несмотря на исключительные трудности, на заседании 15 мая 1922 г. Успенский вместо традиционного научного доклада сделал сообщение о текущем состоянии Иерусалимского патриархата. Финансовый кризис и постоянные раздоры между греческой и арабской партиями вынудили британские власти назначить особую комиссию по делам патриархата. Единственный выход из кризиса состоял в продаже части недвижимости Церкви. В религиозных вопросах комиссия склонялась к поддержке эллинизма против католичества и Московской церкви, — таков был вывод докладчика.⁴² Действительно, после Октябрьской революции прекратились пожертвования из России, и Иерусалимский Патриархат оказался перед банкротством. Оба пути получить заем (либо от греческого правительства, либо от британского) были отвергнуты по политическим и экономическим причинам. Оставалось единственное решение — продажа

недвижимости Сионистскому государству. Ярыми противниками этого выступили православные арабы; они, однако, не пользовались расположением властей мандата, которые избегали поводов создавать нестабильность в стране. В этой безвыходной ситуации в сентябре 1921 г. начала работать комиссия под председательством А. Бертрама и Х.Ч. Люка. По словам К. Папастатиса, это было взаимовыгодное соглашение, благодаря которому Патриарх Дамиан сосредоточил власть внутри своей Церкви, и позволил комиссии управлять делами Патриархии.⁴³ В 1923 г. конгресс мирян, собравшийся в Хайфе вручил британским властям список своих требований, и в марте 1925 г. была назначена новая комиссия Бертрама-Юнга, которая должна была разработать устав в направлении арабизации Иерусалимского Патриархата.⁴⁴

Другая тема постоянных обсуждений на заседаниях общества — проекты экспедиции в Палестину. Наряду с научными задачами, экспедиция могла бы на месте ознакомиться с состоянием имущества общества (заседание 10 марта 1926 г.). На следующем заседании, 14 апреля 1926 г., было назначено трое участников будущей экспедиции: В.Н. Бенешевич, П.И. Рязский, Л.А. Коробов.⁴⁵ Рязский, который в то время находился в Рязанской области, согласился, хотя и выражал сомнения по поводу получения участниками английских и французских виз и возможности посещения всех мест, где была русская недвижимость. Сам он бы хотел найти свои личные вещи (книги, документы и др.), которые он оставил в Палестине в 1914 г. Была составлена смета экспедиции (4.000 долларов на два месяца), и в Москву было отправлено детальное обоснование.⁴⁶ Неудивительно, что общество получило отказ. Поездка Бенешевича в Москву в июне 1926 г. также не принесла никаких результатов. Он не смог встретиться с начальником 6-го отделения ГПУ Е.А. Тучковым; единственное, чего ему удалось добиться, были неопределенные обещания о финансировании из президиума Академии наук. Чтобы привлечь внимание советского правительства к русским имуществам в Палестине, общество сделало их список (26 участков площадью 154 972 квадратных метров и 11 донумов), а также участок в Бари (Италия).⁴⁷

Все еще считая себя ответственным за собственность в Палестине, в 1925 г. совет общества уполномочил юристконсульта комиссариата иностранных дел С.Б. Членова выступать в защиту русских участков. Эта доверенность была официально продлена до 1928 г.⁴⁸ Такая ситуация длилась несколько лет: совет общества не прекращало посылать письма и обращения в правительство, в которых объяснял важность для России собственности в Палестине, а со стороны правительства не было никакого ответа. Если неопределенный статус русской недвижимости в Палестине длился еще несколько десятилетий, то в Италии вопрос был решен уже в начале 1930-х гг. После долгого судебного процесса, в 1933 г. Советское правительство решило отказаться от своих прав на владение участком в Бари.

Поскольку итальянские власти по-прежнему рассматривали Палестинское Общество законным собственником, то были изданы две официальные бумаги о том, что общество передает свои права полномочному представителю СССР в Италии В.П. Потемкину.⁴⁹ 31 октября 1933 г. общество издало доверенность Раулю Гинзбургу, французскому дипломатическому агенту в Хевроне, чтобы тот совершил инспекцию русской недвижимости. Не вполне понятно, почему это было нужно в тот момент; вероятно, это было сделано по требованию комиссариата иностранных дел, для переговоров с британскими властями.

НАУЧНАЯ РАБОТА ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА. 1919–1930 гг.

Самой плодотворной в этот период была научная деятельность общества. На каждом заседании (они проводились регулярно один-два раза в месяц) делались доклады. В протоколах заседаний сохранилось более 20 тем этих выступлений, например: «Эль — имя бога Солнца» (В. Шилейко, 1922 г.); «Израиль и Египет по еврейским источникам» (С. Лурье, 1923 г.); «Культура филистимлян согласно последним раскопкам» (А. Захаров, 1926 г.); «Последние раскопки в Месопотамии и Палестине» (Н. Д. Флитнер, 1928 г.).

Испытывая постоянную нужду в деньгах, общество не могло продолжать свою издательскую деятельность. За десять лет был выпущен только один том журнала общества (№ 29). Тридцатый том был полностью подготовлен, но так и не вышел в свет. На заседании 2 апреля 1929 г. был поставлен вопрос о закрытии общества; решение было отложено на несколько месяцев благодаря сумме в 1000 р., полученной из президиума Академии наук.

На одном из последних заседаний, 1 июля 1929 г. были подведены итоги работы за последние десять лет.⁵⁰ В течение уже 15 лет общество было отрезано от объекта своего исследования и вынуждено использовать только письменные источники. Так оно утратило свои позиции среди лидирующих учреждений по исследованию Палестины, которые занимало на протяжении предыдущих 40 лет. Отсутствие финансирования и изоляция не позволяли обществу закупать книги за рубежом; обмен с иностранными научными учреждениями в советском государстве стал также чрезвычайно затруднительным. Старые члены общества покинули его: в 1929 г. скончались Ф.И. Успенский и И.Г. Троицкий, в 1928 г. был арестован В.Н. Бенешевич. Ввиду изложенных трудностей, привлечение молодых исследователей к палестиноведению вряд ли было возможным.

В завершение этого периода у нас есть еще два документа. Первый — это краткая записка об истории Палестинского Общества, составленная в 1927 г. молодым его членом Прозоровым, и проект исследования арабских

источников, написанный Ю.А. Крачковским и датированный 3 декабря 1930 г. После грустного предисловия о том, что Палестина недоступна для советских ученых, Крачковский призывает своих коллег сосредоточиться на письменных источниках. Прежде всего, писал он, монография Н.А. Медникова «Палестина от арабского завоевания до Крестовых походов» нуждается в основательном дополнении в свете вновь открытых и опубликованных источников. Вторую задачу он видел в подготовке картотеки по арабскому языку и фольклору. Наконец, автор указывал третью область — исследование современной арабской культуры и общественной жизни. Здесь Крачковский надеялся на сотрудничество с теми арабами-членами общества, которые жили на территории Советского Союза: Васильева в Ленинграде, Кезма в Киеве, Жузе в Баку.⁵¹ На этом фоне полного упадка неожиданно случился визит иностранного ученого: 4 июля 1930 г. профессор из США Роберт Блейк, бывший студент Я.Н. Марра в Петроградском университете сделал доклад о своих экспедициях в Иерусалим в 1923 и на Синай в 1927 и 1930 гг. Последнее научное заседание общества состоялось 18 января 1931 г.: на нем был заслушан доклад К. Оде-Васильевой о событиях в Палестине в 1929 г.⁵²

Практическая деятельность Палестинского Общества была возобновлена в 1952 г. по инициативе востоковедов Н.В. Пигулевской и К.Н. Юзбаша при Ленинградском институте Востоковедения Академии наук; оно издавало научный журнал, проводило заседания с чтением научных докладов. С начала 1990-х гг. центр переместился в Москву; наряду с общественными инициативами, ИППО продолжает научную работу по изданию и исследованию архивных документов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С середины 1840-х гг. Россия основывала учреждения в Палестине: Русская Духовная Миссия в Иерусалиме, Палестинский комитет, Русское консульство в Иерусалиме, Палестинское Общество. Все они были нацелены на укрепление русского политического и культурно-религиозного влияния России в Святой Земле. Поддержка местного арабского населения, отправка пожертвований Иерусалимскому Патриархату, организация школ и паломничества — все эти элементы «мягкой силы» российской имперской политики опирались на культурную и религиозную дипломатию. В последние годы перед революцией 1917 г. наблюдалась тенденция к пересмотру политики ИППО и переходу к более гибкому взаимодействию с греческой и арабской партиями в Иерусалимской Православной Церкви. Революция в России положила конец этой странице русского присутствия на Ближнем Востоке, и оставшиеся в Святой Земле русские учреждения, равно как и Палестинское Общество в России утратили свое политическое значение.

- ¹ Stavrou T., Weisensel P. Russian Travellers to the Orthodox East from the Twelfth to the Twentieth Century. Bloomington, IN: Slavica Publishers, 1986; Житенёв С.Ю. История русского православного паломничества в X–XVII веках. М., 2007.
- ² О традициях пожертвований в XVII в. см.: Кантерев Н.Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Сергиев Посад, 1914; Ченцова В.Г. Икона Иверской Богоматери (Очерки истории Греческой церкви в России в середине XVII в. по документам Российского государственного архива древних актов). М., 2010; Чеснокова Н.П. Христианский Восток и Россия. Политическое и культурное взаимодействие в середине XVII века. М., 2011.
- ³ Общий обзор русской политики в Сирии и Палестине см.: Horwood D. The Russian Presence in Syria and Palestine, 1843–1914: Church and Politics in the Near East. Oxford: Clarendon Press, 1969. Основная часть церковно-политических донесений и писем Порфирия опубликована: Материалы для биографии епископа Порфирия Успенского. Т. I–II. СПб., 1910; Россия в Святой Земле. Документы и материалы / Изд. подг. Н.Н. Лисовой. Т. I–II. М., 2000; Россия в Святой Земле / Изд. подг. Н. Н. Лисовой. Т. II. М., 2017. О Порфирии и его деятельности в Св. Земле см.: Дмитриевский А. А. Епископ Порфирий Успенский как инициатор и организатор первой Русской Духовной миссии в Иерусалиме. М., 1906; Его же. Русская Духовная миссия в Иерусалиме. М., 2009; Иннокентий (Просвирнин), архим. Памяти епископа Порфирия (Константина Александровича Успенского), 1804–1885 // Богословские труды. 1985. Т. 26. С. 315–325; Stavrou T. G. Russian Interest in the Levant, 1843–1848: Porfirii Uspenskii and the Establishment of the First Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem, Middle East Journal 17, nos. 1/2 (1963). Неопубликованная часть бумаг Порфирия хранится в его личном фонде в Санкт-Петербургском филиале архива РАН, фонд 118. См.: Сырку П. Описание бумаг епископа Порфирия Успенского, пожертвованных им в Императорскую Академию наук по завещанию. СПб., 1891. См. также обзор: Gerd L., Potin Y. Foreign Affairs through Private Papers: Bishop Porfirii Uspenskii and His Jerusalem Archives // Open Jerusalem. Vol. 1. Ordinary Jerusalem. 1840–1940. Opening New Archives, Revisiting a Global City/ Eds. Angelos Dalachanis and Vincent Lemire (Leiden-Boston: Brill, 2018. P. 100–117.
- ⁴ Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX–начале XX века. М., Индик, 2016. С. 109–126; Анисимов О.В. Россия и Наполеон III: борьба за Святые места Палестины. М., Индик, 2014; Зеленина Я.Е., Белик И.Г. Первые русские храмы в Иерусалиме. Троицкий собор и церковь мученицы Александры. История создания. Художественное убранство. М., Индик, 2011; Astafieva E. Fonder et acheter, tudier et s'appropriier, construire et reconfigurer. Les trois temps de la transformation du «domaine copte» en glise Saint Alexandre Nevsky Jerusalem (1856–1896) // European Journal of Turkish Studies. 2016. Vol. 22. P. 1–21.
- ⁵ Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие... С. 160–224; Герд Л.А. Задачи Палестинского общества (Неизданная речь В. Н. Хитрово на первых чтениях Полтавского епархиального отдела ИППО) // ППС. 2008. Вып. 106. С. 288–297; Astafieva E. La Russie en Terre Sainte: le cas de la Société Impériale Orthodoxe de Palestine (1882–1917) // Christianesimo nella storia. 2003. No. 1.

- ⁶ Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское общество и его деятельность за истекшую четверть века (1882–1907). М., 1907.
- ⁷ Грушевой А.Г. Из истории русских школ на Ближнем Востоке. СПб., Контраст, 2016.
- ⁸ Scoville S. The Agency of a Translator: Khalil Baidas' Literary Translations (неизданная диссертация, University of Michigan, 2012); Id. Reconsidering Nahdawi Translation: Bringing Pushkin to Palestine // The Translator. 2015. Vol. 21. No. 2.
- ⁹ Православный Палестинский Сборник, вып. 10. СПб., 1888.
- ¹⁰ Олесницкий А.А. Ветхозаветный храм в Иерусалиме. СПб., 1889; Медников Н.А. Палестина от завоевания ее арабами до Крестовых походов по арабским источникам. СПб., 1897 (=Православный Палестинский Сборник. Т. 17. Вып. 2). О научной деятельности ИППО см.: Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие... С. 206–224; Грушевой А.Г. Императорское Православное Палестинское общество (по петербургским архивам) // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге / Изд. И.П. Медведев. СПб., Дмитрий Буланин, 1995. С. 134–156.
- ¹¹ Герд Л.А. Русские проекты будущего Палестины после окончания Первой мировой войны // Религии мира. История и современность. 2006–2010. М.-СПб., 2012. С. 551–578.
- ¹² Сохранилось несколько печатных экземпляров этого документа: АВПРИ, фонд РИППО. Оп. 873/. Д. 6; РНБ, ОР. Ф. 253. Д. 62.
- ¹³ О русских имуществах в Палестине накануне и во время Первой мировой войны см.: Юшманов Н.В. Российские учреждения в Палестине и Сирии перед началом войны с Турцией // Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. 1914. Т. 25. С. 436–464; Его же. Русские учреждения в Палестине и Сирии во время войны с Турцией // Там же. 1915. Т. 26. С. 147, 181, 373–408; 1916. С. 267–288; Paltma A. Russian Landholdings in Palestine 1917–1948 (Diss., University of Arizona, 1992).
- ¹⁴ ОР РНБ. Ф. 253. Д. 64.
- ¹⁵ «Русский историко-археологический институт в Иерусалиме». ОР РНБ. Ф. 253. Д. 61.
- ¹⁶ Письмо от 2 января 1917 г. Архив востоковедов. Ф. 120. Оп. 1. Д. 169.
- ¹⁷ ОР РНБ. Ф. 253. Д. 37.
- ¹⁸ Антоний Храповицкий, архиепископ. «Чей должен быть Константинополь?» (Харьков, 1915 г.) (Лисовой Н. Н. Русская церковь и патриархаты Востока (три церковно-политические утопии XX в.) // Религии мира. История и современность. М., 2002. С. 204.
- ¹⁹ О положении христиан в Иерусалиме в годы Первой мировой войны см.: Mazza R. Jerusalem from the Ottomans to the British. London-New York, Tauris Publishers, 2009. P. 47–74.
- ²⁰ Архив востоковедов. Ф. 120. Оп. 1. Д. 97. Дополнительные сведения сообщил в своем письме к Дмитриевскому секретарь итальянского консульства Карло Сенни (25 августа 1915 г.), которое он написал после своего отъезда из Иерусалима. Он докладывал о том, что часть русских построек были опечатаны; состояние паломниц и монахинь было плачевным. 4000 франков, посланные ему Дмитриевским остались в американском консульстве. Для поддержки русских необходимо еще по меньшей мере 20.000 франков. «В Палестине совершенно нет средств, в Иерусалиме террор и голод, он выглядит мертвым городом», заканчивает свое письмо Сенни (ОР РНБ. Ф. 253. Д. 615).

- 21 «Святая Земля и наши соотечественники в Сирии и Палестине во время настоящей войны». Речь, произнесенная А. А. Дмитриевским в славянском Благотворительном обществе в апреле 1916 г. Архив востоковедов. Ф. 120. Оп. 1. Д. 168.
- 22 ОР РНБ. Ф. 253. Д. 510.
- 23 ОР РНБ. Ф. 253. Д. 38.
- 24 Архив востоковедов. Ф. 120. Д. 94.
- 25 См. издание 86 документов, касающихся русских объектов: *Сафонов Д., свящ.* Деятельность Н. Р. Селезнева в документах Государственного архива Израиля (1919–1925 гг.) // Иерусалимский вестник. 2013. Вып. III–IV. С. 113–216;
- 26 Подробнее об экономическом положении русской собственности и участках РДМ в 1920-е годы см.: *Алехина Л.И.* Когда нет более православной России, особенно тяжел крест начальника миссии // Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. К 165-летию Русской духовной миссии в Иерусалиме. Вып. 1. Ч. 2. Иерусалим, 2012. С. 6–29; *Клементьев А.К.* 753 дня архимандрита Киприана: дни и дела начальника Русской Духовной миссии в Иерусалиме: 1928–1930 // Там же. С. 50–54; *Богданова Т.А.* «Нас 2–4 человека, бьемся как рыбы об лед» // Там же. С. 76–84. Подробный отчет (с публикацией документов) об ущербе, причиненном русской собственности во время Первой мировой войны см.: Там же. С. 29–36. Отчет о состоянии финансов РДМ во второй половине 1920-х гг.: Там же. С. 63–67; *Псарев А., диакон.* Владение Русской Зарубежной Церковью дореволюционным церковным имуществом: юридический и моральный аспект. РПЦЗ. Обзор <http://www.rocorstudies.org/2012/02/22/a-v-psarev-vladenie-russkoj-zarubezhnoj-cerkovyu-dorevolucionnym-cerkovnym-imushhestvom-yuridicheskij-i-moralnyj-aspekt/?fbclid=IwAR3SYklWkUAETH7G8gkujGJbSG3lYpeeumL0z5xr6BktlbazS8Cs9Pyu0A>.
- 27 ОР РНБ. Ф. 253. Д. 630. См. Также издание некоторых писем Спасского из США: Магдалина (Корнилова), инокиня. Миссия неотступно просит вас всех прийти ей на помощь: письма И.И. Спасского из Америки // Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. С. 36–49. Тяжелое материальное положение РДМ вынудило Архимандрита Киприан (Керн) отправить письмо А. А. Ширинскому-Шихматову с просьбой послать денег из доходов Палестинского Общества (там же. С. 67–71). В целом отношения РДМ и Палестинского Общества в период Британского мандата были, по всей видимости, непростыми.
- 28 *Баталден С.* Судьба русского землевладения в Иерусалиме во время Палестинского мандата // ППС. 1992. Т. 24. <https://www.ippo.ru/historyippo/article/sudba-russkogo-zemlevladieniya-v-ierusalime-vo-vrem-201658>
- 29 *Yosef E.B.* The Last Crusade? British Propaganda and the Palestinian Campaign, 1917–1918 // Journal of Contemporary History 36, 1 (January 2001). P. 87–109; *Papastathis K.* Finances in the Colonial Age: the Orthodox Patriarchate of Jerusalem under British Control, 1921–25 // Middle Eastern Studies. 2013. Vol. 49. P. 724
- 30 В межвоенный период РДМ в Иерусалиме оставалась единственным действующим русским учреждением в Палестине. О непростых отношениях миссии с Иерусалимской Патриархией и британскими властями см.: Никодим (Ротов), архимандрит. История

- Русской Духовной миссии в Иерусалиме. Заключение, <https://rusdm.ru/history/38>; Киприан (Керн), архимандрит. Воспоминания о митрополите Антонии (Храповицком), https://azbyka.ru/otechnik/Kiprian_Kern/vospominaniya-o-mitropolite-antonii-hrapovitskom-i-episkope-gavriile-cherpure/1. См. Также общий обзор истории русских учреждений в Палестине после Первой мировой войны: Занемонец А. Святая Земля и русское зарубежье. СПб., Алетейя, 2019.
- 31 Так называемая «апельсиновая сделка», соглашение № 593 “О продаже собственности, принадлежавшей СССР правительством Союза Советских Социалистических республик правительству государства Израиль”, подписанная 7 октября 1964 г. Гольдой Мейр и Пинхасом Сапиром с одной стороны, и послом Михаилом Бодровым с другой. 22 участка стоимостью 3,5 миллионов израильских фунтов (4,5 миллионов долларов США). Деньги были частично выплачены Израилем натурой, апельсинами и трикотажем. Здание РДМ, собор св. Троицы и Сергиевское подворье не были проданы. <https://www.ippo.ru/historyippo/article/apelsinovaya-sdelka-201663>.
- 32 Архив востоковедов. Ф. 120. Оп. 1. Д. 182.
- 33 Там же. Д. 42.
- 34 Там же. Д. 182.
- 35 Там же. Д. 45.
- 36 Там же. Д. 180.
- 37 Около пяти тысяч томов библиотеки Палестинского общества хранится в библиотеке Института восточных рукописей, другая часть в библиотеке Государственного музея истории религии. Собрание монет было передано Эрмитажу. Судьба остальных коллекций неизвестна.
- 38 Архив востоковедов. Ф. 120. Оп. 1. Д. 179.
- 39 Архив востоковедов. Ф. 120. Оп. 1. Д. 165.
- 40 ОР РНБ. Ф. 253. Д. 612.
- 41 ОР РНБ. Ф. 253. Д. 317.
- 42 Архив востоковедов. Ф. 120. Оп. 1. Д. 45.
- 43 *Papastathis K.* Finances in the Colonial Age. P. 715.
- 44 См.: *Papastathis K., Kark R.* Colonialism and Religious Power Politics: the Question of New Regulations within the Orthodox Church of Jerusalem during the British Mandate // Middle Eastern Studies. 2014. Vol. 50 No. 4. P. 589–605.
- 45 Архив востоковедов. Ф. 120. Оп. 1. Д. 43. Коробов был единственным членом коммунистической партии среди членов общества. Вероятно, включение его кандидатуры должно было увеличить шансы на одобрение проекта со стороны властей.
- 46 Там же. Д. 44.
- 47 Там же. Д. 174.
- 48 Там же. Д. 42.
- 49 Там же. Д. 42
- 50 Там же.
- 51 Там же. Д. 172.
- 52 Там же. Д. 42.

ПОДГОТОВКА И ВЫПУСК ИЗДАНИЙ ДЛЯ ПАЛЕСТИНСКИХ ЧТЕНИЙ ИМПЕРАТОРСКИМ ПРАВОСЛАВНЫМ ПАЛЕСТИНСКИМ ОБЩЕСТВОМ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.*

В. В. Цысь, О. П. Цысь

Императорское Православное Палестинское Общество (далее ИППО) — старейшая в России общественная организация, основанная в 1882 г. и не закрывавшаяся даже в годы гонений на верующих и массовых репрессий. Одним из важнейших направлений ее работы являлась издательская деятельность. В редакции Устава ИППО от 1882 г. его первой целью называлось «а) собирать, разрабатывать и распространять в России сведения о святых местах Востока»¹. В системе центрального управления данной организации функционировало научно-издательское отделение («ученых исследований и изданий») во главе с академиком (с 1893 г.), специалистом по античной эпиграфике и филологом В.В. Латышевым (1855–1921).

Первоначально приоритет отдавался публикации результатов научных исследований, посвященных истории и современному состоянию Палестины, а также русскому православному паломничеству в Святую Землю. Именно эти задачи характеризовались как основные в соответствующих разделах Устава, конкретизировавших работу отделения: «Общество старается о приобретении ученых пособий, книг, рукописей, карт, достопримечательностей и проч. ... Собрание и распространение сведений ... посредством чтений и сообщений в Собраниях Общества, а также переписки, печатных записок, периодических и других сочинений и сборников, издаваемых в свете на основании общих цензурных правил»².

В соответствии с этими задачами значительное внимание научно-издательским отделом и привлеченным им лицам уделялось выпуску «Палестинского патерика» (серии житийной литературы, переведенной с греческого, вышло 22 выпуска), «Православного Палестинского Сборника»

(исследования по истории Палестины, до 1917 г. вышло 63 тома). Текущая жизнь ИППО, а также конфессиональные проблемы современной Палестины находили отражение на страницах «Сообщений Императорского Православного Палестинского общества» (с 1886 по 1917 г. вышло 28 томов, каждый из которых, в свою очередь, включал от одного до четырех выпусков). Готовились и внесерийные публикации, такие как «Систематический каталог библиотеки Императорского Православного Палестинского Общества»³, подготовленная А.А. Дмитриевским к 25-летию юбилею ИППО монография⁴, отчеты за различные периоды и др.

Изучаемая нами тема затрагивалась преимущественно в работах, посвященных публикации результатов исследований прошлого Святой Земли, и характеристике материалов «Сообщений ИППО»⁵, где в лучшем случае приводятся названия используемых в ходе Палестинских чтений сочинений и кратко описывается их содержание⁶. Проблемы подготовки изданий «для народа» не нашли пока отражения в современной историографии.

Также следует оговориться, что, хотя в официальной отчетности ИППО «Палестинские патерики» отнесены к группе «народных изданий», вероятно, в связи с тем, что житийная литература всегда была популярна как домашнее чтение у верующих, мы считаем возможным ее выделить из названной группы. «Палестинские патерики» не включались в массовую рассылку по региональным отделам, в отчетах очень редко встречаются упоминания об их привлечении для публичных чтений. Например, в 1900–1901 отчетном году из 219 лекторов Томского отдела лишь один использовал «Палестинский патерик»⁷.

В качестве источников при раскрытии темы выступает, прежде всего, переписка членов Совета ИППО, касающаяся издательской деятельности, как друг с другом, так и с должностными лицами региональных отделов. Значение для понимания дальнейшей судьбы литературы «для народа» имеет отчетная документация, как правило, публиковавшаяся на страницах епархиальных ведомостей или отдельными брошюрами.

Необходимо отметить, что важность расширения масштабов издательской деятельности далеко не сразу была осознана. В отчете за 1892–1893 г., заслушанном на годовом общем собрании ИППО, сообщалось, что «на третью поставленную нам задачу — изданий и исследований, мы всегда смотрели как на побочную, между другим, более существенным делом»⁸. При этом назывались публикации «на трех языках»: чисто научные, для «образованных людей» и «для простого народа». Для популяризации сведений об ИППО подходили, преимущественно, последние. Их из 64 названий книг к тому моменту было выпущено лишь 18 (28 %). Половину составляли научные работы. Причем констатировалось, что «нам труднее издать хорошую книгу для простого народа, чем хорошее научное сочинение, а еще более затруднений представляет ее распространение»⁹.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-41001

Для последнего существовали и объективные потребности. Развитие рыночных отношений превратило книгоиздание в один из видов коммерческой деятельности. При одновременном росте грамотности увеличивается спрос на дешевые публикации «для простого народа». Эту нишу следовало заполнить полезным духовно-назидательным чтением, хотя, разумеется, сбыт находила и различного рода бульварная литература.

Организация в течение второй половины 1890-х гг. сети региональных отделов ИППО (к началу XX в. их число превысило 40) сделала необходимой подготовку значительного числа небольших по объему брошюр и листов на палестинскую тематику, которые могли бы использоваться при проведении популярных лекций о Святой Земле и русском паломничестве, а также для раздачи слушателям.

К тому же, за первые полтора десятилетия существования Палестинского Общества был выпущен значительный объем научных работ, источников (хождений, проскинитариев, житий), посвященных Святой Земле, а т.к. палестинская тематика не являлась приоритетной для российских ученых, ожидать появления большого числа новых исследований не приходилось. Альтернативой становится переориентация в сторону публикации популярной литературы. Так, на годовом общем собрании 4 апреля 1899 г. констатировалось, что «Ограничивая свою специально научную деятельность, общество тем с большею энергиею принялось за издание народных, дешевых изданий по тем вопросам, которые составляют его специальность: Священная история на почве Святой Земли и география земли Обетованной, освещенная событиями Священной истории»¹⁰.

Регламентация и последующее развертывание культурно-просветительской работы ИППО на местах обычно связывается с подготовкой «Руководящих правил для действия Отделов и Уполномоченных Императорского Православного Палестинского Общества» 1895 года¹¹. В них сообщалось, что «Совет Общества признает первую и главнейшую заботу Общества, его Отделов и Уполномоченных распространение верных сведений о прошедшем и настоящем Св. Земли, а в особенности о состоянии в оной Православия»¹². Здесь же описывается порядок проведения бесед и чтений, и рекомендуются к использованию некоторые, ранее изданные ИППО или при его содействии книги и брошюры: П.М. Сладкопевцева, М.П. Соловьева, Ф.К. Грекова, С.И. Пономарева, В.Н. Хитрово¹³, четыре выпуска «Палестинских патериков» и др.

Разумеется, этих трудов было далеко недостаточно, чтобы организовать широкую просветительскую работу в региональных отделах. Сама подборка указанной в «Руководящих правилах...» литературы отличается разнородностью и носит случайный характер. Поэтому необходимо было развертывание издательской деятельности по выявлению, редактированию, в некоторых случаях — написанию по специальному заказу, выпуску

изданий, которые могли бы использовать потенциальные лекторы в провинции для подготовки и проведения Палестинских чтений.

Аналогичную работу предлагалось выполнять и самим губернским отделам: «для продажи и бесплатной раздачи... наиболее желательны те, которые по своему изложению и дешевизне могут быть доступны для народа и распространяться среди него»¹⁴.

Однако очевидно, что в данном отношении надеяться только лишь на отделы было нельзя. Пример должны были показать руководящие структуры ИППО в лице наиболее деятельных членов Совета, имевших литературный, научный и организационный опыт.

Прежде всего, следует указать на секретаря Общества Василия Николаевича Хитрово (1834–1903). Он стал автором первого «Православного Палестинского Сборника», изданного на его средства и включавшего монографию «Православие в Святой Земле»¹⁵.

В.Н. Хитрово внес огромный вклад, прежде всего, в популяризацию знаний о Святой Земле в России. Кроме названной работы, его перу принадлежит выдержавший за 20 лет 13 изданий «Рассказ старого паломника», одобренный для использования в учебных заведениях тремя учебными комитетами: при Св. Синоде, при Министерстве народного просвещения и при Военном министерстве¹⁶.

Но это, конечно же, не решало проблему. С 1896 г. начинается публикация серии популярных изданий «для народа», предназначенных для чтений о Святой Земле. Организационные, редакторские, контролирующие функции фактически взял на себя В.Н. Хитрово. Секретарь ИППО пользовался безграничным доверием Великого Князя Сергея Александровича, в том числе, и в данном вопросе.

Всего, как известно, в течение короткого времени было выпущено 74 «палестинских чтения» и еще 30 «бесед», некоторые из них неоднократно переиздавались, иногда сборниками¹⁷. Причем при жизни В.Н. Хитрово (до 1903 г.) опубликовано подавляющее большинство чтений (70, т.е. 94,6 %). (См.: Таблица 1).

Таблица 1

Выход первых изданий «Палестинских чтений»

Год	1896	1897	1898	1899	1900	1901	1902	1905	1907	1910
№ чтений	1–8, 31–36, 38, 39	9–10, 37, 40, 45–47	11–21, 41, 44	22–30, 48, 50–52	42, 43, 49, 53–65	66–68	69, 70	71, 72	73	74
Кол-во	16	7	13	13	16	3	2	2	1	1

Все «беседы» (меньшего в сравнении с «чтениями» объема, преимущественно от 8 до 16 стр.) были опубликованы в 1899–1902 гг.¹⁸

Третья группа «изданий для народа» — «Палестинские листки» (от 1 до 4 стр.) предназначалась для бесплатной раздачи слушателям. Их выпуск начался также по инициативе В.Н. Хитрово, а общее число к 1906 г. было доведено до 47.

Тематика популярных изданий включала следующие направления:

- 1) деятельность ИППО (от предпосылок создания до общественно-политического значения ее результатов);
- 2) русское паломничество в прошлом и настоящем;
- 3) характеристика Святой Земли: география, этнография, история, а также описание основных христианских святынь;
- 4) доступное изложение отдельных частей Священного Писания, религиозных праздников.

Встречались и комплексные по своему содержанию работы, где в той или иной степени находило освещение все вышеперечисленное.

Стилистика текстов отличалась разнообразием, зависевшим от уровня подготовки, литературного опыта авторов. Так, В.Н. Хитрово мог составить блестящую, на наш взгляд, стилизацию под простонародную речь, что должно было сделать содержание его сочинения понятным любому, даже малограмотному человеку. Тексты, представленные духовенством, нередко отличало некое подобие «высокого стиля», характерного для церковных проповедей. Здесь, вероятно, сказывался опыт обучения в стенах Духовных учебных заведений, практическая деятельность как настоятелей приходов.

Авторы популярных палестинских изданий могут быть объединены в несколько групп. К *первой* можно отнести представителей духовенства — *епархиальных архиереев, настоятелей монастырей, протоиереев и священников*. Автором «беседы» № 1 стал епископ Смоленский и Дорогобужский *Никанор (Каменский)* (1847–1910), почетный член ИППО, организатор его Орловского отдела (в 1888 г. он совершил паломничество в Палестину), плодовитый духовный писатель, доктор богословия — автор «Беседы о содействии Православным в Святой Земле». Следующая по счету, 2-я «беседа» принадлежала перу преосвященного *Макария (Невского)* (1835–1926) — основателя и бессменного руководителя Томского отдела ИППО, автора многочисленных слов, бесед, поучений, посланий, воззваний и наставлений на религиозно-нравственную тематику. Известный духовный писатель, автор «сказаний» о жизни святых Вологодской епархии, настоятель Кирилло-Новоезерского монастыря архимандрит *Иоанн Петрович Верюжский* (1820–1907) стал автором семи «бесед» (№№ 12–17), издававшихся трижды: 1898, 1908, 1910 гг. (Он также совершил паломничество в Святую Землю). Одним из организаторов Палестинских

чтений в Житомире и автором «чтений» № 47 являлся *Николай Николаевич Трипольский* (1847–1911), кафедральный протоиерей, магистр богословия, член Волынской Духовной консистории и Распорядительного комитета Волынского церковно-археологического общества (на 1900 г.), один из организаторов Церковного древлехранилища в г. Житомире, известный краевед и церковный историк. Настоятель храма Воскресения Христова при Обществе распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви в Санкт-Петербурге, протоиерей *Петр Алексеевич Миртов* (1871–1925), автор последнего, 74-го выпуска «чтений» окончил Владимирскую Духовную семинарию (1891 г.), Киевскую Духовную академию (1899 г.) со степенью кандидата богословия. Он занимал должности редакторов ведущих церковных журналов («Отдых христианина» (1903–1917), «Известия по Санкт-Петербургской епархии» (1903–1914), «Воскресный благовест» (1904–1914), «Трезвая жизнь» (1905–1914)), был публицистом, активным участником трезвеннического движения (руководитель Александрово-Невского общества трезвости). Редактор «Церковных ведомостей» (1888–1906), протоиерей, духовный писатель воспитанник и магистр Московской Духовной академии, председатель учебного комитета при Св. Синоде, *Петр Алексеевич Смирнов* (1831–1907) стал автором «чтений» под № 31. Необходимо указать также на кафедрального протоиерея из г. Зарайска, Рязанской губернии *Владимира Семеновича Соловьева* (? — не ранее 1907 г.), подготовившего серию «чтений» по материалам Ветхого Завета (выпущены под № 9–30). Можно также назвать приходского священника, выпускника Одесской духовной семинарии *Владимира Ивановича Бабуру* (1872–?) (автор «беседы» № 19), священников *Н. Панова* («беседы» №№ 7–11) и *Ф. Соколова* («беседа» № 6).

Вторая группа авторов — *преподаватели, смотрители учебных заведений* (Духовных училищ, семинарий, академий), как светские, так и духовные лица. Из семьи сельского священника Калужской епархии происходил *Николай Александрович Елеонский* (1843–1910) — профессор богословия Московского университета и настоятель его храма (с 1892 г.), председатель отделения по вопросам религиозно-нравственного образования и воспитания Педагогического общества при Московском университете (с 1898 г.), член Общества любителей духовного просвещения, известный, прежде всего, трудами по изучению ветхозаветных текстов¹⁹. Основой для «чтений» (№№ 1–8) послужили его «Очерки из Библейской Географии» в 2-х томах²⁰. Их текст печатался в течение десяти лет в форме отдельных очерков в журнале «Душеполезное чтение», а затем в виде книг на средства ИППО. *Сергей Алексеевич Терновский* (1848–1916), профессор по кафедре еврейского языка и библейской археологии Казанской Духовной академии, член ИППО, был командирован в Иерусалим в 1893 г. для углубленного изучения еврейского языка и научной работы, автор «Очерков библейской

археологии» (вып. 1 — 1891 г., вып. 2 — 1895 г.), которые в форме «чтений» (№№ 56–63) были изданы в 1900 г. под заглавием «Библейская старина». Выпускник Московской Духовной академии, преподаватель Тверской духовной семинарии *Андрей Афанасьевич Митропольский* (1862–1902), краевед, составитель «Агиографии святых Тверской епархии» был активным участником Палестинских чтений и являлся составителем «беседы» № 18. К числу выдающихся историков можно отнести *Алексея Петровича Лебедева* (1845–1908) — автора «чтений» № 53 и 54, выпускника Московских Духовной семинарии и Духовной академии (1870 г.), профессора Московской Духовной академии, Московского университета, автора курса по истории Восточной Церкви. *Священник Дмитрий Степанович Дмитриевский* (1862 — после 1912) — выпускник Рязанской Духовной семинарии (1883 г.) и Московской Духовной академии (1887 г.), кандидат богословия, преподаватель Полтавской Духовной семинарии, с 1899 г. — смотритель Роменского Духовного училища, автор ряда статей по церковной истории и богословию, публиковавшихся в «Полтавских епархиальных ведомостях» выступил как составитель двух «бесед» (№№ 5, 27) и двух «чтений» (№№ 32, 33). Автор чтений № 45 *Иван Александрович Виноградов* (1868–1935) — историк, краевед, редактор и издатель печатных трудов Тверской учёной архивной комиссии, помощник хранителя Тверского историко-археологического музея (1898 г.) окончил в Твери Духовное училище и семинарию (1886 г.), Московскую Духовную академию (1890 г.), занимал должности смотрителя Тверского Духовного училища, члена епархиальных миссионерского и училищного советов, Религиозно-просветительного братства святого благоверного князя Михаила Тверского и др. После преждевременной кончины своего друга А.А. Митропольского женился на его вдове — Прасковье Ивановне. Пожизненный член ИППО, писатель, исследователь сектантства *Матвей Яковлевич Монастырев* (1849 — не ранее 1917) подготовил «чтение» № 66. Он окончил в г. Орле Духовное училище (1865 г.), семинарию (1871 г.), затем — Казанскую Духовную академию (1875 г.), где получил степень магистра, являлся редактором неофициальной части «Екатеринославских епархиальных ведомостей» (1885–1900), преподавал в Екатеринославской Духовной семинарии (1885–1900), Тамбовском Духовном училище (1900 — не ранее 1917). Известный краевед *Василий Гаврилович Добронравов* (1861–1919) — автор чтений № 51 и № 52, также имел духовное образование. Он закончил Переславское Духовное училище, Владимирскую Духовную семинарию (1881 г.), Санкт-Петербургскую Духовную академию со степенью кандидата богословия (1885 г.), являлся преподавателем Владимирской Духовной семинарии (с 1888 г.), епархиальным наблюдателем церковных школ (с 1902 г.), стоял у истоков создания губернского отдела ИППО, занимал в нем должность делопроизводителя. Протоиерей, помощник председателя Училищного

совета при Св. Синоде *Михаил Иванович Хитров* (1851–1899) был выпускником историко-филологического факультета Московского университета, кандидатом богословия. С 1876 г. печатал в отечественных духовных журналах («Душеполезное чтение» и др.) или отдельными брошюрами очерки из истории древней Церкви, жизнеописания православных святых, проповеди и поучения, статьи и рецензии. М.И. Хитров подготовил две «беседы» (№№ 23, 24) на палестинскую тематику. Казначей Томского отдела ИППО с 7 марта 1896 г. по март 1898 г., делопроизводитель Томского отдела ИППО с ноября 1897 г. по 1917 г. *Алексей Михайлович Курочкин* (1862 — после 1917) окончил полный курс наук в Казанской Духовной академии со степенью кандидата богословия (1886 г.), являлся смотрителем Томского Духовного училища (с 1893 г.), стал автором «беседы» № 25 и «чтений» № 50. Пожизненный действительный член ИППО с 1897 г. *Алексей Иванович Левочский* (1864 — после 1923) окончил Московскую Духовную академию (1888 г.) со степенью кандидата богословия, был смотрителем Томского Духовного училища, автором текста «чтений» № 34. Впоследствии А.И. Левочский стал одним из организаторов Тамбовского отдела ИППО. Протоиерей *Николай Николаевич Летницкий* (1871–1920) (автор «беседы» № 20), был выпускником Казанской Духовной академии со степенью кандидата богословия (1895 г.), преподавал богословие в Астраханской Духовной семинарии, являлся членом епархиального училищного совета, член-сотрудник (1896 г.), пожизненный действительный член ИППО (1900 г.), делопроизводитель его Астраханского отдела, организатор чтений в епархиальной библиотеке. *Афанасий Михайлович Ванчков* (1858 — около 1918) (автор «беседы № 28) — выпускник Тверской Духовной семинарии (1880 г.), занимал должности члена Училищного совета при Св. Синоде (с 1891 г.) и Учебного совета церковно-приходских школ (с 1892 г.). *Михаил Саввич Пальмов* (1859 — не ранее 1927) (автор «беседы» № 3) окончил Рязанскую Духовную семинарию (1879 г.) и Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия (1883 г.), преподаватель (с 1879 г.), инспектор (с 1899 г.) Нижегородской Духовной семинарии, в течение многих лет был товарищем председателя Нижегородского отдела ИППО.

Особняком в этом ряду стоит фигура выдающегося филолога, литературоведа, академика *Александра Николаевича Пыпина* (1833–1904), который подготовил два выпуска «чтений» (№№ 36, 37). Он не был непосредственно связан с духовной школой ни по образованию, ни по месту преподавания: выпускник гимназии и Санкт-Петербургского университета (1853 г.), где впоследствии преподавал на историко-филологическом факультете.

Третья группа — представители руководства ИППО. К ней можно отнести, помимо В.Н. Хитрово («чтения» №№ 38–44) и сменившего его

на посту секретаря в 1907 г. Алексея Афанасьевича Дмитриевского (1856–1929) («чтения» №№ 72, 73), таких известных лиц как уполномоченный ИППО в Одессе Михаил Иванович Осипов («чтения» № 46), секретарь канцелярии ИППО Владимир Дмитриевич Юшманов (1870 — после 1930) («чтения» № 48).

Вне указанных выше групп стоят, пожалуй, Федор Константинович Греков (Палеолог) (1849 — не ранее 1913) — журналист и драматург, сотрудничавший в журнале «Русский паломник», автор «чтений» № 67; государственный служащий (делопроизводитель канцелярии военного министерства, временно исполняющий должность начальника главного управления по делам печати), действительный член ИППО Михаил Петрович Соловьев (1842–1901), чья речь на торжественном открытии Калужского отдела ИППО вышла в виде «чтений» № 55.

Список и характеристика авторов популярных изданий, на наш взгляд, показывают, что их подбор отличался тщательностью. Как правило, это были имевшие духовное образование высококвалифицированные специалисты, прекрасно знавшие предмет описания, с большим опытом научной или проповеднической деятельности. Объем, направления и предварительные результаты напряженной редакторской работы В.Н. Хитрово по подготовке популярных изданий «для народа», переговоры с авторами нашли отражение в его переписке с секретарем канцелярии ИППО В.Д. Юшмановым.

29 мая 1899 г.: «Я Вам выслал, добрейший Владимир Дмитриевич, 22 вып. чт. о Св. 3.[емле] Соловьева, следом высылаю 23, 24, 25 вып. Их можно с богом печатать и соответствующие картины заказать. Ветхозаветной истории его остается у меня еще на четыре выпуска 26, 27, 28 и 29²¹. Это я пришлю Вам в июне. Кроме Соловьевских чтений я прислал Вам еще два чтения о Синае²² в оригинале...»²³.

12 июля 1901 г.: «Чтения 67 и 68 не успел просмотреть. Сделал сокращение в статье Грекова²⁴. Я ее прочитал внимательно и затем уже сделал сокращение»²⁵.

2 августа 1901 г.: «Посылаю Вам, добрейший Владимир Дмитриевич... 2-е чтение Елеонского²⁶. Как писал Вам в последний раз, второе и последующие его чтения, нужно печатать также как напечатано первое чтение. Нельзя одно чтение печатать в одном виде, а его продолжение в другом»²⁷. После просмотра В.Н. Хитрово были одобрены и направлены в печать «беседы» В.И. Бабуры и А.М. Курочкина²⁸. Инициатива включения в «чтения» древнерусских паломничеств А.Н. Пыпина также принадлежала секретарю ИППО²⁹.

Переписка со всей очевидностью показывает, что В.Н. Хитрово принадлежала ключевая роль в отборе и отчасти подготовке материалов для народных чтений о Святой Земле. В докладе, прочитанном на годовом собрании ИППО 8 апреля 1901 г., он сообщал: «Главное внимание было

обращено в истекшем году на издание дешевых народных книг... Одними из главных изданий в этом отношении были наши «Чтения о Святой Земле», число которых достигло ныне до 65. К ним главнейше мы принуждены были прибегнуть ввиду сильной поддержки, оказанной Обществу его местными епархиальными отделами, которые по благословению своих Преосвященных Председателей, обратили особенное внимание и старание на распространение этих наших изданий на народных чтениях...»³⁰.

Подводя предварительные итоги, в отчете ИППО сообщалось, что на 1 ноября 1906 г. было выпущено «народных изданий»: «Чтения о Св. Земле (для аудиторий)» — 72, «Спутники, описания Св. Земли, биографии и проч.» — 40, «Палестинские листки» — 47³¹. К этой же группе, с нашей точки зрения, достаточно условно, отнесены «Палестинские патерики». Вспомогательное значение имел каталог туманных картин к чтениям о Святой Земле, выпущенный в 1902 г.³²

После смерти В.Н. Хитрово издательская активность ИППО снижается. Свою роль здесь сыграли не только необходимость поиска достойной замены Секретарю ИППО³³, но и трагическая гибель Великого Князя Сергея Александровича, и события Первой русской революции. К тому же, созданный ранее солидный задел закрыл в значительной мере все основные темы, которые можно было затронуть в палестинских изданиях. Еще одна проблема — исчерпание финансовых ресурсов. Вот как об этом писал член Совета и Вице-Председатель ИППО Н.М. Аничков товарищу Председателя М.П. Степанову: «Правду сказать, уж очень мы широко тратили за время с 1898 по 1903 год, когда сделали крупный и очень удачный заем и вообразили себя Крезами ... продолжали тратить, полной пригоршней давая направо и налево», в результате на 1905–1906 отчетный год образовался в бюджете дефицит в 54 тыс. руб., «Словом на нашу долю выпало очень трудное время, которого В.Н. Хитрово и представить себе не мог, иначе, любя всею душою Общество, он вел бы расходы гораздо осторожнее»³⁴.

По совокупности названных выше причин ИППО меняет тактику подготовки и выпуска популярной литературы для палестинских чтений. С одной стороны, переиздаются, иногда неоднократно, ранние выпуски «чтений». С другой стороны, фронт работы сужается в направлении выбора некоторых, наиболее важных, с точки зрения руководства ИППО тем.

Координация подготовки «изданий для народа» теперь возлагается на В.Д. Юшманова. С 1905 г. была предпринята новая серия изданий под редакцией профессора Киевской Духовной академии, библиста Владимира Петровича Рыбинского (1867–1944) под общим названием «Святая Земля в праздниках Православной Церкви» (было предложено В.П. Рыбинским вместо первоначального варианта «Дни Господни в Святой Земле»). Предполагалось составить описание двенадцатых праздников, ежегодно выпускать по 3–4 книжки объемом от 3 до 15 печатных листов³⁵.

желательно за 3–4 недели до соответствующего праздника. Ранее была издана речь В.П. Рыбинского, произнесенная на общем собрании Киевского отдела ИППО³⁶.

В этом же году началась подготовка первой книги серии: «Праздник Рождества Христова». Ее автором стал священник *Иван Иванович Туркин*³⁷. Данное событие было отмечено в письме В.Д. Юшманова В.П. Рыбинскому от 18 сентября 1906 г.: «Поздравляю Вас с выходом в свет 1-го вып. затеянных нами описаний “Праздников Православной Церкви на Св. Земле” ... Душевно радуюсь благополучно законченному томику «Рождества Христова» и жажду узреть поскорее в таком же виде второй вып. “Благовещение Пресвятой Богородицы”, почти уже законченной... Необходимо во всех мелочах придерживаться внешнего вида первой книжки...»³⁸. Формат и внешний вид обложки новой серии был составлен по аналогии с «чтениями».

В этот период к работе привлекли ряд лиц, живших и работавших в Киеве, так или иначе связанных с А.А. Дмитриевским. В частности, законоучитель Киевского женского Института Императора Николая I, член Киевского религиозно-философского общества, редактор журналов «Руководство для сельских пастырей» и «Церковно-общественная мысль» *Евгений Зотикович Капралов* (1868–1933) стал автором второй книги серии — «Благовещение Пресвятой Богородицы», высоко оцененной редакторами «Сообщений Императорского Православного Палестинского Общества»: «Вообще, нужно признать очень счастливой идею издания “Святой Земли в праздниках Православной Церкви”, так как у нас еще не было аналогичного труда, а выполнение ее, насколько можно судить по двум сделанным выпускам, надо считать вполне удачным. Почтенное имя редактора издания [В.П. Рыбинского] говорит и в пользу будущего успеха»³⁹.

Брошюру о празднике Вознесения подготовил *Евгений Федорович Рыбинский* (1869 — не ранее 1914) — выпускник Тамбовской Духовной семинарии и Киевской Духовной академии (1894 г.), кандидат богословия, помощник инспектора (с 1905 г.), преподаватель физики и математики (с 1908 г.) Киевской Духовной семинарии.

Еще одну книгу серии написал выпускник Литовской духовной семинарии и Киевской Духовной академии (1896 г.), доцент Киевской Духовной академии *Михаил Николаевич Скабалланович* (1871–1931) — ученик В.П. Рыбинского и А.А. Дмитриевского⁴⁰.

Подготовка этих работ, как и ранее, находила отражение в переписке В.Д. Юшманова с редактором: «Возвращаю корректурные листы Благовещения с нужными надписями, так как Свидание в Горней очень уж нерусское. — сообщал В.П. Рыбинский 1 октября 1906 г., — К оглавлению, Вами [т.е. В.Д. Юшмановым — В.Ц., О.Ц.] составленному, ничего не могу прибавить: могу только поблагодарить Вас за труд... Книжечка Вознесение будет составлена по образцу Рождества»⁴¹.

Предпринималась попытка продолжить начатый протоиереем В.С. Соловьевым при прежнем Секретаре ИППО выпуск популярного изложения Священного Писания. В портфеле редакции еще с 1901 г. лежали рукописи его восьми «чтений» по Новому Завету. В.Н. Хитрово их придерживал, дожидаясь пока работа не будет полностью завершена. После смерти основателя Палестинского Общества по названным выше причинам этот вопрос был отложен. Лишь в 1906 г. переговоры с В.С. Соловьевым возобновляются, редактирование «чтений» по Новому Завету поручается все тому же В.П. Рыбинскому⁴². Однако данный проект оказался незавершенным, возможно, из-за крайней занятости зарайского протоиерея проблемами на службе. В письме В.Д. Юшманову он жаловался на «граждан агитаторов», выражал намерение переменить место жительства и покинуть Рязанскую епархию⁴³.

Хотя лекции А.А. Дмитриевского о русском паломничестве и Палестине в Киеве привлекали сотни слушателей, он, как нам кажется, был все-таки в большей степени ученый, чем популяризатор. Круг интересов Секретаря ИППО лежал преимущественно в плоскости научных исследований, в продолжение трудов о церковно-исторических событиях на Ближнем Востоке, деятелях Русской Палестины. Он также оказался поглощен совершенно новыми для него заботами об учреждениях ИППО в Святой Земле, различного рода текущими обязанностями. Поэтому на организацию выпуска «изданий для народа» у него объективно могло не хватать времени. Тем не менее, А.А. Дмитриевский подготовил цикл «Церковные торжества на Православном Востоке в дни великих праздников»⁴⁴. Возникает вопрос — зачем он выполнял фактически параллельную с В.П. Рыбинским и авторами серии «Святая Земля в праздниках...» работу? Интерес представляет сравнение текстов Е.Ф. Рыбинского и А.А. Дмитриевского, посвященных одной и той же теме⁴⁵. Первый пересказывает современным русским языком соответствующий отрывок Священного Писания, затем говорит о смысле и значении Вознесения Иисуса Христа: объясняет, что есть «небо», куда и как Господь «вступал в мир небожителей», какое значение имеет это событие для нашего спасения. В третьей части речь идет о праздновании Вознесения, в четвертой, самой объемной — приводится описание Елеонской горы, располагавшихся там, как в прошлом, так и в настоящее время храмов (в том числе, русского св. Марии Магдалины), Гефсиманского сада, Иосафатовой долины и др. Завершает текст характеристика традиции изображений Вознесения в католичестве и православии. Труд Е.Ф. Рыбинского носит комплексный, разносторонний характер, ради чего серия, собственно говоря, и задумывалась. Ее особенности и значение отмечены в одном из писем В.П. Рыбинского: «Наши книжки имеют характер энциклопедический, [здесь и далее — подчеркивания автора письма — В.Ц., О.Ц.] что в них о каждом празднике будет говориться

все, с обращением особенного внимания на Палестину. В таком духе издание задумано, так оно и осуществляется»⁴⁶. Сочинение А.А. Дмитриевского значительно меньше по объему. В то же время оно содержит непосредственные впечатления о пребывании в Иерусалиме во время празднования Вознесения с различными бытовым и этнографическими подробностями. Таким образом, А.А. Дмитриевский не повторяет, а дополняет труд своего коллеги. К тому же, составлением эротологического цикла он занимался и ранее. Первые опыты в виде записи наблюдений православного паломника могут быть отнесены еще к концу 1880-х гг.⁴⁷ В течение 1901–1903 гг. А.А. Дмитриевский опубликовал пять сочинений о христианских праздниках на страницах журнала Киевской Духовной семинарии «Руководство для сельских пастырей»⁴⁸. Ему оставалось только дополнить и расширить уже выпущенные тексты и подготовить несколько новых, чтобы цикл оказался завершенным.

Тем не менее, постепенно издательская активность ИППО снижается. Практикуются в основном переиздания «чтений». Возможно, на завершение серии «Святая Земля в праздниках Православной Церкви» под редакцией В.П. Рыбинского не хватило средств, возможно, посчитали достаточным ограничиться работами на аналогичные сюжеты Секретаря ИППО. Отдельными брошюрами в 1907 г. вышло 3, в 1908 г. — 7 описаний праздников А.А. Дмитриевского. В докладе общему годовому собранию 24 апреля 1911 г., а также в отчетах за 1910–1911 отчетный год (о. г.) сообщается о 5 популярных брошюрах общим тиражом 14 тыс. экз.⁴⁹, из которых к новым могла быть отнесена лишь одна⁵⁰. В 1912–1913 гг. вышли переиздания брошюр П.А. Смирнова, Н.Н. Трипольского, М.Я. Монастырева, В.С. Ильинского, В.Н. Хитрово, А.А. Дмитриевского общим тиражом 20,5 тыс. экз.⁵¹ Из новых работ следует отметить лишь сочинение все того же А.А. Дмитриевского «Пасха в Иерусалиме»⁵². В последующие месяцы 1913 г. (1 марта — 31 декабря) были выпущены только четыре брошюры опять же А.А. Дмитриевского о праздниках: Вознесения, св. Троицы, Преображения, св. великомученика Пантелеймона на св. Афонской горе⁵³.

С началом Первой мировой войны происходит сворачивание деятельности ИППО по ряду направлений, в том числе, и в подготовке «изданий для народа». В 1914 г. и последующие годы они уже не выходили, за исключением 5-го переиздания 1-го выпуска «чтений» Н.А. Елеонского. Что касается губернских отделов, то они в целом ограничивались размещением различных материалов о Палестине и русском паломничестве на страницах местных «Епархиальных ведомостей» или же подготовкой небольших брошюр обзорного характера⁵⁴. Эта работа не являлась, да и не могла быть в провинции систематической.

Особое внимание привлекают издания на национальных языках. Так, Уфимским отделом ИППО был выпущен билингвистический текст

на русском и татарском⁵⁵, «дабы дать возможность и крещеным татарам, мало знакомым с русским языком, ознакомиться с дорогой в Иерусалим, куда за последние годы вместе с русскими стали ездить и эти наши братья во Христе»⁵⁶. Известно также о подготовке и использовании в ходе Вербного сбора «Поучений в неделю Вайи» на якутском языке, которое включается в состав сборников, выпущенных в 1902 и 1910 гг.⁵⁷, и «Вход Господень в Иерусалим» священника Николая Бережного 1914 г.⁵⁸ Аналогичное воззвание с призывом жертвовать на нужды ИППО было выпущено Вологодским отделом на зырянском языке⁵⁹.

Подводя предварительные итоги можно отметить значение и результаты данного направления деятельности ИППО. В организации издательской работы можно отметить чередование периодов резких всплесков (1896–1902 гг., 1906–1908 гг.) и спадов (1903–1905 гг., с 1909 г.) Огромное значение имел личностный фактор — позиция В.Н. Хитрово, А.А. Дмитриевского, В.Д. Юшманова и некоторых других ключевых фигур по вопросу о целесообразности, возможности, содержании выпуска популярных изданий на палестинскую тематику. Следует также указать на тщательный подбор авторов текстов «чтений», «бесед», «праздников». Каждый из них имел, как правило, образование не ниже духовной академии, опыт публикации научных и научно-популярных статей, проповеднической или преподавательской деятельности.

По мнению Е.А. Чач, до организации массовых паломничеств на Святую Землю ее образ в народном сознании носил во многом мифологизированный, сказочный характер (Иерусалим — центр Земли, Гроб Господень парит в воздухе и т.п.)⁶⁰. Наряду с непосредственным знакомством со святынями Палестины русских богомольцев, в трансформации этого образа сыграли свою роль десятки популярных изданий ИППО. Как и сами палестинские чтения, они способствовали изменению этого представления, вследствие чего Святая Земля постепенно превратилась в реальный географический объект, населенный живыми людьми, а ее храмы и памятники стали восприниматься как доступные для знакомства и поклонения.

ЛИТЕРАТУРА

Воображая Палестину: Святая Земля и русская идентичность в XIX — начале XXI в.: Коллективная монография. СПб.: Нестор-История, 2021. — 776 с.

Зими́на О.Г. Издательская деятельность Православного Палестинского Общества в 1882–1917 годах (Фонды библиотеки Эрмитажа) // Пилигримы: Историко-культурная роль паломничества: Сб. науч. трудов: К XX Международному конгрессу византистов. Париж, 19–25 августа 2001 года. СПб.: Изд. Гос. Эрмитажа, 2001. С. 178–183.

Капустина В.И. Издательская деятельность Императорского Православного Палестинского общества в XIX — начале XX века // Книга в современном мире: проблемы чтения и чтение как проблема: материалы международной научной конференции, 25–27 февраля 2014 года. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2014. С. 86–91.

Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. М.: «Индрик», 2006. — 512 с.

Нечаева М.Ю., Микитюк В.П. Императорское Православное Палестинское Общество в культурной среде российской провинции. М.: «Индрик», 2014. — 384 с.

Пумпян Г.З. Издательская деятельность и публикации Императорского Православного Палестинского Общества (1881–2007) // Указатель трудов Императорского Православного Палестинского общества, 1881–2007. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Альфарет, 2009. — 444 с.

Чернышова Н.К. Императорское Православное Палестинское Общество: издательская и культурно-просветительская деятельность сибирских отделов // Традиции и современность. 2002. № 1. С. 77–85.

Чач Е.А. Христианский Восток в изданиях для народа в России конца XIX — начала XX в.: к остановке проблемы // Вестник Омского университета. 2012. № 1. С. 129–135.

¹ Подробнее, см.: Устав Императорского Православного Палестинского общества [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://jerusalem-ippo.org/arhiv/dok/ustav/> (дата обращения — 12.12.2021)

² Там же.

³ Систематический каталог библиотеки Императорского Православного палестинского общества: Т. 1. Отделы А–М. СПб., 1907. [2], VI, 660 с. и др.

⁴ Императорское Православное Палестинское общество и его деятельность за истекшую четверть века (1882–1907): историческая записка, составленная по поручению Совета Общества профессором А.А. Дмитриевским. СПб., 1907. [6], VIII, 332 с.

⁵ См.: *Зими́на О.Г.* Издательская деятельность Православного Палестинского Общества в 1882–1917 годах (Фонды библиотеки Эрмитажа) // Пилигримы: Историко-культурная роль паломничества: Сб. науч. трудов: К XX Международному конгрессу византистов. Париж, 19–25 августа 2001 года. СПб., 2001. С. 178–183; *Лисовой Н.Н.* Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. М., 2006. С. 206–209; *Пумпя́н Г.З.* Издательская деятельность и публикации Императорского Православного Палестинского Общества (1881–2007) // Указатель трудов Императорского Православного Палестинского общества, 1881–2007. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2009. С. 360–438; *Чернышова Н.К.* Императорское Православное Палестинское общество: издательская и культурно-просветительская деятельность сибирских отделов // Традиции и современность. 2002. № 1. С. 77–85; *Капустина В.И.* Издательская деятельность Императорского Право-

славного Палестинского общества в XIX — начале XX века // Книга в современном мире: проблемы чтения и чтение как проблема: материалы международной научной конференции, 25–27 февраля 2014 года. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2014. С. 86–91.

⁶ См., напр.: *Нечаева М.Ю., Микитюк В.П.* Императорское Православное Палестинское Общество в культурной среде российской провинции. М., 2014. С. 107–108; *Воображая Палестину: Святая земля и русская идентичность в XIX — начале XXI в.: Коллективная монография.* СПб., 2021. С. 116–117, 121–123.

⁷ См.: Деятельность отделов Императорского Православного Палестинского Общества в 1900/1 году. СПб., 1901. С. 103.

⁸ Годовое общее собрание Императорского Православного Палестинского Общества 4 марта 1893 г. // Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества (далее — СИППО). 1893. Т. 4, апр. С. 144.

⁹ Там же. С. 146.

¹⁰ Годовое общее собрание Императорского Православного Палестинского Общества 4 апреля 1899 г. // СИППО. 1899. Январь-февраль. С. 41–42.

¹¹ Руководящие правила для действия отделов Императорского Православного Палестинского общества. [СПб.]: Тип. В. Киршбаума, [1901]. 74, [3] с.

¹² Руководящие правила для действия Отделов и Уполномоченных Императорского Православного Палестинского Общества // Сообщения ИППО за 1895. Т. 6. Приложения. С. 24–25.

¹³ См.: *Хитрово В.Н.* К Животворящему Гробу Господню. Рассказ старого паломника. СПб., 1884. 121 с.; Места страданий, смерти и воскресения Спасителя: (исторический очерк) / сост. Ф. Греков (Палеолог). СПб., 1892. 47 с.; *Пономарев С.И.* По Святой земле: Из палестинских впечатлений. 1873–1874. СПб., 1879. [4], 152 с.; *Сладкопевцев П.М.* Древние палестинские обители и прославившие их св. подвижники. Вып. 1. [Обители четвертого века]. СПб., 1895, [4], 189 с. *Соловьев М.П.* Святая земля и Россия (речь действительного члена Императорского Православного Палестинского Общества М.П. Соловьева при торжественном открытии Калужского отдела Общества в Вербное воскресенье, 10 апреля 1894 г.). СПб., 1894. 32 с.

¹⁴ Руководящие правила для действия Отделов... С. 32.

¹⁵ Православный Палестинский сборник. Т. I. Выпуск первый. Издание В.Н. Хитрово. Православие в Святой Земле. СПб., 1881. 132 с.

¹⁶ См.: *Хитрово В.Н.* К Животворящему Гробу Господню. Рассказ старого паломника. СПб., 1884. 121 с.

¹⁷ См., напр.: Девять бесед на Святой Земле архим. о. Иоанна Верюжского. СПб., 1898. [2], 78 с.; Пять бесед о Святой Земле. СПб., 1910. 46 с. и др. См., также: Указатель трудов Императорского Православного Палестинского Общества, 1881–2007. 2-е изд. ... С. 284–290.

¹⁸ См., напр.: № 1. Беседа о содействии Православным в Святой Земле (преосвященного Никанора, епископа Смоленского и Дорогобужского). СПб., 1899. 8 с.; № 12. Беседа о Святой Земле (архимандрита о. Иоанна Верюжского). СПб., 1900. 16 с.;

- № 25. Беседа о деле, совершаемом в Святой Земле Императорским Православным Палестинским Обществом (А.М. Курочкина). СПб., 1901. 23 с.
- 19 Подробнее см.: *Соловьев И.И.* Заслуженный профессор богословия в Московском императорском университете, протоиерей Николай Александрович Елеонский. Сергиев Посад, 1910. 20 с.
- 20 См.: *Елеонский Н.А.* Очерки из библейской географии. Ч. 1: Горы, равнины, долины, пустыни, воды, климат, геологические особенности и растительность святой земли. СПб., 1896. [6], 460 с.; Он же. Очерки из библейской географии. Ч. 2: Представители животного царства в Святой Земле. СПб., 1897. [2], 281 с.
- 21 Речь идет о подготовке выпусков «чтений» № 9–30 В.С. Соловьева.
- 22 Вероятно, упоминаются чтения № 51 и 52 В.Г. Добронравова «Богошественная гора Синайская. Описание ее», изданные в 1899 году.
- 23 АВ ИВР. Ф. 120. Оп. 2. Д. 75. Л. 9.
- 24 Речь идет о подготовке издания: Места страданий, смерти и воскресения Спасителя Ф.К. Грекова (Палеолога). 67-е чтение. СПб., 1901. 24 с.
- 25 АВ ИВР. Ф. 120. Оп. 2. Д. 75. Л. 35.
- 26 См.: Описание Святой Земли по протоиерею Н.А. Елеонскому. Общее понятие о Святой Земле. 1-е чтение. 3-е изд. СПб., 1901. 32 с.; Описание Святой Земли по протоиерею Н.А. Елеонскому. Горы Святой Земли (I). 2-е чтение. 3-е изд. СПб., 1901. 58 с. и др.
- 27 АВ ИВР. Ф. 120. Оп. 2. Д. 75. Л. 40.
- 28 См.: АВ ИВР. Ф. 120. Оп. 2. Д. 44. Л. 47–48; Д. 32. Письмо А.М. Курочкина В.Д. Юшманову от 10 апреля 1901 г.
- 29 См.: Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 621. Оп. 1. Д. 948. Письмо В.Н. Хитрово от 18.04.1896 г.
- 30 *Хитрово В.Н.* Собрание сочинений и писем. Т. 3: Из эпистолярного наследия / Сост., подг. текста и комментарии Н.Н. Лисового и Л.А. Герд. М., 2012. С. 308–309.
- 31 См.: Императорское Православное Палестинское Общество. СПб., 1906. С. 13.
- 32 Каталог туманных картин к чтениям о Св. Земле, изданным Императорским Православным Палестинским Обществом. СПб., 1902. 44 с.
- 33 Занимавший эту должность в 1903–1906 гг. генеральный консул в Дамаске А.П. Беляев не смог в полной мере справиться с огромным объемом возложенных на него обязанностей, к тому же он вскоре заболел и 15 августа 1906 г. скончался. Затем в качестве возможных кандидатов рассматривались помощник секретаря Д.В. Истомин, профессор Московской Духовной академии В.А. Соколов, но, в конечном счете, выбор Великой Княгини Елизаветы Федоровны остановился на профессоре Киевской Духовной академии А.А. Дмитриевском.
- 34 ОР РНБ. Ф. 253. Д. 43. Л. 21–22. Более детально эти вопросы рассмотрены также в некрологе Н.М. Аничкова, составленном А.А. Дмитриевским. См.: *Дмитриевский А.А.* Палестинское Общество и русские школы на Востоке. Статьи, очерки, отчеты / Сост., вступ. статья и науч. ред. Н.Н. Лисового. М., СПб., 2014. С. 141–145, 149–155 и др.
- 35 АВ ИВР. Ф. 120. Оп. 2. Д. 56. Письмо от 05.08.1905 г.

- 36 Рыбинский В.П. «Не умолкну ради Сиона и ради Иерусалима не успокоюсь»: речь профессора Киевской Духовной академии В.П. Рыбинского, произнесенная 16 марта 1904 г. в общем собрании Киевского отдела Императорского Православного Палестинского Общества. СПб., 1904. 32 с.
- 37 Рождество Христово / Сост. свящ. Иоанн Туркин. СПб., 1906. 143 с.
- 38 АВ ИВР. Ф. 120. Оп. 2. Д. 56. Письмо от 16.09.1906 г.
- 39 Критика и библиография // Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. 1907. Т. XVIII. Вып. 1. С. 198.
- 40 *Скабалланович М.Н.* Святая Земля в праздниках Православной Церкви: День Св. Троицы и Св. Духа. СПб., 1908. — 125 с.
- 41 АВ ИВР. Ф. 120. Оп. 2. Д. 56. Письмо от 01.10.1906 г.
- 42 См.: АВ ИВР. Ф. 120. Оп. 2. Д. 63.
- 43 АВ ИВР. Ф. 120. Оп. 2. Д. 63. Письмо от 09.01.1907 г.
- 44 Подробнее, см.: Дмитриевский А.А. Праздники Святой Земли / отв. ред. Л.В. Мельникова; сост. вступ. ст. и науч. ред. Н.Н. Лисового. М.; СПб., 2013. — 288 с.
- 45 *Рыбинский Е.Ф.* Святая земля в праздниках Православной Церкви. Вознесение Господне. СПб., 1907. — 62 с.
- 46 АВ ИВР. Ф. 120. Оп. 2. Д. 56. Письмо от 03.01.1907 г.
- 47 См., напр.: *Дмитриевский А.А.* Праздник Богоявления на Иордане (Из дневника паломника // Киевское слово. 1889. 12 янв. (№ 578); 13 янв. (№ 579) и др.
- 48 См., напр.: *Дмитриевский А.А.* Праздник Рождества Христова в Вертепе Вифлеемском // Руководство для сельских пастырей. 1901. № 52. С. 439–455.
- 49 Доклад общему годовому собранию Императорского Православного Палестинского Общества 24 апреля 1911 года. СПб., 1911. С. 23–24.
- 50 См.: Православная Русь в Святой Земле в былое время и в наши дни. СПб., 1908. 14 с.
- 51 Доклад общему годовому собранию Императорского Православного Палестинского Общества 28 апреля 1913 года // СИППО. 1913. Т. 24. Вып. 2. С. 210–211.
- 52 *Дмитриевский А.А.* Пасха в Иерусалиме. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1912. 31 с. (Первый сокращенный вариант был издан еще в 1902 г. в журнале «Руководство сельских пастырей», № 15).
- 53 Отчет Императорского Православного Палестинского Общества с 1 марта по 31 декабря 1913 г. // СИППО. Т. 26. Вып. 1–2. Пг., 1915. С. 144.
- 54 См., напр.: *Бродович И.* Императорское Православное Палестинское Общество (по поводу 25-летия его деятельности). Харьков, 1907. 16 с.; *Протопопов В.И.* Прежде и теперь. Из быта русских паломников в Палестине. Казань, 1912. 40 с.; Святая Земля и Императорское Православное Палестинское Общество. Речь Александра А. Серафимова. Астрахань, 1898. 8 с. Воспоминания паломника о путешествии в Святую Землю. Чтение для народа / Соб. св. А. Ефимов. Вып. 3. Чернигов, 1906. 14 с. и др.
- 55 О Святой Земле. Путь к Иерусалиму. (Чтения о Св. Земле на русском и татарском языках). Вып. 1-й / Сост. и перевел миссионер — свящ. С. Матвеев. Издание Уфимского отдела Императорского Православного Палестинского Общества. Казань, 1913. 24 с.
- 56 Там же. С. 22.

- ⁵⁷ См.: Апостольские чтения на все воскресные и праздничные дни и на разные случаи на Якутском языке. Издание Православного Миссионерского общества. Казань, 1902. 80 с.; Сборник поучений на якутском языке на некоторые праздничные и великопостные дни священника Григория Попова. Якутск, 1910. 16, 96, 6 с.
- ⁵⁸ См.: Катихизические поучения, составленные Протоиереем Василием Ник. Бережновым. Якутск, 1914. С. 112–113.
- ⁵⁹ Доклад общему годовому собранию Имп. Православного Палестинского Общества 8 апр. 1912 г. // СИППО. 1912. Т. 23. Вып. 2. С. 188.
- ⁶⁰ Чач Е.А. Христианский Восток в изданиях для народа в России конца XIX — начала XX в.: к остановке проблемы // Вестник Омского университета. 2012. № 1. С. 132.

ИЗ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВНОГО ПАЛОМНИЧЕСТВА

Звуки Святой Земли: акустическое пространство Палестины на страницах русских паломнических мемуаров XIX — начала XX вв.

К. Е. Балдин

Человек ориентируется в окружающем его пространстве в основном с помощью зрения. Но звуки также играют очень большую роль в общении индивида с себе подобными, и с окружающей природной средой. С помощью звуков человек воспринимает происходящие рядом с ним события, которые кажутся ему значимыми, вызывают его интерес или обозначают потенциальную опасность. Реакция человека на те, или иные звуки очень индивидуальна. Например, у верующего человека церковное пение вызывает молитвенное настроение, у атеиста же оно порождает только неприятие и раздражение. Очень многое зависит от религиозной, национальной, социальной принадлежности слушателя.

В данной статье мы остановимся на восприятии Святой Земли русскими паломниками через услышанные звуки, дополнявшими видимую ими картину Палестины. Звуковой фон паломничества существенно отличался на Ближнем Востоке от того, к чему отечественные паломники привыкли на родине. В Святой Земле, которая была одной из провинций полуфеодальной Османской империи, промышленные и транспортные шумы, обычные для России XIX и начала XX в., почти полностью отсутствовали. Палестина являлась не индустриальным регионом, а, прежде всего, сакральным пространством, для которого были характерны соответствующие звуки. Это хорошо заметно на примере Иерусалима, который не был городом-крепостью, городом-портом или городом-мастерской. Он принадлежал к очень редкому в урбанистике типу города-святыни, причем одновременно для трех религий, что делало его просто уникальным. Для него было характерно соответствующее звуковое оформление, т.е. звон колоколов и христианское церковное пение, крики мусульманских муэдзинов с призывом на молитву, громкие сетования евреев возле Стены Плача и т.п.

В России Иерусалиму очень трудно найти город-аналог. На него отчасти был похож лишь Киев, который был, пожалуй, самым популярным городом для внутреннего православного паломничества. Поклонники приходили сюда издалека помолиться в Лавре, Софийском соборе и других храмах, попросить заступничества очень чтимых киевских угодников.

Святой град был характерен не только религиозной, но и своей оживленной повседневной жизнью, его акустический фон не ограничивался лишь церковными звуками, о чем будет сказано ниже. Все сказанное об Иерусалиме во многом относится и к другим святым местам в Палестине — Вифлеему, Назарету, Яффе, Иерихону и др.

* * *

Остановимся, в первую очередь, на звуках, которые напрямую относились к сакральному пространству Палестины. В Османской империи исповедание христианства не было запрещено, но по требованию турецких властей долгое время ему приходилось священнодействовать почти «безмолвно», т.к. колокольный звон в городах был запрещен, а само богослужение требовали править негромко, чтобы звуки не проникали из христианских храмов на улицу. Об этих ограничениях в первой половине и середине XIX в. свидетельствовали отечественные паломники, посещавшие Царьград и Святую Землю. Граф Н.В. Адлерберг в книге «Из Рима в Иерусалим» пишет, что христианские храмы на Востоке лишены крестов и колоколен, а колокольный звон воспрещен¹. Д.Д. Смышляев приводит услышанное им объяснение этого запрета: приверженцы ислама полагали, что звон колоколов «может беспокоить ангелов, обитающих в мечетях»².

Во второй половине XIX в. порядки в Османской империи все же изменились в лучшую для христиан сторону. Посетивший Палестину в начале прошлого века игумен Никандр из Соловецкого монастыря отмечал, что в Константинополе кресты на православных храмах водружать нельзя, но можно звонить в колокола; правда, последние в церквях невелики по размеру и, по его выражению, «звонят колоколом в язык». Вероятно, имелось в виду, что ударяли не по самому колоколу, а только по его языку³.

Чаще всего призыв на богослужение в Святой Земле осуществлялся иным способом: монахи колотили палкой по деревянной доске. Звук получался глухим и совершенно непривычным для ушей русских православных верующих. Н.В. Адлерберг, услышав его, отмечал: «звук этот имеет в себе что-то мрачное и неприятно поражает слух и чувство!»⁴ А.Н. Муравьев во время пребывания в Палестине обратил внимание на то, что звучание деревянного «била», которым регулярно пользовались греки у Гроба Господня, раздражало «совладельцев» этого храма — католиков⁵.

На территории Османской империи свободный, ничем не ограниченный колокольный звон в колокола был возможен в очень немногих местах, в том числе — на Афоне. Но, вероятно, греки, составлявшие большинство монахов Святой Горы, настолько привыкли веками бить палкой в деревянную доску, что без нее не обходилось богослужение и на Афоне. «Повестка» к литургии здесь осуществлялась следующим образом: «сначала колотят в деревянную доску, затем в медное полукружие, а потом — колокольный благовест и трезвон»⁶.

Как отмечалось выше, во второй половине XIX в. в Иерусалиме уже не было полного запрета церковного звона. Но в храмах, принадлежавших православным грекам, звон казался для русского уха совсем не торжественным и даже не профессиональным. Архимандрит Антонин (Капустин), рассказывая в одном из своих очерков о праздновании тезоименитства Императора Александра II в Иерусалимской Патриархии, сетовал: «С высоты соседней колокольни доносился нескладный звон 5–6 колоколов, далеко не соответствующий всемирной важности оглашаемого им места»⁷. В дальнейшем он не преминул сравнить эти звуки с русским колокольным звоном, к которому привык с детства. Услышав на праздник Рождества Христова в Вифлееме звон с греческой колокольни, он заметил, что «...это не был наш торжественный благовест, своим мерным гармоническим звуком и переливающимся гулом так сильно настраивающий душу к чаянию чего-то важного, необыкновенного, божественного. Тут было колочение «во вся тяжкая», как мы привыкли говорить, без такта и без порядка, во все 5 или 6 колоколов греческой камбанарии (колокольня по-болгарски — К.Б.)»⁸. Вообще, о. Антонину, который обладал музыкальным слухом, явно не нравилось звуковое оформление всего греческого священнодействия на Христианском Востоке. В 1865 г. во время шествия Предстоятеля Иерусалимской Церкви на Рождество Христово слух архимандрита поразило то, что «...из толпы всадников (сопровождаявших Патриарха — К. Б.) раздавались *глухие и тупые* (курсив наш — К.Б.) звуки какого-то кимвала или тимпана местного произведения, дававшего две переменяющиеся ноты и ударяемого под такт лошадиного шага»⁹.

Здесь и далее мы будем широко привлекать выдержки из статей и очерков о. Антонина (Капустина), которые он направлял в отечественные газеты и журналы из Иерусалима. Хотя они не являются в полном смысле паломническими воспоминаниями или дневниками, но содержание их передает живую атмосферу Святой Земли. При этом нужно учитывать, что архимандрит писал эти тексты от имени некоего паломника, подписывая их: «Поклонник», «Поклонник Отшибихин», «Посетитель Вифлеема» и т.п.

В Иерусалиме около полутора столетий назад можно было различить не только православный греческий звон. Н. Чукмалдин пишет, что в «граде Давидовом» он услышал как «...изредка периодически несется колокольный звон православных церквей; пронзительно и однообразно звучит

раскачиваемый колокол католических монастырей...». Тот же паломник слышал синхронно со звоном у «латинян» как «...весь этот аккорд покрывается пронзительным криком привязанного ослика»¹⁰. Любопытно, что автор ставит в один ряд и даже сравнивает немзыкальный рев осла со звоном инославного колокола.

Разумеется, отечественным паломникам больше всего по душе приходились звуки, которые неслись с колоколен русских храмов, в рассматриваемый период на Святой Земле их становилось все больше. Архимандрит Антонин (Капустин) не без гордости повествует о звоне на Русских Постройках: «В тот день был праздник и чуть мы попали к собору, раздался благовест в большой колокол к обедне. Я не шучу, когда употребляю выражение: большой. Это настоящий «толстый» звон, как у нас выражаются, говоря о больших колоколах»¹¹. Этот колокольный звон существенно расширял русское пространство в Иерусалиме, т.к. звуки его слышались далеко за пределами Русских Построек.

Как нам представляется, отечественных паломников больше всего удивлял колокольный звон на Синае. Представителей османских властей в этом пустынном краю не было, поэтому монахам очень почитаемого монастыря св. Екатерины можно было не стесняться. Приехавший сюда соловецкий игумен Никандр был поражен тем, что здесь громкий звон сопровождался ... артиллерийской пальбой. «Повестка» к богослужению в этой очень почитаемой православной обители производилась в такой последовательности: «сначала колотили в доску, затем — в железное полукружие, потом выстрел и звон во вся». Выстрелы разбудили русских паломников здесь и во время сна: «В два часа ночи три пушечных выстрела и колокольный звон возвестили начало утрени...». Даже на трапезу монахи и паломники «шли при пушечной пальбе и колокольном звоне»¹².

Разница между российской и ближневосточной звуковыми практиками заключалась в том, что в России с помощью колокола и пушки общалась с населением не только Русская Церковь, но и верховная власть, а на Ближнем Востоке — только Православная Церковь. Сравним в этом отношении «звон во вся» и пушечные выстрелы на Синае с полуденным выстрелом пушки с Петропавловской крепости и мелодичным звоном карильона Петропавловского собора, исполнявшего национальные гимны, сначала — «Коль славен наш Господь в Сионе», а потом — «Боже царя храни».

Практически все русские паломники посещали службы, которые вели клирики Иерусалимской Православной Церкви. В большинстве отечественных мемуарных текстов можно проследить отношение их авторов к греческому богослужению и, в частности, греческому церковному пению. Н. Чукмалдин по сравнению с другими мемуаристами оценивает его в довольно сдержанном тоне. Церковная служба в пещере Рождества Христова в Вифлееме оставила у него в душе «поэтично-благоговейный

отпечаток», при этом он делает существенную оговорку: «если бы не портило такое впечатление нестройное церковное пение»¹³.

Большой знаток литургии и церковного пения архимандрит Антонин (Капустин) в 1866 г., т.е. вскоре после приезда в Иерусалим, так же как и Н. Чукмалдин, осторожно выбирая слова, оценивал греческий хор так: «Престранное пение это, к которому нет никакой возможности подладиться...»¹⁴. Позже его оценки становятся более откровенными, в 1867 г. он, рассказывая о пасхальной службе, констатировал: «Напев первой и второй статьи был, на мой слух, одинаковый, — резкий и тяжелый и для нас, русских, мало приятный»¹⁵. Приведем еще одну, еще более жесткую оценку греческой гимнологии, данной отцом Антонином: «Сказать что-нибудь в похвалу греческого пения, как и вообще греческих ... порядков при богослужении и очень желал бы, но, к сожалению, вынесенные мною из церкви св. апостола Иакова Брата Господня в храмовый праздник его (23 октября) одуряющие (без преувеличения) впечатления ... заставляют прильнуть язык мой к гортани моей...»¹⁶.

Е. Марков, изначально откровенный со своими читателями, сравнивая греческое и русское пение, возмущался: «Они пели безжалостно режущим ухо, унылым напевом, не имеющим ничего общего с торжественными и стройными звуками русской церковной песни»¹⁷.

Все сказанное вовсе не означало, что греки не умели петь как-то по-другому. В.К. Каминский, участвовавший в 1864 г. в освящении храма во имя святой царицы Александры на Русских Постройках, повествовал о выступлении здесь хора греческих монахов: «В заключение греческие иерусалимские иноки пропели по-гречески *Боже, Царя храни* — старым, но весьма приятным напевом, каким в России пели назад тому 25 лет. Это было верхом нашего торжества, тем более, что их побудили к этому единственно искренние чувства благодарности и благоговения к русскому царю...»¹⁸.

Паломники приезжали в Святую Землю для поклонения святыням Вселенского Христианства, в первую очередь — Гробу Господню. Но здесь многие из них испытывали религиозный и одновременно культурный шок. Причиной его было поведение значительной части прихожан этого храма — православных арабов. Вследствие своей южной экспансивности они были не способны хранить молчание даже во время торжественного богослужения. Они не стеснялись выражать свои чувства, громко разговаривать или просто очень шумно двигаться.

На эту особенность обстановки в храме Святого Гроба и других церквях Палестины одним из первых среди отечественных паломников обратил внимание посетивший Святую Землю в 1830 г. А.Н. Муравьев. Оценив в мемуарах поведение арабов довольно сдержанным словом «неблагочиние», он на самом деле был просто шокирован увиденным. В великий для любого христианина день страстной пятницы маститый паломник увидел и услышал

в Храме Гроба Господня «шумных поклонников веры православной» — полудиких арабов, прибывших сюда из пустынь за Иорданом. Они выражали свое отношение к этому трагическому дню хохотом, битьем в ладоши, криками. Возмущенный Муравьев позвал турецкую стражу, которая на время утихомирила арабов. На следующий день — в страстную субботу в храме Гроба Господня ситуация повторилась. Искренне переживая увиденное и услышанное, А.Н. Муравьев пишет: «я с разбитым сердцем исторгся из ... Храма Христова, где уже не было более места для христианина»¹⁹.

Посетивший двумя десятилетиями позже, в 1850-х гг., ту же святыню К.А. Соколов наблюдал аналогичную картину: «Брань, крик, смех, говор и шарканье — заглушали само церковное чтение. Между тем — духовенство продолжало отправление Богослужения, и нимало не обращало внимания на эти беспорядки: оно издавна присмотрелось к ним!»²⁰

Как видно, ситуация не изменилась и несколько десятилетий спустя. Об этом с великим огорчением говорит в своих мемуарах Н. Чукмалдин, побывавший в Палестине в конце XIX в.: «О, если бы одному, совсем одному с запертыми дверями, без толкотни и давки, без шума и гвалта, режущих ухо, провести тут час времени и внутренне, тихо, сосредоточенно пережить и воскресить в памяти ... всю поразительную кровавую драму, совершившуюся на этом месте»²¹.

Хорошо знакомый с Христианским Востоком архимандрит Антонин (Капустин) в одном из своих очерков назвал арабов «крикливейшим на свете народом»²². Утверждение, на наш взгляд, очень спорное, но в его статьях, очерках, корреспонденциях и дневнике содержатся подтверждения этой характеристики. Например, в храмовый праздник в храме святого апостола Иакова он получил «впечатления невообразимого шума, гама, крика и, наконец, одного слитного, все заглушающего воя целой сотни арабских мальчишек, никем не унимаемых». Одновременно автор, сравнивая поведение арабов в православных греческих и католических храмах, вопрошает: «Ну как же те самые арабы в руках католиков делаются и тихими, и чинными, и послушными?»²³.

В своих впечатлениях о. Антонин был не одинок. Е. Марков в Назарете не просто слышал арабских детей, а был оглушен их воплями. Рядом со своей школой они «отчаянно кричали хором на весь город православные молитвы, так что, наверное, все мирно спавшие полуденным сном назаретские обыватели давно вскочили от этого живого набата». Присутствовавшие здесь же учителя даже не предпринимали попыток унять расходившихся арапат²⁴.

Еще более характерный пример экспансивности и как следствие — несдержанности местных жителей приводит в своих мемуарах архангельский священник Г. Корельский, паломничавший в Святую Землю в 1906 г. На праздник Преображения Господня он попал в греческий монастырь на горе Фавор. Служба здесь поначалу понравилась ему: «Пели с каким-то

особенным подъемом чувств...». Затем он упоминает, что у местных арабов «принято этот праздник встречать ружейной пальбой и конским ристанием на горе, и играми». Во время церковной службы они несколько раз заходили в храм и нетерпеливо просили разрешения у настоятели монастыря о. Пахомия начать свои праздничные гуляния, он же запрещал делать этого до окончания службы. «Однако они не выдержали, — пишет Г. Корельский, — и их торжества совпали с пением Великого славословия». Шумные арабские игрища и ристалища прекратились только к часу ночи²⁵.

На следующий день архангельский паломник присутствовал на церковной службе в том же монастыре. Здесь одновременно пели три хора — греческий, арабский, а также русский, состоявший из паломников. Автор мемуаров впервые в своей литургической практике услышал, как участники службы, — как духовенство в алтаре, так и певчие на клиросе (это были арабы и греки), стремились перебить и перекричать друг друга, «что арабам при их гортанном звуке и удавалось ... На всю жизнь осталась памятной эта разноязычная и разноголосая литургия»²⁶.

Впрочем, оценка такого рода неблагочиния зависела от индивидуального отношения свидетелей к происходящему. То, что вызывало активное неприятие о. Антонина в его письмах в Россию, и то, что заставило А.Н. Муравьева вызвать вооруженную стражу, породило скорее не протест, а искреннее удивление и даже любопытство у Г. Корельского.

Иерусалим был городом многоконфессиональным и священным в равной степени для различных ветвей христианства, мусульман и иудеев. В главной христианской святыне — храме Гроба Господня разновременно шли службы православных, католиков, армян, коптов, абиссинцев. Звучание их было очень разнообразным, у католиков пение сопровождалось музыкой органа. Его мощные звуки производили впечатление на большинство слышавших их в главном христианском храме. Архимандрит Антонин (Капустин), однажды присутствовавший на хиротонии католического епископа, не мог не признать эмоционального воздействия этой службы, причем не только на приверженцев «латинства»²⁷. Католики использовали для музыкального сопровождения своего богослужения не только орган. Тот же о. Антонин повествует о том, что однажды на последней неделе Великого Поста католики установили в храме Воскресения Христова около священной Кувуклии «флейт-армонику большого размера в 7 октав». Судя по названию, можно предположить, что этот инструмент был духовым, но отличался от «классического» органа. Для русского слушателя звуки «армоники» не были неприятными, но пение под нее, по мнению такого внимательного и искушенного слушателя, как о. Антонин, напоминало... «мотивы русских песен»²⁸.

Сравнение латинского пения с русским о. Антонин делает в пользу последнего и замечает о пении католиков: «Голоса всё легкие и чистые. Альт весьма сильный. Но по латинской манере пения, несколько

крикливый». Немного ниже в своем очерке он продолжает делиться своими впечатлениями о католическом богослужении: «Становилось уже утомительным однообразие латинской службы... Из поемого нельзя было различить ни одного слова»²⁹.

В храме Гроба Господня правили свои службы монофизитские Восточные Церкви — коптская, абиссинская (эфиопская), сиро-яковитская. Их литургия на слух русских паломников казалась не иначе как экзотической по своему звучанию, а точнее — совершенно не гармоничной. Отец Антонин приехавший в 1865 г. в Вифлеем на Рождество Христово, услышал, как «с левой стороны алтаря начали раздаваться нестройные звуки коптского пения, перед которым и греческое казалось уже как бы симфонией». Тому же отцу Антонину пришло в голову любопытное сравнение, когда в 1880 г. в Вифлееме он услышал в очередной раз пение абиссинцев, «напоминавшее мне попытки детей распевать по нотам, о которых они не имеют никакого понятия, — совершенно нескладное и даже как бы не гортанное, а носовое или брюшное»³⁰.

Е. Марков во время службы коптов услышал лишь «нелепые завывания и крики». Далее, говоря о них, абиссинцах и сирийцах, он продолжал: «В богослужении этих исповеданий можно мало уловить похожего на нашу православную службу; а когда посмотришь на богомольцев, окружающих эти алтари, на черные как сапог лица абиссинцев, на белые и черные чалмы, на громоздкие разноцветные тюрбаны, когда услышишь этот гортанный, почти не человеческий язык — право, верить не можешь, что это тоже наши братья по Христу»³¹.

Что касается мусульманского богослужения, то наши паломники имели о нем очень приблизительное понятие. Полтора-два столетия назад в Османской империи их в мечети не пускали. Однако русские богомольцы ежедневно слышали раздававшиеся с минаретов призывы мусульманского духовенства к молитвам. Хотя эти звуки не содержали в себе неприятных диссонансов, но наши земляки инстинктивно воспринимали их как совершенно определенный маркер «чужого», которое может нести для них некую потенциальную опасность. Об этом довольно сдержанно, но прозрачно по смыслу для читателей писал Н. Чукмалдин: «...понесся заунывный голос муэдзина, призывающих правоверных на молитву. Отовсюду веяло чем-то иным, новым, невиданным и неизведанным. В такие минуты все чувства как-то настороже: ухо ваше ловит каждый новый звук, глаз усиленно всматривается в каждый новый предмет, внимание стремится всюду»³².

Таким образом, во время богослужений в Святой Земле отечественным паломникам доводилось слышать очень разные песнопения. Но ничто не производило на них такого сильного впечатления как русская православная литургия в этой очень далекой от России земле. В.К. Каминский с особым чувством рассказывает о торжественной службе по поводу освящения

Александровского храма на Русских Постройках в Иерусалиме в 1864 году. «Началась вечерня: и новосозданная храмина огласилась священными песнями, которых звуки так внятно, так живо разносились по всему храму, так проникали во все уголки, так радовали несказанно сердце»³³.

Родные песнопения брали за душу наших паломников не громкостью и не особой торжественностью. Напротив, как отмечал архимандрит Антонин (Капустин), «русское пение в Иерусалиме негромкое, но прекрасное и глубоко умиляющее». Не меньшее впечатление на него произвело пение под открытым небом многоголосого хора на месте крещения Спасителя: «Берега Иордана долго будут помнить всенародное русское пение тропаря *Во Иордане крещающуся Тебе Господи*, неудержимо глашавшегося кстати и не кстати. Что это за умиленное зрелище было, когда во время водосвятия толпы народа стояли по колена в воде с зажженными свечами...»³⁴.

Пожалуй, наиболее впечатляющую акустическую картину русского богослужения мастерски нарисовал Е. Марков, искусно владевший художественным словом. Поэтому мы приведем довольно пространную выдержку из его паломнических записок, где он рассказывает о пении в Вифлееме хора, состоявшего из русских паломников: «Вдруг я радостно вздрогнул, ... и сердце мое всколыхнулось куда-то высоко вверх, будто на крыльях могучей птицы. Уже не гнусливый греческий хор, а вся церковь, вся толпа богомольцев, мужики и бабы, странники и монашки, разом запели по-русски: «Рождество твое Христе Спасе мой»...

Неожиданные звуки всенародной молитвы, дружные, громкие, величественные, раздавались как-то особенно мощно и стройно под низкими сводами подземного храма ... Так могли петь и молиться в своих темных катакомбах только христиане первых веков, когда не были еще выработаны разобщающие формулы молитв и внешние обряды службы, когда еще все верующие составляли один нераздельный клир, восторженно восхвалявший Христа Бога ... Только тот, кому посчастливилось, как нам, посетить эти священные ясли, поймет, какое поражающее впечатление производит на человека звуки рождественского псалма, раздающегося на самом месте Рождества Христова»³⁵.

Пение мысленно переносило паломников (как певших, так и слушавших его) на далекую родину, подчеркивая их религиозную идентичность в этом далеком крае. Русская православная гимнология вместе с колокольным звоном создавали для наших богомольцев особое родное сакральное пространство, обогащая зрительный образ звуками знакомыми с детства в сочетании с благовестом. До появления русских храмов в Святой Земле паломники испытывали определенную неудовлетворенность религиозных чувств, т.к. не слышали звуков русского богослужения.

Особого внимания заслуживает удачно подмеченная тем же Е. Марковым реакция на русскую службу местных православных арабов, которые

обычно вели себя в храмах очень шумно, но на этот раз изменили своим привычкам: «Арабы благоговейно сняли свои чалмы, и стояли теперь в одних белых войлочных ермолках на бритых головах..., они слушали недвижно, склонив головы, видимо тоже глубоко растроганные»³⁶.

Русское богослужение, русский церковный звон, звуки родного языка постоянно слышались на Русских Постройках. Все это формировало в паломниках не только религиозную (православную), но и национальную, социокультурную идентичность. Понятие «Русской Палестины» не только реально существовало, но и интенсивно внедрялось в сознание русских богомольцев через многогранную деятельность Императорского Православного Палестинского Общества и Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, которую долгие годы возглавлял архимандрит Антонин (Капустин).

* * *

Кроме звуков, связанных с богослужением, русские паломники зафиксировали в своих мемуарах очень разнообразный ансамбль звуков палестинской повседневной жизни. Об эмоциональности местных жителей есть многочисленные свидетельства русских богомольцев. На страницах их мемуаров встречаются сцены повседневной жизни, которые они наблюдали и, что важно в контексте данной статьи, слышали. Е. Марков со своими спутниками был свидетелем продолжительной перепалки двух молодых арабских женщин и очень колоритно отразил ее в своих записках: «Сравнительно с этой неистовой, ни на миг не смолкавшей, непрерывно разраставшейся, неудержимо остервенявшейся ругней арабских женщин русская базарная ругань просто сентиментальное воркование». Е. Марков авторитетно утверждал, что это были «настоящие виртуозки своего дела», а содержание их беседы было ясно и без переводчика: «Злобные завывания и торопливые захлебывания собственным бешенством пояснили нашей неопытности лучше всякого лексикона, содержание этой оживленной беседы двух подруг»³⁷.

Словесные столкновения мужчин в громкости не уступали женской ругани. Граф Н.В. Адлерберг возле узких ворот Иерусалима наблюдал, как люди, желавшие войти в город, никак не могли договориться с теми, кто хотел покинуть его. Причем ругань нередко перерастала в драки, которые также сопровождались громкими криками. Для русских паломников такое поведение иноверных в святом для них городе вызывало религиозный и культурный шок³⁸.

Свой вклад в этот нестерпимый для паломников акустический фон Святой Земли вносили собаки, которые в огромном количестве встречались как на улицах Иерусалима, так и в степных кочевьях бедуинов. «Собак в этих таборах, — замечал Е. Марков, — еще больше, чем детей, и они встречают подъезжающих неистовым лаем и неистовыми атаками»³⁹.

Паломничество отечественных богомольцев к святыням Палестины сопровождалось страхами, одни из них носили неясный характер, другие имели совершенно определенное происхождение. Они стереотипно вырабатывались у потенциальных поклонников еще во время их сборов в Святую Землю и основывались на слухах и рассказах бывалых паломников. Страхи заключались в том, что во время передвижения по пустынным местностям богомольцев могут ограбить и даже убить кочевники-бедуины. Правда, среди использованных нами в статье паломнических текстов нет ни одного, в котором было бы зафиксировано ограбление, жертвой которого стал сам автор. Однако, в источниках встречаются свидетельства о том, что это произошло с «кем-то другим» или «в прошлом году». Уже во время пребывания в Палестине эти страхи паломники связывались с совершенно определенными звуковыми маркерами, которые они изредка слышали и которые вызывали у них серьезные опасения за кошелек и даже за жизнь. Д.Д. Смышляев и его спутники на пути из Самарии в Дженин неожиданно услышали ночью в пустынной местности свист, а с противоположной стороны — такой же ответный звук. Хотя у путников была охрана, они все равно испугались, т.к. опасения относительно бедуинов прочно укоренились в их сознании⁴⁰. Впрочем, ситуация ограничилась лишь свистом и продолжения не получила.

В менее приятное положение попал Е. Марков и его спутники, которые на склоне горы Фавор столкнулись с бедуином лицом к лицу: «Он окликнул нас каким-то гортанным глухим криком; а проводник наш (араб из местных жителей — К.Б.) тем же карканьем ворона окликнул его». Неожиданно появившийся из ночной тьмы кочевник утверждал, что разыскивал на горе пропавших лошадей, но сопровождавший паломников кавас-черногорец Императорского Православного Палестинского Общества уверял Маркова и его спутников, что бедуин намеревался ограбить путников, но при встрече с ними отказался от этого намерения, т.к. их оказалось много⁴¹. Неприятное впечатление русских от услышанной ими переключки двух арабов объяснялось в значительной степени непривычными для них гортанными звуками. Они напоминали карканье ворона, которое по русской фольклорной традиции не предвещало ничего хорошего.

Другие малоприятные звуки, напоминающие звериный вой, те же наши паломники слышали при приближении их каравана к монастырю преподобного Саввы Освященного, расположенному в совершенно безлюдной местности. Просивший открыть ворота «наш арабский стражник испустил протяжный и пронзительный свист, каким арабы обыкновенно переключаются в пустыне». Никто на него не отвечал. «Подождав минуту, араб издал уже не крик, а какой-то жалобный призывный вопль; он напоминал мне те щемящие душу завывания голодных шакалов, которые так знакомы восточному путешественнику, проводившему ночи под открытым небом». Только после этого призыва монахи монастыря, знакомые со значением этих звуков, отомкнули путникам ворота⁴².

Русские паломники, приехав в Святую Землю, постоянно пересекались с местным населением, наблюдали его повседневную жизнь, в том числе те развлечения, которые практиковались у арабов. Наши мемуаристы оставили живописные свидетельства об их песенной и хореографической культуре, которая отличалась от того, что они слышали и видели у себя на родине. Е. Марков с интересом наблюдал, как проводили свой досуг арабы, мобилизованные в османскую армию и плывшие на корабле вместе с русскими паломниками: «Веселое двуногое зверье, толпившееся на палубе, принялось, не теряя времени, за родимые песни. Стали в круг и затянули какой-то простодушно-забавный мотив, хлопая в ладоши в такт песне, дружно приседая до самой земли и опять поднимаясь, смотря по тому, поднимался или опускался вниз тон песни. И вся толпа стояла кругом, радостно осклабив белые зубы, бесконечно утешаясь комическим содержанием песни и всем шутивым складом и ладом ее. Целый час подряд повторяли певцы то же самое, и ни они сами, ни их слушатели, по-видимому, не думали уставать ... Потом уселись таким же кружком наземь и затянули что-то очень трогательное и жалостливое, напоминавшее шелест осеннего ветра в серых бурьянах пустыни»⁴³.

Этот отрывок недвусмысленно свидетельствует о том, что русский паломник снисходительно смотрит на арабов сверху вниз, называя их «двуногим зверьем». Несомненно, в той среде, в которой вырос и воспитывался Е. Марков были сильны националистические настроения; не случайно его сын Н.Е. Марков в начале XX в. являлся одним из руководителей «Союза русского народа» и очень заметным правым депутатом Государственной думы III и IV созывов в 1907–1917 гг. (Марков 2-й). Однако, великодержавное отношение к арабам в тексте мемуаров сочетается с сочувствием к этим людям, которые были не по своей воле оторваны от привычной обстановки и которым предстояла нелегкая и полная опасностей служба; автор с интересом вслушивался в мотивы их колоритного фольклора.

Другой паломник, член ИППО и видный деятель Русской Палестины Д.Д. Смышляев рассказывает в своих путевых записках о местном кукольном народном театре. В Яффе на гуляниях по случаю окончания рамазана он в крытом камышом балагане увидел и услышал Карагёза — турецкого аналога русского Петрушки: «...его, по всей вероятности, непристойные шутки сопровождают глухие звуки турецкого барабана»⁴⁴. Впрочем, Смышляев, наверное, вспомнил, что и отечественный Петрушка порой употреблял ненормативную лексику, вызывавшую где-либо на ярмарке одобрительную реакцию простонародья.

Наши паломники сталкивались и с тем, что можно условно назвать «ближневосточной эстрадой». Е. Марков в конце своего паломничества, коротая ночь перед отплытием в Россию в одной из гостиниц Бейрута, услышал то, как развлекались жители этого довольно европеизированного

приморского города: «звуки фортепиано раздавались где-то внизу, заглушаемые шумом бурного танца и дикими взвизгиваниями подгулявшего и фальшивившего певца». Однако, эти звуковые диссонансы не вызвали возмущения у мемуариста, т.к. «...все это утопало, как случайная глупая нота, в общем стройном хоре лунного света и безмолвной ночи»⁴⁵. Таким образом, по мнению автора, совершенно безмолвный хор лунного света и ночной тьмы производил на слушателя и зрителя гораздо более сильное впечатление, чем шумное гуляние местных жителей.

Иерусалим невозможно было назвать военным городом или городом-крепостью, но на его улицах можно было регулярно увидеть турецких солдат, т.к. здесь стоял османский гарнизон. Поэтому в Святом городе можно было услышать звуки духовых военных оркестров. Архимандрит Антонин (Капустин) в одном из своих очерков упомянул о том, что в день тезоименитства Императора Александра II в русском консульстве играл оркестр военных музыкантов, приглашенных по этому случаю. По его оценке, это была «своехарактерная музыка, арабская, с пением»⁴⁶.

Царские именины являлись высокотожественным гражданским праздником и присутствие военной музыки здесь было вполне объяснимым. Но в Иерусалиме без духового оркестра не обходились и некоторые религиозные практики. По свидетельству удивленного соловецкого игумена Никандра, на Рождественский сочельник с участием Предстоятеля Иерусалимской Церкви «пришли с музыкой войска и окружили соборную площадь, после них — человек 20 кавалеристов, затем — кавасы на конях, за ними — Патриарх»⁴⁷. Совсем уже неподходящим, по мнению другого северного паломника — Г. Корельского было участие «оглушительного» военного оркестра под руководством иерусалимского паши в церковных церемониях по случаю Успения Богородицы — праздника по определению не предполагающего какого-либо шумного веселья⁴⁸.

Приехавшие в Святую Землю русские паломники довольно отчетливо ощущали свою национальную идентичность, особенно когда обнаруживали, что они не одиноки в этом краю, далеком от их родины. Действительно, они практически ежедневно встречались здесь со своими соотечественниками и слышали звуки родной речи. Еще в первой половине XIX в., когда наших богомольцев в Святой Земле было совсем немного, А.Н. Муравьев в своих записках о путешествии 1830 г. особо отметил свою встречу с земляками-монахами и паломниками: «Странно и приятно поразил меня звук языка родного в Иерусалиме»⁴⁹. Действительно, язык служил главным инструментом ориентации и дихотомии «свой/чужой».

К.А. Соколов, побывавший в Палестине накануне Крымской войны, т.е. через два с лишним десятилетия после А. Н. Муравьева, обнаружил здесь гораздо больше паломников, чем его именитый предшественник. Посещая святыни Вселенского Христианства, он слышал «родной язык со всеми его

мелодическими отливами». Соколов отмечал, что русская речь «порадует ваше ухо и в Юдоли Плача, и в долине Иосафатовой, и на вершинах Сиона или горы Элеонской!» Далее тот же паломник не без гордости утверждал, что русский язык становился важным средством межнациональной коммуникации в Святой Земле, наиболее употребительные русские слова были хорошо известны многим местным арабам, евреям, туркам, армянам. Автор хорошо понимал их ломаный русский и сам был способен втолковать местным жителям, что он от них хочет: «Язык русский, благодаря постоянным, ежегодным приливам наших земляков в Палестину, — едва ли не сделается общепринятым в кругу постоянных Иерусалимских обитателей. По крайней мере, я, говоря по-русски, не только легко мог расспрашивать, что хотел, — ходить, куда мне приходило на ум, — покупать различные вещи у евреев, турков и армян, не иначе сводящих свои счета, как по-старинному, на ассигнации, — но иногда был переводчиком для своих спутников, уверявших, что в Иерусалиме мне хорошо, как дома»⁵⁰.

Таким образом, на глазах паломников происходила апроприация чужого пространства — местные жители могли объясняться с русскими на их языке, а наши богомольцы делали то же самое с использованием, как первой, так и второй сигнальной системы. Говоря примерно о том же времени, В.Н. Хитрово отмечал, что эта апроприация пространства Святой Земли происходила «благодаря этим серым мужичкам и бабам, ходящим по ней словно по любой русской губернии»⁵¹.

Если в первой половине XIX в. в Палестину ехали десятки паломников, то в 1870-х гг. — их были уже сотни. В это время о. Антонин отмечал, что прибывавших в Палестину русских уже при высадке их с парохода в Яффе лодочники и носильщики приветствовали на ломаном русском языке «драстуй», «хорош». Рассказывая о многочисленных иерусалимских маргиналах, очень рассчитывавших на нищелюбие русских паломников, он пишет, что это «несчастные калеки — слепые, хромые, колченогие, совсем безногие, полуобнаженные, совсем голые, трясущиеся, мотающиеся, жалобно вопиющие: «...христарад! Слипи — хлеба! Здравсту — една паричка!» (в переводе на понятный русский язык «Христа ради. Слепому — хлеба. Здравствуй — одна паричка» (мелкая турецкая монета)⁵².

Для наших земляков одним из самых радостных маркеров их русской национальной идентичности на Востоке было исполнение русского национального гимна. Об этом пишет посетивший Константинополь, Святую Землю и Египет председатель Императорского Православного Палестинского Общества Великий Князь Сергей Александрович, для которого во время приема у турецкого султана его дочь исполнила на фортепиано разученную ею мелодию «Боже, царя храни»⁵³. Не меньше Великого Князя порадовался простой провинциальный священник Г. Корельский, услышавший наш государственный гимн в Гефсимании в исполнении оркестра

из местных военных музыкантов⁵⁴. Звуки национального гимна воспринимались паломниками как обозначение русскости окружающего пространства так же, как это обозначал национальный флаг, развевавшийся над Русскими Постройками.

Большинство русских паломников приезжали в Святую Землю на Рождество или Пасху. В другое время отечественных паломников в Палестине было немного. На два этих великих праздника Иерусалим очень заметно оживлялся не только явившимися туда русскими поклонниками, но и торговцами, которые приезжали сюда в надежде заработать на продаже богомольцам каких либо «священных сувениров», съестных припасов и т.п. В это время на улицах Святого Града становилось больше нищих, которые рассчитывали на подаяние от паломников. В большинстве рассмотренных нами мемуарных текстов Иерусалим представлялся очень шумным и многолюдным городом вследствие этих сезонных колебаний численности населения. Н. Чукмалдин писал о своих первых минутах пребывания в городе: «Внизу, по улице к Яффским воротам, тянутся процессии, одна другой шумнее и пестрее. Повсюду говор, шум, крики, звуки труб, литавров и барабанов. Изредка, периодически, несется колокольный звон православных церквей....» Немного ниже в его мемуарах читаем почти то же самое, но в других словах: «И над всем этим носится, как пыль в воздухе, неумолкаемый говор, шум, крики, звуки рожков и пронзительные выкрикивания мальчишек»⁵⁵.

В России была известна поговорка: «Питер будит барабан, Москву колокол». Ни того, ни другого не происходило в Иерусалиме. Можно утверждать, что «град Давидов», несмотря на его сакральность, пробуждали... крики торговцев, которые спозаранку выходили на улицы города вместе со своими выючными животными (верблюдами, ослами), добавлявшими свои громкие ноты в уличную какофонию.

Такую картину видели и слышали русские паломники на одном из самых священных мест города — Крестном пути. Граф Н.В. Адлерберг, как и другие русские, решил пройти по этому маршруту и очень расстроился, увидев как здесь «народ бродит шумно и, оскверняя эти следы (Спасителя, несшего свой крест на Голгофу — К.Б.) беззаботным криком и нечистотой, проводит по ней своих лошадей, верблюдов и ослов»⁵⁶.

Видом и звуковым фоном Иерусалима был крайне разочарован Е. Марков: «разноплеменная, разноречивая толпа в самых невиданных и живописных одеждах, и, конечно, не прерывающаяся толкотня ослов, лошадей, верблюдов, везде оглушающий говор, крики и шум...». Прочувствовать в полной мере сакральность событий, происходивших здесь, помолиться без помех, было очень сложно. Уличный шум был нестерпимым для русского паломника, настроенного на молитву и благочестивые размышления. Далее Е. Марков констатирует, что крикливая суeta местных жителей

стерла всякий библейский и евангельский характер с улиц Святого Града⁵⁷. Его акустическая гамма в отечественных мемуарах напоминают любой большой восточный город: Константинополь, Бейрут, Дамаск или Каир. Приезжавший в Палестину русский паломник стремился погрузиться здесь в сакральный мир, но шум на улицах и в храме Гроба Господня, постоянные крики местных жителей, навязывавших паломникам свои товары и услуги, возвращали его из сакральной сферы в профанный мир.

Следует признать, что уже в конце XIX в. свой посильный вклад в шум на улицах Иерусалима стали вносить сотни и тысячи русских паломников. Архимандрит Антонин, живший на Русских Постройках, регулярно наблюдал формирование и отбытие русских паломнических караванов на Иордан, в Вифлеем и в другие святые места Палестины. Вот зарисовка этих сборов из одного из его очерков: «...с раннего утра начался шум и гам на наших Постройках, какие не часто услышишь даже в наших гамливых деревнях. То, чего недостает по необходимости русскому шуму и гвалту, есть пронзительный ослиный рев, заглушавший на тот раз самый звон ... в нашей церкви»⁵⁸. Отцу Антонину вторил Д.Д. Смышляев, который тоже не понаслышке представлял повседневную жизнь на Русских Постройках. Он регулярно слышал, как некоторые поклонники шумно торговались с хозяевами предлагаемых им в аренду лошадей и ослов, ожесточенно бранились с ними и между собой⁵⁹.

Вместе с тем, в некоторых путевых записках и очерках мы находим описание Иерусалима в паломническое «межсезонье», из них создается впечатление, что это совершенно другой город. Отец Антонин писал об этом, что «с окончанием «поклоннического сезона» Святой Град обратился в *град тишины и мира* (курсив — о. Антонина)»⁶⁰. Аналогичную тишину услышал в Иерусалиме и К.А. Соколов, ему она показалась очень необычной: «таинственная гробовая тишина носилась над городом ...; не говоря уже о приветном благовесте, даже голоса муэдзина нигде не было слышно, не разговаривали и мы, волнуемые разными мыслями, и только мерное побрякиванием караванных позвонков грустно оживляло это молчание»⁶¹.

* * *

Первое, что бросалось в глаза паломникам, прибывшим в Восточное Средиземноморье, это была совершенно иная природа, которая, в отличие от российской умеренной зоны, относилась к субтропическому поясу, переходившему в степи и горные полупустыни по мере удаления от берега моря. Природа, встречавшая приехавших россиян в Яффе, Хайфе, Бейруте и других приморских городах, действительно была впечатляющей, как по своему виду, так и по акустическому фону. К.А. Соколов в самых идиллических красках описывал то, что он увидел и услышал в Бейруте: многочисленные стада домашних животных с радостным ржанием и мычанием бежали

к водопою; в воздухе вились птицы, оглашая его свои щебетанием⁶². Увидевшим это паломникам, несомненно, приходила на память, многократно повторяемая в библейских текстах фраза о земле «текущей молоком и медом», об этом говорилось и в Пятикнижии, в книгах пророков Иеремии и Иезекииля. По мере путешествий по Палестине оказывалось, что далеко не вся земля обетованная выглядит и звучит именно так, как показалось в первом приближении, что здесь есть не только приветливое и плодородное побережье, но и совершенно бесплодные и молчаливые полупустыни.

С ситуацией, которую можно с полным правом назвать гармонией природы, паломники сталкивались в Святой Земле не раз. Она появлялась, как правило, при встрече со священными хронотопами, как библейскими, так и евангельскими. Далеко не один паломник-мемуарист упоминал о такой гармонии при посещении реки Иордан, в частности — того места, где произошло крещение Спасителя. Проникновенно описывает такую ситуацию Е. Марков: «Только мелькавшие у наших ног быстрины Иордана, кружась около берега, тихо шуршали его камышами и опущенными в воду ветвями, напевая нам какую-то таинственную убаюкивающую песнь»⁶³. Впрочем, перефразировав известное выражение, можно утверждать, что «каждый пишет, как он слышит». Одни и те же звуки разные авторы воспринимали по-разному. Если для Е. Маркова о течение Иордана свидетельствует только еле слышное шуршание камышей, то А.Н. Муравьев, еще не видя реки, услышал его «шумное журчание»⁶⁴.

Полное отсутствие звуков далеко не всегда свидетельствовало о природной гармонии или идиллии. Д.Д. Смышляев, проживший в Палестине не один год и хорошо знавший ее, услышал на берегах Мертвого моря лишь «мертвую тишину»⁶⁵. Учитывая библейские эсхатологические сюжеты, связанные с этим местом, а также отсутствие всякой органической жизни в нем, такая характеристика знаменитого водоема означала отнюдь не умиротворенность.

Хотя на рубеже XIX–XX вв. путешествия большинства паломников по Палестине происходили без особых погодных приключений, в некоторых путевых записках мы находим грозный образ разгулявшейся природной стихии. К.А. Соколов приехал в Святую Землю не на Рождество и не на Пасху, как это делали большинство паломников, а в межсезонье. В своих мемуарах он запечатлел почти неведомую другим паломникам мартовскую Палестину, когда здесь бывает не только холодно и дождливо, но и очень ветрено. На пути из Иерусалима в Назарет он ощутил и одновременно услышал ветер, который «пролетал с визгом между каменными ущельями, расшибался яростно на одиноких утесах»⁶⁶.

Наиболее впечатляющую акустическую картину стихии удалось нарисовать Е. Маркову. Он побывал в таком уголке Святой Земли как монастырь преподобного Георгия Хозевита недалеко от Иерихона. В то время туда

очень редко заглядывали отечественные паломники, т.к. добраться в эту обитель по крутой горной тропе было очень сложно и даже небезопасно. По дну горного ущелья рядом с тропой неся с огромной скоростью поток, звуки которого были отчетливо слышны задолго до того, как он открывался глазам путешественника: «Сначала вы не видите этого дикого зверя, ворочающегося глубоко внизу, на самом дне черного провала ...; вы только слышите издали его голодный рев, его вызывающие на бой трубные звуки, с которыми он неистово бросается там, внизу, на своих безмолвных и неподвижных каменных тюремщиках»⁶⁷. Русским путешественникам довелось провести ночь в этой отнюдь не тихой обители. Они не сомкнули глаз и от звуков потока им в голову приходили самые страшные фантазии: «В этой черной тьме, среди этого безумного рева, как в страшной волшебной сказке, овладевшей воображением ребенка, нам всё казалось теперь возможным и, как напуганным детям, действительно стало жутко от собственных фантазий»⁶⁸.

Впрочем, если судить по паломническим мемуарам, природный акустический фон Святой Земли был для русских путешественников скорее позитивным, а не негативным. Упоминания об этом встречаются на страницах мемуаров А. Маркова не однажды. Характерно описание его путешествия по Тивериадскому озеру на лодке, парус, развернутый над ней, «напевает ... своим немолчным трепетанием такие убаюкивающие песни и с такой характерной живописностью вырезается на ночной голубизне неба. Мерный стук весел и плеск волн аккомпанируют в такт его монотонным мотивам и хотят меня укачать как младенца нянькиной сказкой»⁶⁹. Этот звуковой образ неспешного и невербального повествования родом из детства встречается и на заключительных страницах тех же мемуаров. Здесь автор повествует о последних часах своего пребывания в Палестине рядом со Средиземным морем в Хайфе: «Сквозь беглый полуденный сон мерцало перед нашими глазами близкое теперь голубое море, которого освежающий ветерок уже долетал и сюда ..., убаюкивая нас, как детей нянина сказка, вместе с чуть слышимым однообразным рокотом морского прибоя»⁷⁰.

В непривычной природной зоне российским паломников довелось столкнуться с фауной, о которой они возможно знали, но с которой ни разу в жизни не встречались. Причем нашим богомольцам, тоже не довелось увидеть этих животных в Палестине, зато они их неоднократно слышали. Е. Марков, рассказывал о своем ночлеге в Иерихоне: «Даже противный плач чекалок, бродивших около деревни, и немолчная грызня собак в бедуинских таборах — не мешали нашему сну, хотя мы не переставали слышать их целую ночь»⁷¹. «Чекалками» у некоторых мемуаристов назывались шакалы, своеобразный вой которых вызывал у наших земляков самые разнообразные ассоциации. Вятский священник Н.Г. Гусев, совершивший свое путешествие в Святую Землю в 1898 г., услышав ночью незнакомые

им звуки, доносившиеся из степи, подумал, что это женский плач, тоскливый и по своему музыкальный. Позже, сопровождавший их от Императорского Православного Палестинского Общества, кавас-черногорец со своим характерным акцентом объяснил, что это «шакалы завывлы»⁷².

Если Н.Г. Гусев отмечал «музыкальность» услышанных им звуков, то Е. Маркову они однозначно не понравились, вызвав у него самые неприятные ассоциации. В подтверждение этого приведем довольно пространную цитату из его воспоминаний о пребывании на горе Фавор: «В довершение всего, какой-то непонятный, жалобный вой уже давно щемил мою душу, надрывая ее необъяснимой тоской. Казалось, все эти лесные пропасти, все эти горные кручи затянули нескончаемую похоронную песнь. Она началась где-то далеко и глубоко, будто на дне могилы чуть слышно и потом поднималась, разливалась по темным безднам несмолкаемыми унылыми аккордами, будто сама темная ночь посылала небу свои горькие укоризны ... Словно все мертвецы протекших веков вылезли из черной утробы земной и собрались теперь там, в глубине лесных пропастей, оглашая спящий мир стопами своих бессильных жалоб и своими детскими рыданиями. Это были бесчисленные стаи шакалов, которыми кишмя кишат лесные овраги Фавора»⁷³. Приведенный отрывок наглядно свидетельствует о несомненных художественных достоинствах мемуарного текста, автор которого являлся профессиональным литератором.

Почти все мемуаристы, упоминавшие о шакалах, оценивали этих животных негативно, хотя ни разу не видели его, а только слышали. Д.Д. Смышляева во время ночевки в монастыре в Хайфе, местные жители предупреждали, что выходить за пределы обители не стоит, т.к. около его стен ночью рыскают «дикие звери». Действительно, засыпая, он слышал вой шакалов и рев какого-то другого зверя, автор предположил, что это пантера⁷⁴. В целом, на страницах мемуаров шакалы предстают не просто отрицательными, но и потенциально опасными персонажами животного мира. Это убеждение сформировалось как из рассказов местных жителей, так и на основе услышанных звуков.

В Палестине наши паломники впервые видели также домашних животных, которых в России не было за исключением самых южных регионов Империи. Причем богомольцы не только видели и слышали их, но самым непосредственным образом соприкасались с ними. В большинстве своем поклонники передвигались по территории Палестины пешком, но более состоятельные отправлялись в длительные путешествия верхом, но не на лошадях, а на верблюдах и ослах. «Корабли пустыни» обычно вызывали у мемуаристов уважительное отношение, благодаря своей выносливости и неприхотливости. Верблюды у паломников ассоциировались, в значительной степени, со звоном небольших колокольчиков, которые подвешивались на шею каждому животному и звенели в такт его неспешных шагов. В одних случаях авторам этот

звук казался монотонным, в других — меланхолическим⁷⁵. О том, какие звуки издает само животное, авторы не знали или ни разу не слышали. Среди мемуаристов сумел услышать верблюда лишь К.А. Соколов, который обратил внимание на то, что он после привала поднимается с колен с «привычным возгласом «хррш!»⁷⁶ Глава Русской Духовной Миссии архимандрит Антонин (Капустин), хорошо знакомый с реалиями Святой Земли, охарактеризовал голос верблюда как «рычание»⁷⁷.

Еще одним распространенным средством передвижения по дорогам Палестины являлись ослы. Многие мемуаристы считали это слово грубым и предпочитали называть их уменьшительно-ласкательно «ослятами», в то же время, считая их самыми «громкими» животными Ближнего Востока. Об этом говорит архимандрит Антонин, отмечавший, что «хоровой» рев ослов был способен заглушить даже колокольный звон⁷⁸. К.А. Соколову в окрестностях Иерусалима также довелось услышать целое стадо ослов, которое приветствовало автора «только им свойственной музыкой»⁷⁹. Те же звуки произвели большое впечатление на Е. Маркова, который, вспомнив известный библейский сюжет, рассказывал, что ослы во время путешествия «смущали нас раскатами своего рева, не уступавшего трубным звукам, разрушившим стены Иерихонские»⁸⁰.

* * *

Историкам хорошо известно, что источники личного происхождения, несмотря на свою субъективность, гораздо ярче и интереснее по своему содержанию, чем сухие документальные материалы или статистические сведения. Они доносят до нас то, что именуется ненаучным термином «аромат эпохи»; мы подразумеваем здесь не только запахи, но и цвета, звуки, вкусы и многое другое, относящееся к определенной стране (региону, городу) в определенную эпоху. Как видно из проделанного нами анализа мемуарных текстов, звуки, которые слышали русские паломники в Палестине, были настолько не похожи на акустический фон их родины, что большинство мемуаристов просто не могли не отразить их в своих воспоминаниях, дневниках, письмах. Тексты, изученные нами, написаны людьми очень разными по своему воспитанию и образованию, социальной и профессиональной принадлежности. Пребывание одних в Святой Земле было довольно мимолетным, другие, такие как архимандрит Антонин, жили здесь далеко не один год и были очень хорошо знакомы с ее реалиями.

Еще раз повторим, что восприятие цвета, звука, запаха, вкуса очень индивидуально. У некоторых мемуаристов, к нашему немалому удивлению, мы почти не нашли упоминаний о звуках, которые они несомненно слышали во время своего путешествия. Возможно некоторые паломники, в основном — из среды духовенства искренне считали, что такие «мелочи»

недостойны упоминаний в рамках жанра паломнических записок. В то же время совершенно уникальными представляются тексты архимандрита Антонина и профессионального публициста Е. Маркова. При чтении их возникает стойкое впечатление, что Бог одарил того и другого абсолютным музыкальным слухом. Современные исследователи должны быть благодарны им за то, что они так много услышали во время богослужений в храмах и на улицах Иерусалима, на Фаворе и Елеоне, на Мертвом море и Тивериадском море. Причем не только услышали, но и отразили услышанное в своих текстах.

Святая Земля открывалась отечественным паломникам то одной, то другой своей стороной. Во-первых, сразу после высадки с парохода паломники попадали в пространство библейское и евангельское. Оно было в общем то безмолвным, т.к. камни архитектурных памятников, ветхозаветные и новозаветные хронотопы не умеют говорить, по крайней мере — вслух.

Во-вторых, паломники видели, отчетливо слышали и ощущали современную им новую Палестину — греческую, турецкую, арабскую, еврейскую. В отличие от земли библейской и евангельской она была очень разноголосой, порой даже оглушала наших богомольцев криками торговцев на улицах, ревом ослов и верблюдов, непривычными мотивами греческой литургии, незнакомыми напевами восточной музыки.

В-третьих, это была русская Палестина, которая с каждым годом становилась для паломников, а также для местных жителей все более зримой и слышимой. Все чаще на улицах слышалась русская речь, в том числе в устах арабов, турок, греков. Все больше становилось в Святой Земле православных русских храмов, а на окраине Иерусалима сформировался комплекс Русских Построек, где иноязычной среды вовсе не было. У тысяч русских паломников благодаря этим изменениям постепенно формировалось сознание своей идентичности, сначала религиозной, а потом — еще национальной и социокультурной. Окружавшая их в Палестине иноверная, инославная и чуждая национальная среда способствовала возникновению идентичности более эффективно, чем в родной стране. Свой важный вклад в этот процесс вносили такие структуры как Императорское Православное Палестинское Общество и Русская Духовная Миссия в Иерусалиме.

¹ Адлерберг Н.В. Из Рима в Иерусалим. Сочинения графа Н. Адлерберга. М.: Индрик, 2008. С. 148.

² Смышляев Д.Д. Синай и Палестина. Из путевых заметок 1865 года. М.: Индрик, 2008. С. 138.

³ Архангельские епархиальные ведомости. 1913. № 13–14. 1–15 июля. С. 379.

⁴ Адлерберг Н.В. Указ. соч. С. 148.

⁵ Муравьев А.Н. Путешествие по святым местам в 1830 году. М.: Индрик, 2007. С. 195.

⁶ Архангельские епархиальные ведомости. 1913. № 13–14. 1 — 15 июля. С. 380.

- 7 *Антонин (Капустин)*, архимандрит. Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции. 1866–1891. М.: Индрик, 2010. С. 69.
- 8 Там же. С. 268.
- 9 Там же. С. 36.
- 10 *Чукмалдин Н.* Путевые очерки Палестины и Египта. Екатеринбург, 1899. С. 21.
- 11 *Антонин (Капустин)*. Указ. соч. С. 289.
- 12 Архангельские епархиальные ведомости. 1913. № 18. С. 509–510.
- 13 *Чукмалдин Н.* Указ. соч. С. 29.
- 14 *Антонин (Капустин)*. Указ. соч. С. 38.
- 15 Там же. С. 78.
- 16 Там же. С. 232.
- 17 *Марков Е.* Путешествие по Святой Земле. Иерусалим и Палестина, Самария, Галилея и берега Малой Азии. СПб.: 1891. С. 201.
- 18 *Каминский В.К.* Четвертый путь в Иерусалим // Православный Палестинский сборник. Вып. 109. М.: Индрик, 2014. С. 305
- 19 *Муравьев А.Н.* Указ. соч. С. 194, 197, 200.
- 20 *Соколов К.А.* Путевые впечатления по Палестине и Сирии весной 1853 года // Православный Палестинский сборник. Вып. 111. М.: Индрик, 2015. С. 55.
- 21 *Чукмалдин Н.* Указ. соч. С. 23.
- 22 *Антонин (Капустин)*. Указ. соч. С. 101.
- 23 Там же. С. 232.
- 24 *Марков Е.* Указ. соч. С. 419.
- 25 Архангельские епархиальные ведомости. 1912. № 18. 15 сентября. С. 524.
- 26 Там же. С. 525.
- 27 *Антонин (Капустин)*. Указ. соч. С. 58–59.
- 28 Там же. С. 49, 50.
- 29 Там же. С. 50–51.
- 30 Там же. С. 43, 268.
- 31 *Марков Е.* Указ. соч. С. 74.
- 32 *Чукмалдин Н.* Указ. соч. С. 6.
- 33 *Каминский В.К.* Указ. соч. С. 303.
- 34 *Антонин (Капустин)*. Указ. соч. С. 231, 326.
- 35 *Марков Е.* Указ. соч. С. 204–205.
- 36 Там же. С. 205–206.
- 37 Там же. С. 13–14.
- 38 *Адлерберг Н.В.* Указ. соч. С. 125.
- 39 *Марков Е.* Указ. соч. С. 282.
- 40 *Смышляев Д.Д.* Указ. соч. С. 199.
- 41 *Марков Е.* Указ. соч. С. 367.
- 42 Там же. С. 287–288.
- 43 Там же. С. 466.
- 44 *Смышляев Д.Д.* Указ. соч. С. 56.

- 45 *Марков Е.* Указ. соч. С. 463.
- 46 *Антонин (Капустин)*. Указ. соч. С. 73.
- 47 Архангельские епархиальные ведомости. 1913. № 19. 1 октября. С. 537.
- 48 Архангельские епархиальные ведомости. 1912. № 18. 15 сентября. С. 526.
- 49 *Муравьев А.Н.* Указ. соч. С. 144.
- 50 *Соколов К.А.* Указ. соч. С. 39.
- 51 *Хитрово В.Н.* Православие в Святой Земле // Православный Палестинский сборник. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1881. С. 93.
- 52 *Антонин (Капустин)*. Указ. соч. С. 274.
- 53 «С далеких вод Востока». Письма великого князя Сергея Александровича к княгине С.Н. Голицыной о поездке на Восток (1888 г.). Православный Палестинский сборник. Вып. 111. М.: Индрик, 2015. С. 222.
- 54 Архангельские епархиальные ведомости. 1912, № 18. 15 сентября. С. 527.
- 55 *Чукмалдин Н.* Указ. соч. С. 21, 22.
- 56 *Адлерберг Н.В.* Указ. соч. С. 123.
- 57 *Марков Е.* Указ. соч. С. 56.
- 58 *Антонин (Капустин)*. Указ. соч. С. 270.
- 59 *Смышляев Д.Д.* Указ. соч. С. 178–179.
- 60 *Антонин (Капустин)*. Указ. соч. С. 274.
- 61 *Соколов К.А.* Указ. соч. С. 35.
- 62 Там же. С. 87.
- 63 *Марков Е.* Указ. соч. С. 242.
- 64 *Муравьев А.Н.* Указ. соч. С. 157.
- 65 *Смышляев Д.Д.* Указ. соч. С. 168.
- 66 *Соколов К.А.* Указ. соч. С. 70.
- 67 *Марков Е.* Указ. соч. С. 264.
- 68 Там же. С. 278.
- 69 Там же. С. 398.
- 70 Там же. С. 430.
- 71 Там же. С. 252.
- 72 Вятские епархиальные ведомости. 1900, № 9. 1 мая. С. 412.
- 73 *Марков Е.* Указ. соч. С. 368–369.
- 74 *Смышляев Д.Д.* Указ. соч. С. 241.
- 75 *Чукмалдин Н.* Указ. соч. С. 19, 28.
- 76 *Соколов К.А.* Указ. соч. С. 32.
- 77 *Антонин (Капустин)*. Указ. соч. С. 101.
- 78 Там же. С. 270.
- 79 *Соколов К.А.* Указ. соч. С. 32.
- 80 *Марков Е.* Указ. соч. С. 72.

ПАЛОМНИЧЕСКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II АЛЕКСАНДРОВИЧА ПО РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ*

С. Ю. Житенёв

Всероссийский Император Николай II Александрович в течение своей жизни и царствования много путешествовал, в том числе совершал паломнические поездки к святым местам своего Отечества.

Троице-Сергиеву Лавру Государь посещал во время каждого своего визита в Москву. В Лавре он молился у честных мощей преподобного Сергия Радонежского, присутствовал на богослужениях и поклонялся святыням обители. 22 мая 1896 г. после коронации в Московском Кремле Император Николай Александрович и Императрица Александра Федоровна совершили традиционное паломничество Троице-Сергиеву Лавру в сопровождении близких родственников и свиты. 08 августа 1914 г. Император Николай II в последний раз посетил Троице-Сергиеву Лавру на пути в Санкт-Петербург, после начала Первой мировой войны. В обители он вместе со своей семьёй молился о победе русской армии в грядущей войне с Германией.

19 июля 1903 г. в Успенской Саровской пустыне состоялись церковные торжества по канонизации честных мощей преподобного Серафима Саровского. В торжествах приняли участие Император Николай II и члены императорской фамилии в сопровождении многочисленной свиты, которые совершили паломническую поездку, в ходе которой поклонились преподобному Серафиму. Государя встречали местные жители и многочисленные паломники, приехавшие на торжественное событие. Для приема паломников были построены временные бараки, медпункты, чайные и т.д. Временные пристанища, построенные вблизи Саровской пустыни, могли вместить

одновременно до 50 тысяч человек, но прибывших было гораздо больше. Их количество современники оценивали от 100 до 300 тысяч богомольцев. Люди ночевали в лесах под открытым небом. Святейший Синод опубликовал в газетах церемониал торжественного открытия мощей преподобного Серафима Саровского чудотворца, в котором подробно по дням и часам были расписаны церковные службы и мероприятия, намеченные к проведению в Саровской пустыни. Торжества продолжались весь июль 1903 г. Кульминацией торжественных событий стало прибытие в Саров Императора Николая II с царской семьёй. Государя сопровождали: Императрица Александра Федоровна, Императрица Мария Федоровна, Великий Князь Сергей Александрович с супругой Великой Княгиней Елизаветой Федоровной, Великая Княгиня Ольга Александровна с супругом Петром Александровичем, герцогом Ольденбургским, Великий Князь Николай Николаевич, Великий Князь Пётр Николаевич с супругой великой княгиней Милицей Николаевной и другие знатные лица.

Торжества открытия мощей преподобного Серафима Саровского прошли 17–20 июля 1903 г. Главная служба в связи с открытием мощей преподобного совершалась в Саровской пустыне 19 июля, в день рождения Серафима Саровского, в присутствии Императора Николая II и членов императорской фамилии. Мощи преподобного Серафима были переложены в новый гроб и перенесены в собор. После возложения святых мощей в раку в Успенском соборе Саровской обители, Государь как обычный паломник, посетил и окунулся в святой источник, также поступила и Императрица Александра Федоровна, а через год у августейшей семьи родился долгожданный сын.

«На саровских торжествах, ставших грандиозным и возвышенным праздником единения Царя и подданных, Государь исповедовался в келье преподобного Серафима, находившейся внутри нового храма, у монастырского старца иеросхимонаха Симеона (Толмачёва)¹, и причащался вместе с массой паломников»². Необходимо отметить, что вместе Николаем Александровичем в это время неотлучно находилась Императрица Александра Федоровна.

Затем торжества переместились из Сарова в Дивеево, где, несмотря на огромное количество народу, царила общая атмосфера праздничности и молитвенного состояния. Радостное настроение простых паломников передавалось и августейшим богомольцам. Серафимо-Дивеевский Троицкий монастырь стал в эти дни центром торжеств по прославлению преподобного Серафима в лике святых. Во время посещения обители Императором Николаем II в храме во имя святой равноапостольной Марии Магдалины была отслужена Божественная литургия.

Император Николай Александрович любил приезжать в Киев и поклоняться святым местам древнего города. В 1911 г. Император Николай II в очередной раз посетил Киев по случаю открытия памятника его деду, Императору Александру II. На торжествах присутствовали: Императрица Александра

* Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта «История русского православного паломничества в XIX в.», осуществляемого автором по гранту РФФИ № 20-09-41002.

Федоровна, Великие Княжны Ольга Николаевна, Татьяна Николаевна, Цесаревич Алексей Николаевич, митрополит Киевский и Галицкий Флавиан, председатель Совета министров П.А. Столыпин, Великий Князь Сергей Михайлович, Великий Князь Пётр Николаевич, князь В.Н. Орлов, барон В.Б. Фредерикс, В.А. Дедюлин, В.Н. Коковцов, Е.А. Нарышкина. В ходе этой поездки Государь и сопровождавшие его лица посетили Киево-Печерскую Лавру и молились у её святынь. Государь посещал Киев и после начала Первой мировой войны в 1914–1915 гг. Он навещал в госпиталях раненых русских воинов, а также молился в святых храмах и монастырях Киева.

Император Николай II посетил Смоленск 31 августа 1912 г. во время торжеств, посвящённых 100-летию войны с наполеоновской Францией. Государь вместе с семьёй приехал на поезде на городской вокзал, где его встречали руководители города и народ. Сразу после прибытия в Смоленск, императорский кортеж направился в Успенский собор. В соборном храме Государь и его семья молились у чудотворной Смоленской иконы Божией Матери, здесь же их приветствовали Обер-Прокурор Святейшего Синода В.К. Саблер и Смоленский епископ Феодосий с градским духовенством. После посещения Успенского собора Смоленска, Император Николай II в торжественной обстановке открыл «Бульвар 1812 года» (ныне сквер «Памяти героев»).

В 1914 г. писатель Е.В. Богданович³ издал книгу «Историческое паломничество нашего царя в 1913 г.»⁴, с описанием богомолья Императора Николая II и его семьи, которое они совершили в год 300-летия Дома Романовых. В книге автор описывает паломническое путешествие Императора Николая II и царской семьи в мае 1913 г. по старинным русским городам: от Нижнего Новгорода и до Костромы, далее через Владимир, Суздаль, Ярославль, Ростов Великий, Переяславль, Троице-Сергиеву Лавру до Москвы. «Вся Россия с умилением и восторгом следила за этим благочестивым путешествием, несметные толпы народные везде стекались к пути следования своего Государя, переполняя города, села, пристани и станции, окружая храмы и соборы целым морем восторженных и благоговейных зрителей и сомолитвенников»⁵.

В древний Владимир Августейшие паломники прибыли 16 мая 1913 г. После торжественной встречи, они проследовали во Владимирский Успенский собор, где приложились к чудотворной иконе Владимирской Божией Матери, после чего архиепископ Владимирский и Суздальский Николай совершил краткий молебен. Затем Государь и его семейство помолились и приложились к честным мощам святых Великих Князей Георгия, Андрея и Глеба, нетленно почивающих в соборе. Покинув святое место, Император Николай Александрович вместе с семьёй и свитой проследовал в Дмитриевский собор, в котором поклонился его святыням. Из Владимира Государь поехал на автомобиле в древний город Суздаль, где он посетил Богородице-Рождественский собор, Ризоположенский, Покровский

и Спасо-Евфимиев монастыри, где поклонились их святыням. Здесь же Августейшие паломники поклонились могиле князя Дмитрия Михайловича Пожарского и осмотрели памятник, воздвигнутый русскому герою и полководцу, возглавившего народное ополчение, освободившее Россию от иноземных захватчиков и самозванцев в Смутное время. Из Суздаля Государь и сопровождавшие его лица направились в Боголюбов монастырь, где молились у чудотворной иконы Боголюбской иконы Божией Матери.

17 мая 1913 г. царский поезд прибыл на железнодорожный вокзал Нижнего Новгорода, откуда под приветственные крики тысячной толпы горожан Император Николай Александрович с семьёй и свитой поехали в Спасо-Преображенский собор Нижегородского кремля. Здесь Государь поклонился святыням и посетил могилу гражданина Козмы Минина. В тот же день императорская семья в полном составе покинула хлебосольный и гостеприимный Нижний Новгород и на пароходах поехала в Кострому, куда к этому времени прибыла Великая Княгиня Елизавета Федоровна, которая присоединилась к императорской семье.

19 мая того же года в Кострому прибыла царская флотилия, в составе которой был пароход с Императором Николаем II, императорской семьёй и сопровождавшими их лицами. Августейшие паломники высадились на пристани около Свято-Троицкого Ипатьевского монастыря, где их встречал крестный ход с чудотворной иконой Феодоровской Божией Матери. Архиепископ Ярославский и Ростовский Тихон (Беллавин), ставший впоследствии Святейшим Патриархом Московским и всея Руси, встречал и приветствовал Государя, царскую семью и императорскую свиту: «Ваши Императорские Величества, Благочестивейший Государь и Благочестивейшая Государыня! На этом месте, за этими высокими стенами, три века тому назад открылись дивные дела Божьего промысления, и в нашем дорогом отечестве иноческая обитель, ... сохранила в своих стенах драгоценную жизнь юного боярина Михаила Феодоровича, родоначальника Августейшего Дома Романовых»⁶. Государь и его семья приложились к Феодоровскому образу Божией Матери, родовой иконе Дома Романовых и другим святыням обители. Августейшие паломники и сопровождавшие их лица молились за Божественной литургией в Троицком соборе Ипатьевского монастыря, которую возглавил архиепископ Тихон. Затем на пароходе они отправились в Кострому, где посетили музей и осмотрели исторические достопримечательности. На следующий день Августейшие паломники молились в Успенском кафедральном соборе Костромы, где поклонились чудотворной Феодоровской иконе Божией Матери и местным святыням. 20 мая 1913 г. Императрица Александра Федоровна, Великая Княгиня Елизавета Федоровна, Цесаревич Алексей Николаевич и его сёстры Великие Княжны посетили Богоявленский Анастасиев женский монастырь, где молились у святынь обители и встретились насельницами.

21 мая, в день памяти святых равноапостольных Константина и Елены, в Ярославль прибыли Августейшие паломники и сопровождавшие их лица, которые по традиции сразу же отправились в кафедральный Успенский собор, по дороге их сопровождал колокольный звон 77 городских храмов и радостные крики многотысячной народной толпы. В Успенском соборе Государя и его семью встретил архиепископ Ярославский и Ростовский Тихон и проводил к честным мощам святых князей Василия и Константина, которым они поклонились, а также молились у чудотворного образа Ярославской Божией Матери и у других местночтимых икон. Августейшие паломники также посетили древний Спасо-Преображенский монастырь, где в храме Преображения Господня поклонился честным мощам святых благоверных князей Феодора, Давида и Константина. Затем все прошли в Крестовых храм Архиерейского дома, в покои, где 300 лет назад в течение 26 дней проживал царь Михаил Федорович, направляясь из Костромы в Москву, после призвания на царство. Вечером того же дня Августейшие паломники и сопровождавшие их лица посетили Толгский монастырь, где во Введенском соборном храме обители поклонились чудотворной иконе Толгской Богородицы. «Подробно осмотрев обитель и её церковно-исторические древности, <...> Их Величества с Августейшими детьми проследовали в кедровую рощу, расположенную у самого монастыря, в которой по преданию, среди вековых деревьев, в 1314 г. преосвященному Трифону⁷ явилась столь чтимая ныне святая икона Толгской Божией Матери, копия которой сохраняется и в роще, в особо устроенной маленькой часовне. Приложившись к иконе, Их Величества и Царская семья, напутствуемые молитвами осчастливленных иноков, колокольным звоном обители и восторженными кликами народа, собравшись к монастырю из его окрестностей, отбыли на пароходе и возвратились в Ярославль»⁸. Поздно вечером Августейшие паломники покинули Ярославль и на поезде направились в Ростов Великий.

Утром 22 мая 1913 г. Император Николай II, императорская семья и сопровождавшие их лица прибыли на вокзал Ростова Великого и сразу поехали в Успенский собор Ростовского кремля. В соборе Государя встретил и приветствовал архиепископ Ярославский Тихон и всё ростовское духовенство. Августейшие паломники, после краткого молебна, поклонились чудотворной иконе Владимирской иконе Божией Матери и честным мощам Божиим угодников, почивающих в соборе, ростовских святителей Леонтия, Исаии, Игнатия и Феодора. Затем Государь и сопровождавшие его лица посетили Благовещенский храм, где у чудотворной иконы Умиления Божией матери был отслужен молебен, после чего он посетил Спасо-Яковлевский Димитриев монастырь и поклонился его святыням. В тот же день Император Николай Александрович, его семья и свита покинули город и через город Петровск прибыли в Переяславль-Залесский, в котором посетили древние храмы и монастыри.

24 мая 1913 г. Император Николай II, императорская семья и сопровождавшие их лица на поезде приехали в Троице-Сергиеву Лавру, где они встретились с прибывшей из Москвы Великой Княгиней Елизаветой Федоровной. На станции Августейших паломников встречал и благословил наместник Лавры архимандрит Товия. В Троице-Сергиевой Лавре дорогих гостей встречал митрополит Московский и Коломенский Макарий (Невский), священноархимандрит Лавры, который произнёс торжественную речь и благословил всех прибывших в обитель. Далее они прошли в древний Троицкий собор, где после молебна поклонились честным мощам преподобного Сергия Радонежского, игумена Земли Русской. Император Николай Александрович встретился с депутациями местных общественных организаций, посетил покои митрополита Макария, который угостил дорогих гостей чаем, после чего они отбыли на вокзал и поехали в первопрестольную столицу.

В тот же день, 24 мая 1913 г. Августейшие паломники прибыли в Москву, где их восторженно встречали десятки тысяч москвичей. По обычаю царский кортеж остановился около Иверской часовни, где они поклонились чудотворной иконе Иверской Божией Матери. Затем Государь с семьёй и свитой въехал в Московский Кремль, где его встречал митрополит Макарий, который повёл всех в Архангельский собор для поклонения могилам царей из Дома Романовых. На следующий день Император Николай Александрович со своей семьёй, а также с Великой Княгиней Елизаветой Федоровной и государевой свитой проследовали в Успенский собор Московского Кремля, где присутствовали на Божественной литургии и поклонились его святыням. После богослужения Августейшие паломники посетили Чудов монастырь и молились у святынь обители. 26 мая 1913 г. Государь и его семья посетили Московский Новоспасский монастырь, чтобы присутствовать на Божественной литургии и посетить могилы предков Дома Романовых. Из Новоспасской обители Государь и сопровождавшие его лица проехали в Марфо-Мариинскую общину, к Августейшей сестре Государыни, Великой Княгине Елизавете Федоровне, которая отдала много сил благотворительности, милосердию и истинному благочестию. 27 мая Августейшие паломники простились с гостеприимной Москвой и на поезде отбыли в Санкт-Петербург и далее в Царское Село.

Через год, в июле 1914 г. Император Николай II вместе со своей семьёй совершил паломничество в Свято-Троицкий Серафимо-Дивеевский монастырь, где его застало известие о начале войны с Германией. На обратном пути в Санкт-Петербург он внезапно решил заехать в Троице-Сергиеву Лавру, где он молился о победе русского войска, о чём написано в начале статьи. Государь в годы войны часто ездил по Российской Империи, но уже не с паломническими целями.

- ¹ Тихон (Затёкин), архимандрит, Панин А.Н. Саровский подвижник иеросхимонах Симеон (Толмачев). Н. Новгород, 2020. — 224 с.
- ² Капков К.Г. Духовный мир Императора Николая II и его Семьи. М., 2018. С. 38.
- ³ Богданович, Евгений Васильевич (1829–1914), генерал-от-инфантерии, писатель, староста Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге.
- ⁴ Богданович Е.В. Историческое паломничество нашего царя в 1913 г. СПб., 1914. — 175 с.
- ⁵ Там же. С. 4–5.
- ⁶ Там же. С. 59.
- ⁷ Епископ Прохор (в схиме Трифон; † 1328), епископ Ростовский в 1311–1328 гг. В августе 1314 г. по распоряжению епископа Прохора в Ярославском княжестве на месте явления ему иконы был основан новый Толгский монастырь, главной святыней которого стала явленная икона Толгской Божией Матери. Незадолго до смерти владыка Прохор сложил с себя сан епископа, вернулся в Спасский монастырь и умер там, приняв схиму с именем Трифон.
- ⁸ Богданович Е.В. Там же. С. 98.

ВТОРАЯ ПОЕЗДКА ЦЕРКОВНОЙ ДЕЛЕГАЦИИ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ ВО ГЛАВЕ С ПАТРИАРХОМ АЛЕКСИЕМ I НА БЛИЖНИЙ ВОСТОК В НОЯБРЕ-ДЕКАБРЕ 1960 г.*

Б. Ф. Додонов, О. Н. Копылова, К. А. Лукина

Важнейшим направлением в деле развития и улучшения связей между Московским Патриархатом и Православными Церквями на Ближнем Востоке были взаимные контакты представителей церковных организаций СССР и Ближневосточных стран, в частности, визиты делегаций РПЦ в страны Ближнего Востока и ответные визиты в СССР делегаций Александрийского, Антиохийского, Иерусалимского и Константинопольского Патриархатов в 1954–1980-е гг.

Все названные визиты нашли отражение в документах фонда Совета по делам религий при Совете Министров СССР, хранящемся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ). Это и материалы о подготовке визитов, переписка Московской Патриархии с Советом по делам РПЦ и с Советом по делам религий при Совете министров СССР, с дипломатическими представителями СССР на Ближнем Востоке, программы визитов, документы об освещении хода визитов в советской и зарубежной прессе и др. Безусловно, наибольшую ценность для изучения проблемы взаимоотношений РПЦ и Восточных Православных Церквей имеют документы, освещающие официальные визиты Предстоятелей Русской Православной Церкви на Ближний Восток.

Особую роль в деле развития межцерковных отношений между названными Православными Церквями сыграли официальные визиты церковных

* Публикация подготовлена в рамках проекта РФФИ № 19-09-41003 (Палестина) «Советское государство, Русская Православная Церковь и Христианский Восток. История взаимоотношений во второй половине двадцатого столетия (1945–1991 гг.). Сборник документов и материалов из фондов Государственного архива Российской Федерации».

делегации Московской Патриархии во главе с Патриархом Московским и всея Руси Алексием I (напомним, что первый визит был совершен в 1945 году). В 1960 г. Патриарх Алексий I совершил второй по счету визит на Ближний Восток. В настоящей публикации представлены документы из фонда Совета по делам религий при Совете Министров СССР, хранящемся в ГА РФ (фонд № Р-6991), освещающие данный визит. Поездка продолжалась более месяца, с 25 ноября по 30 декабря 1960 г. За это время делегация Московской Патриархии побывала в Египетском и Сирийском районах Объединенной Арабской Республики, в Ливане, Иордании, Турции, а также в Греции.

Публикация открывается материалами, связанными с подготовкой поездки. Среди них представлена докладная записка председателя Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР В.А. Куроедова в ЦК КПСС о предстоящей поездке делегации РПЦ в страны Ближнего Востока от 10 октября 1960 г под грифом «секретно», в которой отмечалось, что постановлением ЦК КПСС от 18 августа 1960 г. Совету поручено организовать поездку в страны Ближнего Востока, Азии и Африки делегации Русской Православной Церкви во главе с Патриархом Алексием «для оказания влияния на глав восточных Православных Церквей в деле активизации их деятельности в борьбе за мир и выработки единой линии по отношению к Ватикану и агрессивной политике империалистических государств»¹.

Важно отметить, что впервые Предстоятель РПЦ нанес в ходе данной поездки визит Константинопольскому Патриарху. В.А. Куроедов в докладной записке в ЦК КПСС об итогах поездки Патриарха Алексия I на Ближний Восток от 10 января 1961 г. под грифом «секретно» особо отмечал, что «при встрече с Константинопольским Патриархом Афинагором Патриарх Алексий в соответствии с данными ему рекомендациями обратил его внимание на наличие дискриминации по отношению к Московской Патриархии и вмешательство в ее внутренние дела со стороны Константинопольской Церкви». Афинагор, понимая растущее влияние Московского Патриарха на Церкви Ближнего Востока, явно заискивал перед Алексием, «показал готовность развивать с ним контакты, предварительно советоваться по вопросам общеправославного значения, и высказал желание побывать в СССР»². В этом же итоговом документе было отмечено, что поездка делегации может открыть возможность к более широкому развитию контактов РПЦ с Церквями стран Ближнего Востока и объединению их вокруг Московской Патриархии в целях сплочения христианских сил в борьбе за мир и против Ватикана³.

Публикуется также послание Патриарха Александрийского и всея Африки Христофора Патриарху Московскому и всея Руси Алексию I с приглашением прибыть с визитом в Египет (26 октября 1960 г.), запись беседы

Генерального консула СССР в Дамаске И.П. Кисляка с Патриархом Антиохии и всего Востока Феодосием VI о предстоящем визите Патриарха Московского и всея Руси Алексия I на Ближний Восток (28 октября 1960 г.) и другие документы.

Посещение делегации РПЦ во главе с Патриархом Московским и всея Руси Алексием I Египта подробно изложено в коммюнике о пребывании Патриарха Московского и всея Руси Алексия I в Объединенной Арабской Республике и в сообщении о пребывании Патриарха Московского и всея Руси Алексия I в Дамаске и Бейруте (декабрь 1960 г.), в справке Посольства СССР в Ливане о пребывании делегации Русской Православной Церкви во главе с Патриархом Московским и всея Руси Алексием I в Ливане (19 декабря 1960 г.)

По итогам визита член церковной делегации Московской Патриархии преподаватель Ленинградской Духовной академии М.А. Добрынин подготовил подробный отчет о поездке по странам Ближнего и Среднего Востока делегации РПЦ, возглавляемой Патриархом Московским и всея Руси Алексием I (4 января 1961 г.), представленный в настоящей публикации. В январе 1961 г. Совет по делам РПЦ подготовил обстоятельную справку-отчет о пребывании делегации РПЦ во главе с Патриархом Московским и всея Руси Алексием I на Ближнем Востоке в ноябре-декабре 1960 г.

Важно подчеркнуть, что все публикуемые документы выявлены среди недавно рассекреченных материалов фонда Совета по делам религий при Совете Министров СССР, хранящемся в ГА РФ. Представленные в публикации документы подробно характеризуют подготовку поездки, состав делегации Московской Патриархии, подготовительные меры, принятые МИД СССР и посольствами нашей страны в ближневосточных странах по организации визита, его успешного проведения, а также его ход (многочисленные встречи с представителями духовенства Сирии, Ливана, Палестины и Египта, прихожанами, государственными и общественными деятелями и др.) Вторая паломническая поездка Патриарха Московского и всея Руси Алексия I 1960 г. на Ближний Восток продолжила серию визитов высших духовных лиц Русской Православной Церкви в ближневосточные страны и ответных визитов в СССР представителей Восточных Патриархатов. Публикуемые документы были недавно рассекречены и ранее не публиковались.

№ 1. Докладная записка председателя Совета по делам РПЦ В. А. Куроедова⁴ в ЦК КПСС о предстоящей поездке делегации РПЦ в страны Ближнего Востока

№ 3281с 10 октября 1960 г. Секретно ЦК КПСС

Постановлением ЦК КПСС от 18 августа с.г. Совету поручено организовать поездку в страны Ближнего Востока, Азии и Африки делегации русской православной церкви во главе с патриархом Алексием для оказания влияния на глав восточных православных церквей в деле активации их деятельности в борьбе за мир и выработки единой линии по отношению к Ватикану и агрессивной политике империалистических государств.

В соответствии с этим подобран состав делегации. Её количественный состав определен с учетом пожелания патриарха иметь необходимый персонал для совершения торжественных патриарших служб.

Поездка планируется на ноябрь-декабрь с.г. на период времени по климатическим условиям наиболее подходящий для патриарха.

Патриархи Александрийской, Антиохийской и Иерусалимской церквей подтвердили готовность принять делегацию Русской православной церкви.

Патриарх Алексей под предлогом визита дружбы посетит Египетский и Сирийский районы ОАР, Ливан, Иорданию и Израиль (Иерусалим), где встретится с патриархами православных церквей: Антиохийской — Феодосием⁵, Александрийской — Христофором⁶, Иерусалимской — Венедиктом⁷ и патриархом Коптской церкви в Египте Кириллом⁸.

По мнению Совета, было бы желательным во время этой поездки патриарху Алексию встретиться также с патриархом Константинопольской церкви Афинагором⁹ и главой Элладской (греческой) церкви Феоклитом для обмена мнениями о возможности сотрудничества с ними в вопросах борьбы церквей в защиту мира.

В этих целях патриарху Алексию можно было бы рекомендовать уведомить Афинагора и Феоклита о готовности его встретиться с ними на обратном пути делегации из стран Ближнего Востока. При положительном отношении к этому Афинагора и Феоклита разрешить делегации посетить Грецию и Турцию.

В связи с изложенным, Совет просит разрешить в ноябре-декабре с.г. направить делегацию Русской Православной Церкви в ОАР, Ливан, Иорданию, Грецию и Турцию сроком на 5–6 недель в следующем составе: патриарх Алексей (Симанский А. В.), митрополит Крутицкий Питирим (Свиридов П. П.)¹⁰, управляющий делами Московской патриархии епископ Пимен (Извеков С. М.), председатель отдела внешних церковных сношений Московской Патриархии епископ Никодим (Ротов Б. Г.)¹¹, епископ Псковский Иоанн (Разумов Д. А.)¹², ректор Московской духовной академии протоиерей Ружицкий К. И.¹³, архимандрит

Филарет (Денисенко М. А.), профессор Ленинградской духовной академии Успенский Н. Д.¹⁴, представитель Московской патриархии при Антиохийском патриархе в Бейруте протоиерей Статов П. К.¹⁵, преподаватель Московской духовной академии священник Остапов А. Д., член хозяйственного управления Московской Патриархии Остапов Д. А., иеродиакон Платон (Лобанков П. Е.), протодиакон Добрынин М. А., протодиакон Владимиров В. Д., сотрудник по вопросам светского протокола и финансов Варламов И. В., корреспондент ТАСС Кузнецов Д. В., переводчики Алексеев В. С., Анфиногенов Н. П. и врач патриарха Алексеев А. В.

Учитывая пожелание патриарха Алексия, Совет просит обязать Аэрофлот выделить спец. самолет на все время поездки делегации с оплатой за счет средств Московской Патриархии.

Приложение: проект постановления и справки-объективы.

Председатель Совета

по делам русской православной церкви
при Совете Министров СССР

В. Куроедов

Приложение. Секретно. Экз. № 1. Проект

Постановление

1. Разрешить Совету по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР дать согласие Московской патриархии направить в ОАР, Ливан, Израиль, Иорданию, Грецию и Турцию в ноябре-декабре с.г. сроком на 5–6 недель делегацию русской православной церкви в следующем составе: патриарх Алексей (Симанский А.В.), митрополит Питирим (Свиридов П.П.), епископ Пимен (Извеков С. М.), епископ Никодим (Ротов Б.Г.), епископ Иоанн (Разумов Д.А.), протоиерей Ружицкий К.И., архимандрит Филарет (Денисенко М.А.), протоиерей Статов П.К., Успенский Н.Д., Остапов А.Д., Остапов Д.А., Лобанков П.Е., Добрынин М. А., Владимиров В.Д., Кузнецов Д.В., Варламов И.В., Алексеев В.С., Анфиногенов Н.П. и Алексеев А.В.

2. Обязать Аэрофлот СССР выделить специальный самолет на все время поездки делегации с оплатой за счет средств Московской патриархии¹⁶.

ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1747. Л. 193–195. Заверенная копия. Машинопись.

№ 2. Послание Папы и Патриарха Александрийского и всея Африки Христофора из Афин Патриарху Московскому и всея Руси Алексию I с приглашением прибыть с визитом в Египет по окончании болезни Патриарха Христофора

26 октября 1960 г. Перевод с ново-греческого языка письма Патриарха Александрийского Христофора из Афин от 26.X — 1960 г.

Христофор

Папа и Патриарх Александрийский и всея Африки
Алексию

Блаженнейшему Патриарху Московскому и всея Руси

Святое лобзание во Христе Спасителе!

Предыдущим братским нашим письмом мы обратились с призывом к Вашему Возлюбленному Блаженству, приглашая прибыть в декабре м[еся]це с.г. в нашу Патриархию на совещание для обсуждения вопросов совместно с Вами.

Тогда еще не было известно, когда последует окончание нашей болезни, и рекомендовалось нам по предписаниям врачей весь ноябрь месяц провести в Афинах.

Эта просьба была вызвана также желанием, чтобы наше личное свидание с Вами состоялось во время прибытия Вашего Блаженства в Египет.

С особым удовольствием, сообщая Вам об этом, пребываем Вашего любимого Блаженства возлюбленный во Христе всецело преданный

Александрийский Христофор,

любящий во Христе брат и сослужитель

в Афинах 26-го октября 1960 г.

ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 289. Л. 68. Копия. Машинопись.

№ 3. Запись беседы Генерального консула СССР в Дамаске И. П. Кисляка с Патриархом Антиохии и всего Востока Феодосием VI о предстоящем визите Патриарха Московского и всея Руси Алексия I

28 октября 1960 г.

*Генеральное Консульство в Дамаске № 414. Из дневника И.П. Кисляк
Запись беседы*

с Патриархом Антиохии и Всего Востока Феодосием VI

11 октября с.г. меня посетил в здании Генконсульства Патриарх Антиохии и Всего Востока Феодосий VI. В начале беседы Патриарх Феодосий заявил, что целью его визита является необходимость обсудить некоторые вопросы, связанные с предстоящим приездом в Дамаск Патриарха Московского и Всея Руси Алексия. Патриарх Феодосий отметил, что предстоящий визит Патриарха Алексия в Дамаск будет иметь большое значение в духовной жизни Антиохийской Церкви, ибо это не простой визит патриарха патриарху, а визит главы Церкви-сестры, к которому Антиохийская Церковь и он, как ее глава, питают самые горячие чувства.

Далее Патриарх Феодосий коснулся истории взаимоотношений между Русской и Антиохийской церквами, отметив, что дружественные отношения между ними существуют на протяжении нескольких веков и, что Русская Церковь всегда помогала и помогает Антиохийской Церкви. Затем Патриарх Феодосий высказал свои воспоминания о его поездках в Советский Союз, который он посетил трижды. Вспомнил о беседах, которые он имел с т. Ворошиловым и Председателем Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР. Он высказал свое удовлетворение тем приемом, который ему был оказан в Москве и других городах Советского Союза.

На мои отдельные замечания по поводу предстоящего приема Патриарха Алексия в Дамаске, Патриарх Феодосий заявил, что патриарху Алексию будет устроена достойная встреча и, что в данный период времени он имеет к этому все возможности, т.к. его взаимоотношения с Правительством не оставляют желать лучшего, и отношения между нашими двумя странами в настоящее время способствуют предстоящему визиту.

В конце беседы Патриарх Феодосий заявил, что единственное обстоятельство, которое его несколько волнует, это препятствия, которые могут возникнуть в связи с желанием Патриарха Алексия посетить Иерусалим. Иорданцы могут отказать ему в выдаче визы, поэтому Патриарх Феодосий высказал пожелание, чтобы оформление указанных выше виз было произведено в Москве или в какой-либо другой стране. При существующих ныне отношениях между Иорданией и ОАР замечание Патриарха Феодосия следует принять во внимание.

На этом беседа с Патриархом Феодосием была закончена. На беседе присутствовал секретарь Представителя Русской Православной Церкви в Дамаске Н. П. Анфиногенов.

Консул Генерального Консульства СССР в Дамаске *И. Кисляк*

ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 290. Л. 164–165. Подлинник. Машинопись.

№ 4. Послание Патриарха Московского и всея Руси Алексия I Папе и Патриарху Александрийскому и всей Африки Христофору о намерении прибыть с визитом в Каир 25 ноября 1960 г.

Октябрь 1960 г.

Его Блаженству,

Блаженнейшему Христофору

Папе и Патриарху Александрийскому и Всей Африки

Ваше Блаженство,

возлюбленный о Господе Блаженнейший Владыко!

Вознося постоянные молитвы Пастыреначальнику Господу нашему Иисусу Христу, Единому истинному Главе Церкви о благосостоянии святых Его Церквей

по сей вселенной сущих, мы всегда горячо стремимся к всемерному укреплению истонных братских связей между православными Церквами-Сестрами. Для этой святой цели мы не жалеем сил и, несмотря на многообразные труды наши по окормлению Святой Русской Церкви, питаем надежду, что Господь благословит нам во второй половине ноября месяца с.г. сделать ответный братский визит Вашему возлюбленному Блаженству в Престольном Вашем граде и иметь с Вами всегда желанное нам личное общение.

Нас радует предстоящая возможность вновь поклониться святыням Вашей Церкви. Наша свита будет состоять из 15–20 человек. Мы предполагаем прибыть в Каир на самолете 25 ноября с.г. и пользоваться гостеприимством Вашего Блаженства дней семь.

Пребывая в радостном ожидании встречи с Вашим возлюбленным Блаженством, с братской к Вам яже во Христе Иисусе любовью.

Патриарх Московский и всея Руси Алексий.

« » Октября 1960 г. в Москве

ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 289. Л. 62. Копия. Машинопись.

№ 5. Докладная записка председателя Совета по делам РПЦ В. А. Куроедова в ЦК КПСС об освещении в печати поездки Патриарха Алексия на Ближний Восток

№ 361с 19 ноября 1960 г. Секретно ЦК КПСС

В соответствии с решением ЦК КПСС Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР организует в конце ноября с. г. поездку делегации Московской патриархии во главе с патриархом Алексием в страны Ближнего Востока. Данная поездка предпринимается в целях оказания влияния на политику православных церквей указанных стран в вопросах борьбы за мир и выработки с ними единой линии по отношению к Ватикану. По мнению Совета, поездка будет иметь важное политическое значение, поэтому считаем целесообразным поручить газете «Известия» опубликовать сообщение об отъезде делегации (текст прилагается), а также об итогах переговоров патриарха с главами православных церквей.

Более подробную информацию о поездке патриарха в страны Ближнего Востока считаем целесообразным опубликовать в журнале «Новое Время».

Приложение: на 1 листе.

Председатель Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР

В. Куроедов

Приложение

Вчера с Шереметьевского аэродрома самолетом «ИЛ-18» в паломническую поездку по странам Ближнего Востока отбыл глава русской православной церкви патриарх Московский и всея Руси Алексий. Патриарх посетит Египетский и Сирийский районы ОАР, Ливан и Иерусалим и нанесет визит дружбы главам Александрийской, Антиохийской и Иерусалимской православных церквей.

Патриарха сопровождают митрополит Крутицкий и Коломенский Питирим, управляющий делами Московской патриархии епископ Пимен, председатель отдела внешних церковных сношений патриархии епископ Никодим, ректор Московской духовной академии протоиерей Ружицкий К.И., профессор Ленинградской духовной академии Успенский Н.Д. и другие лица.

ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1747. Л. 222–223. Заверенная копия. Машинопись.

№ 6. Послание Патриарха Антиохийского Феодосия VI Патриарху Московскому и всея Руси Алексию I с выражением радости по поводу назначения на конец ноября 1960 г. визита Патриарха Алексия в Антиохийскую Патриархию

[Не позднее ноября 1960 г.]

*Его Блаженству,
Блаженнейшему Алексию,
Патриарху Московскому и Всея Руси
Ваше Блаженство,*

возлюбленный о Господе Блаженнейший Владыко!

Благая весть о намерении Вашего возлюбленного Блаженства в конце ноября сего года осчастливить нас ответным братским визитом наполнила нашу душу величайшей радостью: снова мы, как и в прошлом году, будем иметь великое счастье лицезреть Вашу Святыню и находиться в братском личном общении с Вами.

Благословен грядый во имя Господне! Добро пожаловать к нам, дорогой Владыко, вместе с Вашей многоуважаемой свитой! Всем сердцем рады будем встретить дорогих гостей и любимых братьев.

В радостном ожидании счастливого приезда Вашего Блаженства мы пребываем к Вам с неизменной преданностью и любовью во Христе.

*+ Феодосий VI
Патриарх Антиохии и всего Востока*

ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 290. Л. 167. Копия. Машинопись.

№ 7. Коммюнике о пребывании Патриарха Московского и всея Руси Алексия I в Объединенной Арабской Республике

[Не ранее 7 декабря 1960 г.]

Редакция газеты «Известия», тов. Филоновичу Ю. К.

Просим опубликовать в газете «Известия» прилагаемый текст коммюнике о пребывании патриарха Алексия в Объединенной Арабской Республике.

Председатель Совета

по делам русской православной церкви

при Совете Министров СССР

В. Куроедов

К пребыванию Патриарха Алексия в ОАР

В течение недели с дружественным визитом у патриарха Александрийского Христофора гостил патриарх Московский и всея Руси Алексий. Патриарх Алексий посетил Александрию и Каир, встретился также с патриархом Коптской церкви Кириллом. Церковные и общественные круги Египетского района ОАР оказали патриарху Алексию теплый прием.

Во время пребывания патриарха Московского и всея Руси Алексия в Александрии было выработано совместное коммюнике, подписанное патриархом Алексием и патриархом Александрийским и всея Африки Христофором II. В коммюнике подчеркивается единство взглядов обеих церквей по вопросам сохранения и укрепления мира между народами и ответственность в этом деле глав этих церквей. В коммюнике, в частности, указывается, что христианское сознание тревожит сама мысль о войне и её последствиях и что христиане должны утверждать мир делами любви ко всем близким и далеким людям. Патриархи осуждают производство и применение атомного оружия в военных целях и приветствуют усилия, направленные на осуществление программы полного и всеобщего разоружения, на решение мирным путем спорных международных вопросов. В коммюнике осуждается колониализм: «христианин не может примириться, — говорится в коммюнике, — с порабощением и угнетением человека, какими бы внешними формами оно не прикрывалось».

Находясь в настоящее время в Дамаске, в гостях у патриарха Антиохии и всего Востока Феодосия VI, патриарх Алексий встречает также теплый дружеский прием со стороны правительственных и общественных кругов Республики.

ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 289. Л. 73–74. Копия. Машинопись. Имеется сопроводительное письмо Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР в редакцию газеты «Известия» (л. 73).

№ 8. Сообщение о пребывании Патриарха Московского и всея Руси Алексия I в Дамаске и Бейруте

[Не ранее 14 декабря 1960 г.]

Заместителю главного редактора газеты «Известия» тов. Гребневу А. В.

Совет по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР просит опубликовать 14 декабря с.г. в газете «Известия» сообщение о пребывании патриарха Алексия в Дамаске и Бейруте (текст прилагается).

Приложение: текст сообщения на 2 листах.

Председатель Совета

по делам Русской Православной Церкви

при Совете Министров СССР

В. Куроедов

Приложение

«Около двух недель патриарх Московский и всея Руси Алексий был гостем Антиохийской церкви. В Сирийском районе ОАР и Ливане патриарху и сопровождающим его лицам оказывалось теплое внимание и дружеский прием как со стороны церковных, так и правительственных кругов. В Дамаске и Бейруте в честь патриарха Алексия были устроены большие приемы, на которых присутствовали министры и другие государственные деятели этих стран, видные представители христианского и мусульманского духовенства, а также многочисленные представители общественности, деятели науки, искусства и культуры. В Бейруте патриарх Алексий был встречен премьер-министром Ливана Саибом Салам и министрами ливанского правительства.

Во время пребывания патриарха Алексия в Ливане было принято совместное коммюнике, в котором говорится, что патриархи обсудили перспективы дальнейшего развития и укрепления давних исторических и братских связей Антиохийской и Русской православных церквей и согласились «впредь предпринимать все возможное, чтобы столь испытанная дружба, соединяющая наши две церкви и союз любви, не только продолжала оставаться живой и нерасторжимой, но и ещё более укреплялась»¹⁷.

Далее в коммюнике указывается, что в обстановке тревоги и разделение современного человечества «наша позиция любви христовой обязывает нас осуждать все то, что разжигает ненависть в народах и толкает человечество к новой мировой войне, и, наоборот, благословлять любые начинания, направленные к миру между людьми и народами». Оба патриарха заявляют о том, что они разделяют идеи запрещения использования ядерного оружия, ибо осуществление этих идей, вселяет в нас надежду на то, что наступят дни, когда народы «перекуют мечи на орала и копыя свои — на серпы», когда не станет поднимать «народ на народ меча и не будут более учиться воевать». В коммюнике подчеркивается, что все спорные

международные вопросы могут и должны разрешаться исключительно мирным путем¹⁸. Патриархи заявляют в коммюнике: «Мы решительно осуждаем любые формы проявления колониализма, как противные духу и букве закона божьего». Далее в коммюнике указывается о поддержке любой инициативы по объединению христиан Востока и Запада в великом миротворческом деянии».

Сегодня патриарх Московский и всея Руси Алексей отбыл в Иерусалим (Иордания) с дружеским визитом к патриарху Иерусалимской церкви Венедикту».

ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 289. Л. 75–77. Копия. Машинопись. Имеется сопроводительное письмо Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР в редакцию газеты «Известия» (л. 75).

№ 9. Письмо корреспондента ТАСС в Бейруте В. Михайлова в ТАСС о реакции в Ливане на визит Русской духовной делегации во главе с Патриархом Московским и всея Руси Алексием I в период с 9 по 15 декабря 1960 г.

17 декабря 1960 г.

Совет по делам русской православной церкви
тов. В. А. Куроедову

Направляем для сведения письмо корреспондента ТАСС в Бейруте тов. Михайлова от 17 декабря с.г. о реакции в Ливане на визит русской духовной делегации во главе с патриархом Алексием.

Зам. начальника Управления

иностранной информации ТАСС М. Башарин 2 января 1961 г.

*К вопросу о реакции в Ливане
на визит русской духовной делегации во главе
с Патриархом Алексием*

Визит русской духовной делегации во главе с патриархом Алексием в Ливан в период с 9 по 15 декабря с.г. привлек значительное внимание местных официальных, политических и религиозных кругов.

Официальные власти оказали патриарху Алексею и членам духовной делегации гостеприимный прием. Премьер-министр Саеб Салам, зам. премьер-министра Нассим Маджалани, зам. председателя парламента Фуад Бутрос, министр информации Фуад Госн (последние трое — православные) и ряд других высокопоставленных официальных лиц ежедневно встречались с патриархом и членами делегации, сопровождали их во многих поездках, устраивали в их честь приемы и обеды и оказывали другие знаки внимания. Два приема в честь патриарха устроил в своей официальной резиденции президент республики Фуад Шехаба, хотя в обоих случаях

ввиду болезни президента патриарха принимал премьер-министр Саеб Салам. Президент Шехаба награждал патриарха высшим ливанским орденом — «За заслуги» и некоторых членов делегации орденом «Ливанский кедр». Патриарх Алексей, в свою очередь, награждал орденом русской православной церкви «Крест св. Владимир» президента республики, премьер-министра, зам. премьер-министра, зам. председателя парламента, а также некоторых министров и высокопоставленных чиновников.

Патриарх Алексей и члены духовной делегации встретили хороший прием и у деятелей местной православной церкви и всей православной общины, составляющей около 10% населения страны. Публичные появления патриарха, такие, как его воскресная служба в соборе «св. Георгия» (крупнейшая православная церковь в Бейруте) и торжественная закладка первого камня нового здания православного госпиталя, собирали многотысячные толпы ливанцев. Мусульманские религиозные деятели в целом доброжелательно отнеслись к визиту русской духовной делегации, некоторые из них присутствовали на одном из приемов, устроенном в честь патриарха Алексея президентом республики.

Местная печать также уделяла этому визиту значительное внимание. Ведущие бейрутские газеты регулярно помещали на видных местах сообщения о пребывании Алексея и членов делегации в стране, иллюстрируя их, как правило, photographиями. По бейрутскому телевидению были показаны заснятые на пленку встреча духовной делегации и торжественная церемония вручения патриарху ордена «За заслуги».

Как заявляли в беседе с корреспондентом ТАСС многие журналисты, депутаты парламента, государственные чиновники и рядовые ливанцы, визит русской духовной делегации во главе с патриархом Алексием имел в целом положительное значение и способствовал укреплению авторитета русской православной церкви среди ливанских верующих.

Вместе с тем, для ливанской реакции в связи с этим визитом характерна определенная сдержанность, сквозь которую подчас сквозила плохо скрытая враждебность. Характерно, в частности, что маронитское и другое католическое духовенство бойкотировало визит русской православной делегации. В журналистских кругах выражают также большое сомнение в том, что президент Шехаба был действительно столь серьезно болен, что не смог лично принять патриарха Алексея в своей официальной резиденции, и указывают в связи с этим на тот факт, что на другой день после отъезда духовной делегации Шехаба принял нового посла Ватикана, вручившего свои верительные грамоты¹⁹.

Наиболее отчетливо эти сдержанность и враждебность проявились в отношении к визиту прозападной и отчасти проегипетской прессы. Стремясь уменьшить впечатление от него на рядовых ливанцев, которые в массе своей приветствовали духовную делегацию главным образом потому,

что она прибыла из Москвы — столицы мира и дружбы между народами и потому что патриарх и члены делегации в своих заявлениях призывали верующих к единству во имя мира и искоренения призрака войны из жизни общества²⁰, эта печать старательно замалчивала как заявления Алексия, так и дружественные заявления в адрес русского народа и русской православной церкви, которые ливанские официальные представители в ряде случаев вынуждены были сделать во время визита духовной делегации.

Комментарии буржуазных газет были крайне малочисленны и явно подсказаны западной пропагандой. Они адресовались ливанскому читателю и лично патриарху Алексию. В комментариях, рассчитанных на внутреннее потребление, буржуазные газеты писали о слабости русской православной церкви и занимались поисками «тайных пружин» визита русской духовной делегации в страны Ближнего и Среднего Востока. Некоторые из них при этом заявляли, что визит «инспирирован Москвой» и совершается «под покровительством советского МИД». Так, орган *национально-социальной* партии (ППС) газета «Аль-Бина» поместила 11 декабря статью своего политического обозревателя под заголовком «Вашингтон и Москва в борьбе патриархов». «Стало очевидным, — говорилось в ней, — что последние поездки *церковных* деятелей *преследовали не только цели, связанные с вопросами религии*. Вот уже несколько месяцев, как Вашингтон прилагает усилия к тому, чтобы развязать крестовый поход против коммунизма. Движущей силой этого похода должна стать православная церковь после создания широкого христианского блока. Паломничество в Рим епископа Фишера (глава англиканской церкви) является одним из звеньев этого плана. Москва же поспешила отдать приказ своему высшему духовному лицу посетить православную церковь на Востоке,...²¹ с тем, чтобы, по меньшей мере, сузить религиозный фронт, который стремится создать Вашингтон. В аналогичном тоне освещала этот визит и крупнейшая мусульманская газета «Ас-Сиаса», принадлежащая быв[шему] премьеру Абдаллах Яфи и известная своими проегипетскими симпатиями. 15 декабря она поместила откровенно *клеветническую* статью, полученную, надо полагать, из весьма подозрительного источника (статья была опубликована на 7-й странице, без подписи). В этой статье, озаглавленной «Патриарх Алексий *воскрешает в Бейруте эпоху русских царей*», приводился, в частности, явно выдуманный от начала до конца «диалог» корреспондента газеты с «одним коммунистом» на приеме в отеле «Бристоль», который был устроен 13 декабря патриархом Алексием в честь митрополита Бейрута и окрестностей Ильи Салиби. «На вопрос корреспондента, — утверждает в статье, — заключила ли Коммунистическая партия Советского Союза конкордат (т.е. соглашение) с русской православной церковью после длительной и ожесточенной войны, один

коммунист, присутствовавший на приеме в отеле «Бристоль», ответил: «Никакого «конкордата» нет. Имеет место лишь *существование между коммунистическим строем и духовенством*. Последнее настолько слабое, что уже не представляет никакой опасности для коммунистического строя, и поэтому нет необходимости в его преследовании». На вопрос, какое значение имеет визит русского патриарха в страны Востока, совершающийся под *эгидой* советского МИД, то же лицо заявило: «Необходимо делать различие между Компартией Советского Союза и советским государством. Компартия не признает религию и считает её учение басней. Что же касается советского государства, то оно имеет определенные интересы и определенную дипломатию, и оно *нуждается иногда в услугах духовных лиц*».

В статье также утверждалось, что теплый прием, оказанный патриарху Алексию и членам духовной делегации в Ливане, объясняется в сущности тем, что патриарх, будучи современником Николая II, навеял на ливанцев «дорогие их сердцу» воспоминания. «Как известно, до первой мировой войны, — говорится в статье, — православные ливанцы были проникнуты чувством любви и симпатии к России. Портреты царя и членов его семьи украшали стены их домов. И в этом не было ничего удивительного: царская Россия стояла во главе православных государств и официально покровительствовала православным меньшинствам на Ближнем и Среднем Востоке. Она открывала для их школы, предоставляла православной молодежи возможность получить образование в России и т.д. Короче, Россия была *опекуном* для наших православных сограждан, и они гордились ею так же, как наши марониты гордились своей «нежной и сострадательной матерью»- Францией. Ныне в связи с визитом русского патриарха в Бейрут вновь проявились любовь и симпатии наших православных сограждан к эпохе царей в торжествах, устроенных в его честь. Воскрешение этих дорогих для них воспоминаний, несомненно, способствовали в значительной степени преклонный возраст патриарха, его величавость и высокое чувство собственного достоинства. Его святейшество патриарх принадлежит к современникам последнего императора Николая II, расстрелянного большевиками, и он, по мнению бейрутцев, привез вместе с собой частицу эпохи этого царя, который был символом величия государства, высоко поднявшего в мире знамя православия»²².

Поисками «тайных пружин» визита русской духовной делегации занималась и «Аль-Джарида» — крупнейшая в стране христианская газета на арабском языке, близкая к французским и американским кругам в Бейруте. Но в отличие от «Аль-Бина» и «Ас-Сиаса», она отвергала как слишком грубую версию о «политических целях» этого визита, подменяя ее более хитроумными рассуждениями о большом «доктринальном» значении визита в свете «эволюции» марксизма в Советском Союзе.

В статье «Церковь и коммунистическая доктрина» политический обозреватель «Аль-Джарида» Хульми Маалуф писал 11 декабря: «Некоторые наблюдатели пытаются придать политическое значение визиту русского патриарха в страны Ближнего и Среднего Востока, особенно потому, что он совершается вслед за визитом в этот район главы англиканской церкви епископа Фишера. Мы же склонны видеть в нем, прежде всего, большой доктринальный смысл». Отметив, что коммунизм является решительным противником религии, автор заявлял: «Нельзя поэтому согласиться с тем, чтобы коммунизм добровольно или по политическим соображениям смог пойти на возрождение церкви в советском обществе. Точно также было бы ошибочным полагать, что церковь, которая выдержала жестокое гонение в коммунистическом обществе, ныне согласилась бы добровольно участвовать в осуществлении планов коммунистической политики». Коммунизм, утверждает далее автор, после почти пятидесятилетнего опыта в условиях России пришел к выводу о том, что материалистический подход к человеческому обществу «...не может заменить пробел, возникший в результате попыток разрушить духовный мир человека, который был создан в процессе многовековой религиозной истории человечества», и «сознание» этого, якобы, вынудило советских руководителей «заключить перемирие с православной церковью», как и с другими религиями, существующими в Советском Союзе. Это «перемирие», — указывает автор, — неправильно рассматривать как «отступление со стороны коммунизма, это — скорее эволюционный шаг в его развитие». «Оно («перемирие») не является также перемирием в силу политических соображений, а вызвано в жизнь закономерным развитием общества».

По мнению политического обозревателя газеты «Аль-Джарида», дальнейшая «эволюция» марксизма и религии в Советском Союзе, (если им будет предоставлена возможность «свободно взаимодействовать» друг с другом) должна неизбежно привести к «коренному изменению» их природы. «Марксизм, — пишет он, — постепенно впитает в себя духовные богатства, имеющиеся у религии, и изменит свои социальные взгляды в свете этих богатств; религия же, в свою очередь, сделает крупный шаг в сторону правильного понимания эпохи, в которой мы живем, и в дальнейшем будет развиваться в соответствии с принципом исторической эволюции, впитывая в себя лучшие достижения философии, социологии и науки». Автор мимоходом замечает, что этим визитом русская православная церковь вновь подтверждает, что она живет лучшими чаяниями и надеждами христианского мира, отдавая тем самым словесную дань патриарху Алексию и возглавляемой им русской православной церкви. Но не в этом, повторяет он вновь и вновь, главный смысл визита: этот визит имеет, главным образом доктринальное значение, и он призывает своих читателей именно в этом плане расценивать его.

Другая особенность буржуазных комментариев в связи с визитом русской духовной делегации, рассчитанных на внутреннее потребление, — это

единодушный призыв ко всем ливанцам, независимо от их вероисповедания, оказать самый радушный прием лично патриарху Алексию, поскольку он является главным защитником канонов русской православной церкви и, дескать, нуждается в их моральной поддержке. «Церковь в Советском Союзе, — писала, например, христианская вечерняя газета «Лисан-эль-Халь» 10 декабря, — не только отделена от государства и школы и не имеет своей печати, но и испытывает постоянную, организованную враждебную кампанию со стороны коммунистической идеологии. В этих трудных условиях русская православная церковь, возглавляемая патриархом Алексием, выполняет свою историческую миссию...²³ Поэтому патриарх Алексий, духовный отец большой группы русского народа, заслуживает того, чтобы все верующие, — как христиане, так и мусульмане — радушно приветствовали его и оказывали ему всяческий почет и уважение. Ничто не должно препятствовать им в проявлении своей любви — ни прежние недоразумения, ни имеющиеся доктринальные разногласия». «Наш высокий гость, — писал владелец влиятельной христианской газеты «Ан-Нахар» Хасан Тьюэни 10 декабря, — не просто патриарх. Он апостол среди прочих патриархов, ибо впервые в истории возглавляет церковь в государстве без бога...²⁴ Патриарх Алексий является апостолом потому, что он не только вырвал право для своей церкви на существование, но и превратил её в крепость духа в материалистическом и атеистическом государстве... Его визит к нам, в старые церкви, является мостом, связывающим эту крепость с внешним миром». Хасан Тьюэни далее призывал всех ливанцев тепло встретить патриарха Алексия и показать ему, что русская православная церковь «не одинока в своей борьбе с силами ада, так как её одиночество может быть полезным лишь врагам единого бога».

В комментариях, посвященных непосредственно патриарху Алексию, газеты призывали его быть твердым «в защите веры» и советовали идти на поклон к «старым церквям» — Александрийской, Антиохийской и Иерусалимской и даже к Ватикану, поскольку-де русская православная церковь настолько ослабла, что более не в состоянии выполнять роль лидера православного мира. *Свои «советы» и «призывы» газеты пересыпали самой откровенной, прямо-таки елейной лестью в адрес патриарха Алексия. Они, казалось, соревновались друг перед другом в умении польстить патриарху.* Орган фалангистов газета «Аль-Амаль» заявляла, что «лик почтеннейшего всероссийского патриарха излучает лучи многовековой веры и стойкости перед нашествием атеизма» и что патриарх является «носителем древних традиций христианства, восходящих к апостольским временам». Однако тут же газета выражала пожелание, чтобы визит патриарха на *Бл[ижний]/Восток* «послужил делу создания единой христианской паствы во главе с единым пастырем», и напоминала, что к этому призывает папа Римский.

Автор цитируемой выше статьи в Лисан-эль-Халь», называя патриарха Алексия «духовным отцом большой группы русского народа», уверяет, что своим визитом патриарх, якобы, показал, что он признает «главенство наших восточных церквей — Александрийской, Антиохийской и Иерусалимской — ад своей самой многочисленной в мире православной церковью», и что в этом «нет ничего удивительного». А владеец «Ан-Нахар» Хасан Тюзейни, возводя Алексия в ранг апостола, призывал его «...и впредь охранять своих сограждан от проникновения в их умы и души новой религии» (т.е. марксистско-ленинской идеологии). Он призывает далее патриарха Алексия, а заодно и всех священнослужителей и верующих в Советском Союзе быть «еще более стойкими в своей вере», уверяя при этом, будто коммунистический мир переживает «важные эволюции», которые могут в корне изменить его «лицо».

В заключение следует сказать, что ливанская буржуазная печать еще не высказала своего окончательного мнения о визите русской духовной делегации в страны Ближнего и Среднего Востока и ждет его результатов. Местная прогрессивная печать не комментировала этот визит, хотя и широко освещала его. *На страницах местной буржуазной печати усиленно пропагандируется идея объединения христианского мира под эгидой Ватикана. Как один из этапов этого плана выдвигается также идея объединения православных церквей под главенством Константинопольского («вселенского») патриарха Атенагораса.* В свете этой кампании в бейрутских журналистских кругах расценивают в целом доброжелательный прием, оказанный местной буржуазной печатью русской духовной делегации и особенно патриарху Алексию, как определенный маневр, цель которого — сделать патриарха Алексия более сговорчивым в его переговорах с представителями «старых церквей». Как заявляют в этих кругах, многие буржуазные газеты, которые ныне восхваляют патриарха Алексия, не замедлят «сменить милость на гнев», если он не оправдает их надежд.

Корреспондент ТАСС в Ливане

В. Михайлов

17 декабря 1960 года, гор. Бейрут, Ливан

ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 431. Л. 64–74. Подлинник. Машинопись.

№ 10. Справка Посольства СССР в Ливане о пребывании делегации Русской Православной Церкви во главе с Патриархом Московским и всея Руси Алексием I в Ливане

19 декабря 1960 г.

Министерство иностранных дел СССР

Отдел стран Ближнего Востока

3 января 1961 г. № 5/обв

Председателю Совета по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР тов. Куроедову В. А.

При этом направляем Вам справку «О пребывании делегации русской православной церкви в Ливане», присланную посольством СССР в Ливане.

Приложение: упомянутое.

Заместитель заведующего Отделом

Стран Ближнего Востока МИД СССР

А. Щиборин

Посольство СССР

в Ливане

« 19 » декабря 1960 г.

Исх. № 573

О пребывании делегации Русской Православной Церкви в Ливане (Справка)

С 9 по 15 декабря 1960 года в Ливане находилась делегация русской православной церкви во главе с Патриархом Алексием в качестве гостей бейрутского православного митрополита Ильи Салиби. Патриарху Алексию и членам его делегации был оказан в Ливане прием на правительственном уровне. Патриарха встречали и провожали на бейрутском аэродроме от имени президента Ливанской Республики премьер-министр Саеб Салам, а также члены правительства и другие официальные лица, члены дипкорпуса, духовенство, представители широких слоев населения. При встрече и проходах был выстроен почетный караул. В день своего прибытия в Бейрут патриарх Алексий принял глав диппредставительств (не было лишь испанца и аргентинца).

В честь патриарха Алексия организовывались многочисленные приемы, как по линии ливанского правительства, так и православно-го духовенства. В частности, два приема в честь патриарха Алексия были устроены в резиденции президента Республики от имени президента Фуада Шехаба, который по болезни на приемах не присутствовал. Принимал от его имени премьер-министр Саеб Салам. На первом из этих приемов, состоявшемся 12 декабря, были вице-премьер Маждалани, министр иностранных дел Такла, министр информации Госн, заместитель председателя парламента Бугрос, высшее православное духовенство Ливана, представители деловых кругов, всего 120 человек. 13 декабря был устроен завтрак вице-премьером Маждалани. У митрополита Ильи Салиби в честь патриарха 11 декабря состоялся обед и 14 декабря большой прием, на котором присутствовало около 1200 человек. 14 декабря митрополит Горного Ливана Илья Карам дал завтрак. Имели место также другие завтраки и обеды, состоявшиеся в бейрутской митрополии.

Со своей стороны делегация русской православной церкви 13 декабря устроила прием в бейрутской гостинице «Бристоль», на котором присутствовало около 500 человек.

Во всех этих приемах принимали участие премьер-министр Саб Салам (не был лишь на трех приемах), многие члены правительства, депутаты парламента, другие официальные лица, духовенство, представители широких общественных кругов независимо от вероисповедания.

Все официальные встречи проходили в теплой, дружественной обстановке. *Ливанские государственные и религиозные деятели в своих приветственных речах и тостах отмечали положительную роль русской православной церкви за мир, в укреплении дружбы между народами. Вместе с тем много было дружественных высказываний по адресу Советского Союза и его миролюбивой внешней политики. Призывы к миру, к противодействию политике холодной войны, содержащиеся в речах патриарха Алексия, встречали одобрение как со стороны присутствовавших на приемах лиц, так и среди широких масс ливанского населения. Произвело здесь также большое впечатление, в частности, то, что патриарх Алексий тепло принял делегацию ливанских матерей, участниц движения сторонников мира.*

В торжественной обстановке 11 декабря состоялась церемония закладки первого камня здания больницы ливанской православной общины, которая будет оборудована на средства русской православной церкви. Честь закладки первого камня была предоставлена патриарху Алексию. Выступая на церемонии, премьер Саб Салам выразил благодарность ливанского народа и правительства русской православной церкви за её дар, заявив, что эта больница, построенная на средства русской православной церкви в 1877 году, «обслуживала не только православных ливанцев, но и ливанцев других вероисповеданий, показав тем самым, что она служит интересам ливанской нации в целом».

Ливанское правительство наградило патриарха Алексия высшим знаком ордена «За заслуги перед Ливаном» и пять членов делегации — другими ливанскими орденами. Со своей стороны патриарх награждал президента Шехаба, премьер-министра Салама, вице-премьера Маждани, министра информации Госна (оба православные), директора протокола МИД Хуршида и др. церковными орденами Московской Патриархии «Крест Святого Владимира», что имело соответствующий эффект.

За время своего пребывания в Бейруте делегация русской православной церкви имела встречи не только с ливанской православной общиной, но многими другими религиозными общинами в Ливане, в частности, с сирийцами, армянами (связанными с Эчмиадзином), друзьями, мусульманами, протестантами. Представители указанных общин тепло приветствовали патриарха Алексия и сопровождающих его лиц. Члены делегации посетили некоторые религиозные учреждения, духовные школы, а также

установили контакт с ливанской организацией, именуемой *Движение православной молодежи Антиохийской церкви*²⁵.

Визит патриарха Алексия в целом был доброжелательно встречен в мусульманских кругах Ливана. Обращает на себя внимание тот факт, что премьер-министр Саб Салам (мусульманин) проявил личное большое внимание делегации Антиохийской церкви, пытаясь использовать пребывание патриарха Алексия для проведения идеи о единстве ливанцев. В своих речах во время приемов в честь патриарха Алексия он неоднократно подчеркивал необходимость укрепления единства ливанского населения независимо от его религиозной принадлежности, заявляя, что нет двух Ливанов — христианского и мусульманского — а есть только один Ливан. *Патриарх Алексий поддержал эту линию, что получило хороший политический резонанс.* Следует отметить, что в дни пребывания в Ливане делегации русской православной церкви проявились сепаратистские тенденции у бейрутского митрополита Ильи Салиби, который всячески старался подчеркнуть свою почти полную независимость от патриарха Антиохийской церкви и заручиться на этот счет поддержкой патриарха Алексия. Патриарх не поддерживал эту линию, и, как нам известно, воздержался обсуждать с Салиби какие-либо серьезные вопросы, связанные со взаимоотношениями внутри Антиохийской церкви.

Католическая церковь резко отрицательно отнеслась к визиту делегации русской православной церкви. Маронитское и другое католическое духовенство фактически бойкотировало этот визит, не приняв участия ни в каких мероприятиях, которые проводились в Бейруте в честь патриарха русской православной церкви. В некоторых ливанских кругах выражают сомнение, что президент Шехаб не смог принять патриарха Алексия именно из-за болезни, так как на другой же день после отъезда патриарха он принял нового посла Ватикана, вручившего ему верительные грамоты. Буржуазная печать, близко стоящая к прозападным кругам и католическому духовенству, истолковывала смысл и характер визита патриарха Алексия во враждебном Советскому Союзу духе, усматривая в нем стремление Советского правительства использовать церковь в политических целях. имели место заявления, что визит «инспирирован Москвой» и совершается «под покровительством советского МИД».

Так, говоря о «политическом характере визита патриарха Алексия», газета «Аль-Бина» (орган ППС) 11 декабря писала: «...Вашингтон прилагает усилия к тому, чтобы развязать крестный поход против коммунизма. Движущей силой этого похода должна стать православная церковь после создания широкого христианского блока. Паломничество в Рим епископа Фишера (глава англиканской

церкви — М. Я.) является одним из звеньев этого плана. Москва же поспешила отдать приказ своему высшему духовному лицу посетить православную церковь на Востоке... с тем, чтобы, по меньшей мере, сузить религиозный фронт, который стремится создать Ватикан».

Поскольку широкими слоями ливанского населения теплый прием, оказанный делегации русской православной церкви, воспринимался как проявление дружественных чувств к советскому народу, в некоторых буржуазных газетах прозападного толка и частично пронасеровского направления выражались всяческие похвалы в адрес личности патриарха Алексия с тем, чтобы противопоставить его Советскому государству. «Патриарх Алексий, — писал владелец газеты «Аль-Нахар» Хусейн Тьюэни, — является великим апостолом веры, потому что он не только защитил право своей церкви на существование, но и превратил её в крепость духа в материалистическом и атеистическом государстве... Русская церковь не одинока в своем великом единобрстве против атеизма». Некоторые газеты просто выступали с антисоветскими выпадами, называя патриарха Алексия «великим мучеником в коммунистическом мире».

Другие реакционные журналисты пытались подменить версию о «политических целях» поездки делегации русской православной церкви в страны Ближнего Востока рассуждениями о большом «доктринальном» значении визита в свете «эволюции» марксизма в Советском Союзе. Так, обозреватель крупной Бейрутской проамериканской и профранцузской газеты «Аль-Джарида» Хельми Маалуф 11 декабря писал, что «коммунизм после почти пятидесятилетнего опыта в условиях России пришел к выводу о том, что материалистический подход к человеческому обществу... не может заменить пробел, возникший в результате попыток разрушить духовный мир человека, который был создан в процессе многовековой религиозной истории человечества» и что «сознание» этого якобы вынудило советских руководителей «заключить перемирие с православной церковью». Однако выступления в печати буржуазной реакции не могли преуменьшить то большое значение, какое имеет визит в Ливан делегации русской православной церкви.

Приезд в Ливан делегации русской православной церкви, несомненно, способствовал росту симпатий ливанского населения к советскому народу. Проникнутые идеями мира и дружбы между народами выступления патриарха Алексия во время пребывания в Бейруте придали его визиту характер, полезный для дела мира.

Первый секретарь Посольства СССР в Ливане М. Якушев

ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 431. Л. 76–82. Подлинник. Машинопись.

№ 11. Сообщение о возвращении 30 декабря 1960 г. в Москву из поездки по Ближнему Востоку (Египет и Сирийский район ОАР, Ливан, Иордания, Турция, Греция) делегации Русской Православной Церкви во главе с Патриархом Московским и всея Руси Алексием I

[Не позднее 30 декабря 1960 г.]

Редакция газеты «Известия» тов. Гребневу А. В.

Просим опубликовать в газете «Известия» 30 декабря с.г. прилагаемое сообщение о возвращении в Москву делегации русской православной церкви во главе с патриархом Алексием из поездки по странам Ближнего и Среднего Востока.

Председатель Совета

по делам русской православной церкви
при Совете Министров СССР

В. Куроедов

Сегодня, 30 декабря с.г., в Москву возвратилась из паломнической поездки по странам Ближнего и Среднего Востока делегация русской православной церкви во главе с патриархом Алексием. Поездка продолжалась более месяца. За это время делегация побывала в Египетском и Сирийском районах ОАР, Ливане, Иордании, Турции, а также в Греции.

Патриарх Алексий имел встречи с патриархом Александрии и всея Африки Христофором II, с патриархом Антиохии и всего Востока Феодосием VI, с патриархом Иерусалимской православной церкви Венедиктом, с патриархом Константинопольской православной церкви Афинагором и с главой греческой (элладской) церкви архиепископом Феоклитом, а также нанес визит патриарху Коптской церкви Кириллу VI.

Патриарху Алексию и сопровождающим его лицам повсюду был оказан теплый и дружественный прием. Его выступления с призывами к миру и дружбе между народами нашли широкий отклик общественности.

ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 289. Л. 71–72. Копия. Машинопись. Имеется сопроводительное письмо Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР в редакцию газеты «Известия» (л. 71).

№ 12. Отчет преподавателя Ленинградской духовной академии М.А. Добрынина о поездке по странам Ближнего и Среднего Востока в составе делегации РПЦ, возглавляемой Патриархом Московским и всея Руси Алексием I в 1960 г.

4 января 1961 г.

Отчет

о поездке в составе делегации Русской Православной Церкви, возглавляемой Святейшим Патриархом Алексием, по странам Ближнего и Среднего Востока преподавателя Ленинградской Духовной Академии Добрынина М. А.

Инославные Восточные Церкви

Во время поездки Святейшего Патриарха Алексия по странам Ближнего и Среднего Востока, помимо выполнения основной цели путешествия — укрепления искони существующих братских связей между Русской Православной и Автокефальными церквами Православного Востока путем личного братского во Христе общения с главами Церквей, постоянно выполнялась и вторая не менее важная задача паломнической поездки — установление связи с инославными восточными церквами. Эта задача всегда находилась в центре внимания членов делегации и во время поездки старалась быть выполненной.

Если с Коптской и Эфиопской Церквами уже ранее были установлены связи, которые теперь только требовалось упрочить, то с Сирийской (Яковитской) Церковью такого контакта не существовало и требовалось заново установить связь. До настоящего времени о жизни Сирийской Церкви и о её современном состоянии нам было почти ничего неизвестно. Поэтому эта восточная церковь представляла для членов делегации особый интерес, а встреча с её главой — Патриархом — важное значение для будущего единения Церквей. Не предпринимая дальнейших результатов от происшедшего общения с главами и представителями восточного инославия, следует сказать, что встречи с ними делегации Русской Православной Церкви имели очень важное значение, поскольку помогли ознакомиться с современной жизнью этих восточных христиан, выяснить их отношение к Православию и их позиции по вопросу будущего соединения Церквей.

Во время поездки Святейшего Патриарха Алексия и сопровождающей его делегации по странам Ближнего и Среднего Востока со стороны всех восточных инославных церквей проявлялся большой интерес и симпатии к Русской Православной Церкви. Причем эти симпатии проявлялись как со стороны руководства, так и со стороны простой массы верующих, которые восторженно приветствовали Патриарха Алексия и членов нашей делегации.

В результате поездки выяснилось, что все восточное инославие тяготеет к Русской Церкви, высоко ценит ее авторитет и искренне желает сближения и церковного единения. Если и существуют еще какие-то трудности, препятствующие широкому сотрудничеству, то они, во-первых, не носят церковного характера, а во-вторых, часто зависят не от самих восточных церквей, а в силу их слабости и зависимости от тех государств, в которых находятся, от окружающей их обстановки. Ради своего существования

среди нехристианской, часто враждебной среды, восточные исповедания вынуждены подчиняться требованиям не церковного характера.

И, несмотря на это, любовь у них к Русской Церкви сильна и желание общения и сотрудничества велико. Следует только поддерживать их стремление, может быть, вести себя более активно, не ограничиваться лишь периодическими связями, а стараться быть с ними в постоянном общении. В данном случае инициатива должна исходить от Русской Православной Церкви в силу её авторитета, самостоятельности, материальной крепости и, что самое важное, бескорыстного стремления к церковному единению.

Вопрос церковного единения занимает сейчас все восточное инославие. Интерес к нему велик и желание единения большое. Все исповедания (восточные) пришли к выводу, что настал момент, когда все прошлые церковные расхождения должны быть забыты, все должны соединиться в одной вере, ибо все считают себя православными.

Необходимо как можно скорее созвать Всеправославный собор, чтобы при участии всех восточных исповеданий достичь настоящего единства Церквей.

Как удалось заметить, для достижения такого единства Церковью необходимо будет преодолеть значительные трудности, которые, как ни странно, будут исходить не из инославной, а из православной среды и, главным образом, из греческой. Часть греческих иерархов будет очевидно придерживаться старой консервативной точки зрения, что восточных христиан следует *присоединить*, т.е. потребовать от них отказа от их прошлых заблуждений. А раз это так, то будет отстаиваться право на это присоединение. Такая тенденция существует и сейчас. Александрийский Патриарх считает, что только он имеет право принять коптов в лоно Православия, конечно с согласия других Автокефальных Церквей. Если такое стремление не будет устранено, то достичь церковного единения будет трудно.

Существование восточных инославных патриархатов следует принять де-факто; приглашать их на Собор, как равных членов, как Сестер или Дочерей-Церквей; признать законным их обрядовые особенности, если они не носят догматических отклонений. В вопросе единения Церквей нужно будет приложить максимум братской любви, мудрости и снисходительности. Общение с инославными Церквами, беседы с их Главами и представителями епископата и духовенства, заставляют прийти и еще к одному выводу по вопросу единения. Возможно, не все восточные Церкви могут быть присоединены одновременно. И это не потому, что они не имеют такого желания, а потому, что условия, в которых они находятся, не позволят в настоящее время осуществить это желание. А ждать, когда все Церкви смогут быть готовыми, это значит отдалить единение на неопределенное время и лишит возможности его тех, которые готовы осуществить уже сегодня.

Это, в частности, будет касаться Сирийской (Яковитской) и Коптской Церквей. Коптская Церковь, возглавляемая Патриархом Кириллом, в силу политических условий, в которых она находится, несмотря на свое желание, навряд ли сможет соединиться с Православием. Правительство Египта стремится изолировать Коптскую Церковь, воспрепятствовать ее общению с Православными Автокефальными Церквами, а, следовательно, и соединению с Православием. Коптскую Церковь в настоящее время стремятся противопоставить Александрийской, причем в ущерб последней. Очевидно, у египетского государства существует скрытая тенденция поглощения Греческой Церкви в Египте Коптской, как национальной христианской. Возможно, поэтому-то месяц тому назад Коптский Патриарх перенес свою резиденцию тоже в Александрию, чтобы восстановить древнее место пребывания александрийских патриархов, как преемников Св. Ап[остола] Марка. Греческая национальность в Египте в настоящее время подвергается притеснению, ограничению в правах (должна зарегистрировать все свои предприятия и источники дохода, платить налоги и принимать на работу определенный процент арабского населения), что вызвало среди греков волнение за свою будущность. Перенос кафедры Коптского Патриарха был воспринят греками без особого восторга. Поэтому в данное время Коптская Церковь возможно и не сможет соединиться с Православными.

Сирийская (Яковитская) Церковь, в лице своего Патриарха Иакова, высказала горячее стремление к единению, причем он заявил, что готов в любое время совершить такой акт. Поскольку он возглавляет и христиан Индии, такое единение будет носить широкий характер и в географическом отношении, что не менее важно. И подобное стремление Сирийской Церкви следует использовать как можно скорее, поскольку соединение ее с Православием сохранит ее существование, которое теперь находится под угрозой и в силу материальной бедности, и в силу отсутствия духовной поддержки и благодаря наступлению католической пропаганды. Необходимо установить с Сирийской Церковью тесный контакт, пригласить Патриарха Иакова с епископами в Москву, направить делегацию от Русской Православной Церкви к христианам Индии, чтобы и там подготовить почву для единения.

Во время пребывания Святейшего Патриарха на Востоке церковная делегация имела постоянное общение и с представителями Армянской Церкви, которые находятся в юрисдикции Верховного Католика *Вазгена*. Представители Армянской Церкви, находящиеся в расколе с Эчмиадзином, в общение с нашей делегацией не входили, на встрече патриарха Алексия и на приемах не присутствовали. И в Египте, и в Дамаске, и в Бейруте, и в Иерусалиме и в других странах представители армянского духовенства и верующее население с большой радостью принимали у себя членов делегации Русской Православной Церкви, оказывали им всевозможные знаки

внимания, подчеркивали свою принадлежность Эчмиадзину, как духовному центру всех армян, высоко отзывались о Католике Вазгене, осуждая позицию раскольников. В некоторых странах, например Дамаске, армянские епископы просили нас не общаться с раскольниками, подчеркивая тем свое враждебное к ним отношение. Во всех странах армянские колонии довольно многочисленны, материально хорошо обеспечены, имеют прекрасные патриаршие резиденции, храмы и воспитывают молодое поколение в духе преданности своей религии духовному центру — Эчмиадзину. Такое национальное единение было очень приятно видеть. Поскольку Верховный Глава армян находится у нас, в Советском Союзе, и недавно встречался со Святейшим Патриархом Алексием, естественно, во время поездки по странам Востока вопрос единения Армянской Церкви с Православной не поднимался во всей полноте, а лишь только узнавалось мнение отдельных представителей.

Представители всех восточных инославных исповеданий (копты, армяне, эфиопы и сирийцы) принимали участие во встречах Святейшего Патриарха Алексия в аэропорту; присутствовали за богослужениями; на приемах, которые давались в честь делегации Русской Православной Церкви различными организациями и самим Святейшим Патриархом; наносили ему визиты. Со своей стороны, члены нашей делегации во всех странах посещали инославные общины, имели с главами или представителями их сердечные беседы, благодарили за оказанное внимание к Главе Русской Православной Церкви, дарили на память сувениры и книги. Встречи со всеми исповеданиями носили исключительно сердечный, братский характер. Во всех беседах подчеркивалась необходимость церковного единения, сплочения сил для достижения на земле желанного мира, происходил обмен информацией о современной жизни Церквей, духовном образовании и просвещении.

Со стороны глав и представителей Восточных инославных исповеданий проявлялся большой интерес и уважение к личности Святейшего Патриарха Алексия, как к Главе великой Русской Церкви, которая в настоящее время является оплотом Православия и одна в состоянии поддержать малые Восточные Церкви. Общение с восточным инославием, происходившее в духе братской любви, оставило у членов делегации чувство полного удовлетворения. Личная встреча Св. Патриарха Алексия с Главой Коптской Церкви, происшедшая впервые за всю историю, будет иметь важное значение для укрепления связей между Церквами, для восстановления ранее бывших братских отношений.

Не меньшее значение будет иметь и происшедшая впервые за всю историю встреча членов делегации с Сирийским Патриархом Иаковом, установившая контакт между Сирийской и Русской Церквами.

Сношения с инославными восточными Церквами по отдельным странам осуществлялись следующим образом:

Александрийский Патриархат

1) При прибытии Св[ятейшего] Патриарха в Александрию в аэропорту его встречали представители Коптского Патриарха Кирилла VI, который перенес свою резиденцию из Каира в Александрию.

Встречали Патриарха также представители Армянской Церкви.

2) Представители указанных Церквей присутствовали 26 ноября на молебствии в древнем соборе св. Саввы, где происходила торжественная встреча Патриарха Алексия в присутствии Александрийского Патриарха *Христофора*.

3) Вечером, 26 ноября, Святейший Патриарх Алексий ездил к Патриарху Христофору, куда приезжал с визитом и Коптский Патриарх Кирилл VI. Первоначально Глава Коптской Церкви хотел нанести визит Патриарху Алексию в отель, но затем, почему-то, порядок встречи был изменен. При этой первой встрече нашего Патриарха с Коптским происходил обмен любезностями и никаких деловых разговоров не происходило.

4) 27 ноября, после литургии в Благовещенском Кафедральном соборе, Святейший Патриарх Алексий и сопровождающие его в поездке лица нанесли ответный визит Коптскому Патриарху. Патриарх Алексий был торжественно встречен в храме коптским духовенством и с пением проведен в алтарь, а после краткого осмотра храма прошел в здание коптской Патриархии, где в тронном зале был встречен Патриархом Кириллом VI. В соборе и во дворе патриархии собралось много коптов, которые восторженно приветствовали нашего Патриарха, аплодировали ему и кричали: «Давайте соединяться». Встреча была исключительно сердечной, трогательной до слез, выражением уважения к Русской Православной Церкви.

В тронном зале Патриархии состоялся прием, во время которого Патриархи обменялись краткими речами, в которых подчеркнули радость братского общения и желание укрепления связей между Церквями, имеющих вековую давность. Святейший Патриарх Алексий наградил Коптского Патриарха орденом Св. Князя Владимира и подарил ценную панагию. Патриарх Кирилл тепло поблагодарил за подарок. Когда после приема оба патриарха появились на балконе, снова верующие встретили их громом аплодисментов и возгласами одобрения. По выходе Патриарха Алексия из Патриархии копты стремились попасть к нему под благословение, подвели детей, бурно выражали чувства восторга.

Сам Патриарх Кирилл произвел хорошее впечатление. Высокого роста, с большой полуседой бородой, аскет по природе, ровный и спокойный, он не произвел впечатления сильного администратора. Это в полном смысле слова монах-аскет, проживший всю жизнь в монастыре и далекий от светской жизни. По положению Коптской Церкви Патриарх может быть избран только из среды простого монашества, а не из епископата. Его основная функция — духовно окормлять свою паству, следить за правильным

ходом церковной жизни и за выполнением законоположений и вероучения Коптской Церкви. Все административные функции выполняют специальные лица, которые и сносятся со светскими учреждениями.

5) Утром 28 ноября я решил разыскать проф[ессора] *Нагиба*, который приезжал в нашу страну с коптским архиепископом Анба Иоаннисом и которого я сопровождал в Ленинграде. Проф[ессор] Нагиб преподает древнюю историю в Александрийском университете и пожелал нас принять в 10 час[ов] утра в здании одного из факультетов Университета. Я нанес визит г-ну Нагибу вместе с переводчиком Алексеевым В.С. Доктор Нагиб принял нас в профессорской очень тепло и сердечно. Представил профессорам, которые там находились. Во время короткой беседы д-р Нагиб вспомнил свое пребывание в Ленинграде, а затем кратко рассказал о факультете искусства, на котором он преподает. На память подарил мне античную медаль. Так как вечером Св[ятейший] Патриарх Алексий делал прием в честь Александрийского Патриарха, я, с благословения еп[ископа] Никодима, пригласил д-ра Нагиба. Вечером с ним состоялась вторая беседа, к сожалению, непродолжительная. На мой вопрос: «Как воспринят в Александрии приезд Святейшего Патриарха», д-р Нагиб ответил: «Этот вопрос следует рассматривать в нескольких аспектах. *Простой народ, симпатизирующий Советскому Союзу, рассматривает приезд Патриарха как проявление дружбы*, в церковных вещах он не разбирается. Интеллигенция смотрит, как на визиты Церквей, визиты вежливости. Определенные круги, конечно, визит стараются не замечать. Правительственная пресса, имевшая мусульманское влияние, не может много писать о приезде Патриарха, а английские и французские газеты имеют ограниченное влияние, главным образом в среде интеллигенции». Встреча с д-ром Михаилом Нагибом явилась восстановлением личного знакомства, которое началось в 1958 г. в Ленинграде.

6) 29 ноября в 19.00 часть делегации посетила Коптский Институт Каира. В честь Русской Православной Церкви был устроен прием, на котором присутствовали профессора института, духовенство и многочисленные учащиеся. С нашей стороны на встрече с коптами были: Епископ Никодим, Архим[андрит] Филарет, Прот[оиерей] П. Статов, преп[одаватель] Добрынин М.А. и переводчик Алексеев В.С.

Мы были торжественно встречены коптскими диаконами и с пением проведены в актовый зал института, где собрались члены коптской общины. Нас тепло встретили аплодисментами и посадили на сцене, освещенной прожекторами. Присутствующие устроили нам восторженную встречу, которая была поистине братской и сердечной.

Встречу открыл речью президент богословского колледжа *Ибрахим Атия*, коптский священник.

Затем учащиеся пели специальный гимн на коптском языке в честь Московского Патриарха.

Далее д-р Сами *Габра* читал приветствие от Коптского Института. Снова коптские диаконы пели в честь Русской делегации. Вице-президент Института зачитал «Меморандум», т.е. «Положение». С теплой речью к собравшимся, обратился епископ Никодим.
(Текст речи прилагается)

Собравшиеся в зале его речь часто прерывали аплодисментами, а по окончании устроили овацию.

По выходе из зала учащиеся колледжа и студенты института окружили нас тесным кольцом, брали у еп[ископа] Никодима благословение, горячо приветствовали.

Затем мы осмотрели Коптский Институт, который занимается изучением коптской культуры. Это — научный центр коптов, которым они очень гордятся и который объединяет их национальность. Руководство института проявило большой интерес к русскому богословию, интересовалось моими работами по Коптской Церкви, подарило несколько книг, обещая прислать [книги] по истории Коптской Церкви.

Руководство института очень горячо приняло предложение об обмене научными кадрами, профессорами и студентами, приглашало меня приехать на продолжительный срок для работы в Коптском Институте, согласилось с необходимостью установления между Институтом и Духовными Академиями тесных контактов.

После осмотра фотокабинета; мастерской искусства, где происходит восстановление коптских тканей, найденных в раскопках; мастерской фресок, которые уходят своими корнями в древнеегипетское искусство, члены делегации, профессора и коптское духовенство собрались в одной из аудиторий, где был предложен чай. Во время чая состоялась теплая встреча, в которой мы знакомились с жизнью института и коптов, а хозяева задавали вопросы о Русской Церкви и о наших Духовных академиях.

Прощание было исключительно сердечное, полное взаимных пожеланий. На выходе студенты снова нас окружили, фотографировали, проводили до машин и горячо напутствовали. Прием делегации Русской Православной Церкви в Коптском Институте явился яркой демонстрацией братского единства, симпатий коптов к нашей Церкви, желанием сотрудничать с русскими богословами. Это стремление следует поддержать и установить тесный контакт с Коптским институтом, путем обмена научными кадрами и богословской литературой.

7) Глава Коптской Церкви Патриарх Кирилл VI приглашен посетить Москву.

8) На приеме, устроенном Патриархом Алексием в честь Александрийского Патриарха Христофора, присутствовали представители Коптской и Армянской Церквей.

Антиохийский Патриархат

1) На встрече Святейшего Патриарха Алексия в аэропорту присутствовали представители Сирийской (Яковитской) и Армянской Церквей.

2) На приеме, устроенном Св[ятейшим] Патриархом Алексием в честь Антиохийского Патриарха Феодосия присутствовали только представители Армянской Церкви. Во время приема состоялась краткая беседа с армянским архиепископом *Аршивен Хатом*, который сообщил следующее:

«В Сирийском районе ОАР большая армянская колония. В Дамаске проживает 8 тыс. армян, в Алеппо значительно больше, там же имеется свой епископ. Среди армян Сирии и Ливана произошел раскол. Часть армян во главе с епископом Заре, имеющим пребывание в Бейруте, под нажимом б[ывшего] президента не признала нового Главу всех армян Католикоса Вазгена и отделилась. Раскольники живут обособленно и никакого общения с армянами, признающими Католикоса Вазгена, не имеют. Последние резко осуждают раскольников и с гордостью говорят о своем законном Католикосе и об Эчмиадзине, духовной родине всех армян.

Армянская Церковь находится в церковном общении с Коптской, Эфиопской, Сирийской и Малабарской Церквями. Церкви живут в дружбе и братском единстве.

Соединение всех Церквей трудно осуществимо. Вполне возможно соединение с армянами. Единение с другими исповеданиями невозможно, так как различные политические круги строят козни и будут воспрепятствовать церковному соединению».

3) 8-го декабря, вечером, Армянский Архиепископ нанес визит в отеле Святейшему Патриарху Алексию. Состоялась краткая беседа, в которой представитель Армянской Церкви просил Его Святейшество не посещать армянского главу в Бейруте, поскольку тот находится в расколе с Католикосом Вазгеном.

Армянскому Архиепископу было сообщено, что днем ему хотел нанести визит Митрополит *Питирим*, однако никого в архиепископии целый день не было.

Святейший Патриарх вручил Армянскому Архиепископу подарки.

4) Днем 8-го декабря члены делегации Русской Православной Церкви во главе с Митрополитом *Питиримом* посетили Сирийского Патриарха *Иакова* и имели с ним беседу.

(Текст прилагается).

5) Препод[аватель] *Добрынин М.А.* вел беседы с Хомским Митрополитом *Александром* о Сирийской Церкви, поскольку Владыка Митрополит долгое время жил в одном городе с Сирийским Патриархом, близко знаком с Сирийской Церковью и хорошо её изучил. Митрополит Александр рассказал следующее: «Сирийская Церковь находится в очень отсталом положении, очень бедная, материальной поддержки из Европы не имеет.

Живет самостоятельной жизнью, и ни под каким влиянием в настоящее время не находится. Нынешний Патриарх *Иаков*, будучи очень деятельным человеком, хочет возобновить Патриархию. С этой целью он ездил в Сев[ерную] и Южную Америку для сбора денег. Патриарх хочет устроить хорошую резиденцию и дачу на Ливане, так как раньше был Бейрутским Митрополитом.

Историческая резиденция Сирийских Патриархов находилась в Турции, и в древнем монастыре Дейр-аз-Заафаран. Когда Патриархом был избран Эмесский Митрополит *Игнатий*, то он остался в Хомсе и перенес туда патриаршую резиденцию. Но её всегда считали временной. В 1958 году Патриарх *Игнатий* умер. Вновь избранный Патриарх *Иаков* ½ года тому назад перенес резиденцию в Дамаск, столицу Сирии, чтобы находиться рядом с государственной властью.

Патриарх *Иаков* в хороших отношениях с православными, но в плохих с Патриархом *Феодосием* на почве личной антипатии. Глава Антиохийской Церкви держит себя очень гордо, обижая тем сирийцев, а Сирийский Патриарх, будучи сильной личностью, ведет себя как равный. Последний очень восприимчив и ученый человек, хотя не имеет образования, а достиг этого самостоятельной работой. Знает английский язык. написал несколько сочинений по истории Сирийской Церкви на арабском яз[ыке], в которых старался показать достоинство своей паствы.

Официальных разговоров с Патриархом *Иаковом* о соединении не происходило, но митрополит Александр неоднократно с ним по этому вопросу беседовал. Последний считает, что основное затруднение состоит в том, что Сирийская Церковь не признает 4 Вселенский Собор, а признает раскольный Собор. Однако, в остальном, разница с Православной Церковью чисто терминологическая. Лично у Митрополита Александра было самое тесное общение с Сирийской Церковью. Он совершал требы для сирийцев, а сирийские священники — для православных, в тех местах, где нет православных священников. Много раз венчал их прихожан. Однако, это личные поступки Митрополита Александра, но разрешенные Сирийским Патриархом.

Богослужение в Сирийской Церкви похоже на наше, только после «В первых помяни Господи...» сирийцы читают вроде выклички, где перечисляется много имен святых, в том числе и ересеначальники. Таинство совершают на опресноках²⁶.

Католическая пропаганда очень сильная. Около каждой сирийской церкви стоят католические храмы или часовни. Однако сирийцы очень тверды в своей вере, и им можно в этом позавидовать. Это объясняется тем, что они преследуемы, и через веру стремятся сохранить свою национальность.

Посол СССР *Солод* через Митрополита Александра предлагал Патриарху *Игнатию* поехать в Советский Союз, но тот категорически отказался, так как находился под влиянием англичан. Может быть, нынешний Патриарх

Иаков в Москву и поедет. Это очень сильная личность, образованный, энергичный, молодой (46 лет), спокойный и выдержанный. Все держит в своих руках и не заметно, чтобы находился под чьим-нибудь влиянием». С характеристикой личности Патриарха *Иакова*, которую дал ему Митрополит Александр, следует вполне согласиться. Такое же впечатление он произвел и на всех членов нашей делегации, когда мы наносили ему визит.

Бейрут

1) Патриарха Алексия также встречали представители Армянской Церкви и Сирийской. Они присутствовали за богослужением; например, когда Святейший Патриарх принимал религиозных деятелей, а также на приеме, устроенном Патриархом в честь Бейрутского Митрополита Илии Салиби. Встречи с представителями инославия носили исключительно теплый, братский характер.

2) Епископ Никодим и я имели беседу с Бейрутским Сирийским Митрополитом *Дионисием Бехнамом*, который носит титул «Сирийский Православный Митрополит всего Ливана». Последний нам рассказал: «Епископом я два года. Подчиняюсь Патриарху *Иакову*, который живет в Дамаске. Я занял его митрополичью кафедру, так как до патриаршества Иаков был Бейрутским Митрополитом.

В Ливане три прихода: в Бейруте, Триполи и Захле».

Вместе с Сирийским Митрополитом Дионисием на приеме присутствовал сирийский епископ из Индии. Он нам сообщил: «Я прибыл из Индии. Мы находимся в юрисдикции Сирийского Патриарха в Дамаске. Я приехал, чтобы нанести визит его Святейшеству в Дамаск. Счастлив, что этот визит дал возможность встретиться с патриархом Русской Церкви и с вами. Наше христианское общество на юге Индии насчитывает 1 млн. верующих и имеется 1400 храмов и 15 епископов. Христиане наши проживают в области Керара. Мы имеем верующих в Лондоне, но они не организованы, и мы не сумели построить храм в силу ряда ограничений».

Епископ Никодим пожелал епископу из Индии установить сношения, чтобы индийские церковные деятели приехали в Москву, а представители Русской Церкви посетили Индию, на что представитель индийской церкви с радостью согласился. Он заявил: «Мы рады этому приглашению и согласны. Мы сообщим об этом Малабарской Церкви, они обсудят и примут». Епископ Никодим сообщил, что официальное приглашение будет послано. На этом братская беседа с сирийскими епископами закончилась. Очень ценно, что мы встретили и епископа Малабарской Церкви и имели с ним беседу, положившую начало установления связи с христианскими церквями Индии.

3) 11 декабря наша делегация была приглашена армянской колонией Бейрута принять участие в праздновании юбилея (80 лет) Армянского Патриарха в Турции *Каренина Хачатуряна*. Чествование происходило

в клубе армянской колонии в очень торжественной обстановке. На чествовании присутствовали: митрополит *Питирим*, прот[оиерей] *П. Статов*, протоиерей *Владимиров*, проф[ессор]. *Успенский Н.Д.*, препод[аватель] *Добрынин М.А.* и секретарь *Афиногенов Н. П.*

Торжественно встреченные Армянским архиепископом *Хатом* и епископом *Кенель Джериженом* члены делегации Русской Православной Церкви были отведены на балкон и посажены на приготовленные места, рядом с армянским духовенством. Собравшиеся в зале и на балконе тепло нас приветствовали, а когда позднее архиепископ *Хат* объявил со сцены о нашем присутствии на торжестве, раздался гром аплодисментов. Большой театральный зал с балконом был полностью заполнен членами армянской колонии. Раскольники во главе с Заре на юбилей не присутствовали и с ними «правовверные» армяне находятся во враждебных отношениях, не допуская никакого общения. На сцене, строго оформленной, находился большой портрет юбиляра, украшенный цветами и зеленью. Гостям были розданы программы на армянском языке.

Армянский Константинопольский Патриарх пользуется большой известностью среди армян, считается национальным героем, так как принимал огромное участие в спасении армян во время турецкой резни. Католикос Вазген предписал чествовать его юбилей во всех странах и во всех армянских церквях.

Программа чествования была обширна и заняла около трех часов. Она включала 13 номеров:

- 1) Вступительная речь архимандрита *Куднакошеяна*.
- 2) Хор исполнил «Гимн Эчмиадзина».
- 3) Оглашение декрета Католикоса *Вазгена* по случаю юбилея.
- 4) Гимн Католикосу *Вазгену*.
- 5) Чтение стихов, посвященных юбиляру.
- 6) Выступление Епископа Джериджена.
- 7) Пение солисткой двух церковных песнопений.
- 8) Чтение архимандритом *Куднакошеяном* из книги об Эчмиадзине.
- 9) Выступление армянского поэта *Вахи Ваньяна*.
- 10) Приветственное слово секретаря *Минасяна*.
- 11) Пение церковных мелодий.
- 12) Выступление пианиста *Кеворка Эммиана*, который блестяще исполнил несколько фортепианных произведений, в том числе «Танец с саблями» из балета «*Гаяне*».
- 13) Заключительная речь архиепископа *Хата*, который выразил благодарность Святейшему Патриарху Алексию за то, что он прислал на их торжество представителей Русской Церкви. Эти слова были покрыты бурными аплодисментами всего зала.
- 14) Национальный церковный гимн.

Участие в праздновании юбилея доставило всем членам делегации огромное удовольствие, а особенно приятно было от того теплого, братского приема, который нам был оказан. Мы чувствовали себя, как дома. И хотя не понимали армянского языка, но сердцем воспринимали всю торжественность праздника. По окончании чествования члены колонии сердечно нас проводили, особенно молодежь, получая благословение у митрополита *Питирима*.

Члены делегации Русской Православной Церкви нанесли ответные визиты — Армянскому Архиепископу и Сирийскому.

Армянский Архиепископ уезжал, а потому ему была просто вручена визитная карточка Святейшего Патриарха.

Сирийский Епископ принял очень радушно, благодарил за визит и еще раз заверил в самых лучших отношениях к Русской Православной Церкви.

Во время приема, устроенного Святейшим Патриархом Алексием в честь митрополита Салиби, произошла беседа с сирийским митрополитом Дионисием и с епископом из Индии. Беседа была краткая, но носила исключительно теплый характер. Митрополит заявил: «Мы готовы в любой момент к единению и не видим к этому препятствий. Мы с радостью посетим Москву. Я уже получил приглашение от вашего Посла и Св[ятейшего] Патриарха. Если Патриарх *Иаков* поедет в Москву, то он возьмет с собой меня и двух священников». Епископ *Никодим* предложил организовать более обширную делегацию в 10–15 чел[овек] и приехать в июне-июле м[еся]це, взяв с собой и епископа из Индии. Последний также выразил свою готовность приехать в Москву. Сирийские иерархи еще раз прямо и открыто заявили о своем искреннем желании единения.

Иерусалимский Патриархат (Иордания)

1) На торжественной встрече Святейшего Патриарха Алексия у храма Воскресения присутствовали представители всех восточных инославных исповеданий, имеющих пребывание и места у Гроба Господня. Во время шествия процессии от Греческой Патриархии ко Гробу Господню они старались как можно ближе быть к Патриарху, вместе с ним сфотографироваться. Во время молебна в храме Воскресения присутствовали за богослужением.

2) Представители Армянской Церкви присутствовали за Божественной Литургией в храме Воскресения, которую совершал митрополит *Питирим* в воскресенье 18 декабря.

3) Члены делегации Русской Православной Церкви во главе с епископом Никодимом нанесли ответные визиты представителям всех восточных инославных исповеданий (армянам, сирийцам, коптам и эфиопам). Встречи носили сердечный, братский характер, в особенности с эфиопским архиепископом *Филиппосом*, которого еп[ископ] Никодим знал еще по работе в Русской Миссии (*Отчет о визитах прилагается отдельно*). Во время встреч происходили беседы о жизни Церквей по некоторым церковным вопросам.

4) Во время осмотра Храма Воскресения и святых мест члены делегации познакомились с местами, которыми владеют инославные восточные христиане (армяне, копты, сирийцы, эфиопы).

Израиль

Ввиду кратковременного пребывания в израильской части Иерусалима (одни сутки) встреч и общения с представителями восточного инославия не происходило.

Выводы

Поездка Святейшего Патриарха Алексия и сопровождавших его лиц по странам Ближнего и Среднего Востока для установления связи с Восточными инославными Церквями имела огромное значение. Все Церкви (Армянская, Коптская, Сирийская и Эфиопская) принимали участие во встрече Патриарха, проявляли большой интерес к его пребыванию, присутствовали на приемах и выражали чувства симпатии и братской любви к Русской Православной Церкви. Особенно теплые встречи оказывали Святейшему Патриарху рядовые верующие, которые искренне выражали свою любовь к Русской Православной Церкви, открыто заявляя о желании единения.

Историческое значение имеет встреча Патриарха Алексия с Главой Коптской Церкви Патриархом Кириллом VI, и посещение членами делегации Главы Сирийской Церкви Патриарха *Иакова*.

Во время многочисленных встреч неоднократно поднимался вопрос о необходимости церковного соединения, причем все исповедания выражали полное согласие и стремление к единению. Наиболее горячее желание церковного единения и готовность выразили представители Сирийской Церкви во главе с Патриархом *Иаковом*.

Во время поездки были установлены связи со всеми восточными исповеданиями, причем со стороны последних чувствовалась искренняя симпатия к Патриарху и к Русской Православной Церкви. Поездка и общение с восточным инославием, с другой стороны, показала, что не следует предаваться иллюзиям относительно легкой возможности церковного единения. Несмотря на желание единения, существуют трудности не церковного характера, которые преодолеть будет нелегко. Потребуется еще много усилий и труда для достижения желанного единства.

Предложения:

1) *по Коптской Церкви*: Необходимо установить тесный контакт с Коптским Институтом путем обмена научно-богословскими кадрами и литературой. Горячий прием нашей делегации со стороны профессорского состава и студентов, заявление их о готовности сотрудничества, свидетельствует о желании установлении контакта между Коптским Институтом и Духовными Академиями. Подобное желание следует по-настоящему использовать для дела сближения Коптской и Русской Церквей.

2) *по Сирийской Церкви*. Учитывая горячее стремление Сирийской Церкви к единению и к сотрудничеству с Русской Православной Церковью, пригласить Сирийского Патриарха *Иакова* с церковной делегацией в Москву для установления более прочных связей между Церквями. Пригласить также делегацию Малабарской Церкви Индии и продолжить с ними переговоры о возможности единения. Одновременно необходимо послать в Индию делегацию от Русской Православной Церкви с участием богословов для ознакомления на месте с современной жизнью и вероучением малабарских христиан.

Преподаватель Ленинградской Духовной Академии М. Добрынин
4 января 1961 г.

Приложения

*Ответная речь епископа Никодима, произнесенная
в Коптском институте г. Каира 30 ноября 1960 г.*

Дорогие братья христиане!

С большой любовью Святейший Патриарх Алексий со всеми нами прибыл в пределы древнего Египта как гость Александрийской Церкви и с большой любовью мы прибыли сюда к вам, чтобы засвидетельствовать наше братство и любовь во Христе.

Помимо общения с Греческой Православной Церковью, Патриарх Алексий встречался с Его Святейшеством Патриархом Кириллом Коптским. Это произошло в прошлую субботу и воскресный день, и для нас это был праздник общения братьев одной семьи. Эта радость естественна, так как мы исповедуем одного Господа Иисуса Христа и имеем одно евангелие св. Апостола Марка, которого вы считаете основателем своей Церкви.

Еще в половине прошлого века выдающийся русский ученый-богослов Преосвящ[енный] Порфирий (Успенский) много потрудился над изучением Коптской Церкви и пришел к выводу, что между нашими Церквями больше близкого, чем далекого. Да иначе и не может быть, так как все мы исповедуем одного Господа Иисуса Христа. Если мы будем направлять стремление воли священнослужителей и мирян, чтобы между нашими Церквями была любовь, то исполним заповедь Спасителя, которую Он оставил нам, его последователям, — иметь между собой мир и любовь.

Будем же проповедниками мира и любви. Я благодарю вас за ту любовь, с которой вы встретили нашу делегацию. Наш Святейший Патриарх — преклонного возраста, и ему трудно было прибыть сюда. Поэтому он благословил нас прибыть к вам.

Заканчивая свое краткое слово, я хочу выразить пожелание, чтобы между нашими патриархами — Патриархом Алексием и Патриархом Кириллом были отношения братьев во Христе, а через них и мы бы все имели дружеские братские отношения.

Свое слово я хочу закончить благословением всех вас.

(Слово Епископа Никодима прерывалось аплодисментами).

В конце приема в Коптском Институте епископ Никодим сказал: «Я желаю Коптскому Институту процветания и прогресса. В виде поддержки прошу принять несколько книг о Русской Православной Церкви как малый знак нашей большой любви».

Встреча членов делегации Русской Православной Церкви с Сирийским Патриархом Иаковом в Дамаске 8 декабря 1960 г.

Представители Сирийской (Яковитской) Церкви присутствовали в аэропорту Дамаска на встрече Святейшего Патриарха Алексия. Однако, в последующие дни, ни на приемах, ни на богослужениях сирийское духовенство участия не принимало. Такое поведение для нас стало казаться странным, судя по расположению сирийцев к Русской Православной Церкви, и 8-го декабря было решено поехать с визитом к Сирийскому патриарху Иакову и выяснить причину отсутствия представителей Сирийской Церкви на приеме, который устраивал Святейший Патриарх Алексий.

С визитом к Сирийскому Патриарху Иакову ездили: митрополит *Питирим*, архимандрит *Филарет*, прот[оиереи] *П. Статов*, Препод[аватель] *Добрынин М.А.* и переводчик *Алексеев В.С.*

Резиденция Сирийского Патриарха *Иакова* находится теперь в Дамаске, куда была перенесена ½ года назад из города Хомса. Историческая резиденция сирийских (яковитских) патриархов находилась в *Дейр-Аз-Заафаран*, в Турции. Когда был избран патриархом Эмесский митрополит *Игнатий*, то он остался в Хомсе и сделал этот город патриаршей резиденцией, которая всегда считалась временной. В 1958 году сирийский патриарх *Игнатий* скончался и на его место был избран Бейрутский Митрополит *Иаков*, который сделал резиденцией столицу государства — Дамаск.

Патриарх *Иаков* встретил нас в тронном зале Патриархии очень сердечно и приветливо. По всему было видно, что он ждал нашего визита. Он выразил радость встречи с нашей делегацией и пожелал Святейшему Патриарху Алексию многих лет жизни и успешного путешествия по странам Востока. Затем к Патриарху *Иакову* обратился митрополит *Питирим* со следующими словами: «Святейший Патриарх Алексий приветствует Ваше Святейшество, желает здоровья и процветания вашей Церкви. Он находится в недоумении, почему Ваше Святейшество не прибыло ни на один наш прием. Сознательно ли вы не явились, не желая иметь дело с нашей Церковью, или это недоразумение? Такое отношение нам непонятно, поскольку Коптская Церковь и ее Патриарх Кирилл очень радушно встречали нашего патриарха, воздавая всякую честь и любезность нашей делегации.

Стремление и желание нашего Патриарха Алексия и Русской Православной Церкви жить в мире и любви со всеми христианскими исповеданиями. У нас — христиан теперь один путь — мира и любви и нам

разделяться и враждовать бесполезно. Вот мы и сочли своим долгом навестить вас и выяснить этот недоуменный вопрос.

Патриарх Иаков: «Мы приветствуем Святейшего Русского Патриарха и желаем ему прекрасно жить. Вы не думайте, что между нами существует недоумение. Когда прибыл Святейший Патриарх Алексий, мы послали своих представителей встречать его, ибо считали это своим долгом. Когда приезжал Константинопольский Патриарх, яковиты его тоже встречали, и он обещал нам отдать ответный визит. Однако он этого не сделал, обманул нас. Когда же он посетил Египет, то навестил Коптского Патриарха, отдал ему ответный визит.

Мы глубоко обиделись на Константинопольского Патриарха. Раз топтали нашу честь, мы считали, что не имеем достоинства, чтобы нас посещать. И когда мы встречали вашего Патриарха, а ответного визита не получили, то посчитали, что Русский Патриарх не желает иметь с нами дела, считает ниже своего достоинства с нами общаться. Поэтому мы не были и на приеме. В Бейруте Константинопольский Патриарх говорил, почему он не посетил нас. Он заявил: «Я раньше думал, что я один Вселенский Патриарх, а теперь увидел, что есть еще второй в Дамаске». Ему не понравилось, что Сирийский Патриарх носит титул «Святейший». Между нами никакой враждебности нет. С местным Патриархом Феодосием мы как братья, находимся в самых лучших отношениях, взаимного посещаем друг друга. Константинопольский Патриарх заявил на общем собрании, что его поездка состоит в том, чтобы соединить всех, кто отошел от них со времени IV Вселенского Собора. Святейший Константинопольский сказал мне, Сирийскому Патриарху, что между нами разница на словах. И он говорил это на арабском языке, чтобы поняла вся публика».

Митрополит/Питирим: «Когда мы посещали в Александрии Коптскую Церковь, то верующие зывали: «Давайте соединяться». Мы идем навстречу этому желанию, но должен разрешить это Вселенский собор».

Патр[иарх] Иаков: «Вы знаете, как мы желаем этого соединения и об этом говорим открыто везде. Надо, чтобы другая сторона шла нам навстречу».

Митрополит/Питирим: «Русская Православная Церковь идет навстречу и ищет пути для достижения единства. Вопрос только за Вселенским собором. Вопрос о его созыве стоит на очереди. На Родосе летом должно было быть предварительное совещание Вселенской Церкви. Но оно не удалось, т.к. в Турции произошел государственный переворот и Вселенский Патриарх не смог выехать на Родос. Пока не известно, когда совещание состоится».

Патр[иарх] Иаков: «Раз у всех есть такое желание, намерение, надо как можно скорее его исполнить».

Митрополит/Питирим: «Часто политические обстоятельства мешают выполнять наши желания».

Затем митрополит Питирим представил Сирийскому Патриарху членов нашей делегации и рассказал о Русской Православной Церкви.

Патр[иарх] Иаков: «Нам радостно слушать о Русской Церкви, о ее процветании, так как пропаганда много говорит плохого. Мы слушаем обе стороны, но не можем найти истины. Но когда мы видим перед собой почтенных архиереев, мы верим их словам».

Митр[ополит] Питирим: «Русская Православная Церковь была бы очень рада, если бы Ваше Святейшество смогло посетить Москву».

Патр[иарх] Иаков: «Если возможно, побываю. Будучи Бейрутским митрополитом, я получал приглашение поехать в Москву, но было некогда. В одной индийской газете было сообщение, что Святейший Русский Патриарх пригласил к себе в гости предстоятеля Индийской Церкви».

Митр[ополит] Питирим: «В прошлом году Русскую Православную Церковь посетил Архиепископ Коптской Церкви Анба Иоаннис. Приезжала делегация Эфиопской Церкви».

Добрынин: «Мы слышали, что Ваше Святейшество написало историю Сирийской Церкви. Нам было бы очень приятно и ценно познакомиться с этим трудом».

Патр[иарх] Иаков: «Я с удовольствием дам вам эти книги».

Святейший Патриарх вручил нам три книги: 1) Историю Сирийской Церкви до 6 века; 2) Историю Сирийской Церкви в Индии, и 3) Церковные проповеди и объяснения законоположения Сирийской Церкви. Далее, Святейший Патриарх Иаков ознакомил нас с современным положением Сирийской Церкви. Он сообщил: «Строгого учета верующих в Церкви не производится. Однако всего насчитывается около 1,5 млн. Из них: около 1 млн. — в Индии, а 0,5 млн. — в других странах (Сирия, Ливан, Турция, Иордания, Ирак, Армения). При храмах имеются приходские школы. Семинария находится в Мосуле (Ирак). Много школ имеется в Индии».

Все Восточные Церкви находятся между собой в молитвенном общении. Это, как Православная, единая Церковь. В прошлом году я посетил Египет и Коптскую Церковь. Меня встречали очень торжественно. Раньше отношения между Церквями были гораздо теснее, т.к. происходил обмен монашеством и духовенством. Мы брали коптских монахов и делали их епископами и наоборот. Между Коптской и Сирийской Церквями есть небольшая разница, которая заключается, главным образом, в обрядовой стороне.

В Сирийской Церкви есть монастыри, многие из них — древние. Напр[имер], монастырь 4 века пре[подобного] Матфея (в Ираке, рядом с Мосулом); монастырь Дейр-аз-Зафаран, ок[оло] Мардида, в Турции), бывш[ая] резиденция Патриарха; монастырь св. Марка в Иерусалиме, построенный на месте, где Спаситель был в Пасху и мыл ноги ученикам. При ремонте на стене дома были обнаружены надписи на сирийском языке, буквы которого употреблялись только до 4 века. Это удостоверяет подлинность Сионской горницы.

Монастырь св. Марка считается самой древним на Востоке». В заключение беседы Патриарх Иаков сказал: «Прошу вас, передайте Святейшему Патриарху наше искреннее желание, чтобы он был здоров и счастлив».

Митр[ополит] Питирим: «Благодарим Ваше Святейшество за внимание. Желаем Вам счастья и здоровья и процветания вашей Церкви».

На этом встреча делегации Русской Православной Церкви с Сирийским Патриархом Иаковом окончилась. Патриарх проводил нас до конца тронного зала и оставался на балконе до тех пор, пока мы не спустились по лестнице и не прошли двор. Затем нам показали храм, который, как и все здание Патриархии, построено недавно. Алтарь — католического типа. Иконостаса нет. Иконы имеются в куполе, в храме почти нет. Висят люстры.

П. Добрынин

4.1.-[19]61 г.

ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 431. Л. 34–51. Копия. Машинопись.

№ 13. Информация председателя Совета по делам РПЦ В. А. Куроедова в ЦК КПСС об итогах поездки Патриарха Алексия I на Ближний Восток

№ 4с

10 января 1961 г.

Секретно.
Информация

В соответствии с решениями ЦК КПСС от 18 августа и 21 ноября 1960 года Советом по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР была организована поездка делегации Московской патриархии по главе с патриархом Алексием в Египетский и Сирийский район ОАР, Ливан, Иорданию, Турцию и Грецию. Делегация находилась в командировке 35 дней и вернулась в Москву 30 декабря 1960 года.

Почти повсеместно делегации был оказан радушный прием. Визит делегации, особенно среди простых людей, рассматривался как проявление дружбы со стороны Советского Союза, чему в немалой степени содействовали многочисленные выступления патриарха и других членов делегации на официальных приемах, службах и беседах с призывами к миру и дружбе между народами. Встречи и проводы проходили, как правило, торжественно в присутствии большого количества духовенства и верующих. Визиту патриарха уделялось также большое внимание со стороны общественных и правительственных кругов. Пребывание делегации широко освещалось в печати.

Исключительно теплый прием был оказан делегации в Сирийском районе ОАР и Ливане. Здесь делегация принималась на правительственном уровне. В поездках патриарха сопровождали министры, а в Ливане иногда патриарха сопровождал премьер-министр Саеб Салам. В честь делегации

от имени правительства были устроены большие приемы с участием видных государственных, общественных и религиозных деятелей, а также дипломатического корпуса. Ливанское правительство наградило патриарха Алексия высшим знаком ордена «За заслуги перед Ливаном».

Прогрессивная печать отмечала, что такое большое внимание делегации оказывается главным образом потому, что она прибыла из Москвы — столицы мира и дружбы между народами, и потому, что патриарх Алексий и члены делегации в своих заявлениях призывали верующих к единству во имя мира и искоренения войны из жизни общества. Один из митрополитов Ливана Илия Карам публично заявил: «В прошлом верующие Ливана взирали на Москву, как на оплот православия. Ныне же Москва стала для них также знаменосцем мира и дружбы между народами. Призывы патриарха Московского к миру и дружбе нашли в наших сердцах горячий отклик».

Положительный отклик в арабских странах, особенно в Ливане, нашла высказанная патриархом идея единства христиан и мусульман в борьбе за мир. Многие авторитетные лица заявляли, что такой радушный прием не оказывался еще ни одному из глав церквей, которые за последние годы посетили страны Ближнего Востока, в том числе так называемому Вселенскому патриарху Константинопольской церкви Афинагору, побывавшему здесь в конце 1959 года, и главе Англиканской церкви Фишеру, который за несколько дней до визита Алексия посетил Бейрут, Стамбул и Иерусалим. Некоторые церковные деятели в связи с этим отмечали, что поездка патриарха Алексия помешает Афинагору и Фишеру в осуществлении их планов.

Даже реакционная пресса на Западе, допуская злобные измышления по поводу поездки патриарха Алексия, не могла скрыть успеха этого визита. Так, венская газета «Эстеррайхише нейе Тагесцейтунг» 18 декабря в статье «Кремль хочет мобилизовать восточные церкви против Рима» писала: «Советам удалось шаг за шагом создать мощную религиозно-политическую базу на Ближнем Востоке». Газета «Штутгартен Нахрихтен» (ФРГ) 14 декабря в статье «Москва вербует православных» сетует на то, что «на западе к несчастью недооценивается явный моральный успех советского правительства на Востоке». Прозападные круги и их печать, стремясь принизить значение визита патриарха Алексия, занимались поисками «тайных пружин» этого визита, заявляя, что он носит политический характер и «инспирирован Москвой». Ливанская газета «Аль-Бина» в статье «Вашингтон и Москва в борьбе патриархов» писала: «Вот уже несколько месяцев, как Вашингтон принимает усилия к тому, чтобы развязать крестовый поход против коммунизма. Движущей силой этого похода должна стать православная церковь... Паломничество епископа Фишера на Восток и в Рим является одним из звеньев этого плана. Москва же поспешила отдать приказ своему патриарху посетить православные церкви Востока с тем, чтобы по меньшей мере сузить религиозный фронт, который

стремится создать Вашингтон». Газета «Индустрикурир» (ФРГ) в номере за 22 декабря заявила, что «Неожиданный объезд патриарха Алексия церквей Востока считается попыткой Москвы противодействовать предпринятым Ватиканом мерам достигнуть лучшего взаимопонимания между христианскими церквями». Католическая церковь в арабских странах к визиту патриарха Алексия относилась резко отрицательно, её духовенство бойкотировало этот визит и не принимало никакого участия в мероприятиях в честь делегации.

В Афинах патриарх Алексий был принят холодно. Греческие власти опасались, что его визит будет способствовать росту симпатий к Советскому Союзу и старались сделать пребывание делегации в Афинах мало заметным. Глава Элладской церкви Феоклит в беседе с Алексием боялся произвести вслух слово «мир».

В переговорах патриарха Алексия, имевших место во время визита с главами Александрийской, Антиохийской и Иерусалимской православных церквей, было обусловлено, что руководители церквей будут добиваться дальнейшего развития и укрепления дружественных связей между церквями во имя мира и дружбы между народами. Патриархи Александрийской церкви Христофор, Антиохийской Феофан и Иерусалимской церкви Венедикт поддерживали позицию Русской Православной Церкви, занимаемую ей в вопросах борьбы за мир, единодушно высказались за запрещение ядерного оружия и против колониализма. Было достигнуто соглашение о поддержке пражского христианского движения в защиту мира. На созываемый в июне 1961 года в Праге Всемирный христианский конгресс в защиту мира Антиохийская церковь направит официальную делегацию. Из Александрийской и Иерусалимской церквей на конгресс приедут также видные церковные деятели. Патриархи положительно оценили намерение Русской Православной Церкви вступить в члены Всемирного Совета Церквей.

Венедикт высказал сожаление, что он не имеет до сих пор возможности широко сотрудничать с Московской патриархией, т[ак] к[ак] ему мешают в этом иорданские власти, но заявил, что он полностью согласен с политикой Московского Патриарха, и никогда не выступит против русской православной церкви.

По отношению к Ватикану главы указанных церквей высказались отрицательно. Они боятся усиления католической церкви в Арабских странах, и разделяют мнение Московской Патриархии о нецелесообразности участия в созываемом всекатолическом соборе, однако говорить об этом открыто не хотят, опасаясь, что публичные заявления по этому вопросу вызовут нежелательную для них реакцию.

При встрече с Константинопольским патриархом Афинагором патриарх Алексий в соответствии с данными ему рекомендациями обратил его внимание на наличие дискриминации по отношению к Московской Патриархии

и вмешательства в её внутренние дела со стороны Константинопольской церкви. В частности, на то, что Афинагор до сих пор продолжает поддерживать русские белоэмигрантские церковные организации за границей, в Западной Европе в составе своей церкви содержит русский православный экзархат, числит в списках Константинопольской церкви Таллинскую и Рижскую русские православные епархии, которые в свое время были незаконно отторгнуты Константинопольской Патриархией, и уже более 20 лет воссоединились обратно с Русской Православной Церковью, препятствует Московской Патриархии направить на Афон монахов из СССР для пополнения русских монастырей и др. Патриарх Алексий обратил также внимание Афинагора на то, что Московской Патриархии непонятно, почему он до сих пор не признает автокефалии (независимости), законно возникшей православной церкви в Чехословакии и нынешних руководителей православных церквей в Болгарии, Албании и Польше главами этих церквей. Афинагор был вынужден дать согласие в основном решить эти вопросы положительно.

От обсуждения вопроса об отношении к Ватикану Афинагор уклонился, убеждая Алексия, что задуманный Ватиканом всекатолический собор не состоится ни в 1961, ни в 1962 годах, и что он, Афинагор, будет подробно информировать Московского Патриарха по всем вопросам относительно Ватикана, а также и по другим вопросам всеправославного значения. Афинагор очень просил Алексия не выступать с критикой политики Ватикана, ибо это, по его мнению, осложнит положение дел в христианском мире. Характерно отметить, что Афинагор, учитывая растущее влияние Московского Патриарха на церкви Ближнего Востока, явно заискивал перед Алексием, показал готовность развивать с ним контакты, предварительно советоваться по вопросам общеправославного значения, и высказал желание побывать в СССР.

Встречи патриарха Алексия с инославными патриархами Коптской церкви в Египте (около двух миллионов верующих египтян) и Сирийской церкви (1,5 миллиона верующих в Сирии, Ливане, Ираке и Индии) показали, что эти церкви тяготеют к русской церкви, и хотели бы видеть в её лице опору против давления Константинопольского патриарха Афинагора. Патриарх Сирийской церкви Иаков заявил, что «мы высоко ценим авторитет русской православной церкви и искренне желаем сближения с ней». Патриарх Коптской церкви Кирилл выразил желание укрепить связи между двумя церквями. У резиденции, где проходила встреча Алексия с Кириллом, собралось около 1000 верующих коптов, которые при появлении Алексия дружно кричали «давайте соединяться». Иаков и Кирилл положительно отнеслись к идее Алексия встретиться в Москве.

Совет считает, что поездка делегации Русской Православной Церкви в страны Ближнего и Среднего Востока, несомненно, была полезной, она способствовала росту симпатий населения этих стран к советскому народу.

Со стороны государственных и религиозных деятелей было много дружественных высказываний по адресу Советского Союза и его миролюбивой внешней политики, которую, как они отмечали, так активно и мудро проводит премьер Н.С. Хрущев.

Важное значение имеет договоренность с главами церквей на Ближнем Востоке о совместных усилиях в борьбе за мир, об участии их во Всемирном христианском конгрессе в защиту мира, об отрицательном отношении к попыткам Ватикана объединить христианские церкви в интересах политики империалистических государств, а также единодушное осуждение колониализма. Поездка делегации открыла возможности к более широкому развитию контактов Русской Православной Церкви с церквями стран Ближнего Востока и объединению их вокруг Московской Патриархии в целях сплочения христианских сил в борьбе за мир и против Ватикана.

Совет по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР в ближайшее время разработает и представит на рассмотрение ЦК КПСС предложения по дальнейшему усилению влияния Московской Патриархии на политику церквей стран Ближнего Востока в деле борьбы за мир и разоблачение агрессивной политики империалистических государств и Ватикана.

Председатель Совета
по делам Русской Православной Церкви
при Совете Министров СССР

В. Куроедов

ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1844. Л. 1–5. Заверенная копия. Машинопись.

№ 14. Послание Патриарха Московского и всея Руси Алексия I Патриарху Антиохийскому Феодосию VI с выражением благодарности за радужный приём делегации РПЦ и поддержку по ряду важнейших церковных вопросов

[Январь] 1961 г.

Патриарху Феодосию
Ваше Блаженство,
возлюбленный о Господе Блаженнейший
Владыко!

Мы возносим благодарение Господу за радость личного общения с предстоятелями древних святейших Церквей Востока и сохраняем самые светлые воспоминания о днях, когда мы пользовались исключительным гостеприимством Вашего Блаженства.

Мы приносим Вам сердечную благодарность за радужный прием нашей делегации. Нам было весьма отрадно вновь посетить Св. Антиохийскую Церковь, иметь личное общение с Вашим Блаженством, увидеть почтенных

иерархов, благочестивый клир и паству Вашу. Для нас останутся незабвенными дни, когда мы имели радость совместных молитв и бесед о нуждах церковных в древнем и славном Дамаске.

Мы рады отметить, что Вашему Блаженству, как и нам, дороги интересы Св. Православия и что наши взгляды по ряду важнейших церковных вопросов полностью совпадают.

Мы верим, что Ваше Блаженство, ясно представляя проблемы современной церковной жизни, употребите свои усилия и свой высокий авторитет для укрепления Св. Православия и дальнейшего развития братских отношений между нашими Церквями.

Патриарх Алексий

ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 431. Л. 97. Копия. Машинопись.

№ 15. Справка-отчет Совета по делам РПЦ о пребывании делегации РПЦ во главе с Патриархом Московским и всея Руси Алексием I на Ближнем Востоке в ноябре-декабре 1960 г.

[Январь] 1961 г.

Пребывание Патриарха Московского и всея Руси Алексия I на Востоке

С 25 по 29 ноября патриарх Алексий с делегацией был в Александрии. Православные круги и другие религиозные учреждения, не связанные с католичеством, сердечно приветствовали этот приезд.

Патриарх Алексий неоднократно встречался с патриархом Христофором. Патриарх Христофор в настоящее время, как кажется, уже не является активным руководителем в жизни Александрийской церкви, но авторитет его несомненен и его окружение с ним во всем весьма считается. Одним из важных вопросов, которые делегации предстояло выяснить, было выяснение возможностей будущего преемника патриарха Христофора в Александрии. Из бесед с разными деятелями определилось несколько кандидатур. Сирийская и арабская часть александрийской паствы, как слышно, желает иметь патриархом митрополита Аксумского Николая. Митрополит Николай Аксумский, араб по национальности, уроженец Палестины, уже много лет занимает эту должность. Возможно, что националистические круги Объединенной Арабской Республики поддержат его кандидатуру в будущих выборах александрийского патриарха. Против митрополита Николая, безусловно, будет основная часть духовенства Александрийского патриархата, греки по национальности.

Другим кандидатом на патриарший престол в Александрии является митрополит Евангелос из местечка Танта, который пользуется большой популярностью среди всех членов Синода и духовенства. Третьим

кандидатом может являться митрополит Парфений из Порт-Саида. Правда, он уже стар, но его активно поддерживает молодой деятель Александрийской церкви митрополит Карфагенский Парфений, который весьма известен в протестантских экуменических кругах. Возможно, что, выступая в поддержку митрополита Парфения старого, молодой Парфений не исключает и возможности того, что сторонники старого Парфения будут и его сторонниками в предстоящих выборах, на которых не исключено, что он сам будет избран патриархом.

Во время путешествия по Антиохийскому и Иерусалимскому патриархатам, а также по Греции приходилось слышать разговоры, в которых кандидатом на Александрийский престол называли митрополита Аттиксского Иакова.

Отношение всего духовенства Александрийского патриархата к делегации Русской Православной Церкви было весьма сердечным, за исключением некоторых, которые были несколько сдержанны. Таковыми были митрополит Карфагенский Парфений и в некоторой степени митрополит Иринупольский Николай из Восточной Африки. Патриарх Алексий вел беседы с Патриархом Христофором о присылке настоятеля подворья Русской Православной Церкви в Александрии из Москвы. На этот вопрос Патриарх Христофор ответил своим согласием.

Патриарх Алексий предложил Патриарху Христофору подписать совместное коммюнике о пребывании и беседах. Христофор ответил на это согласием, но попросил перевести текст на греческий язык. Патриарх Алексий передал Патриарху Христофору текст коммюнике с замечанием, что он очень длинный и, что его неплохо было бы сократить, исключив все то, что касается политики. Переговоры о деталях коммюнике вел епископ Никодим с митрополитом Парфением Карфагенским. Главной просьбой митрополита Парфения было исключение того абзаца, в котором говорилось с нехристианской позиции католической церкви. Исключение этого абзаца митрополит Парфений объяснял тем, что правительство Объединенной Арабской Республики не заинтересовано в том, чтобы между различными религиозными общинами внутри страны возникали какие бы то ни было трения. «Кроме того, — сказал митрополит Парфений, — мы все еще боимся, что за выступления против католической церкви нас могут ожидать неприятности». *Этот пункт был исключен.* Остальные мысли в коммюнике в основном остались без изменений.

Отношения Александрийской православной церкви с католиками, живущими в Египетском районе ОАР, неплохие. Это видно из того, что по приезде Патриарха Алексия в Александрию на прием глав религиозных общин и дипломатического корпуса пришел и апостольский легат папского престола в Александрии. Отношение к нему со стороны греческого духовенства не было плохим. Отношение к католикам со стороны правительства

ОАР, как кажется, только терпимое. Католическая церковь весьма ограничена новым законом в отношении школ. У нее отняли прежнее право бесконтрольного открытия школ и предметов преподавания. То же самое в несколько меньшей степени наблюдается и по отношению к православным и вообще к христианским школам. Чувствуется, что ограничения христиан в их общественной деятельности идет, и будет идти наступательно. Небольшой иллюстрацией такого ограничения является тот факт, что по новому закону, изданному в ноябре 1960 года, во всех христианских школах перед началом занятий требуется чтение одной из молитв из Корана.

В отношении предстоящего собора католической церкви из бесед с митрополитами и некоторой частью духовенства Александрийского патриархата было выяснено, что никакого намерения принять какое-либо участие в этом соборе Александрийская церковь не имеет. Отношение александрийского духовенства к Пражскому мирному Всехристианскому конгрессу было несколько сдержанным. Патриарх Алексий не беседовал с Патриархом Христофором на эту тему. В беседе с Митрополитом Центральной Африки Киприаном последний сказал Епископу Никодиму, что греки, живущие в Египте, боятся проявить себя в чем-либо, что может пойти вразрез с интересами правительства, так как в последнее время заметна тенденция правительства к максимальному сокращению греческой колонии в Египте (что подтверждается и разговорами всех представителей духовенства, которые говорили, что большая эмиграция из Египта происходит в Австралию, Аргентину и Бразилию, где для греков более приемлемые условия жизни и торговли, поскольку большинство греческого населения занимается торговлей). Представители Александрийской церкви, расположенные в других государствах Африки, сказал Митрополит Киприан, как он думает, смогут принять участие в Пражской мирной конференции, но для этого им необходимо получить приглашение не только через свой Синод, но и непосредственно. Синод находится в Египте. Поэтому решение Синода будет в какой-то степени зависеть от египетского правительства. Второй вопрос, который может смущать приглашенных на Пражскую мирную конференцию, — это финансовый вопрос, вопрос оплаты проездных билетов и пребывания в Праге.

Что касается Всеправославного совещания на острове Родос, то Александрийская церковь считает, что собрать его весьма полезно. В отношении всех деятелей этого созыва духовенство Александрийского патриархата реагировало пассивно. Можно предположить, что в этом вопросе часть из них, например, митрополит Парфений Карфагенский, будет придерживаться курса Патриарха Афинагора, если этот курс совпадет с курсом греческого правительства. Все считают Митрополита Парфения проводником политики греческого правительства в Александрийском

патриархате и основным лицом, которое поддерживает постоянную связь с греческим посольством и консульством в Египте. Другая часть духовенства к этому настроена весьма безразлично и поэтому может занимать или положительную позицию преемника к остальным, или, при соответствующем к нему подходе, отрицательную позицию.

Среди большинства митрополитов и духовенства особого интереса к деятельности Всемирного Совета Церквей не наблюдалось. Но на Генеральную Ассамблею Всемирного Совета Церквей в Нью-Дели посылка делегации предполагается. В ее составе, несомненно, будет митрополит Парфений Карфагенский, который об этом неоднократно говорил.

В отношении вопросов защиты мира Александрийская церковь была согласна с мнениями Русской церкви. Но, надо полагать, в этом вопросе она опять-таки будет в какой-то степени отражать мнение египетского правительства.

Вопросами болгарской, польской, албанской и чехословацкой церквей Александрийская церковь не интересуется совсем, предоставляя в этом отношении все дело Константинопольскому Патриарху.

Относительно приезда в Советский Союз разных церковных делегаций из Александрийской церкви (митрополитов и других деятелей) патриарх Христофор ответил благожелательно, сказав, что он сам очень бы хотел поехать в Одессу, чтобы там пожить и полечиться.

В Александрии произошла встреча Патриарха Алексия с Патриархом Коптским Кириллом. Патриарх Кирилл очень сердечно и, можно быть уверенным, вполне искренно приветствовал Патриарха Алексия. Он ответил на приглашение прибыть в Советский Союз в 1961 году. Вообще Коптская церковь (духовенство и верующие) очень сердечно приветствовала нашу делегацию, когда бы с ней ни встречались. Из разных бесед было услышано мнение, что Коптская церковь заинтересована в близких отношениях с Русской Православной Церковью, Коптская церковь стремится к православию, но политика правительства ОАР не дает возможности ей вступить в близкие и непосредственные отношения с Александрийской Патриархией. Несколько лет тому назад был момент, когда Коптская и Александрийская церкви почти договорились о присоединении Коптской церкви к православию, но правительство предложило оставить всё как есть в настоящее время. В Коптской церкви есть деятели, которые активно участвуют и стремятся участвовать в экуменическом движении. В отношении католической церкви о таких энтузиастах нам ничего не стало известно за время нашего пребывания в Александрии и Каире.

Приблизительно за месяц до нашего прибытия в Александрию коптский патриарх Кирилл перенес свою резиденцию из Каира, где коптский патриарх пребывал в течение многих веков, в Александрию. Такой переезд не совсем понятен. Имеются два мнения по этому вопросу. Первое — коптский

патриарх вынужден был переехать в Александрию для того, чтобы он был оторван от основной массы коптского населения, которая проживает в Каире. Тем самым будет ослаблена коптская община. Другое мнение — этот переезд в Александрию является противопоставлением коптов грекам в Александрийской церкви. Греческая колония ослабляется в Александрии ввиду отъезда греков за границу. С другой стороны, коптская церковь в Александрии усиливается прибытием туда Патриарха, уроженца Египта, находящегося в абсолютной зависимости от арабского правительства.

Из бесед с Митрополитом Восточной Африки Николаем, Митрополитом Ганы Евстафием и Митрополитом из Конго Киприаном выяснилось, что среди местного африканского населения имеются большие симпатии к православию. Александрийская церковь активно не участвует в обращении негров в православие. В Уганде в настоящее время насчитывается более 30 000 православных. Для православных необходимы храмы, богослужебные предметы и т.д. Все это Александрийская церковь не дает, а без соответствующей материальной помощи негры, желающие принять православие, несколько охлаждаются в своем желании. Говорят, что, если поддержат православные миссии в африканских странах, то это даст большой результат. Стремление негров к православию вызвано тем, что православная церковь в политическом отношении ничем себя не запятнала в их представлении, чего они не могут сказать ни в отношении католической, ни в отношении протестантской церквей, которые были тесно связаны с колонизаторами в этих странах.

С 29 ноября по 2 декабря делегация была в Каире. Греческая и арабская православные общины приветствовали Патриарха и всю делегацию более сердечно, чем это было в Александрии. В отношении гражданских властей было наоборот: самое дружелюбное и внимательное отношение — в Александрии и почти отсутствие такового — в Каире. За время пребывания в Египетском районе ОАР все выступления Патриарха и членов делегации, в которых выражались мысли о необходимости мира, взаимопонимания и сплоченности людей по всем вопросам современности, приветствовались слушателями. Эти мысли поддерживались и в ответных речах.

2 декабря Патриарх Алексей с делегацией прибыл в Дамаск. В Дамаском аэропорту была устроена триумфальная встреча, было множество духовенства и народа. Гражданскую власть представлял министр финансов, православный по вероисповеданию, и другие правительственные чиновники высшего ранга. Вечером того же дня Патриарх со всей свитой прибыл в Патриарший кафедральный собор. Множество народа восторженно приветствовали его. Беседы с Патриархом Феодосием носили более непосредственный характер, несмотря на то, что большинство духовенства и многие рядовые верующие неслестно отзываются о Патриархе Феодосии, как стороннике эллинизма, а не русского влияния. С его стороны было

предпринято все, чтобы показать, что он очень рад приезду высокого гостя. За все время пребывания делегации в Дамаске нельзя было найти ни одного пункта, который в какой-либо степени мог бы положить тень на Патриарха Феодосия со стороны Русской Православной Церкви; так он старался проявить себя любезным хозяином и другом нашей церкви. Он охотно согласился на подписание коммюнике. Но когда Патриарх Алексей вручил ему текст коммюнике и сказал, чтобы все, что касается католичества и политики, было исключено из этого текста, Феодосий охотно это сделал, исключив из текста даже пункт о колониализме, выступление против которого является одним из основных пунктов политики *Насера*. Такое предложение Патриарха Алексея было весьма неожиданным для делегации, и этот шаг, по нашему убеждению, является результатом влияния его личного секретаря. При дальнейшем следовании, при встречах с другими патриархами чувствовалось то же отрицательное влияние секретаря, желавшего, чтобы не проводились беседы по политическим вопросам, предусмотренным инструкцией, утвержденной самим же патриархом. В предварительных беседах перед встречами с главами церквей и видными деятелями очень часто, как и во время бесед, личный секретарь от имени Патриарха и при его молчании проводил эту линию. В частных беседах он также неоднократно высказывался, что мы не должны касаться никаких политических вопросов, в этом будет наш больший успех.

Патриарх Алексей имел беседу с Патриархом Феодосием в присутствии митрополитов Антиохийской церкви о замещении Триполийской митрополии епископом Василием Самахой. Во время этой беседы Патриарх Алексей был пассивен, а Патриарх Феодосий активно выступал против личности Самахи. По этому вопросу договоренности достигнуто не было, кроме общих заявлений Патриарха Феодосия, что в основном против назначения Епископа Самахи Триполийским Митрополитом он ничего не имеет против. Эта беседа состоялась по просьбе ряда митрополитов Антиохийской церкви, поддерживающих епископа Василия. Все они являются сторонниками русской ориентации.

О Пражской мирной конференции Патриарх Алексей с Патриархом Феодосием беседовать не стал. Феодосий пригласил к себе для беседы епископа Никодима. Патриарха Феодосия интересовали вопросы материальной помощи от Русской Православной Церкви. На этой беседе со стороны Русской Православной Церкви присутствовали, кроме епископа Никодима, протоиерей Статов, секретарь представительства Московской Патриархии в Дамаске Анфиногенов и новый секретарь представительства Козлов. Патриарху Феодосию был задан ряд вопросов о его позиции по пунктам, интересующим Русскую Православную Церковь. В отношении Всеправославного совещания на острове Родос Патриарх Феодосий высказал приемлемую для Русской Православной Церкви точку зрения, что ввиду

важности вопроса необходима тщательная подготовка к этому мероприятию. В самом совещании должны принять участие непременно все православные церкви, включая сюда патриархат болгарский и автокефальные церкви — польскую, албанскую и чехословацкую, которые признаются Антиохийской церковью, так же как и Русской. Относительно подготовки совещания Патриарх Феодосий сказал, что считает, что другие церкви должны принять участие в ней. Особенно необходимо, чтобы участие в подготовке к совещанию приняла Русская Православная Церковь. Относительно участия в подготовке остальных церквей он высказался несколько неопределенно, но в принципе им исключалась подготовка Всеправославного совещания одной Константинопольской церковью.

Здесь необходимо привести некоторые мнения, слышанные в Дамаске и Бейруте, о позиции Патриарха Феодосия к этому совещанию в течение прошлого года. Говорили, что решение о созыве Всеправославного совещания Патриарх Афинагор принял и опубликовал за некоторое время до переворота в Турции. После этого переворота положение Патриарха Афинагора стало щекотливым. Турецкое правительство не разрешало выезда греческого духовенства за пределы Турции. С одной стороны, получался срыв этого совещания из-за невозможности выехать представителям Константинопольской церкви на Родос. С другой стороны, если бы Патриарх Афинагор заявил, что он не имеет возможности выехать сам или послать своих представителей из-за отсутствия разрешения со стороны турецких властей. Этим самым он навлек бы на себя недовольство со стороны турецкого правительства. Чтобы спасти престиж Константинопольского Патриарха, через греческие дипломатические каналы было дано соответствующее указание Антиохийскому Патриарху Феодосию и архиепископу Афинскому Феоклиту, чтобы они высказались против созыва совещания в сентябре прошлого года, мотивируя это серьезностью вопроса и необходимостью подготовки. Результатом этого указания были соответствующие письма Феодосия и Феоклита в Константинополь и решение Патриарха Афинагора «по просьбе некоторых церквей отложить это совещание на некоторое время».

На вопрос, как относится Патриарх Феодосий и Антиохийская церковь к предстоящему собору католической церкви, Патриарх Феодосий энергично ответил: «Они против всего, что связано с католической церковью, и о каком-либо сближении не может быть и речи». На Всехристианский Пражский конгресс в защиту мира Патриарх Феодосий обещал направить соответствующую делегацию. Митрополиты Антиохийской церкви также очень активно поддерживали идею созыва конгресса. Патриарх Феодосий только намекнул, что на расходы по этой поездке будет оказана соответствующая помощь. Митрополиты вполне согласились, и Патриарх не возражал против любого количества представителей Антиохийской церкви.

На приезд в СССР все деятели Антиохийской церкви, начиная от Патриарха, смотрят вполне положительно, и можно быть уверенным, что они приедут в любое время, когда поступит соответствующее официальное приглашение.

В отношении Всемирного Совета Церквей Антиохийская церковь весьма пассивна, хотя против него не приходилось слышать никаких высказываний.

По вопросам современности — защита мира и др. — Патриарх Феодосий и другие деятели Антиохийской церкви вполне согласились с мнением Русской Православной Церкви. Единственно, против чего активно возражал Патриарх Феодосий, — это заявление о всеобщем разоружении. Он говорил, что поддерживать разоружение он не может ввиду того, что это не соответствует политике Объединенной Арабской Республики, поскольку она окружена врагами. Доводы о том, что это разоружение должно быть всеобщим и полным, до него или не доходит, или он не принимал их во внимание.

Во время беседы епископа Никодима с Патриархом Феодосием, последний не очень охотно согласился на включение в коммюнике пункта об осуждении колониализма. Несмотря на то, что ему было сказано, что против колониализма выступает всегда президент ОАР *Насер*, Патриарх Феодосий согласился включить этот пункт под известным давлением.

К русскому зарубежному расколу Патриарх Феодосий относится не совсем ясно. Так, он уговаривал Митрополита Бейрутского Илью Салиби не выступать против Карловацкого прихода, имеющегося в Бейруте. В беседе с Патриархом Алексием Патриарх Феодосий обещал дать указание митрополиту Нью-Йоркскому Антонио Баширу о нежелательности совершения богослужений совместно с духовенством Леонтьевского округа.

Со стороны гражданских властей было оказано соответствующее внимание, и министр финансов, представляющий в то время главу правительства Сирийского района ОАР, который отсутствовал в Дамаске, устраивал для Патриарха Алексия обед и присутствовал на всех приемах, которые давались в честь Патриарха Алексия.

Представители высшего мусульманского духовенства также очень дружелюбно восприняли этот приезд Патриарха Алексия. Они приветствовали Патриарха Алексия и присутствовали на ряде приемов. Пресса Объединенной Арабской Республики широко и доброжелательно комментировала пребывание делегации и ее переговоры. Недоброжелательных высказываний не отмечалось.

9 декабря Патриарх Алексий из Дамаска направился в Бейрут. Со стороны гражданских властей Ливана было проявлено максимум внимания к Патриарху и делегации, как при встрече, так и во все время пребывания в Ливане. При встрече и при проходах Алексия был выставлен почетный воинский караул, встречали и провожали премьер-министр и другие министры правительства. Чувствовалось как бы преднамеренное желание

ливанского правительства подчеркнуть свое более благожелательное отношение к церкви, чем отношение властей ОАР, хотя в Дамаске Патриарх был принят торжественно.

В Ливане во все время пребывания Патриарха ежедневно были радио- и иногда телепередачи о пребывании Патриарха Алексия. Накануне отлета из Ливана Патриарх и часть делегации были награждены ливанскими государственными орденами.

От имени больного президента Ливана Шехаба в его официальной резиденции в честь Патриарха Алексия был устроен обед премьер-министром. Патриарх с духовенством делегации совершил 11 декабря богослужение в Бейрутском православном соборе. В тот же день в торжественной обстановке с участием премьер-министра и ряда министров Патриарх Алексей заложил первый камень нового корпуса православной больницы, медицинского оборудования которой будет дано Московской Патриархией. Во время приветственных речей и выступлений отмечались традиционные связи Ливана с Россией, народ и правительство которой ведут в настоящее время большую деятельность в пользу мира во всем мире. Эти выступления были в большей степени, чем в ОАР.

Часть делегации познакомилась в Ливане с руководством так называемого Движения православной молодежи Сирии и Ливана. Это движение тесно связано со Всеправославной организацией Синдесмус. Руководство этого движения высказало большое желание посетить Советский Союз и непосредственно познакомиться с жизнью Русской Православной Церкви. Представители этого движения относились к членам делегации весьма сердечно. Также сердечно они принимали группу молодых, членов делегации у себя, в своем центральном клубе, где собралось много молодежи. Это движение имеет свои филиалы, помимо Бейрута, в Триполи, Алеппо и Дамаске, где большинство православной молодежи примыкает к движению. Митрополиты этих епархий не весьма благожелательно относятся к движению, но каждого в отдельности из главных деятелей этого движения расценивают положительно. Руководители молодежного движения Альбер Лахам, архимандрит Игнатий Хазим, священник Жорж Ходор и другие говорили, что о них распространяются неверные слухи и представления, что они не являются друзьями Русской Православной Церкви и, якобы, не стоят за близкие с ней отношения. Они уверяли, что этого ничего нет. Единственный пункт, который они не поддерживают и который, по их мнению, поддерживает Русская Православная Церковь, — это назначение епископа Василия Самахи Митрополитом Триполийским. Они дают отрицательную характеристику епископу Василию Самахи, как личности. К сожалению, их оценка личной жизни епископа Василия Самахи вполне подтверждается. Обстоятельством, которое может выдвигаться против руководителей этого движения, является то, что Альбер Лахам является

главным адвокатом в одной американской компании, а архимандрит Хазим и священник Ходор учились в русском Сергиевском подворье в Париже (Константинопольский экзархат).

Митрополит Салиби устроил вне программы встречу в своей резиденции Патриарха Алексия и бывшего президента Шамуна. Беседа велась на французском языке, и оба собеседника остались довольны друг другом, как можно было видеть по их прощанию и по последующим отзывам Патриарха Алексия. Шамун пользуется, видимо, авторитетом, поскольку его появление в митрополии и уход сопровождались аплодисментами присутствующих.

В Ливане турецкий посол выдал выездные визы и высказался о том, что приезд будет благожелательным и делегации будет оказан соответствующий прием, что и подтвердилось.

15 декабря делегация прибыла в Иорданию. Можно полагать, что исключительно большое внимание общественности, религиозных и правительственных кругов арабских стран оказали свое влияние на иорданское правительство, которое неожиданно после отказа выдало визы на въезд делегации в страну. В Иерусалимском порту Патриарха Алексия встречали духовенство, губернаторы Иерусалима и начальник полиции. При въезде в город Патриарха Алексия торжественно встретил Патриарх Бенедикт со всем Синодом, многочисленным духовенством и главами христианских общин, находящимися в Иерусалиме. Патриарх Бенедикт был исключительно внимателен и любезен к Патриарху и всей делегации. Он неоднократно говорил, что ему хочется сделать все, чтобы пребывание Патриарха Алексия и всей делегации было приятным и оставило бы хорошие воспоминания.

Иорданскими властями была предоставлена полная свобода передвижения делегации и разрешено начальнику Русской Духовной Миссии из Израиля прибыть в Иорданию для встречи Патриарха и быть там, в течение 4 дней. Патриарх Бенедикт разрешил духовенству делегации служить везде, где оно пожелает, кроме Карловацких храмов и монастырей, которые он просил вообще не посещать, говоря, что так будет лучше.

Патриарх Бенедикт отклонил подписание коммюнике, сказав, что подписание любого коммюнике будет для него неблагоприятным, а приезд патриарха и делегации произвел в иорданских правительственных кругах благоприятное впечатление, и он не хочет это благоприятное впечатление портить. Но он обещал пребывание патриарха и то, что беседы были в духе братской любви и взаимопонимания, отразить в печати со своей стороны.

Король Иордании Хусейн пожелал принять Патриарха Алексия. Прием состоялся 17 декабря. Прием был непродолжительный, но король был любезен и подарил Патриарху свой портрет с автографом. Патриарх Алексей вручил Хусейну орден святого Владимира первой степени. Несколько позже губернатор Иерусалима от имени короля Хусейна вручил Патриарху

ценный подарок. После приема у короля, Патриарх и сопровождающие его лица (Патриарх не захотел взять для поездки в Амман всю делегацию) нанесли визит премьер-министру Иордании Тальхуни, который в весьма любезных словах сказал, что он рад приветствовать главу русской церкви и, если когда-либо Патриарх пожелает снова посетить Святую Землю, визы ему будут выдаваться беспрепятственно. Во время приема премьер-министр также особо отметил, что он надеется, что визит такой делегации в Иорданию послужит началом разрешения и других наших вопросов. При встрече с губернаторами и начальником полиции особо отмечалось любезное и внимательное отношение, и подчеркивалась плодотворная деятельность с нашей стороны в пользу мира. Губернатор заверил, что представителям Русской церкви, как он надеется, всегда будут даваться визы для посещения святых мест Иордании, а также и паломникам.

О Всеправославном совещании Всехристианского конгресса в Праге и об отношении к католикам Патриарх Алексий не говорил с Патриархом Венедиктом. Частный обмен мнениями по этим вопросам епископа Никодима и Патриарха Венедикта выявил позицию Патриарха Венедикта, которая заключается в положительном отношении к Пражской мирной конференции вообще, но практически можно весьма сомневаться, чтобы Иерусалимская церковь приняла участие во Всехристианском конгрессе в Праге.

Относительно решения вопросов о болгарском патриархате и польской, албанской и чехословацкой церквях Патриарх Венедикт высказал свое решительное мнение, что этот вопрос должен быть решен в самое ближайшее время и только положительно, хотя самое урегулирование этих вопросов со стороны Иерусалимской церкви он ставил в некоторую зависимость от окончательного решения этих вопросов Константинопольским патриархом. *Патриарх Венедикт считает, что всеправославное совещание положительно и созвать его нужно, но его надо тщательно подготовить всем церквям.* Против предварительного съезда представителей разных церквей на Родосе, который будет только ознакомительным и не должен выносить никаких решений, Патриарх Венедикт не возражает, хотя и не высказал мысли, что он особенно необходим.

По отношению к католической церкви Патриарх Венедикт высказывался отрицательно, говоря, что принимать участие в чем-либо, организуемом католической церковью для всего христианства, православным не следует, хотя не следует открыто отмежевываться от католической церкви. В вопросах сношения с инославными христианами (католиками и протестантами) Патриарх Венедикт считает, что нужно быть очень осторожными, чтобы чем-либо не повредить престижу православной церкви в целом.

Несколько сдержанно Патриарх Венедикт говорил и в отношении Всемирного Совета Церквей. Что православные там выступают, он считает положительным. Что некоторые православные церкви активно сотрудничают

там — для него это не является необходимым, поскольку еще много вопросов между православными остается нерешенным и православие во Всемирном Совете Церквей не является чем-то монолитным. Сотрудничество со Всемирным Советом Церквей он считает все же полезным. Но для Иерусалимской церкви, говорит он, нет никакой необходимости активно работать в этой организации. По мнению Патриарха Венедикта, для всех православных церквей во Всемирном Совете Церквей вполне достаточно одного представителя. Но он не исключает и нескольких представителей православных церквей, если какие-либо церкви желают этого.

Патриарх Венедикт положительно отозвался на приглашение Патриарха Алексия посетить Москву и выразил надежду, что в предстоящее лето ему удастся осуществить это его большое желание. Что это желание искреннее — вряд ли можно сомневаться.

Патриарх Венедикт вхож в высшие правительственные круги и к королю, пользуется покровительством последнего. К Русской Православной Церкви, как кажется, он настроен вполне благожелательно, с самым хорошим чувством. В частных высказываниях он отмечал, что Русской Православной Церкви в ее стремлении к сближению с другими православными церквями сможет противодействовать Римская католическая церковь. Патриарх Венедикт и другие представители духовенства Иерусалимского патриархата говорили, что если бы не существующее политическое положение в Иордании и отношения с Советским Союзом, то Русская Православная Церковь и Иерусалимская церковь активно работали бы вместе.

Находясь в Иордании и учитывая, что арабские страны положительно отнеслись к пребыванию Патриарха Алексия с делегацией в их странах, часть делегации посетила Израиль. Делегации в Израиле был оказан радушный прием, но власти были разочарованы кратковременным пребыванием этой делегации и тем, что Патриарх по так называемой «дипломатической болезни» не смог прибыть в Израиль, чему они придавали большое значение, предполагая устройство торжественной встречи Патриарху и приема у президента и премьер-министра. Полагаем, что такие планы израильтян исходили из желания в какой-то мере ослабить впечатление приемом в арабских странах.

23 декабря делегация прибыла в Константинополь. На аэродроме и в Патриаршем соборе она была торжественно встречена. Патриарх Афинагор встретил Патриарха Алексия и делегацию радушно, но, как показалось, несколько настороженно и выжидательно. Дальнейшие встречи и беседы показали, что Патриарх Афинагор даже как бы заискивающе относится к Русской Православной Церкви. Можно не сомневаться, что это является результатом его желания, чтобы Русская Православная Церковь приняла участие во Всеправославном совещании на острове Родос, инициатором которого является он сам. Патриарх и делегация были любезно

приняты губернатором Стамбула, который высказал пожелание, чтобы у делегации осталось глубокое впечатление, и высказал сожаление кратковременностью пребывания делегации в Стамбуле.

Патриарх Афинагор пожелал нанести визит Патриарху Алексию, что последний сначала хотел отклонить. Но Патриарх Афинагор через своих митрополитов настойчиво добивался и добился положительного ответа. Во время визита никаких практических разговоров и вопросов не поднималось. Патриархи достигли согласия 25 декабря, вечером, встретиться и побеседовать по интересующим вопросам. Встреча состоялась, и Патриарх Алексий дал свое указание, чтобы епископ Никодим говорил о тех вопросах, которые интересуют Русскую Православную Церковь. Ответы Патриарха Афинагора были следующими. О ликвидации так называемого русского экзархата в Западной Европе Патриарх Афинагор стал высказываться туманно, говоря, что он хочет и предпринимает меры к тому, чтобы вся русская эмиграция находилась в духовном ведении Московского Патриарха. Никаких конкретных предложений или сообщений при этом не было сделано. Патриарх Алексий предложил создать Комиссию в Константинопольском Синоде для обсуждения этого вопроса, на что Патриарх Афинагор сразу согласился. Епископ Никодим сказал, что и Русская церковь со своей стороны создаст такую же Комиссию и образованная смешанная комиссия должна начать свою работу до начала Великого поста и ни в коем случае не позже Пасхи (13 марта).

Патриарх Афинагор очень неопределенно отвечал на вопрос о том, что в составе его Церкви продолжают незаконно числиться архиепископия Таллинская, митрополия Рижская и православная церковь Венгрии. Из его слов можно было понять, что как будто бы он не представляет себе, в чем дело. В конце концов, он попросил Патриарха Алексия написать ему по этому вопросу, и тогда он с Синодом примет решение. На это Патриарх Алексий дал свое согласие. Патриарх Афинагор сказал, что вопрос признания болгарского патриарха является насущным вопросом, и он стоит у них на повестке дня, но для окончательного его решения нужно, чтобы болгарский патриарх прислал константинопольскому Патриарху свое письмо, где бы снова повторил историю создания Патриархата с высказыванием некоторого сожаления о том, что в 1953 году несколько поспешно был провозглашен Болгарский патриархат. В отношении Албанской и Польской церквей Патриарх Афинагор сказал, что, если главы этих церквей напишут ему сообщение о том, когда и как они избраны на эти посты, он им немедленно ответит признанием.

В отношении провозглашения автокефалии Чехословацкой церкви Патриарх Афинагор сказал, что он очень мало знаком с этим вопросом. Он не знает, когда и как православная церковь Чехословакии перешла в ведение Русской Церкви. Когда ему было все сообщено, то он попросил Патриарха Алексия написать ему и по этому вопросу, обещая рассмотреть этот вопрос на своем Синоде. Патриарх Алексий дал на это согласие.

Накануне по этим же вопросам епископ Никодим вел разговор с председателем Православной комиссии Константинопольского Синода Митрополитом Неокесарийским Хризостомом и дьяконом Константинодисом, являющимся весьма влиятельным лицом во внешней деятельности Константинопольской церкви. Относительно Чехословацкой церкви они оба были упорны и заявляли, что Русская Православная Церковь незаконно дала автокефалию Чехословацкой церкви. С неудовольствием они слушали слова, что Константинопольская церковь неоднократно поступала незаконно в отношении епархии Русской Православной Церкви. Эти вопросы Русской Православной Церковью сейчас ликвидированы (Финляндия и Польша), и Константинопольская церковь должна разобраться в этом деле Чехословацкой церкви, где не было допущено ничего неканонического, и урегулировать этот вопрос.

На вопрос, как Константинопольская церковь представляет себе Всеправославное совещание на Родосе, Патриарх Афинагор много говорил о необходимости этого совещания, но подчеркивал, что это совещание будет только подготовительным, что оно будет своего рода ознакомительным, поможет православным церквям встретиться друг с другом для того, чтобы выяснить вопросы, которые будут поставлены на будущем Всеправославном совещании с участием уже глав церквей. Неофициально пришлось слышать, что Патриарх Афинагор предполагает созвать совещание в конце мая 1961 года. Сам же он сказал, что он предполагает созвать это совещание 25 сентября 1961 года. Вопросы повестки дня Патриарх Афинагор и его окружение старались обходить, говоря, что рассматриваться будут те вопросы, которые были в свое время разосланы православным церквям. Каким образом будет происходить совещание и кто будет приглашен в качестве гостей и наблюдателей, Патриарх Афинагор старался избежать, говоря, что в свое время все будет послано Русской Православной Церкви.

В отношении католической церкви Патриарх Афинагор выражался еще более неопределенно. Он не говорил, что он хочет какого-то сближения с католиками, но он ни разу и не высказался против католической церкви и против Ватикана.

На другой день, после этой беседы один из митрополитов уже на аэродроме сказал епископу Никодиму, что он имеет поручение Патриарха Афинагора передать ему просьбу, чтобы Русская Православная Церковь не высказывалась против католической церкви и против сближений с ней.

Патриарх Алексий сказал, что Католический Собор не состоится ни в 1961, ни в 1962 году.

Патриарх Афинагор обещал не препятствовать, а всегда давать свое разрешение русским паломникам и представителям церкви, желающим посетить Афон. Также положительно высказался Патриарх Афинагор в отношении пополнения русских монастырей на Афоне монахами из СССР.

Он только просил назвать конкретные имена для того, чтобы соответствующим образом оформить это.

Патриарх Афинагор просил Патриарха Алексия, чтобы Русская Православная Церковь стала ближе к экуменическому движению, поскольку это необходимо для пользы православных в целом. Патриарх Афинагор обещал в течение 1961 года прибыть в Москву. В отношении русского зарубежного раскола Патриарх Афинагор снова высказался неопределенно. На просьбу дать необходимые указания митрополиту американскому Иакову о том, чтобы тот не совершал совместных богослужений с округом митрополита Леонтия, конкретного ответа со стороны Патриарха Алексия не последовало, хотя он снова повторял, что он хочет, чтобы вся русская эмиграция была в духовном отношении под главенством Московского Патриарха.

В отношении рукоположения в англиканской церкви Патриарх Афинагор сказал, что их церковь признает таковое как действительное. Патриарх Алексий ответил ему, что наша церковь не признает такового.

Была достигнута договоренность, что каждая церковь — Константинопольская и Русская — выделит своих представителей в Смешанную комиссию, которая разрешит этот вопрос, а также вопрос о старой католической церкви. Участники этой комиссии, в основном богословы из академии с острова Халки, приедут в Москву, где и произойдет заседание этой комиссии.

Греки и часть православного населения в Константинополе с большим вниманием следили за работой делегации, рассматривая Русскую Православную Церковь как силу, могущую в какой-то степени обезопасить их от давления и притеснения турок. Встреча двух патриархов и взаимное награждение произошли впервые за 500 лет и рассматриваются с религиозных кругов как начало близких отношений не только по церковным вопросам, но и по общим вопросам, которые волнуют прогрессивные круги.

На аэродроме перед прощанием председатель Православной комиссии при Синоде митрополит Неокесарийский Хризостом обратился к епископу Никодиму. Он подчеркнул сугубо частный свой вопрос не как официальный представитель Константинопольского Синода. Он спросил: если те вопросы, о которых говорили с Патриархом Афинагором, не будут решены до Всеправославного совещания, то, вероятно, Русская Православная Церковь не приедет на совещание? Епископ Никодим ему на это ответил, что приедет Русская Православная Церковь на совещание или нет, сейчас сказать трудно, так как это будет решать Патриарх с Синодом, но неразрешенные вопросы, о которых патриархи беседовали между собой, безусловно, затронут участие Русской Православной Церкви в Родосском Всеправославном совещании.

26 декабря Патриарх Алексий с делегацией прибыл в Афины. На аэродроме встречали архиепископ Феоклит с членами Синода, был выставлен почетный караул, но представители гражданских властей высоких рангов

отсутствовали. Была встреча и беседа архиепископа Феоклита с Патриархом Алексием. Епископ Никодим ввиду необходимости осуществления программы на этой беседе не присутствовал. Как передавал потом советник посольства Сальнов, беседу вел Патриарх Алексий с активным участием своего личного секретаря. В беседе проводилась линия необсуждения политических вопросов. На приглашение посетить Москву архиепископ Феоклит ответил в принципе согласием, но окончательно свое посещение Москвы, по его словам, он должен утвердить на заседании Священного Синода. Относительно обмена подворьями архиепископ Феоклит обещал рассмотреть этот вопрос на каком-то расширенном заседании Синода в октябре будущего года, которое, видимо, состоится после Родосского совещания. Архиепископ Феоклит обещал содействовать приезду в СССР профессоров и студентов-богословов на основе взаимности. Часть делегации имела встречу с профессорами богословского факультета Афинского университета. На этом собеседовании был затронут вопрос более тесного сотрудничества богословов греческой и русской церквей. На возможность приезда в Советский Союз греческие профессора реагировали сначала очень сдержанно, но в конце разговора они высказали пожелание, если их пригласят, посетить для ознакомления Московскую и Ленинградскую духовные академии. Кроме того, греческими профессорами было высказано пожелание, чтобы Русская Православная Церковь взяла на себя инициативу созыва II Всеправославного богословского конгресса. 1-й конгресс происходил в 1936 году, 2-й должен был произойти в 1939 году в Бухаресте, но из-за начала войны не состоялся.

Во время пребывания делегации в Греции общественность и церковные круги уделяли ей большое внимание. Со стороны же правительственных кругов никакого внимания, кроме почетных караулов, не оказывалось. Даже запись в книге почетных гостей в королевском дворце была организована вне соответствующих достоинству главы церкви условиях — при входе, у самых дверей дворца, где обычно бывают швейцары.

Во всех местах пребывания делегации во избежание неправильного освещения задач делегации епископом Никодимом проводились пресс-конференции. Содержание их ответов помещалось в местных газетах в основном без искажений. Все же нужно отметить, что в высказываниях прессы стран пребывания делегации отмечалась цель её поездки: попытка Русской Православной Церкви противодействовать объединению церквей, находящихся под влиянием Запада, и более активная деятельность за мир во всем мире. Пресса также отмечала, что поездка делегации носит и политический характер. Католическая пресса старалась или замолчать пребывание делегации Русской Православной Церкви или же исказить цели её приезда в страны Ближнего и Среднего Востока.

№ 16. Послание Патриарха Московского и всея Руси Алексия I Патриарху Александрийскому и всея Африки Христофору с выражением благодарности за гостеприимный прием

1961 г.

*Его Блаженству,
Блаженнейшему Христофору,
Папе и Патриарху Александрийскому и всея Африки
Ваше Блаженство,
возлюбленный о Господе Блаженнейший Владыко!*

Господь благословил нам благополучно возвратиться в свой град после посещения Православных Святынь Востока и братских визитов к предстоятелям древнейших Православных Церквей.

Мы приносим сердечную благодарность Вашему возлюбленному Блаженству за гостеприимный прием и братское радушие. Для нас было большой радостью вновь посетить Египет и иметь личное общение с Вами, иерархами, клиром и православным народом Вашей древней Церкви.

С большим удовольствием вспоминаем мы дни, проведенные в Александрии и Каире, и верим, что вопросы, волнующие наши Церкви, о которых мы имели возможность беседовать, получают свое наилучшее разрешение.

Патриарх Алексий.

ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 430. Л. 25. Копия. Машинопись.

¹ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1747. Л. 193–195.

² Там же. Оп. 1. Д. 1844. Л. 5.

³ Там же.

⁴ Куроедов Владимир Алексеевич (1906–1994), советский государственный деятель, председатель Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР в 1960–1965 гг., председатель Совета по делам религий при Совете Министров СССР в 1965–1984 гг.

⁵ Феодосий VI (Абурджели, Абу Ржейли) (1885 (по др. данным 1887, 1889) — 1970), Патриарх Антиохии и всего Востока. Являлся старейшим по посвящению епископом Антиохийской Церкви. Родился 3 марта 1887 г. в Бейруте. Высшее образование получил в колледже братьев Фрер в Бейруте. Духовное образование он получил в православной школе Аль Асийя в Дамаске. С 1912 по 1916 гг. продолжал богословское образование на о. Халки. В 1922 г. был хиротонисан во епископа Тирского и Сидонского, а в 1949 г. переведен на кафедру Триполийскую. В 1958 г. был избран Патриархом Антиохийским и всего Востока с именем Феодосий VI. Владел арабским, французским, турецким, греческим, русским, английским языками; являлся кавалером ливанских, сирийских, греческих и французских орденов.

⁶ Христофор II (1876–1967), Папа и Патриарх Александрийский и всея Африки. В 1904 г. Александрийский Патриарх Фотий возвел его в сан иеромонаха. В 1906 г. становит-

ся протосинкеллом, а в 1908 г. возведен в сан митрополита. 30 декабря 1914 г. избран митрополитом Леонтопольским (Египет). 21 июня 1939 г. Христофор был избран Патриархом Александрийским и всея Африки.

⁷ Венедикт I (Василий Пападопулос) (1892–1980), Патриарх Иерусалимский. Родился в 1892 г. В 1914 г. окончил Иерусалимскую семинарию. 3 декабря 1914 г. принял монашеский постриг с именем Венедикт. С 23 декабря 1918 г. находился на службе в Иерусалимской Патриархии и исполнял обязанности патриаршего протодиакона. В феврале 1929 г. был назначен экзархом Святого Гроба в Афинах. В октябре 1929 г. рукоположен в священники и возведен в сан архимандрита. С 17 февраля 1946 г. — постоянный член Священного Синода. В марте 1951 г. рукоположен в епископа и назначен на Тивериадскую кафедру. 20 января 1950 г. был избран Патриархом Иерусалимским. В 1968 г. по приглашению Патриарха Московского и всея Руси Алексия I принял участие в церковных торжествах в Москве и Троице-Сергиевой Лавре, посвященных 50-летию восстановления Патриаршего престола. Оказывал внимание и поддержку РДМ в Иерусалиме, Горненскому монастырю и другим русским церковным учреждениям в Святой Земле. Скончался в 1980 г. См.: Православная энциклопедия. Т. VII. М., 2009. С. 583–584; Кончина Патриарха Иерусалимского и всей Палестины Венедикта I // ЖМП. 1981. № 5. С. 42–43; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 8. Д. 77. Л. 176–177.

⁸ Кирилл VI (в миру — Азер Иосиф Ата; 1902–1971), 116-й Патриарх Коптской Православной Церкви, возглавлявший её с 10 мая 1959 г. по 9 марта 1971 г.

⁹ Афинагор (1886–1972), Патриарх Константинопольский и Вселенский, один из лидеров экуменического движения XX в. Учился в Богословском училище в Халки с 1903 по 1910 г. В 1910 г. принял постриг и был рукоположен в сан диакона. В начале 1920-х гг. участвовал в процессе создания экуменического движения «Вера и церковное устройство». В 1922 г. избран митрополитом Керкирским и Паксийским (острова Корфу и Праксос), и уже в это время вступил в тесный контакт с римо-католиками и монофизитами, жившими на Корфу. С 1931 по 1948 г. — архиепископ Греческой архиепископии Северной и Южной Америки. В 1948 г. избран Патриархом Константинопольским. Содействовал примирению христианских церквей Востока и Запада. В 1964 г. состоялась его встреча с папой римским Павлом VI в Иерусалиме (первая встреча предстоятелей Православной и Римско-католической церквей с 1439), после чего были отменены взаимные анафемы, существовавшие с 1054 г. Лит.: *Логачев К.* Святейший Афинагор I, Патриарх Константинопольский (некролог) // ЖМП. 1972, № 8. стр. 54–55.

¹⁰ Питирим (Свиридов П.П.; 1887–1963), митрополит Крутицкий и Коломенский. В 1915 г. окончил Саратовскую Духовную семинарию, после Октябрьской революции служил в одном из приходов Саратовской губернии. В 1941 г. хиротонисан во епископа Куйбышевского. С 1943 г. епископ Курский и Белгородский. С февраля 1949 г. — архиепископ. В феврале 1955 г. возведен в сан митрополита. С 21 апреля 1959 г. назначен митрополитом Ленинградским и Ладужским. С 19 сентября 1960 г. — митрополит Крутицкий и Коломенский. Член Священного Синода. Председатель комиссии по межхристианским связям Русской Православной Церкви. Скончался 10 августа 1963 г.

- ¹¹ Никодим (в миру Ротов Борис Георгиевич) (1929–1978), иерарх РПЦ, митрополит Ленинградский и Ладужский, председатель ОВЦС Московской Патриархии. Родился 15 октября 1929 года в дер. Фролово Кораблинского района Рязанской области в семье инженера-землеустроителя. 19 августа 1947 г. принял монашеский постриг, рукоположен в иеродиакона. 20 ноября 1949 г. рукоположен в иеромонаха и назначен настоятелем храма в дер. Давыдово Толбухинского района Ярославской области. Затем служил в храмах Переславля-Залесского, Углича, Ярославля. 25 февраля 1956 г. назначен членом РДМ в Иерусалиме, затем — зам. начальника Миссии. 31 марта 1957 г. возведен в сан игумена. 25 сентября 1957 г. назначен начальником РДМ в Иерусалиме, возведен в сан архимандрита Митрополитом Назаретским и всея Галилеи Исидором по просьбе Патриарха Московского и всея Руси Алексия I. В марте 1959 г. возвратился в Москву, назначен заведующим канцелярией Московской Патриархии. В 1959–1960 гг. — заместитель председателя ОВЦС, в 1960–1972 гг. — председатель ОВЦС Московской Патриархии. 10 июля 1960 г. хиротонисан во епископа Подольского. В 1960–1963 гг. — епископ — архиепископ — митрополит Ярославский. В 1963 г. — митрополит Минский. 9 октября 1963 г. назначен митрополитом Ленинградским и Ладужским. 3 сентября 1974 г. назначен Патриаршим Экзархом Западной Европы. Скончался 3 сентября 1978 г. См.: *Владимир Русак, диакон. Погребение митрополита Никодима (Ротова)* // ЖМП. 1978. № 11. С. 12–16; *Ювеналий (Поляков), митрополит*. Человек Церкви. К 20-летию со дня кончины и 70-летию со дня рождения Высокопреосвященнейшего митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима, Патриаршего Экзарха Западной Европы (1929–1978). М., 1999; *Выдрин И.В.* Митрополит Никодим. Екатеринбург: Полиграфист, 2009; Никодим (Ротов) // Православная энциклопедия. Т. L. М., 2018.
- ¹² Иоанн (Разумов Д.А.) (1898–1990), митрополит Псковский и Порховский. Родился 28 октября 1898 г. в городе Коломне, Московской губернии. С 1916 г. — послушник Смоленско-Зосимовой пустыни при Свято-Троицкой Сергиевой Лавре. 25 ноября 1924 г. рукоположен во иеродиакона епископом Ивано-Вознесенским Августином (Беляевым). С 1928 по 1936 гг. — иеродиакон в Успенском соборе города Каширы. В 1941–1943 гг. проживал в Ульяновске вместе с патриархом Сергием. Служил в Казанском соборе. 1 октября 1942 г. рукоположен во иеромонаха, 8 октября того же года возведен в сан игумена, а 26 октября — в сан архимандрита. Оставался келейником патриарха Сергия до кончины его и первым обнаружил его бездыханным. С 10 августа 1946 г. — наместник Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. 30 ноября 1953 г. хиротонисан во епископа Костромского и Галичского. С 11 ноября 1954 г. — епископ Псковский и Порховский с правом настоятельства в Псково-Печерском монастыре. В марте 1959 г. назначен епископом Берлинским и Германским, временно управляющим Псковской епархией. 25 февраля 1962 г. возведен в сан архиепископа. В 1967 г. с группой паломников Русской Православной Церкви посетил Святую Землю. 9 сентября 1972 г. возведен в сан митрополита. Скончался 13 января 1990 г.
- ¹³ Ружицкий Константин Иванович (1888–1964), протонерей, профессор, ректор Московской духовной академии. Родился 29 марта 1888 в селе Мальчицы Волынской губернии

в семье псаломщика. В 1916 г. окончил Московскую духовную академию со степенью кандидата богословия, рукоположен в сан священника. С 1916 по 1919 год был законоучителем и преподавателем латинского языка в средних учебных заведениях города Славянска Харьковской губернии. После Октябрьского переворота вел активную борьбу с живогерцами. С 1941 по 1943 год служил настоятелем в Троицком соборе города Славянска. Во время оккупации Славянска немецкими войсками отец Константин вместе с отцом Александром Базилевичем оказывали помощь подпольным госпиталям, где лечили раненых советских воинов, а затем снабжали их документами и переправляли через линию фронта или к партизанам.

В 1943 г. в связи с освобождением Славянска Красной армией, протонерей Константин был переведен в Киев. С 1945 года — управляющий делами Патриаршего Экзархата Украины, настоятель кафедрального Владимирского собора в Киеве. С 1948 по 1949 год преподавал греческий язык и психологию в Киевской духовной семинарии. С 1951 года — ректор Московских духовных академии и семинарии. С 1960 по 1964 год — председатель Учебного комитета при Священном Синоде. 14 октября 1964 года возведен в степень доктора богословия «за совокупность его учёных трудов», в ознаменование 150-летия пребывания Московской духовной академии в Троице-Сергиевой лавре. Скончался 18 ноября 1964 года.

- ¹⁴ Успенский Николай Дмитриевич (1900–1987), заслуженный профессор Ленинградской духовной академии, литургист, музыковед. Родился 3 января 1900 г. в погосте Поле Демянского уезда Новгородской губернии в семье священника. Начальное образование получил в местной земской школе, по окончании которой поступил в духовное училище в г. Старая Русса и затем — в Новгородскую духовную семинарию. С 1920 по 1922 год служил в Красной армии. С 1922 по 1925 год учился в Петроградском Богословском институте. Одновременно был регентом хора в храме своего отца в Окуловке Новгородской области. В 1925–1928 гг. — профессорский стипендиат Высших Богословских курсов в Петрограде, с сентября 1927 по август 1928 г. — секретарь Совета курсов. В 1932 г. поступил в Ленинградскую государственную консерваторию, которую окончил в 1937 г. по историко-теоретическому факультету с квалификацией музыковеда. В 1937–1939 годах — помощник директора курсов музыкального образования им. Н.А. Римского-Корсакова, с сентября 1938 г. — преподаватель полифонии, в 1939–1940 годах — помощник директора музыкального педагогического училища. Во время Великой Отечественной войны принимал участие в защите осажденного Ленинграда. В 1941 году был тяжело контужен. С 1941 по 25 августа 1942 года — директор и регент Троице-Измайловского, затем Князь-Владимирского соборов в Ленинграде. В 1942 - 1946 годах — регент Николо-Богоявленского кафедрального собора Ленинграда. С 1944 по 13 сентября 1954 года вел в консерватории специальные курсы теоретических дисциплин на дирижерско-хоровом и теоретико-композиторском факультетах. 28 декабря 1946 года удостоен степени кандидата искусствоведения за работу «Лады русского Севера». 31 января — 2 февраля 1945 года участвовал в работе Поместного Собора Русской Православной Церкви от Ленинградской епархии. С 1 сентября 1946 года — доцент кафедры литургики Ленинградской духовной

- академии, преподаватель литургики и церковного устава Ленинградской духовной семинарии. С 12 июня 1947 года — профессор. В 1956–1958 годах был членом богослужебно-календарной комиссии при Священном Синоде, где деятельно трудился над изданием «Богослужебных указаний». Являлся членом редколлегии «Богословских трудов» с самого начала их издания, членом Международной комиссии издания памятников славянской музыки при Международном комитете славистов. Скончался 23 июля 1987 г.
- ¹⁵ Статов Павел Константинович (1906–1982), протоиерей. 1933–1947 служил на приходе в Одесской епархии. В 1954–1957 настоятель Вознесенского собора в Западном Берлине, затем секретарь Кишиневского епархиального управления. В 1960 настоятель Патриаршего подворья в Бейруте. 1967 секретарь Кишиневского епархиального управления.
- ¹⁶ Постановление ЦК КПСС было принято 21 ноября 1960 г. (пр. № 168 параграф 10) от 21/XI-60 г. В пункте 3 постановления поручалось Министерству финансов СССР «выделить необходимую валюту для покрытия расходов указанной делегации в обмен на советские деньги за счет средств Московской Патриархии». См.: *ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1747. Л. 195.*
- ¹⁷ Вычеркнуто В.А. Куроедовым «на благо и во славу всемирного православия» — Куроедов, 14.XII.60 г.
- ¹⁸ Вычеркнуто В.А. Куроедовым «ибо господь призвал к миру не только христиан, но и весь род человеческий» — Куроедов, 14.XII.60 г.
- ¹⁹ Президент Шехаб принадлежит к маронитской секте католичества.
- ²⁰ Это обстоятельство публично признал митрополит Горного Ливана Илья Карам. Приветствуя Патриарха Алексия в своей резиденции 14 декабря, Илья Карам заявил: В прошлом верующие Ливана взирали на Москву как на оплот Православия. Ныне же Москва стала для них также и знаменосцем мира и дружбы между народами. Призывы Патриарха Московского и всея Руси к миру и дружбе нашли в наших сердцах самый горячий отклик.
- ²¹ Отточие документа.
- ²² Эта статья была полностью перепечатана проегипетским еженедельником «Аль-Хавадис». По мнению местных прогрессивных журналистов, она была сфабрикована насеровской пропагандой, которая, опасаясь роста симпатий к русскому народу в этом районе и, принимает контрмеры.
- ²³ Отточие документа.
- ²⁴ Отточие документа.
- ²⁵ Союз Православной молодежи в Ливане основан в марте 1942 г. группой студентов с целью возрождения духовной жизни Антиохийской Патриархии. Одним из первых шагов в его деятельности стало изучение Св. Писания, творений Св. Отцов, Богослужения и регулярные посещения церковных служб и Св. Причастия. Движение насчитывало 5 центров и около 30 филиалов в городах и селах Сирии и Ливана. Деятельность Союза носила разнообразный характер. Его члены издавали журналы «Свет» (Аль Нур) и «Призыв к Свету» (Нида ан Нур), а также богословскую лите-

- ратуру на арабском и французском языках. Силами членов Союза были созданы два монастыря: женский в Триполи и мужской в Бейруте. Регулярно проводились молитвенные собрания в храмах; устраивались семинары по обсуждению вопросов христианской нравственности; велась работа с детьми; организовывались приходские школы, церковные хоры, библиотеки и клубы; велась благотворительность (строительство амбулатории с пропускной способностью 100 чел. в месяц, раздача нуждающимся одежды, денег и продуктов, трудоустройство безработных). Союз занимался широкой миссионерской деятельностью, установлением связей с другими православными организациями, проведением регулярных молодежных съездов. См.: *Александр Трубников. Ближний Восток — колыбель Православия. Нью-Йорк: Издание Представительства Российских Эмигрантов в Америке, 1964. С.27.*
- ²⁶ Опресно́ки (др.-греч. ὄψρια; ст.-слав. опръсно́ки), 1) неквашенный, пресный хлеб; хлеб, приготовленный на основе бездрожжевого теста; 2) хлебные изделия, приготовлявшиеся иудеями на основе бездрожжевого теста к празднику опресноков. См.: Православный портал «Азбука веры» azbyka.ru/opresnoki.

НИКОЛАЙ ВТОРОЙ И БАРИ

М. Г. Талалай

Осенью 1892 г. произошло внешне неприметное, но значительное для русско-итальянских отношений событие: к мощам своего небесного покровителя в Бари прибыл наследник российского престола Николай Александрович. Посещение апулийской столицы, по желанию цесаревича, проходило в скромной обстановке — без встреч с городскими властями. Главным стал визит в крипту базилики Сан Никола, где с 1087 г. почитали мощи Мирликийского Чудотворца¹. (Заметим, что *мимо* Бари Николай Александрович проплывал двумя годами ранее, когда из Триеста отправился в большое морское путешествие — до Японии).

Цесаревич, которому тогда было 24 года, оставил свои впечатления в дневнике, который вел практически ежедневно и фрагменты которого мы публикуем впервые:

«28 октября [9 ноября нов. ст.]. Среда. ... В море был штиль и солнце в последний, может быть, раз грело нас. Около 3-х [часов] задул NO², но к вечеру стих. Прочел в один день вторую книжку — продолжение «Ralph Ryder of Brent»³. В 10 час. проходили огни Бриндизи. Лег спать поздно.

29 октября [10 ноября нов. ст.]. Четверг.

В 6 с половиной вошли за мол города Бари и стали на якорь. Сейчас же можно было догадаться, что мы пришли в итальянский порт; у обоих бортов пошел галдеж и подъехавшие музыканты начали петь и играть. Пришлось отплатиться, чтобы они перестали изводить наш слух. Завтракал в 12 час. с частью офицеров с «Донца» и частью с «Эриклика»⁴. Съехал с ними же на берег и поехал с Владимиром Григорьевичем⁵ и консулами в собор «Basilica [San] Nicola», где хранятся мощи Святителя Николая. Нас было 12 человек и по улицам ехала целая вереница экипажей за мною. На ступенях собора меня встретил весь причт с епископом; каждый из них наперерыв совал мне свою руку для здравования. Окруженный ими я вошел в 800-летний

собор и спустился в склеп, где устроен богатый алтарь над ракой моего святого. После короткого молебна мы все один за другим вползали на четвереньках под престол и смотрели в узкую дыру, где внизу на глубине полторы арш. [ок. метра] видны были кости. Я должен сознаться, что остался слегка разочарованный, так как вместо целых мощей, оказалось, что там лежали кости, да и то не все и притом на известной глубине! Приложиться к ним и думать было нечего. Осмотревши ризницу, где я видел несколько древних красивых древних вкладов, мы поднялись и прошли по собору. Затем протиснулись в экипаж и поехали кататься по городу. Их собственно два — старый и новый. Всюду бежали несносные мальчишки, которые горланили вовсю. Вернулись на «Эриклик» в 4 часа. Перед обедом в темноту подъехало четыре шлюпки и в них большой духовой хор, который сыграл массу маршей и два раза подряд свой гимн. После обеда раздавал подарки и фотографии офицерам. Жаль расставаться со своим судном заграницей — все-таки кусочек родины!»⁶

Как мы видим, Николай Александрович остался несколько «разочарованным» из-за невозможности приложиться к мощам — об этом чувстве писали и другие паломники, начиная с Василия Григоровича-Барского (1727)⁷. О посещении базилики, почти теми же словами, цесаревич сообщал в письме своему отцу, Императору Александру III:

«В Бари я ездил в базилику и поклонился мощам моего Угодника со всеми офицерами. Приложиться не удалось, так как мощи покоятся под серебряной ракой на глубине 2-х аршин приблизительно, и видеть можно одни кости сквозь узкую дыру в земле. Для меня это было разочарованием, потому что у нас привыкли к цельным мощам, выставленным удобно для поклонения. А в Бари влезаешь на четвереньках под престол и при свете одной лампы с трудом разбираешь, что представляется глазам»⁸.

После посещения крипты (которую Николай Александрович назвал «склепом»), он поставил свою подпись в книге посетителей, которую вели монахи базилики. Похоже, что ради этой записи они купили новую книгу: подпись *Николай* открывает ее первую страницу. Он также передал щедрое пожертвование — на выкладку нового настила в крипте (во время реставрационных работ 1950-х гг. он, к сожалению, был удален).

О визите цесаревича в Бари вспоминали долго, как свидетельствует князь Н.Д. Жевахов:

«В сопровождении каноника и встретившегося служителя, кстати сказать, говорящего по-русски, я начал осматривать общий вид церкви Св. Николая и любовался тем восхищением, с которыми они оба, перебивая один другого, рассказывали о посещении храма Государем Императором еще в бытность Его Величества Наследником Цесаревичем и о крупном пожертвовании, принесенном Государем в дар храму Св. Николая.

Великолепный мраморный пол, покрывающий всю площадь храма, составленный из маленьких плит удивительного рисунка, изготовлен на средства Государя, и память об этом щедром даре хранится свято каждым барийцем, считающим своим долгом непременно заявить об этом каждому посетителю храма»⁹.

Вне сомнения, и взойдя на трон, Император Николай II хранил память о посещении «своего святого»: он вспомнил о Бари в 1909 г. во время своего второго посещения Италии, когда в пьемонтском замке Раккониджи обсуждал с королем Виктором-Эманиуилом II перспективы сотрудничества двух стран — одной из тем стала помощь русскому паломничеству к мощам Чудотворца. Воспоминания о барградской святыне у Императора, вне сомнения, всплыли вновь, когда с 1910 г. началось строительство подворья, возглавленное его августейшей свояченицей — Великой Княгиней Елизаветой Федоровной.

Уже её супруг, Великий Князь Сергей Александрович, со свойственной ему целеустремленностью, будучи на посту Председателя ИППО, пытался разрешить проблему с устройством странноприимницы в турецких Мирах. Из-за его трагической гибели в 1905 г. сложный вопрос был оставлен.

Обязанности Председателя Палестинского Общества, как известно, возложила на себя, с Высочайшего соизволения, Великая Княгиня Елизавета Федоровна. Получив извещение о воле монарха, она телеграфировала 14 февраля 1905 г. в Совет ИППО:

«Сердечно утешена милостью Государя поручить мне председательствовать в Императорском Православном Палестинском Обществе. Сподобившись великого счастья поклониться Гробу Господню, я с тех пор сохраняю крепкую любовь и уважение к деятельности Общества. Уповаю, что молитвами моего незабвенного дорогого мужа Господь вразумит меня и поможет в совместной работе с достойными деятелями Общества служить на благо Его высоко-святым целям»¹⁰.

Великая Княгиня считала своей святой обязанностью довести до конца начинания погибшего супруга. И именно Елизавете Федоровне, прославленной как в сане преподобномучениц, принадлежит честь воплощения многовековых чаяний русских паломников. Она решительно присоединилась к идее изменения проекта — в сторону Бари, и одобрила все действия Совета ИППО в этом направлении¹¹.

Уже спустя несколько дней после покупки участка земли в Бари, произведенной эмиссарами ИППО, 2 февраля 1911 г., она, вдохновленная быстрым и успешным развитием событий, пишет Императору Николаю II:

«Посылаю тебе свой доклад по важному вопросу о строительстве в Бари русской церкви и дома для паломников. Конечно, единственный человек, кого, я уверена, святитель Николай желал бы во главе этой святой работы в его честь и ради твоего народа, который любит его больше всех

святых, — это ты, наш Император, имеющий утешение носить в крещении имя святого Николая. Может быть, ты сочтешь возможным поставить на докладе резолюцию, что ты хочешь быть главой комитета. Да почиет на этом предприятии благословение св. Николая, и да станет это умиленное дело благословением и божественной связью между ним и твоим народом и ярким эпизодом твоего царствования — как утешение во многих скорбях, которые тебе приходится нести...

Будь так добр, напиши королю Умберто¹², чтобы он дал согласие и помог в строительстве нашего храма. Он попечитель собора св. Николая в Бари, хотя у папы на него ставропигиальные права.

Участок на сегодняшней день куплен на имя частного лица, очень удобный, рядом с вокзалом, в оливковой роще, и оттуда трамвай идет прямо до базилики — наилучшее местоположение и замечательно дешево. Этот участок даже соориентирован правильно на восток»¹³.

И в самом деле, 12 мая 1911 г. Барградский комитет получил официальное покровительство Николая II, который одним из первых пожертвовал средства на подворье (10 тыс. руб.). На докладе о барградском деле в тот день Император написал: «Согласен. Принимаю под свое покровительство». Также и Елизавета Федоровна передала в Барградский фонд свой личный вклад (3 тыс. руб.) Самой Великой Княгине не удалось побывать в Бари, но она заложила первый камень Барградского храма в Санкт-Петербурге (вместе с митрополитом Санкт-Петербургским Владимиром, 8 сентября 1913 г.) и присутствовала на его освящении.

Император следил за главными вехами устройства, в то время как Великая княгиня тщательно вникала во все детали. В начале 1912 г. зодчий А.В. Щусев приступил к составлению презентационной графики, которую сначала одобрила Елизавета Федоровна; затем ее надлежало представить на суд Императора. 30 мая 1912 г. в Большом Кремлевском дворце Николай II рассмотрел и утвердил эскизный проект и предварительную смету (414.680 руб.)

В мае 1913 г. на пришедшие из Италии телеграммы о закладке храма отвечал: «Искренно благодарю. Желая успешного окончания постройки храма»¹⁴. В том же году, в день тезоименитства Императора, когда участники строительства отслужили молебен у мощей его небесного покровителя, на их телеграмму он ответил так: «Искренно и сердечно благодарю русскую колонию Бар-града»¹⁵.

Император регулярно принимал председателя Барградского комитета князя А.А. Ширинского-Шихматова, который докладывал ему о ходе дела — с документами и фотографиями. После этих докладов принимались Высочайшие решения, которые значительно ускоряли строительство подворья. Николай II оставлял и свои краткие комментарии: так летом 1913 выслушав очередной доклад князя, он поставил на его тексте такую

надпись: «Надеюсь, что постройку храма и странноприимного дома в г. Бари удастся завершить скорым и достойным образом в утешение русским паломникам и назидание иностранцам»¹⁶.

15 июня 1914 г. царь выслушал последний доклад о барградском деле. Кажется, ничто не предвещало грядущей войны и Николай II входил в суть многих вопросов, о чем князь Ширинский-Шихматов подробно отчитывался:

«Ознакомившись с протекшею деятельностью Комитета и его нуждами в ближайшее время, Государь Император собственноручно начертанною резолюцией “Да” соизволил изъяснить свое высокомилостивое согласие на обращение Комитета с просьбами: к Министру Путей Сообщения — о бесплатной перевозке из Москвы в С.-Петербург предназначенных для Барийского храма предметов церковной утвари и обстановки, к Начальнику Морского штаба — о дальнейшей перевозке этих вещей, с одним из военных транспортов, в ближайший от Бари итальянский порт Бриндизи и в Святейший Синод — о разрешении произвести, по примеру предшествующих лет, двухгодичный всероссийский церковный сбор, необходимый для обеспечения существования Барийской церкви и странноприимницы»¹⁷.

Когда барградское дело оборвалось и царская семья погибла, у русской эмиграции утвердилось восприятие строительства подворья как дела Царя-мученика. Об этом ярко написал живший в Италии представитель «второй волны» эмиграции Б.Н. Ширяев, автор известной книги о Соловках «Неугасимая лампада»:

«Есть и русский Никола Барийский на берегу блистательной Адриатики, но о нем мало кто знает. Его воздвиг отдавший свою жизнь за русский народ его последний Государь. Станным, трудно понимаемым чувством трепещут сердца увидевших этот храм русских людей. Тут и грусть, и тихая радость, и скорбь униженного, и гордость вознесенным, и тоска бездомного, и успокоение обретшего свой дом... Родные, близкие, свои, скромные главки храма высятся меж темных вершин кипарисов, и, кажется, что не кипарисы это, а вековые ели заповедного бора. И меж ними — тихая пустынь, приют молельников за Землю Русскую, за ее страдников и мучеников, за ее ратников и пахарей, за вся и за всех, живот свой за нее положивших... Покойный Государь начал постройку храма в Бари незадолго до начала Первой войны. Успели выстроить лишь церковь и подворье»¹⁸.

Писатель сообщил также об участии в завершении барградского проекта тогдашнего главы Российского Императорского Дома Великого Князя Владимира Кирилловича (1917–1992): он пожертвовал крупную сумму и намеревался сам приехать на освящение верхнего храма в 1955 г. (но не смог). Позднее, в 1955 г., накануне освящения верхнего храма, Ширяев значительно озаглавил свою очередную статью про Бари — «Дело Царя-Мученика закончено»:

«Русский храм Святого Николая Чудотворца в городе Бари — место упокоения мироточивых мощей Угодника Божия — наконец-то, закончен внутренним украшением и будет торжественно освящен в день перенесения мощей Чудотворца в этот город 9/22 мая с.г. [1955]... Настоятель храма, отец Андрей Копецкий, жертвенными трудами которого святое дело, начатое Царем-Мучеником, доведено ныне до конца, ожидает приезда многих паломников не только из Италии, но из других европейских стран»¹⁹.

- ¹ Подробное описание базилики см.: *Чоффари Дж.* Собор во имя св. Николая в Бари / пер. М. Пожарицкого под ред. М.Г. Талалай. Бари, 2014.
- ² Nord Ovest, северо-западный ветер.
- ³ Роман английской писательницы Флоренс Уорден (Warden; 1857–1929), опубликованный частями в 1892 г.
- ⁴ Канонерская лодка Черноморского флота и вооруженный пароход, служивший яхтой командующего Черноморским флотом.
- ⁵ Владимир Григорьевич Басаргин (1838–1893), контр-адмирал, флаг-капитан Его Императорского Величества, командир эскадры Цесаревича Николая.
- ⁶ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 229. Л. 104–106. Благодарю за помощь сотрудников архива Л.И. Петрушеву и И.Н. Засыпкину.
- ⁷ Общий обзор русского паломничества в Бари (и стойтельства подворья ИППО) см. *Талалай М.Г.* Русская церковная жизнь и храмостроительство в Италии. СПб., 1911.
- ⁸ ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 919(5). Л. 207. Цит по: Мультатули П.В. Император Николай II. Трагедия непонятого самодержца. М., 2018. С. 37–38.
- ⁹ *Жевахов Н.Д.* Бари. М., 1910.
- ¹⁰ Цит. по: *Громова А.В.* Участие Российского Императорского Дома в создании Свято-Никольского подворья Русской Православной Церкви в г. Бари // Диалог со временем 68. М., 2019. С. 167.
- ¹¹ См. *Лисовой Н.Н.* Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX вв. М., 2006. С. 271–280.
- ¹² Описка: в то время на итальянском престоле был Виктор-Эммануил III, сын Умберто.
- ¹³ Письма преподобномученицы Великой Княгини Елизаветы Федоровны. Избранное. М., 2015. С. 157–158.
- ¹⁴ АВПРИ. Д. 505. Оп. 13. Ф. 337/2. 1910–1915. Л. 16–17.
- ¹⁵ АВПРИ.
- ¹⁶ АВПРИ. Л. 120
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ *Ширяев Б.Н.* Никола Русский. СПб., 2016. С. 15.

**В СТРАНЕ ПИРАМИД:
ПОСЕЩЕНИЕ ЕГИПТА Великим Князем
СЕРГЕЕМ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМ,
Великой Княгиней Елизаветой
ФЕОДОРОВНОЙ и Великим Князем
ПАВЛОМ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМ**

А. Ю. Хвалин

В сентябре 1888 г. Их Императорские Высочества Великий Князь Сергей Александрович, Великая Княгиня Елизавета Феодоровна и Великий Князь Павел Александрович совершили паломничество в Святую Землю с целью поклониться главным христианским святыням, присутствовать при освящении храма св. Марии Магдалины в Иерусалиме, построенного в память в Бозе почивающей Императрицы Марии Александровны на средства её детей, а также для осмотра в Сирии и Палестине учреждений Императорского Православного Палестинского Общества, возглавляемого Великим Князем Сергием Александровичем. Эта поездка достаточно хорошо известна в палестиноведении и получила широкое освещение в прессе¹.

На обратном пути домой Августейшие путешественники осмотрели достопримечательности Египта. Об этом посещении в романоведении известно немного, поскольку, как кажется, печатные источники того периода не уделили внимания великокняжескому визиту из-за его исключительно, на первый взгляд, частного характера. Есть краткие упоминания о египетской остановке в переписке Великого Князя Сергея Александровича с родственниками, в том числе с Императором Александром III и Великим Князем Константином Константиновичем.

Однако даже такая частная поездка Высоких Гостей происходила на фоне развития государственных отношений между Российской Империей и Египетским хедиватом, а также вписывалась в контекст международных связей ещё с двумя ведущими державами — Великобританией и Османской Портой. В Политическом обзоре, подготовленном Российским

министерством иностранных дел на Высочайшее имя, за 1887 г. утверждается, что общее международное положение России «несомненно улучшилось. Это улучшение является результатом как благоприятствующих (условий), так, главным образом, и, предначертанной Державною волею Государя Императора, выжидательной политики, наиболее обеспечивающей за Россией свободу действий»².

Говоря о ситуации в Египте, авторы Политического обзора отмечают, что она не изменилась. Особо подчёркивалось, что «Хедив³ с ведома Английского Правительства предлагал Порте занять Суаким (или *Суакин* (Suakim, Suakin) — город на западном берегу Красного моря, в 1432 км от Каира, при устье р. Уади-Абэн — А.Х.) турецкими войсками»⁴. Само же «положение дел в Турции крайне неопределенно и требует бдительного с нашей стороны наблюдения. При всем том мы имели случай убедиться, что Султан, опасаясь осложнений с Россией, желал бы поддерживать с ней добрые отношения»⁵.

Что же касается взаимоотношений России с другими заинтересованными странами, то «в октябре 1888-го года представители Держав в Константинополе подписали конвенцию о нейтрализации Суэцкого канала. Проект этой конвенции был выработан Французским и Английским Правительствами. Конвенция, могущая получить полное применение лишь по очищении Египта Английскими войсками, имеет целью обеспечить свободу судоходства по каналу»⁶.

Российская внешняя политика в этом регионе противостояла британским интересам и, «встречая со стороны Англии систематическое противодействие всем нашим законным домогательствам, мы пришли к убеждению в необходимости упрочить наше положение на наших среднеазиатских окраинах с тем, чтобы иметь надежный базис, откуда в данную минуту мы могли бы грозить Индии»⁷.

В такой международной ситуации даже частный визит брата Российского Императора в Египет, где в тот период господствовали представители английской короны, имел и государственное значение.

Итак, о посещении Египта на обратном маршруте из паломничества по Святой Земле в письме от 31 октября 1888 г. уже из Афин к венценосному Брату, Государю Императору Александру III Александровичу, Великий Князь Сергей Александрович сообщает: «В надежде, что ты получишь мое письмо из Иерусалима, хочу сказать Тебе два слова о Египте, где мы в Каире провели прелестную неделю. Любезностям Ходива не было конца, ибо он все повторял, как Тебе благодарен за своих сыновей. Итак, мы жили во дворце на берегу Нила с дивным тропическим садом, погода — один восторг; влезал я на пирамиду, что вовсе не так трудно — два бедуина вам ловко помогают; ездили мы на драмадерах (одноголовые верблюды от фр. *dromadaires* — ред.) — езда очень удобная и приятная. Интересно было

присутствовать при церемонии возвращения ковра из Мекки — вот вспоминал о Твоей картине Маковского»⁸.

В письме Великий Князь Сергей Александрович упоминает о благодарности хедива Тауфика⁹ Российскому Императору, высказанной через Августейших путешественников, за радушный приём в России сыновей правителя Египта Аббаса и Мегемета Али (как их имена писались в российской дипломатической переписке).

Визит египетских принцев в Россию ожидался летом 1888 г., то есть буквально параллельно великокняжеской поездке в «страну пирамид», на возврате из Святой Земли. Обращаясь 25 февраля 1888 г. к Н.К. Гирсу, главе министерства иностранных дел в Санкт-Петербурге, российский посол в Египте А.И. Кояндер посчитал важным отметить, что «личное знакомство с Россией будущего Египетского Хедива (то есть Аббаса-паши — А.Х.) и впечатления, которые он из нее вынесет, могут благоприятно отразиться на последующих отношениях к нам этой страны. Предполагаемую поездку Аббас-Паши возможно поэтому признать событием, не лишенным для нас известных выгод»¹⁰.

Принцы были радушно встречены в России, в том числе приняты Императором Александром III, Великим Князем Сергием Александровичем, Великой Княгиней Елизаветой Феодоровной, Великим Князем Павлом Александровичем. В ходе поездки принцы передали приглашение хедива высоким российским гостям посетить Египет с ответным визитом. Их приглашение было с благодарностью принято.

Как утверждают современные востоковеды, «поездка юных египетских принцев заложила основу для систематических контактов между представителями династий Романовых и Мухаммеда Али (правящая династия египетских хедивов с 1805 по 1953 г. — А.Х.), которые они использовали в своих политических интересах. Очень тёплый прием наследника египетского престола и его брата в Санкт-Петербурге и других российских городах, награждение их и сопровождавших их лиц открыли превосходные перспективы для установления двусторонних связей на высшем уровне»¹¹.

Отметим, что обмен визитами 1888 г. повлиял и на посещение Египта Наследником Цесаревичем Николаем Александровичем в середине 1890 г. в ходе его знаменитого Восточного путешествия. Принимая российского посланника А.И. Кояндера накануне прибытия Цесаревича Николая Александровича, хедив Тауфик сказал: «Я никогда не забуду милостивого внимания Его Величества Государя Императора к моим детям, равно как и приёма, оказанного им в России, и, в свою очередь, желал бы встретить Наследника Русского Престола достойным Его Высокого посещения образом»¹². Что и было исполнено на самом высоком уровне¹³.

В своём письме к Государю Александру III Великий Князь Сергей Александрович сообщает, что в Каире «интересно было присутствовать при церемонии возвращения ковра из Мекки — вот вспоминал о Твоей картине Маковского»¹⁴. Речь идёт о древней мусульманской традиции — отправке священного ковра из чёрного шёлка с письменами из Корана, вышитыми золотыми нитями, для облачения главного святыни Кааба в Мекке. Ковёр помещали в специальное сооружение — махмаль, водружали на верблюда, и караван с паломниками шествовал по улицам Каира, направляясь в Мекку. По окончании хаджа верующие получали небольшие части ковра и увозили их с собой в разные концы мусульманского мира. Ежегодно лучшие мастера Египта заново ткали и вышивали священный ковёр для перенесения его в Мекку. При возвращении паломников в Каир их встречали толпы восторженных горожан.

Русский художник Константин Егорович Маковский развивал новый ориенталистский стиль в русском искусстве 70-х гг. XIX века. В основе стиля лежала экзотика Востока, популярная в то время в Европе. Стимулом к развитию этого направления послужила поездка К.Е. Маковского в Каир и его дальнейшие поездки в Африку. Посещая Марокко, Алжир, Египет, Судан, Абиссинию, художник создавал пейзажные этюды, жанровые сценки, написанные как на пленэре, так и в колоритных восточных интерьерах.

По заказу Наследника престола, будущего Императора Александра III, художник К.Е. Маковский начал работу над эскизом картины «Возвращение священного ковра из Мекки в Каир». В 1876 г. им дописывается окончательный вариант картины, который экспонировался в Парижском салоне. В 1876 г. Цесаревич Александр Александрович приобрёл на выставке парижского Салона за десять тысяч рублей картину Константина Маковского «Возвращение священного ковра из Мекки в Каир», находилась она в Аничковом дворце — петербургской резиденции Наследника. Посещение Августейшими путешественниками в Каире в 1888 г. церемонии встречи мусульманских паломников после совершения хаджа с драгоценным ковром и напомнила Великому Князю Сергию Александровичу аналогичный сюжет, изображённый на картине К.Е. Маковского, которая принадлежала Императору Александру Александровичу.

В другом письме Великому Князю Константину Константиновичу, отправленном в ходе поездки в Египет от 13 октября 1888 г., Августейший путешественник сообщает дополнительные детали: «... мы тут наслаждаемся — погода дивная, не душно, вот уже неделя, что мы тут, и уезжать не хочется. (...) Мы были встречены (фр. нерзб.) и привезены сюда во двор[ец] Гезирэ, находящийся на берегу Нила с чудным видом. Дворец

на славу, сад тропический, Ходив рассыпается в любезностях, его жена принимала несколько раз мою жену, устраивала прелестные праздники в гареме и всячески ее одарила. Наслаждался в Булакском музее — два раза там был. Что за прелесть берега Нила — теперь полнейший разлив. Ездили мы на пирамиды, я с успехом вкарабкался на одну — вовсе не так трудно, и бедуины помогают отлично; бедуины с богатым Шейхом производили «une fantaisie arabe» (впечатление) «арабской фантазии» — ред.). Поднялись по Нилу до старого Мемфиса, оттуда в Сахару (ошибка публикатора, надо писать — Саккару — А.Х.) — осматривали знаменитый «Серапеум» — крайне интересно. Ездил верхом на чудном верблюде Ходива, замечательно удобно и приятно — странное чувство, когда он подымается и ложится. Рыскали по базарам и старым улицам Каира. Был тоже устроен прелестный вечер на реке — Нил, луна, масса цветов — прелестно, хотелось бы пожить здесь — что за воздух, какое чудное освещение — вспоминаю тебя. Наши художники производят идеальные вещи: Александров сделал несколько типов на славу, а Волков эскизы. Завтра идем в Александрию, а в субботу плывем к берегам Эллады, и, если Бог даст, то надеемся быть в понедельник в Пирее»¹⁵.

В письме упомянут Булакский музей — знаменитый Музей археологических древностей, основанный в 1858 г. французским египтологом Мариэттом, а также комплекс Серапеум (от имени бога Сераписа) — некрополь, расположенный около древней столицы Египта Мемфиса. Некрополь представляет собой огромные подземные туннели, в которых располагались саркофаги с мумиями священных животных. Использовался также в качестве гробницы сановников и наследников престола, которые желали, чтобы в их последнем пристанище присутствовали божественные силы.

В послании также отмечен художник Ефим Ефимович Волков — известный живописец-пейзажист, который родился в Петербурге в 1844 г., а артистическое образование получил в Императорской Академии художеств и завершил его усердным писанием этюдов с натуры. В 1870 г. он получил от академии звание некласного художника за представленный на её выставку в том году «Вид в окрестностях Петербурга». В 1878 г. примкнул к товариществу передвижных художественных выставок и с тех пор ежегодно появлялся на них со своими картинами, пользуясь за них репутацией одного из лучших современных живописцев русской, преимущественно северной природы. Из его произведений в особенности достойны внимания «В лесу по весне» (1878), «Топкое болото» (1879), «Лесная дорога осенью» (1880), «Лес на болоте» (1881); «На рассвете» (1882); «Тихий день» (1882) и некоторые другие.

Сведения о великокняжеской поездке в Египет в 1888 году, имеющиеся в посланиях Великого Князя Сергея Александровича родственникам,

дополняет официальная переписка между Министерством иностранных дел России, управляющим Двором Его Императорского Высочества Великого Князя Сергея Александровича и Российским Императорским генеральным консульством в Египте.

Уточняются предварительно вопросы о том, может ли представиться И.И.В. Великим Князьям Сергию и Павлу Александровичам митрополит Фиваидский Матфей. «Он нездоров и не может ехать в Каир ранее среды или четверга. Его Преосвященство желал бы знать, будет ли он принят в Каире Великими Князьями, посетят ли они Патриархию здесь, в Александрии, и может ли он приветствовать Их Императорские Высочества речью по-французски»¹⁶.

С аналогичным вопросом обращался к российским дипломатам и коптский архиепископ преосвященный Иоанн, который уточнял «можно будет явиться Великим Князьям, на станции ли, во время Их проезда, или же в другом месте»¹⁷.

В письме Управляющего Двором Его Императорского Высочества Великого Князя Сергея Александровича графа Г.Г. Стенбока от 3/15 августа 1888 г. из Санкт-Петербурга на имя секретаря и драгомана дипломатического агентства и генерального консульства в Каире А.Н. Щеглова содержится просьба «оказать любезное содействие во время предстоящего путешествия Их Высочеств по Египту»¹⁸. А также указан предварительно маршрут путешествия: «Приезд в Порт-Саид предполагается 7/19 октября утром, затем на яхте, по всей вероятности, Хедива, по каналу до Измаила, (...) поезд до Каира, куда прибудем в тот же вечер. 8/20, 9/21, 10/22 октября предполагается посвятить достопримечательностям Каира и его окрестностей, по программе, которую Вы представите Их Высочествам на благоусмотрение. 11/23 октября утром предполагается выезд по железной дороге в Александрию, где нас будет ожидать крейсер «Кострома» для переезда в Грецию»¹⁹.

Указаны и лица, которые пребывают в Египет:

«Великий Князь Сергей Александрович, Великая Княгиня Елизавета Феодоровна, Великий Князь Павел Александрович.

В Свите:

- 1) Фрейлина Ея Величества Екатерина Сергеевна Озерова.
- 2) Фрейлина Ея Высочества Екатерина Николаевна Козлянинова.
- 3) Управляющий двором Его Высочества полковник граф Стенбок.
- 4) Состоящие при Его Высочестве: полковник Степанов.
- 5) Флигель адъютант Его Величества капитан Озеров и
- 6) Л. Гв. Преображенского полка капитан Гартонг.
- 7) Доктор Его Высочества Форбрер.

Прислуги у их Высочеств:

Женской — 2, мужской — 6»²⁰.

Особо оговариваются бытовые условия, что немаловажно в длительной поездке: «Число комнат приблизительно следующее: Великому Князю Сергию Александровичу и Его Супруге: одну спальную, две уборные, гостинную и столовую.

Великому Князю Павлу Александровичу — две комнаты.

Чинам Свиты по возможности каждому по 1-й комнате; если не хватит, то дамам каждой комнату, мужчин же можно поместить по два в комнату.

Для прислуги понадобится 4 или 5 комнат.

День приезда может быть изменен, т.е. приезд может состояться позднее, о чем Вас извещу заблаговременно; так же и само пребывание в Египте может быть немного продолжено, смотря по обстоятельствам, хотя в этом сомневаюсь.

(...) К вышеупомянутым лицам прибавится, может быть, еще художник»²¹.

Маршрут путешествия Их Императорских Высочеств Государя Велико-го Князя Сергия Александровича, Государыни Великой Княгини Елизаветы Феодоровны, Государя Великого Князя Павла Александровича по Египту разрабатывался вместе с маршрутом по Святой Земле. По окончании там пребывания Августейшие путешественники должны были отправиться из Яффы в Порт Саид. Расстояние — 132 морские мили. План предусматривал: отход 6-го октября вечером. В пути 11 часов. Прибытие 7-го октября до полудня. Пароход «Кострома» переходит в Александрию, где остается до 11-го включительно.

По приходе в Порт-Саид, (далее) на яхте Египетского Хедива по каналу до Измаила и оттуда по железной дороге в Каир, куда прибывают в тот же день вечером.

8-го, 9-го и 10-го октября. Пребывание в Каире по программе, которая будет представлена Русским Дипломатическим агентом. 11-го утром. Выезд по железной дороге в Александрию. Далее переход Александрия-Пирей. 575 морских миль. Отход в ночь с 11-го на 12-ое. В пути 48 часов. Прибытие 14-го утром²².

В письме Министра иностранных дел России Н.К. Гирса в Каир российскому представителю А.Н. Щеглову от 2-го августа 1888 г. за № 145 уточняется программа великокняжеского пребывания в Египте:

«7/19 октября — прибытие в Каир, встреча с Хедивом.

8/20 — осмотр цитадели, музея древностей, базара. Обед у Хедива.

9/21 — поездка на пирамиды. Обед от Их Высочеств.

10/22 — прогулка по Нилу на яхте Хедива и посещение Саккары.

11/23 — отъезд в Александрию»²³.

О том, что визит в Египет Их Императорских Высочеств Великого Князя Сергия Александровича, Великой Княгини Елизаветы Феодоровны и Великого Князя Павла Александровича прошёл успешно и с точки зрения государственных интересов, говорит письмо Министра иностранных

дел России Н.К. Гирса от 28 февраля 1889 г. за № 787 на имя российского посла в Египте А.И. Кояндера, в котором выражена реакция на прошедшее событие Российского Самодержца: «Во внимание к радушному гостеприимству, оказанному Великим Князьям нашим во время посещения Их Императорскими Высочествами Египта, Государю Императору благоугодно было даровать Хедиву Мехемед Тевфику знак Монаршего благоволения пожалованием ему ордена Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского. <...> (Прошу) на словах передать Мехемед Тевфику, что Государь Император весьма ценит чувства Его благорасположения к Императорской Фамилии и России, проявленные Им по случаю пребывания Великих Князей наших в Египте»²⁴.

Таковы были обильные плоды краткого визита в Египет Их Императорских Высочеств Великого Князя Сергия Александровича, Великой Княгини Елизаветы Феодоровны и Великого Князя Павла Александровича. Великокняжеская поездка 1888 г. стала важной страницей в летописи добрых отношений двух стран.

¹ См. напр., «Паломничество Великого князя Сергея Александровича и Великой княгини Елизаветы Феодоровны в Вышинскую пустынь, Святой град Иерусалим и Ярославскую губернию». Нижний Новгород. 2010. С. 13–36. Очерк о паломничестве Их Императорских Высочеств в Святую Землю и Иерусалим впервые был опубликован в 1888 г. на страницах журнала «Русский паломник».

² Архив внешней политики Российской Империи (АВПРИ). Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 5203. Л. 51.

³ Хедив, титул вице-султана Египта, существовавший в период зависимости Египта от Османской империи в 1867–1914 гг.

⁴ АВПРИ. Там же. Л. 57 об.

⁵ АВПРИ. Там же. Л. 58.

⁶ АВПРИ. Там же. Л. 58–58 об.

⁷ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 5203. Л. 58 об.

⁸ Великий Князь Сергей Александрович Романов. Биографические материалы. Кн. IV. 1884–1894. М. Новоспасский монастырь. 2011. С. 175–176.

⁹ Хедив Тауфик, Тауфик-паша (1852–1892), 2-й хедив Египта в 1879–1892 гг., старший сын и преемник 1-го египетского хедива Исмаила.

¹⁰ АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 5390. Политархив. Л. 3.

¹¹ Горячкин Г.В. «Египетские принцы в России». Восточный архив. № 1(27). 2013. С. 22.

¹² АВПРИ. Ф. 317. Оп. 820/1. Д. 199. 1888–1889 гг. Л. 200.

¹³ Подробнее о визите Великого Князя Николая Александровича в Египет см.: Хвалин А.Ю. Восточный дневник Цесаревича. М., 2020. С. 106–114.

¹⁴ Великий Князь Сергей Александрович Романов. Биографические материалы. Кн. IV. 1884–1894. М. Новоспасский монастырь. 2011. С. 176.

- ¹⁵ Великий Князь Сергей Александрович Романов. Биографические материалы. Кн. IV. 1884–1894. М. Новоспасский монастырь. 2011. С. 194–195.
- ¹⁶ АВПРИ. Ф. 317. Генеральное консульство в Египте. Оп. 820/1. Д. 1304. Л. 28.
- ¹⁷ АВПРИ. Там же. Лл. 31–31 об.
- ¹⁸ АВПРИ. Там же. Л. 66.
- ¹⁹ АВПРИ. Там же. Л. 66. об.
- ²⁰ АВПРИ. Ф. 317. Генеральное консульство в Египте. Оп. 820/1. Д. 1304. Л. 67.
- ²¹ АВПРИ. Там же. Л. 67 об.
- ²² АВПРИ. Ф. 317. Генеральное консульство в Египте. Оп. 820/1. Д. 1304. Л. 263.
- ²³ АВПРИ. Там же. Л. 244.
- ²⁴ АВПРИ. Ф. 317. Генеральное консульство в Египте. Оп. 820/1. Д. 1304. Лл. 261–261 об.

Паломничество донцов на Христианский Восток в конце XIX — начале XX вв.: особенности и социокультурное значение для региона*

И. Г. Шарков, Л. Б. Томила

Во второй половине XIX столетия паломничество стало не только относительно массовым феноменом на Юге Российской Империи, но и оставило в истории региона социокультурный след. Православное паломничество, как особенный вид духовной практики, интересно для изучения по ряду оснований: богословско-догматической, исторической, социокультурной. Это многогранное явление имеет свои духовные, богословские, психологические, гносеологические и социальные аспекты¹.

Святые Отцы VII Вселенского Собора в Никее, сформулировавшие догмат иконопочитания, обосновали и духовный смысл паломничества, как почитания святынь и совершения молитвенного поклонения Богу во святых местах. Согласно догмату об иконопочитании, честь, воздаваемая образу (то есть, иконе), восходит к Первообразу, то есть Самому Богу. Запрет на изображения Бога во времена Ветхого Завета был вполне обоснован и законен, но в Новом Завете этот запрет преодолевается самим фактом Боговоплощения. Никейский Собор 787 г. разграничил и пояснил термины, описывающие поклонение Самому Создателю и почитание Его святынь. Подобающее лишь Богу поклонение, обозначено греческим словом «лятрия» — служение, а почитание святынь и поклонение перед ними Богу описано другим греческим словом — «проскинисис». Именно отсюда заимствованная традиция Руси называть книги с паломническими повествованиями проскинитариями, то есть источниками, описывающими опыт поклонения. В византийской и древнерусской церковных традициях паломники называются именно

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 21-09-41011\21. Acknowledgments: The research was funded by RFBR, project number 21-09-41011\21.

поклонниками, то есть людьми, которые совершают путешествие с целью поклонения святыням. Слово же «паломник» восходит к латинскому термину *palmarius* — пальмовник, или человек, несущий пальмовую ветвь. Это название отсылает нас к известной древней традиции. Центральным и главным праздником христианского Востока, привлекавшим во Святую Землю многочисленных богомольцев, является Христово Воскресение — Святая Пасха. Поклонники старались попасть во Святой Град Иерусалим накануне пасхального торжества и принять участие в богослужениях Лазаревой субботы, Входа Господня во Иерусалим и Страстной седмицы. Основным после Божественной литургии событием праздника Входа Господня в Иерусалим, был торжественный крестный ход к древним стенам Иерусалима, и паломники, принимавшие участие в этом шествии, несли ветви финиковых пальм, подобно жителям иудейской столицы, встречавшим почти две тысячи лет назад Христа, восходящего во святой Град. Часто среди различных реликвий, богомольцы приносили с собой домой на память эти пальмовые ветви и благоговейно хранили их во святых углах у икон.

Паломники издревле совершали поклонения Богу на местах библейских событий, почитали святых, их мощи и иконы. Человек, по учению Православной Церкви, как высшее творение и существо не только духовное, но и телесное, нуждается в зримых образах и во внешних знаках выражения богопочитания. Исходя из рассмотренного, православное богословие обосновывает духовный смысл паломничества как почитания и поклонения святыням, а также святым местам, для большего удостоверения подлинности, а не призрачности Боговоплощения. Помимо термина «паломничество», на Юге России бытуют и другие, описывающие это явление, — поклонничество, богомолье, странничество. Эти определения часто используются в отечественной литературе и в местной церковной, а также светской периодике в XIX веке.

Паломничество на Дону, как и в России в целом, являлось одним из средств духовного совершенствования человека. Это священное путешествие не только позволяло посетить новые места и поклониться святыням, но и предоставляло возможность лучше увидеть свои грехи и недостатки, чтобы бороться с ними, осознать немощи, а также ощутить силу Божию и Его незримую, но действенную и спасительную помощь. Стремление к совершению паломничества можно назвать внешним проявлением свойственного всякой человеческой душе богоискательства.

Донские казаки исстари отличались глубокой религиозностью и почтением к святыне. На Дону поклонничества различались расстоянием, причиной и целью. Паломничали казаки и иногородние крестьяне, священники и монахи, чиновники и городские обыватели. Распространёнными были паломничества между станицами в дни престольных праздников и чтимых икон, для участия в крестных ходах (длились 1–3 дня). Посещали донцы и монастыри, как местные — Вознесенский Кременской мужской

монастырь, Преображенский Усть-Медведицкий женский монастырь, Старочеркасский Ефремовский женский монастырь, Троице-Алексеевский (в народе «Федоровский») монастырь в Ростове-на-Дону, Цукурский Николаевский монастырь (на Цукеровой Балке) и Бекреневский Свято-Николаевский женский монастырь (ежегодно совершался крестный ход 9 мая к монастырскому святому колодцу, собиравший до 5 тысяч богомольцев), так и в близлежащих губерниях. Почитался Александровский Троицкий Греческий монастырь (подворье Святогробского братства Иерусалимской Православной Церкви) в Таганроге. О почитании святых обителей донцами и о воспитательном значении паломничества свидетельствует донской общественный деятель, писатель, журналист, экономист и краевед С.Ф. Номикосов (1837–1900): «монастыри составляют цель благочестивых путешествий паломников, которые, получив сами религиозное назидание, вносят и в свои семьи известную долю религиозного чувства. Здесь же находят утешение и пристанище некоторые из жителей области, утомленные борьбой с жизнью»². «Донские епархиальные ведомости» публиковали паломнические воспоминания крестьян и казаков, а также, часто — семинаристов и учащихся церковно-приходских школ области. Известно паломничество донских семинаристов по Кавказу и Крыму, посещение ими Симоно-Канонитского Новоафонского монастыря в Абхазии и святынь Тифлиса в начале XX века. Но, всё же, наибольший интерес представляют паломничества донцов на Христианский Восток — в Святую Землю и на Афон. Сами поклонничества и упоминания о них на страницах церковной периодики Дона не столь часты (по сравнению с паломничествами местными), но и они дают достаточно материала для формирования целостного представления по этому вопросу.

При подготовке просветительского проекта в 2016 году авторам данного исследования довелось заниматься организацией епархиальной выставки «Евлогии Святой Земли и Афона на Дону» в г. Шахты, посвящённой 1000-летию русского монашеского присутствия на Святой Горе Афон. Тогда удалось найти и атрибутировать десятки интересных паломнических артефактов: три деревянных креста второй половины-конца XIX в., инкрустированных палестинским перламутром, иконы афонского письма (три храмовых Богородичных, несколько аналойных икон святого великомученика Пантелеимона, конец XIX в.), иконы палестинского письма (храмовые Распятие Господне, Рождество Христово и аналойная Рождество Христово, конец XIX в.), привезённые донскими паломниками в храмы Области Войска Донского, а также многочисленные паломнические открытки, листки, письма и другие предметы (конца XIX — начала XX вв.) Причём, экспонаты для выставки были привезены из разных мест протяжённой с севера на юг территории Шахтинской епархии Донской митрополии: и из станиц Верхнего Дона, из центральной части и из станиц Нижнего Дона. Это

свидетельствует о значительном паломническом потоке из Донского региона к святым местам Христианского Востока в этот период.

Массовый характер паломничества в Палестину приобретают во второй половине XIX столетия. Этому способствовал ряд факторов: дорога в Святую Землю становится более безопасной, развивается железнодорожный и водный транспорт, в Палестине появляются русские церковные учреждения, оказывающие помощь поклонникам-соотечественникам. Значительно облегчила «хождения» в Иерусалим и Афон для русских паломников активная деятельность учреждённого в 1882 г. Православного Палестинского Общества, получившего за свою продуктивную деятельность в 1889 г. почётное именование Императорского.

Люди, отправляющиеся в далёкий и небезопасный путь для поклонения святым местам, имели разные мотивы: выполнение обета, разрешение жизненного вопроса, вразумление, укрепление в вере. Некоторых на совершение паломничества подвигали совершённые тяжкие грехи или отпадение от Церкви и утрата веры близких людей, которым желали вымолить возвращение к благочестию. Некоторые искали исцеления для себя или родственников. Все паломники горячо желали увидеть своими глазами великие христианские святыни, поклониться им, помолиться в библейских местах, о которых они читали или слышали в храмах. В любом случае, такое путешествие являлось проявлением искреннего благочестия. Большинство паломников из крестьян или казаков стремились попасть в Палестину к праздникам Рождества Христова или к Пасхе. Наиболее желанным хождением было такое, когда паломник прибывал в Палестину к Рождеству и молился в святых местах Православного Востока до Светлой (Пасхальной) седмицы включительно, а затем отправлялся в обратный путь.

В целом, паломничество донцов во многом было похоже на аналогичные «хождения» жителей других южных регионов Российской Империи, но имелись и местные особенности. Область Войска Донского, как явствует даже из самого названия, была не обычным российским регионом: это были земли служивого сословия — казаков. Отсюда к заграничным путешествиям на Дону было особенное отношение. Путь донского жителя на поклонение святым местам за пределами России начинался со станичного правления, куда он обращался за свидетельством. А свидетельство можно было получить лишь с согласия всех имеющих право голоса на сходе жителей станицы. У претендента на долгое заграничное паломничество, обычно продолжавшееся около года, не должно было быть долгов или неисполненных обязанностей, не должно было иметься на содержании иждивенцев. Состоявший в строевом разряде казак мог получить требуемое разрешение исключительно по завершению учебных лагерных сборов и был обязан вернуться до начала новых сборов в году предстоящем³. Поэтому, чаще всего

в паломничества к святым местам «Святой Земли Востока» отправлялись выслужившие положенный срок казаки старшей возрастной группы (старше 50 лет). Замужние казачки разрешение на паломническое путешествие за границу должны были получить от своих мужей, а незамужние — отцов. Чаще всего паломничали пожилые казачки, не имевшие семьи или желавшие принять монашеский постриг. Примером таких начальных паломнических документов может служить свидетельство, выданное 9 сентября 1875 г. на имя пятидесятидвухлетнего казака станицы Новониколаевской Таганрогского округа Максима Васильевича Бондарева: «Свидетельство. Дано Области Войска Донского из Новониколаевского станичного правления сей же станицы казаку Максиму Васильевичу Бондареву, в том, что он поведения хорошего, имеет от роду пятьдесят два года и увольняется в Иерусалим на поклонение св. местам сроком на один год с тем, чтобы по окончании такового явился на место жительства, и что на выдачу ему отколь будет следовать свидетельства на увольнение в вышеупомянутое место со стороны его правления препятствий нет»⁴.

Давая добро на паломничество, станичники требовали от поклонника-казака отбытия всех станичных повинностей, уплаты денежных сборов и долгов⁵. Затем будущий паломник обращался с прошением в канцелярию войскового наказного атамана. Ещё с 1870-х гг. войсковая канцелярия получала более двадцати прошений на совершение заграничных паломничеств в год. Позже, таковых становится гораздо больше. Донские казаки чаще всего желали помолиться во Святом Граде — Иерусалиме. Отправлялись они и на Святую Афонскую Гору, и в Бар-град на юге Италии. Примером прошения, поданного на имя наказного атамана Донского войска может служить следующий текст: «Заявление казака Новониколаевской станицы Максима Васильева Бондарева. Желая отправиться за границу для поклонения св. местам, находящимся в Иерусалиме, представляя при сем свидетельство Новониколаевского станичного общества за номером 539 о неимении препятствий на увольнение за границу и покорнейше прошу Ваше Превосходительство выдать мне билет до г. Одессы на получение там заграничного паспорта сроком на один год»⁶. Данное прошение, как и полагалось, было оплачено гербовой сорока копеечной маркой от 20 января 1876 г. Если прошение подавалось несколькими лицами, то оплата составляла семьдесят копеек.

Получив свидетельство, будущий паломник в канцелярии войскового наказного атамана получал билет до г. Одессы, который представлял собой сопроводительное письмо, на основании которого желающим совершить паломничество специальным подразделением одесской жандармерии выдавался заграничный паспорт.⁷ В Одессе донцы, как и поклонники из других регионов, часто останавливались на трёх афонских подворьях: Пантелеимоновского монастыря, Андреевского и Ильинского скитов. Также, подворье

афонского Ильинского скита, принимавшее паломников, было в станице Новониколаевской Таганрогского округа, а из порта Таганрога также можно было отправиться к святыням Востока, как и из портов Крыма, Новороссийска и Батума. Но, большинство паломников всё же путешествовало через Одессу⁸. Проживание на подворьях в Одессе, а также продовольствие и чай в них были бесплатными. Услуги могли быть по желанию компенсированы пожертвованиями паломников.

Документы для духовного путешествия казаки оформляли в оба конца, при этом билет на обратный путь являлся действительным один год от даты его оформления. Православное Палестинское Общество с 1883 г. предложило облегчить паломникам путешествие и удешевить проезд по железным дорогам и на морских судах через учреждение специальных паломнических книжек. Паломничество на Православный Восток обычно разрешалось сроком на один год. В Одессу донцы добирались, чаще всего, железной дорогой или подводой и этот путь в среднем для станичников длился от недели до месяца. Более близким и, соответственно менее продолжительным, был путь в Таганрог, откуда тоже отправлялись суда Русского общества пароходства и торговли (РОПиТ) в Святую Землю и на Афон. В Таганроге был уполномоченным Палестинского Общества Ипполитом Ильичом Чайковским (1843–1927), родным братом великого русского композитора, инициирован и в 1888 г. создан приют для ожидавших парохода в Святую Землю паломников с часовней на Морском бульваре.

Стоимость железнодорожного билета из столицы Области Войска Донского Новочеркасска до Одессы через Ростов-на-Дону, Екатеринослав и Елисаветград (расстояние в 1234 версты или 1316 км) без паломнической книжки ИППО составляла при проезде в вагонах первого класса 30 рублей, второго класса — 17 рублей 50 копеек и третьего класса — 10 рублей. Билеты были действительны в течение пяти дней⁹.

Лица, прибывающие в Одессу и Таганрог для дальнейшего следования в ближайший палестинский порт — Яффу или на Афон без паломнических книжек Императорского Православного Палестинского Общества (ИППО), оплачивали за морскую перевозку на пароходах РОПиТ по особому установленным паломническим билетам следующие суммы: от Одессы до Яффы и обратно в первом классе, включая питание — 201 рубль 50 копеек; во втором классе с питанием — 148 рублей 10 копеек и без питания — 92 рубля 80 копеек; в третьем классе, не подразумевавшем питания — 24 рубля. От Таганрога до Яффы и обратно можно было путешествовать только третьим классом за 29 рублей. Путь на святую Гору Афон от порта Одессы и обратно в первом классе (без продовольствия) стоил 67 рублей 75 копеек, во втором (без продовольствия) — 35 рублей 20 копеек, в третьем — 14 рублей 80 копеек. Из Таганрога на Афон и обратно можно было добраться только в третьем классе, за 23 рубля¹⁰. При этом

стоимость морских билетов до Яффы и Афона, установленная по соглашению ИППО с РОПиТ, была значительно более демократичной для паломников, берущих билеты в оба конца.

В Одессе паломники обзаводились заграничными паспортами, без которых путешествие на Православный Восток было невозможным. Прибыв на одесское подворье, паломник передавал деньги для оформления прописки в полиции и заграничного паспорта специально определённого для этого монаху или послушнику. В случае, если паломник имел при себе губернаторский проходной билет (для донцов — билет, выданный войсковым наказным атаманом), его траты в 1910 г. составляли 4 рубля 25 копеек. Эти средства шли на оплату гербовой марки на прошение одесскому градоначальнику (75 копеек), бланка паспорта (50 копеек), на визирование заграничного паспорта османским консулом (2 рубля), а также 1 рубль на оплату «прописки вида в полиции, бланков прошения и хлопот подворья». Если паломник не имел губернаторского проходного билета, а лишь вид на жительство и свидетельство о неимении препятствий для выезда за границу, то он оплачивал полную стоимость заграничного паспорта — 18 рублей 75 копеек¹¹.

Помимо заграничного паспорта, паломнику, «отправляющемуся в Палестину необходимо запастись так называемой паломнической книжкой, которая, благодаря попечительности Православного Палестинского Общества, для путешественников всех трёх классов значительно удешевляет проезд от разных пунктов нашего отечества до Одессы, а оттуда и до Яффы ... эта же книжка обеспечивает и обратный путь из Яффы в Россию»¹².

Для небогатых паломников, в том числе крестьян и простых казаков, морская часть пути практически всегда проходила на грузовом судне РОПиТ с билетом третьего класса, предоставлявшим место на палубе или в трюме. По свидетельствам ряда авторов начала XX в., условия двухнедельного плавания русских простых поклонников были весьма некомфортные. Забиваясь в трюм, пассажиры часто соседствовали с перевозимыми грузовыми судами домашними животными — баранами, быками, лошадьми. Как отмечал А.А. Дмитриевский, «можно представить, какая атмосфера наполняет этот современный ковчег и, какая чистота царит в нём во время плавания! Не лишне прибавить, что для животного груза отдаются на пароходе даже лучшие места, где имеется приток чистого воздуха, а палубным пассажирам III класса предоставляется... дышать зловонием»¹³. Спать на судне паломникам приходилось «вповалку», иногда сидя, а питаться преимущественно сухарями. Отечественный журналист, театральный критик и публицист В.М. Дорошевич (1865–1922) сравнивал условия транспортировки паломников и каторжников и сравнение было не в пользу первых. «Я плавал на “каторжном” пароходе и “паломническом”, и, если

бы каторжника с парохода добровольного флота привести и показать, как перевозят паломников, он, наверное, бы спросил: “Что сделали эти люди?”¹⁴. Путешествие в таких условиях, часто отягощавшееся морской болезнью даже для неприхотливых крестьян и выносливых казаков было значительным испытанием. Тем не менее, эти обстоятельства паломников не смущали, они были готовы терпеть многие неудобства ради благой цели встречи с великими святынями. И эту встречу поклонники воспринимали как самое значимое событие в своей духовной жизни. Во время пути в ближайший к Иерусалиму порт — Яффу, русские паломники постились, часто собирались на корме судна, читали вслух акафисты, Псалтирь, жития святых и церковные поучения.

Пароходы из Одессы и Таганрога с русскими поклонниками делали транзитную остановку (1–1,5 дня) в Константинополе, где посещали христианские святые места бывшей столицы Византийской империи, а затем прибывали в Яффу. Морской путь с остановкой обычно занимал 10–14 дней. От этого средиземноморского порта до Святого Града поклонники шли пешком (в этом случае путь длился 2–3 дня), или ехали на поезде по построенной в 1892 г. железной дороге (в 1895 г. путь, согласно расписанию, занимал 3 часа 45 минут¹⁵, но на практике часто затягивался до 6 и более часов). В Иерусалиме они находили приют на подворьях ИППО, где можно было рассчитывать на постель и скромную пищу за символические деньги¹⁶. По свидетельству русского врача, путешественника и писателя А.В. Елисеева (1858–1895), нередко в греческих монастырях с русскими паломниками поступали нечестно и некрасиво: «один донской казак летом 1881 года был совершенно обобран, в буквальном смысле этого слова, монахами одного из монастырей, умеющего особенно искусно выманивать деньги; попавшись в руки чернецам, проведавшим, что у него за пазухой есть три, четыре сотни, он отдал им всё своё состояние, убедившись вполне доводами монахов, что ему денег совсем не нужно — «билет обратный у тебя есть, приют тоже, а кормить тебя мы будем во всё время пребывания твоего в Иерусалиме; к чему же тебе деньги?» Простак поверил черноризцам и тряхнул своею заветною мошною. На другой же день он пришёл чуть не со слезами на [русские] постройки; добрые монахи не только не кормили его, но даже вытолкали вон из обители. ... К сожалению, такие примеры нередки, и паломников, которые были совершенно обобраны греками в их монастырях, я, по крайней мере, знаю 6 или 7, не говоря уже о десятках обшипанных порядком»¹⁷.

Главной целью донцов, впрочем, как и всех русских паломников, были библейские святыни Иерусалима и его окрестностей, Вифлеема, Назарета, Хеврона, поклонники погружались в воды реки Иордан в месте, где по церковному преданию, совершилось описанное в Евангелиях Крещение Господне. Богомольцев не смущали ни жара, ни холод, ни трудности, ни лишения в пути.

Обычно путешествие простого паломника не должно было отягощаться большим грузом: посох, котомка с сухарями, лёгкая полотняная сумка с бельём и жестяной чайник на пояс — вот типичный набор вещей, которые брали с собой из дома¹⁸. По свидетельству В.Н. Хитрово, примерно половина поклонников из крестьян имела с собой 100–150 рублей, необходимых для покупки билетов на пароход и пропитание в Палестине. Остальные шли «именем Божиим», полагаясь на помощь «добрых людей» и судьбу¹⁹.

За период с 1888 по 1894 гг. только 140 жителей Области Войска Донского совершили паломничество во Святую Землю. После открытия в 1895 г. Донского отдела ИППО и активизации деятельности Общества на Дону, поток донцов-паломников значительно возрос: за период 1895–1900 гг. их число достигло 922 человек²⁰. Донской отдел ИППО был одним из самых многочисленных и динамично развивающихся.

По приведённым В.Н. Хитрово статистическим данным 1899/1900 паломнического года, Иерусалим из Области Войска Донского посетило 497 паломника. Для сравнения, количество паломников из регионов, являющихся ближайшими соседями Дона выглядело следующим: 887 паломников прибыло из Воронежской губернии, 500 — из Ставропольской, 477 — из Кубанской, 472 — из Екатеринославской, 456 — из Самарской²¹. Таким образом, учитывая данные ближайшей к этому времени переписи населения Российской Империи 1897 года, православных и единоверцев в Области войска Донского числилось 2314222 человека (1168762 мужчин и 1145460 женщин), что составляло 90,25 % всего населения региона²², то есть, на 4656 православных (и единоверцев) жителей Дона приходился 1 паломник на Восток. Для сравнения, в Воронежской губернии эта цифра составляла 2828 человек²³, а в Кубанской области — 3663 человека²⁴. Большинство русских паломников составляли жители южных и центральных европейских регионов Российской Империи, и Область войска Донского была в этом числе.

По статистике, выделенной В.Н. Хитрово, за четыре паломнических года (1895/6 — 1898/9) на русских подворьях ИППО было зарегистрировано 25932 российских подданных, из которых 18515 принадлежали к крестьянскому сословию. Другие сословные группы были представлены значительно скромнее: мещан отмечено 2822, казаков — 2209, нижних чинов — 784, духовных лиц — 479, разночинцев — 469, так называемых «граждан» — 300, купцов — 214, дворян — 140 человек²⁵. Здесь нужно сделать оговорку, что Донское казачество по численному составу было наибольшим в России, но не единственным. В эту цифру входили представители Кубанского, Терского и других казачьих войск. Доля представителей других (не южных) казачьих войск в приведённой цифре была незначительной. В предвоенные годы (1910–1914 гг.) поток паломников в Палестину из России и Донской области в частности, ещё более вырос.

История сохранила сведения о паломничествах на Афон и в Святую Землю известного на Дону благотворителя, ктитора Михайло-Архангельского храма г. Новочеркасска, торгового казака Семёна Николаевича Кошкина (1801–1882). В 1880 г. завершалось устройство в нижнем этаже каменного Михайловского храма двух приделов: в честь святого великомученика и целителя Пантелеимона (центральный) и в честь святых Симеона Юродивого и Иоанна Постника (боковой). Боковой придел посвятили небесным покровителям ктиторов: С.Н. Кошкина и его соратника казака Новочеркасской станицы, отставного хорунжего Ивана Ивановича Кашеева (1819–1888). Посвящение главного престола нижнего храма святому великомученику Пантелеимону было связано с тем, что незадолго до этого С.Н. Кошкин совершил паломничество на Афон, где внёс щедрый вклад в русский Свято-Пантелеимонов монастырь. В 1871 г. был готов большой корпус братских келий с храмом во имя святого Саввы Сербского, выстроенный на его средства. Кошкин неоднократно посещал и святые места Палестины. В одну из таких поездок он удостоился беседы с Патриархом Иерусалимским Прокопием²⁶. В 1874 г. в дар Ивану Семёновичу Кошкину от Патриарха Иерусалимского Прокопия II (1872–1875) в Новочеркасске была прислана найденная в реке Иордан кипарисовая доска, из которой, по просьбе ктитора, был вырезан херувим для украшения рамы иконы Господа Вседержителя, помещённого над Горним местом алтаря Пантелеимоновского придела Михайло-Архангельского храма²⁷.

В 1890-х гг. для помощи всё возрастающему потоку паломников на Православный Восток из России были построены подворья Свято-Ильинского скита на Афоне в городах Одессе, Таганроге и в станице Новониколаевской Таганрогского округа Области Войска Донского. Их строителем явился преподобный архимандрит Гавриил Афонский (1849–1901), который представился во время поездки в Россию для сбора пожертвований для скита в станице Новониколаевской 19 октября 1901 г. Прославлен в лике местночтимых святых УПЦ (МП) в 1994 г., а в 2017 г. состоялось его общецерковное прославление²⁸.

Интересна поездка в Палестину с миссионерской целью окружного миссионера Берёзовского округа Донской епархии, донского казака, псаломщика Каллиника Авксентьевича Картушина, совершённая им с 3 декабря 1893 г. по 4 февраля 1894 г. К епархиальному миссионеру священнику Николаю Петровичу Кутепову (1852–1915) накануне обратился баптист Иван Никитич Аверьянов, казак станицы Тепикийской с просьбой дать ему в сопроводители сотрудника Донской противосектантской миссии для путешествия в Филадельфию. Целью этого путешествия он ставил ознакомиться с жизнью христиан, являющихся потомками и преемниками верующих библейской Филадельфийской Церкви, упомянутой в Откровении св. Иоанна Богослова (Откр. 3, 7–10), для выяснения их образа веры. Так как именно

филадельфийским христианам было в Писании дано утешительное обетование: «и как ты сохранил слово терпения Моего, то и Я сохраню тебя от годины искушения, которая придет на всю вселенную, чтоб испытать живущих на земле» (Откр. 3, 10). Поэтому для многих баптистов важно было понять, какую именно веру хранят в той земле современные им христиане.

По-видимому, бесхитростный казак-баптист, имевший сомнения в вопросах своей веры, желал обрести истину среди известных ему христианских учений, опираясь на опыт путешественника в место, где, по его убеждению, должно было сохраниться похваленное Самим Богом благочестие. Это необычное паломничество описано миссионером К.А. Картушиным и было опубликовано в трёх частях в приложениях к «Донским епархиальным ведомостям» — к №№ 14, 16 и 17 за 1894 г., и отдельной брошюрой²⁹.

По словам епархиального миссионера священника Николая Кутепова, средства на миссионерское путешествие были выделены частично епархиальным начальством, а частично собраны жертвователями, среди которых одни пожелали остаться неизвестными, а имена других он «осмелился назвать» в конце брошюры. Среди них — пожизненный член-сотрудник ИППО по Донскому отделу с 1897 г. священник (впоследствии протоиерей, благочинный Большинского округа) Иаков Иоаннович Голубятников (1842–1910). Также названы священник Казанского храма Хомутовской станицы Филарет Петрович Жахунович (1830–1901), о котором известно, что он был сыном священника, небогатым, рано лишившемся жены и детей, благотельным и добросердечным³⁰ и священники Василий Ефимьев и Гавриил Попов. Епархиальный миссионер, также, отмечал, что «о всех заботившихся о вразумлении заблудших в душепагубных ересь и расколах, по просьбе путешествовавшего, возносилось моление в св. местах»³¹.

Путь казаков баптиста И.Н. Аверьянова и православного псаломщика-миссионера К.А. Картушина по благословению донского епархиального начальства на Православный Восток начался 6 декабря 1893 г. с богослужения у мощей святителя Митрофана в Воронеже. По дороге из Воронежа к Киеву Аверьянов простудился и заболел, но продолжил путь до порта Одессы, где, несмотря на оказанное лечение, решил отказаться от продолжения пути на Восток и просил Картушина самостоятельно завершить поездку и всё увиденное и услышанное, «относящееся к предмету исследования, записывать по сущей правде и сообщить ему»³².

Картушин описывает своё пребывание в Константинополе 20–24 декабря 1893 г., где его внимание привлекли превращённые в мечети Софийский собор и храм монастыря Хора (Кахрие-джами). В последнем он детально рассмотрел сохранившиеся древние мозаики и фрески, акцентировав внимание на жесты рук благословляющих святых, так как этот вопрос был важным в разговоре со старообрядцами, признававшими только двуперстие и отвергавшими именованное перстосложение. Несмотря на значительные

утраты в живописи храма Хора, Каллиник Авксентьевич смог рассмотреть интересующие его детали и сделал вывод, что «для беспристрастного исследователя одного этого храма достаточно для убеждения в древности именословного перстосложения»³³.

Паломник упоминает о сложностях пути: «в ночь на Рождество Христово мы выдержали бурю в небольшом Мраморном море, а 26, 27 и 28 карантин в Дарданеллах». Обозначает причину изменения своего маршрута: «в Смирну я прибыл 30-го числа, но высадиться здесь для поездки в Филадельфию не захотел, потому что, узнав здесь о возможности быть на Иордане к празднику Богоявления, я не мог отказать себе в этом утешении». Далее, описывает прибытие в Иерусалим, движение паломнического каравана и ночлег в Иерихоне, всенощное бдение с участием в пении русских паломников и богослужебными особенностями греков. Миссионер обратил внимание на присутствие у Иордана на торжестве водоосвящения только православных разных национальностей из разных Поместных Церквей: «греков, русских, болгар, сербов, черногорцев, молдаван и частью арабов; не было там представителей сравнительно древних христианских неправославных общин: несториан, монофизитов, единовольников, не было и новых еретиков: баптистов, молокан, штундистов и других». А также, отметил внимание и духовное родство со стороны греческого духовенства к русским паломникам: «Преосвященный говорил по-русски и на нескольких ектениях «Господи помилуй» — пели русские певчие. Отрадно видеть единение Церквей, — матери и дочери, — Церкви Иерусалимской и Церкви Русской»³⁴. Посетил донской паломник и монастырь преподобного Георгия Хозевита, где также изучал вопрос перстосложения на местном иконографическом материале и общался по этому вопросу с архиепископом Иорданским Епифанием. Конечно, прибыл миссионер-паломник в Иерусалим, где «поклонился Господу Иисусу Христу на месте Его страданий, предания Иудой, стояния на суде Пилатовом, крестной смерти, погребения, воскресения и вознесения». 9 января молился за патриаршей Божественной литургией в храме Гроба Господня. Не имея времени ввиду графика движения парохода, 11 января К.А. Картушин направился к ключевому пункту порученного ему миссионерского путешествия — к малоазийской древней Филадельфии, в которую он попал через Смирну только 18 января.

Прибыв в Филадельфию (Эла-Шэер или град Божий), паломник у местного заведующего школой узнал городскую этническую и религиозную статистику, которую позже ему подтвердил через переводчика городской полицейский, уточнил количество и местонахождение местных храмов. В сопровождении «эпитропа митрополии, священника церкви св. Макария о. Георгия, осмотрел все церкви Филадельфии»³⁵.

Посетил музей древностей, находящейся при богословской православной схии в Смирне и музей при библиотеке Филадельфийской схии,

в которых при помощи переводчика грека Матфея Пельтеки и преподавателя гимназии Адамантия Николаевича Диамантопуло, «учившемся некогда в Киеве и прекрасно знающим русский язык», получил доступ к ряду интересовавших его артефактов. Рассмотрел К.А. Картушин древнюю иллюстрированную рукопись и богатый нумизматический материал византийского периода, в которых его интересовали вопросы форм перстосложения, форм креста и наличие или отсутствие бород у благочестивых и нечестивых византийских василевсов, изображённых на монетах.

Вернулся на Дон К.А. Картушин 3 февраля и в ближайшее воскресенье, 6 февраля «пригласил своих сограждан на беседу, чтобы поделиться с ними добытыми сведениями»³⁶. Среди большого количества слушателей миссионера, сторонников старообрядства, по окончании его рассказа о Христианском Востоке трое изъявили желание покинуть раскол и перейти в Православную Церковь.

Из всего виденного и исследованного, паломник публично сделал вывод: «древняя православная восточная Церковь перстосложение не считала за неизменный догмат веры, так же учит и современная Русская Церковь. Православная Русская Церковь, во все время своего существования, состояла и состоит в духовном единении и таинственном общении с Церквами Востока, составляя с ними единое тело под единою Главой — Иисусом Христом и под управлением от Него поставленных пастырей. Поэтому выше всякого сомнения, что греко-российская церковь есть единая, святая, соборная и апостольская Церковь, в которую мы, по символу, обязуемся веровать. Напротив, старообрядцы, никакое согласие в отдельности, ни все вместе, не составляют исповедуемой в символе Церкви ... вопрос о перстосложении я считаю оконченным и всякое новое возвращение к нему буду рассматривать как простое недоверие ко мне»³⁷.

Рассказ о христианах Филадельфии К.А. Картушин, как и обещал, донёс своему несостоявшемуся спутнику баптисту И.Н. Аверьянову, на что последний ответил следующее: «Удивительно! Наш баптистский пресвитер уверял, что был там и видел единомысленную себе благоустроенную общину и даже учился там, а оказывается, что это неправда: или он вовсе не был в Филадельфии, или был, да нечем было похвалиться, так как он не назвал ни лиц, ни учреждений»³⁸.

Таким образом, можно сделать вывод, что паломник-миссионер, будучи человеком начитанным и любознательным, честно и в меру своего понимания исследовал в паломнической поездке историю религиозной жизни и традиции христиан библейского Востока. Он искренне убедился в чистоте и верности учения Российской Православной Церкви, оправданности её обрядов и традиций, общности православного исповедания в России и на Востоке, верности своего православного церковного мировоззрения и нашёл актуальные для своих собеседников аргументы для миссионерских

бесед. На паломнические заметки К.А. Картушина, как на авторитетный источник, часто ссылались дореволюционные миссионеры и некоторые исследователи истории Церкви.

Интересна личность Каллиника Авксентьевича Картушина. Он происходил из даровитой старообрядческой казачьей семьи хутора Попков Островской станицы, являлся младшим братом известного старообрядческого начётчика Иустина Авксентьевича Картушина, впоследствии ставшего старообрядческим «архиепископом Московским и всея Руси» Иоанном. Каллиник и Иустин приходились двоюродными братьями старообрядческому «архиепископу Московскому и всея Руси» Мелетию (Картушину). Получил домашнее образование, был начитан, имел широкий кругозор. С детства, по его собственным словам, он внутренне чувствовал неправду старообрядчества. Под влиянием чтения старопечатных книг, знакомства с сочинениями православных писателей против раскола и его собственных размышлений это внутреннее чувство скоро перешло в сознательное глубокое убеждение в неправде старообрядческого раскола и истинности и спасительности святой Православной Церкви³⁹. Каллиник Авксентьевич в единоверческом Никольском монастыре был убеждён отцом Павлом (Леднёвым), называемым Прусским и присоединён к Православной Церкви. После этого все свои богатые дарования он посвятил защите истинности и спасительности Православной Церкви и обличению неправды старообрядчества. Состоял членом Донского Аксайско-Богородичного братства с 1888 г.⁴⁰ В 29 декабря 1889 г. он был назначен исправляющим должность окружного миссионера Берёзовского округа Донской епархии⁴¹, а 19 марта 1892 г. был утверждён в этой должности⁴², на этом поприще проявил себя талантливым и энергичным проповедником и активным полемистом. В округ входили: Берёзовское, Глазуновское, Зотовское, Урюпинское, Павловское, Семёновское и Усть-Медведицкое благочиния Донской епархии⁴³. Служил псаломщиком в единоверческой церкви хутора Атаманский⁴⁴ и в других храмах Берёзовского благочиния. В апреле 1895 г. старообрядцы хутора Гурова станицы Островской, Усть-Медведицкого округа пригласили инока Иоанна для собеседования с его родным братом — единоверческим миссионером Каллиником Картушиным. Состоялись две беседы, по результатам которых инок Иоанн (Картушин) написал книгу «Разбор ответов миссионера Каллины Картушина». Скончался К.А. Картушин в начале августа 1905 г. в родном хуторе Попков⁴⁵. Публиковал статьи и заметки в журнале «Миссионерское обозрение», в «Донских епархиальных ведомостях».

Совершали паломничества к святым местам Православного Востока в конце XIX в. и донские монашествующие. «Донские епархиальные ведомости», упоминая о торжестве прибытия в 1912 г. в Вознесенский Кременской мужской монастырь Донской епархии подаренного Императором Николаем II образа святого благоверного князя Александра Невского, небесного

покровителя Императора Александра III, пишут об инициаторе этого события. Насельник Кременского Вознесенского монастыря, уроженец слободы Голодаевки Области войска Донского иеромонах Александр «принимая обеты монашества, при пострижении своем положил в правило в молитвах особо-усердно поминать о здравии и благоденствии Императора Александра III, что и выполнял неопустительно во всё время царствования его, по кончине же не преставал молиться о блаженном упокоении его до самой своей смерти, последовавшей после непродолжительной болезни 20 марта 1912 года»⁴⁶. Иеромонах Александр за время своего более чем тридцатилетнего монашества несколько раз паломничал «по святым местам Палестины, Афона и России и везде не преставал творить усердную молитву о благоговейно чтимом Императоре Александре III»⁴⁷. Иеромонах Александр в целях увековечения памяти благоговейно им чтимого Царя-Миротворца испросил у Императора Николая II для обители образ святого Александра Невского, который и был доставлен в монастырь по железной дороге.

Важным личным свидетельством о поклонении у святых мест Христианского Востока осенью 1910 — весной 1911 гг. являются письма, послания и воспоминания архиепископа Донского и Новочеркасского Владимира (Сеньковского), второго председателя Донского отдела ИППО (сентябрь 1908 г. — июль 1914 г.)

Не щадивший собственных сил и здоровья при совершении своего архипастырского служения в Бессарабии и на Кавказе, владыка Владимир стал на Дону всё чаще сталкиваться с проявлением болезней. После ухудшения состояния здоровья, усугубившегося в 1910 г., архиепископ Владимир испросил благословения Святейшего Синода и получил высочайшее разрешение награничный отпуск для лечения.

Донскому архипастырю Господь судил провести на Востоке — в Египте и Палестине полгода во время его вынужденно затянувшегося лечения. По совету врачей архиепископ с конца сентября 1910 г. и до начала апреля 1911 г. проходил лечение в Египте и в Палестине, которое он совместил с паломничеством. Отпуск для поправки здоровья «во Святой Земле Востока» владыке высочайше был продлён с четырёх месяцев ещё на два в январе 1911 г.⁴⁸ Перед поездкой управляющего Донской епархией архиерея на Православный Восток, 26 сентября 1910 г., в кафедральном соборе Новочеркасска был совершён напутственный молебен, после которого архиепископ Владимир обратился с «прощальным словом, в коем высказал сожаление и скорбь по поводу того, что он надолго расстаётся с своею паствою; владыка просил молитв о нём и сказал, что и он будет молиться о пастве во святых местах Палестины»⁴⁹.

Египет, как родина монашества и сама колыбель христианства — Палестина, произвели глубокие духовные впечатления на Донского архипастыря. Своими впечатлениями о поездке он неоднократно делился с читателями

«Донских епархиальных ведомостей», периодически присылая с Востока небольшие, но трогательные и эмоциональные послания. Так в самый канун нового 1911 г. владыка писал: «Из Египта — родины подвижничества — шлю благодарованной возлюбленной моей пастве благословение Божие и привет с наступающим новым годом. Очень далеко от меня Дон, несколько морей отделяет его от настоящего моего местопребывания, но душе моей он всегда и везде близок: лежу ли недвижим на болезненном одре у себя дома или нахожусь вдали от своего кафедрального града»⁵⁰. В январе 1911 г. из Египта Владыка писал строки, полные тоски по Дону: «Мысль моя витает почти постоянно на берегах Дона и, в особенности в епархиальном граде. Но, к глубокому моему сожалению, вести оттуда получаются очень редко и мало. Это усугубляет тяжесть моего одиночества в стране чужой... Ещё малое время и я переселюсь в Палестину, куда неудержимо стремится дух мой. И «аще Господу изволися», возвращусь во свояси ранее срока»⁵¹.

Наиболее духовно восторженны строки писем, рассказывающие о Палестине и Святом Граде: «Иерусалим, 10 марта. Слава и благодарение Господу, удостоившему меня поклониться св. земле и облобызать всемирные святыни града Иерусалима. <...> Слабое перо не может выразить того, какими святыми чувствами была преисполнена душа, когда мы покланялись Гробу Господню и лобызали его, вместившего Невместимого! Не воспроизвести в слове тот священный трепет и благоговение, которыми в эти моменты проникнуто было всё существо! В эти святые незабвенные минуты с глубоким вздохом вознёс я горячую молитву о пастве Донской: прими и присоедини их ко св. Соборной и Апостольской Церкви ... Да будут все — едино ... Освяти их истинною Твоею ... От Гроба Господня я поднялся в храм Воскресения, а отсюда на Голгофу. Здесь, преклонив колена к подножию св. креста, я облобызал край отверстия в камне, указывающего место, где некогда был водружён Крест Господень»⁵².

В завершение своего пребывания во Святой Земле, 25 марта 1911 г. владыка Владимир посетил женский монастырь на Елеонской горе и принял участие в совершении панихиды по погребенному в обители архимандриту Антонину (Капустину), которую служил начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрит Леонид (Сенцов). В своём письме из Палестины, архиепископ Владимир упоминает заслуги приснопамятного начальника миссии отца Антонина, «в течение тридцати лет ревностно насаждавшего и охранявшего православие устройством храмов, приютов, школ, больниц во всей Палестине. Это был замечательный деятель во славу Господа на палестинской ниве!». Также, «с отрадой и благодарностью» отмечает внимание к себе современного ему начальника Иерусалимской духовной миссии, архимандрита Леонида, «широким, радушным гостеприимством и всемерными заботливостью и вниманием которого он был окружён, пребывая под кровом обширного и удобного дома иерусалимской

миссии». Пишет о его заботе и внимании к паломникам: «архимандрит Леонид являет большую заботливость о духовных нуждах паломников, посещающих церковь и подворье миссии. Весьма часто он служит с участием 20–30 священников-паломников. Служба его истовая и продолжительная ... О. архимандрит поучает богомольцев весьма часто в храме и вне храма. Он принимает богомольцев и других лиц у себя с утра до полуночи, а иногда и за полночь, выслушивая различные, большей частью духовные их нужды, ласково утешая, успокаивая и назидая их. Паломники глубоко признательны о. архимандриту...»⁵³.

Архиепископ Владимир вернулся в свой кафедральный град Новочеркасск в Великую Пятницу, 8 апреля 1911 г., затем совершил пасхальные богослужения в Вознесенском кафедральном соборе. В первый день праздника Воскресения Христова, в покоях архиепископа по обычаю состоялся праздничный приём для градского духовенства, служащих консистории и местных духовных учебных заведений. В завершении краткого молебна правящий Донской архиерей обращаясь к собравшимся отметил: «от Господа и Спаса нашего, Гробу Которого я удостоился поклониться, мир и благодать вам, отцы и братия! Моя первая молитва у Гроба Господня была о пастве, о церкви Донской. В знак моей молитвенной памяти о вас прошу принять от меня с пасхальным приветствием крестики и образки, приобретённые мной во св. граде»⁵⁴. Викарному епископу Аксайскому Гермогену (Максимову), товарищу председателя Донского отдела ИППО, владыка Владимир выразил свою глубокую благодарность и признательность за управление епархией и вручил «дар от св. мест — перламутровую панагию с чётками»⁵⁵. Каждый участник приёма получил от архипастыря в дар палестинские крестик или образок, а также пасхальное яйцо.

Архиепископ Владимир неоднократно на проповедях, при посещении донских храмов, духовной семинарии⁵⁶ и других мест⁵⁷, делился своими паломническими впечатлениями и приводил примеры из жизни христиан Палестины и Египта. В сентябре 1911 г. архиепископ Владимир обратился в Святейший Синод с ходатайством о синодальном выражении признательности Патриарху Александрийскому «за заботливость о православных русских»⁵⁸. Вскоре Синод поддержал это ходатайство и «постановил выразить благодарность»⁵⁹ Патриарху древней Александрии.

Большие труды, понесённые Императорским Православным Палестинским Обществом для помощи ближневосточным христианам и оказания внимания и поддержки многочисленным паломникам, владыка воочию увидел за полгода своего пребывания на Востоке. Прочитав Рескрипт Августейшей Председательницы ИППО Великой Княгини Елисаветы Феодоровны от 20 января 1912 г., в котором была выражена просьба усугубить заботы для проведения в 1912 году традиционного для нужд Общества Вербного сбора, архиепископ Владимир в своей резолюции от 9 февраля

1912 года отметил важность этого сбора и сослался на собственные свидетельства благой деятельности ИППО. Владыка писал: «Лично посетив Палестину, я убедился в плодотворности высокой духовно-культурной деятельности православного Палестинского общества для туземного православного населения устройством храмов и различных просветительно-благотворительных учреждений, для поддержания и дальнейшего развития коих требуется больше и больше средств, имея в виду, что инославные общества и частные лица, для поддержания своих учреждений жертвуют огромные средства и тем, усиливая пропаганду, увеличивают свои общины, чрез обращение в свою веру арабов, не только магометан, но и православных христиан. Посему обращаюсь к духовенству с усердной просьбой позаботиться о более успешном производстве сбора в пользу православного Палестинского Общества»⁶⁰. Донская духовная Консистория 10 февраля 1912 г. объявила об этом духовенству Донской епархии, призвав активизировать Вербный сбор в дополнение к распоряжениям, изложенным в циркулярном указе Консистории от 20 декабря 1911 г.

О паломничестве прихожанина Николаевского храма слободы Голодаевки Мартыновой Кирсановского благочиния (Таганрогского округа Области Войска Донского) и его мотивах рассказывал в своём отчёте за 1914 г. о противоалкогольной работе в округе благочинный священник Димитрий Васильевич Авсенов. Во вверенном его попечению Николаевском приходе слободы Голодаевки произошёл следующий случай: 5 мая 1913 г. «один из его прихожан-алкоголиков, напившись пьяным в одном из тайных кабачков, вечером кое-как поплёлся домой. Дорогой на него напали собаки, обнесли на нём всю одежду и он в полуголом виде добрёл, наконец, до своего дома. Что творил он ночью дома, об этом свидетельствовали скорбные слёзы жены его и детей на другой день. Сознав всю дикость своего поступка, описываемый алкоголик тотчас позвал его, о. благочинного, искренно исповедался и тут же дал клятвенный обет, что, если Господь не поразит его и отпустит душу на покаяние, не пить никаких спиртных напитков в течение трёх лет»⁶¹. И действительно, раскаявшийся пьяница более не впадал в этот грех, стал чаще приходить в храм, беседовал со священником, брал у него книги религиозно-нравственного содержания. В конце октября, этот исправившийся прихожанин объявил отцу Димитрию «о своём горячем желании посетить Св. Землю-Палестину. Это его благое намерение священник одобрил и дал наставления относительно паломнической поездки. Паломничество трезвенника было осуществлено в воскресенье, 3 ноября 1913 г.: «отстояв литургию и выслушав молебен, он, вместе с другими паломниками односельчанами, приняв благословение и благие пожелания своего пастыря, со слезами радости на глазах, отправился в далёкий путь»⁶². То есть, описанное паломничество этого донца было мотивировано обетом, данным им ради закрепления покаяния в грехе пьянства. Этот порок терзал самого пьющего человека,

и болезненно отражался на его домочадцах. Паломничество во Святую Землю трезвенник рассматривал как духовный труд в благодарность Богу за помощь в победе над грехом пьянства. Приведённый в отчёте данный случай по благословению епархиального архиерея в назидательных целях был описан «Донских епархиальных ведомостях».

Паломничества не только духовно очищали и возвышали тех, кто достойно, подвижнически их совершал, но и оказывали значительное позитивное влияние на широкий круг людей, соприкасавшихся с ними. Поклоннические путешествия расширяли кругозор донцов, их представления о мире, знакомили с религиозными и этническими традициями и бытовой культурой многих южных народов. Тяжёлые и опасные путешествия сближали людей разных социальных слоёв, чему способствовали и многие совместно прожитые бытовые и духовно пережитые события.

Паломники на Христианский Восток не только сами приобщались к великим святыням, но и, возвращаясь на родину, давали возможность многим людям узнать о святых местах из первых уст. Они привозили на Дон массу паломнических евлогий, которые ценили и берегли многие казаки. Люди, совершившие паломничество в Палестину, на Афон или в Бар-град, были уважаемы и вызывали всеобщий интерес. На Дону, как и во всей России, странничество почиталось особым родом благочестия, позволяющим не только послушать рассказы паломника, но и личным пожертвованием принять участие в его подвиге. Желание отправиться на богомолье в Святую Землю или на Афон в казачьей среде одобрялось и поощрялось. Паломнические воспоминания появлялись в местной церковной и светской печати, часто в виде серии статей. Впечатления донских поклонников находили место на страницах Донских епархиальных ведомостей, Казачьего вестника, Областных ведомостей и других изданий.

¹ Эти вопросы рассматривались на протяжении последних 20 лет в трудах отечественных учёных и богословов: митрополитом Рязанским и Михайловским Марком (Головковым), А.В. Назаренко, С.Ю. Житенёвым, игуменом Серафимом (Кравченко) и др.

² Номикосов С.Ф. Статистическое описание Области Войска Донского / Сост. чл.-секр. Обл. Войска Донского Стат. ком. коллеж. советник Семён Номикосов. Новочеркасск: Обл. правл. Войска Донского, 1884. — [4], 762, XVII с. С. 569.

³ Государственный архив Ростовской области, Ф. 46, Оп. 1, Д. 1301, Л. 61, 62, 74.

⁴ Государственный архив Ростовской области, Ф. 46, Оп. 1, Д. 1388, Л. 2.

⁵ Государственный архив Ростовской области, Ф. 46, Оп. 1, Д. 1301, Л. 61, 62, 74.

⁶ Государственный архив Ростовской области, Ф. 46, Оп. 1, Д. 1388, Л. 1.

⁷ Государственный архив Ростовской области, Ф. 46, Оп. 1, Д. 1388, Л. 8.

⁸ Путеводитель по святым местам Востока [Текст] : руководство для русских паломников, отправляющихся в Иерусалим, на Афон, Синай, в Бар-град и Рим, с приложением

- карты Палестины / Императорское Православное Палестинское Общество. С.-Петербург : Типография В. Ф. Киршбаума (отделение), 1910. — [4], 115 с., [1] л. цв. карт. : табл., С. 12.
- ⁹ Там же, С. 8.
- ¹⁰ Там же, С. 10.
- ¹¹ Там же, С. 14.
- ¹² Путеводитель по Святой Земле. Издание редакции журнала «Русский Паломник» / под ред. А.В. Елисеева. СПб. : Типография П.П. Сойкина, 1888, — 160 с., [15], [VII], С. 13.
- ¹³ *Дмитриевский А.А.* Типы современных русских паломников в Святую Землю. СПб.: Имп. Правосл. Палест. Общество, 1905. — 40 с., С. 11.
- ¹⁴ *Дорошевич В.М.* В Земле обетованной (Палестина). М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1900. — 232 с., С. 128.
- ¹⁵ Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. Т. V, Приложения. С-Пб., Типография В.Ф. Киршбаума, 1895.- 200 с., С. 196.
- ¹⁶ *Дмитриевский А.А.* Типы современных русских паломников в Святую Землю. СПб.: Имп. Правосл. Палест. Общество, 1905. — 40 с., С. 17–18.
- ¹⁷ Елисеев А.В. С русскими паломниками на Святой Земле весною 1884 года : [Очерки, заметки и наблюдения] / [Соч.] А.В. Елисеева. Санкт-Петербург : тип. В. Киршбаума, 1885. — [2], 365 с. С. 209.
- ¹⁸ *Дмитриевский А.А.* Типы современных русских паломников в Святую Землю. СПб.: Имп. Правосл. Палест. Общество, 1905. — 40 с. С. 8–9.
- ¹⁹ *Хитрово В.Н.* Русские паломники Святой Земли. 38-е чтение. Путь до Иерусалима. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1896. — 33 с. С. 9.
- ²⁰ Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. Т. XI. Вып. 2. С-Пб., Типография В.Ф. Киршбаума, 1900, С. 139–143.
- ²¹ *Хитрово В.Н.* Русские паломники в Святую Землю в 1899–1900 г. // Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. 1900. Т. XI. С. 648–655, С. 654–655.
- ²² Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. XII Область Войска Донского / Изд. Центр. стат. ком. М-ва вн. дел ; под ред. Н. А. Тройницкого. 1–89. Санкт-Петербург, Типография кн. В.П. Мещерского, 1905. — 255 с., С. 76.
- ²³ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. IX Воронежская губерния / Изд. Центр. стат. ком. М-ва вн. дел ; под ред. Н. А. Тройницкого. 1–89. Санкт-Петербург, Типография кн. В.П. Мещерского, 1904. I-X; — 255 с., С. 3.
- ²⁴ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. LXV Кубанская область / Изд. Центр. стат. ком. М-ва вн. дел ; под ред. Н. А. Тройницкого. 1–89. Санкт-Петербург, Типография кн. В.П. Мещерского, 1905. [I-XII]; — 263 с., С. 58.
- ²⁵ *Хитрово В.Н.* Откуда идут в Святую Землю русские паломники (опыт статистического исследования) // Собрание сочинений и писем. Т. 2. М.: Императорское Православное Палестинское Общество, 2011. С. 269–284.
- ²⁶ *Чибисова С.П.* История Новочеркасского Михаило-Архангельского храма. Новочеркасск. музей истории донского казачества. Новочеркасск, 2002. — 79 с. С. 20.

- ²⁷ Государственный архив Ростовской области, Ф.226. Оп. 4 Д.84.
- ²⁸ *Троицкий П.В.* Гавриил Афонский. Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 2005.Т. 10. — 752 с. С. 238–239.
- ²⁹ *Картушин К.А.* Поездка в Палестину с миссионерскою целию, с 3 декабря 1893 года по 4 февраля 1894 года. Новочеркасск : Донск. тип., 1894. — 21 с.
- ³⁰ Священник Филарет Петрович Жахунович // Донские епархиальные ведомости, №6, 1901. С. 130–133.
- ³¹ *Картушин К.А.* Поездка в Палестину с миссионерскою целию, с 3 декабря 1893 года по 4 февраля 1894 года // Донские епархиальные ведомости, №17, 1894, приложение. С. 21.
- ³² Донские епархиальные ведомости, №14, 1894, приложение. С. 2.
- ³³ Там же. С. 3.
- ³⁴ Там же. С. 3–4.
- ³⁵ Там же. С. 7.
- ³⁶ Донские епархиальные ведомости, №17, 1894, прилож. С. 19–20.
- ³⁷ Там же. С. 20.
- ³⁸ Там же. С. 20–21.
- ³⁹ Берёзовский окружной миссионер Донской епархии Каллиник Авксентьевич Картушин // Донские епархиальные ведомости, №25, 1905, С. 625–630. С. 626.
- ⁴⁰ Донские епархиальные ведомости, №6, 1888. С. 217.
- ⁴¹ Донские епархиальные ведомости, №3, 1890. С. 83.
- ⁴² Донские епархиальные ведомости, №10, 1892, Офиц. отд. С. 377.
- ⁴³ Расписание миссионерских округов Донской епархии, утверждённое Его Высокопреосвященством 23 апреля 1896 года // ДЕВ № 10–11, 1896. С. 235.
- ⁴⁴ Донские епархиальные ведомости, №6, 1889. С. 197.
- ⁴⁵ Донские епархиальные ведомости, № 25, 1905. С. 625.
- ⁴⁶ Торжество в Кременском мужском монастыре // Донские епархиальные ведомости, № 7, 1913, Неоф. отд., С. 201–207. С. 201.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Донские епархиальные ведомости, №3, 1911. С. 38.
- ⁴⁹ Донские епархиальные ведомости, №29, 1910. С. 721–722.
- ⁵⁰ *Владимир, архиеп.* Архипастырский привет и пожелания Новочеркасской пастве накануне нового года // Донские епархиальные ведомости, №1, 1911 г., Офиц. отд. С. 17–19.
- ⁵¹ Вести от Архипастыря, Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего Владимира, Архиепископа Донского и Новочеркасского // Донские епархиальные ведомости, №5, 1911, Офиц. отд. С. 92–93.
- ⁵² Возвращение Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего Владимира, Архиепископа Донского и Новочеркасского, из поездки в Египет и Св. Землю // Донские епархиальные ведомости, № 11–12, 1911. С. 280–287.
- ⁵³ Возвращение Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего Владимира, Архиепископа Донского и Новочеркасского, из поездки в Египет и Св. Землю // Донские епархиальные ведомости, № 11–12, 1911. С. 280–287.

- ⁵⁴ Там же. С. 285.
⁵⁵ Там же. С. 286.
⁵⁶ Донские епархиальные ведомости, № 17, 1913. С. 541–542.
⁵⁷ Донские епархиальные ведомости, № 22, 1911. Прил. С. 1–4.
⁵⁸ Донские епархиальные ведомости, № 26, 1911. Неофиц. отд. С. 669.
⁵⁹ Донские епархиальные ведомости, № 27, 1911. С. 695.
⁶⁰ Донские епархиальные ведомости, № 5, 1912. С. 60–61.
⁶¹ Из отчётов о. о. Благочинных // Донские епархиальные ведомости, № 13, 1914. С. 237–238.
⁶² Там же. С. 238.

РУССКИЕ ПРАВОСЛАВНЫЕ ПАЛОМНИКИ НА СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ (1792–1820 гг.)

М. М. Якушев

Русское православное паломничество на Святую Землю носило временный, как правило, сезонный характер, в период между Рождеством Христовым и Воскресеньем Христовым.

Было распространено несколько типов паломничества: паломничество по обету, данному Богу; покаянное паломничество в знак раскаяния в грехе; паломничество по болезни для исцеления от душевной немощи или излечения от телесного недуга через прикосновение к святыням; паломничество по поручению или просьбе других лиц. По количественному составу паломничество на Святую Землю можно разделить на келейное и соборное; по религиозному составу — однородное и смешанное. Паломничество может делиться по сословному, социальному, гендерному, профессиональному, территориальному и материальному признаку.

В русской литературе российских подданных, отправлявшихся на поклонение на Афон и Синай или на богомолье в Иерусалим, называли «богомольниками», «богомольцами», «богомольщиками», «каликами переходжими», «землепроходцами», «молельщиками», «паломниками», «пешеходцами», «пилигримами», «поклонниками», «путешественниками», «путниками», «странниками», «ходебщиками». В коммерческой канцелярии российской миссии в Константинополе богомольцы получали пакет паломнических документов: султанский фирман («именной указ») и заграничный паломнический паспорт на русском языке с итальянским переводом, дававшие им право путешествовать по Османской империи, меняли российские рубли на османские пиастры¹, а малоимущие и неимущие получали денежное содержание на проживание и пропитание в османской столице, на наем судна из Константинополя до Яффы. Состоятельные русские богомольцы, в частности паломники-писатели, оплачивали расходы на дорогу, жилье и прокормление самостоятельно.

В соответствии с Кючук-Кайнарджийским (1774 г.)² и Ясским (1792 г.)³ мирными договорами, русским православным паломникам было предоставлено право безопасного и беспрепятственного путешествия по святым местам, находившимся на территории Османской империи. Имевшиеся на руках русских богомольцев «султанские грамоты» (осм. *фирманы*) выполняли функцию «охранных грамот» (осм. *аманов*), выдаваемых иностранным подданным-мюстеминам, а также «дорожных грамот» (осм. *тезкере*), предоставляемых Портой османским подданным для беспрепятственного и безопасного путешествия по Османской империи. Фирманы с вписанными в них именами обеспечивали лицам, ими обладающим, большую степень безопасности, поскольку на документе стояла печать султана.

Паломники-писатели, как правило, рассказывали о процедуре получения фирманов, некоторые из них упоминали их стоимость. Прапорщик И.И. Вешняков получил от российского посланника паспорт на итальянском языке и исходатайствованный им от «турецкого правительства фирман, или имянной указ»⁴. Подпоручик И.С. Сысоев отдал паспорт через российскую коммерческую канцелярию «турецкому правлению», заплатив за фирман 26 левов (20 рублей 80 копеек), и через два дня получил от «турецкого правительства паспорт на итальянском языке и фирман»⁵. Русские паломницы Анна Алексеевна и Параскева Степановна получили документы через «московскую канцелярию» от «турецкого султана», заплатив за каждый паспорт по 22 рубля, а «московский посланник» выдал им вместо российских паспортов «паспорта на разных языках»⁶.

Султанские фирманы исходатайствовали управляющие российской миссией на Босфоре. Поверенный в делах Константинопольской миссии А.С. Хвостов получил фирман султана Селима III для иеромонаха Мелетия⁷, чрезвычайный посланник и полномочный министр в Константинополе А.Я. Италинский — фирман султана Селима III для дворян братьев Ивана и Василия Вешняковых и Михаила Новикова⁸, а чрезвычайный посланник в Константинополе Г.А. Строганов — фирман султана Махмуда II для дворянина Ильи Сысоева и крестьянина Петра Хостова, Захара и Ивана⁹, Якима Васильева¹⁰, Анны Алексеевны и Параскевы Степановны¹¹ и крестьянина Кира Бронникова¹². Примечательно, что Мелетий, И.И. Вешняков и К.И. Бронников к описаниям своих путешествий прикладывали перевод султанских фирманов на русский язык¹³.

Следует отметить, что на лицевой стороне фирманов, выдаваемых русским богомольцам, в частности, Мелетию, братьям Ивану и Василию Вешняковым и Киру Бронникову, располагалась султанская печать, а на оборотной стороне фирманов стояли подписи двух османских чиновников: *реис-эфенди*¹⁴ и *бейликджи-эфенди*¹⁵, затем султанские указы направлялись *нишанджи-эфенди*¹⁶. Примечательно, что вышеупомянутые сановники наряду с *амеджи-эфенди*¹⁷ и *мектубджи-эфенди*¹⁸ находились в прямом подчинении великого визиря, возглавлявшего османское правительство.

Путевые расходы от Одессы до Иерусалима на примере трех паломников, посетивших Святую Землю в начале XIX в.

Фамилия паломника	Плата за проезд от Одессы до Константинополя	Плата капитану корабля за проезд до Яффы	Плата лодочникам в Яффе	Плата за проживание игумену греческого монастыря	Плата за проезд до Иерусалима / провоз багажа
Вешняков (1804–1805 гг.)	25 рублей	35 пиастров	20 пара	5 пиастров	8 пиастров / —
Сысоев (1817–1818 гг.)	безденежно	40 левов	2 лева (1 руб. 60 коп.)	—	18 левов / —
Бронников (1820–1821 гг.)	16 рублей	безденежно	2 лева (80 коп.)	«кто сколько мог и хотел»	8 левов / «по 6 пар с батмана»
Серапион ¹⁹ (1830–1831 гг.)	безденежно	150 левов	80 копеек	—	3 руб. 60 коп. / «по 35 коп. с пуда»

Интересно сравнить путевые издержки от Одессы до Иерусалима на примере богомольцев, посетивших Святую Землю в начале XIX в. Помимо перечисленных путевых расходов И.И. Вешняков заплатил корабельному повару 10 пар, арабским носильщикам 2 пары, а И.С. Сысоев заплатил арабам-носильщикам 8 пар (16 копеек).

Первым перевалочным пунктом на паломническом маршруте из Константинополя в Иерусалим была Яффа. Прибыв в порт на парусных судах, богомольцы пересаживались на малые гребные суда (лодки, шлюпки) и арабские лодочники доставляли их до берега, где их встречали арабы-носильщики, выгружавшие из лодок паломнический багаж и доставлявшие в греческий монастырь святого Георгия Победоносца, расположенный рядом с портом.

В 1820 г. было учреждено российское вице-консульство в Яффе — первое штатное консульское представительство Российской Империи на Святой Земле. С этого времени русские паломники за консульской помощью обращались в российское консульское учреждение. В российском вице-консульстве регистрировались и сдавались на хранение паломнические паспорта и денежные депозиты, которые ожидали возвращения поклонников в «казенном сундуке» под «казенной печатью». Вместо паспортов богомольцам выдавались записки с «гербовой печатью», а вместо денег, сданных на хранение, — расписки в получении их сотрудниками консульской канцелярии.

В Иерусалим паломники отправлялись либо верхом на вьючных животных (верблюдах, лошадях, лошаках, ослах), либо на колесных транспортных средствах (повозках и телегах), либо шли пешком по основному

маршруту движения через транзитный пункт Рамлю, посещали Лод, и далее направлялись до Иерусалима и Вифлеема. Тем же маршрутом богомольцы возвращались обратно, причем, Рамля была еще и перевалочным пунктом на пути их следования из Иерусалима в Назарет и Тиверию.

В связи с трудностями паломнического маршрута на всем протяжении пути богомольцы вынуждены были делать привал и останавливаться на ночлег. Для паломнических остановок использовались монастыри Иерусалимского Патриархата. Следует отметить, что в Яффе и Рамле функции гостеприимных и странноприимных домов для русских паломников выполняли патриаршие подворья (греч. *метохи*), или Георгиевские монастыри, возглавляемые иеромонахом, называемым игуменом, или протоигуменом.

Дорожное имущество, главным образом тяжелые сундуки и ящики, привезенные арабами-извозчиками и арабами-погонщиками в Патриарший монастырь Иерусалима за день до приезда поклонников, складывались послушниками в специально отведенные для этого помещения. Мелкие и ценные вещи поклонники везли с собой, а лишние мешки и тюки оставляли в «монастырской кладовой палате» Патриаршего подворья в Яффе.

В начале XIX в. в Иерусалиме не было привычных для российских подданных гостиниц, постоялых или гостиных дворов. В Святом Граде поклонники, как правило, были предоставлены сами себе, однако благодаря своей сообразительности и изобретательности они создавали себе более благоприятные условия проживания. Состоятельным и обеспеченным русским паломником не требовалось прибегать к разного рода хитростям и уловкам для улучшения своего быта, так как в Иерусалиме имелись караван-сарай или ханы, где они имели возможность переночевать, чтобы на другой день продолжить свой путь, и греческие обители, выполнявшие «гостиничную» функцию и по внешнему виду ничем не отличающиеся от других городских строений. Большую часть этих зданий по своему прямому назначению следовало бы называть не монастырями, а гостиницами (греч. *архондарик*, или *фондарик*), так как они служили исключительно для размещения паломников.

Странноприимными, или гостеприимными домами в России называли богадельни, именуемые также «божиими приютами», или «божиими домами». К ним также относились монастырские гостиницы. Их начальники именовались игуменами (настоятелями), назначались из числа святогробских монахов и располагали одним или двумя послушниками и служителями из наёмных арабов. Монастырские гостиницы отдавались в распоряжение игуменов с уплатой в патриаршую казну регламентированной суммы с каждой гостиницы, дифференцированной в соответствии с ее вместимостью, а плата за размещение в них была одинаковой. Помимо иеромонаха в каждом мужском монастыре, как правило, служил иеродиакон.

Патриарший монастырь, или «Патриаршеский дом» был первой обителью Иерусалима, где торжественно встречали русских богомольцев и оказывали им теплый прием. Далее поклонников распределяли по другим иерусалимским монастырям: святого Архангела Михаила (Архангельский), святого Николая (Никольский), святого Авраамия, святой Екатерины, святого Феодора и др.

Прибывающих в Иерусалим богомольцев в соответствии с церемониалом встречал либо сам игумен, либо *мирхаджи* (араб. *амир уль-хадж*) и проводил постояльцев в палаты, предназначенные для размещения богомольцев. Русские паломники описывали мирхаджи по-разному: у Мелетия мирхаджи — «вождь поклонников»²⁰, у И.И. Вешнякова «мерхаджи» — «монах, разумеющий многие языки, определенный для встречи путешественников»²¹, а у К.И. Бронникова «мерхаджий» — «гостинный вожатый монах»²². Мирхаджи выполнял протокольные и переводческие функции.

Паломники-писатели подробно описывали убранство гостевых залов и драпировку стен. По их словам, главными украшениями были настенные и напольные ковры, а также тюфяки, подушки и одеяла и другие предметы интерьера. Так, Мелетия поселили в «большие гостиные залы»²³, И.И. Вешнякова и его спутников — «в палату продолговатую, устланную коврами и подушками, раскладными около стен»²⁴, К.И. Бронникова — «в гостиную залу, которая вся была устлана коврами, а вокруг обкладана тюфяками, или подушками и одеялами»²⁵.

Богомольцы описывали церемониальные напитки и закуски, в том числе кондитерские и хлебобулочные изделия, предложенные им в приемной палате. В соответствии с монастырским церемониалом, гостей угощали традиционными восточными напитками и легкими закусками. Мелетию, И.И. Вешнякову, И.С. Сысоеву, К.И. Бронникову и их спутникам подносили чашку кофе и чарку водки, так как кофе и водка были главными церемониальными напитками греческих святогробских монастырей. К упомянутым напиткам подавались различные сладкие закуски, конфеты, варенье, мед, сухофрукты, виноград, булки, пышки, крендели и сухари. Мелетию, например, подавали «сладкие заедки с пряжеными пышками»²⁶, И.И. Вешнякову — «разные на закуску сушеные плоды и сухари»²⁷, И.С. Сысоеву — виноград и сухари, К.И. Бронникова угощали «кренделями и сладкими закусками»²⁸.

Паломники-писатели детально описывали интерьер трапезной палаты Патриаршего монастыря и сервировку стола. По их словам, посуда была изготовлена из красной меди, столовые приборы — из серебра, а стол сделан из белого мрамора. И.И. Вешняков особо отметил, что ему и его спутникам подносили то «водку и старые крепкие вина серебряными ковшичками», то «водку и старое белое вино»²⁹. И.С. Сысоев заметил, что ему со спутниками «виноградные вины подносили серебряными ковшичками»³⁰. К.И. Бронников заметил, что за столом ели «на тарелках серебряными российской

работы ложками, со скатертями и салфетками, в разные времена российскими поклонниками привезенными»³¹. И.И. Вешняков подчеркнул, что блюда с едой стояли «на столах белых мраморных как снег и без скатертей..., а посуда вся из красной меди, кругом полуженная»³². И.С. Сысоев также отметил, что яства стояли «на столах мраморных белых как снег без скатертей..., а посуда вся из красной меди кругом полуженная»³³.

Нередко паломники-писатели рассказывали о торжественной трапезе в Патриаршем монастыре после литургии и церемониального обряда в Воскресенском соборе. Пища сервировалась в соответствии с монастырским этикетом. По сообщению И.И. Вешнякова, блюда с едой «расставлялись по всем верхам плоским монастырским и церковным на длинных и узких скатертях, расстеленных на коврах»³⁴. Праздничную трапезу неоднократно описывал И.С. Сысоев. По его сведениям, «пища стояла по кровлям плоским на простертых белых скатертях»³⁵, «на кровлях по всем верхам монастыря скатерти были разосланы стояла пища»³⁶. По словам К.И. Бронникова, блюда с едой «раскладывались на площадках монастырских и церковной крыше на рогожках и скатертях»³⁷.

Как правило, паломникам-писателям предоставляли места для отдыха и ночлега в приемных комнатах для гостей, расположенных в главных христианских храмах Святой Земли — Воскресенском соборе Иерусалима, расположенном рядом с Патриаршим монастырем, и в Рождественском соборе Вифлеема.

После трапезы поклонники отправлялись в большую гостевую келью или архиерейскую келью храма Воскресения Христова на ночлег. По словам И.И. Вешнякова, и И.С. Сысоева в Воскресенском соборе их «постели состояли из набитых хлопчатой бумагой тюфяков и подушек, покрытых коврами»³⁸. К.И. Бронников рассказал о «гостиной большой келье, устланной коврами с тюфяками и одеялами»³⁹.

После ужина в трапезной в храме Рождества Христова богомольцы направлялись в свои гостевые кельи на ночлег. В Рождественском соборе И.И. Вешняков со спутниками, и И.С. Сысоев со спутниками спали «на приготовленных из хлопчатой бумаги тюфяках, покрытых коврами»⁴⁰, однако Сысоев добавил к описанию еще подушки и одеяла⁴¹. По описанию Анны Алексеевны и Параскевы Степановны, в Рождественском соборе предназначенные для поклонников «кельи все убраны и устланы коврами»⁴². К.И. Бронников только упомянул о «гостинной келье» Рождественского храма⁴³.

Иеромонахи Мелетий и Никанор (Москвитин) ночевали в «патриаршей гостинице»⁴⁴, а И.И. Вешняков и его брат В.И. Вешняков с их спутником М.Л. Новиковым останавливались в Воскресенском соборе. Следом за ними в храме Гроба Господня ночевали И.С. Сысоев, П. Хостов с их спутниками, Д.В. Дашков и его спутник М.Н. Воробьев, там же ночевали Анна Алексеевна и Параскева Степановна, Я. Васильев, К. Бронников и сопровождавший его монах Тимофей.

Примечательно, что внимание паломников-крестьян и паломников-дворян, посещавших Иерусалим в начале XIX в., привлекала мусульманская стража, сидевшая у входа в храм Воскресения Христова, выполнявшая функции охранников и мытарей и занимавшаяся протокольным обеспечением церковных праздничных мероприятий. По большим праздникам, во время церковных процессий и обрядов, в соответствии с церемониалом, «турецкие караульные» следили за обеспечением безопасности и порядка в Воскресенском соборе, а в обычное время ограничивались курением кальяна, игрой в шахматы, питьем кофе, приготовляемого на жаровне у дверей храма. Крестьяне Я. Васильев, П. Хостов, К. Бронников, а также дворянин И.С. Сысоев иногда называют их «турецким караулом»⁴⁵. Дворянин И.И. Вешняков неоднократно упоминал мусульманскую стражу. По его словам, в первом случае арабы сидели «на диване с левой стороны близ оных врат»⁴⁶, во втором случае — «подле врат на мягком диване», курили табак, варили на жаровнях кофе и пили его⁴⁷; по сведениям И.С. Сысоева, турки сидели «внутри подле врат на мягких подушках, устланных коврами», курили табак, варили на жаровнях кофе и пили⁴⁸; по словам К.И. Бронникова, турки сидели «внутри церкви близ дверей на мягких диванах»⁴⁹.

Таким образом, русские паломники-писатели, посетившие Святую Землю с конца XVIII по начало XIX вв., в своих трудах рассказывали о святынях и достопримечательностях Ближнего Востока, но и отмечали гостеприимный и радушный прием со стороны православного духовенства святогробских обителей, подробно описывали монастырский церемониал и столовый этикет греческих обителей Иерусалима и Вифлеема, давали описания монастырской инфраструктуры, в том числе залов, келий, комнат, палат и трапезных, гастрономическую культуру и церемониальные угощения.

¹ Османский (турецкий) лев, пиастр, или куруш — название денежной единицы Османской империи. Первоначально словом куруш именовали европейские серебряные монеты. Впоследствии куруш — османская монета, чей вес значительно менялся от 26 до 1.2 грамм; 1 пиастр = 40 пара (М.Я.).

² Кючук-Кайнарджийский мирный договор. 10/21 июля 1774 г. / Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Трактаты. Оп. 2. 1774. Д. 445.

³ Ясский мирный договор. 29 декабря 1791 г. / 9 января 1792 г. / АВПРИ. Ф. Трактаты. Оп. 2. 1791. Д. 450.

⁴ Вешняков И.И. Путевые записки в Святой Град Иерусалим и окрестности оного Калужской губернии дворян Вешняковых и медынского купца Новикова в 1804 и 1805 годах. М., 1813 (далее: Вешняков).

⁵ Сысоев И.С. Путевые записки в Святой град Божий Иерусалим и в окрестности оного Новгородской губернии города Старой Руссы из военных подпоручика Ильи Степа-

- нова сына Сысоева и крестьянина Петра Хостова в 1817-м и 1818-м годах. / ОР РНБ. Собрание ОЛДП. № 623. (далее: Сысоев). Л. 3–3об.
- ⁶ Анна Алексеевна. Путешествие во Святой град Иерусалим села Лежнева девицы Анны Алексеевны и вдовы Параскевы Степановны в 1819 году / ОР РНБ. Собрание А.А. Титова. № 1307. Л. 1–62; Предисловие: А. Титов. М., 1885 (далее: Анна Алексеевна).
- ⁷ Мелетий. Путешествие во Иерусалим Саровския Общежительная Пустыни иеромонаха Мелетия в 1793–1794 годах / РГАДА. Рукопись собрания Саровской пустыни (Ф. 357). Оп. 1. Д. 305. Л. 1–350 (черновой оригинал); М., 1800 (далее: Мелетий). Л. 10, 41.
- ⁸ Вешняков. Л. 5.
- ⁹ Сысоев. Л. 3–3об.
- ¹⁰ Васильев Я. Путешествие во Святой град Иерусалим из России ростовского крестьянина Якима Васильева в 1818–1819 гг. / ОР РНБ. Собрание А.А. Титова. № 889 (далее: Васильев).
- ¹¹ Анна Алексеевна. Л. 3–3об.
- ¹² Бронников К.И. Путешествие к Святым местам, находящимся в Европе, Азии и Африке, совершенное в 1820–1821 гг. села Павлова жителем Кирием Бронниковым. М., 1824 (далее: Бронников). Л. 5.
- ¹³ Мелетий. С. 42–44, Вешняков. С. 210–212, Бронников. С. 285–287.
- ¹⁴ Реис-эфенди (реис уль-куттаб) — руководитель секретариата великого визиря, директор имперской канцелярии (диван-калеми), руководитель османского внешнеполитического ведомства, занимавший пост, соответствовавший посту министра иностранных дел, государственного секретаря или государственного канцлера.
- ¹⁵ Бейликчи-эфенди (бейликджи) — руководитель департамента Порты (бейлик калем), отвечавшего за разработку и публикацию указов или постановлений по всем вопросам кроме финансовых, а также ведение архива оригиналов всех межгосударственных документов; «обер-секретарь иностранных дел экспедиции»; «директор департамента чужестранных дел», «директор департамента, выдающего султанские указы»; «управитель указного департамента»; «обер-секретарь при Порте».
- ¹⁶ Нишанджи-эфенди (тевкеи) — руководитель секретариата султана, хранитель султанской печати, «начертатель султанского вензеля», сановник, который «на указах и других публичных актах ставит султанскую помету» (стилизованную подпись султана) для их окончательного оформления. Нишанджи был той последней инстанцией в имперской канцелярии султанского дворца, после печати которого запрашиваемые миссией фирманы получали окончательный вид.
- ¹⁷ Амедчи-эфенди (амедджи) — руководитель департамента (канцелярии) Порты (амеди калем), отвечавшего за документооборот и корреспонденцию между ведомствами великого визиря и султанским дворцом; «обер-секретарь экспедиции визирских султану докладов»; «управитель челобитного департамента»; «обер-секретарь при Порте».
- ¹⁸ Мектубчи-эфенди (мектубджи) — заведующий канцелярией великого визиря; «обер-секретарь визирской канцелярии»; «директор канцелярии, сочиняющей визирские письма», «обер-секретарь при Порте».

- ¹⁹ Стефан-Серапион (Агеев). Путешествие во Святой Град Иерусалим Патриаршего Иерусалимского монастыря монаха Серапиона, именовавшегося прежде пострижения Стефаном 1830 и 1831 годов / ОР РНБ. Собрание Н.П. Тиханова. № 511. Л. 1–32; Два путешествия в Иерусалим в 1830 и 1831 и в 1861 годах / Составила Е.Л. Румановская. М., 2006. С. 44–61.
- ²⁰ Мелетий. Л. 84.
- ²¹ Вешняков. Л. 74.
- ²² Бронников. Л. 37.
- ²³ Мелетий. Л. 83.
- ²⁴ Вешняков. Л. 74.
- ²⁵ Бронников. Л. 36.
- ²⁶ Мелетий. Л. 83, 85, 90, 97.
- ²⁷ Вешняков. Л. 74, 76.
- ²⁸ Бронников. Л. 51.
- ²⁹ Вешняков. Л. 75, 117–118, 154.
- ³⁰ Сысоев. Л. 19об.-20.
- ³¹ Бронников. Л. 81.
- ³² Вешняков. Л. 74–75.
- ³³ Сысоев. Л. 19–20об.
- ³⁴ Вешняков. Л. 136, 153.
- ³⁵ Сысоев. Л. 57об.
- ³⁶ Там же. Л. 63 об.
- ³⁷ Бронников. Л. 160.
- ³⁸ Вешняков. Л. 92; Сысоев. Л. 34.
- ³⁹ Бронников. С. 47–48.
- ⁴⁰ Вешняков. Л. 118.
- ⁴¹ Сысоев. Л. 50.
- ⁴² Анна Алексеевна. Л. 31.
- ⁴³ Бронников. Л. 62.
- ⁴⁴ Никанор (Москвитинов). Путешествие на Афон и Святую Землю монаха Никанора Москвитинова в 1794–1795 годах. Собрание Валаамского монастыря. Отдел 4 (рукописи). № 167. Л. 1–44; СПб., 1796. Л. 240.
- ⁴⁵ Васильев. Л. 4об.
- ⁴⁶ Вешняков. Л. 81.
- ⁴⁷ Там же. Л. 90.
- ⁴⁸ Сысоев. Л. 35об.
- ⁴⁹ Бронников. Л. 40.

СОВРЕМЕННЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ,
ПОСВЯЩЁННЫЕ
ПОЛОЖЕНИЮ
НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

ПОВЕСТКА ПАЛЕСТИНЫ В ЛИВАНСКИХ ДЕЛАХ*

А. В. Сарабьев

Выбранная тема чрезвычайно сложна. Палестинский вопрос никогда не оценивался ливанским обществом однозначно. Часть ливанцев была единомышленниками палестинских военизированных организаций, многие входили в ополчения, действовавшие бок о бок с палестинцами еще в период Гражданской войны 1975–1990 гг. Некоторые ливанские партии являлись тактическими союзниками палестинских боевиков (например, Прогрессивная социалистическая партия, АМАЛЬ). Но существуют в Ливане и силы, десятилетия оспаривавшие право палестинцев жить и действовать на территории своей страны. Их противодействие и обусловило, собственно, жесткость столкновений первого этапа Гражданской войны — так называемого «палестинского» (1975–1976 гг.) Их позиция отражает в настоящее время настороженность многих ливанцев по отношению к политике на палестинском направлении.

При этом политика центрального руководства Ливана в отношении палестинцев носит вполне сбалансированный характер. В частности, Ливан не отказывается от своей позиции в отношении двух основополагающих пунктов — права палестинцев на собственное государство и на возвращение беженцев на родину. В условиях, когда арабо-израильские противоречия уходят с повестки общеарабских организаций вслед за «парадом признания» Израиля стран Залива, проблема сужается до размеров так называемого палестино-израильского конфликта. Для христиан всего мира Святая Земля является сакральным центром географии, а поэтому тема

* Работа выполнена в соответствии с госзаданием Института востоковедения РАН в рамках программы фундаментальных научных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи» Минобрнауки в 2022 г.

Палестины остается важнейшей во всех ее аспектах. Один из них, причем незаслуженно находящийся в тени — взгляд сквозь призму происходящего в соседней стране, Ливане. Нынешнее состояние палестинской повестки в ливанских делах включает в себя, как представляется, следующие аспекты: контртеррористический, идеологический, политический и сакральный. Эти аспекты могут служить и подходами к изучению вопроса.

ЧЕРЕЗ 15 ЛЕТ ПОСЛЕ ВОЙНЫ В ПАЛЕСТИНСКИХ ЛАГЕРЯХ В ЛИВАНЕ

Как известно, халифатисты-игиловцы действовавшие с помощью насилия и террора, пытались воплотить свой трансграничный макрорегиональный проект, отметаивший социальные границы национальных государств. Однако еще задолго до их зверств на Ближнем Востоке, летом 2007 г. на территории Ливана прозвучал их тревожный звонок: им стали кровавые события в двух палестинских лагерях. Почти одновременно и в североливанском лагере Нахр-аль-Барид, и в южноливанском лагере Айн-аль-Хильве вспыхнули беспорядки, связанные с террористической активностью боевиков, которые действовали от имени тоже странсграничных исламистских структур — неких «Фатх-аль-ислам» и «Джунд-аш-Шам». Эти группы оказались никак не связаны с традиционными палестинскими партиями и группами, такими как ФАТХ, ХАМАС, ДФОП, НФОП, НФОП-ГК, ИДП и др. Стало известно об их салафитской идеологии и принадлежности к зонтичной наднациональной исламистской террористической структуре «Аль-Каида», в то время как даже самые крайние палестинские исламистские организации (например, «Исламский джихад в Палестине», связанная с запрещенной в России организацией «Братья-мусульмане») оставались все же национально ориентированы.

Боевые действия вокруг лагерей Нахр-аль-Барид и Айн-аль-Хильве шли на протяжении почти всего лета 2007 г. Параллельно шла эвакуация мирных жителей лагерей, предварявшая операции армии по зачистке от засевших там боевиков. Начались боестолкновения в обоих лагерях почти по одинаковым схемам: армия пыталась арестовать подозреваемых в крупном ограблении укrywшихся в лагере боевиков — якобы надуманно, на что последние отстреливались, а затем атаковали армейские блок-посты. В лагере к северу от Триполи, в котором проживало около 30 тыс. жителей, это произошло на рассвете 20 мая, а в лагере южнее Сайды — 3 июня. Вскоре появились жертвы среди мирного населения, в том числе дети, и ливанскую армию боевики из палестинских лагерей тут же обвинили в преступлениях, достойных якобы непримиримой вооруженной борьбы.

Судя по всему, то была попытка превратить Ливан в региональный очаг нестабильности и социальной напряженности. Ведь события вокруг лагерей сопровождались терактами в разных частях Ливана, в том числе в Бейруте. Вот только некоторые из них: взрыв заминированного автобуса рядом с церковью в христианском квартале Бейрута 4 июня; обезврежено взрывное устройство в зоне отдыха бойцов ЮНИФИЛ 6 июня в районе Сура; 7 июня рядом с одной из бейрутских школ была взорвана ручная граната, а во дворе другой школы был найден муляж взрывного устройства; в тот же день — взрыв и сильный пожар на заводе по производству кислорода в поселке Зук Мосбех (рядом с важнейшей для столицы электроподстанцией) близ Бейрута, в результате чего погиб один человек, несколько были ранены; 11 июня убиты два сотрудника ливанского Красного Креста, еще один ранен; ранен также шейх Мухаммад Хадж, член Ассоциации палестинских алимов, задействованной в переговорах с исламистами «Фатх-аль-ислам»; 13 июня на оживленной набережной Бейрута был взорван кортеж члена правящего блока Валида Идо; через десять дней возле южноливанского поселка Хиям взрывом заминированного автомобиля были убиты шесть военнослужащих ЮНИФИЛ.

Вскоре боестолкновения стали перекидываться на Триполи, а 29 июня армии пришлось применить силу для подавления сопротивления палестинских беженцев в лагере Бадауи, пытавшихся вернуться в Нахр-аль-Барид, расположенный всего в 5 км от первого. Затем армия приступила к планомерному истреблению террористов, которое затягивалось ввиду стремления военных избежать случайных жертв среди гражданского населения палестинских лагерей, которых террористы использовали в качестве живого щита. Одержать окончательную победу над теми исламистами удалось лишь в начале сентября 2007 г., когда остатки «Фатх аль-ислам» в превращенном в руины лагере Нахр-аль-Барид были ликвидированы.

Важно отметить, что по своему составу обе террористические группы вполне соответствовали своему транснациональному халифатистскому характеру: их составляли боевики палестинского, сирийского, ливанского и саудовского происхождения, а в «Джунд аш-Шам» входили также бангладешцы, йеменцы, алжирцы, марокканцы, и др.¹ В прессе тех лет упоминалась их экстремистская деятельность далеко за пределами Ливана — в Ираке, Иордании, Афганистане и даже на Северном Кавказе. Лидер «Фатх аль-ислам» Шакер аль-Аббси (по прозвищу Абу Хусейн) был приговорен к смерти в Иордании в 2004 г. вместе с лидером «Аль-Каиды» Абу Мусабом аз-Заркави за убийство американского дипломата. А «Джунд-аш-Шам» еще за год до событий в Ливане была запрещена на территории Российской Федерации, как и связанная с ней «Усбат-аль-ансар», запрещенная еще в 2003 г.²

Уже в феврале 2008 г. судебное разбирательство установило причастность Ш. аль-Аббси и еще трех террористов к подрыву двух пассажирских автобусов

в ливанском поселке Айн Алак 13 февраля 2007 г. Тогда же еще 56 человек были обвинены в принадлежности к различным террористическим группировкам в Ливане, включая «Аль-Каиду». Кстати, им вменялась в вину подготовка терактов против посольств в Ливане России, Британии и Иордании.

Примечательно, что неожиданная вспышка насилия против ливанской армии со стороны исламистов салафитского толка, обосновавшихся в палестинских лагерях беженцев, произошла после победы на выборах в Секторе Газа ХАМАСа и фактического размежевания двух основных политических сил в Палестине — ХАМАСа и ФАТХа. Возможно, что шансы на успех халифатистов были просчитаны с учетом этого фактора.

И совершенно очевидным был антисирийский прицел той вспышки экстремизма. Сирия — даже спустя два года после вывода своего контингента из Ливана — продолжала оставаться главным объектом нападок большинства политических сил. В поддержке обеих экстремистских структур региональные и зарубежные СМИ голословно обвиняли Сирию. Параллельно вел свою работу так называемый Спецтрибунал по Ливану (СТЛ) — международная инстанция по расследованию убийства Р. Харири, который с самого начала вел дело к обвинению в этом зависимых от Сирии и Ирана ливанских шиитов.

Описанная трагическая страница ливанской истории незаслуженно забыта. Однако то, что первой серьезной пробой исламистов в Ливане (спустя лишь год после разрушительной израильской интервенции 2006 г.) выступили палестинские лагеря достойно пристального внимания. К счастью, тогда не удалась ни попытка наднациональных исламистских структур стравить между собой ливанцев и палестинских беженцев, ни попытка превратить Ливан в арену разрушительной борьбы с терроризмом наподобие Ирака. Спустя полтора десятилетия после тех событий ливанцы продолжают осознавать, что то было проявлением регионального исламистского проекта, а вовсе не национального палестинского. Поэтому какого-либо смещения курса ливанского руководства на палестинском направлении в результате тех событий не произошло.

ПАЛЕСТИНСКИЕ СОЦИАЛИСТЫ И ИСЛАМИСТЫ

Ливанцы привыкли к многообразию политических сил у себя в стране и вполне понимают в этом отношении палестинцев. Разные ливанские партии выстраивают свои отношения с разными политическими кругами палестинцев. Несмотря на многообразие межпартийных взаимоотношений, можно сделать некоторые обобщения.

Важным обстоятельством для ливанцев является то, что одной из ведущих палестинских партий — и наиболее непримиримой в противостоянии

с Израилем — является Исламское движение сопротивления, она же ХАМАС — радикальная исламистская партия, запрещенная во многих странах (в том числе, в соседних с Палестиной Египте и Иордании). Правда, движение утверждает, что решает национальные задачи палестинского народа, но видит их по-своему — как часть дела общемировой исламской уммы. Контакты по этой линии очень специфичны и не выходят, как правило, за рамки межпартийных отношений (в частности, с ливанской Хизбаллой³). По понятным причинам ливанские политические силы с большой долей христиан (Ливанские фаланги, Ливанские силы, Свободное патриотическое движение, Марада, Национально-либеральная партия, Дашнакцутюн и др.) не могут вполне сочувствовать «исламскому сопротивлению», а исламизированная Палестина, мягко говоря, не входит в число их приоритетов.

Другим небезызвестным обстоятельством является высокая дробность палестинского политического поля. Было даже время, когда разные партии выясняли отношения в кровавых боестолкновениях. Но и теперь «межпалестинский диалог» не перестает быть процессом проблемным и, в основном, увы, безрезультатным, хотя единая скоординированная позиция — это то, в чем Палестина нуждается, прежде всего, и без чего никакие инициативы «Ближневосточного квартета» не будут плодотворными. Со своей стороны, Ливан не имеет возможности работать с какой-то одной «ведущей» палестинской силой, поскольку тут же происходит перекося по политическим флангам (говоря образно, «крен по борту»), и контакты становятся либо малоэффективными, либо вовсе негативно сказываются как на политике, так и на безопасности, особенно в палестинских лагерях.

Зато важным остается официальный формат контактов, в том числе через посла Палестины в Ливане. Точных сведений о ливано-палестинском взаимодействии по линии безопасности, конечно, почти не найти, но о серьезности этой работы говорят косвенные данные. Например, в июле 2021 г. за «вклад в поддержку справедливого дела Палестины во всех областях, а также за проявленную заботу о палестинских беженцах в Ливане» был вручен «Почетный документ о палестинском гражданстве» важнейшей фигуре в структуре безопасности Ливана — главе Управления общей безопасности, генерал-майору Аббасу Ибрагиму. Вручал документ и обсуждал с ним дальнейшие меры поддержки «палестинского дела» посол Государства Палестина в Ливане Ашраф Даббур⁴ (кстати, видный деятель ФАТХа).

Официальный Ливан, как видно, не остается безучастными, но в то же время в своей политике на палестинском направлении лавирует между «сциллой» причудливого национального исламизма ряда палестинцев и «харибдой» втягивания самого Ливана в вооруженные конфликты. В этой нелегкой дилемме, видимо, удобной для ливанцев линией — идеологически цельной и подкрепленной авторитетом истории арабов — оказывается насеризм, снова набирающий популярность. Контакты по этой линии идут:

со стороны Ливана представителем выступает очень активное в свое время «Движение независимых насеристов “Аль-Мурабитун”» во главе с секретарем ее совета, бригадным генералом Мустафой Хамданом.

В отличие от террористической организации Магриба со сходным названием, ливанское движение имеет в своем основании марксистскую идеологию и антиимпериализм. Классовую и национально-освободительную борьбу оно провозглашает в емком девизе: «То, что отнято силой, нельзя вернуть ничем, кроме силы». Действительно, в 1980-е годы боевики из Мурабитун сражались на ливанской земле бок о бок с палестинцами. Основным врагом тогда была т.н. Армия Южного Ливана — марионеточное формирование для территориального буфера по ливано-израильской границе. Но боролись против насеристов и ливанские исламисты мощной тогда АМАЛЬ — и это несмотря на то, что среди тех и других было много шиитов. Известно, что бывшие ливанские коммунисты-шииты в большинстве своем влились в ряды Хизбаллы. Сторонники же арабского социализма насеристского извода пытаются по-своему интерпретировать идеи «сопротивления» — на основе арабизма и на сугубо светской основе, отстраняясь от влияния Ирана как исламской республики.

Теперь ливанское движение Мурабитун отстаивает статус Иерусалима как столицы независимой Палестины, но отличительной чертой его является неприятие исламизации Иерусалима. По словам М. Хамдана, «защита Палестины — это долг национальный, арабский», тогда как «опрокинутый Абд ан-Насером исламистский проект “Братьев-мусульман” (БМ)⁵ после его низвержения в двух столицах — Каире и Дамаске — обречен на неизбежное и окончательное падение, и в борьбе с ним нельзя останавливаться во всестороннем — интеллектуальном и социальном — противостоянии ему⁶. За прошедший год насеристы несколько раз собирались в штаб-квартире Мурабитун в Ливане, причем были представлены также насеристские организации из Палестины, Египта и даже Марокко⁷. Упоминание БМ в связи с «делом Палестины» в устах насериста прозвучало неслучайно. Именно эта разветвленная структура с большой и тайной историей была связана с большинством одиозных исламистских организаций, именно с ней вели непримиримую борьбу и Насер, и Хафез Асад. Теперь она представляет собой всемирную сеть с центром в Лондоне и ячейками в очень многих странах, участие которой в «исламистской проекте» десятилетней давности на территории Сирии хорошо известно⁸, хотя, парадоксальным образом, и остается в тени.

Главным противовесом арабским странам «социалистической ориентации», как 1960–1980-е гг. называли ряд республик, и в первую очередь Египет и Сирию, выступала Саудовская Аравия. Она оспаривала лидерство Египта в Машрике и для этого наиболее талантливые ее правители старались действовать на том же поле, что и Насер. Король Фейсал бин

Абд-аль-Азиз, король-реформатор, в начале 1960-х гг. сделал упор на двух главных моментах: постарался добиться популярности в низших социальных слоях уммы (стоял у истоков Движения неприсоединения) и отстаивал права палестинцев⁹. В дальнейшем палестинский вопрос все больше становился элементом привычной риторики, пока сближение КСА и Израиля не достигли уровня разговоров о полном признании — вслед за Эмиратами и Бахрейном. Хотя реально Королевством управляет молодой принц Мухаммад, королем все же остается его отец Салман, и именно он, как говорят, не спешит отходить от традиционной арабской линии на поддержку палестинцев. На ливанском политическом поле — особенно на фоне подготовки к парламентским выборам в мае 2022 г. и последующим выборам президента Ливана — такая линия очень важна. Ведь КСА «патронирует» сильную коалицию, состоящую из ряда мощных, в том числе маронитских партий, и имиджу этого союза мусульман-суннитов и христиан очень способствует пропалестинская риторика.

Вот и осенью 2021 г. — в разгар интриги вокруг политических шагов трехкратного ливанского премьера-суннита Саада Харири — с площадки Генассамблеи ООН прозвучала речь саудовского представителя, включавшая весьма категоричные обороты в пользу палестинцев, чего от саудовцев давно не было слышно. Г-н Абдалла бин Яхья аль-Муаллими указывал собравшимся на право палестинского народа на создание им независимого государства со столицей в Иерусалиме, призывал «международное сообщество выполнить свои обязательства, чтобы заставить Израиль уважать решения о прекращении его оккупации арабских земель в Палестине, Голанах и Ливане», а то, чему подвергается палестинский народ от рук Израиля он назвал одной из «самых гнусных форм преступлений»¹⁰. Ливан, который можно считать «волшебным кристаллом» Ближнего Востока, где отражаются все малейшие движения в политике, и был, скорее всего, главной целевой аудиторией той речи. Не исключено, что перед нами разворачивается очередной этап соперничества на Арабском Востоке двух путей развития — светского и мусульманского, соперничества, которое страны с республиканским типом устройства и светской моделью управления многоконфессиональными обществами пока проигрывают монархиям, использующим в своих интересах мусульманский активизм арабов.

САКРАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМАТИКИ

Текущая аналитика редко учитывает специфику ближневосточных обществ, где религия является не просто важнейшей составляющей их идентичности. Религия и по сей день дает сакральную основу общественному сознанию и политическому действию. Конечно, это относится

и к христианству, и к иудаизму, хотя наиболее громкие проявления религиозной обусловленности активизма и даже военно-политических акций демонстрируются приверженцами ислама. Христиане Ближнего Востока давно идут по пути вестернизации, а значит и секуляризации. Очень немногие из видных христианских лидеров региона прославились своим традиционизмом, попытками противостоять унификации на западный манер и горячим желанием сберечь богатство уникальной левантийской религиозной культуры. Таким был, к примеру, патриарх маронитов с 1955 по 1975 гг. Булос Меуши, который противился иностранному засилью, за что был обвиняем в «арабизме». Иудеи также в большинстве своем не руководствуются строгими предписаниями Талмуда и Танаха и относятся, по сути, к светским (*хилоним*). Внутри израильского общества они всерьез противостоят не только сторонникам перевода Галахи в статус государственного закона (таковы *харедим* и *датим*), но и просто традиционастам (*месоратим*). Тем не менее, несмотря на высокую степень секуляризации культуры и вытеснения религии из повседневной жизни, многие ее элементы остаются в сознании на уровне архетипов и все еще формируют идентичность. Такой природы была, по-видимому, воинственность маронитских ополчений времен Гражданской войны в Ливане. Схожими стереотипами, возводимыми ими к Завету, руководствовались иудеи во время оккупации палестинских территорий и неоднократных оккупаций Ливана.

Мусульманский воинственный активизм и вовсе показал, насколько легко «арабская улица» отвечает на агитацию — на сознательное (риторическое и материальное) включение архетипических механизмов борьбы с «врагами ислама». Как иначе — без какого-либо сочувствия со стороны жителей — могли интернациональные джихадистские группы типа «Фатх-аль-ислам» и «Джунд-аш-Шам» действовать среди палестинцев в Ливане? И это при том, что их извод исламизма был лишен национальной составляющей и должен был вызывать отторжение сторонников «палестинского исламского дела».

Этот вопрос представляется недостаточно разработанным, хотя для понимания побуждений религиозных экстремистов на Ближнем Востоке он крайне важен. Тот сбалансированный подход, который демонстрирует официальный Бейрут в отношении Палестины, зиждется на природном левантийском чувстве баланса и компромисса — по крайней мере, в гораздо большей степени, чем на рациональном понимании. Между тем, специалисты предупреждают о мощной связи у мусульман политического действия и религиозной модели истории с ее началом и концом. Американский религиовед Джон Ландквист пишет: «Писания (пророков Иезекииля и Даниила, Откровение Иоанна Богослова) — объект внимательного прочтения, к тому же они переплетены с традиционной мусульманской апокалиптикой. Различные символы этих писаний, так хорошо известные

консервативным еврейским и христианским комментаторам, заключены в событиях современной истории и по-своему интерпретируются мусульманами. ... Сила апокалиптических видений, окружающих Иерусалим и его Храм, такова, что она может захватить остальной мир, который встревожился бы столь тесным слиянием религиозного апокалиптического видения с жестокими реалиями современной политики. В каждой религии есть апокалиптическая традиция, сценарий конца света, но ни в одной другой традиции или традициях нет опыта переплетения этой традиции с современной политической ситуацией»¹¹.

Вероятно, плотностью этого переплетения объясняется, в том числе, ярость палестинцев в ответ на действия израильской полиции на Храмовой горе после пятничной проповеди в рамадан 15 апреля 2022 г.: неделю столкновения не утихали, а в следующую пятницу (*джума*) израильский военизированный рейд на Храмовую гору повторился. Конечно, тут имели место жестокие провокации с обеих сторон, и важно, что касались они самого чувствительного для обеих же сторон священного места Иерусалима.

Кстати, еще в своем обращении 1 октября 2021 г. посол Палестины в Ливане Ашраф Даббур, приветствуя «сыновей ливанского и палестинского народов и стойкий народ на оккупированных территориях», заявил: «То, чему Палестина подвергается сегодня, представляет собой экзистенциальную угрозу Палестине, Иерусалиму и мечети Аль-Акса. И мы требуем остановить осуществляемые сионистские планы, ведь они направлены на ликвидацию Иерусалима и возведение пресловутого якобы храма (*икамат аль-хайкал аль-маз'ум*)»¹².

Исторический анализ показывает, что издревле на этом священном месте приносились священные жертвоприношения как «исраэлитам», так и иными «народами» (*гойим*), но всегда порознь: сами дворы были разделены, виды жертвенных животных могли быть разными, были разными ритуалы и другие моменты. Об этом подробно пишет, в частности, исследователь Гэри Портон, подчеркивая, что «исраэлиты» не скрывали, так сказать, священной узурпации триады «Народ — Земля — Бог» (здесь «народ» имелся в виду особый, избранный, *ха-ам*, а Бог обозначался тетраграммой)¹³. Так что, проблема Храмовой горы сохраняется уже тысячелетия практически без изменения, и нуждается в глубоком осмыслении, поскольку за этот срок «впитана с молоком матери» в сознание обеих противоборствующих сторон, приобрела архетипический характер.

Разговоры о попытках иудеев в последние годы воссоздать Храм всерьез волнуют и палестинских и ливанских христиан, поскольку это событие связывают с «последними временами». Апокалиптические тревоги переплетены с политическими интересами, что воплощается в конкретных решениях и внешнеполитических контактах. Одним из важнейших контактов такого рода являются встречи римского понтифика и главы палестинской

администрации. Как известно, Ватикан еще в мае 2015 г. признал Палестинское государство и подписал с Палестиной меморандум о взаимопонимании. А в ноябре 2021 г. завершился визит в Ватикан палестинской делегации на высшем уровне и состоялась уже шестая встреча Махмуда Аббаса с папой Римским Франциском¹⁴. (Также прошли встречи с президентом и премьером Италии.) Палестинский президент приветствовал папу Римского и от имени Совета глав христианских Церквей Иерусалима.

Статус римского понтифика на Ближнем Востоке остается стабильно высоким, и не в последнюю очередь благодаря его политической и пастырской активности. К нему обращаются и его визитов ждут, в том числе мусульмане региона, надеясь на многовековой политический опыт Ватикана в установлении баланса интересов на Святой Земле. Местные православные Иерусалимский и Антиохийский Патриархаты пока, увы, не обладают таким авторитетом для умеренных мусульман. Необходимы серьезные усилия для выправления ситуации в этом плане, ведь православные Леванта по численности значительно превосходят иные конфессии, а значит человеческий потенциал для этого имеется. Когда высокими темпами идет исламизация Палестины, важным является и вопрос многоуровневых контактов с мусульманами — даже не столько сессии формального «межрелигиозного диалога», сколько реальные человеческие, хозяйственные, культурные связи на народном уровне. Конечно, и глубокая проработка сакрального аспекта проблем Палестины православными богословами и учеными-историками могла бы способствовать формулировке мудрой стратегии сохранения христианства на Святой Земле.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Место, которое занимает палестинская проблематика в Ливане, обнаруживает важную, хотя и скрытую за шумной конфессионально-партийной риторикой общую черту нынешнего ливанского политического поля. Это запрос общества на социальную ответственность государства.

Как частный случай рассмотренное особое внимание Ливана к палестинским насеристским организациям только подчеркивает уникальный момент, когда среди большинства ливанского населения все еще удачно сочетаются умеренная религиозность и политическая консолидация на светской основе. В отношении региональной роли Ливана это открывает простор для продолжения сотрудничества вокруг палестинских проблем — в том числе с Египтом, который до сих пор живет воспоминаниями о своем региональном идеологическом лидерстве почти семидесятилетней давности. Сугубо светский подход к палестинским проблемам может облегчить подключение в будущем и Сирии, где идеология арабского социализма

все еще сильна и вызывает ностальгию у значительной части народа. Светская (или даже социалистическая) основа сотрудничества этих арабских государств будет являться мощным и, главное, сугубо внутренним заслоном воинствующему исламу, сотрясающему до сих пор отдельные районы Ближнего Востока.

Вместе с тем религиозная составляющая такого сотрудничества не может оказаться в стороне — уже по самим свойствам идентичности ливанского, палестинского, а также египетского и сирийского народов. Однако по мере возврата от крайностей к религиозно-конфессиональной умеренности она неизбежно сдвинется — от явных исламистских претензий к самой сути ближневосточной религиозности — к уважительному сосуществованию авраамических религий при многообразных межобщинных связях (общественных скрепах). Христианская религиозно-культурная составляющая обобщенной ближневосточной идентичности традиционно высока, и на протяжении последних полутора веков переживала подъемы, начиная с волны Арабского просвещения (или возрождения — Нахды). Есть основания полагать, что новый подобный подъем христианской культуры сможет усилить симпатии населения к христианству на Ближнем Востоке.

Пока высокая активность католических миссий в Палестине и Израиле, а также ливанские униатские церковные структуры разных уровней обуславливают первостепенность влияния Ватикана — как в социально-политической сфере, так и в общественном сознании местных христиан. На этом фоне общественная деятельность православных, представляющих значительную часть христиан Ливана и Палестины и абсолютное большинство в Сирии, остается в тени. Участие их в политике и в международном сотрудничестве почти не проявляется или носит формальный, верхушечный характер. Для российских властей не может не быть очевидным исторический опыт, когда слабые межправославные связи на низовом и среднем уровнях не пользовались никакой поддержкой властей, и тогда это оборачивалось упущенными возможностями, упущенным временем, измеряемым десятилетиями. И наоборот — когда кропотливая работа с населением Леванта католиков и униатов (в частности, их приюты, школы, богадельни, больницы) обеспечивали настоящую поддержку их миссиям со стороны рядовых ливанцев и палестинцев. Этот урок должен быть выучен.

Представляется, что продолжение удачно выбранного курса на сугубо светский характер российской политики (экономической, военной, гуманитарной) на левантийском направлении — в сочетании со стимулируемой властями гуманитарной деятельностью православных религиозных организаций в Палестине, Ливане, Сирии, а возможно, и Египте, смогли бы дать скорый и осязаемый результат. Историческим примером такого успеха служит, без сомнения, опыт Императорского Православного Палестинского Общества. Он возвращается, безусловно, вокруг доступа к святым местам,

вокруг полноправного вхождения России в «присутствие» (во всем широком значении этого слова) в культурно-религиозном центре мира. Нынешние условия предоставляют даже еще большее, чем прежде, количество незанятых ниш для такого рода влияния — столь же благородного, сколь и действенного.

Итак, приведенный анализ вовлеченности Ливана — пусть и ослабленно-го целым рядом кризисов и серьезных проблем — в дела палестинцев служит примером внимания к чаяниям и действительным нуждам соседнего братского народа. Историческая неоднозначность ливано-палестинских взаимоотношений и даже трагические эпизоды их истории не породили непреодолимой стены: повестка Палестины остается в центре внимания ливанских властей. Несмотря на многообразные сложности, порожденные дробностью, как палестинского, так и ливанского политических полей, межгосударственные отношения остаются относительно сбалансированными.

Палестинцы и ливанцы оставляют в прошлом конфликтные периоды их взаимоотношений: даже в нынешних тяжелейших внутривосточных условиях, даже в наблюдаемом развале бывшего арабского единения по палестинскому вопросу, они пытаются изыскивать основания для союзных отношений — в новых исторических обстоятельствах и в новом формате.

¹ РИА-Новости, 21.05.2007.

² См. постановление Верховного суда и список запрещенных на территории РФ экстремистских организаций: <http://www.fsb.ru/uc/sud.html>.

³ Более умеренная ливанская АМАЛЬ поддерживает контакты с палестинским ДФОП.

⁴ Аль-лива' Ибрахим ильтака Даббур ва-бахас ма'ху аль-авда' Фаластын (Генерал-майор Ибрагим встретился с Даббуром и обсудил с ним ситуацию в Палестине) // *Нашра*, 1.07.21 <https://www.elnashra.com/news/show/1513939/> اللواء-ابراهيم-التقى-دبور-وبحث-معه-الوضع-فلسطين

⁵ Организация запрещена на территории РФ.

⁶ Сафир Фаластын фи Любнан: наталиб би-вакфа джиддийя фи тата'аррад ляху Фаластын (Посол Палестины в Ливане: мы требуем серьезной позиции в отношении того, через что проходит Палестина) // *Нашра*, 1.10.21. <https://www.elnashra.com/news/show/1530424/> سفير-فلسطين-لبنان-نطالب-بوقفه-جدية-تتعرض-فلسطين

⁷ Хамдан: Фаластын аль-бутылят ас-сийясийя аллати йуджиб наттаджах джами'ан (Хамдан: Палестина — главный компас, к которому мы все должны обратиться) // *Нашра*, 18.06.2021 <https://www.elnashra.com/news/show/1511061/> حمدان:-فلسطين-البوصلة-الاساسية-التي-يجب-نتجه-جميعا

⁸ См. об этом подробнее: Сарабьев А.В. Вопросы межконфессиональных отношений в Сирии // *Религия и общество на Востоке*. Вып. I, 2017. (2,3 а.л.) С. 126–180. <http://religion.ivrap.ru/number?artid=9633>; Сарабьев А.В. Терпение как искусство скрывать нетерпимость, или долгосрочная стратегия Братьев-мусульман по изменению Ближне-

го Востока // *Контуры глобальных трансформаций*, 2019, № 4: Исторические корни современных трансформаций: из XX века в XXI. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4. С. 183–208. <https://www.ogt-journal.com/jour/issue/viewIssue/35/18>.

⁹ См.: Яковлев А.И. Фейсал — король-реформатор. М., 1999.

¹⁰ Ас-саудийя: йаджиб инха аль-ихтияль аль-исраили ли-Фаластын ва-ль-Джулан ва-Любнан (Израильская оккупация Палестины, Голанских высот и Ливана должна быть прекращена) // *Мустакбаль-веб*, 21.10.2021. <https://mustaqbalweb.com/article/194301-السعودية-يجب-إنهاء-الاحتلال-الإسرائيلي-لفلسطين-والجولان-ولبنان>

¹¹ Lundquist, John M. The Temple of Jerusalem: Past, Present, and Future. Westport — London: Praeger, 2008. P. 231.

¹² Посол Палестины в Ливане: мы требуем серьезной позиции в отношении того, через что проходит Палестина // *Нашра*, 1.10.21. <https://www.elnashra.com/news/show/1530424/> سفير-فلسطين-لبنان-نطالب-بوقفه-جدية-تتعرض-فلسطين

¹³ Porton, Gary G. The Jerusalem Temple and the Gentiles // *Goyim: Gentiles and Israelites in Mishnah-Tosefta*. Brown Judaic Studies, 2020. P. 267–268.

¹⁴ Ай даур йумкин 'ан такум бихи хадрат аль-Ватикан туджах Фаластын? (Какую роль может сыграть Ватикан в отношении Палестины?) // *Нашра*, 06.11.21 <https://www.elnashra.com/news/show/1536463/> دور-يُمكن-تقوم-حاضرة-الفاتيكان-تجاه-فلسطين

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИППО НА СИРИЙСКУЮ ЗЕМЛЮ 107 ЛЕТ СПУСТЯ

О. И. Фомин

В воскресенье 6 июня 2021 г. я был командирован Благотворительным фондом «РУССАР» в давно ставшую родной для меня Сирию. В 1969 по 1975 гг. я работал в Дамаске директором Советского культурного центра, представителем Союза советских обществ дружбы с зарубежными странами. Затем в качестве заместителя председателя Общества дружбы «СССР-Сирия», а впоследствии Общества российско-сирийской дружбы посещал эту страну практически ежегодно. В этот раз я отправился на эту, по выражению бывшего директора Лувра А. Паррота, историческую родину человечества для участия опять же в историческом событии. Мне предстояло присутствовать на открытии Российско-сирийского сада мира и представлять на нем Императорское Православное Палестинское Общество и Благотворительного фонд «РУССАР» — инициаторов создания Сада и его основателей.

Идея создания сада родилась в процессе тушения пожаров, нанесших значительный ущерб средиземноморскому побережью Сирии. Важную роль в ликвидации пожаров сыграли экипажи-вертолетов Российских воздушно-космических сил в Сирии. В озеленении пострадавших районов принимали участие общественные, профсоюзные и молодежные организации страны. Решение включиться в кампанию по восстановлению природы возникло и созрело у меня в связи с появлением в интернете фото Президента Сирии Башара Асада, его супруги и детей, сажающих деревья.

Знакомый мне прежде епископ Сафиты владыка Димитрий (Шарбак) при посредничестве Сирийского отделения ИППО обратился через меня в МОО «ИППО» и Фонд «РУССАР» с просьбой помочь в озеленении принадлежащего Антиохийской Православной Церкви и одновременно Маронитской Церкви пострадавшего от пожара участка площадью в 4,5 га. Участок представляет собой заповедную зону — гору Пресвятой Девы Марии, на вершине которой находится храм Богородицы, основанием которого

служат остатки древней византийской церкви. Гора является священной, так как по преданию Пресвятая Дева Мария останавливалась на ней по пути в Грецию. Гора является Святым местом в Сирии, посещаемым как христианами, так и мусульманскими паломниками. Побывав на горе за день до церемонии открытия сада, я своими глазами наблюдал, как туда прибывали мусульманские семьи и матери спрашивали у иконы Богородицы исцеления и здоровья для сопровождаемых ими детей. Такую же картину в свое время я наблюдал в другом святом месте Сирии — в Седнайском православном монастыре у иконы Богородицы, сотворенной апостолом Лукой.

Учитывая святость места, а также то, что в округе еще сохранились здания бывших, называемых в свое время местными жителями «Московских школ», принадлежавших до 1914 г. ИППО, наши организации не только откликнулись на просьбу епископа Димитрия о помощи в озеленении участка, но и решили вместе с сирийской стороной создать на участке у подножия храма Девы Марии сад с плодовыми деревьями. Участок решили назвать Российско-сирийским садом мира. Председатель ИППО С.В. Степашин резонно настоял на названии «сад мира» вместо «сада дружбы», исходя из того, что Сирия, истерзанная международными террористами и их пособниками, нуждается как никогда в первую очередь в мире.

В поездке в Сирию меня сопровождал участник Фонда «РУССАР» Мохамед Аль-Джохари. Его друзья из руководства Палестинского народного фронта освобождения, с которыми у меня оказались общие контакты, снабдили нас для поездки на Святую гору из Дамаска автомобилем и водителем. Они оценили наш проект и высказали много теплых слов в адрес МОО «ИППО» и Фонда «РУССАР».

Открытию Сада мира предшествовала большая организационная работа. Надо было собрать нужные средства, решить вопрос их передачи в Сирию, определить породы саженцев деревьев и других зеленых насаждений, договориться об их стоимости. Из Москвы шел постоянный контроль за своевременной реализацией проекта, но в силу известных причин в основном дистанционно.

Открытие Российско-сирийского сада мира на горе Пресвятой Девы Марии ожидалось всеми как большое праздничное событие. Поэтому оно и было приурочено к 10 июня — Дню великого православного праздника — Вознесения Господня. Жители Сафиты с утра потянулись в храм Архистратига Михаила, расположенный в древней, построенной крестоносцами крепости. Вход в храм в связи с открытием Сада мира был украшен портретами российского и сирийского Президентов Владимира Путина и Башара Асада, а в честь приезда Чрезвычайного и Полномочного посла Российской Федерации в Сирийской Арабской Республике, специального представителя Президента Российской Федерации по сотрудничеству с Сирией Александра Ефимова транспарантами с приветствием в его адрес. Епархиальный архиерей

Аккарский, митрополит Василиос (Мансур), отслужив праздничную литургию, в проповеди, обращенной к переполнившей храм пастве отметил, что еще царская Россия была тесно связана духовными узами с Сирией, а на территории епархии до сих пор сохранились здания школ ИППО. Митрополит Василиос тепло приветствовал посла России и похристосовался с ним.

После службы весь клир во главе с митрополитом Василиосом (Мансур) и епископом Сафиты Димитрием (Шарбак) и большая часть паствы, сопровождая российского посла, направилась на гору Пресвятой Богородицы близ города Машта Хильуа. К ним присоединились представители других христианских конфессий и муфтията. Вместе с ними на священную гору прибыли губернатор провинции Тартус Сафуан Абу Саади, представлявший правительство Сирийской Арабской Республики, руководитель губернской организации партии Арабского Социалистического Возрождения, начальник полиции, представители административной и судебной власти, руководители профсоюзных и общественных организаций. Среди них были и депутаты Народного Совета Сирийской Арабской Республики. Сюда же прибыли командующий и офицеры российской Военно-морской базы в Тартусе, сирийские военные.

На святой горе их ожидали несколько сот празднично одетых людей, выстроившиеся в ряды улыбающиеся дети с букетами цветов, музыканты и журналисты. После дружеского общения с жителями округа российский посол Александр Ефимов, мы с Мохамедом Аль-Джохари, представитель Россотрудничества в Сирии Николай Сухов и сотрудники российского посольства посетили храм Пресвятой Девы Марии, где нас приветствовал его настоятель Юсеф Саллум, произошло возжжение свечей.

Затем все переместились к импровизированной сцене с трибуной, украшенной флагами Российской Федерации и Сирийской Арабской Республики, флагами МОО «ИППО» и Фонда «РУССАР», портретами Владимира Путина и Башара Асада, плакатами со здравицами в честь гостей из России. Перед началом митинга были исполнены гимны Сирийской Арабской Республики и Российской Федерации. В своем выступлении посол России в САР Александр Ефимов в частности сказал: «В 2015 году, когда Сирия была охвачена огнем терроризма, мы помогли ее народу потушить это пламя. Уверен, что его последние очаги, еще тлеющие кое-где, будут погашены уже очень скоро. В прошлом году ваша страна столкнулась с настоящими пожарами, которые охватили обширные территории сразу нескольких провинций. И вновь Россия не осталась в стороне — решающий вклад в ликвидацию тех возгораний внесли наши Воздушно-космические силы». Далее посол отметил: «Прекрасный парк разбит совместными усилиями двух отечественных организаций, много делающих для развития российско-сирийских отношений. Это — Императорское Православное Палестинское Общество под руководством Сергея Владимировича Степашина

и Благотворительный фонд «РУССАР», глава которого Олег Иванович Фомин сегодня присутствует здесь».

Затем я зачитал Приветствие Председателя ИППО Сергея Степашина участникам торжественного открытия Российско-сирийского сада мира. В нем руководитель ИППО выразил уверенность в том, что «... созданный нашими общими усилиями Сад мира будет расцветать, плодоносить и приносить радость людям под благотворным присмотром епископа Димитрия (Шарбака)». Незадолго до этого, в мае прошлого года Сергей Степашин принимал епископа в Центре ИППО в Москве.

В своем выступлении я рассказал, что, если ИППО — старейшая общественная организация в России, приближившаяся к своему 140-летию, то Фонд «РУССАР» был создан лишь семь лет назад, но в критическое время для судьбы Сирии и его народа, еще до появления здесь Воздушно-космических сил России». Фонд был создан для оказания гуманитарной и иной помощи сирийскому народу в его борьбе против мировых сил зла. Участники митинга аплодисментами встретили мое сообщение о том, что одними из первых гуманитарных акций Фонда была отправка из России нескольких сотен одеял в Машта Хильуа и оказание материальной и денежной помощи семьям погибших сирийских воинов в Сафите и ближайших населенных пунктах. Местным жителям было приятно услышать, что среди членов МОО «ИППО» и участников Фонда «РУССАР» есть их земляки из расположенных близ горы Пресвятой Девы Марии Кфар-Рама и Дрейкиш братья Мудаллал и Имад Хури и Нидааль Буали.

В зачитанных мной приветствиях от имени С.В. Степашина и Фонда «РУССАР» прозвучала благодарность наших организаций инженерам, агрономам и рабочим, создавшим Сад мира при прямом участии руководителя Сирийского отделения МОО «ИППО» и участника Фонда «РУССАР» в Сирии Аднана Мтанюса Башура. Затем я по поручению Сергея Степашина вручил удостоверения и знаки МОО «ИППО» принятым в члены Общества сирийским гражданам.

Взявший слово активный вдохновитель проекта создания Сада мира епископ Сафиты Димитрий (Шарбак) в своем ярком выступлении сказал: «Все священные книги призывают к миру. И поэтому наш сад назван «Садом мира». Он рассказал, что во время пожаров вся гора была охвачена огнем и выразил искреннюю благодарность МОО «ИППО» и Фонду «РУССАР» за восстановление зеленого покрова святого места посадкой более 800 деревьев хвойных пород на выгоревшей территории площадью в 4,5 га и десятков фруктовых деревьев в саду, созданном у подножия церкви. «Посадки будут продолжены» — заключил епископ Димитрий.

Отец Юсеф Саллум — священник храма Пресвятой Богородицы выразил благодарность «всем союзникам и братьям, которые во главе с Россией оказывают действенную помощь сирийскому народу на пути

к восстановлению мира в стране». Он заявил, что рассматривает создание Сада мира как подтверждение неизменности глубоких исторических связей между Россией и Сирией.

Епископ Тони Диб — иерарх Маронитской Церкви, которая вместе с Антиохийской Греко-Православной Церковью окормляет свою паству в том же храме Богородицы на Святой горе, подчеркнул, что Сирия является примером добрососедства и сотрудничества конфессий и религий. И поскольку гора Богородицы является символом такого единства, где представители разных конфессий живут рука об руку и сердцем к сердцу, то помощь России в восстановлении этого святого места приобретает особую ценность.

По завершении митинга все направились к самому саду, у входа в который Александр Ефимов и митрополит Василиос вместе с губернатором Тартуса и епископом Дмитрием перерезали ленточку. После осмотра сада состоялась посадка заранее подготовленных саженцев кедров. Посадили каждый по кедру митрополит Василиос (Мансур), епископ Дмитрий (Шарбак), губернатор провинции Тартус Сафуан Абу Саади, секретарь тартусского губкома ПАСВ, представитель МОО «ИППО» в Сирии Аднан Мтанюс Башур. От российской стороны посол и я как президент Фонда «РУССАР» посадили по кедру, а представитель Россотрудничества вместе с другими почетными гостями посадил тую.

Текст на мемориальной доске, установленной на части колонны финикийской эпохи, гласит: «По благословению Преосвященнейших митрополита Василиоса (Мансура), епископа Антона (Шбира), епископа Дмитрия (Шарбака) в присутствии Чрезвычайного и Полномочного посла Российской Федерации в Сирийской Арабской Республике Александра Ефимова открытие российско-сирийского сада мира, сотворенного Международной общественной организацией «Императорским Православным Палестинским Обществом» и российским Благотворительным фондом «РУССАР», состоялось 10 июня 2021 года». Как видно из текста закладку Сада мира благословили два предстоятеля Антиохийской Православной Церкви и один предстоятель Маронитской Церкви. У мемориальной доски фотографировались губернатор и ответственные чиновники Тартусской провинции, представители клира, жители Сафиты, Машта Хильуа и Кафрин. Фотографию на память сделали и российский посол Александр Ефимов, представители Фонда «РУССАР» Олег Фомин и Мухамед Аль-Джохари, а также прибывший на мероприятие партнер Фонда «РУССАР», председатель Ассоциации арабских землячеств в России, член МОО «ИППО» Хассан Наср-Алла. Таким образом, 107 лет спустя после того, как в 1914 г. османы, вступившие в войну против России на стороне Германии, закрыли все школы ИППО и стерли его имя, оно вновь появилось на сирийской земле. Символично и почетно, что в этот раз имя Общества увековечено на горе Пресвятой Девы Марии — святом месте в Сирии и на всем Ближнем Востоке.

Завершился праздничный день официальным приемом в честь открытия Сада мира и первого в истории российско-сирийских отношений приезда в этот регион страны посла России с приглашенными на него до 100 персон. Прием был организован Епархиальным советом во главе с епископом Сафиты Дмитрием и его паствой. Он начался исполнением гимнов Сирии и России, была объявлена минута молчания в память о сирийцах, погибших в борьбе с международным терроризмом и его пособниками. Позже по предложению председателя Ассоциации арабских землячеств в России, члена МОО «ИППО» Хассана Наср-Алла минутой молчания почтили память российских воинов, погибших на поле боя в Сирии. В ходе дружеского ужина прозвучало много тостов за сирийско-российское сотрудничество, за здоровье Президента России Владимира Путина и недавно вновь переизбранного подавляющим большинством населения Президента Сирии Башара Асада, в честь Сирийских вооруженных сил и Воздушно-космических сил России, за Сад мира как символ восстановления мирной жизни и будущего процветания Сирии. Российский посол напомнил, что «мы вместе с народом Сирии вспоминаем ушедшего в этот день 21 год назад Президента Хафеза Асада, внесшего значимый вклад в развитие Сирии и укрепление сирийско-российской дружбы». Я, выступая от имени МОО «ИППО» и Фонда «РУССАР», заверил сирийских друзей, что для гражданского общества России так же, как и ее руководства, Сирия — Святая Земля с ее уникальными памятниками, как христианства, так и ислама. Русский и другие народы России живут бедами и радостями сирийского народа и уверены в нашей общей окончательной победе в Сирии над мировыми силами зла. Особую атмосферу на приеме создавала талантливая сирийская певица, исполнившая несколько известных русских песен.

Открытие Сада мира и связанные с ним мероприятия и встречи широко освещали сирийские и российские СМИ. Уже вечером 10 июня МИА «Россия сегодня» передала подробный репортаж о событии на весь Арабский мир. Сообщения и материалы, интервью с участниками и гостями мероприятия опубликовали Сирийское информационное агентство «СНА», газеты «Аль-Баас», «Ас-Саура», «Аль-Ватан». Был выпущен и распространялся буклет «Сафита 10.06.2021» об истории древнего города и его месте в отношениях Сирии с Россией и деятельности ИППО здесь в начале XX века. Телесюжеты об открытии Сада прошли в программах Первого канала, «НТВ», «Звезда», новостного агентства «Sputnik». Журналисты отмечали масштабность мероприятия, несмотря на незавершенность войны и сложную обстановку с коронавирусом в Сирии. Так, телеканал «Звезда» в репортаже под заголовком «Ростки мира: российско-сирийский зеленый парк открыли на месте страшных пожаров в провинции Тартус» сообщает о празднике на горе Пресвятой Богородицы: «Так много людей живописная вершина, пожалуй, еще никогда не видела». Мероприятие вылилось в подлинную

манифестацию сирийско-российской дружбы, отразило искренние чувства любви и благодарности сирийского народа по отношению к России».

По единодушному мнению сирийских официальных лиц, духовенства, журналистов и жителей Тартусской провинции 10 июня стало Днем двух исторических событий — открытия на святой горе Российско-сирийского сада мира и первого в истории визита российского посла в регион.

Празднество завершилось. Участники и гости разъехались. Но как часто или даже обычно бывает, работы по созданию и разбивке сада были завершены еще не все. В то же время информация о саде и восстановлении соснового леса на склонах горы распространялась по всей стране. В большой степени этому способствовал отмечаемый в августе праздник Успения Пресвятой Богородицы. Этот весьма почитаемый православными на Руси праздник в Сирии традиционно отмечается на святой горе у Машта Хильуа. Обычно на него съезжаются со всей Сирии до 20 тысяч верующих. В прошлом году их было здесь из-за коронавируса меньше, но все-таки тысячи. Вернувшись домой, они разнесли весть о саде своим родным и соседям. До нас доходит информация, что в саду стали появляться и фотографироваться на фоне мемориальной доски пары новобрачных. В конце прошлого года сад посетила вице-президент Сирийской Арабской Республики Бусна Шаабан. Как нам сообщил сопровождавший ее владыка Димитрий, соратница Башара Асада приветствовала факт создания сада, но выразила пожелания добавить количество саженцев и посоветовала ускорить завершение благоустройства объекта. Выше я отмечал, что на торжественной церемонии открытия сада владыка Димитрий (Шарбак) в своем слове сказал, что посадки плодовых деревьев будут продолжены. Они возобновятся этой весной. Одновременно будут завершены и другие работы — проводка электричества и установка пилонов для освещения сада, укладка дополнительных дорожек с удобными скамейками на них для посетителей. Стены или заборы решено не строить, дабы не нарушать заповедный природный облик горы. Посадки и благоустройство сада будут завершены под контролем и руководством владыки Димитрия. Средств, собранных на реализацию проекта членами МОО «ИППО» и участниками Фонда «РУССАР» хватает. Российский посол Александр Ефимов — член и бывший руководитель Международной секции МОО «ИППО» также внес личный вклад в инвестирование проекта. Уроженец здешних мест, вице-президент Фонда «РУССАР», член и обладатель высших наград МОО «ИППО» Мудаллал Хури взялся обеспечить сад работником, отвечающим за полив растений.

Российско-сирийскому саду мира предстоит цвести и плодоносить. И можно не сомневаться, что весеннее цветение сада и осенний фруктовый урожай будут всегда напоминать благодарным посетителям святой горы и сада о подарке МОО «ИППО» и Фонда «РУССАР» Антиохийской Церкви и сирийскому народу.

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

**«ИЗВЕСТНЫЙ СВОИМИ ДОСТОИНСТВАМИ,
ПОЗНАНИЯМИ И ЛЮБОВЬЮ КО ВСЕМУ
ОБЩЕПОЛЕЗНОМУ»: К 240-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. Г. КИСЕЛЕВА.
«ПЛАМЕННЫЙ ПОПЕЧИТЕЛЬ»**

А. В. Горайко

Всем, кому дорога память о выдающихся деятелях Пензенского края, не могли обойти стороной круглую дату краеведческого календаря: 240 лет со дня рождения человека, навсегда «занесенного на скрижали пензенской благотворительности»¹ — Александра Григорьевича Киселева (10.(21).04.1781² — 12.(24).04.1847³).

Так сложилось, что мы воспринимаем личность Александра Киселева, прежде всего, как мужа «великой благотворительницы» Марии Михайловны Киселевой, урожденной Чегодаевой⁴ (09.(20).06.1798 — 06.(18).12.1887).⁵ Именно так, — «великая благотворительница», — охарактеризовала его супругу известный пензенский краевед Анна Федоровна Головина (1928–2013)⁶ в своем одноименном труде. Действительно, Мария Михайловна, прожив долгое время в Пензенском крае, посвятила себя делам благотворительности, попечению о бедных и нуждающихся. А еще, проявила себя как активный член Православного Палестинского Общества, принимая самое живое участие в решении актуальных вопросов в деле организации жизни православных христиан в Месопотамии, на Балканах, на островах Крит и Афон и, конечно же, — Святой Земле.⁷ При этом личность Александра Григорьевича всегда находилась на втором плане, в тени величия добрых дел его незабвенной супруги. Конечно, этому способствовало то обстоятельство, что дворянин, статский советник Киселев прожил в Пензе намного меньше Марии Михайловны — только 14 лет, с 1832 по 1846 гг., и не имел такого длительного времени, чтобы послужить на благо своей малой родины.⁸ Однако это обстоятельство не дает нам права покрыть пылью его заслуги перед Россией и наследниками его дел в Пензе. Не стоит также забывать и о том, что Александр Григорьевич

был старше своей супруги на 17 лет, а значит, он оказал непосредственное влияние на формирование личности Марии Киселевой, которой завещал значительные материальные средства для последующего использования в благотворительных целях.⁹ А.Г. Киселев благословил свою супругу на будущие труды, благодаря которым Императорское Православное Палестинское Общество существенно укрепило свои позиции за рубежом, а имя Марии Михайловны прославилось в веках.¹⁰

Таким образом, главной целью нашего исследования является сформировать представление о личности Александра Григорьевича Киселева, как о человеке, оказавшего прямое влияние на характер деятельности Марии Михайловны Киселевой, на примере его общественной активности, связанной с открытием первой публичной библиотеки в Пензе.

Обращаясь к вопросу о точной дате рождения статского советника Киселева, мы уже на этом этапе столкнулись с определенными трудностями. Казалось бы, обладая внушительным количеством справочного информационного материала, для современного исследователя не составляет сегодня большого труда решить такого рода задачу. Однако выяснилось, что в авторитетных краеведческих изданиях присутствуют неточные сведения. Так, в Пензенской энциклопедии последнего издания авторы статьи о Киселеве указали день рождения по новому стилю, тогда как день смерти — по-старому. Кроме того, обнаружилась ошибка и в самом годе рождения¹¹. Если верить авторам той же публикации, то получается, что Александр Григорьевич родился в 1791 г., а значит, нам сегодня следовало бы отмечать 230-летие со дня его рождения. Однако, согласно данным метрической книги, мы точно знаем, что Киселев скончался в 66 лет.¹² Зная точную дату смерти, а до нас дошла оригинальная надпись на могильной плите,¹³ нам несложно было определить ошибку в 10 лет. В другом авторитетном краеведческом издании год рождения был указан верно — 1781 г., однако сам день рождения был переведен на новый стиль некорректно. Автор монографии ошибочно пришла к выводу, что Александр Григорьевич родился 23 апреля,¹⁴ тогда как, согласно общепринятым правилам, чтобы перевести старый стиль на новый, следовало добавить к дате рождения по старому стилю не 13 дней, а 11. Таким образом, мы можем уверенно утверждать, что статский советник Александр Григорьевич Киселев, известный пензенский благотворитель родился 21 апреля 1781 г. по новому стилю.

За полтора десятилетия, прожитых в городе на Суре, потомок древнего дворянского рода Александр Киселев,¹⁵ вошел в историю Пензенского края как первый и единственный попечитель первой публичной библиотеки.¹⁶ Кроме того, потомки запомнили его, как активного участника открытия Благородного пансиона при Пензенской гимназии, где за счет пожертвований разных лиц на полном содержании находилось 20 детей бедных дворян и чиновников Пензенской губернии, а сам пансион в 1844

г. был преобразован в Дворянский институт.¹⁷ Особый вклад Киселев внес и в открытие первого детского приюта в Пензе. Он первым откликнулся на необходимость организовать такое учреждение в городе, постоянно вносил значительные денежные и вещественные пожертвования, получив статус почетного старшины приюта. Отметим, что в 1846 г. лиц, имевших такой статус, в городе было всего двое. Вторым почетным старшиной был Его Преосвященство, епископ Пензенский и Саранский Амвросий II (Морев). Дело Александра Григорьевича продолжало жить и после его ухода в вечность. В 1865 г. детский приют стал женским училищем, а в 1877 году «от уличной, гибельной жизни» в его стенах спаслось уже 80 сирот.¹⁸

До 1831 г. Киселев вместе с супругой проживал в Казани,¹⁹ где на собственные средства построил в городе Спасске Казанской губернии полноценное здание для уездного училища с двумя пристройками,²⁰ обеспечив его всем необходимым оборудованием для нормального учебного процесса, в т.ч. организовал в нем и библиотеку, фонд которой состоял из 545 книг. Чтобы училище могло нормально функционировать в первые годы своего существования, Александр Григорьевич, находясь в должности почетного смотрителя учебного заведения, сформировал, как бы мы сейчас сказали, — стабилизационный фонд на сумму в 6 000 рублей.²¹ Это была очень большая сумма по тем временам, если учесть, что современники воспринимали более скромные суммы в 2000–3000 рублей, уже как «великое богатство»,²² а чиновник средней руки мог рассчитывать на зарплату в 10–30 рублей в год.²³ В качестве еще одного примера приведем годовой бюджет Киева, который в то время составлял 200 000 рублей.²⁴ Кроме того, нам известно, что Киселев часто посещал пензенские и саратовские гимназии в качестве инспектора, исполняя поручения руководства Казанского университета.²⁵

При такой социальной активности, к Александру Григорьевичу неминуемо пришло и общественное признание. В 1808 г., когда Киселев еще находился в Казани, он был возведен в чин 9-го класса Табели о рангах — титулярного советника. В декабре 1819 г. в чин 8-го класса — коллежского асессора, через полтора года — в надворного советника, а весной 1831 г., перед самым переездом в Пензу, в чин 5-го класса — статского советника.²⁶

Александр Григорьевич последовательно, а иногда и одновременно, занимал следующие почетные и социально значимые должности: июль 1814 г. — почетный депутат от имени дворянства Казанской губернии для встречи Государя Императора Александра I, возвращавшегося из заграничного похода против Наполеона.²⁷ В 1826 г. — избран депутатом в Казанское Дворянское собрание. На следующий год после переезда в Пензу, Киселев становится «непременным членом» от дворян в Пензенской комиссии по обеспечению народного продовольствия (находился в должности 3 года). В ноябре 1834 г. он был избран депутатом в Пензенское Дворянское собрание от Мокшанского, а позже Нижнеломовского уездов. В 1840 г.,

получив утверждение в звании кандидата в председатели Пензенской палаты уголовного суда, поступил членом в Пензенскую комиссию о ревизии действий Дворянского Депутатского собрания.²⁸

Естественно, что вместе с общественным признанием пришло и признание на государственном уровне. В разные времена Александр Григорьевич был награжден: «Высочайшим благоволением» за участие в земском ополчении адъютантом во время нашествия Наполеона на Россию, орденом св. Владимира IV степени, знаком отличия «Беспорочной службы», орденом св. Станислава III степени, а также бронзовой медалью для дворянства за 1812 г.²⁹

Выше приведенные факты, безусловно, говорят о очень деятельном характере Киселева. При этом следует учесть, что Александр Григорьевич занимался общественной деятельностью добровольно. Будучи помещиком Саранского и Инсарского уездов, он мог бы, в силу своего достатка, тихо и безмятежно проводить время в одном из своих близлежащих пензенских поместий, обладая более чем шестью сотнями душ.³⁰ Однако, по словам самого Киселева, он был руководим «пламенным желанием быть участником к исполнению благих предначертаний правительства».³¹ И эта «пламенность» многое объясняет в его биографии.

Отдельного внимания заслуживает еще один факт из жизненного пути Александра Григорьевича: 25 (13 по ст. ст.) апреля по новому стилю 1835 г. Министр народного просвещения Российской Империи Сергей Семёнович Уваров утвердил его в звании попечителя Пензенской публичной библиотеки.³² Сразу отметим, что Киселев не был модератором процесса создания библиотеки в Пензе. Инициатива создания этого учреждения исходила в тот момент не от заинтересованной общественности, как можно было бы себе это представить, а, наоборот, — от правительства.

О библиотеке стали серьезно задумываться в Пензе еще до переезда в город на Суре Александра Григорьевича. В 1830 г. был утвержден проект президента Вольного экономического общества адмирала Николая Семёновича Мордвинова по организации сети «публичных библиотек для чтения» в губернских городах России. Как говорилось в документе, наличие библиотек должно было возродить дух общественности, открыть сбыт «хороших сочинений по части наук и промышленности». По замыслу организаторов библиотеки должны были стать местом, где публично обсуждались бы новые идеи, проекты, описания, рисунки разных изображений, технические новшества, также они должны были стать центром сбора статистической информации, в которой тогда остро нуждалось правительство. Таким образом, открытие библиотек стало бы новой эпохой в деле «народных улучшений», памятником счастливого царствования Императора Николая I.³³ На основании проекта Н.С. Мордвинова был разработан циркуляр Министра внутренних дел Арсения Андреевича Закревского об открытии публичных

библиотек в 50-ти городах России. Организация, финансирование и надзор были возложены на губернаторов и предводителей дворянства.³⁴

Когда Киселев перебрался в Пензу,³⁵ процесс создания первой публичной библиотеки находился на стадии становления. Губернское руководство тут же обратило внимание на Александра Григорьевича, который в 1832 г., в год своего приезда, как он сам пишет, «с удовольствием принял на себя звание попечителя библиотеки».³⁶ Формирование первой публичной библиотеки растянулось на долгие семь лет, 1830–1837 гг.³⁷ Перед организаторами стояли задачи поиска попечителей, удобного помещения, библиотекарей, организации книжного фонда, приобретения необходимой мебели. Тогда же активно обсуждались и правила работы будущей библиотеки.³⁸

Очень скоро стало понятно, что содержание библиотеки ляжет исключительно на плечи общественной инициативы. Ни о каком использовании государственных, губернских, в т.ч. и земских средств и фондов не могло быть и речи.³⁹ В 1834 г. библиотеки перешли в ведомство Министерства народного просвещения. Министр просвещения Сергей Семёнович Уваров распорядился выслать уже открытым библиотекам, а на тот момент таких было 20, Пензы в их числе еще не было, комплекты изданий Императорской Академии наук, Вольного экономического общества, Департамента народного просвещения и ряда других учреждений. В 1840 г. библиотекам была предоставлена льгота: правительство освобождало их от военного постоя и городских повинностей. На этом государственная поддержка была исчерпана.⁴⁰

Чтобы наладить процесс создания и нормального функционирования учреждения, необходимо было срочно найти частных благотворителей, которые смогли бы взять на себя решение возникших проблем. Для многих российских губерний этот вопрос решался очень сложно. Так, в Волынской губернии только, чтобы открыть библиотеку, местное дворянство смогло собрать 400 рублей, тогда как изначально планировалось собрать в десять раз больше — 4 800 рублей. О поддержке на постоянной основе не могло быть и речи. В ответ на требования губернского начальства, дворяне ссылались на большое количество других «повинностей».⁴¹ Понятно, что добровольное желание Киселева⁴² ежегодно жертвовать сумму в 500 рублей ассигнациями (143 рубля серебром), было воспринято губернским руководством с большим облегчением. Эта сумма составила процентную ставку от вложенного в оборот капитала в размере 12 500 рублей.⁴³ Этих средств должно было хватить на покрытие всех текущих расходов по содержанию учреждения. Александр Григорьевич понимал шаткость и ненадежность такого положения, когда успешность проекта зависело только от одного человека, поэтому обращался к губернскому начальству с просьбой принять «в скором времени» необходимые меры по поиску дополнительных источников финансирования.⁴⁴

Открытие публичной библиотеки в Пензе состоялось в торжественной обстановке 1 января 1838 г. по новому стилю⁴⁵ (20 декабря 1837 г. по старому)⁴⁶ на улице Троицкой (современной Кирова),⁴⁷ в трех просторных комнатах⁴⁸ частного дома младшего учителя географии А.В. Вотопетова, который и был принят на должность библиотекаря.⁴⁹

Пензенская библиотека стала 25-й по счету среди публичных библиотек России, открытых с 1830 г. по инициативе правительства: после Одессы, Тамбова, Воронежа и Перми, появившаяся в один год с библиотеками в Вятке и Рязани.⁵⁰ Цель создания библиотеки видели в «распространении полезных сведений в науках и искусствах и доставлении каждому легких средств к приобретению познаний».⁵¹ Чтобы лучше себе представить замыслы организаторов, можно привести в качестве примера, слова, сказанные писателем и общественным деятелем Александром Ивановичем Герценом (1812–1870) в том же году в Вятке по случаю открытия местной публичной библиотеки: «И вот наш великий царь предупреждает потребность народную заведением публичных библиотек в губернских городах. Публичная библиотека — это открытый стол идей, за который приглашен каждый, за которым каждый найдет ту пищу, которую ищет; это — запасной магазин, куда одни положили свои мысли и открытия, а другие берут их в рост».⁵²

Состояние книжного фонда библиотеки во многом зависело от частных пожертвований. Со стороны государственных правительственных и академических учреждений помощь тоже оказывалась, но она представляла собой издания преимущественно периодической печати, причем, рассчитанной на узких специалистов. Среди них, к примеру, «Коммерческая газета», «Горный журнал», «Журнал Мануфактор и торговли».⁵³ Издания периодической печати приносили в дар и частные лица.⁵⁴

Но все-таки главными источниками пополнения фонда стали «значительные» пожертвования книг со стороны трех лиц: губернского предводителя дворянства Федора Ивановича Никифорова, почетного попечителя гимназии, статского советника Дмитрия Сергеевича Олсуфьева и попечителя библиотеки, статского советника Александра Григорьевича Киселева.⁵⁵ Авторитетный пензенский краевед, Анна Федоровна Головина, была убеждена, что последний пожертвовал в фонд опекаемой им библиотеки — 2000 книг.⁵⁶ Однако еще в XIX столетии исследователи этого вопроса утверждали, что количество подаренных Киселевым книг составило 230 томов. И это был не самый большой вклад. Так, статский советник Д.С. Олсуфьев пожертвовал почти в два раза больше изданий — 440.⁵⁷ Обратим внимание и на то, что в списке жертвователей «значительного» собрания книг Киселев находится только третьим: после предводителя дворянства Ф.И. Никифорова и статского советника Д.С. Олсуфьева.⁵⁸ Как мы видим, такая очередность списка благотворителей была связана не только с социальным статусом меценатов.

Нам известно, что Вольное экономическое общество прислало в дар 75 своих научных изданий, а писатель Сергей Тимофеевич Аксаков (1791–1859) одну книгу из своего собрания под названием «Военная история XVIII столетия».⁵⁹ Характер поступивших в фонд монографий в качестве дара иллюстрирует следующий список: «Основания земледельческой химии», «Практическое и умозрительное земледелие», «О усовершенствовании сельского скотоводства» или «Наставление о разведении табаку».⁶⁰

Согласно «Отчета» библиотеки за 1840 г., в ее фондах хранилось 1272 экземпляра книг, из них оригинальных в три раза меньше — всего 453 тома.⁶¹ Таким образом, даже спустя два года после своего открытия Пензенская публичная библиотека не накопила в своем фонде 2 000 книг. Не достигла она этого результата и в 1843 г.⁶² И только в конце своего существования библиотека насчитывала в своих фондах 2291 издание.⁶³ Наконец, нам известно точное количество книг, пожертвованных Киселевым в фонд библиотеки за все время его нахождения в должности попечителя: их число не превысило «тысячи».⁶⁴

Александр Григорьевич образцово выполнял свои обязанности, исправно внося каждый год одну и ту же сумму — 500 рублей ассигнациями. Кроме того, за его счет были изготовлены шесть книжных стеллажей (в источниках — «шкафов»), а также продолжало пополняться книжное собрание библиотеки.⁶⁵

Несмотря на одобрительное отношение пензенцев к инициативе губернского начальства, популярность библиотеки в скором времени стала падать. Сказалась нехватка востребованной читателем литературы.⁶⁶ О том, что было нужно читающей публике говорит реестр переплетенных книг, т.е. тех изданий, которые были настолько частыми в пользовании, что требовали нового переплета. Исследователь XIX столетия, А. Назыров, перечисляет их названия: «Обозрение царствования Екатерины», «Посольство в Китай», романы «Искуситель», «Морской разбойник», 17 томов «Библиотеки романов».⁶⁷

Среди причин низкой востребованности библиотечного собрания можно указать и на узкую социальную базу нового проекта правительства. В 30-е — 40-е гг. XIX столетия в России не было еще отменено крепостное право, а значит большинство населения Империи — крестьяне, многие из которых были еще и безграмотны, явно не входили в число потенциальных читателей. Дворяне же имели собственные богатые частные книжные собрания. Население городов того времени на 60–70 % состояло из мещан, крестьян, отставных солдат, купечества разных гильдий, разночинцев, живших, за некоторым исключением, в нищенских условиях.⁶⁸ Поэтому при открытии библиотеки ставка была сделана на служащих, чиновничий класс,⁶⁹ которые в силу служебной занятости, имели крайне мало свободного времени.⁷⁰

Посещаемость библиотеки стала уменьшаться. Ее услуги стали менее востребованы. Наметившийся кризис Киселев своими силами разрешить не мог и обратился за помощью к Дворянскому собранию. Однако понимания Александр Григорьевич не нашел.⁷¹ Как результат, в конце 1842 г. произошло поворотное событие в судьбе библиотеки. Киселев сложил с себя полномочия попечителя этого учреждения.⁷²

Первая Пензенская публичная библиотека стала единственным проектом Александра Киселева, который он не смог довести до успешного завершения. И дело тут не только в «болезни», на которую попечитель ссылается в своем прошении об увольнении.⁷³ Александр Григорьевич действительно был тяжело болен, и как скоро выяснилось — смертельно. Однако полная формулировка причин ухода звучала так: «по болезни и обстоятельствам моим».⁷⁴

Киселев не собирался оставлять библиотеку без внимания, хотел и далее жертвовать книги, однако полномочия с себя снял. Поиски нового попечителя библиотеки предводителем пензенского дворянства Ф.И. Никифоровым ни к чему не привели.⁷⁵ Таким образом, Александр Григорьевич стал первым и последним попечителем пензенской публичной библиотеки, которая просуществовала до 8 февраля 1845 г., когда была перевезена в помещение Дворянского собрания, где уже не могла полноценно функционировать.⁷⁶ В 1850 г. из библиотеки ушел последний подписчик. Через восемь лет в Санкт-Петербург был отправлен ее последний отчет.⁷⁷ Точной даты закрытия библиотеки мы не знаем.⁷⁸ По-видимому, губернатор, Александр Алексеевич Панчулидзе, и губернский предводитель дворянства, Федор Иванович Никифоров, делали все, чтобы не допустить ее официального закрытия, но и вспоминать о библиотеке особого желания не возникало.⁷⁹ Долгое время ее фонды хранились «где-то в подвале или на чердаке».⁸⁰

В деле организации в Пензе первой публичной библиотеки Александр Григорьевич столкнулся с непреодолимыми препятствиями. С одной стороны — отсутствием дополнительной финансовой поддержки в деле пополнения фонда актуальной, востребованной литературой, а с другой — отсутствием одобрения к инициативе со стороны широких общественных кругов. В пользу последнего мнения свидетельствует один интересный исторический документ — «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба», изданные в 1867 г.⁸¹ Авторы издания в достаточно откровенной форме делятся своими впечатлениями об увиденном в Пензе, отмечая «полнейшее равнодушие общества ко всему напоминающему умственное развитие и науку».⁸² Свое мнение авторы «Материалов» подкрепляют фактом нерентабельности местной типографии.⁸³ Мы знаем, что достаточно пассивной долгое время была и книжная торговля в Пензе.⁸⁴

Из тех же «Материалов» мы узнаем, что, как пишут авторы, «этим грешит не одно пензенское, но всякое русское провинциальное общество...».⁸⁵ И здесь авторы издания были совершенно правы. Закрытие публичных библиотек стало общероссийской тенденцией, в которой Пенза не стала исключением.⁸⁶

Пробуждение в общественном сознании произошло в последней четверти XIX столетия. Так, в «Пензенских губернских ведомостях» за 1874 г. неизвестный автор писал: «Не раз мы уже указывали на один весьма существенный недостаток в нашем городе, именно, на отсутствие общественной библиотеки».⁸⁷ Логичным завершением этого процесса стало торжественное открытие 14 октября 1892 г. по новому стилю Пензенской общественной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова при стечении многочисленной публики.⁸⁸ Александр Григорьевич не дожил до этого момента. Он скончался от тяжелой, неизлечимой и в наши дни, болезни в Берлине 24 (12 по ст. ст.) апреля 1847 г. по новому стилю.⁸⁹

Статский советник, дворянин, меценат Александр Григорьевич Киселев заслужил доброе имя в памяти потомков. «Известный своими достоинствами, познаниями и любовью ко всему общепольному» — как однажды отозвался о Киселеве предводитель пензенского дворянства Федор Иванович Никифоров, он оказался у истоков создания в Пензе Дворянского института, женского училища и, наконец, организации библиотечного дела. Именно благодаря Киселеву в истории Императорского Православного Палестинского Общества засияла такая звезда, как Мария Михайловна Киселева, приложившая немало усилий, чтобы через свои дела прославить имя своего мужа в веках.

В апреле 2022 г. исполнилось 175 лет со дня блаженной кончины Александра Григорьевича Киселева, а у нас появится дополнительная возможность привлечь внимание общественности на заслуги перед Пензенским краем «пламенного» деятеля культуры, просвещения и благотворительности XIX столетия.

¹ Тюстин А.В. Дворянский некрополь Пензенского края. // Земство. 1995. № 5. С. 68.

² ГАПО Ф. 182. Оп. 6. Д. 87. Л. 314.

³ Тюстин А.В. Пензенский некрополь XVII — нач. XX вв. Пенза, 2013. С. 133.

⁴ ГАПО Ф. 5. Оп. 1. Д. 2537. Л. 16. См. также: ЛЗЗ

⁵ Головина А.Ф. Киселёва Мария Михайловна // Пензенская энциклопедия. Гл. ред. К.Д. Вишневский. М. : Большая рос. энцикл., 2001. С. 236. См. также: Тюстин А.В. Дворянский некрополь ... С. 68.; Рассказова Л.В. Киселёва Мария Михайловна // Пензенская энциклопедия: [80-летию Пензенской области посвящается: в 2 т.] / редсовет: О. В. Ягов (предс.) [и др.]; гл. ред. А. Ю. Казаков. [2-е издание, уточненное и дополненное]. Пенза: Областной издательский центр. Т. 1. 2019. С. 542.

- ⁶ Об авторе // *Головина А.Ф.* Великая благотворительница. Москва : ООО «Издательство Пенаты», [Изд. второе, доп.] 2014. — С. 242.
- ⁷ *Бутова Р.Б.* Храмостроительница и благотворительница. К 220-летию со дня рождения Марии Михайловны Киселевой // Православный Палестинский Сборник. 2018. № 115. С. 159.
- ⁸ *Головина А.Ф.* Великая благотворительница... С. 15, 28.
- ⁹ *Шишкин И.С.* Киселёв Александр Григорьевич // Пензенская энциклопедия: [80-летию Пензенской области посвящается: в 2 т.] / редсовет: О.В. Ягов (предс.) [и др.]; гл. ред. А.Ю. Казаков. [2-е издание, уточненное и дополненное]. Пенза: Областной издательский центр. Т. 1. 2019. С. 542.
- ¹⁰ См. об этом: *Головина А.Ф.* Великая благотворительница... С. 16, 27.
- ¹¹ См. об этом: *Шишкин И.С.* Киселёв Александр Григорьевич... С. 542.
- ¹² ГАПО Ф. 182. Оп. 6. Д. 87. Л. 314.
- ¹³ *Тюстин А.В.* Пензенский некрополь... С. 133.
- ¹⁴ *Головина А.Ф.* Великая благотворительница... С. 14.
- ¹⁵ Там же. С. 13.
- ¹⁶ ГАПО Ф. 5. Оп. 1. Д. 2537. Л. 6. Об.
- ¹⁷ *Головина А.Ф.* Великая благотворительница... С. 26.
- ¹⁸ См.: Там же... С. 27.
- ¹⁹ ГАПО Ф. 5. Оп. 1. Д. 2537. Лл. 16. Об., 17.
- ²⁰ Там же. См. также: *Лукошин А.С.* Пензенские Губернские Ведомости // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона / Под ред. К. К. Арсеньева и др. Репринт. изд. 1890 г. Москва: «ТЕРРА» — «TERRA», 1992. Т. 45. С. 474.
- ²¹ ГАПО Ф. 5. Оп. 1. Д. 2537. Лл. 16 об., 17. См. также: *Головина А.Ф.* Великая благотворительница... С. 15.
- ²² *Громова А.* Публичные библиотеки в провинции в 1830–1850 гг. // Сов. библиогр. 1934. № 1. С. 89.
- ²³ Там же. С. 91.
- ²⁴ Там же. С. 88.
- ²⁵ ГАПО Ф. 5. Оп. 1. Д. 2537. Л. 6.
- ²⁶ Там же. Лл. 16. Об., 17.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ ГАПО Ф. 5. Оп. 1. Д. 2537. Лл. 16. Об., 17.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ ГАПО Ф. 5. Оп. 1. Д. 2628. Л. 195.
- ³² ГАПО Ф. 5. Оп. 1. Д. 2537. Л. 6. Об. См. также: ГАПО Ф. 5. Оп. 1. Д. 1597. Л. 112.
- ³³ ГАПО Ф. 5. Оп. 1. Д. 1597. Лл. 1, 1. Об. См. об этом также : Громова А. Публичные библиотеки... С. 70.
- ³⁴ *Курмаев М.В.* Книжная культура Среднего Поволжья (конец XVIII — начало XX вв.) Самара : СНЦ РАН, 2008. С. 84. См. об этом также: Мурашов Д.Ю. Первая Лермонтовская : очерк истории — Пенза, 2012. С. 3.

- ³⁵ ГАПО Ф. 5. Оп. 1. Д. 2537. Лл. 16, 17.
- ³⁶ ГАПО Ф. 5. Оп. 1. Д. 2628. Л. 195.
- ³⁷ *Курмаев М.В.* Библиотеки Пензенского края: история создания и развития (конец XVIII — начало XX вв: диссертация ... кандидата исторических наук : 05.25.03. На правах рукописи. Самарская госуд. академия культуры и искусств. Самара, 2002. С. 79.
- ³⁸ ГАПО Ф. 5. Оп. 1. Д. 1597. Л. 148.
- ³⁹ *Громова А.* Публичные библиотеки... С. 72.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Там же. С. 77. См. также: *Куприевич И.* Первая общественная библиотека в Пензе // Сталинское знамя (Пенза). 1940. 11 мая.
- ⁴² ГАПО Ф. 5. Оп. 1. Д. 2628. Л. 195.
- ⁴³ ГАПО Ф. 5. Оп. 1. Д. 2537. Л. 6. Об.
- ⁴⁴ ГАПО Ф. 196. Оп. 1. Д. 646. Л. 76. См. также: ГАПО Ф. 5. Оп. 1. Д. 1597. Л. 148. Об.
- ⁴⁵ *Самойлов Е.Г.* Дальнейшая судьба неизвестна: [О первой пенз. публ. б-ке] / Е.Г. Самойлов // Пенз. Правда. 1980. № 159 (18431). 15 июля. С. 4.
- ⁴⁶ *Курмаев М.В.* Библиотеки Пензенского края... С. 81.
- ⁴⁷ *Мурашов Д.Ю.* Первая Лермонтовская... С. 3.
- ⁴⁸ ГАПО Ф. 5. Оп. 1. Д. 1597. Л. 294. Об.
- ⁴⁹ *Курмаев М.В.* Книжная культура Среднего... С. 85.
- ⁵⁰ *Громова А.* Публичные библиотеки... С. 94–97.
- ⁵¹ ГАПО Ф. 5. Оп. 1. Д. 1597. Л. 1.
- ⁵² Речь, сказанная при открытии Публичной библиотеки для чтения в Вятке А. Герценом 6 декабря 1837 года // Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах — Москва : Издательство Академии наук СССР. — Т. 1. 1954 г. С. 366–367.
- ⁵³ ГАПО Ф. 5. Оп. 1. Д. 1597. Л. 120.
- ⁵⁴ Там же. Л. 147.
- ⁵⁵ Там же. Л. 149. Об.
- ⁵⁶ *Головина А.Ф.* Великая благотворительница... С. 25.
- ⁵⁷ *Назыров А.* Пропавшая публичная библиотека в Пензе. // Санкт-Петербург. ведомости. 1866. № 52. С. 3., См. также: *Курмаев М.В.* Книжная культура Среднего... С. 86.
- ⁵⁸ ГАПО Ф. 5. Оп. 1. Д. 1597. Л. 149. Об.
- ⁵⁹ *Савин О.М.* Родник воды живой: К 100-летию Пензенской областной библиотеки имени М.Ю. Лермонтова. Пенза, 1992. С. 7. См. также: *Куприевич И.* Первая общественная библиотека...
- ⁶⁰ ГАПО Ф. 5. Оп. 1. Д. 1597. Лл. 252.-252. Об.
- ⁶¹ Там же. Л. 160.
- ⁶² Там же. Л. 294.
- ⁶³ *Сталь Н.Е., Рябинин А.Д.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Т. 17: Пензенская губерния: в 2-х ч. СПб., 1867. Ч. 2. С. 179.
- ⁶⁴ ГАПО Ф. 5. Оп. 1. Д. 2628. Л. 195. Об.
- ⁶⁵ Там же. См. об этом: *Громова А.* Публичные библиотеки... С. 77.

- ⁶⁶ *Мурашов Д.Ю.* Первая Лермонтовская... С. 3.
- ⁶⁷ *Назыров А.* Пропавшая публичная библиотека... С. 3.
- ⁶⁸ *Громова А.* Публичные библиотеки в провинции... С. 88.
- ⁶⁹ ГАПО Ф. 5. Оп. 1. Д. 1597. Л. 147. Об.
- ⁷⁰ *Громова А.* Публичные библиотеки... С. 91–93.
- ⁷¹ *Курмаев М.В.* Книжная культура Среднего... С. 86.
- ⁷² ГАПО Ф. 5. Оп. 1. Д. 2628. Лл. 195–195. Об. См. об этом также: ГАПО Ф. 5. Оп. 1. Д. 1597. Л. 404.
- ⁷³ ГАПО Ф. 5. Оп. 1. Д. 2628. Л. 195. Об.
- ⁷⁴ ГАПО Ф. 5. Оп. 1. Д. 2628. Л. 195. Об.
- ⁷⁵ ГАПО Ф. 5. Оп. 1. Д. 1597. Л. 427.
- ⁷⁶ ГАПО Ф. 5. Оп. 1. Д. 1597. Л. 429.
- ⁷⁷ *Курмаев М.В.* Книжная культура Среднего... С. 86–87.
- ⁷⁸ *Куприевич И.* Первая общественная библиотека... См. также: *Савин О.М.* Родник воды живой... С. 8. *Самойлов Е.Г.* Дальнейшая судьба неизвестна... С. 4.
- ⁷⁹ См. об этом : *Курмаев М.В.* Книжная культура Среднего... С. 86.
- ⁸⁰ *Сталь Н.Е., Рябинин А.Д.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Т. 17: Пензенская губерния: в 2-х ч. СПб., 1867. Ч. 2. С. 179.
- ⁸¹ Там же.
- ⁸² Там же. С. 177.
- ⁸³ *Сталь Н. Е., Рябинин А.Д.* Материалы для географии... С. 178.
- ⁸⁴ *Куприевич И.* Первая общественная библиотека...
- ⁸⁵ *Сталь Н. Е., Рябинин А.Д.* Материалы для географии... С. 177.
- ⁸⁶ *Громова А.* Публичные библиотеки... С. 88.
- ⁸⁷ *Куприевич И.* Первая общественная библиотека...
- ⁸⁸ *Курмаев М.В.* Книжная культура Среднего... С. 345.
- ⁸⁹ *Тюстин А.В.* Пензенский некрополь... С. 133. См. также: *Тюстин А.В.* Дворянский некрополь... С. 68.

ВЕЧЕРНИЕ ЧТЕНИЯ В ИЛЬИНСКОМ, ИЛИ ТЕНИ ЗАМКА ФРЕДЕНСБОРГ

В. В. Кожин

Литературное имя Антона Павловича Чехова было хорошо известно царской фамилии: например, семья последнего русского Императора ставила в заключение шутку Чехова «Медведь». В эти страшные последние месяцы, Августейшие супруги участвовали в маленьком домашнем спектакле, устроенном своими силами, силами детей и приближённых, и отвлекались: вспоминали спокойное минувшее.

Так имя Чехова, как и его творчество, существовало «внутри» семейной жизни династии до конца. Писатель, как известно, жил при трёх императорах — он был стипендиатом Царя-освободителя Александра II, его творчество было отмечено вниманием Императора Александра III, а позже Чехов даже получил орден при Николае II. Здесь есть над чем поразмыслить.

Как отмечает В.Б. Катаев: «в отличие от Пушкина, который также пережил за свою жизнь три смены на русском троне, Чехов не мог похвалиться личным общением с тремя Романовыми (в случае Пушкина — один из них отчитал будущего поэта в еще младенческом возрасте, два других своим прямым воздействием слишком многое определили в его изменчивой судьбе и в творчестве). У Чехова столь явных контактов не было» [1].

Однако книги Чехова, его мысли и переживания, облечённые в литературную форму, плотно контактировали с умами и душами членов императорской фамилии. Книги Чехова «обитали» в библиотеках Аничкова, Зимнего, Гатчинского дворцов — а рядом с ними покоились тома Вольтера и Руссо, Деборд-Вальмор и Ключевского. Неслучайны и переводы Чехова, ещё при жизни, на немецкий и датский языки — читала Чехова и Императрица Мария Фёдоровна, для которой датский был родным языком. Шло время, сменялась эпоха, но вкус императорской семьи в литературе оставался стабильно сонастроенным с тонкой поэтикой чеховского повествования.

Рисунок 1. Суперэкслибрис под императорской короной и экслибрис Великого Князя на отдельном ярлыке. Под ярлыком, на форзаце, карандашом намечены числа: «4-2-905»

В фондах Крымского литературно-художественного мемориального музея-заповедника хранится уникальное издание произведений А.П. Чехова в простой картонной обложке, оклеенной рельефной бумагой *la chagrin*, с полукожаным переплётом. Стандартный том, каких много выпускалось в паровых переплётных мастерских позапрошлого века, совсем не подарочное издание. Это томик «Русской мысли» № 4 за 1897 г. [ДМЧ КП 3753/2] — все данные на корешке оттиснуты золотом. Чуть ниже — суперэкслибрис: вензель «СА» (см. Рис. 1) под императорской короной. Буквы вензеля будто бы прорастают друг в друга — кажется, владелец книги был человеком утончённым, незаурядным.

На внутренней стороне крышки приклеен аккуратный бумажный ярлык с изящной монограммой «СА», помещённой в рокайльный картуш с фестонами, волютами и гирляндами, а буквы увенчаны малой императорской короной. Для историка, или простого исследователя русского экслибриса не остаётся никаких сомнений в том, что экземпляр, раскрытый сейчас перед нами, происходит из личной библиотеки Великого Князя Сергея Александровича (1857–1905), личности глубоко неординарной, поистине художественной. Он — родной брат Императора Александра III. Он всесильный генерал-губернатор Москвы. Супругой его

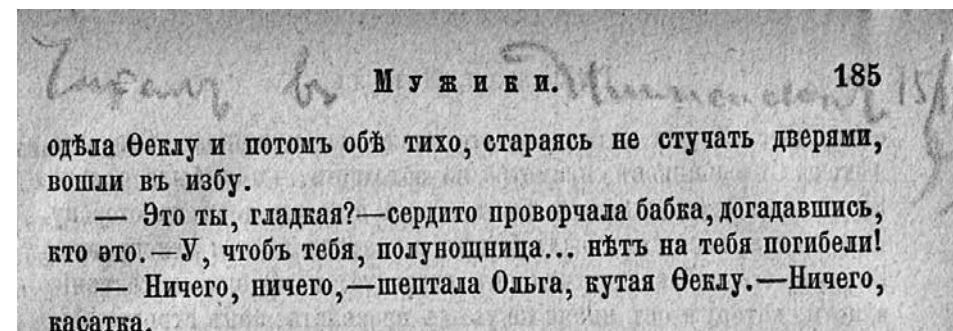

Рисунок 2. Владельческая помета Великого Князя Сергея Александровича на полях повести А.П. Чехова

была Великая Княгиня Елизаветы Федоровны (внучка английской королевы Виктории), родная сестра последней русской Императрицы, человек удивительной духовной красоты, совершенства и силы воли.

Тогда, когда Великий Князь держал в руках эту самую книгу, он читал вслух повесть Чехова «Мужики» — на полях стр. 185 сделана красная карандашная помета: «Читалъ въ Ильинскомъ 15/IX 99» твёрдым красным восковым карандашом, что обуславливает несовершенство почерка, обыкновенно, очень ровного (см. Рис. 2). Интересно, что сохранилось письмо Сергея Александровича своему кузену, Великому Князю Константину Константиновичу, признанному поэту (знаменитый «КР»), отправленное в этот день из Ильинского[2]: «Большая радость видеть Мари у нас. Дети Павла нас сердечно радуют, и они оба так хорошо развиваются; под вечер я с ними читаю, и они ужасно это любят» [ГАРФ. Ф. 660. Оп.2, Д.255, л. 94об.-95]. Вероятно, тогда повесть Чехова слушала и упомянутая в письме княгиня Мария Александровна — сестра Великого Князя, супруга принца Альфреда, герцога Эдинбургского, второго сына королевы Виктории и принца Альберта. А вместе с нею и семьёй, слушали чтение и дети упомянутого в письме Великого Князя Павла Александровича.

Предполагаем, что это были настоящие вечерние чтения в русской усадьбе — такие, когда гасят верхний свет, а вся многочисленная родня собирается в одной, самой уютной зале у камина — в кабинете, запечатлённом на картине К. Лемоха (см. Рис. 3). В тот день внимала простому чеховскому языку и Великая Княгиня Елизавета Федоровна, и, тогда же, внутри неё, совершалась новая большая работа. Как знать, не рассказы ли Чехова отчасти, утвердили гессенскую принцессу в служении на благо ближнего? Не тяготы ли крестьянской жизни, описанной с потрясающим реализмом, дополнительно указали ей на то, как несправедлива русская действительность, как тяжела жизнь «мужиков» и «баб»?

Рисунок 3. «За чтением. Портрет Великого Князя Сергея Александровича Романова». К. Лемох, 1886 г.» Из коллекции Фонда содействия возрождению традиций милосердия и благотворительности «Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество» (ЕСПО). На портрете К.В. Лемоха Великий Князь Сергей Александрович изображен в своем кабинете в усадьбе Ильинское под Москвой, здесь вероятно и читалась книга Чехова в 1899 году.
[Государственный Исторический музей. Общественное достояние]

Коснёмся сюжета — воистину, для чтения была избрана непростая повесть: сюжетная линия «Мужиков» основана на жизненном опыте самого Чехова, полученном во время всероссийской переписи населения, в организации которой он принимал активное участие. Но до того, как книга могла попасть к венценосной семье, она должна была пройти цензуру. Сохранилась весьма любопытная рецензия цензора Соколова[3]: «В первой половине

апрельской книжки «Русской мысли» в цензурном отношении особенно-го внимания заслуживает статья А. П. Чехова «Мужики». В ней слишком мрачными красками описывается положение крестьян, проживающих в деревнях. В течение лета они, не зная отдыха, работают с утра до поздней ночи с своими семьями, а между тем хлеба не заготавливают для своих семей и на половину года. <...> И без того беспомощных, их особенно тяготят подати, которые всею тяжестью ложатся на семейства крестьян. В чем же кроются причины такого печального положения крестьян, или вернее, их семейств? В невежестве. <...> Крестьяне жаждут света и знания, но не могут сами по себе найти его, потому что грамоте из них редкие обучены. Большинство же будто и понятия о ней не имеют».

Цензурные изъятия привели к тому, что Великий Князь Сергей Александрович получил книгу с усечённой IX главой и так и не прочёл пронзительные чеховские строки: «да и может ли быть какая-нибудь помощь или добрый пример от людей корыстолюбивых, жадных, развратных, ленивых <...>?».

Для того чтобы помогать ближнему, для того, чтобы облегчить его страдание, нужно самому быть сострадательным, пройти, прочувствовать всё это — читайте: выстрадать с ним вместе. О сострадании говорят и слова, отчёркнутые князем красным карандашом на с.171: «...верила, что нельзя обижать никого на свете, — ни простых людей, ни немцев, ни евреев, и что горе даже тем, кто не жалеет животных» Они могли прозвучать для высокого семейства как притча. Вероятно, детей впечатлила и вскользь мелькнувшая в повести история о кошке, которую избили так, что она оглохла (случай, подхваченный Чеховым в реальной жизни). После такого зачина, упоминание о животных, верно, ударило в слушателях колоколом (см. Рис. 3).

В книге есть и другие пометы — и на всём её протяжении, — только в повести Чехова «Мужики». Так, на с. 193 со значком «NB», отмечено: «...точно помолодевшую церковь, и слёзы текли у неё, и дыхание захватывало оттого, что страстно хотелось уйти куда-нибудь, куда глаза глядят, хоть на край света». На с. 182 — «Погляжу, что вы тут будете есть, дворяне московские! — говорила она с злорадством. — Погляжу-у!». В самом начале повести выделено извечное: «дома стены помогают».

Вероятно, когда Великий Князь дочитал повесть, за окном стояла уже глухая сентябрьская ночь и в зале воцарилась тишина: обдумывали услышанное, переосмысливали, возможно, после спорили — но, верится, никто не остался равнодушным. В книгах, не произведших впечатления, помет не оставляют. А ведь случай с повестью, в высшей степени примечательный: эта книга живой свидетель того, как Великий Князь избирает для домашнего чтения столь сложную, действительно острую, проблемную повесть — и читает, и размышляет, и находит, что это хорошо,

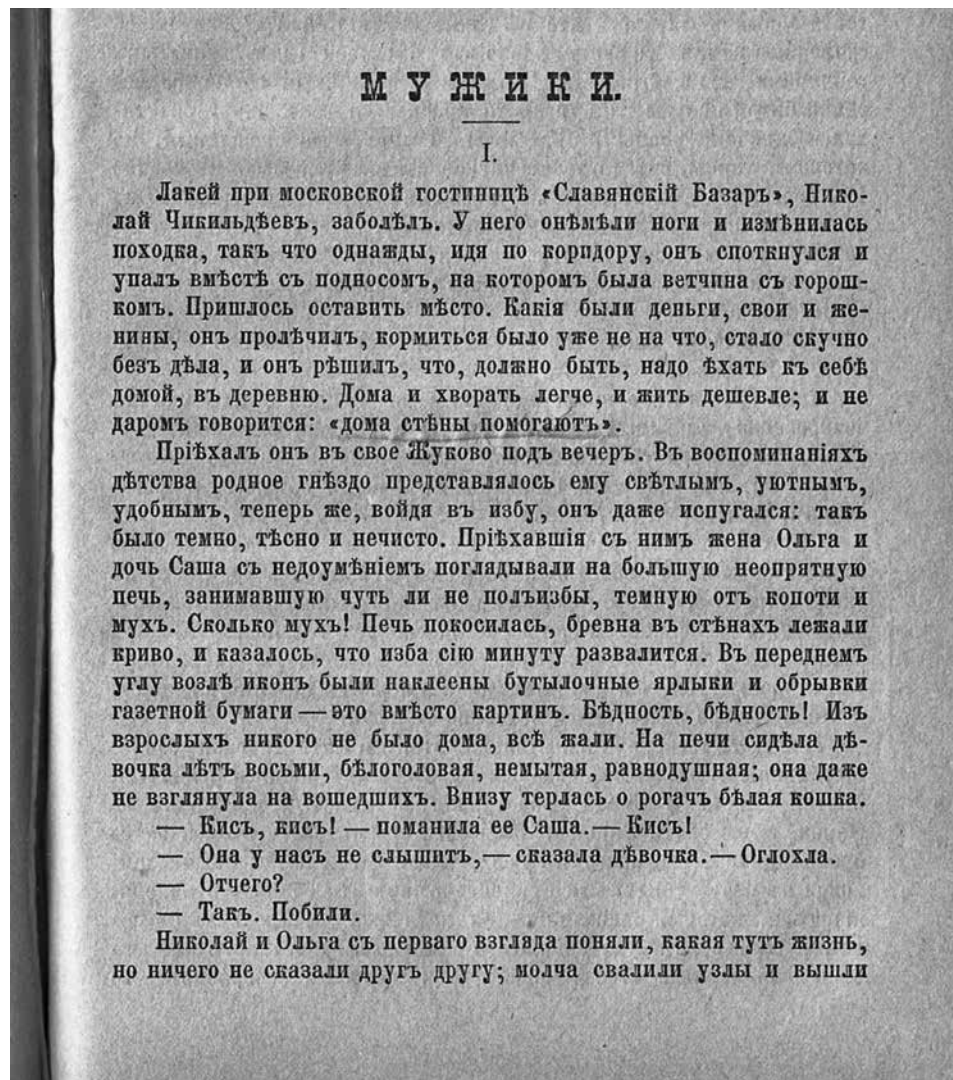

Рисунок 4. Вступление к повести «Мужики»
с краткой карандашной пометой Великого Князя

и преображается. И чтобы не забыть — оставляет пометы в тексте. А вместе с ним, тогда преображался и дух его супруги Елизаветы.

После совершённого страшного преступления 4 февраля 1905-го, Елизавета Федоровна сама навещала человека, убившего её супруга, в тюрьме. Она лично передала осуждённому Евангелие, но казни не требовала. Она даже подала на Высочайшее имя прошение о помиловании, поскольку не желала отвечать кровью на кровь — она выстрадала и преобразилась.

Чеховское слово и здесь, должно быть, сыграло свою не последнюю роль: «Подвижники нужны как солнце. Их личности — это живые документы, указывающие обществу, что <...> есть люди подвига, веры и ясно осознанной цели» [3]. Елизавета Федоровна и стала таким подвижником в память о своём супруге Великом Князе Сергии Александровиче. Верится, что цифры на форзаце «4-2-905» (см. Рис. 1), начертанные простым карандашом, отсылают к той трагической дате в судьбе Империи.

Говоря о произведениях Чехова в быту русского Императорского дома, нужно сказать и о самом Императоре Александре III. Для этого стоит обратиться к 1889 г. Известно, что у Александра III Чехов входил в число любимых им авторов. Притом, вероятнее всего, русского царя занимали именно юмористические рассказы, пьесы и водевили. Царю принадлежала книга «В сумерках. Очерки и рассказы. Издание А.С. Суворина. Санкт-Петербург, типография А.С. Суворина, 1887» в темно-зеленом марокеновом переплете паровой мастерской Н.В. Гаевского с тиснением золотом на крышках и корешке [4]. Эта книга была обнаружена автором на одном из аукционов. Это великолепное издание с тройным золотым обрезом, с тисненной золотом дублюрой. Форзацы были сделаны из белой мелованной муаровой бумаги.

Выявленный экземпляр происходит из библиотеки Аничкова дворца с суперэкслибрисом Императора Александра Александровича на крышках, и с красным чернильным оттиском личного вензеля на титуле (см. Рис. 4). Этот третий сборник рассказов Антона Павловича Чехова из первого издания имеет явные следы использования — книгу читали, и читали немало — возили с собой, для чего перевязывали (судя по характеру потёртостей по граням) бечевкой. Такая простота обращения вполне отвечала духу Императора.

Действительно, Царь-миротворец был хорошо знаком с творчеством Антона Чехова: 9 августа 1889 года в летнем театре Красного Села был поставлен водевиль «Предложение». Спектакль, как сообщали Чехову, «имел успех. Государю очень понравилось. Оказывается, что государь читал Вас и хвалит». «Вчера в Красносельском театре в присутствии Его Величества разыграли мы Вашу милую шутку — «Предложение». <...> Хохот стоял в зале непрерывный. Царь смеялся от души. Вызывали нас два раза — чего не бывает в официально-чинном Красносельском театре» сообщал автору «милый шутки» восторженный П.М. Свободин [1].

Император Александр III ценил и уважал (насколько можно судить из его собрания чеховских произведений) именно высокую нравственную гуманность молодого (Чехову в 1887 было только 27 лет) писателя, хотя, имея весёлый нрав, прежде всего, выказывал монаршее одобрение смешным «вещицам» автора. Известно, что среди отличительных черт Государя было и чувство юмора, которое не покидало его ни при каких обстоятельствах.

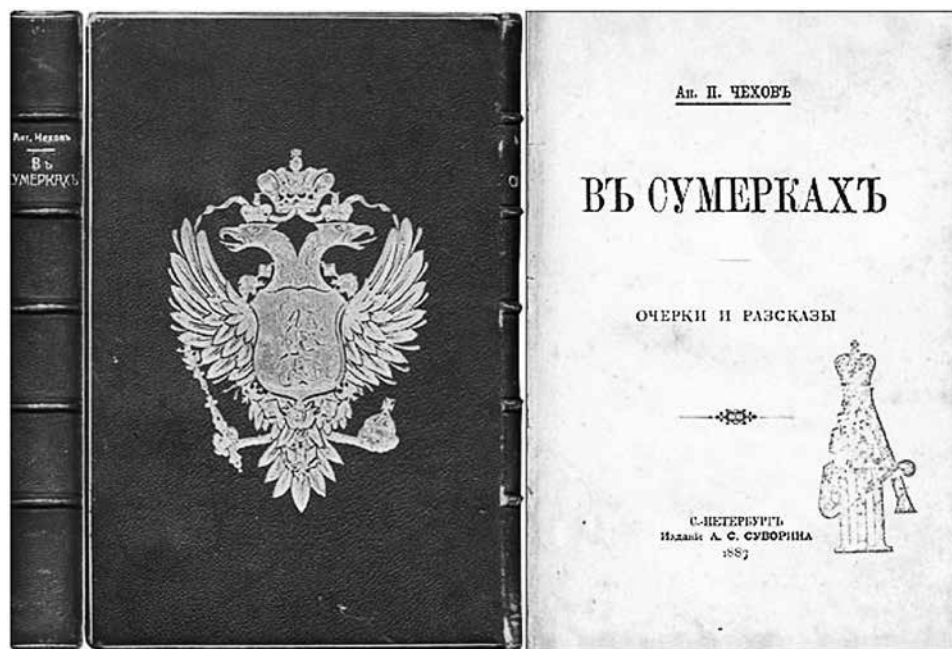

Рисунок 5. Переплёт и титульный лист экземпляра сборника А.П. Чехова «В сумерках», принадлежавшего Имп. Александру III [4]

Сам же Чехов к Императорской милости и вниманию оставался просто — равнодушным: Александр Павлович сообщал брату ещё в 1887 г. о том, что произведения его «читаются Его Величеством и в некоторых местах подчеркиваются карандашиком как особенно хорошие и производящие впечатление» (вспомним семейную манеру императорской фамилии подчеркивать важное в книгах карандашом!) — Антон Павлович тогда шутиливо парировал брату: «...Я узнал, что тебя читают шах персидский и хедив египетский, отмечая карандашом всё, что им нравится» [1, 3]. Судя по всему, в переписке братьев речь шла как раз о сборнике «В сумерках», один из экземпляров которого (из библиотеки Аничкова), рассматривается нами. И всё же, запомним, что Александр III был ценителем хорошей шутки!

Это позволяет нам проследить интересную линию: 9 августа 1889 г. Александр III смотрел «Предложение», а уже через месяц прибыл в Данию на отдых, который должен был проходить в королевской резиденции Фреденсборг. Русский царь запечатлён на обеде 10 сентября в этом замке. Там же, 28 сентября 1889 года, Император Александр III и Императрица Мария Фёдоровна стали свидетелями необыкновенного изобретения, представленного при датском королевском дворе — фонографа.

В 2018 г. коллеги из Университетской библиотеки Дании (Det Kgl. Bibliotek) опубликовали запись голосов датско-русской пары, сделанную в период с 1889 по 1893 гг. во Фреденсборге. Исследователем Стином Каргаардом Нильсеном в книге «Первые датские звукозаписи — Фонограф Эдисона в Копенгагене в 1890-е годы» (*Danmarks første lydoptagelser — Edisons fonografi i 1890'ernes København* (2017)), было впервые высказано феноменальное предположение о принадлежности голосов на записи русской императорской семье. Казалось бы, в то время, в замке просто не должно было быть иных русско-датских пар — да и фонографа, кроме как у короля датского, ещё ни у кого в стране быть не могло. Но не всё так просто...

Достоверно известно, что Император Александр III с супругой, в присутствии короля и королевы Дании, имели возможность испытать фонограф на самой первой его демонстрации, произведённой инженерами Готфридом Рубеном и Теодором Корнелиусом-Кнудсенем. Цилиндр № 127, согласно предположению Нильсена, может быть результатом пробы голоса императорской четы. Известно, что уже в ноябре того же года, фонограф был продемонстрирован царской семье в Гатчинском дворце под Санкт-Петербургом представителем Эдисона в России Юлиусом Блоком. А из послания Блока в Америку мы знаем, что царь и царица была впечатлены четкостью записи по сравнению с той, что они слышали в Дании. Блок сообщал, что Александр III не пожелал, чтобы его записали (снова?) и вместо этого уговорил царицу и генерала Отто Рихтера произнести несколько слов в трубу. Интерес Императора к аппарату был настолько велик, что уже в феврале 1890 г. Томас Эдисон отправил ему новую модель фонографа с посвянительной табличкой и 50 пустых цилиндров (где же теперь все эти валики?). Всё кажется вполне логичным. Место, время, числа, даты — вот только в 2021 г. вокруг записи голосов разгорелась могучая полемика, поделившая учёное сообщество России, и просто любителей истории, на сторонников теории «записи Александра III» и её противников. По этому поводу написано так много рассуждений, обзоров и разборов, сделано так много выводов и опровержений, приведено столько доказательств и контраргументов — словом, — пролито так много, выражаясь фигурально, чернил, что и нам трудно удержаться, чтобы не добавить к ним ещё пару капель. Ведь так соблазнительно думать, что перед нами действительно голос русского царя, записанный больше 130 лет назад — неужели тени замка Фреденсборг и вправду обрели голос? Сам господин Нильсен, как настоящий ученый, допускает, что это может быть подтверждено или опровергнуто при открытии каких-либо новых обстоятельств в будущем, поэтому версию о том, что на цилиндре может быть записан голос русского царя исключать нельзя. Итак, существует подробная расшифровка записанного — сначала говорит женский голос (который атрибутируется Марии Фёдоровне),

после — мужской, довольно стройный и властный баритон (предположительно Александр III). Стоит помнить, что до настоящего времени точно атрибутировать голоса на записи невозможно. Противники теории авторства царя как раз приводят в защиту своей версии то, что в мужском голосе слышится сильный иностранный акцент (отдельные исследователи сходятся на том, что он германский или скандинавский), при том совершенно достоверно известно, что Император свободно говорил по-русски. Однако, этот фактор можно объяснить следующим образом: человеческий голос фонограф записывал со специфическими искажениями, которые теперь и без того затрудняют понимание речи, произносимой по нормам позапрошлого века. Тому свидетельства ранние записи наших соотечественников, собранных Ю. Блоком. Также, в пользу теории о голосе Императора Александра III можно заметить, что на фонограф записан не простой фрагмент бытовой речи, заседания или приёма, а специальная сценка у аппарата, творческая импровизация нескольких лиц. Сценка, подобная которой разыгрывалась в 1890 г. в квартире П.И. Чайковского — когда артисты и музыканты собрались у фонографа и говорили, шутили, свистели и смеялись вволю. Так для нас, будто бы украдкой, случайно сохранился голос Петра Ильича... Возможно, герои датской записи также разыграли подобную сценку. А уж, если допустить, что это был сам русский Император, избравший для фонографа шутливую песенку о Бисмарке и его колонизации Африки (к проблеме которой Россия относилась настороженно), то очень может быть, что он, как человек, наделённый широким чувством юмора, не удержался бы от намеренного пародирования германского канцлера, сообщив своей речи явный германский акцент. Это было бы вполне в духе чеховского водевиля — искристого и злободневного. Не только острая полемика вокруг валика занимает нас: на датской записи присутствует отдельный фрагмент, который нам кажется примечательным. Если всё же, предположить, что это голос Императора Александра III, то он упоминает о книге: «Я не могу вам читать сегодня. Если бы вы заранее меня предупредили, так это другое дело. Я бы взял с собой книгу или что-нибудь в этом роде, чтобы мне прочесть. А так, прямо из головы, это нелегко» — простота и самоирония последней фразы заставляет улыбнуться и вспомнить блеск рассказов Чехова, в особенности, рассказа «Оратор», где главный герой «как известно многим читателям, обладает редким талантом произносить экспромтом свадебные, юбилейные и похоронные речи. Он может говорить когда угодно: спросонок, натошак, в мертвецки пьяном виде, в горячке», то есть говорить как раз «прямо из головы». Уж не этот ли рассказ мог подготовить для чтения перед фонографом русский царь, и не являлась ли шутливая фраза отсылкой к нему? Увы, этого нам никогда не суждено будет узнать — тонкости всей этой истории навсегда скрыты в стенах замка Фреденсборг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Катаев В.Б. Чехов и Романовы. // Материалы Международной научной конференции А.П. Чехов: Пространство природы и культуры. — ТГЛИАМЗ. Таганрог. 2013. С. 5–14
2. Софьин Д.М. «Я занят ужасно — прямо нет свободной минуты»: письма великого князя Сергея Александровича великому князю Константину Константиновичу, 1891–1905 годы // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2012. №3 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ya-zanyat-uzhasno-pryamo-net-svobodnoy-minuty-pisma-velikogo-knyazya-sergeya-aleksandrovicha-velikomu-knyazyu-konstantinu>(дата обращения: 15.05.2021).
3. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. / Гл. ред. Н. Ф. Бельчиков. М.: Наука, 1974–1983.
4. Чехов А.П. В сумерках. Очерки и рассказы. Спб., 1887. // RARUS'S GALLERY Fine Books, Prints, Photographs & Icons URL: <http://www.raruss.ru/lifetime-editions/page02/816-chekhov-dusk.html> (дата обращения: 18.08.2021).

НЕОПУБЛИКОВАННАЯ «ЗАПИСКА» Б.П. МАНСУРОВА О ПОЛОЖЕНИИ ДЕЛА СОЗДАНИЯ НА ВОСТОКЕ РУССКИХ БОГОУГОДНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ. 1859 г.*

Ю. Е. Кондаков, К. А. Вах

После Крымской войны в центре внимания российской дипломатии оказался турецкий Восток. Координировать деятельность различных учреждений на этом направлении попытался глава Морского министерства, брат Императора Александра II Великий Князь Константин Николаевич. Основанное при его участии Русское общество пароходства и торговли (РОПиТ) должно было отчасти компенсировать России ликвидацию ее Черноморского военно-морского флота. Существенной статьей дохода частного пароходного общества должна была стать перевозка на его судах российских паломников в Палестину. Декларируя право российского правительства обеспечивать комфорт и безопасность своих граждан в Палестине, Великий Князь, по сути, формулировал новые принципы внешней политики на Христианском Востоке: создание гуманитарных инструментов российского влияния в регионе.

В декабре 1856 г. с целью составления путеводителя для русских паломников по Святой Земле на Христианский Восток был направлен чиновник Морского министерства Б.П. Мансуров (1828–1910). География его поездки включала все наиболее посещаемые не только паломниками, но и туристами регионы: Константинополь, Египет, Сирию, Палестину и Афон. Итогом командировки Мансурова стал обширный отчет о положении российских паломников на Христианском Востоке, дополненный конкретными предложениями по созданию российской паломнической и коммерческой инфраструктуры, а также увеличению консульских учреждений России во всех местах массового паломничества российских граждан.¹

Первая командировка Мансурова нашла отражение в документах.² С полным вариантом отчета,³ содержащим критические оценки российской внешней политики в регионе до Крымской войны, познакомился ограниченный круг лиц: император и высшие государственные чиновники. Краткий вариант, озаглавленный «Православные поклонники в Палестине» был издан и поступил в широкую продажу, с целью возбудить в российском образованном обществе интерес к посещению святых мест.⁴ Отчасти временно это компенсировало невыполненную задачу по составлению специализированного путеводителя.⁵

Отчет Мансурова можно считать главным документом «Иерусалимского проекта», сформированного в окружении Великого Князя Константина Николаевича в Морском министерстве в 1856–1859 гг. Мансуров постоянно ссылается на интересы российского правительства, которые, в его проекте, совпадают и с интересами государства и с интересами Русской Церкви и с интересами российских предпринимателей, и с интересами русских православных паломников. Для соблюдения баланса всех этих интересов на практике, в рамках проекта, предполагалось, что Константин Николаевич должен возглавить надправительственный координационный центр, включающий в себя высших чиновников Министерства иностранных дел (МИД), Св. Синода, Министерства финансов и Морского министерства. Итогом обсуждения в правительстве и при Российском Императорском Дворе отчета Мансурова стало появление сначала неформального «Иерусалимского комитета», собиравшегося под председательством Великого Князя Константина Николаевича.

В 1858 г. в Комиссариатском департаменте Морского министерства начался сбор пожертвований на улучшение быта русских богомольцев в Палестине, а Б.П. Мансуров был вновь отправлен в Иерусалим. В продолжение его второй поездки в Святую Землю было официально открыто русское консульство в Иерусалиме, наняты помещения для размещения православных паломников в Константинополе, Яффе, Рамле и Иерусалиме, положено начало созданию российской гуманитарной инфраструктуры в Палестине и наняты ее первые сотрудники.

По результатам проделанной работы Мансуров представил Императору через Великого Князя Константина Николаевича свой второй отчет. Этот документ был недавно обнаружен в Российском государственном историческом архиве (РГИА). Из всех российских исследователей его упоминал только А.А. Дмитриевский в так и не опубликованной статье «Палестинский комитет».⁶ Именно этот второй «Отчет» Б.П. Мансурова подтолкнул Императора Александра II выделить государственное финансирование «паломнического предприятия» и учредить «Палестинский комитет» во главе с братом Константином, для дальнейшего руководства приобретением недвижимости и строительством в Святой Земле.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта проведения научных исследований «Русское общество пароходства и торговли в истории православного паломничества в Святую Землю (1857–1914 гг.)» проект № 20-09-41001

Ранее в научной литературе, визит Мансурова в Палестину и на Афон в 1857 г. рассматривался в рамках одной, первой, его поездки.⁷ Однако, в послужном списке Мансурова отмечено, что в 1857 г. он совершил две командировки в Иерусалим и на Афон. Таким образом, формально, 1 апреля 1858 г. он в третий раз был командирован на Православный Восток.⁸ Если «первый» отчет Мансурова был опубликован еще в 1857 и 1858 г. и давно попал в поле зрения исследователей, то о его второй командировке до настоящего времени можно было говорить лишь на основании отдельных опубликованных документов и писем.⁹

«Второй» отчет Мансурова под названием «Записка о положении дела создания на Востоке Русских Богоугодных заведений» хранится в РГИА в фонде Департамента государственного казначейства Министерства финансов (Ф. 565). «Записка» входит в состав дела «Относительно устройства богоугодных заведений Палестины» (Д. 2433). На записке указано место и время её составления Мансуровым: 18/24 февраля 1859 г. в Палермо.¹⁰ В Палермо Мансурова вызвал секретарь Великого Князя А.В. Головин, объяснив в письме, что ему предстоит отправиться в Санкт-Петербург с докладом Императору об иерусалимских делах, чтобы попытаться получить Высочайшее согласие на путешествие Великого Князя в Иерусалим весной 1859 г. В день прибытия Мансурова на великокняжескую виллу в Палермо 6 февраля 1859 г., Великий Князь Константин Николаевич ушел в море вместе с эскадрой и вернулся назад лишь в ночь на 23 февраля.¹¹ Это как раз то время, когда Мансуров занимался составлением записки, которую ему предстояло доложить Императору. 25 февраля Мансуров покинул Палермо и направился в Россию.

Обстоятельства подачи «Записки» Императору видны из письма Великого Князя Константина Николаевича к Александру II 25 февраля/9 марта 1859 г. Великий Князь благодарил брата за то, что в атмосфере сопротивления и недоброжелательства чиновников, Александр II и его супруга «с самого начала показали этому делу горячее сочувствие и решительно спасли его». По поводу «Записки» Мансурова Великий Князь писал: «Все это подробно изложено в отчете, поданном мне Мансуровым и который я осмеливаюсь Тебе послать. Если Тебе времени не будет самому все это прочесть, дай его, пожалуйста, Марии. Я убежден, что она его прочтет с большим интересом и в состоянии будет рассказать Тебе сущность его. Но Тебя бы я попросил, любезнейший Саша, хорошенько с Мансуровым поговорить и расспросить. Во-первых, Ты увидишь, я уверен, с удовольствием, как он сам в это время созрел, как на месте прежней слишком большой горячности, которая многих от него отпугивала, и легкости у него развилось более спокойной рассудительности и положительности. Во-вторых, это его оградит от многих его петербургских недоброжелателей».¹² Как видно из комментариев Императора на полях «Записки», Александр II читал её, вникая в подробности.

Текст «Записки» имеет краткие комментарии Александра II. Первый документ в деле датирован 24 марта 1859 г. Это письмо главы МИД А.М. Горчакова к министру финансов, с которым пересылалась копия записки Мансурова, поданной Александру II. Министр финансов должен был дать заключение относительно финансовой стороны вопроса устройства богоугодных заведений в Палестине.¹³ Уже 27 марта Министерство финансов представило Императору свое мнение (в деле этот документ следовал за «Запиской» Мансурова). Министр сообщал, что смета расходов Мансуровым ещё не составлена, а запрашиваемых им 500000 р. в казначействе нет. Предлагалось дожидаться сметы и выдавать эту сумму ежегодно по частям, начав с 80–100 тысяч рублей. На доклад министра Император Александр II наложил резолюцию «Исполнить».¹⁴ Таким образом, было открыто государственное финансирование строительства Русской Палестины.

В фонде РОПит (РГИА. Ф. 107) обнаружено дело «Об учреждении восточной линии». Документы дела дают возможность проследить историю подготовки командировки Б.П. Мансурова. Дело начинается документом 27 декабря 1857 г. За два дня до этого в типографии Морского министерства было отпечатано 20–30 экземпляров первого отчета Мансурова.¹⁵ Великий Князь Константин Николаевич начал рассылать отчет в разные ведомства и отдельным лицам, началось его обсуждение. Дальнейшей ход дела показывает, что на уровне Императора решение было уже принято. В письме в РОПит Великий Князь писал: «Ныне Ст. Сов. Мансуров, возвратясь из Иерусалима, предоставил Мне собранные по сему предмету сведения и предположения свои. Препровождая ныне в Общество 5-ть экземпляров записки Г. Мансурова, прошу оное предоставить Мне соображения свои по содержанию этой записки. К сему считаю нужным присовокупить, что если Общество пожелает еще далее воспользоваться трудами Г. Мансурова, отправить его вновь в Палестину на счет Общества, то Я и в этом случае готов вновь содействовать Обществу и с удовольствием командировать Г.Мансурова в Иерусалим на время необходимое для исполнения поручения, которое будет на него возложено».¹⁶

Ответ РОПит Великому Князю Константину Николаевичу последовал немедленно. Общество сообщало, что готово приложить все усилия, для развития российского паломничества на Православный Восток. Они были готовы командировать Мансурова для продолжения его исследований: «Ныне правление ходатайствует перед Е<го> И<мператорским> В<ысочеством> о командировании Д<ействительного> С<татского> С<оветника> Мансурова, на счет Общества, в Палестину для собрания дополнительных сведений и оставления проекта самого исполнения предложений кланяющихся к облегчению и поощрению православного поклонничества к Святым местам».¹⁷

Очевидно, что новая командировка Б.П. Мансурова была необходима для проведения конкретных расчетов и создания подробного плана

по реализации его предложений, описанных в «первом» отчете. Такая цель могла быть поставлена лишь при условии фактического одобрения предложений Мансурова Императором Александром Николаевичем. Однако, в процессе обсуждения отчета Мансурова на уровне министров, иерусалимские деятели внезапно натолкнулись на сопротивление. Великому Князю пришлось менять текст отчета Мансурова¹⁸ и засекречивать его. 30 декабря 1857 г. А.В. Головин просит РОПиТ возвратить экземпляры записки Мансурова «для некоторых необходимых изменений».¹⁹

Поэтому, вопрос о «третьей» командировке Мансурова был решен на высшем уровне. 15 января 1858 г. Великий Князь сообщал правлению РОПиТ, что по всеподданейшему докладу «Государь Император Высочайше разрешить соизволил командировать действительного статского советника Мансурова за границу для исполнения поручения Общества, на иждивении оною, и с сохранением ему содержания от Морского министерства».²⁰ В тот же день Великий Князь известил главу МИД Горчакова и Обер-Прокурора Св. Синода Толстого о командировке Мансурова, попросив оказывать ему всяческое содействие и познакомить с нужными документами их ведомств. Одновременно был извещен и Мансуров: «Государь Император, по всеподданнейшему докладу Моему ходатайства РОПиТ, Высочайше повелел командировать Ваше превосходительство за границу для исполнения поручения Общества на иждивение оною».²¹ Из этого уведомления видно, что перед Императором инициатором командировки Мансурова выступал РОПиТ, но подтолкнул на это пароходное общество Великий Князь.

В феврале РОПиТ вел активную подготовку к командировке Мансурова. 12 февраля 1858 г. пароходство сообщало Великому Князю, что подробно рассмотрело отчет и приняло следующие меры:

«1. Предложило одному из Директоров отправиться вместе с Мансуровым и надлежащим числом сотрудников на Восток, на иждивение Общества, с целью составить полные и подробные проекты будущего устройства на Востоке, как дел Общества, так и быта поклонников.

2. Предложило Коллежскому советнику, в звании камер-юнкера, Доргобужину отправиться в Иерусалим в качестве агента общества».

Общество было готово возложить на своих агентов «приобретение земель, возведение зданий необходимых для приюта поклонников и вообще по устройству сего важного дела». При этом: «Результат деятельности агентов Общества в видах поощрения Православного поклонничества, будет зависеть от тех денежных средств, которые будут предоставлены на сей предмет Правительством или частными благотворителями». РОПиТ было готово «принять теперь же на счет Общества расход по устройству на Востоке наших консульств если обязанности Консулов будут возложены на агентов Общества». Ставился вопрос о срочном приобретении недвижимости для устройства агентств и складов, для этого требовалось разрешение османского правительства.

РОПиТ было убеждено, что разрешение будет получить легко, так как такими правами сейчас пользуются австрийские пароходства.²² Последняя фраза была включена во второй отчет Мансурова. Как видно, цели командировки Мансурова были сформулированы уже в начале 1858 г. В деле есть сообщение и об одном из первых собраний будущего «Палестинского комитета».

Глава МИД А.М. Горчаков не имел принципиальных возражений против новой формы государственного освоения Ближнего Востока, под прикрытием помощи паломникам. В ответе на секретную записку Мансурова Горчаков соглашался назначить консулами или вице консулами агентов пароходства, в тех портах, где консулов нет, с условием, что их выбор в последствие будет зависеть от Азиатского департамента. Горчаков не мог предложить источника финансирования для русских врачей, взятия на содержания арабских приходов и учреждений при консульствах домовых храмов. Для увеличения состава Русской Духовной Миссии в Иерусалиме в МИД денег не было. Любопытно, что вопрос содержания Россией арабских общин, который ставился в отчете Мансурова, больше никогда не упоминался. Но, даже он, возражений у Горчакова не вызвал.

Вопрос финансирования был достаточно быстро решен почти в том виде, в котором его видел Мансуров: т.е. преимущественно за счет частного капитала. 1 марта 1858 г. Великий Князь Николай Константинович сообщал: «РОПиТ изъявило готовность поручить своим агентам на Востоке заняться безвозмездно устройством необходимых для поклонников благотворительных учреждений, и вообще иметь о них всевозможное попечение, с тем, что результат деятельности агентов Общества будет конечно зависеть от тех денежных средств кои будут предоставлены Правительством или частными благотворителями»... Государь «Высочайше соизволил, для получения необходимых на вышеуказанные заведения сумм открыть в Империи повсеместно подписку и установить особый кружечный сбор, чтобы добровольные приношения жертвователей отправляясь в Комиссарский департамент Морского министерства, откуда они будут предоставляться по мере надобности нашей Духовной Миссии в Иерусалиме и в РОПиТ и с тем чтобы об употреблении оных отдавались постоянно подробные отчеты в ведомостях».²³

В апреле 1858 г. подготовка к командировке Мансурова была почти окончена; надо полагать, что задерживало финансирование, сбор пожертвований только начался. 10 апреля 1858 г. РОПиТ согласовал с банком Штиглица кредит Мансурову в 600 фунтов стерлингов. Кредит должен был быть доступен в Константинополе, Смирне, Афинах, Бейруте, Париже, Триесте и Марселе.²⁴ Таким образом, был уже выработан маршрут предстоящей командировки. 11 апреля Мансуров выехал в Париж. 24 апреля 1858 г. Азиатский департамент поручил обязанности консула в Иерусалиме агенту РОПиТ, состоящему по Морскому министерству В.И. Доргобужину, с назначением ему добавочного содержания 1500 р. из сумм МИД.²⁵

Доргобужинов был товарищем Мансурова по делу обеспечения раненных моряков в Севастополе и в Николаеве в период Крымской войны. Его кандидатура была выбрана с подачи Мансурова.

РОПит составил инструкцию для Мансурова и предусмотрел выделение денег: «Принять на себя труд отправиться на Восток и составить на месте соображения, что именно и в каких размерах Общество должно сделать для доставления нужного удобства путешественникам и где крайне необходимо устроить гостиницы, в какой из Сирийских портов должно привозить путешественников, как устроить их доставку в Иерусалим, пребывание там и потом дать им возможные средства к полному обозрению всех местных Святынь»²⁶. РОПит считает нужным принять на себя за известную плату доставлять паломников в Палестину и обратно, обеспечивать их приютом и пищей. Общество готово в настоящее время ограничить получение выгоды, чтобы получить их в будущем. РОПит считает необходимым приобретение домов в собственность или долговременную аренду в Смирне и Бейруте, для контор агентов, магазинов и складов угля. Общество готово выделить на эти цели до 40 тысяч рублей. В Константинополе предполагается получить разрешение Правительства на перестройку здания бывшей коммерческой канцелярии, частью на пожертвования, частью на средства Общества. Там должна быть контора агентства и гостиница для паломников. Согласовать с посольством перестройку дома и сделать планы.²⁷

Командировка Мансурова началась не ранее 30 июля 1858 г. Через Константинополь, Афон, Смирну и Бейрут 16 сентября он вместе со своими сотрудниками прибыл в Иерусалим, где оставался до 3 ноября 1858 г. Затем, через Смирну и Константинополь, в январе 1859 г. он прибыл в Париж. Основной задачей «второй» командировки Мансурова были: организация временной паломнической инфраструктуры в Палестине, поиск земельного участка для строительства богоугодных заведений, изготовление топографических планов выбранного участка, составление приблизительной сметы будущего строительства.²⁸ К этому необходимо добавить то, что Мансуров параллельно исполнял обязанности агента РОПит и занимался организацией инфраструктуры пароходства на Ближнем Востоке.

Обнаруженный в фондах Отдела рукописей РНБ ранее неизвестный труд А.А. Дмитриевского «Палестинский комитет», позволяет дополнить наши сведения о том, как воспринимали деятельность экспедиции Мансурова первые исследователи Русской Палестины. «В состав этой делегации вошли Нестеров, Эппингер, Кн. Хованский, Гончевич, Хитрово, Курочкин, Мечников, Кривошеин, Левитов, Вуронкла и архимандрит Порфирий Успенский. Последний впрочем, отделился от этой экспедиции и остался на Афонской горе один для ученых изысканий, исполняя поручения Б.П. Мансурова по вопросу об агентстве на Св. Горе. М.И. Эппингер, три года изучавший древние православные сооружения на Востоке и в особенности

на Св. Горе Афонской, как член научной экспедиции известного художника Севастьянова, получив подъемных 1000 р., ехал в Иерусалим с целью взять на себя главное руководство всеми предполагаемыми там постройками — церковными и гражданскими. Г. Кривошеин предлагался на должность помощника агента Русского Общества Пароходства и Торговли с содержанием в 100 р. сер., при чем на него возлагалась специальная задача *составить практическое наставление для русских поклонников недостаточного состояния с целью устроить им все условия, при которых могут они совершать путешествие свое по Палестине с возможно меньшими расходами и удобствам.* Поручик Левитов — в качестве переводчика и письмоводителя с содержанием и единовременною наградою в 150 р. из средств Общества. К ним присоединился и камер-юнкер В.И. Доргобужинов в качестве главного агента русского Общества Пароходства и Торговли в Иерусалиме, с начала января 1859 г. получивший содержание по 250 р. в месяц и 250 р. на покрытие всех расходов по представительству. Ему главный распорядитель всех дел Общества Н.А. Новосельский вменял в обязанность между прочим *содействовать г. Кривошеину всеми зависящими от него средствами в составлении практического наставления для русских паломников недостаточного состояния, и при неперменном условии проверки всех фактов и сведений, какие в ней будут заключаться, чтобы эту брошюру потом напечатать на средства общества для распространения по России.* Почти в то же время В.И. Доргобужинов получил от министерства иностранных поручение открыть самостоятельное русское консульство в Иерусалиме и принять на себя руководство им. Проездом чрез Константинополь В.И. Доргобужинов получил 9 августа 1858 г. подробную инструкцию от нашего посла при Его Величестве турецком султани т.е. А. Бутенева, инструкцию которой круг его деятельности и отношений к лицам, его окружающим определялся во всех подробностях».²⁹

Об итогах второй командировки Мансурова Дмитриевский писал: «По возвращении в Россию Б.П. Мансуров представил депешный отчет за 1858 г., и записку о том, какие приняты были меры к улучшению быта русских паломников, а также предположения о дальнейшем развитии этих мер и первоначальные соображения о расходах на будущее время на постройку постоянных проектов и проч. И отчет и всеподданнейшая записка Мансурова 12 февраля 1859 г. удостоились Высочайшего Его Императорского Величества одобрения. Государю Императору благоугодно было повелеть 1) ассигновать из Государственного Казначейства на постройку богоугодных заведений в Палестине 500,000 р. с отпуском из этой суммы столько, сколько потребуют расходы построек и 2) учредить в С.-Петербурге особый Палестинский Комитет, состоящий из следующих лиц: г. Обер-Прокурор Св. Синода граф А.П. Толстой, директор Комиссариатского Департамента князь Д.А. Оболенский, директор Азиатского Департамента Министерства иностранных Дел генерал-майор

Е.П. Ковалевский, член совета министра финансов д.с.с. Небольсин и директор-распорядитель Русского Общества пароходства и торговли с.с. Новосельский. Комитету этому Государь Император изволил поручить предварительное соображение и обсуждение всех предположений и мер, которые будут представляться и возникать по мере развития основываемого ныне на Востоке предприятия, с тем чтобы мнения и предположения сего Комитета были представляемы на Высочайшее усмотрение. В Комитете должны быть сосредоточены все сведения, имеющие по настоящему делу в Министерствах Иностранных Дел, Морском и в ведомстве Св. Синода, так чтобы Комитет мне принимать от себя все необходимые меры в случае надобности, к исполнению утвержденных предположений. В Высочайше утвержденном Комитете Его Величеству угодно было поручить Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Николаевичу, который избрал себе в ближайшие помощники Б.П. Мансурова».³⁰

В публикуемой ниже «Записке» Мансурова можно выделить несколько смысловых частей. Поскольку поездка Мансурова финансировалась РОПиТ, записка начиналась с этой проблематики. Мансуров описывал успехи Пароходства и благодарил его за финансовую помощь. Затем шел отчет о сделанном в Палестине из 17 пунктов. Последний пункт был одновременно финансовой сметой для планируемых построек. В заключении записки несколько страниц было посвящено эмоциональному описанию настоящих и будущих успехов России на Востоке. В записке отразились конфликты, которые уже начались в Святой Земле между начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме епископом Кириллом (Наумовым) и консульством.

«Записка» Мансурова написана в возвышенном, идеалистическом стиле. Возможно, только такому воззванию и было суждено возбудить сердца Великого Князя и Императора к Иерусалимскому делу. Заметно, что во многом Мансуров продолжал оставаться в плену ситуации осады Севастополя. Там он распределял пожертвования россиян в качестве компенсации раненым морякам. При этом рядовым выплачивалась фиксированная сумма в зависимости от ранения, а желания офицеров удовлетворялись полностью, по возможности. И в «Записке» Мансуров разделяет простых поклонников и «путешественников» из высших слоев общества.

Финансовые выкладки Мансурова пришлось полностью менять, так как изменилась ситуация с покупкой земли и планами строительства. В последующие годы из финансирования Иерусалимского проекта вышел РОПиТ, ограничившийся только перевозкой паломников в Палестину. Конфликты между консулом и главой Русской Духовной Миссии в Иерусалиме привели к смене обоих лиц. В итоге в 1864 г. Палестинский комитет был ликвидирован, а дело заботы о паломниках было передано в Палестинскую комиссию, созданную при Азиатском департаменте — подразделение МИД. При этом Б.П. Мансуров продолжил оставаться самым активным её членом.³¹

Б.П. МАНСУРОВ «ЗАПИСКА О ПОЛОЖЕНИИ ДЕЛА СОЗДАНИЯ НА ВОСТОКЕ РУССКИХ БОГОУГОДНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ»

Комментарий Императора Александра II к тексту записки на полях рукописи:

Л. 1: «Желаю чтобы вы завтра после вашего доклада и Мансуров были ко мне, дабы нам втроем поговорить об этом деле»

Л. 9: по поводу денег — «откуда они возьмутся?»;
о принятие в русское подданство грека К.Авьерино — «не вижу в этом затруднений»

Л. 10: о расходе в 15 тысяч рублей — «сообразить»

Л. 15: о том, что дело остановилось в МИД — «На чем остановилось?»

Л. 19: о том, что требуется 500 тысяч рублей — «Откуда их взять?»

Л. 20: по поводу взятки в 4000 рублей — «почему?»

Л. 23: готовились в 1858 году затратить сумму — «какую?»

Л. 25: должны исполнить, что обещано — «справедливо»

Л. 27: некоторые народные пожертвования — «в каких размерах?»

Л. 28: о выделении ежегодно 25 тысяч рублей — «если не более то никакого затруднения»;

в казне постоянно остаток 10 миллионов рублей — «время это изменило»;
заём 500 тысяч рублей — «войти по этому в сношение с Министерством финансов»

Л. 32: о вызове Назаретского епископа в Россию для сбора пожертвований — «По всему этому объясниться с графом Толстым»

В течение минувшего 1858 года было предположено, в то время пока в России будут собираться денежные средства для создания на Востоке русских богоугодных и странноприимных заведений, изучить на месте все практические условия сего дела для напечатания и связания оного с устройством на Востоке деятельности Русского Общества Пароходства и Торговли.³²

В 1858 году это Общество только предполагало открыть Яффскую линию, Консульство в Иерусалиме еще не существовало до августа, а новая Духовная Миссия³³ в Святом Граде только начинала свое служение. Следовательно, при неимении готовых сумм и невозможности определить результата сборов, не могло быть и речи о совершении каких либо приобретений и создания желанных заведений. Даже не было потребных материалов для ходатайства перед Портой о дозволении нам покупать земли и строить здания.

Существовало только дозволение нашего Правительства на приступление к задуманному делу.

В этом начальном периоде Пароходное Общество оказало чрезвычайно важную и большую пользу тем, что: а) поставило своих агентов

в распоряжение командированного на Восток д.с.с. Мансурова³⁴ и дало ему средства с полным комплектом деятелей изучить все местности, б) приняло на свой счет обзаведение в Иерусалиме агентства, с коими соединено там все консульское учреждение, а без предварительного учреждения в Св<ятом> Граде консульства ни к чему приступить было невозможно, и в) вручило д.с.с. Мансурову около 40000 рублей на случай необходимости делать немедленные расходы.³⁵

Для связывания всего предположенного на Востоке богоугодного дела с Пароходным Обществом, Правление сего последнего предоставило д.с.с. Мансурову власть и права для устройства дел Общества по всей линии от Константинополя до Яффы, Иерусалима и Назарета включительно.

По разным причинам и в особенности потому, что признание Портой нового русского иерусалимского консульства последовало только в августе, настоящая деятельность д.с.с. Мансурова на Востоке могла начаться не ранее 1 августа.

С этого времени по декабрь 1858 года, т.е. в течении 5 месяцев сделано было следующее:

1. Иерусалимское консульство и вместе агентство основано и обзаведено на счет Пароходного Общества с большими расходами, но прилично и согласно с достоинством России и с высоким значением, которое это консульство должно иметь и уже имеет теперь на Востоке. Оно снабжено полным и весьма хорошим личным составом и обзаведено прилично в доме, нанятом впредь на три года. Русский флаг был поднят в Иерусалиме 19 сентября к общей радости православного мира, и успех этот не стоял государству пока ещё никаких издержек и никаких затруднений.

2. По Восточной линии устроены правильные агентства Пароходного Общества в Галлиполи, Дарданеллах, Митилине, Смирне, Хиосе, Родосе, Мессине, Александрии, Латакии, Триполи, Бейруте, Кайфе, Яффе, устроены постоянные угольные склады. Выбор всех агентов на деле оказался весьма счастливым.

3. Правильное пароходство по Восточной линии началось с июля, по два рейса в месяц, и не прекращается по ныне. Пароходы наши плавали до ныне счастливо и столь же аккуратно, сколько суда других компаний. Замечательно даже, что в службе Ллойда и Messageries по Сирийской линии случались во второй половине 1858 года остановки, промедления и повреждения судов, а у нас нет. Без преувеличения можно сказать, что наша компания сразу стала в уровень с другими более сильными, и приобрела уже большое доверие публики и торговли. Восточная линия пароходства с первого же полугодия оказалась для нашего общества вполне производительную и выгодную. Наши пароходы постоянно перевозили большое число пассажиров, а на обратном пути в Одессу всегда полные грузы, так что половина наших агентов постоянно жаловалась на недостаток места

для являющихся к ним грузов. Должно заметить, что самое выгодное время для пароходства по Яффской линии приходит в январе, феврале, марте и апреле — когда происходит наибольшее движение поклонников к Палестине и оттуда. Конкуренция с французами и австрийцами на Востоке уже теперь представляется для нас не страшною.

4. Изучены все потребности русского поклонничества на Востоке и собраны все материалы для будущих распоряжений по устройству тех заведений, которые предназначены для облегчения сего подвига и для улучшения нравственной и материальной сторон поклонничества. Разным агентам в Иерусалиме, Яффе, Кайфе, Назарете, Бейруте, Смирне и Константинополе даны по сему предмету нужные инструкции, наставления и средства.

5. Устроена правильная и постоянная русская почта между Иерусалимом и Яффою, следовательно со всеми портами и с Россиею. Курьерская особая почта подвозит из Иерусалима в Яффу нашу казенную и частную корреспонденцию и посылки к самому отходу парохода, и привозит немедленно в Иерусалим все, что доставлено в Яффу на русском пароходе. Отныне можно из всех уголков России пересылать все что угодно в Иерусалим через Пароходное Общество, с полною уверенностью в скорости и верности доставки. Курьерская почта совершается между Иерусалимом и Яффою в 6 или 7 часов. Особая система пересылки тяжелых и громоздких вещей устраивается ныне также через Яффское Пароходное агентство.³⁶ Все это устроено без всяких расходов для казны.

6. В Яффе отделано уже помещение для 10 поклонников высшего сословия с полным комплектом мебели, посуды и разной утвари. Сверх того нанят особый дом на неопределенное время (не менее 10 лет с правом возобновить контракт) для увеличения помещения русских путешественников и для призрения в нем простых поклонников. Помещение будет вполне достаточно для могущей являться потребности. Дом переделывается и исправляется. Должно заметить, что в Яффе до сих пор для всех Православных путешественников имеется в Греческих монастырях только одна кровать, а что все простые поклонники принимаются, ночуют и живут иногда по несколько дней в подвалах, на дворах и на террасах. Означенный дом нанят у Блаженного Патриарха Иерусалимского и принадлежит собственно ему.

7. На перепутье между Яффой и Иерусалимом — в Рамале, где происходит всегда отдых и ночлег, и где не имеется также более одной кровати, а простые поклонники терпят неимоверную тесноту в комнатах и на террасах Греческого монастыря, нанят дом, в котором в непродолжительном времени сделаны нужные исправления и приспособления.

8. В Кайфе отстраивается уже и к Пасхе будет окончено весьма приличное странноприимное заведение при местной приходской Православной

церкви для всех православных поклонников. Д.С.С. Мансуров уговорил Блаж<еннейшего> Патриарха сделать эту постройку немедленно, на основании представленного ему проекта. Е<го> С<вятейшество> принял эту постройку на свой счет, а на нашей обязанности остается снабжение заведения мебелью, утварью и всем хозяйством. Все эти предметы уже куплены и должны быть теперь уже на месте или в пути из Смирны в Кайфу. Здесь к Пасхе будет удобное и чистое помещение для 10 путешественников и 40 или 50 простых поклонников. Отныне все православные посетители Кармила, Кайфы и Назарета освобождаются от необходимости просить приюта у католического Кармелитского монастыря.

9. В Кайфе, у самого берега моря и в центре города, куплено отличное место для возведения угольных магазинов и Конторы агентства, ибо в этом порте решено иметь обширный склад топлива. Общество Пароходства и Торговли ныне же преступит к постройке, план составлен и соображен так, что впоследствии над магазинами можно будет взвести два этажа и устроить в них Русскую домовую церковь, маленький госпиталь, помещение для медиков и сестер милосердия и несколько комнат для приезжающих. Если поклонничество Назаретским и Галилейским святыням скоро примет те размеры, коих можно ожидать в следствии установления постоянного русского сообщения с Кайфой (6 часов расстояния от Назарета), то выше названный страннопримный дом, отстраиваемый Блаж<еннейшим> Патриархом, будет мал и тесен. Ныне купленная земля для угольных магазинов обеспечивает будущее и фундамент здания обойдутся даром.

10. В Назарете выбрано место вблизи колодца Пр<есвятой> Богоматери, обширное удобное для возведения русского подворья для нашей Духовной Миссии, странноприимницы и всего, что можно будет устроить. Земля эта скупается без шума, и успех почти вполне обеспечен, а расход будет незначительный.

11. Между тем приняты меры в Назарете для призрения поклонников в настоящее время, ибо покупка земли только обеспечивает будущее. Наняты на 4 года два смежных дома, принадлежащие комиссионеру русского консульского агента в Кайфе; эти дома переделываются и исправляются и будут снабжены всем, что нужно для принятия путешественников и поклонников. С 1859 года минет для православных туристов необходимость останавливаться в латинском монастыре, а для поклонников ночевать и жить в открытом арабском хане.

12. Едва ли не важнейший успех наш в Палестине заключается в том, что Бл<аженнейший> Патриарх уступил наконец нашим настояниям о необходимости восстановить епархиальную кафедру в Назарете, ибо с незапамятных времен вся Галилея лишена была православного епископа, а иноверцы воспользовались этим, чтобы довести греческие приходские клиры до самого грустного поработленного положения. Нужно было

действовать против давно укоренившегося в Палестине порядка, вследствие которого все епископы Иерусалимского Патриархата жили в Патриархии на покое без дела, без значения и только для интриг, нужно было возбудить в Патриархии и Синоде решимость сделать новые расходы, и дать им мужество пренебречь опасностями турок и в особенности латинов. И этого было однако мало потому, что от личности нового епископа зависит весь успех начинающейся в Галилее православной деятельности. И в этом отношении мы осчастливлены были замечательным нравственным успехом, ибо в Назаретские епископы было поставлено лицо, названное и рекомендованное русскими деятелями, несмотря на упорное предубеждение Синода, поставлен был в течении двух недель простой монах, молодой кандидат, не бывший даже дьяконом, человек высказавший замечательную энергию в Назарете в трудное время среди смут и преследований, умный и образованный воспитанник Афинской академии и желанный назаретскую паствою. В две недели Блаж<еннейший> Патриарх, поддерживаемый только пр<еосвященным> Мелетием, митрополитом Петры Аравийской, провел нового нерарха, Преосвящ<енного> Нифона, через все степени и поставил его епископом над Назаретом и Кайфою. Нифон теперь уже должен быть на месте. Пр<еосвященный> Кирилл, епископ Мелитопольский, и д.с.с. Мансуров обещал ему снабжать его дополнительными денежными средствами для поддержания достоинства нового престола, и с ним уже соглашены все наружные меры для развития в Галилее новой православной деятельности. Остается теперь деньгами и участием поддерживать русское влияние, столь удачно восторжествовавшее в этом деле. Почти всем успехам по сему предмету и в особенности ловким исполнением задуманной мысли без шума, без толков и споров, мы положительно обязаны ловкости, уму, личному влиянию и личной преданности русского консульского агента в Кайфе г. Константина Авьерино, ионического грека и негоцианта, давно уже тщетно испрашивающего как милости принятие его в русское подданство.

13. В Бейруте приискано чрезвычайно выгодное место с домами на оном, у самого берега моря, которое, при существовании средств, можно и нужно будет приобрести для основания здесь подворья Русский Духовной Миссии. Настояния Бл<аженнейшего> Иеофрея Патриарха Антиохийского и иерусалимского консула Мухина, соображения настоящего тягостного положения дел Православной Церкви в Антиохийском Патриархате, все собранные сведения и данные, повторное посещение сего края и наконец последнее путешествие Пр<еосвященного> Кирилла, епископа Мелитопольского,³⁷ в Бейрут и Дамаск, вполне убедили и Пр<еосвященного> Кирилла и д.с.с. Мансурова, что совершенно необходимо, не теряя времени, действительным образом распространить на Антиохийском Патриархате влияние Иерусалимской Духовной Миссии и положить в Бейруте и Дамаске основание особому

постоянному отделу Миссии. Обстоятельства теперь благоприятные, если ими не воспользоваться, то придется впоследствии горевать о том самом и сделать втрое более пожертвований. Пока нужен расход тысяч около 15 для обеспечения за нами возможности всегда приступить к делу.

14. Главное дело — покупка в Иерусалиме земли для основания там странноприимного дома и всего что нужно для нашей Духовной Миссии, будет окончательно совершено, можно надеяться, в непродолжительном времени, но ещё не окончена в следствии неисчислимых препятствий и затруднений, которые впрочем были ожидаемы. Желание Русского Правительства обеспечить в Иерусалиме благосостояние большого числа поклоняющихся в Св<ятом> Граде русских поклонников и живущих там русских духовных лиц, вполне понятно, законно, весьма просто, ибо Россия только в 1858 году обратилась к такой мысли, которая давно уже исполнена Францией, Англиею, Австриею, Испаниею и Пруссиею. Нам нужно было только тоже самое, что имеют там означенные державы, а совершившиеся примеры, *les precedents*, имеют в Турции такое обязательное для Порты значение, что не было никакого сомнения в том, что Турецкое Правительство не может не разрешить России того, что оно дозволило другим державам. И теперь наша дипломатия нисколько не сомневается в получении сего дозволения. При таких условиях, и если бы приходилось действовать не в Турции, должно и можно бы было откровенно заявить перед местным правительством благородное и законное желание нашего правительства — приобрести в Иерусалиме законным порядком землю и выстроить на оной здания для определенной цели. И теперь приходится поступать этим простым способом, а результат, по удостоверению дипломатии и по здравому смыслу, не может и не должен быть отрицательный, без даровой и необъяснимой обиды для русского правительства со стороны Порты. Вместо того ход дела был совершенно иной: откровенное испрошение у Порты предварительного дозволения на покупку земли в Иерусалиме было признано невозможным, а исполнителем желаний нашего правительства предоставлено было сперва купить на месте землю. Между тем, как известно, приобретение в Турции земель иностранцами общими законами запрещено, и оно может быть совершено только с особого дозволения Порты. Само собой разумеется, что при таком тайном способе покупок всякая сделка лишается законной формы и юридического значения, а уплоченные деньги могут очень легко пропасть в руках недобросовестных продавцов, к числу коих принадлежит большая часть восточного населения в особенности когда оно имеет дело с европейцами. Надо было покупать землю, не имея на то никакого законного права и оставаясь ежедневно под страхом и риском произвола всякого турецкого чиновника. Очень естественно, что при таком способе покупки всякий продавец возвышает цену уже из одного того уважения, что он становится участником в противозаконной сделке, а сверх того нужно было терять большие деньги на составлении тройных

обеспечительных документов и на произвольные вымогательства турецких судов и чиновников. Несмотря на все эти тягостные затруднения, все можно было бы устроить благополучно в таком неустроенном крае как Палестина, если бы обстоятельства позволили вести дело тихо, без шума, и без возбуждения толков. Совершенная в 1857 г. графом Кушелевым-Безбородко³⁸ покупка двух весьма выгодных участков у самого Иерусалима, теперь признанная всеми безмолвно, благополучное приобретение в 1858 г. земли в Кайфе и Назарете свидетельствует, что можно устраивать такие дела успешно и весьма скоро; но к сожалению открытое начатие хлопот о покупке земель в Иерусалиме последовало, на основании данных в С.-Петербурге инструкций, немедленно после водворения там Русской Духовной Миссии под личным руководством начальника оной епископа, на которого обращены были все взоры наших друзей и врагов. Появление в Палестине русского иерея было фактом столь важным и таинственно значительным в глазах всего Востока, что всем его шагам и действиям приписано было огромное значение, будто бы враждебное всем элементам борющемся в Иерусалиме. Старания нашего епископа купить большую землю огласились немедленно, со смешным преувеличением его намерений и средств. Немедленно поднялись тончайшие интриги против его успеха и всего более действовали в этом греки, преимущественно пораженные назначением в Иерусалим русского иерарха, уменьшающего своим значением важность греческих архиереев. Начались самые грубые западни, появились подложные и подставные продавцы и соревнователи, местного пашу побудили издать строгое запрещение продавать земли и дома русским, поднялись против нас латины и консулы, наконец явились спекуляторы, обманывавшие и нас и других, так что Пр<еосвященный> Кирилл едва не купил за 280000 пиастров такую землю, на которой нам нельзя было бы построить и половины того, что нужно, которая за год перед тем предлагалась кому угодно за 1000 пиастров и которую, как позже обнаружилось, мнимый владелец вовсе не имел права отчуждать. Слаженное почти дело оттягивали в течении 3-х месяцев, а между тем католики и враждебные нам консулы начали на перерыв писать в Константинополь, что необходимо положить преграду замыслам русских, которые хотят скупить половину Иерусалима, поработить себе греков и встать в Иерусалиме выше всех. Происки эти возбудили, наконец, такое беспокойство в Царьграде, что Иерусалимский Патриарх, никогда оттуда не выезжавший, несмотря на постоянные настояния о том его паствы и нашего посольства, внезапно отправился в Иерусалим, как он сам публично высказался «чтобы умирить русского епископа», и перед отъездом получил от Великого Визиря строжайшее наставление и совет «не делать русским никаких уступок, ибо от их возвышения унижается Патриаршее достоинство.

При таких-то условиях оказалось в октябре 1858 г., что все предложения, сделанные нашему епископу насчет продажи ему земель,

обязательства и обещания по сему предмету, были делом слаженной между нашими недоброжелателями интриги и отчасти дерзкою спекуляцией отъявленных плутов. Надобно было начинать все снова, выказать будто бы мы совершенно покидаем прежний план и решаемся ограничиться землями графа Кушелева-Безбородко. Система эта отчасти удалась, и тогда секретным образом повелось другое дело о покупке других участков земли как вне Иерусалима, так и в самом городе, потому что сделанные между тем топографические исследования положительно доказали материальную невозможность для нас устроить все что нужно в пределах города. План, к которому должно было прийти, в подробности изложен в особой записке, поданной д.с.с. Мансуровым в Миссию нашу в Константинополь и представленной оттуда в Министерство иностранных дел.

Выбрана была выгодная местность, предварительные переговоры с огромным числом мелких владельцев, у коих пришлось покупать их участки, были сделаны, цены уговорены, частью даны задатки и совершены сделки, и тогда, поручив приведение всего в форму и к окончанию ст<атскому> сов<етнику> Доргобужину,³⁹ заведовавшему русским консульством в Иерусалиме, д.с.с. Мансуров поспешил отправиться в Константинополь для испрошения у нашего Посольства немедленного истребования у Порты фирманов на приобретение сторонних земель и начатия построек, и рассчитывал на исполнение сего желания на том основании, что в Миссии официально уже объявлены были положительные Высочайшие резолюции о воле Государа Императора на счет устройства в Иерусалиме русских странноприимных и богоугодных заведений.

В Св<ятом> Граде ожидали этих фирманов с величайшем нетерпением для совершения актов и успокоения тех владельцев, которые из-за выгодной цены решились пренебречь запрещением паши. Дозволение Порты нужно было выслать или официально обещать скорее потому, что никакие юридические акты не обеспечивали за нами силы запродаж и частных сделок.

К несчастью для скорейшего успеха дела Посольство сочло себя по форме не в правах прямо вступать в переговоры с Портою и потребовало от д.с.с. Мансурова подробной записки для предварительного представления дела на рассмотрение Министерства иностранных дел в С.-Петербург. Этим все дело поневоле затянулось еще на несколько месяцев.

Между тем наши недоброжелатели снова начали свои происки и в Константинополе и в Иерусалиме у Паши. При большом числе владельцев, с коими мы имели дело по необходимости, нерасположение к нам многих таких, коих предложения должны были отвергнуть сделав соглашение с их соседями, наши сделки и уговоры не могли совершенно остаться в тайне. Примчались опять спекуляторы и малодушие многих из вошедших уже с нами в соглашение, которые стали предполагать, что они могли бы стащить с нас гораздо более, опять подговорили Пашу и устроили арестование

одного из владельцев, продававших нам участок, появилось беспокойство и слух что Порты отказала России в фирманах. Разом нашлись подставные торговцы земель, начали отказываться от условленных цен, заламывая вдвое, пример одного увлек многих других, и ст<атский> сов<етник> Доргобужин был принужден прибегнуть к третьему выбору местности, т.е. отодвинуться в другую сторону, сохраняя впрочем прежнее расположение общей земли. Решительный отказ тем из малодушных владельцев, которые изменили своему слову, твердость оказанная г. Доргобужиным, осторожность его действий и последовавшее недавно доверительное соглашение между им и Суррейя-пашою, поправили отчасти дело, но впоследствии всех этих недоразумений, промедление с получением фирмана Порты и отъявленной недобросовестности тех, с коими приходилось иметь дело в Иерусалиме, окончательная покупка земли в Св<ятом> Граде еще не совершена и совершена быть не может, пока Посольство наше в Константинополе не испросит у Порты фирманов.

Есть участки, которые за нами совершенно обеспечены, в том числе две земли графа Кушелева-Безбородко, которые он согласился охотно уступить правительству за ту же цену, за которую он их купил. Вообще возможность строиться для нас уже существует положительно, верно и несомненно, но желательно дойти скорее до округления нашего неполного владения для большего удобства построек в одном общем месте, без всяких чрепалосных соседей, на просторе и ближе к городу.

Само собой разумеется, что вышеозначенные промедления и затруднения независимые от исполнителей воли правительства, по необходимости вовлекли их в некоторые излишние расходы и пожертвования, но в таком трудном деле невозможно избежать подобной невыгоды, которою покупается весь успех.

Если фирмы Порты получаться ныне в очень непродолжительном времени и не последует в Иерусалиме новых непредвиденных случайностей вроде панического страха, возбужденного разными происками в лицах, вошедших с русскими в сделки, весь расход на приобретения близ самого Иерусалима 1 ¼ часа расстояния (около 9000 сажень) в самой лучшей местности и в самом городе целого дома в значительно удачном положении близ самого храма Гроба Господня, не будет превышать 42000 рублей. Этим расходом обеспечить вся будущность задуманного плана, который можно будет сделать более или менее смотря по средствам. Но ежели Бог благословит начатые старания и увеличит источник для создания в Палестине русских богоугодных заведений, покупаемые ныне места будут составлять⁴⁰ всякого рода распространением и улучшением.

15. Между тем временем пока происходили все означенные хлопоты о покупке земель, совокупными исследованиями начальника Духовной Миссии, д.с.с. Мансурова и академика архитектора Эппингера⁴¹ приведено

было в известность и определение что именно нужно нам построить в Иерусалиме, при каких условиях и в каких размерах. В основание расчета принята была безусловная необходимость построить помещения:

1. Для 500 поклонников мужского пола;
2. Для 500 поклонниц;
3. Для госпиталя на 100 кроватей;
4. Для русской церкви, вмещающей около 600 человек;
5. Для епископа и всей Духовной Миссии, которая положительно требует увеличения состава;
6. Для иерусалимского консульства, платящего ныне слишком высокую цену найма;
7. Для служб и хозяйственных принадлежностей такого рода русской колонии.

Подробные исследования и местные обстоятельства привели к решительной необходимости основать все главные заведения (п. 1, 2, 3, 4, 5 и 7) вне города в возможной близости от стены, а внутри устроить одно консульское помещение и при оном нечто в роде подворья для Духовной Миссии и для поклонников на время говения и кратковременного пребывания в городе.

Все уважения приведшие к этому результату и значительные выгоды этой системы устройства русских богоугодных заведений в Иерусалиме подробно изложены в вышеозначенной записке д.с.с. Мансурова, присланной из Цареграда в Министерство иностранных дел. На основании упомянутых расчетов и соображений составлены уже академиком Эппингером, по указаниям Пр^еосвященного Кирилла и д.с.с. Мансурова, чертежи и планы разных требующихся зданий и в настоящее время приготавливаются детальные работы и сметы расходов и материалов.

Планы, чертежи и сметы рассчитаны и сделаны так, что при исполнении оных можно будет соображаться с теми средствами, коими придется располагать. Расширение или ограничение размеров и даже числа построек может последовать во всякое время без нарушения главной мысли проектов и при достижении той же вышеизложенной цели; но никакого нет сомнения, что нельзя будет сделать ничего достойного Русской Церкви и нашего правительства, ели в течении 3-х лет не будет в распоряжении исполнитель общей суммы около 500000 рублей. За сим можно, вынести утешительную надежду на успех потому, что в одном 1858 году в течении нескольких месяцев, при малой еще известности нового предприятия, при бесчисленных затруднениях и препятствиях и при некотором предубеждении против этого дела со стороны самых заинтересованных в успехе оного органов правительства, одна пригласительная публикация принесла в кассу нового дела более 160000 рублей, и в руки Иерусалимского Патриарха разом более 60000 рублей, тогда как прежде никогда приношения на Иерусалим не превышали 13000 рублей в год.

16. Желая приучить русских поклонников и вообще весь Иерусалим к мысли о существовании в Св^ятом Граде русских приютов и заведений, русского хозяйства и надзора, Пр^еосвященный Кирилл, д.с.с. Мансуров и с.с. Доргобужинцов признали необходимым — пока приготавливается покупка земель, планы построек и самые работы, устроить в Иерусалиме временные приюты в частных домах, нанимая оные года на три, т.е. до предполагаемого окончания наших строений. Этим делом статский сов^етник Доргобужинцов занимается теперь деятельно, и к Пасхе сего 1859 года уже можно надеяться видеть часть русских путешественников и поклонников пристроенными у себя в родном приюте. Такое предположение и намерение тем выгоднее, что предоставляет на месте возможность испытать на деле, что именно можно сделать в самих подробностях и мелочах, чем и как надобно обзавести будущие постоянные русские приюты.

17. Финансовая сторона дела представляется ныне в следующем виде: со времени публикации о Высочайше разрешенных во всей Империи сборах поступило на устройство благотворительных заведений в Палестине: по 20 декабря 1858 г. всего: 160 865 р. 18 ¹/₂ к.

В том числе пожертвовано: камергером Яковлевым — 30000 р. и откупщиками 75000 р.; следовательно добровольных приношений от публики на 55865 р. 18 ¹/₂ к. Должно иметь в виду при этом, что по 20 декабря 1858 г. ещё были неизвестны результаты церковных и гражданских сборов в большей части губерний и что всё настоящее дело в первый год не могло быть ещё очень известно. Следовательно без преувеличения можно рассчитывать на то, что в течении первой половины 1859 года поступит по крайней мере столько же добровольных приношений, сколько поступило со второй половины 1858 г. т.е. около 50000 рублей.

Из вышеизложенной перечни распоряжений, которые сделаны были в течении 1858 года, видно, что совершенные и ассигнованные расходы подразделяются на три категории:

- а., расходы единовременные составляющие такую статью, которые существуют во всяком предприятии в качестве faux-frais;
- б., расходы единовременные на покупку земель в Иерусалиме, Кайфе и Назарете.
- в., расходы делаемые на несколько лет вперед для обеспечения будущих распоряжений по устройству быта поклонников до того времени, когда русские заведения будут окончены.

1. Расходы по первой статье дают общую цифру в 5431 р. 63 к., в том числе 4000 р. на выдачу крупного, но необходимого для успеха дела подарка.

2. На <u>покупку земель</u> :	
<u>израсходовано</u> в Иерусалиме	5597 р.
<u>израсходовано</u> в Кайфе	2000 р.
в Горней около Иерусалима	450
	8028 руб.

ассигновано:

в Иерусалим: на покупку:

земель гр. Кушелева	4500
земель и дома в городе	8500
земель вне города	17000
	30000 рубл.

В Назарете на покупку земли

4000

Всего на покупку всех земель:

израсходовано поныне	8029
ассигновано	34000
итого будут расходы	42029 руб.

3. На устройство временных заведений для поклонников в Иерусалиме и постоянных, но наемных в Рамле, Яффе, Кайфе и Назарете ассигновано и частью израсходовано:

В Иерусалиме: на 3 года на наем двух домов 1200 рубл.

В Рамле на 3 года на наем дома 500

Назарете на 4 года наем 2-х домов 1700

Яффе на 10 лет наем дома 3150

Единовременно:

- На работы для цистерн, для окружения земель стенами, обработку грунта и пр. 3000

- Мебель для Кайфы и Яффы 2500

- Мебель для Назарета, Рамлы и Иерусалимских домов 5000

- На отделку и исправление домов:

в Иерусалиме 1000

Яффе 3000

Рамле 1000

- На жалование местному архитектору

по сим работам на 3 года 4500

Всего на несколько лет 26550 руб.

Итого по всем 3-м статьям сделано и ассигновано расхода до начала главных построек 74000 рубл.

Если, к примеру, к 160865 руб. прибавить проценты коих накопилось уже наверное более 3135 р., явиться в приходе 164000 руб., следовательно за обеспечение дела на 3 года везде, и за покупкой обширных и выгодных земель, с которых можно даже извлекать доходы, остается из нынешнего наличия совершенно свободных 90000 рублей, собственно для начатия построек в Иерусалиме.

Как выше сказано, можно быть вполне уверенным, что сборы, только что начатые, даже при теперешнем положении этого дела в России, принесут более того, что поступило уже в первые месяцы после публикации, следовательно, во всяком случае, около половины 1859 года будет в кассе богоугодного дела приблизительно 150000 рублей.

Само собой разумеется, что этой суммы далеко недостаточно для заведения в Иерусалиме странноприимных домов, подворья в самом городе, церкви, госпиталя и помещения для Духовной Миссии, ибо для этих заведений потребуется около 500000 рублей в течение трех лет.

Трудно представить, чтобы нельзя было собрать в это время еще большую сумму, если под Высочайшем покровительством приняты будут со стороны разных органов правительства разумные меры, пропитанные действительным и теплым участием к делу, столь живо уже интересующему внутреннее и внешнее достоинство России.

Во всяком случае, дело в настоящее время обставлено так, что открыта возможность основать обширные и достойные России богоугодные заведения, если правительство наше создаст для сего нужные средства. Затем продолжение начатых временных распоряжений по средствам найма домов и некоторых вещественных приспособлений остается всегда достаточным даже при совершенной неудаче экстренных сборов, потому что:

а. сборам уже все таки дан постоянный характер, и они во всяком случае

будут приносить из всей империи хотя по несколько тысяч рублей в год;

б. непредвиденные случайные пожертвования останутся всегда возможными;

в. Общество Пароходства и Торговли не изменит выраженной им в 1958 году готовности затрачивать некоторую сумму на улучшение положения доставляемых им в Палестину пассажиров;

г. в распоряжении богоугодного предприятия остались бы проценты с верного капитала в 150000 руб. и доходы с купленных в Палестине земель, и т.д., заведывание временными заведениями на Востоке ничего не будет стоить, ибо агенты Общества, консульства и Духовная Миссия будут заниматься сим делом всегда и безвозмездно.

Выше изложены были успешные последствия, которые имело Высочайшее соизволение на начатие на Востоке русского богоугодного дела. Во всеобщем сочувствии к этому предприятию нельзя уже сомневаться, потому что из ничего, меньше чем в один год, положено надежное начало трудному и многосложному делу на дальнем расстоянии от нашего Отечества. Собрана была значительная уже сумма, при первом, ещё малопонятном призыве, поклонничество разом вступило в обширнейшее против прежнего размеры. Несмотря на бесчисленные предубеждения, препятствия и затруднения, Русская Духовная Миссия и консульство в Иерусалиме, утвердись благополучно, получили там гражданство и стали более чем в уровень с давно действовавшими там элементами. Против нас было страшно восстановлено греческое духовенство, турецкое правительство приняло новую деятельность России в Палестине с большим недоверием, а латины, англичане и австрийцы с ненавистью; даже в самой России новое богоугодное дело в официальных сферах встречено было частью равнодушно, частью враждебно и недоверчиво. Только Высочайшее покровительство

и сердечное православное участие Государя дали задуманному делу жизнь и будущность, и, как выше доказано цифрами, оно получило уже основу и может существовать на будущее время само собою, даже в тех ограниченных размерах, в которых оно теперь представляется.

Излишне было бы, кажется, снова распространяться о высокой важности начатого дела для достоинства России и Русской Церкви на Востоке, для пользы Православия вообще и для политического нашего там значения. Само правительство разделяет это убеждение и доказательством тому служит появление в Иерусалиме Русской Духовной Миссии и консульства, последовавшие оба раза *ex proprio motu*⁴² Государя Императора.

Можно рассматривать теперь означенное дело с другой, ближайшей точки зрения.

В России, по всем краям Империи, сделан был Высочайшим Именем Государя Императора всеобщий призыв к участию в священном деле, к которому Россия приступает после всех христианских держав.

Призыв этот имеет глубокий отголосок в нашем отечестве. Так и должно быть. Но он может быть ещё громом отзовется и подействует на Востоке среди всего единоверного нам тамошнего населения. Все, что было напечатано по этому предмету в России, было немедленно переведено и распространено на Востоке. Сперва возникли разные толки о вновь явившемся честолюбии и властолюбии России, недоброжелатели наши воспользовались этим случаем, чтобы возбудить умы против себялюбивых, будто бы планов нашего правительства, но вскоре скромное начатие всего дела, осторожное и открытое ведение оного успокоило одних, обезоружило других, утешило третьих. Все обошлось благополучно и мирно, и теперь отношения наши к тому же греческому духовенству сделались ещё лучше прежнего.

Успокоило всех выраженное в русских публикациях желание и твердое намерение нашего Правительства последовать только примеру других держав, не отстать от них в священном, благородном и национальном деле, и стараться достигнуть не менее, ни более того, что они давно уже сделали, при соблюдении всех местных законов и обычаев.

Это обязательство сделать не менее других, оглашенное везде и принятое всеми с чувствами душевной радости, между прочим как свидетельство желания России упрочить впредь свое влияние благодеяниями, мирными и возвышенными путями, это обязательство наложило уже на нас безусловный долг привести в исполнение то, что обещано, и сделать это в размерах достойных Православной Церкви и могущественной опоры православия.

К счастью дело идет не о громадных пожертвованиях, могущих превысить силы нынешнего нашего ещё не нормального финансового положения, а о собрании, при участии 50 миллионов православного народа, несколько сот тысяч рублей в виде основного капитала и несколько десятков тысяч в виде ежегодного источника для поддержания предприятия.

Готовность русского народа широко ответствовать на сердечные призывы правительства на святое дело слишком часто была доказана, чтобы можно было сомневаться в успехе, когда дело идет о Иерусалиме, обаяющем имени, находящим теплый отголосок в душе каждого христианина.

Но для успешного действия на массы, от которых и следует ожидать желаемых приношений, нужно одно условие неперемennое: сердечность и теплота самого призыва и выражения самими призывающими веры в поднимаемое дело и любви к оному. Холодный и форменный призыв конечно остался бы бесплодным.

Нужно ещё доставление к народу легкой возможности ответить на призыв, при обстоятельствах, возбуждающих в нем желание и готовность исполнить то, о чем он просто может забыть или не всегда думать.

Наконец в таком деле, как настоящее, где нужно начать с значительными средствами, чтобы дать оному жизнь и представить для всякого существенный предмет сочувствия, — должно иметь в виду, что обращенный к народу призыв, при огромности нашей России и ее населения, не может одним разом и в очень скором времени принести во вновь открытую сокровищницу то именно значительное количество средств, которое необходимо. В несколько лет наберется, по всей вероятности, более чем ожидали, но в самом начале нужна затрата, именно для доставления видимой цели для пожертвований.

Для всех высших интересов России, для Церкви и правительства, осязательно важно начатое ныне на Востоке священное дело. Той и другому остается только иметь достаточно любви к сему делу и веры в сочувствие православного народа — чтобы сделать со своей стороны некоторые пожертвования на первое время и чтобы, до более чем вероятного собрания от народа больших средств, не дать умереть или остановиться такому делу, которое раз бросивши, трудно поднять и поправить даже при удвоенных усилиях.

Все обстоятельства, при которых благополучно начатое Восточное богоугодное дело, так удачны, что грешно было бы ими не воспользоваться. Самое трудное сделано, продолжать дело уже легко, потому что созидать более нечего, кроме денежных средств. В Палестине есть у нас и опытные люди почти специальные, кои пропитаны верой в успех дела.

Все вышеизложенное приводит к выражению надежды, что правительство, убедилось из действий 1858 года в полной жизненности разрешенного предприятия на Востоке, и опираясь на те же высокие побуждения, по коим Государь Император осветил нынешние христианские начинания Своим Высочайшим Одобрением, — решился впредь до собрания от народа обширных средств, взять начатое дело под свое собственное покровительство и найдет возможность сделать некоторую затрату для того, чтобы не дать делу умереть после тяжкого, но благополучного зарождения

и чтобы можно было дать оному те размеры, которых, как было означено выше, Россия гласно перед всем Православным миром, русским и чужестранным, обязалась достигнуть.

Не взимая на себя права указывать правительству какие меры оно должно принимать для достижений сей цели, ибо при зарождении в нем сердечного участия к священному и достойному делу, оно само найдет все нужные к тому средства, можно однако предложить мысль к сему предмету, доказывающую как легко сделать весьма многое при незначительном пожертвовании.

Как выше изложено, для возведения в Иерусалиме и Назарете всего, необходимо располагать единовременным капиталом в 500000 руб. в течение трех лет.

Правительство в настоящее время не может отпустить из государственной казны такую сумму, а по важности начатого дела ему слишком выгодно и счастливо было бы достичь отыскиваемого нами результата, если бы можно было купить оный ежегодным расходом тысяч в 25-ть или около того. Такая сумма всегда может найтись в годовом двухсот миллионном бюджете.

Известно, что в наших государственных кредитных установлениях лежат издавна непроизводительно десятки миллионов рублей и правительству чрезвычайно легко было бы сделать самому заем в 500000 руб. на 26-ти или 37-ми летних правилах, хотя бы за 3% роста и за 1% погашения. Платя таким образом только 20000 руб. в год в течение известного времени. Правительство окончательно погасит весь свой долг, а между тем даст блистательный исход национальному и религиозному предприятию исторической важности, и расходуя весьма незначительную для казны сумму, — выиграть во сто крат на увеличении своего политического влияния на Востоке, на возвышении Православной Церкви и ослаблении престижа латинской пропаганды, столь блистающей ныне по отсутствию соперников.

Между тем временем правильно устроенные сборы наверное принесут в течение нескольких лет гораздо более 500000 рублей. Собираемые суммы можно капитализировать до окончания всех построек и обзаведения всего в надлежащем виде, — проценты с капитала и ежегодные сборы доставят более чем нужно для обеспечения богоугодного дела России на Востоке на вечные времена и расширения его по мере возможности.

Операция эта, как видно, более чем проста, и стоит только, чтобы правительство нашло возможность жертвовать в течение нескольких лет около 20000 рублей в год на поддержание и возвышение православия.

В заключение должно представить некоторые замечания относительно средств, которые были приняты и могут быть впредь употреблены для извлечения пользы из Высочайше разрешенных по империи сборов на Иерусалимское дело.

К сожалению можно безошибочно сказать, что холодная форменность в рассылке указов Св. Синода по консисториям во многом отняли у сборов задушевной стороны, так как означенные указы положительно лежали недели и месяцы без действия в канцеляриях консисторий. За исполнением указов и за тем, как они исполнялись, вовсе не следили, и в большей части церквей прихожанам оставались совершенно неизвестным, что разносятся и составляются новые кружки в пользу богоугодного Иерусалимского дела. В эти кружки могли попадать только случайные редкие лепты, коим деятели не придавали мысленно особого назначения. Большей частью кружки для нашего дела являлись последними незамеченными в ряду разносимых и привешивались в невидных углах, где их надобно сознательно и нарочно отыскивать.

От правильного наименования сборов и ярлыков зависит весь успех обращения к жертвователям, ибо если наименование гласит «на Иерусалим» или «на Гроб Господен», то собранные деньги должны быть отправляемы в руки Иерусалимского Патриарха, т.е. совершенно терять свое назначение во вред предложенному русскому национальному предприятию; если наименование сделано слишком затейливо и неясно, то прихожане не будут понимать цели дела и не окажут оному сердечного сочувствия.

Должно быть ныне пояснено во всех церквях и положительно определено, что Высочайше разрешенные в 1858 году сборы имеют целью устройство в Иерусалиме и у Св<ятых> мест русских богоугодных заведений, что прихожанам следует объяснить христианскую цель правительства и что причты должны стараться, чтобы вновь установленные кружки были известны всем и могли наглядным образом обращать на себя внимание жертвователей.

Вообще на успех этих сборов необходимо ещё раз обратить заботливость и христианскую ревность преосвященных архиереев и тех духовных пастырей, которые не зависят от епархиальных управителей, дабы свидетельствовать перед ними и перед всеми, что правительство принимает это дело к сердцу. Необходимо было бы сверх того собрать все сведения о том, какой результат имели указы Св. Синода об открытии во всех церквях сборов в 1858 году и какое впечатление произведено было сим воззванием на прихожан. Отсюда можно будет судить о том, какие меры могут быть приняты для достижения более успешных результатов.

Всего лучше было бы, кажется, руководствоваться одним из древнейших и частью забытых обычаев Православной Церкви, т.е. для снятия с настоящих сборов банального, так сказать, характера, не производить их постоянно при всяком богослужении, а избирать в году несколько особых замечательных дней, всего более напоминающих позорище страданий Христа Спасителя и значение Горнего Иерусалима, и в эти дни, после нарочитой проповеди и при соблюдении некоторого наглядного торжества, призывать прихожан к приношению в пользу такого предприятия, которое для каждого русского

облегчает и открывает возможность поклониться Св<ятым> местам Палестины и главному из них Св<ятому> Гробу Господню.

Такие дни, например, все четверги Великого Поста, когда народ приготовился к исповеди и следовательно более всего помышляет о священном значении Иерусалима. Тоже может быть повторено в день св<ятого> Благовещения для особого сбора в пользу Назаретского будущего заведения, и в четверг Рождественского поста для Иерусалимских заведений, назначенных вместе и для Вифлеема.

Точно также следовало бы поступить для поддержания русских монастырей на Афонской Горе во всех церквях России не построенных во имя праздника Успения Пр<есвятой> Богородицы, по одному разу в неделю в течении Успенского поста.

Все такие сборы получили бы свой определенный, вполне понятный для народа и ему симпатический характер, который напомнил бы ему о дальних его братьях, исполняющих религиозный долг ради скромной лепты всякого дарителя. Народ скоро привыкнет к таким осмысленным сборам, а участие его к благим начинаниям русской державной власти в далеких православных краях Востока будет живее поддерживаться выведением сего дела из обыкновенной ежедневной формы.

Наконец одной из простых, полезных и удобных мер для обеспечения и возвышения того благого дела, которое так успешно началось теперь в Назарете и Галилее — было бы предложение от Св. Синода Блаженнейшему Патриарху Иерусалимскому прислать кого либо, а всего лучше самого Пр<еосвященного> Нифона, нового Назаретского епископа, в Россию на несколько месяцев для личного произведения сборов на обустройство и благолепное основание Назаретского православного престола.

Таковыми мерами, а в особенности новым торжественным изъявлением сердечного сочувствия русской державной власти к начавшемуся в Палестине священному и национальному делу, обеспечить оное на веки и положить оному твердое, достойное России основание. Тогда действительно исполниться заявленное обязательство русского правительства не отставать от других на Востоке и последовать данным примерам. Ревность и сердечное участие нашего православного народа дадут конечно возможность превзойти других.

¹ Вах К.А. Секретная записка Бориса Павловича Мансурова // Великий князь Константин Николаевич и русское паломничество в Святую Землю. Из предыстории ИППО. М., 2012. С. 22–35.

² О командировке Б.П. Мансурова в Палестину и Афон для сбора сведений для «Путеводителя православному поклоннику святым местам». РГВМА Ф. 410 Оп. 2–1 Д. 1369; По записке великого князя Константина Николаевича о командировании Б.П. Мансурова в Палестину. РГИА. Ф. 797. Оп. 27. Отд. 2. Ст. 2. Д. 424.

- ³ Полный «Отчет» Б.П. Мансурова опубликован без имени автора и заглавия в типографии Морского министерства в декабре 1857 г. [Мансуров Б.П. Православные поклонники в Палестине. СПб., 1858 г. I изд. 209 стр.]. Современная публикация: Отчет Б.П. Мансурова о палестинской командировке // Россия в Святой Земле. Документы и материалы: В 3 т. Т. 1. М., 2015. С. 489–559.
- ⁴ Сохранилось два секретных (для служебного пользования) малотиражных издания и одно общедоступное, получившее распространение и переизданное. Вах К. А. Судьба книги «Православные поклонники в Палестине» // Великий князь Константин Николаевич и русское паломничество в Святую Землю. Из предыстории ИППО. М., 2012. С. 36–45.
- ⁵ Вах К.А. К истории первого русского «Путеводителя» по Святой Земле // Русская Палестина. Россия в Святой Земле / Материалы международной научной конференции. Под. ред. Е.И. Зеленева. М., 2010. С. 87–96.
- ⁶ Дмитриевский А.А. Палестинский комитет по материалам Гос<ударственного> архива. ОР РНБ. Ф. 253. Оп. 1. Д. 169. Без указания страниц.
- ⁷ Вах К.А. «Иерусалимский проект» России: Б.П.Мансуров и Русские Постройки // Великий князь Константин Николаевич и Русский Иерусалим. К 150-летию основания Русской Палестины. М., 2012. С. 22.
- ⁸ РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 312. Л. 230.
- ⁹ Вах К.А. Как начиналась Русская Палестина. Иерусалим в письмах Б.П. Мансурова и В.И. Доргобужина. 1858–1860 гг. // Иерусалимский православный семинар. Вып. 7. Москва, 2017. С. 111–256; Он же. Вторая поездка Б.П. Мансурова в Святую Землю // Великий князь Константин Николаевич и русское паломничество в Святую Землю. Из предыстории ИППО. М., 2012. С. 72–81.
- ¹⁰ «Относительно устройства богоугодных заведений Палестины». РГИА. Ф. 565. Оп. 1. От. 1. Ст. 3. Д. 2433. Л. 32.
- ¹¹ Подробнее см.: Вах К.А. Великий князь Константин Николаевич и православный Восток. К 150-летию паломничества в Святую Землю // Россия-Восток. Контакт и конфликт мировоззрений: материалы XV Царскосельской научной конференции : сб. научных статей : в 2 ч. Ч. I. СПб., 2009. С. 51–53.
- ¹² Переписка Императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем. Дневник Великого Князя Константина Николаевича. 1857–1861 М., 1994. С. 96.
- ¹³ Там же. Л. 1.
- ¹⁴ Там же. Л. 33.
- ¹⁵ Великий князь Константин Николаевич и русское паломничество в Святую Землю. Из предыстории ИППО. М., 2012. С. 37.
- ¹⁶ Об учреждении восточной линии. РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 43. Л. 1–2.
- ¹⁷ Там же. Л. 4.
- ¹⁸ Так появилось второе, сокращенное до 160 страниц, и так же секретное издание варианта записки Мансурова. См. выше.
- ¹⁹ Там же. Л. 5.
- ²⁰ Там же. Л. 6.

- ²¹ Там же. Л. 7–9.
- ²² Там же. Л. 14–17.
- ²³ Там же. Л. 25–26.
- ²⁴ Там же. Л. 30.
- ²⁵ Там же. Л. 44.
- ²⁶ ?
- ²⁷ Там же. Л. 33–43.
- ²⁸ Вах К.А. Вторая поездка Б.П. Мансурова в Святую Землю // Великий князь Константин Николаевич и русское паломничество в Святую Землю. Из предыстории ИППО. М., 2012. С. 73
- ²⁹ Дмитриевский А.А. Палестинский комитет по материалам Гос<ударственного> архива. ОР РНБ. Ф. 253. Оп. 1. Д. 69. Л. 4–5.
- ³⁰ Там же. Л. 17.
- ³¹ Вах К.А. Из предыстории ИППО: кризис Палестинского Комитета, рождение Палестинской Комиссии // Императорское Православное Палестинское Общество. К 130-летию со дня основания. Международная научная конференция 10 ноября 2011 г. М., 2011. С. 17–30
- ³² Русское общество пароходства и торговли (РОПиТ), крупнейшая в России частная пароходная компания. Основана 3 (15) августа 1856 года. Учреждена флигель-адъютантом Н.А. Аркасом и предпринимателем Н.А. Новосельским при поддержке Великого Князя Константина Николаевича, считавшего необходимым образовать крупное коммерческое пароходство на Чёрном море с возможностью использовать его суда в военных целях.
- ³³ Русская Духовная Миссия в Иерусалиме (РДМ), представительство РПЦ в Св. Земле. Впервые создана по инициативе МИД в 1847 г., прекратила работу на время Крымской войны. В 1858 г. открыта повторно. Имела задачу заботу о духовных нуждах российских паломников. Глава РДМ с 1857 г. епископ Мелитопольский Кирилл (Наумов) получил задание приобрести в собственность России земельный участок в Иерусалиме.
- ³⁴ Мансуров Борис Павлович (1828–1910), выпускник училища правоведения с 1854 г. служил в Морском министерстве, в период Оборона Севастополя отвечал за морские госпитали и вознаграждение раненных. С 1857 г. главный участник строительства Русской Палестины, член Палестинского комитета и Палестинской комиссии, Православного Палестинского Общества. Статс-секретарь Императора, член Сената и Государственного совета. С 1889 г. отошёл от дел Русской Палестины.
- ³⁵ Как видно из материалов дела «Об учреждении восточной линии» (РГИА. Ф. 107. Оп. 1. Д. 43. Л. 78–79) эти 40000 р. были возвращены в РОПиТ из сумм кружечного сбора.
- ³⁶ Ситуация с почтой очень быстро изменилась к худшему. 19 ноября / 1 декабря 1859 г. Б.П. Мансуров писал К.С. Варранду: Дело шло весьма хорошо, но в недавнее время беспечность и варварство нашего Почтового казенного управления испортило дело так, что из Иерусалима стало невозможно писать в Россию по русской почте: почтовые марки запрещено употреблять за границей и приказано все письма франкировать только до Константинополя по огромной цене; теперь за провоз писем от Константи-

- нополя до Одессы (40 часов) казна берет с лота 30 коп. серебром! тогда как из Одессы в Иркутск берут с лота 10 коп. Одним словом, Почтовое министерство сделало для всего Востока такую неурядицу, что решительно нельзя писать в Россию иначе как по французской почте». Опубликовано: Вах К.А. Как начиналась Русская Палестина. Иерусалим в письмах Б.П. Мансурова и В.И. Доргобужина. 1858–1860 гг. // Иерусалимский православный семинар. Вып. 7. Москва, 2017. С. 244–245.
- ³⁷ Епископ Мелитопольский Кирилл (В.Н. Наумов, 1823–1866), сын дьякона, окончил СПб. Духовную Академию, принял монашество, служил преподавателем. В 1855 г. доктор богословия. В 1857 г. рукоположен в епископы, назначен главой Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Из-за конфликтов с консульством и Иерусалимским Патриархом, в 1863 г. он был возвращен в Россию, назначен управляющим Спасо-Преображенским монастырём.
- ³⁸ Кушелев-Безбородко Николай Александрович (1834–1862), российский коллекционер живописи и библиофил. Во время путешествия в 1857 г. посетил Иерусалим. По просьбе генерального консула Н.Е. Мухина приобрел в городе участки земли. Через год продал их российскому правительству.
- ³⁹ Доргобужин Владимир Ипполитович (1822–1888) тайный советник. Выпускник Харьковского университета. Чиновник Морского министерства. Во время осады Севастополя вместе с Б.П. Мансуровым осуществлял заботу о раненных моряках. В 1858 г. назначен консулом в Иерусалим и агентом РОПиТ, оставаясь на службе в Морском министерстве. Участник строительства Русской Палестины. В 1860 г. в результате конфликта с главой Русской Духовной Миссии в Иерусалиме был возвращен в Россию. Служил в Министерстве Внутренних дел.
- ⁴⁰ Так в тексте.
- ⁴¹ Эппингер Мартын Иванович (1822–1872), российский архитектор, академик архитектуры, строитель Русской Палестины. Выпускник Академии Художеств, в 1852 г. возведен в академики. Участник русской экспедиции на Афоне, оттуда приглашен архитектором русских построек в Иерусалиме. В 1859–1864 гг. руководил строительством. Последним проектом стало строительство синагоги в Иерусалиме. В 1864 г. возвратился в С.-Петербург.
- ⁴² По собственному желанию — (лат.).

КАК ПРАВОСЛАВНЫЕ СЛАВЯНКИ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ ВЕРУ МЕНЯЛИ. По материалам донесений российских консулов 1850-х гг.

К. В. Мельчакова

Первое российское консульство в Боснийском пашалыке Османской империи начало работу в Сараеве в 1857 г.¹ Управляющим туда был назначен известный славист Александр Федорович Гильфердинг (1831–1872). В ведении дипломатического представительства находились земли Боснийского пашалыка и Герцеговинского санджака². На этих территориях проживало преимущественно славянское население: мусульмане, православные и католики. Точных данных о принадлежности славян Боснии и Герцеговины к одной из перечисленных выше конфессий нет. В 1851 г. проводилась официальная перепись населения. Она грешила множеством неточностей, велась по дворам, из расчета, что в каждом из них живет по 6–7 человек. Итого вышло около 1 100 000 человек, из них мужчин — 534 651.

Население Боснии и Герцеговины согласно результатам переписи 1851–1852 гг.³

санджак	мусульман		христиан		итого примерно обоого пола	католики обоого пола
	двор	муж. душ	двор	муж. душ		
6 Боснийских санджаков	65 405	267 637	51 728	185 195	905 664	120 624
Герцеговинский санджак	7 968	26 010	14 595	55 809	163 638	53 458
Всего	73 373	293 647	66 323	241 004	1 080 730	174 082

Согласно результатам официальной переписи 1865 г., данные которой также являются очень приблизительными, доля мужского населения,

исповедующего ислам составляла 34 %, православие — 48 %, католицизм — 18 %⁴. Всего насчитали 1 442 000 человек. Цифра эта очень условная. В переписи указывалось, что мужчин из них было 721 000. Нехитрый подсчет покажет, что и женщин, по велению переписчиков, было столько же.

А.Ф. Гильфердинг занимал пост управляющего консульством около года и за это время исколесил практически всю Боснию и Герцеговину. Свои впечатления от путешествий он изложил в сочинении «Босния, Герцеговина и Старая Сербия»⁵. По наблюдениям консула, сделанным в 1857–1858 гг., жители Боснии и Герцеговины не ощущали своего этнического единства: «Спросите у любого босняка, серба или герцеговинца, — пишет он, — к какому народу он принадлежит, и он ответит вам, какого он вероисповедания»⁶. Для населения этих краев религиозная принадлежность стала критерием национальности. Большинство мусульман проживало в городах, они имели возможность сделать карьеру на государственной службе, платили меньше налогов, являлись наиболее привилегированной частью общества. Католики находились под крылом у миссионеров и собственного духовенства. В самом бедственном положении пребывали православные. В крае практически отсутствовали школы для этой категории населения, церкви были разорены, ответственность за них несли местные митрополиты, которые не столько заботились о своей пастве, сколько во всем искали личной выгоды. У католиков и православных действовали свои общины.

Защита интересов православного населения Боснии и Герцеговины являлась одной из основных задач российского консульства в Сараеве. Это было напрямую связано с 9 статьей Парижского мирного договора 1856 г., утвердившей право иностранных держав на вмешательство во внутренние дела Османской империи, и принятого в том же году султанского указа о реформах (хатт-и хумаюн), согласно которому значительно расширялись права немусульманского населения⁷.

При работе с материалами российского консульства в Сараеве за 1857–1859 гг. в Архиве внешней политики Российской Империи (далее — АВПРИ) был выявлен ряд документов, затрагивающих вопросы о добровольной смене вероисповедания православными девушками. Основная масса этих материалов ранее не вводилась в научный оборот. В данной статье предлагается на нескольких примерах посмотреть, какова была реакция российского консульства на эти случаи, как дипломаты представляли начальству причины, побудившие православных славянок переменить веру, и как происходил этот процесс.

Указанные выше документы представляют собой донесения российских консулов в Сараеве А.Ф. Гильфердинга (1857–1858 гг.) и Е.Р. Шулепникова (1858–1868 гг.), а также секретаря и драгомана консульства А.С. Ионина (1857–1860 гг.) в Азиатский департамент МИД и русское посольство в Константинополе. Во всех выявленных случаях речь идет

о переходе из православия в ислам или католицизм. Важно подчеркнуть, что не удалось просмотреть все донесения российских дипломатов из Боснии за означенный период. Работа велась преимущественно с фондом АВПРИ 517/2 (Посольство в Константинополе), а также со сборником документов «Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия»⁸ в состав которого вошли материалы АВПРИ, РГИА, ЦГИА СПб и архивов Боснии и Герцеговины⁹.

Следует отметить, что на территории Боснии и Герцеговины имели место случаи насильственного обращения женщин в ислам. Свидетельства об этом зафиксированы в разных источниках, включая донесения российских дипломатов¹⁰. В контексте данной статьи эти сюжеты рассматриваться не будут. В изученном массиве документов за 1857–1859 гг. зафиксировано как минимум 4 случая обращения или попытки обращения православных девушек и женщин в католицизм и 7 случаев перехода в ислам.

Первое упоминание о принятии католической веры встречается в донесении № 66 А.Ф. Гильфердинга послу в Константинополе А.П. Бутеневу от 26 ноября 1857 г.¹¹ Об этом же эпизоде речь идет в донесении № 103 от 31 декабря 1857 г.¹² Из этих документов известно следующее: православная девушка тайно родила ребенка от католика. Узнав о случившемся, местная католическая община начала настаивать на переходе девушки в латинство, с чем категорически была не согласна православная община. За сокрытие ребенка меджлис (областной совет)¹³ принудил девушку к шестинедельному заключению. Было предписано держать ее в мусульманском доме, не допуская к ней католиков. По сообщениям Гильфердинга данное правило неоднократно нарушалось. При этом девушка была изолирована от родных. После 12 дней заключения генерал-губернатор Решид Мехмед-паша (1856–1858 гг.) приказал отпустить ее и отдать в католический дом. Сделано это было по требованию генерального австрийского консула Э. Реслера. Тогда российское консульство обратилось за помощью к дабробосанскому митрополиту Дионисию (1856–1860 гг.), однако он «показал слабость и боязливость»¹⁴ сказав, что паша желает, чтобы девушка приняла католическую веру. Решение же этого дела митрополит полностью переложил на российское консульство. Гильфердинг обратился к Бутеневу с просьбой донести детали данной истории до Константинопольского Патриархата. Неизвестно как разрешилось дело.

В Боснии и Герцеговине в то время действовало три митрополии: Дабробосанская, Герцеговинская и Зворникско-Тузланская. Во главе митрополий находились обычно греки. Большинство из них не владело местным языком, они слыли не столько защитниками паствы, сколько «меркантильными прислужниками» османских властей. Российское консульство в Сараеве рассчитывало на тесное сотрудничество с местными архипастырями в вопросах защиты и улучшения положения православного населения.

По факту же российские консулы очень часто конфликтовали с боснийскими архиереями, неоднократно отправляя на них жалобы в Константинополь¹⁵. Устранение и ослабление греческого духовенства в Боснии и Герцеговине Гильфердинг считал одной из главных задач российского консульства.

Отношения управляющего консульством в Сараеве с Дионисием были довольно натянутыми. Дабробосанский митрополит первоначально ввел Гильфердинга в заблуждение и представился ему главным радетелем православия в регионе. Однако позже стало ясно, что он чинил всяческие препятствия в деле налаживания контактов российских дипломатических агентов с православным населением¹⁶. О нем Гильфердинг писал Бутеневу следующее: «от характера митрополита Дионисия происходят, могу сказать, главные затруднения, встречаемые здесь¹⁷ русским консульством. Турецкие власти в Сараеве не вредят консульству, тогда как православный владыка с самого начала старался уклонять христиан от его законного влияния»¹⁸.

В этом же донесении Гильфердинг пишет: «Предшественник митр[опо]лита Дионисия был такой же грек-фанариот, как и он, Прокопий (1851–1856 гг. — К.М.), человек крайне сребролюбивый и весьма соблазнительной нравственности, но умный и твердый. Он имел влияние на народ (он хорошо говорил по-славянски) и неусыпно защищал права своей паствы. Когда хотели обратить кого-нибудь из православных в католическую веру или в магометанство, он вступался в дело с неутомимой ревностью, тратил даже значительные суммы, чтобы купить благосклонность или по крайней мере равнодушие властей, и почти всегда успевал отстоять свое “духовное гнездо”»¹⁹.

В качестве иллюстрации своих слов Гильфердинг приводит рассказ о попытке обратить в католицизм православную девушку из Мостара. Как и в случае, изложенном выше, она была обманута католиком, австрийским подданным, притворившимся православным. Когда об их связи стало известно, он раскрыл свой обман. Молодой человек уговорил возлюбленную перейти в лоно его Церкви и обвенчаться. Пара проследовала в дом герцеговинского епископа Рафаила Баришича (1847–1863 гг.), который тут же принял девушку в католичество²⁰ и поженил молодых. Когда о случившемся стало известно мостарской православной общине, поднялся неслыханный шум. После долгих разбирательств было решено отправить девушку в Сараево для окончательного суда (заседания меджлиса). За ее «душу» началось настоящее сражение. Епископ Р. Баришич приехал лично в главный город пашалыка. Содействие в решении вопроса ему оказывал австрийский генеральный консул Д. Атанаскович (1850–1857 гг.). Митрополит Прокопий настоял на праве взять девушку к себе в испытание. Она провела 8 дней в православном доме и объявила, что была обманута и запугана угрозами своего любовника. Прокопий после того отказался выдать ее вновь в руки католиков и перенес дело в Константинополь.

Брак, совершенный Баришичем, был признан незаконным. Митрополит нашел для девушки жениха в Сараеве и обвенчал их, снабдив ее приданным²¹. Однако по словам Гильфердинга, за эту победу Прокопию пришлось поплатиться кафедрой. Австрийский генеральный консул, имеющий большое влияние на сараевских торговцев, уговорил их составить на архипастыря обвинительное письмо. Жалоба была подана в Константинопольскую Патриархию от имени всего православного населения Боснии. Через несколько месяцев Прокопий был отстранен от службы, а на смену ему прибыл упомянутый выше Дионисий. История предшественника повлияла на последнего. По словам Гильфердинга, поведение митрополита было продиктовано «раболепием перед Австрией и страхом возбудить неудовольствие турок»²². Дионисий старался не вмешиваться в дела о смене вероисповедания.

Занявший пост консула в Сараеве в 1858 г. Евграф Романович Шулепников сумел наладить отношения с митрополитом Дионисием, но также сообщал Бутеневу о намеренном неучастии владыки в разрешении споров о смене вероисповедания. Донесение № 144 в Константинополь от 2 августа 1858 г. посвящено еще одному случаю перехода в католицизм²³. Речь идет о девушке из окрестностей Сараева, которая убежала с католиком и хотела переменить веру, чтобы обвенчаться с возлюбленным. Сестра беглянки и несколько поселян неоднократно приходили к Дионисию с просьбой вмешаться и уберечь девушку от вероотступничества, но получили отказ. Митрополит говорил, что данный случай должен рассматривать меджлис. Он отказался прибегнуть к принятой его предшественниками практике — испросить ходатайства у паши и взять девушку на испытание. Не отправил он к ней и протоирея для беседы. Родственники обратились за помощью в российское консульство. Шулепников решил действовать неофициально и доказать архипастырю, что «отвратить от вероотступничества девушку, соблазненную несколькими червонцами, очень не трудно и что для этого нужно самую малую ревность к делу православия»²⁴. Памятуя предыдущую неудачу в подобном деле, где консульство полагалось исключительно на митрополита, было решено прибегнуть к услугам обладающего авторитетом горожанина. Кроме того, нужно было избежать обвинений российских дипломатов со стороны католического населения. Орудием российского консульства в этом деле стала уроженка Сараева Стака Скендерова²⁵. Она была чуть ли не единственной на тот момент образованной женщиной в Боснии, владела русским и турецким языками, неоднократно принимала участие в разрешении споров и улаживании конфликтов между православными и мусульманами. Идею обратиться к этому «народному дипломату» подал секретарь консульства А.С. Ионин. Стака отправилась уговаривать девушку, которую разместили в мусульманском доме одного из членов меджлиса. Ее миссию Шулепников описал так: «Скендерова

со всею осторожностью, как бы от себя, говорила с нею по целым дням, оставляя для того свои собственные дела <...> К счастью, оно (дело. — К.М.) увенчалось успехом. Девушка, после долгого сопротивления, согласилась, что она хотела сделать великий грех, и со слезами на глазах раскаялась перед проповедницей, заменявшей в сем деле священника. Стака объявила мне об этом утром, а в полдень, в меджлисе, митрополит торжествовал²⁶, ибо девушка бросилась к его ногам и, рыдая, умоляла взять ее под свое покровительство. Удивляюсь, как тогда митрополит не оттолкнул ее от себя; этим бы он угодил австрийскому консулу, который старается ему покровительствовать»²⁷. Православная община быстро нашла девушке жениха из своей среды, а российский консул выдал ей 15 червонцев в качестве приданного. Шулепников подчеркивал, что этим делом российское дипломатическое представительство укрепит влияние на православных поселян Боснии. Стака Скендерова получила же весомую помощь от России в деле открытия школы для девочек в Сараеве.

О случаях добровольного перехода женщин в ислам чаще всего встречаются краткие упоминания. Однако одно дело довольно подробно описано секретарем российского консульства А.С. Иониным в донесении № 178 от 15 сентября 1858 г. Бутеневу.²⁸ Речь идет о православной женщине, которая была замужем за небогатым сараевским торговцем. После смерти супруга она повторно вышла замуж за поселянина из окрестной деревни. Сельская жизнь в бедности ей пришлось не по нраву и она решила перейти в ислам, чтобы выйти замуж за мусульманина и вернуться в Сараево. Генерал-губернатор Боснийского пашалыка Кайни Мехмед-паша (1858–1859 гг.) дал женщине время на раздумье. До решения вопроса ее поместили в одном мусульманском доме. Потрясенные случившимся муж и отец направились к митрополиту Дионисию с просьбой послать к женщине священника и получили отказ. В дело вмешалось российское консульство. Ионин решил действовать проверенным способом и отправил к женщине Стаку Скендерову, но ее не пустили, сославшись на указание Кайни паши. Последний же сказал, что не давал подобных распоряжений и религиозное дело его не касается. Ионин приводит слова генерал-губернатора: «При всем моем нежелании <...>, чтобы женщина не принимала магометанской веры, я не могу ничего сделать, потому что митрополит, чье дело хлопотать о своей пастве, остается совершенно спокойным; вот десять дней как женщина здесь и он не пришел ко мне по ее делу и никого не послал к ней. Даже, в меджлисе, где ее спрашивали, хочет ли она переменить веру и получили утвердительный ответ, я не решил дела, потому что никто не присутствовал со стороны православной общины»²⁹. Ионин раз за разом отправлял мужа и отца «вероотступницы» к митрополиту, но все было тщетно. Дионисий прогнал их словами: «Мне дела нет до вас, когда в вас нет веры и если хотите, то хоть все принимайте магометанство»³⁰. Стака Скендерова в это время

хлопотала об организации в Сараеве школы для девочек и уехала по делам в Белград. Ионин еще раз попытался уговорить митрополита направить к женщине священника на беседу, но получил лишь упреки в сторону русского консульства, распределяющего дары для храмов без его участия³¹, и Кайни паши, который, по разумению Дионисия, сам должен был отправить женщину к нему на испытание. Дионисий был тесно связан с сараевскими православными торговцами. О последних еще Гильфердинг писал, что они не оказывали никакой поддержки своим братьям по вере, а их поведение целиком и полностью зависело от возможности получения выгоды. Как раз в это время пришло известие о том, что Императрица Мария Александровна пожертвовала Стаке Скендеровой крупную сумму на открытие школы для девочек. Местные торговцы рассчитывали, что эти средства попадут им в руки и они будут управлять школой. Однако этого не произошло, и против Стаки в Сараеве начали плести интриги³².

Основная мысль, которую Ионин пытался донести начальству в Константинополь — необходимость смены Дабробосанского митрополита. Секретарь консульства также указывал на то, что нашумевшая история с переходом женщины из православия в ислам не единственная — это третий случай за минувшие две недели³³. Ионин пишет: «Последнее обращение наделало особенно много шума в городе. Если это продолжится подобным образом то произведет соблазн во всей стране. Здесь, жена при ссоре с мужем и дочь с отцом принимают часто магометанство³⁴ или католическую веру, чтобы освободиться от того или другого. Это так вкоренилось в нравы страны, что нужно деятельного архипастыря, чтобы заставить не так легкомысленно обращаться с религией. Невнимательность митрополита Дионисия может принести дурные плоды, ибо легкость переходить из православия будет более и более заманивать женщин»³⁵.

В пример, российские дипломаты всегда приводили работу католических епископов и духовенства в Боснии и Герцеговине, которые заступались за свою паству³⁶. Также подчеркивалось, что случаи обращения из католичества происходили довольно редко. В изученном массиве документов встречается лишь одно упоминание о подобном. В донесении Бутеневу от 4 марта 1858 г. Шулепников пишет следующее: «Недели три тому назад, произошла в Мостаре драка между католиками и православными по поводу обращения одной католической девушки в православие. Сам австрийский ген[еральный] консул сказывал мне, что эта драка произведена была наущениями католического епископа Герцеговины — Баришича»³⁷. Исход этого дела неизвестен.

Причины смены вероисповедания православных женщин и девушек российские дипломаты объясняли бедностью и нищетой, царящей в краях. Эта категория населения находилась в самом худшем положении, что вынуждало идти в услужение в мусульманские дома. В редких случаях

местному духовенству удавалось отговорить от такого шага. Как правило, православные общины подыскивали девушкам женихов из своей среды и выдавали их замуж. Однако средств на помощь у общин не хватало. Это вынуждало обращаться за поддержкой к российскому консульству. Судя по донесениям Шулепникова, к нему неоднократно поступали подобного рода просьбы от частных лиц, но так как данная статья расходов не была расписана, он был вынужден отказывать. В донесении директору Азиатского департамента МИД Е.П. Ковалевскому от 7 августа 1859 г. он сообщал, что уважил подобное прошение от Мостарской православной общины, составленное архимандритом Иоанникием Памучиной. Последний был хорошо известен российским дипломатам³⁸. 1 200 пиастров российский консул выдал герцеговинской общине для обустройства жизни уроженки Любушек Анны Калайчие, которая намеревалась перейти в ислам. Шулепников испрашивал разрешения начальства поставить эту статью расходов в счет чрезвычайных издержек консульства³⁹.

Как видно из представленных документов чаще и подробнее российскими дипломатами освещались случаи перехода в католическую веру. В этих эпизодах большую роль играли австрийское генеральное консульство в Сараеве и католический епископ Р. Баришич. Именно монархию Габсбургов и Католическую Церковь сменяющие друг друга российские дипломаты все как один считали своим главным конкурентом и противником в Боснии. Начиная с Гильфердинга российские консулы нарочито подчеркивали в своих донесениях успехи австрийцев в деле распространения влияния на местных жителей, чему предлагалось противопоставить усиленную поддержку православного населения со стороны России. Во всех случаях из 1850-х гг., где подробно освещались дела, связанные с переходом в ислам, отмечалось, что османские власти давали девушкам время на раздумье и были довольно равнодушны к решению подобных вопросов. Если же обратиться к документам 1860-х гг., то обнаруживается несколько иная картина. Консул в Сараеве А.Н. Кудрявцев (1868–1877 гг.) в своих донесениях говорит о «пропаганде исламизма и участвовавших случаях принятия христианками ислама»⁴⁰. В донесении от 17 июня 1864 г. он сообщает о прекращении практики отправки на несколько дней желающего перейти в ислам в митрополию и православную общину на испытание⁴¹. Это было связано с активной фазой проведения реформ османизма в Боснии и Герцеговине⁴².

Далеко не обо всех случаях смены вероисповедания сообщалось в донесениях. Внимание уделялось особо резонансным делам. На основе изученных документов трудно составить представление о количестве женщин и девушек перешедших из православия в католицизм или ислам. Причины же этого явления чаще всего имели социально-экономический характер, так как православное население края находилось в самом бедственном положении⁴³. Важно понимать, что переход в другую религию уроженки

Боснии и Герцеговины, потенциальной матери, в глазах единоверцев означал и изменение ее национальной идентичности. Этот факт приводил к усилению «борьбы за душу» между католической и православной общинами в каждом подобном случае. Поскольку греческие православные митрополиты редко принимали участие в разрешении подобных споров, православное население края зачастую и не помышляло о том, чтобы просить помощи у своих архипастырей, а российские дипломаты одной из главных задач считали ослабление позиций греческого духовенства в регионе и предпринимали безуспешные попытки продвинуть на должность митрополита представителя местного славянского клира. Приведенные в тексте статьи донесения также преследовали цель очернить работу митрополита Дионисия, что должно было вызвать реакцию посольства в Константинополе и заставить его действовать в Патриархате. Сараевские консулы подчеркивали необходимость назначения на пост митрополита более активного в деле защиты православного населения края архипастыря, на которого могло бы опереться и российское дипломатическое представительство в Боснии.

- ¹ О расширении сети российских консульств на Балканах после Крымской войны см.: *Хевролина В.М.* Борьба России за усиление своих позиций на Балканах в 1856–1875 годах (деятельность российских консулов) // *Геополитические факторы во внешней политике России : вторая половина XVI-начало XX века: к столетию академика А.Л. Нарочницкого.* М.: Наука, 2007. С. 221–266.
- ² На тот момент времени Босния и Герцеговина представляли собой разные административные единицы — Боснийский пашалык (административный центр — Сараево) и Герцеговинский санджак (административный центр — Мостар). В результате реформы 1865 г. эти области были объединены в Боснийский вилайет.
- ³ *Гильфердинг А.Ф.* Босния в начале 1858 года // *Собрание сочинений А. Гильфердинга.* Т. 3. С. 283–284; *Pasko Vasa-eĥendija.* Bosna i Hercegovina za vreme misije D e-vet-eĥendije. Banja-Luka: Бесједа, 2011. С. 28–29.
- ⁴ Результаты официальной переписи, а также альтернативные данные о количестве населения Боснии и Герцеговины см.: *Военно-статистический сборник на 1868 год.* Выпуск II. Италия, Испания, Португалия, Швейцария, Бельгия, Голландия, Дания, Швеция с Норвегией, Греция, Турция и вассальные владения. СПб., 1868. С. 192–194.
- ⁵ Данное сочинение было издано несколько раз. В 1858 г. оно было опубликовано в «Русской беседе» в форме писем к А.С. Хомякову. В 1859 г. увидело свет в «Записках Русского географического общества», а также вышло отдельной книгой, а в 1873 г. было включено в третий том собрания сочинений Гильфердинга.
- ⁶ *Гильфердинг А.Ф.* Босния, Герцеговина и Старая Сербия // *Собрание сочинений А. Гильфердинга.* Т. 3. СПб., 1873. С. 87.
- ⁷ О втором этапе реформ танзимата см, например: *Новичев А.Д.* История Турции. Т. 4. Ч. 3. (1853–1875). Л.: Издательство Ленинградского университета, 1978.

- ⁸ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. 1850–1864. Документы. М.: Наука, 1985.
- ⁹ Существует также сборник документов о Дабробосанской митрополии: *Грађа за историју Сарајевске (Дабробосанске) митрополије, 1836–1878.* Београд: Историјски институт, 2007. 167 с., но материалов по интересующему нас вопросу выявить там не удалось.
- ¹⁰ См., например: *АВПРИ. Ф. 180.* Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2321. 1857 г. Сараево. Л. 56 об.
- ¹¹ Там же. Л. 90–94. Здесь и далее в тексте статьи даты даются по старому стилю.
- ¹² Там же. Л. 119–121 об.
- ¹³ Меджлис состоял из почетных жителей-мусульман по выбору паши (генерал-губернатора), каймакамов и ходжа-баши (представителя райи, избираемого православной, католической и еврейской общинами). В Сараеве и главных городах санджаков меджлис действовал под председательством дефтердара (казначея), назначаемого Портой; в нахиях (районах санджаков) — под председательством мудира.
- ¹⁴ *АВПРИ. Ф. 180.* Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2321. 1857 г. Сараево. Л. 119.
- ¹⁵ См., например: *Мельчакова К.В.* «Благочестивый обманщик» митрополит Дионисий в Боснии и Герцеговине в 1860–1870-е годы (по материалам донесений российских консулов) // *Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы молодежной научной конференции в рамках Дней славянской письменности и культуры.* 22–23 мая 2018 г. /отв. ред.: Е.С. Узенёва, О.В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 59–63. DOI 10.31168/2619-0869.2018.1.4.3. ISSN 2619-0869.
- ¹⁶ Освободительная борьба народов Боснии и Герцеговины и Россия. С. 52–53.
- ¹⁷ Так в тексте документа.
- ¹⁸ *АВПРИ. Ф. 180.* Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2322. 1858 г. Сараево. Л. 27.
- ¹⁹ Там же. Л. 27 об.
- ²⁰ Как правило для перехода из православия в католицизм достаточно попросить католического священника о принятии в лоно Церкви.
- ²¹ *АВПРИ. Ф. 180.* Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2322. 1858 г. Сараево. Л. 27 об–28.
- ²² Там же. Л. 29–29 об.
- ²³ Там же. Л. 194–196.
- ²⁴ Там же. Л. 194 об.
- ²⁵ Подробнее о С. Скедеровой см.: *Хаџи Стака Скендерова и српска култура у Босни и Херцеговини.* Тематски зборник. Бањалука: Народна и универзитетска библиотека Републике Српске, 2017.
- ²⁶ Так в тексте документа.
- ²⁷ *АВПРИ. Ф. 180.* Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2322. 1858 г. Сараево. Л. 195–195 об.
- ²⁸ Там же. Л. 226–229 об.
- ²⁹ Там же. Л. 226 об.-227.
- ³⁰ Там же. Л. 227 об.

- 31 С открытием российского консульства в Сараеве из России начала поступать помощь православным церквям и школам региона от Святейшего Синода и общественных благотворительных организаций.
- 32 Подробнее см.: Мельчакова К.В. Сараевская школа для девочек Стаки Скендеровой и Россия // Мельчакова К.В. Босния и Герцеговина в общественно-политической жизни России в 1856–1875 гг. М.: Индрик, 2019. С. 238–265.
- 33 АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2322. 1858 г. Сараево. Л. 229.
- 34 О положении мусульманских женщин в Османской империи см.: Леонтьева А.А. К вопросу о положении мусульманских и христианских женщин в османском обществе XVII–XVIII вв. (по данным кадийских регистров Софии) // Slovanský svět: známý či neznámý. Červený Kostelec, Praha, 2013. S. 149–156.
- 35 АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2322. 1858 г. Сараево. Л. 229 об.
- 36 Там же.
- 37 Там же. Л. 98 об.
- 38 А.Ф. Гильфердинг перевел на русский язык и опубликовал его сочинение: Памучина И. Жизнь Али-паши Ризванбеговича, стольчанина, визиря Герцеговинского // Собрание сочинений А. Гильфердинга. Т. 3. СПб., 1873. С. 329–378. С 1860 по 1864 г. Памучина являлся неофициальным митрополитом Герцеговины. Подробнее о нем см.: Ковачевић В. Живот и део Јоаникија Памучине. Пале: Српско просветно и културно друштво «Просвета», 2009.
- 39 АВПРИ. Ф. 161. Главный архив. У-А2. Д. 301. Л. 105–106. Копия документа была получена автором статьи в архиве Отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН. Актуальный на сегодняшний день шифр: АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 301. Л. 105–106.
- 40 АВПРИ. Ф. 161. Главный архив. У-А2. Д. 807. Л. 36–36 об. Копия документа была получена автором статьи в архиве Отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН. Актуальный на сегодняшний день шифр: АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 807. Л. 36–36 об.
- 41 АВПРИ. Ф. 161. Главный архив. У-А2. Д. 807. Л. 41–42 об. Копия документа была получена автором статьи в архиве Отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН. Актуальный на сегодняшний день шифр: АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. Д. 807. Л. 41–42 об.
- 42 О реформах Османской империи в Боснии и Герцеговине см.: Ali i S.M. Ure enje Bosanskog ejaleta od 1789. do 1878. godine. Sarajevo: Orijentalni Institut u Sarajevu, 1983; Олюнин С.В. Боснийский эялет в конце XVIII–70-х гг. XIX столетия: османский опыт модернизации традиционного общества. М.: Академия гуманитарных исследований, 2006.
- 43 О социально-экономическом положении населения Боснии и Герцеговины см.: Кондратьева В.Н. Русские дипломатические документы об аграрных отношениях в Боснии и Герцеговине (60–70-е годы XIX в.). М.: Наука, 1971.

ВОПРОС О ПОДДАНСТВЕ РУССКИХ МОНАХОВ НА АФОНЕ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-БРИТАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ XIX в.*

И. Ю. Смирнова

Вопрос об официальном покровительстве России «Русскому Афону» — многочисленной (к концу XIX-го столетия многократно возросшей) братии, по разным причинам оказавшихся в османских пределах, но относивших себя к подданным Российской империи¹, является одним из наиболее важных для истории русского духовного присутствия в Восточном Средиземноморье. Однако, несмотря на встречающиеся в историографии отдельные работы², процесс принятия решений по этому вопросу в российских синодальном и дипломатическом ведомствах остается не вполне исследованным.

В этом отношении особый интерес представляет документ, обнаруженный автором в отделе рукописей Института рукописей Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского, — справка о русском монашестве на Афоне от 31 декабря 1881 г., составленная юристконсультом Св. Синода В. П. Мордвиновым, в которой представлен исторический обзор тех мер, которые были приняты в Министерстве иностранных дел и Всероссийском Святейшем Правительствующем Синоде в отношении русского монашества на Святой Горе³. Наряду с другими документами, обзор Мордвинова позволяет выявить позицию российского правительства по вопросу о подданстве русских монахов, представлявшему на протяжении XIX в. для Русского Афона особую актуальность.

На протяжении всего столетия к российским представителям при Порте направлялись ходатайства русских афонитов о «дозволении состоять под непосредственным покровительством Российского правительства»

* Работа выполнена в соответствии с госзаданием ИСЛ РАН в рамках Программы фундаментальных исследований по направлению «Россия и Ближний Восток: исторические, политические и культурные контакты и взаимосвязи» в 2023 г.

— так Русский Афон взывал о помощи и выражал надежду на дипломатическую защиту и поддержку российских дипломатов.

Вопрос о дипломатической поддержке был тесно связан с вопросом о признании в России монашества тех русских подданных, кто принял постриг на Афоне. Отношения русского монашества за рубежом с российскими духовными и светскими властями к началу 1880-х гг. имел более чем вековую историю, которую позволяют проследить документы российских и зарубежных архивов. Так, указом Святейшего Синода от 11 апреля 1774 г. было постановлено, «постригающихся за границей и по пострижении в Россию выходящих монашества лишать и оставлять их, на основании объявленного в ведении Правительствующего Сената, 1762 года декабря 14 дня, указа в ведомстве светских команд»⁴.

До начала XIX в. вопрос «о правах русских подданных, соединенных с монашеским званием, приобретенным ими за границей», не возбуждался. Лишь после издания 15 марта 1801 г. Высочайшего манифеста, объявлявшего о «даровании прощения всем бежавшим из России до издания означенного Манифеста», появились желающие из русских постриженников за рубежом вернуться в отечество⁵. 11 октября 1801 г. в отношении таких монахов последовало Высочайшее соизволение: «Таковых монахов, яко российских подданных, принимая, отсылать к архиереям с тем, дабы сии, удостоверясь в истине пострижения оных, распределяли их по монастырям, буде же приходящие монахи, по свидетельству архиереев, окажутся непостриженными в монашество, таковых обращать в светское правительство для водворения в состояние по узаконениям»⁶. То есть признавались и российское подданство и факт пострижения за границей, но для последнего требовалось удостоверение в том, что он имел место.

На основании Высочайшего повеления от 11 октября 1801 г. последовали два синодальных указа. Первым из них, от 20 января 1802 г., предписывалось, что русских монахов, принявших постриг в заграничных монастырях, принимать в русские монастыри не иначе как после того, как справки и свидетельства о их пострижении, предоставленные «через посредство военных губернаторов, или от кого присланы будут, и пребывающего в Яссах российского генерального консула», будут рассмотрены Святейшим Синодом.

8 июня 1803 г. было принято синодальное определение в отношении возвращавшихся из-за границы монахов, в котором говорилось, что если свидетельств об их постриге от тех монастырей, в которых они пребывали, окажется недостаточно, то при допросах в духовных консисториях у них следует взять показания, не могут ли засвидетельствовать об их постриге другие монахи, бывшие в тех же монастырях и вышедшие вместе с ними в Россию. И если те подтвердят их показания или если «по духовному испытанию совести их не окажется никакого сомнения», то не требуя других справок определять их в число братии российских монастырей.

Если же постриг не будет засвидетельствован или при духовном испытании возникнут сомнения в его действительности, таких лиц «отсылать яко не постриженных в монашество, под светским именем, на основании Высочайшего повеления 1801 года октября 11 дня в гражданское правительство для водворения в состояние по узаконениям». В отношении монахов, не только принявших за границей постриг, но и посвященных в священный сан, синодальным указом предписывалось, что в случае непредъявления соответствующих документов при определении их в монастыри (в соответствии с общими основаниями) не допускать их к священнослужению до тех пор, пока не будут предоставлены неопровержимые свидетельства об их рукоположении⁷.

Синодальные указы от 20 января 1802 г. и 8 июня 1803 г., установившие условия признания монашеского пострига и сана, полученных российскими подданными за рубежом, не были «общей мерой», а распространялись лишь на тех лиц, которые возвращались в Россию после издания Манифеста от 15 марта 1801 г.

Следующее постановление, касавшееся прав русских монахов, принявших постриг за границей, было принято в 1816 г. после того, как московский мещанин, постриженный в монашество в Иерусалиме, вернувшись в Россию, ходатайствовал об определении его в число братства Московского Ставропигиального Симонова монастыря в его монашеском звании⁸.

Святейший Синод, ссылаясь на то, что пострижения, совершаемые за границей (без предварительного испытания в соответствии с установленными правилами и без дозволения Святейшего Синода), «противны коренным российским узаконениям», постановил испросить Высочайшее соизволение, чтобы «впредь никто из российских подданных, выходящих за границу для поклонения святым местам, не были постригаемы там в монашество ни по каким представляемым от них увольнительным видам, кроме тех, коим дано будет от Святейшего Синода на пострижение их в монашество письменное дозволение»⁹. Заключение Синода поддержал и Комитет Министров, однако согласно Высочайшей воле, объявленной Св. Синоду 13 июля 1816 г., текст постановления был существенно смягчен: «Российским подданным не возбраняется поступать в монашество, если они намерены уже навсегда остаться за границей, в противном случае подстригаться не дозволять, а предоставить им на волю проходить там одни послушания или искусы, и по возвращении в отечество представлять свидетельство тамошнего духовного начальства, если пожелают здесь постричься в монашество»¹⁰.

Высочайшее повеление о непризнании в России монашеского звания «за теми из возвратившихся в Россию из-за границы русских подданных, которые получили монашеское пострижение за пределами Империи от иностранных духовных властей», не изменялось и не отменялось

до конца XIX в., хотя известны случаи отступления от правил, допускаемым на практике правящими архиереями по непосредственному распоряжению Св. Синода*. Отступление заключалось в том, что лицам, получившим за границей монашеское звание и рукоположенным в священный сан до иеромонаха включительно разрешалось сохранить монашество и сан при условии прохождения трехлетнего искуса и в том случае, если епархиальное начальство дозволит допустить их «к прохождению служения в монашестве и священстве».

Важным шагом в отношении признания русскоподданных монахов за границей стало получившее Высочайшее утверждение положение Комитета министров от 1 мая 1834 г. о «Всемилоостивейшем прощении, дарованном находящимся в турецких владениях российским подданным, самовольно туда отлучившимся, которые, кроме побега, никакого другого преступления не учинили»¹¹. В отношении тех, кто возвращался в Россию в духовном звании, приняв за рубежом постриг и священный сан и имея о том «несомнительные доказательства», указом Св. Синода от 19 марта 1836 г. предписывалось принимать их в монастыри в качестве послушников и подвергать трехлетнему испытанию в нравственности и образе монашеской жизни. Тех же из монашествующих, которые не смогут предоставить свидетельства о постриге и рукоположении, было велено «оставлять в распоряжении гражданского начальства по прежним предписаниям, изложенным в Высочайшем повелении, объявленном 11 октября 1801 года и в указах Святейшего Синода от 8 июня 1803 года»¹².

Объявленное в 1834 г. «Всемилоостивейшее прощение» внушило русским инокам Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне надежду на «потепление» духовного климата в России в отношении русского монашества за рубежом. В этой связи в российскую дипмиссию в Константинополе через посредство В. П. Давыдова, посетившего Святую Гору во время путешествия по Востоку, поступило прошение русских святогорцев от 13 сентября 1835 г. на Высочайшее имя «о разрешении монахам Святогорской обители состоять под непосредственным покровительством Российского правительства»¹³.

В прошении, подписанном строителем иеросхимонахом Павлом и еще 14 насельниками Русского Свято-Пантелеимоновского монастыря, обращалось внимание на то, что все они — российские подданные, постриженные в монашество на Афоне, «пришли на Святую Гору из России с дозволения начальства, имея целью посвятить остаток жизни нашей на покаяние». Однако реалии были таковы, что «русский» по имени монастырь оказался «почти исключительно наполнен греками», не позволявшими русским инокам совершать богослужение на отечественном языке. Претерпевая

* С 1865 г. разрешение пострижения в монашество было предоставлено на усмотрение епархиальных архиереев.

и другие притеснения, в том числе «от местного начальства», испытывая «крайнюю нужду в защите и покровительстве», русские афониты просили о том, чтобы «находиться, как и прочие единоверцы наши и Вашего Императорского Величества подданные, под защитой нашего царя»¹⁴.

Препровождая прошение русских монахов на рассмотрение Николая I, граф К. Нессельроде выразил мнение, что «к удовлетворению одного не представляется правильной возможности»¹⁵. Те же слова содержало ответное послание вице-канцлера к А. П. Бутеневу от 16 декабря 1835 г., но уже в качестве «Высочайшего соизволения». Тем самым граф Нессельроде подписал вердикт русскому монашеству на Святой Горе, на многие десятилетия оставив российских подданных без дипломатической защиты.

Между тем, с 1840-х гг. Афон неоднократно оказывался в центре внимания Российского Императорского Дома — после визита великого князя Константина Николаевича (1845 г.) посещение Святой Горы членами Императорской Фамилии стало фактически традицией. В 1860-х — 1880-х гг. там побывали великие князья Алексей Александрович (1867), Константин Константинович (1881). Случалось так, что вблизи Афона оказывались и представительницы императорской семьи — так, в июне 1881 г. на борту русского парохода у пристани Дафни находилась великая княгиня Александра Петровна. Эти визиты укрепляли связи Русского Афона с Россией, способствовали авторитету русского монашества, вызывая вместе с тем обеспокоенность всякого рода недоброжелателей возраставшим влиянием русских обителей на Святой Горе.

Явная поддержка Императорского Дома и подчеркнутое внимание к русскому иночеству на Афоне играли, безусловно, крайне важную роль, но еще более ценной для него была уверенность в дипломатической поддержке. Такую поддержку на протяжении нескольких десятилетий оказывал русским святогорцам Николай Павлович Игнатъев, назначенный в 1864 г. посланником дипломатической миссии (с 1867 г. — посольство) при Порте. Его «милостивое внимание» к обители и «обещание высокого покровительства»¹⁶ внушило русской братии Свято-Пантелеимонова монастыря мысль возобновить ходатайства об официальном покровительстве со стороны России русскому монашеству на Афоне.

«При благотворительном к обители нашей со стороны благодеющей России внимании, — писали к Игнатъеву духовник Иероним (Соломенцов) и иеромонах Макарий (Сушкин) в 1866 г., — не видно к ней со стороны последней внешнего, официального торжественного политического покровительства. Но всем известно, что на политическом горизонте бывают разные перемены — и приятные, и неприятные, вследствие чего мы и решили утруждать Вас Ваше Высокопревосходительство, всепокорнейшею нашею просьбой — исходатайствовать нам и внешнее официально-торжественное политическое покровительство благословенной России»¹⁷.

Тогда, в 1866 г., речь шла не только о русских, но и о греко-славянских насельниках Русского монастыря, которые, по уверению старцев, «не отстают от русских в желании сего могущественного покровительства». Одним из аргументов была «небеструдная, но полезная задача духовного союза разноплеменных национальностей». Официальное покровительство России единоверным народам становилось все более актуальным при постоянных усилиях католиков и протестантов доказать, что «будто бы Русская и Греческая Церковь разошлись так далеко между собою, что единоверие их существует только на бумаге»¹⁸.

Несмотря на то, что вопрос об «политическом покровительстве» больше не поднимался, оказание дипломатической поддержки Русской обители Игнатъев взял на себя, находясь в постоянной переписке с ее руководством и в личных контактах с его представителями в Константинополе. Он инициировал вопрос о дозволении устроить часовню Свято-Пантелеимонова монастыря в Москве. К нему за помощью обратились игумен обители Герасим и духовники русской братии в связи с выходом в 1871 г. циркуляра «об изменении правил относительно пропуска в Россию лиц православного заграничного духовенства», одним из пунктов которого запрещал въезд в империю «(вопреки указу 11 июля 1816 г., русским подданным по происхождению, принявшим пострижение за границею»¹⁹.

Помимо собственного участия в делах Свято-Пантелеимоновой обители, посол привлекал к тому генеральных консулов в Солуни, содействуя налаживанию личных контактов дипломатов с представителями русского святогорского монашества. Позиция посла, обеспечивавшая де-факто необходимое и столь желанное покровительство, вызывала глубокую признательность со стороны русских афонитов, стремившихся к тому, чтобы обитель при назначении новых генконсулов в Солунь «с самого начала не состояла в отчуждении от представителя русской власти»²⁰. При содействии Игнатъева в Константинополе в 1872 г. состоялась встреча русских афонитов с великим князем Николаем Николаевичем, планы которого посетить Афон не осуществились.

В критический для обители момент, когда русские святогорцы в полной мере испытали на себе враждебное отношение со стороны греческой братии, слова Игнатъева, что он «русский и русских всегда будет защищать, поставит их на твердую почву и посмеяться над ними противникам их не даст», произвели сильное впечатление на Протат и в значительной степени способствовали погашению межэтнического конфликта. Но посол, хотя пользовался поддержкой в лице солунского генконсула и имел сильного куратора в «афонском деле» в лице А. Н. Муравьева, тем не менее действовал на свой страх и риск, без какой бы то ни было «отмашки сверху». Спустя годы, выражая Игнатъеву долг признательности, афонские старцы писали: «Конечно, Вашему Сиятельству памятно, что во время нашего бывшего

процесса мы только в Вас имели своего защитника, отца и благодетеля, и как это бывало на деле, что и в малое Ваше отсутствие из Константинополя, дело наше отодвигалось назад, это и почти всегда так было»²¹.

И все же, несмотря на «личную», а не «официальную» инициативу, решительное заступничество посла внушало русским афонитам надежду: «При помощи Божией и Вашем мощном покровительстве мы будем впредь жить на Святом Афоне самостоятельно, под защиту Русского Правительства или в подданстве его, как уж Господь внушит Вам устроить будущую судьбу нашу»²². И действительно Русский Афон был сохранен, в России вскоре устроилась новая его обитель, но вот до «официально-торжественного покровительства благословенной России» дело так и не дошло.

Очередной раунт по делу об официальном патронате русского монашества на Святой Горе начался в мае 1880 г., когда генеральный консул в Македонии М. А. Хитрово (1878–1881) вновь поднял вопрос «о необходимости узаконить и устроить положение русского монашества на Афоне без стеснения свободы его внутреннего духовного смысла»²³. Среди доводов генконсула были не только соображения «законности и пользы монашества вообще», в том числе в русских обителях на Афоне (Свято-Пантелеимонова монастыре и скитах во имя Св. Апостола Андрея Первозванного и Св. Пророка Илии), но и условия, в которых находились русские иноки на Святой Горе. Среди последних Хитрово отмечал продолжавшуюся «борьбу за свое существование с монахами, принадлежащими к греческой национальности»; притеснения русских келлиотов монастырями, на чьих землях ими были устроены келлии; неоднократные случаи «неразборчивого и нередко за деньги» пострижения и посвящения в священный сан в греческих монастырях на Афоне таких выходцев из России, «которые поступками и проделками своими бросают неблагоприятную тень на русское афонское монашество вообще». В ноябре 1879 г. в отношении таких лиц, возвращавшихся в отечество в духовном звании, правительством России были приняты меры*, нашедшие отражение в послании Вселенского Патриархата к афонскому Протату от 22 декабря 1879 г., которыми воспрещалось афонским монахам выезжать за границу без обращения Священного Кинота к Патриарху и рекомендации последнего в места, куда отправляются монашествующие.

Главным же поводом для обращения Хитрово в МИД послужило сложившееся в отношении русских святогорцев положение, в силу которого они «считаются почему-то как бы утрачивающими права русского подданства, а русское правительство, отказываясь от полного покровительства над личностями русских иноков и над их учреждениями на Афоне, тем самым лишает себя возможности иметь непосредственный и действительный за ними надзор»²⁴.

* Циркуляр Министерства внутренних дел губернаторам от 28 ноября 1879 г..

Принимая во внимание условия Сан-Стефанского договора (ст. 22²⁵) и Берлинского трактата (ст. 62²⁶), позволяющими России «полную возможность заявить и осуществить права официального с ее стороны покровительства над русскими монашествующими лицами, прибывающими на Афоне и над их учреждениями», Хитрово полагал целесообразным и своевременным принять следующие меры:

1). отменить действовавший в России запрет признавать священство и монашество тех русских, которые, получив духовные звания на Афоне, вернулись в Россию, но вместе с тем принять постановление, что «принятие монашества на Афоне не лишает права на русское подданство и не избавляет от обязанностей, с сим званием сопряженных».

2) При посредстве генерального консула нашего в Македонии и игумена Русского Свято-Пантелеимонова монастыря составить полный список русских иноков на Афоне, и по согласовании с Вселенским Патриархом, подтвердить оставшееся без исполнения распоряжение бывшего Патриарха Анфима от 3 ноября 1871 г., чтобы русские, желавшие принять монашество и священство на Афоне, имели на то свидетельства от игумена Свято-Пантелеимонова монастыря как «единственного вполне самостоятельного русского учреждения на Афоне»;

3) по согласовании с Константинопольским Патриархом, а) поручить общий надзор за русскими монашествующими на Святой Горе игумену Русского Пантелеимоновского монастыря; б) предоставить тому же игумену право удалять с Афона при посредстве генерального консульства в Македонии «лиц, явно нарушающих благочиние и подающих поводы к соблазнам»; в) вменить в обязанность игумену Русского монастыря сообщать в генеральное консульство о всех русских, принимающих монашество на Афоне, с препровождением в генеральное консульство принадлежавших им паспортов, увольнительных свидетельств и других документов для обращения в случае необходимости к местным русским властям и учреждениям, а также извещать генеральное консульство «о всяком смертном случае между лицами русского происхождения на Афоне»; г), русским монашествующим на Афоне позволять выезд с Афона не иначе как со свидетельством, выдаваемым генеральным консульством в Македонии чрез посредство игумена Русского Пантелеимонова монастыря²⁷.

Таким образом, меры, предложенные генконсулом в рамках условий последних международных трактатов, предполагали тесное взаимодействие игумена Русского монастыря с генеральным консулом, которому предоставлялись функции светского надзора и контроля как за порядком среди русских на Афоне, так и за перемещениями русских афонитов вне пределов Святой Горы.

Однако мнение Хитрово подверглось резкой критике юрисконсультта Св. Синода В. П. Мордвинова, обратившего внимание не столько

на «дипломатическую» часть, предполагавшую поставить русских святогорцев под официальный контроль российских представительства на Православном Востоке, сколько на предложенные изменения в действующих правилах, запрещавшие признание в России приобретенного за рубежом священства и монашества. «Последствием сего, — говорилось в особой записке от 31 декабря 1881 г., представленной обер-прокурору Св. Синода, — было бы признание, и именно в России, в монашестве и священстве всех русских подданных, получивших пострижение, а затем и рукоположение, на Афоне. Этого, конечно, и домогается г. Хитрово, в тех, как он выражается, видах, чтобы упрочить положение русского монашества на Афоне»²⁸.

Делая акцент на том, что заботы высшего духовного ведомства состоят в первую очередь в «благоустройении монашеского жития в России, а не в других странах, на которые юрисдикция его не распространяется», Мордвинов обращал внимание на то, что меры, ограничивавшие признание духовного звания заграничных постриженников, «вызывались и до настоящего времени продолжают вызываться непрерывным со стороны означенных лиц рядом неблагоприятных поступков и проделок», а потому, не видя гарантий в прекращении этого зла, полагал принятие предположений Хитрово нежелательным²⁹.

Не видел он оснований и в поручении игумену Русского Пантелеимоновского монастыря на Афоне общего надзора за всеми русскими святогорцами, как и в возложении на него ответственности за их пострижение и рукоположение, полагая, что при смене настоятеля нет никаких гарантий, что преемник его будет обладать «всеми теми качествами, которые необходимы для всеобщего доверия в правильности его действий». Участие же Русской Церкви в избрании игумена Афонского Свято-Пантелеимоновского монастыря, относящегося к юрисдикции Вселенского Патриархата, как справедливо отмечалось в записке, «было бы не согласно с каноническими правилами»³⁰.

Не преминул синодальный юрисконсульт указать и на допущенную Хитрово неточность, что русские, принявшие постриг на Афоне, «считаются как бы утратившими русское подданство». Действительно, факт принадлежности к российским подданным никогда не оспаривался при принятии тех или иных законов в отношении русских святогорцев, несмотря на издание в 1876 г. канонизма, которым «все святогорские монахи, независимо от их национальности, объявлялись подданными Османской империи»³¹.

Что же касалось признания официального покровительства русскому монашеству со стороны российского правительства (на что, собственно, и были направлены предложения солунского генконсула, лучше других понимавшего ситуацию на Афоне), то в этом вопросе Мордвинов, не вникая в суть дела, сослался на то, что упреки Хитрово в адрес правительства, «отказывающегося от полного покровительства над личностями русских

иноков и над их учреждениями на Афоне», не оправдываются действительностью, поскольку «русским монашеским учреждениям на Афоне разрешается производство денежных сборов и оказывается надлежащее, в потребных случаях, содействие к удовлетворению их нужд»³². Заключение Мордвинова — оставить представление Хитрово без последствий как не имевшее «ни оснований, ни надобности» — содействовало соблюдению status quo в вопросе о патронате Русскому Афону. Несмотря на конкретные, вполне реализуемые меры, предложенные М. А. Хитрово.

Обращение к истории церковной дипломатии России в контексте «афонского вопроса» показало, что в формировании такого феномена, как «Русский Афон», далеко не последнюю роль играла внешнеполитическая ситуация в Средиземноморье, и прежде всего российско-британское соперничество. Уже в начале 1830-х гг. наблюдается пристальный интерес к Православному Афону со стороны британских военных, дипломатов и политиков, изучаются и апробируются необходимые инструменты и каналы влияния в мультинациональной среде монашествующих, о чем свидетельствует внимание британских визитеров к демографической ситуации на Святой Горе и к структуре административного подчинения афонских монастырей Вселенскому Патриарху и султану.

Великобритания, «интересы», которой, по утверждению Пальмерстона, были «диаметрально противоположны русским»³³, должна была выстраивать отношения с Османской империей и Грецией в условиях конкуренции с Православной Россией, авторитет которой как «главной православной державы» в глазах православных народов на Востоке не подвергался сомнению. Чтобы выиграть в этой борьбе, британским дипломатам пришлось предпринимать значительные усилия, направленные на ослабление межправославного единства и межцерковных связей России и Восточных Православных Церквей; избрание «нужных», то есть антироссийски настроенных кандидатов на кафедры Поместных Церквей и прежде всего на Константинопольский престол.

Особенности внешнеполитических стратегий двух держав в османском регионе в полной мере проявились и в вопросе политического патроната, не менее остро стоявшим для британской дипломатии как на Афоне, так и на Православном Востоке в целом. Издание в ноябре 1850 г. фирмана о патронате Британии протестантам Османской империи, покровительство британских дипломатов грекам-ионитам на Святой Горе, вмешательство в дела «монастырских имений» в Молдо-Влахии и т.д. — показало, что усилия британской дипломатии, направленные на получение права официального протектората над подданными Британии на Афоне и установление тесных контактов со Священным Кинотом, были успешно реализованы на практике: там, где обреталась немногочисленная братия ионических греков, британские дипломаты активно вступали в игру, запуская

в движение все механизмы официальной защиты и поддержки, как можно видеть на примере не только «паркеровских событий», но и «ионического вопроса» как важного инструмента британской геополитики не только на Афоне, но и на всем Православном Востоке.

При этом Россию с завидным постоянством обвиняли в «попытках вытеснить греков» со Святой Горы с тем, чтобы «забрать будто бы в свои руки весь Афон»³⁴. Русским приписывались самые «изворотливые методы» вплоть до «определенных завоевательных замыслов»³⁵. Дипломатическое соперничество великих держав отражалось и на других сторонах святогорской жизни, вызывая противостояние в мультинациональной среде афонитов.

Визиты на Афон членов Императорской Фамилии и российских представителей при Порте, игравшие существенную роль для русских святогорцев, не могли, в силу своей эпизодичности, служить надежной защитой от недовольства со стороны греков, а, напротив, невольно становились поводом к раздражению и возбуждению межэтнического противостояния. Гарантом дружеского расположения к России не служили ни многочисленные многолетние сборы в России на нужды афонских обителей, ни значительные доходы с монастырских имений в Бессарабии и на Кавказе. Но главный и наиболее критический перелом в греко-славянских отношениях на Афоне наступил в связи с церковной политикой Александра Кузы, нанесшей чувствительный удар по материальному состоянию афонских обителей и спровоцировавший чрезмерное внимание на Афоне к вопросам монастырской собственности.

Закон о секуляризации А. Кузы, а вслед затем и секвестровая политика России как ответ на Болгарскую схизму и злоупотребления поверенных греческих монастырей в России послужили катализатором ряда межэтнических конфликтов среди афонитов (о чем, в частности, свидетельствует факт плавного перетекания «греко-болгарской схизмы» в греко-российский кризис на Афоне), разрешение которых не обходилось без вмешательства европейских дипломатий. Бессилие Патриархов и высшей духовной власти на Афоне («Патриарх преисполнен благих намерений, а равно и большинство членов Синода, но духовенство бессильно и руководится вожаками светскими, ведущими Церковь к разрушению и гибели»³⁶), непонимание афонских реалий ни в МИДе, ни в Синоде («Петербург совершенно бессилён и даже благоприятствует грекам, хотя и представляет вид беспристрастия»³⁷), и как следствие не всегда успешные усилия российских дипломатов, в одиночку выступавшие против европейской дипломатии и Фанара в защиту русских афонитов — все это вместе привело к опасной и тяжелой ситуации на Святой Горе.

В результате тайных интриг и русофобских настроений на Афоне обозначились первостепенные направления «афонской политики» России: со

всей остротой вставали (и решались) такие вопросы как устройство подворья Русского Пантелеимонова монастыря в Москве или преобразование греко-русского Свято-Пантелеимонова афонского монастыря в «собственно русский монастырь со своим, русским, антиприсоединением в Протате, по примеру сербского и болгарского монастырей»³⁸. Однако вопрос об официальном покровительстве России русским святогорцам до конца столетия так и не дождался своего решения, несмотря на то, что сразу после Греческой революции Афон оказался в центре геополитических устремлений великих держав, и так называемый Афонский вопрос являлся неотъемлемой частью вопроса Восточного.

В этом отношении российские политики заметно отставали от своих британских коллег: несмотря на благоприятные условия международных договоров, российское правительство избегало официально поддерживать полуторатысячную братию русских святогорцев³⁹, опасаясь неизбежной конфронтации с османскими властями и западными державами и довольствуясь «моральной поддержкой»⁴⁰ и полуофициальным участием российских дипломатов в делах Русского Афона. И это в то время, когда авторитет и влияние держав, протекторат которых определял статус и положение тех или иных этнических общин, служили основным критерием эффективности дипломатической работы на Христианском Востоке.

- ¹ Известно, что в 1846 г. в Свято-Пантелеимоновом монастыре было до 40 человек; в начале 1870- гг. на Афоне было до 1000, а к 1880 г. — около 1500 русских иноков.
- ² Герд Л. А. Русский Афон. 1878–1914 гг. Очерки церковно-политической истории. М.: Индрик, 2010; Пахомов П., диак. «Высокий деятель христианских добродетелей и великий защитник русских»: граф Игнатъев и русский Пантелеимонов монастырь // Граф Н. П. Игнатъев и русский Свято-Пантелеимонов монастырь на Афоне. Сер. «Русский Афон XIX–XX веков». Т. 12. Святая Гора Афон, 2016. С. 495–694 и др.
- ³ ИР НБУ им. В. И. Вернадского. Ф. XIII. Ед. хр. 576. Л. 1–22.
- ⁴ Донесение митрополита Филарета Святейшему Синоду по поводу ходатайства обители Св. Пантелеимона на Афоне о разрешении иметь подворье в Москве. 9 марта 1850 г. // Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам. Т. Доп. СПб., 1887. С. 291.
- ⁵ Справка о русском монашестве на Афоне. С.-Петербург, 31 декабря 1881 г. // ИР НБУ. Ф. XIII. Ед. хр. 576. Л. 6об.
- ⁶ Там же. Л. 7–7об.
- ⁷ Там же. Л. 8–9об.
- ⁸ Там же. Л. 10об.
- ⁹ Там же. Л. 11–11об.
- ¹⁰ Там же. Л. 12.
- ¹¹ Там же. Л. 14.

- ¹² Там же. Л. 14об.-15.
- ¹³ Прощение русских монахов на Высочайшее имя. Святая гора Афон, 13 сентября 1835 г. // АВПРИ. Ф. 161. СПбГА. II-9. Оп. 46. 1835. Ед. хр. 7. Л. 2–2об.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Всеподданнейшая записка вице-канцлера графа К. В. Нессельроде. Санкт-Петербург, 7 декабря 1835 г. // Там же. Л. 4.
- ¹⁶ Письмо от 29 ноября 1864 г. // Граф Игнатъев и Русский Свято-Пантелеимонов монастырь на Афоне. Т. 12. Святая Гора Афон, 2016. С. 13.
- ¹⁷ Переписка Н. П. Игнатъева со старцами Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Святой Горе Афон. 1864–1907 гг. М., 2018. С. 103.
- ¹⁸ Письмо 1866 г. // Граф Игнатъев и Русский Свято-Пантелеимонов монастырь на Афоне. Т. 12. Святая Гора Афон, 2016. С. 15–16.
- ¹⁹ Письмо 1871 г. // Там же. С. 40.
- ²⁰ Письмо от 2 октября 1869 г. // Там же. С. 35–36.
- ²¹ Письмо от 1 августа 1881 г. // Там же. С. 196.
- ²² Октябрь 1874 г. // Там же. С. 77.
- ²³ Справка о русском монашестве на Афоне. С.-Петербург, 31 декабря 1881 г. // ИР НБУ. Ф. XIII. Ед. хр. 576. Л. 1.
- ²⁴ Там же. Л. 2–3об.
- ²⁵ Статья XXII Сан-Стефанского предварительного мирного договора от 19 февраля/3 марта 1878 г. гласила: «Русские духовные лица, паломники и иноки, путешествующие или пребывающие в Европейской и Азиатской Турции, будут пользоваться теми же правами, преимуществами и льготами, как иностранные духовные лица других народностей. За императорским посольством и за русскими консульствами в Турции признается право официальной защиты как вышеозначенных лиц, так и их имуществ, а равно духовных, благотворительных и других учреждений в святых местах и в других местностях. Афонские монахи русского происхождения сохраняют свои имущества и прежние льготы и будут продолжать пользоваться в трех монастырях, им принадлежащих, и в зависящих от них учреждениях теми же правами и преимуществами, которые обеспечены за другими духовными учреждениями и монастырями Афонской Горы» (Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 172).
- ²⁶ Ст. 62 Берлинского трактата от 1/13 июля 1878 г.:
«Так как Блистательная Порта выразила твердое намерение соблюдать принцип религиозной свободы в самом широком смысле, то договаривающиеся стороны принимают к сведению это добровольное заявление.
Ни в какой части Османской империи различие вероисповедания не может подавать повода к исключению кого-либо или непризнанию за кем-либо правоспособности во всем том, что относится до пользования гражданскими и политическими правами, доступа к публичным должностям, служебным занятиям и отличиям, или до отправления различных свободных занятий и ремесл.
Все будут допускаемы, без различия вероисповеданий, свидетельствовать в судах.
Свобода и внешние отправления всякого богослужения обеспечиваются за всеми,

и никакие стеснения не могут быть делаемы в иерархическом устройстве различных религиозных общин и в сношениях их с их духовными главами.

Духовные лица, паломники и иноки всех наций, путешествующие в Европейской или Азиатской Турции, будут пользоваться одинаковыми правами, преимуществами и привилегиями.

Право официального покровительства признается за дипломатическими и консульскими агентами держав в Турции, как по отношению вышепоименованных лиц, так и их учреждений духовных, благотворительных и других на Святых местах и в других местностях.

Права, предоставленные Франции, строго сохраняются за ней и, само собою разумеется, что *status quo* на Святых местах не может подвергнуться никакому нарушению.

Иноки Афонской горы, из какой бы они ни были страны, сохраняют свои имущества и будут пользоваться без всяких исключений полным равенством прав и преимуществ» (Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 205–206).

²⁷ Справка о русском монашестве на Афоне. С.-Петербург, 31 декабря 1881 г. // ИР НБУ. Ф. XIII. Ед. хр. 576. Л. 4–6.

²⁸ Там же. Л. 18об.

²⁹ Там же. Л. 19–19об.

³⁰ Там же. Л. 20–20об.

³¹ Герд Л. А. Русский Афон. 1878–1914 гг. Очерки церковно-политической истории. М., 2010. С. 54.

³² Там же. Л. 21–21об.

³³ Виноградов В. Н. Британских лев на Босфоре. М., 1993. С. 43.

³⁴ Письмо архим. Антонина Антонина (Капустина). Иерусалим, 5 октября 1887 г. // Письма выдающихся церковных и светских деятелей России старцам Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне. Т. 10. Святая Гора Афон, 2015. С. 290.

³⁵ Hasluck F.W. Athos and its Monasteries. Cambridge, 1924. P. 59.

³⁶ Письмо Н. П. Игнатъева к А. Н. Муравьеву. Буюк-Дере, 8/20 августа 1874 г. // Андрей Николаевич Муравьев и российская дипломатия на Православном Востоке. М., 2019. С. 463.

³⁷ Письмо А. Н. Муравьева к Н. П. Игнатъеву. Андреевский скит, 10 мая 1874 г. // Там же. С. 452.

³⁸ Там же. С. 451–452.

³⁹ О вопросе признания *de facto* российского подданства русских монахов на Афоне в 1900-е гг. см. подробнее: Герд Л. А. Русский Афон. 1878–1914 гг. Очерки церковно-политической истории. М., 2010. С. 54–60.

⁴⁰ Герд Л. А. Русский Афон. 1878–1914 гг. Очерки церковно-политической истории. М., 2010. С. 12.

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ

**БАРАНОВА С.И., ИЕРЕЙ ИОАНН КУДЛАСЕВИЧ, СЕВАСТЬЯНОВА С.К.,
СМИРНОВА И.Ю., ФЕДОРОВА И.В., ЧЕРНЕНИЛОВА Л.М.
От Иерусалима до Нового Иерусалима. К 200-летию со дня
рождения архимандрита Леонида (Кавелина).
Коллективная монография. Отв. ред. Л. А. Беляев.
М.: Институт археологии РАН, 2022. — 448 с.: ил.
ISBN 978-5-94375-357-2**

К. А. Вах, С. Ю. Житенёв

Вышедшая в свет в 2022 г. монография о церковном служении и ученых трудах архимандрита Леонида (Льва Александровича Кавелина, 20.02.1822 — 22.10.1891), историка, археографа, писателя, почетного члена ИППО и члена-корреспондента Санкт-Петербургской Академии наук — долгожданное событие. Жизнь этого истинного подвижника науки (и церковной, и светской) связала воедино Православную Россию со Святой Землей, историю многих монастырей, храмов, церковных архивов, древлехранилищ, библиотек с христианской топографией Иерусалима, с изучением богослужения и паломничества.

Личная биография отца Леонида действительно увлекательна, она заполнена трудами благоустроительными, дипломатическими, научными, литературными и иными. Бесчисленное множество событий его личной биографии, на первый взгляд случайных, соединяются в логически сотканную сеть достижений на благо русской науки, культуры, Православной Церкви. В этом поистине изобильном наследии непросто разобраться. Поэтому коллектив авторов заслуживает одобрения уже за одну предпринятую попытку реконструировать значительную часть творческой биографии отца Леонида как ученого и деятеля Церкви, а в силу этого — и Российского государства. Соавторы книги объединились не случайно: их исследования трудов архимандрита Леонида хорошо известны, все они, в меньшей или большей степени, занимаются его биографией, а также анализом исторических событий середины — второй половины XIX в. на обширном пространстве от Центральной России до Сирии и Палестины.

Для нас важно, что они сосредоточили усилия именно на периоде ранней биографии и начала служения отца Леонида, основные усилия направив на исследование его работы в Святой Земле и на Православном Востоке в целом, а также неразрывно связанной с ним деятельности в Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре (хорошо известном как образец трансфера евангельской топографии и христианской архитектуры в Россию начала Нового времени).

Состав авторов далеко не случаен: инициатива издания труда принадлежит группе исследователей, которая сложилась, как научный коллектив, в ходе возрождения в 2010-х гг. уникальной по истории и архитектуре Ново-Иерусалимской обители. Понятно, что в состав коллектива, в качестве научного редактора, включен активный исследователь византийских древностей Святой Земли, известный учёный, член МОО «ИППО», Леонид Андреевич Беляев. Именно им исследована археология, как Нового Иерусалима, так и русских участков в Палестине (в чем можно видеть определенную параллель с деятельностью самого отца Леонида (Кавелина)).

Имеет непосредственное отношение к работе по восстановлению Воскресенского монастыря и выпускающий редактор, один из авторов книги, Светлана Измайловна Баранова. Ей принадлежит концепция создания исключительно современного и полнокровного экспозиционного организма, вдохнувшего новую жизнь в созданный еще в XIX в. отцом Леонидом «Музей Святейшего Патриарха Никона», залы которого наполнены теперь полученной при раскопках археологической коллекцией. В соавторстве с Ларисой Михайловной Чернениловой, научным сотрудником «светского» музея «Новый Иерусалим», им удалось предметно восстановить казавшуюся навсегда утраченной коллекцию церковно-археологического музея XIX в., созданного отцом Леонидом.

В составе авторов, однако, не только «новоиерусалимцы». Огромен труд, вложенный в книгу биографом отца Леонида (Кавелина), иереем Иоанном Кудласевичем. Ему принадлежат разделы о начале церковного служения героя книги (о жизни до вступления в монашество и о послушании в Оптиной пустыни), а также большие части разделов о деятельности (пастырской, церковно-дипломатической, научной) на Православном Востоке и, по возвращении, деятельности как настоятеля Ново-Иерусалимского монастыря. Базовую для монографии главу о иерусалимском периоде жизни архимандрита, его участии в 1857–1865 гг. во вновь образованной Русской Духовной Миссии в Иерусалиме написала Ирина Юрьевна Смирнова, известный специалист по истории церковной дипломатии Российской Империей на Ближнем Востоке.

Особой ценностью для всех изучающих историю паломничества в Святой Земле обладает глава, написанная общепризнанным авторитетом в области изучения древнерусских хождений, Ириной Владимировной Федоровой, в которой рассмотрена, в числе прочего, недооцененная роль

архимандрита Леонида в анализе и введении в научный оборот известнейшего памятника отечественной (и, несомненно мировой) паломнической литературы, «Хождения игумена Даниила».

Нельзя не сказать и о заслугах организаторов издания исследования, заместителя председателя Фонда по восстановлению Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря, Е.Е. Селютиной, и самой обители, в лице наместника, архимандрита Феофилакта (Безукладникова), давшим возможность появиться на свет замечательной книге и возглавившим редакционный совет.

Важное достоинство книги в том, что стремление сделать ее доступной и увлекательной для непрофессионалов не помешало авторам превратить ее в глубоко научный, фундаментальный труд. Для ее составления использован огромный новый архивный материал, собранный авторами. Более того — в ней есть источниковедческий раздел, где впервые публикуются и анализируются два важных исторических документа, составленных в 1875 году под руководством архимандрита Леонида: Главная опись Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря (подготовлена к печати историком наследия Патриарха Никона, Светланой Климентьевной Севастьяновой), и Опись «Музея Святейшего Патриарха Никона».

Фундаментальный характер книги сказывается даже в подборе иллюстраций. Среди них не только привычные, хотя и необходимые, видовые гравюры и фотографии, но и внушительная подборка архивных листов, а также важные для понимания сути исследования ранее не публиковавшиеся снимки предметов из музейной коллекции архимандрита Леонида. Следует заметить, что и к такому сложному вопросу, как идентификация портретов архимандрита Леонида, авторский коллектив подошел с абсолютно необходимых сейчас критических позиций, добившись включения в книгу только тех изображений, которые прошли процедуру музейной атрибуции (в настоящее время в сети предлагается довольно значительный объем недостоверных изображений церковных иерархов XIX в., некоторые из которых смогли закрепиться даже на сайтах научных учреждений).

Закрывая книгу, невольно жалеешь, что коллектив взял на себя изучить и описать жизнь и труды архимандрита Леонида (Кавелина) только до его перевода в другую, Троице-Сергиеву, обитель, то есть до 1872 г. За пределами исследования остается еще почти два десятилетия. Как хорошо известно, наполненных новыми трудами — в эти годы неутомимый ученый создал еще целый ряд научных сочинений. Авторы объясняют, что стремились оставить пространство для специальной работы о «троице-сергиевском периоде архимандрита Леонида», и ждут ее появления. Можно к этим ожиданиям присоединиться.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

СТЕПАШИНУ СЕРГЕЮ ВЛАДИМИРОВИЧУ ИСПОЛНИЛОСЬ 70 ЛЕТ

Степашин Сергей Вадимович, член МОО «ИППО» с 2007 г., Председатель Общества с 2007 г. по н/в, государственный советник юстиции Российской Федерации, генерал-полковник, председатель Счётной палаты РФ в 2000–2013 гг., председатель наблюдательного совета государственной корпорации «Фонд содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства» с 2014 г. по н/в, известный государственный и общественный деятель, паломник в Святой Земле.

Родился 02 марта 1952 г. в г. Порт-Артуре, в семье морского офицера. В 1973 г. окончил Высшее политическое училище МВД СССР, в 1981 г. — Военно-политическую академию, в 1985 г. аспирантуру Ленинградского государственного университета, в 2002 г. — Финансовую Академию при Правительстве РФ. Кандидат исторических наук, доктор юридических наук, профессор. Автор 16 монографий по истории МВД РФ, органов правопорядка и государственного контроля, по современной концепции государственной и экономической безопасности России. В 1990–1993 гг. — народный депутат РСФСР, председатель Комитета Верховного Совета РФ по вопросам обороны и безопасности. В 1993–1999 гг. на государственной службе: первый заместитель Министра безопасности, директор Федеральной службы контрразведки, директор Федеральной службы безопасности, Министр юстиции, Министр внутренних дел России. В 1999 г. — первый заместитель Председателя Правительства Российской Федерации — Министр внутренних дел, Председатель Правительства Российской Федерации. После избрания в декабре 1999 г. депутатом Государственной думы РФ возглавлял Комиссию по борьбе с коррупцией. В 2000–2013 гг. он являлся председателем Счётной палаты РФ.

На Общем собрании МОО «ИППО», посвящённом 125-летию Общества, 14 июня 2007 г., С.В. Степашин, кандидатура которого была

одобрена Президентом РФ В.В. Путиным и получила благословение Святейшего Патриарха Алексия II, был единогласно избран Председателем Общества. Это позволило придать динамический характер деятельности МОО «ИППО» на различных направлениях в России и за рубежом. В апреле 2009 г. проблемы и перспективы работы МОО «ИППО» впервые обсуждались на совместном заседании Совета и Комитета почётных членов Общества, который возглавляет Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Особое внимание Председатель Общества уделяет развитию отношений с Зарубежным ППО, регулярно общается с его Председателем, архиепископом Берлинским и Германским Марком, с которым подписано Соглашение о совместной деятельности. С.В. Степашину принадлежит большой личный вклад в размораживание процесса восстановления прав Российского государства на объекты собственности ИППО в Святой Земле. Он несколько раз в год посещает Ближний Восток, постоянно встречается с лидерами стран Библейского региона по вопросам, связанным с восстановлением русского политического, духовного и гуманитарного присутствия. Его прямое участие в переговорах с правительствами Израиля и Палестины, чёткая последовательная позиция в отстаивании национальных интересов активно способствовали возвращению Сергиевского подворья в Иерусалиме (2008), трёх земельных участков в Иерихоне и передаче участка в Вифлееме — для строительства российского Культурно-образовательного центра. В октябре 2010 г. российская делегация, которую возглавлял С.В. Степашин, приняла участие в праздновании 10-тысячелетия Иерихона, во время которого посетила Музейно-парковый комплекс, построенный Россией на историческом участке ИППО и находящийся под патронатом Общества.

В ноябре 2011 г. С.В. Степашин возглавил Международную научную конференцию «Императорское Православное Палестинское Общество. К 130-летию со дня основания», которая прошла в Институте российской истории РАН, и выступил на ней с большим докладом. Открывая юбилейную конференцию, он сказал: «Иерусалим и Палестина — редкое, может быть, единственное на свете место, где небо сближается с землей, политические интересы совпадают с церковными, научные с практическими, паломнические с хозяйственными, экономическими. Именно на этом уникальном историческом перекрёстке работает вот уже 130 лет Императорское Православное Палестинское Общество — старейшая в России научная и гуманитарная неправительственная организация, деятельность и наследие которой уникальны по своему значению в истории отечественной национальной культуры». В январе 2012 г. в Москве глава ПНА М. Аббас вручил С.В. Степашину знак Почётного гражданина Палестины как признание «высокой оценки его усилий по укреплению исторической палестино-российской дружбы и постоянного стремления укреплять роль и присутствие России на земле Мира».

05 июня 2012 г. С.В. Степашин возглавил торжественную церемонию открытия Международной юбилейной выставки «Россия в Святой Земле: к 130-летию сотрудничества ИППО с народами Ближнего Востока», которая проходила в ЦВЗ «Манеж». Там же на выставке Сергей Вадимович выступил с докладом на Международном форуме «Россия на Ближнем Востоке — народная дипломатия, политика и культура: к 130-летию Императорского Православного Палестинского Общества». 26 июня 2012 г. Президент РФ В.В. Путин, глава ПНА М. Аббас, Министр иностранных дел РФ С.В. Лавров и Председатель ИППО С.В. Степашин приняли участие в открытии Российского центра науки и культуры в Вифлееме, размещённого на базе Центра ИППО. Сергей Вадимович, возглавляющий Российский книжный союз, содействовал передаче в библиотеку Центра более 2 тыс. книг на русском языке. Благодаря поддержке и личным усилиям С.В. Степашина, в ноябре 2013 г. был открыт в Москве в Центре ИППО Музей истории Общества, который с тех пор принимает многочисленные группы экскурсантов, туристов и паломников. В 2012–2014 гг. Общество под руководством С.В. Степашина продвинулось в расширении международных контактов с главами ближневосточных государств, с Патриархами Восточных Православных Церквей, государственными, религиозными и общественными деятелями. С.В. Степашин в феврале 2014 г. был принят Папой Римским Франциском, встреча с которым открыла для ИППО новые возможности для сотрудничества в гуманитарной сфере и в вопросах культурного обмена с католическим миром.

С.В. Степашин провёл встречу в Дамаске 02 апреля 2014 г. с Президентом САР Башаром Асадом, которому он передал устное послание Президента РФ Владимира Путина. В беседе с Президентом Сирии С.В. Степашин заявил, что истекающая кровью земля Сирии, колыбель христианства, должна, наконец, обрести долгожданный мир. При активной поддержке С.В. Степашина московские члены МОО «ИППО» в 2014–2015 гг. активно собирали, сопровождали и доставляли гуманитарные грузы в Сирию для поддержки народа этой страны. На Третьей конференции МОО «ИППО» в июне 2014 г. С.В. Степашин обратился с «Заявлением о гуманитарной ситуации на Юго-Востоке Украины» с призывом от имени Общества к российским гражданам принять участие в сборе средств для поддержания мирных жителей Юго-Востока Украины. Многие члены МОО «ИППО» по всей стране приняли активное участие в сборе благотворительной помощи для мирных жителей ДНР и ЛНР. С.В. Степашин уделяет большое внимание вопросам развития религиозного туризма и православного паломничества в Обществе. В 2015 г. была принята и подписана «Программа совместных действий Министерства культуры Российской Федерации и Императорского Православного Палестинского Общества по развитию религиозного туризма и паломничества в 2015–2020 гг.». Программа была создана

и разработана по инициативе Председателя ИППО С.В. Степашина. В рамках реализации указанной программы в 2016 г. по решению Сергея Вадимовича был создан Паломнический центр ИППО «Святая Земля». В 2016 г. в Москве С.В. Степашин выступил с большим аналитическим докладом на VII Всероссийском семинаре руководителей региональных отделений ИППО. Он активно содействует созданию и развитию зарубежных отделений и представительств. С.В. Степашин продолжает участвовать в научно-просветительской деятельности Общества.

В феврале 2017 г. в Зале Церковных Соборов Храма Христа Спасителя состоялась конференция «Февраль. Трагедия. Уроки истории. 1917 год», одним из организаторов и участников которой выступило МОО «ИППО». С.В. Степашин завершил своим выступлением эту конференцию, выделив наиболее важные исторические уроки, которые граждане России должны вынести из трагических событий вековой давности. Он призвал собравшихся в зале не забывать эти исторические уроки, чтобы не повторять их в будущем. При активной поддержке С.В. Степашина в 2016 г. в Москве в Центре ИППО открылась Научная библиотека Общества. Также по инициативе Председателя ИППО формируется научно-исторический архив Общества. При активном участии Сергея Вадимовича ведётся издательская программа Общества. За годы председательства в МОО «ИППО» С.В. Степашина укрепились отношения Общества с Предстоятелями Православных Церквей на Ближнем Востоке, установились прочные контакты Общества с государственными структурами стран Библейского региона. Общество тесно сотрудничает с государственными организациями по восстановлению прав на русские объекты и участки на Святой Земле.

Под руководством С.В. Степашина и при прямой его поддержке существенно расширилась сеть российских отделений и зарубежных представительств Общества, реализуются новые масштабные проекты. Под руководством С.В. Степашина Общество стало широко известной и авторитетной в России и мире современной общественной организацией. В многочисленных поздравлениях С.В. Степашину звучали пожелания крепкого здоровья, благополучия, неиссякаемой энергии, счастья, оптимизма, семейного благополучия и новых благородных свершений во имя России!

Богданову Михаилу Леонидовичу исполнилось 70 лет

Богданов Михаил Леонидович, член МОО «ИППО» с 2011 г., член Совета и заместитель Председателя Общества с 04 июня 2012 г. по н/в, заместитель министра иностранных дел РФ, Специальный представитель Президента Российской Федерации по Ближнему Востоку и странам Африки, паломник в Святой Земле.

Родился 02 марта 1952 г. в Москве, в 1974 г. окончил МГИМО МИД СССР. На дипломатической службе с 1974 г, работал на различных должностях в центральном аппарате МИД и посольствах за рубежом: в 1974–1977 гг. — стажёр, атташе посольства СССР в Народной Демократической Республике Йемен; в 1977–1980 гг. — атташе посольства СССР в Ливанской Республике; в 1980–1983 гг. — третий секретарь Отдела стран Ближнего Востока МИД СССР; в 1983–1989 гг. — второй секретарь, первый секретарь, советник посольства СССР в Сирийской Арабской Республике; в 1989–1991 гг. — советник, заведующий отделом Управления стран Ближнего Востока и Северной Африки МИД СССР; в 1991–1994 гг. — советник-посланник посольства СССР/России в Сирийской Арабской Республике; в 1994–1997 гг. — заместитель директора Департамента Ближнего Востока и Северной Африки МИД России; в 1997–2002 гг. — посол Российской Федерации в Государстве Израиль; в 2002–2005 гг. — директор Департамента Ближнего Востока и Северной Африки МИД России; в 2005–2011 гг. — посол Российской Федерации в Арабской Республике Египет, Полномочный Представитель Российской Федерации при Лиге арабских государств.

12 июня 2011 г. М.Л. Богданов был назначен заместителем министра иностранных дел Российской Федерации, в январе 2012 г. — специальным представителем Президента Российской Федерации по Ближнему Востоку, в октябре 2014 г. — специальным представителем Президента Российской Федерации по Ближнему Востоку и странам Африки. Курирует в МИД

РФ вопросы отношений России со странами Ближнего Востока и Африки, Организацией исламского сотрудничества (ОИС) и другими международными мусульманскими организациями, взаимодействия с российскими мусульманскими организациями, а также проблематику ближневосточного урегулирования. Имеет ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла. Кандидат исторических наук. Владеет арабским и английским языками. В 2012 г. на Второй отчётно-выборной конференции МОО «ИППО» Михаил Леонидович был избран членом Совета и заместителем Председателя Общества, который курирует вопросы международной деятельности МОО «ИППО». М.Л. Богданов неперенный участник конференций, заседаний Совета и значимых мероприятий Общества. Он принимает активное участие в работе по возвращению зарубежных объектов ИППО в собственность Российской Федерации.

С.В. Степашин от имени Совета МОО «ИППО» сердечно поздравил Михаила Леонидовича с юбилеем и пожелал ему неиссякаемой энергии и оптимизма, крепкого здоровья, радости, семейного благополучия и вдохновения для новых свершений на благо России.

ПАМЯТИ ПОЧИВШИХ

**НАЗАРЕНКО АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
(1948–2022),
РУКОВОДИТЕЛЬ НАУЧНОЙ СЕКЦИИ
МОО «ИППО»**

Ранним утром на Крещение Господня, 19 января 2022 года, после продолжительной и тяжёлой болезни ушёл из жизни Александр Васильевич Назаренко, руководитель Научной секции МОО «ИППО» с 2004 г., член Общества с 1997 г., член Совета МОО «ИППО» с 2003 г.

Александр Васильевич Назаренко (16.01.1948 — 19.01.2022), известный российский учёный, филолог и историк, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, председатель Научного совета РАН «Роль религии в истории», специалист по истории Средних веков, Древней Руси и РПЦ, паломник в Святой Земле.

Он родился в г. Паневежис Литовской ССР, окончил романо-германское отделение филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Работал старшим, затем ведущим научным сотрудником Института всеобщей истории РАН. В 1989 г. он защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата исторических наук по теме «Русь и Германия во второй половине X века». В 1996 г. защитил диссертацию на соискание учёной степени доктора исторических наук по теме «Древняя Русь и Запад: русско-немецкие связи IX-XII веков». В 1990-х гг. А.В. Назаренко участвовал в подготовке комментариев к переизданию «Истории Русской Церкви» митрополита Макария (Булгакова). С того времени Александр Васильевич участвовал в работе над «Православной энциклопедией» в качестве автора, рецензента, куратора раздела по истории Русской Церкви до XIII в., члена Церковно-научного совета. В 2001 г. он стал лауреатом премии митрополита Макария (Булгакова) — за монографию «Древняя Русь на международных путях». До последнего дня жизни он работал главным научным сотрудником Института российской истории РАН, где с 2012 г. возглавлял Центр истории религии и Церкви.

Александр Васильевич был многолетним активным сотрудником и деятелем МОО «ИППО», с 2004 г. — членом редакционной коллегии

Православного Палестинского Сборника. В ноябре-декабре 2004 г. он входил в состав официальной делегации МОО «ИППО», которая совершила длительную поездку по странам Библейского региона, посетив Грецию, Афон, Израиль, Палестину и Египет, проведя с руководителями и представителями государственных и дипломатических ведомств, а также церковных и общественных организаций важные переговоры о сотрудничестве и взаимодействии по восстановлению влияния Общества на Ближнем Востоке. Он был участником международных научных конференций МОО «ИППО» в Баламанде (1997), Назарете (1997), Иерусалиме (2005), а также — непременным участником большинства конференций, собраний и мероприятий, организованных Научной секцией Общества. В 2018–2022 гг. А.В. Назаренко являлся руководителем экспертной комиссии по проведению совместного научного конкурса ИППО-РФФИ «Россия и Ближний Восток: исторические, политические, археологические и культурные контакты и связи» («Палестина»). Он был многолетним членом редакционного совета журнала «Православный паломник» и редколлегии журнала «Древняя Русь. Вопросы медиевистики». Автор более 300 научных публикаций, в том числе 7 монографий, научных статей, рецензий и переводов. В 2010 г. вышел юбилейный сборник в честь А.В. Назаренко «История: дар и долг».

В последние годы, несмотря на тяжёлую болезнь, Александр Васильевич продолжал активно работать, писал научные тексты, принимал участие в заседаниях Совета МОО «ИППО», выступал с докладами на конференциях и собраниях Научной секции Общества.

Все мы потеряли близкого друга и соратника, научного лидера Общества, крупного русского учёного и видного общественного деятеля. Вечная память!

АВТОРЫ СТАТЕЙ И ПУБЛИКАЦИЙ

Алексеев Алексей Иванович, заведующий отделом рукописей Российской национальной библиотеки, доктор исторических наук.

Балдин Кирилл Евгеньевич, председатель Ивановского отделения МОО «ИППО», профессор Ивановского государственного университета, доктор исторических наук.

Беляев Леонид Андреевич, член МОО «ИППО», член-корреспондент РАН, заведующий отделом археологии Московской Руси в Институте археологии РАН, главный редактор журнала «Российская археология», доктор исторических наук.

Бутова Ритта Борисовна, член МОО «ИППО», секретарь Научной секции МОО «ИППО», член Редакционной коллегии ППС, старший научный сотрудник Института российской истории РАН, кандидат исторических наук.

Ванькин Евгений Владимирович, член МОО «ИППО», председатель местного Академического отделения Общества в г. Москве, член Совета Московского регионального отделения МОО «ИППО», член Союза писателей России.

Вах Кирилл Алексеевич, член МОО «ИППО», заместитель руководителя Научной секции МОО «ИППО», член Совета Московского отделения Общества, генеральный директор Научно-издательского центра «Индрик», член Редакционной коллегии ППС.

Герд Лора Александровна, член МОО «ИППО», ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, доктор исторических наук.

Горайко Андрей Владиславович, член МОО «ИППО», главный библиотекарь Пензенская областная библиотека им. М.Ю. Лермонтова, преподаватель Пензенской Духовной семинарии.

Додонов Борис Федорович, главный специалист Государственного архива Российской Федерации, кандидат исторических наук.

Житенёв Сергей Юрьевич, руководитель Научной секции МОО «ИППО», ответственный редактор Редакционной коллегии ППС, советник директора Российского НИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва, кандидат культурологии.

Кожин Владислав Владимирович, главный хранитель Крымского литературно-художественного мемориального музея заповедника в Ялте.

Кондаков Юрий Евгеньевич, профессор кафедры истории РГПУ им. А.И. Герцена, доктор исторических наук.

Копылова Ольга Николаевна, начальник отдела Государственного архива Российской Федерации, кандидат исторических наук.

Лукина Ксения Александровна, ведущий специалист Государственного архива Российской Федерации.

Мельчакова Ксения Валерьевна, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, кандидат исторических наук.

Петрунина Ольга Евгеньевна, профессор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, доктор исторических наук.

Сарабьев Алексей Викторович, член МОО «ИППО», ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук.

Смирнова Ирина Юрьевна, член Редакционной коллегии Православного Палестинского Сборника, ученый секретарь Центра истории религии и Церкви и ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, доктор исторических наук.

Степашин Сергей Вадимович, Председатель ИППО, председатель Редакционной коллегии ППС, президент Российского книжного союза, председатель Ассоциации юристов России, кандидат исторических наук, доктор юридических наук.

Талалай Михаил Григорьевич, член МОО «ИППО», учёный и общественный деятель, сотрудник представительства МОО «ИППО» в г. Бари, в Италии, кандидат исторических наук.

Фомин Олег Иванович, член Совета МОО «ИППО», заместитель руководителя Международной секцией Общества, кандидат исторических наук.

Хвалин Андрей Юрьевич, член МОО «ИППО», писатель, историк, общественный деятель, автор проекта «Имперский архив».

Цысь Валерий Валентинович, председатель Ханты-Мансийского регионального отделения МОО «ИППО», заведующий кафедрой истории России Нижневартковского государственного университета, доктор исторических наук.

Цысь Ольга Петровна, секретарь Ханты-Мансийского отделения МОО «ИППО», доцент Нижневартковского государственного университета, кандидат исторических наук.

Шарков Илья Геннадиевич, член МОО «ИППО», историк, религиовед, секретарь Ростовского регионального отделения ИППО, епархиальный древлехранитель Шахтинской епархии РПЦ МП, старший преподаватель Донского государственного технического университета в г. Шахты.

Якушев Михаил Михайлович, член МОО «ИППО», российский дипломат, учёный, историк, специалист по истории русского православного паломничества, кандидат исторических наук.

Научное издание

ПРАВОСЛАВНЫЙ ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

Выпуск 120

Ответственный редактор
С.Ю. Житенёв

Издано в 2022 году

Оригинал-макет *А.С. Старчеус*

Издательство «Индрик»

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by

**e-mail: market@indrik.ru
or by tel./fax: +7 977 905-58-01**

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 9538005

Формат 70×100 ¹/₁₆. Печать офсетная.

26,0 п.л. Тираж 500 экз.

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

www.chpd.ru, sales@chpk.ru, 8(495)988-63-87